ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Центр по изучению традиционалистских направлений
в русской литературе Нового времени

СЛАВЯНОФИЛЬСКИЙ АРХИВ

Книга вторая

РАЗУМЕВАЮЩИЕ ВЕРОЙ

Переписка Н. П. Гилярова-Платонова
и К. П. Победоносцева
(1860—1887)

Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ

НЕЧТО О РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ОБЕР-ПРОКУРОРСТВО К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА

*Вступительная статья, составление,
подготовка текстов и комментарии*
А. П. Дмитриева

Росток

Санкт-Петербург
2011

ББК Ш6(2=Р)52-303
УДК 821.161.1-4«18»
Р11

Ответственный редактор:
д-р филол. наук *Б. Ф. Егоров*
Рецензенты:
д-р филол. наук *В. А. Котельников*
д-р филол. наук *В. А. Викторович*

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 08-04-00106а («Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова: подготовка комментированного издания сочинений и писем») и Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей»

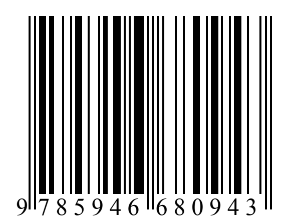
Издано при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-04-16127д)

Р11 **Разумевающие верой**: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860—1887); Прил.: *Н. П. Гиляров-Платонов.* Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева / Вступ. ст., сост., подг. текстов и коммент. А. П. Дмитриева. — СПб.: ООО «Издательство „Росток“», 2011. — 510 с.: ил.

В книге впервые публикуется двусторонняя переписка выдающихся русских мыслителей, литераторов и религиозно-общественных деятелей Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева, на протяжении более чем четверти века соединенных приятельскими отношениями, начало которым было положено в атмосфере славянофильских надежд рубежа 1850—1860-х гг. Наводящая мосты между двумя российскими столицами переписка либерального цензора, управляющего Синодальной типографией, впоследствии редактора крупной газеты в Москве, с влиятельным при Дворе сенатором, позднее синодальным обер-прокурором позволяет по-новому взглянуть на многие события литературно-общественной жизни переломного периода русской истории, а поднятые в ней проблемы сохраняют свою живую актуальность и сегодня. В качестве приложения публикуется уникальная историко-публицистическая книга Н. П. Гилярова-Платонова «Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева» (Лейпциг, 1887) — по одному из двух ее экземпляров, которые удалось отыскать в российских книгохранилищах.

Издание снабжено обширным комментарием и иллюстрациями и рассчитано на широкий круг любителей русской истории и культуры.

ISBN 978-5-94668-094-3

«В ЦЕРКВИ ГЛАВНЫЕ ВОПРОСЫ НАШИ...»

(Н. П. Гиляров-Платонов и К. П. Победоносцев в их взаимоотношениях, переписке и суждениях друг о друге)

Как известно, в феврале 1886 г., вскоре после кончины признанного главы славянофильства И. С. Аксакова, обер-прокурор Св. Синода Константин Петрович Победоносцев (1827—1907), ученый-правовед и религиозный мыслитель, откликнулся на эту горестную для русской культуры утрату прочувствованным мемуарным некрологом «Аксаковы»[1], о чем в день выхода его из печати известил своего московского приятеля и давнего корреспондента Никиту Петровича Гилярова-Платонова (1824—1887), видного публициста славянофильского направления, редактировавшего одну из наиболее авторитетных ежедневных газет того времени — «Современные известия»: «Кончина И. С. Аксакова глубоко огорчила меня. Вы близко знали его и потому хорошо понимаете, что его не заменишь, а в Москве без него совсем пусто. Чувствуя потребность сказать об нем вкратце, я написал урывками, перед сном, статейку об Аксаковых, которая и пущена в сегодняшнем № „Гражданина“»[2].

На ответ Гилярова[3] (он, вероятно, не сохранился), содержавший просьбу воспроизвести некролог в его газете, 24.II.1886 г. последовало новое письмо Победоносцева: «Очень рад, достопочтенный Никита Петрович, что моя статейка об Аксаковых, от души написанная, пришлась Вам по душе. Рад и тому, что Вы ее перепечатываете, ради большего распространения. Люди эти достойны, чтобы память об них жила, ибо, в сущности, были они люди не партии, а люди правды, и притом русской правды» (п. 78).

Однако не менее нежели к И. Аксакову это удивительно емкое выражение — *люди русской правды* — приложимо и к Гилярову, и, безусловно, к самому Победоносцеву. Самоочевидное свидетельство тому — их живые голоса, которые сохранила нам двусторонняя переписка мыслителей, дошедшая до нас пусть и не в полном своем составе, но, судя по всему, с небольшими потерями. Этот один из наиболее важных для изучения биографии и творчества как Гилярова, так

---

[1] Гражданин. 1886. № 12. 9 февр. С. 1—3, с подписью: *К. П.*

[2] ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 57. Л. 1. В наст. изд. — письмо 77 (далее — сокращенно: п. 77).

[3] В дальнейшем фамилия Гилярова-Платонова будет указываться сокращенно, без второй части, — как это принято было среди его современников во 2-й половине XIX в. — начале XX в.

и Победоносцева эпистолярных комплексов до сих пор не опубликован в сколько-нибудь полном объеме [4].

Охватывает переписка большой, 27-летний, период — с 1860 по 1887 г. Нам удалось обнаружить 88 писем (33 Гилярова и 55 Победоносцева); они хранятся разрозненно — в архивах Петербурга и Москвы, причем большинство их — в виде не только чистовых автографов, но и копий, выполненных кн. Шаховским, а некоторые — также в черновых вариантах; не исключено, что дальнейшие архивные разыскания увенчаются успехом и в будущем удастся обнаружить недостающие письма, отсутствие которых иногда прерывает для нас нить оживленного разговора о самом главном, что волновало двух собеседников, — о России, о вере, о судьбе русского слова. Более всего этот эпистолярий ценен содержащимися в нем откровенными характеристиками различных лиц и событий и интереснейшими суждениями по острым церковно-общественным вопросам.

О том, когда познакомились Гиляров с Победоносцевым, последний сообщал в письме к кн. Шаховскому от 29.I.1898 г., отвечая на его прямой вопрос: «Время моего знакомства с Гиляровым определяется годом издания „Христианского начала семейной жизни“ — книги, которую цензуровал Гиляров» [5]. Речь идет об анонимно опубликованном Победоносцевым переводе сочинения немецкого теолога Г. В. Тирша «Христианские начала семейной жизни» (М., 1861). Цензурное разрешение подписано Гиляровым, в тот период служившим в Московском цензурном комитете, 19.XII.1860 г. Причем он, как ему было свойственно всегда, отнесся к делу далеко не формально: правил стиль, исклю-

---

[4] Извлечения из этой переписки (с частичным пересказом) впервые были напечатаны в свое время гиляровским биографом и учеником кн. Н. В. Шаховским во вступительной статье к подготовленному им двухтомнику сочинений мыслителя (см.: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов // *Сб. соч.* Т. I. С. XXVII—XXXI, XXXIV—XXXVI, LI—LII). Следует упомянуть и недавнюю публикацию шести писем Победоносцева к Гилярову, осуществленную В. В. Ведерниковым, но, к сожалению, грешащую ошибочными прочтениями (см.: *«Будь тверд и мужествен...»* С. 324—326). Поправим уважаемого публикатора, сообщившего (без ссылок на документы), что Шаховской «готовил переписку Н. П. Гилярова-Платонова с К. П. Победоносцевым к изданию» (Там же. С. 384). В качестве контраргумента приведем собственное признание Шаховского в его письме к другу юности Гилярова фольклористу П. А. Бессонову от начала сентября 1893 г. (дата установлена нами предположительно: мы основывались на том, что Шаховской, отвечая на письмо Бессонова из Харькова от 29.VIII.1893 г., не имел поводов медлить): «...это лето я был занят собственноручным списыванием писем к Н<иките> П<етровичу>, сохранивших<ся> черновиков его писем и подлин<ников>, [переданной переписки] переданных мне его друзьями, к коим я за сим лично обращался. — В числе послед<них> — К. П. Победоносцев — мне передал огромное количество пис<ем> к нему Н<икиты> П<етровича>, заключающих в себе большею частию материал, не подлежащий оглашению, но знание которого для биографа необходимо» (РНБ. Ф. 847. № 68. Л. 6 об.).

[5] Там же. № 148. Л. 11.

чал некоторые «неудобные» места, а иные переписывал или снабжал подстрочными примечаниями. Возвращая Победоносцеву его труд, в сопроводительной записке от 21.XII.1860 г. Гиляров полушутливо пенял автору (видимо, по поводу их частых встреч и бесед в этот период), что все же остаются сомнения и «нужно смягчить или изменить места, но дума об этом отнимет еще несколько времени; а Вы и так зело мучили меня своим *хождением*» (п. 1). Завязалось знакомство еще весной, и зиждилось оно тогда во многом на общности взглядов на цензуру — на том славянофильском убеждении, что Россия остро нуждается в свободе слова. 15.IV.1860 г. Победоносцев писал К. Д. Кавелину: «Цензура у нас стала просто черным кабинетом. Щербинин вместе с зятем своим Прибылем терзают и режут все печатное; циркуляры сыплются один за другим из П<етер>бурга, и каждый из них дышит духом ancien régime [6]. Драшусова уж отставили. Единственный затем толковый цензор — Гиляров — убирается вон заблаговременно. Литературе нашей очень плохо приходится. Кажется, именно московская литература привлекает все эти громы. А какой-нибудь „Современник" с своими балаганными глумлениями, верно, будет процветать по-прежнему» [7].

В дальнейшем Гиляров и Победоносцев оставались приятелями: после переезда последнего в Петербург регулярно переписывались. По смерти Гилярова, с 1899 по 1906 г., Победоносцев — случай для него исключительный! — издал на свои личные средства восемь сборников статей и отдельных работ бывшего приятеля, подготовленных к печати кн. Шаховским: два двухтомника — «Сборник сочинений» (М., 1899—1900) и «Вопросы веры и Церкви» (М., 1905—1906), а также книги и брошюры: «Университетский вопрос» (СПб., 1903), «Экскурсии в русскую грамматику», «Откуда нигилизм?» (обе — М., 1904) и «Еврейский вопрос в России» (СПб., 1906) [8].

Публикуемые ниже письма начинаются подборкой, датируемой 1860-ми гг. и освещающей первое десятилетие приятельских отношений Гилярова и Победоносцева. Этот эпистолярий относится к наименее изученному периоду биографии Гилярова, когда он, неожиданно для всех отказавшись от стези писателя — и *учено-литературной* (а ранними трудами 1850-х гг. он заявил о себе как о многообещающем богослове, историке, социологе), и *публицистической* и *литературно-критической* (его яркие статьи о творчестве С. Т. Аксакова, инока Парфения (Агеева) и Н. С. Кохановской, помещавшиеся в «Русской беседе»,

---

[6] старого режима (*фр.*)

[7] ИРЛИ. Сигн. 20 627. Л. 1 об. Впервые опубл. В. В. Ведерниковым в изд.: Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек: Материалы Междунар. юбил. науч. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины К. П. Победоносцева. СПб., 2007. С. 215 (с несколькими неверно разобранными словами в этом фрагменте).

[8] Обстоятельства подготовки гиляровских произведений к печати содержатся в сохранившейся в РНБ переписке Победоносцева и кн. Шаховского (РНБ. Ф. 847. № 75—78, 147—155).

стали общепризнанными эстетическими манифестами славянофильства), — с головой ушел в сугубо практическую деятельность, которую понимал как честное Служение (именно так, с большой буквы!) отечеству и русскому народу. Такое Служение в области литературы уже не могло вполне удовлетворять его, так как после кратковременной «эпохи гласности» зримо и неотвратимо сужались рамки дозволенной начальством *свободы слова.* Во многом не соглашавшийся с друзьями-славянофилами, в этом требовании он был всегда с ними единомыслен.

Впрочем, в безуспешности своих попыток повлиять словом — научным ли, публицистическим — на ход вещей Гиляров уверился еще до того, как стал цензором Московского цензурного комитета (1856—1862) и одним из ведущих авторов славянофильской «Русской беседы» (1856—1860) [9]. В письме к И. С. Аксакову от 17.III.1855 г. [10] он сообщал (в связи с просьбой гр. Д. Н. Блудова составить докладную записку о положении раскольников): «Следовало бы самому ехать в Петербург, если бы можно было думать, что хоть одно слово упало бы на добрую почву и принесло плод. Но более всего уверен я, что ничего, совершенно ничего не произведешь, даже при добром желании тех, которые меня выслушают: поелику рутина, рутина все разрушит. Но предполагаю я, что и самое желание выслушать мое мнение не есть энергическое желание сделать доброе: а так, маниловское желание: послушаем-ка, как приятно расскажет вот этот человек, как бы хорошо в самом деле сделать то и то!.. и проч. и проч.» [11]

Последующие пять лет интенсивнейшей литературной работы только подтвердили худшие предположения. Гиляров даже начинает думать, что призван скорее к административно-распорядительной деятельности, нежели к умственной, писательской. Тому же И. Аксакову он пишет 28.I.1860 г.: «О себе не имею сказать Вам ничего особенного. Скучно что-то. Какое-то тупое чувство по отношению ко всему засаживается в меня: ни горя, ни радости, ничего... Одно только скажу, что все более и более уверяюсь я, что стою совершенно на ложной дороге; что мне совсем не следовало бы быть писателем, что мыслителем быть вовсе не кстати; что я рожден совсем, кажется, к другому. Мне кажется, я был бы хорошим администратором или полезным конторщиком. Мысль эта уже десять лет сидит во мне, а теперь в особенности становится жива, когда улегаются юношеские порывы и естественные *Anlagen* [12] в особенности становятся ясны. Да, не перестать ли совсем писать? Не исполню ли, может быть, я этим лучше долг к самому себе и к обществу? Обратиться к другой деятельности, более механической: но она будет более плодотворна, ибо на ней больше

---

9 См. подробнее: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов — автор и цензор «Русской беседы» // «Русская беседа»: история славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / Отв. ред. Б. Ф. Егоров, А. М. Пентковский. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010. С. 158—183. (Славянофил. архив; Кн. 1).

10 В письме год не указан, устанавливается по содержанию.

11 РНБ. Ф. 847. № 359. Л. 27—27 об.

12 задатки, предрасположенность к чему-либо (*нем.*)

сделаешь дела в то же самое пространство времени. Умственно-*механическая* работа мне всегда легка: стало быть, я к ней призван» [13].

Кратковременно, всего на год — с июля 1862 г. по август 1863 г., — Гиляров становится чиновником особых поручений V класса при министре народного просвещения А. В. Головнине, которым был отстранен от цензуры без какого-либо специального повода, а на том лишь основании, что «неприлично быть цензором человеку, находящемуся в дружеских отношениях с редакторами и участвующему в литературе» [14]. Гиляров, питавший склонность к трудоемким просветительским проектам, начал было составлять по архивным документам историю Министерства народного просвещения [15]. Неожиданно для него самого ему в феврале—мае 1863 г. довелось стать членом Комиссии для разработки проекта Устава о книгопечатании. Причем Головнин, назначая его, призвал «стараться <...> изыскать средство к большему ограждению интересов литературы и ко введению большей законности вместо административного произвола» [16]. Гиляров для участия в заседаниях Комиссии ездил в Петербург, и «мнения», подаваемые им, способствовали либерализации цензурного законодательства.

Победоносцев жил в тот период в Петербурге — в 1861 г. он, как известно, начал преподавать законоведение наследнику цесаревичу Николаю Александровичу и великим князьям, в их числе будущему императору Александру III (позднее обучал и его старшего сына, венчанного на царство с именем Николай II). Поэтому, вполне вероятно, что, встретившись в Северной столице, приятели обсуждали перипетии законодательных дебатов по проблемам цензуры в устных беседах — по крайней мере, писем этого периода не сохранилось. И. Аксакову же Гиляров писал из Петербурга 24.II.1864 г.: «Окончательно кажется мне, что настоящая Комиссия не сделает ровно ничего нового» [17]. При рассмотрении ряда вопросов Гиляров, по его признанию, «не соглашался, оставаясь с отдельным мнением». Он вспоминал через 10 лет, в письме к А. С. Суворину: «Случилось, однако, что я отвергнул и провалил мнение, поданное одним моим товарищем по поручению министра, при котором я состоял. Дня через три министр мне очень любезно объявил, что место мое, по случаю преобразования, должно остаться *за штатом*» [18].

Гиляров начал активные хлопоты, призывая на помощь симпатизировавших ему лиц из придворных сфер, в частности своего доброго Ангела гр. А. Д. Блудову. Больше всего ему хотелось занять освободившееся к тому времени место

---

13 Там же. Л. 2 об.

14 Письмо Гилярова к гр. Блудовой от 1.VIII.1862 г.: Там же. № 378. Л. 10 об.

15 Сохранился план этого фундаментального исследования; он опубликован кн. Шаховским: *Сб. соч.* Т. II. С. 141—147.

16 Письмо Головнина к Гилярову от 29.I.1863 г. цит. по: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов. С. XXII.

17 Из писем Н. П. Гилярова-Платонова к И. С. Аксакову // Летописец. 1904. № 8. С. 261.

18 *Из пережитого. 2009.* Т. 2. С. 211.

директора Духовно-учебного управления при Св. Синоде[19], он чувствовал в себе достаточно сил, чтобы улучшить систему духовного образования, сведя на нет последствия не вполне продуманных голицынских реформ начала 1840-х гг. Манило его и предложение от трех российских университетов занять вакантную кафедру философии, что давало возможность возобновить столь полюбившуюся ему научно-исследовательскую и профессорскую деятельность[20]. Он почти согласился на службу в Московском университете, но тут ему предстояло делить кафедру с прот. П. А. Преображенским, и он отказался[21].

Стороной, от своего приятеля Ф. В. Чижова, Гиляров узнал о предстоящем освобождении места управляющего московской Синодальной типографией[22]. Он предпринял энергичные действия с целью занять эту должность. Необходима была письменная рекомендация митр. Филарета, но тот не соглашался ее дать, так как вообще не любил проявлять инициативу в подобных делах и ждал, чтобы кандидатуру нового главы Типографии предложил сам обер-прокурор[23]. Тогда Гиляров попросил гр. Блудова (через посредство его дочери) написать владыке и замолвить слово о необходимой протекции[24]. В конце концов хлопоты друзей увенчались успехом, и Высочайшим определением от 20.VIII.1863 г. он был назначен управляющим Типографией.

Впрочем, впоследствии Филарету не пришлось жалеть о своем ходатайстве за своего земляка-коломенца и бывшего бакалавра Московской духовной академии, чью карьеру он в свое время, так сказать, оборвал на полуслове[25]. Гиляров уже был полон масштабных планов по возвращению Синодальной типографии — наследнице старого Печатного двора, т. е. первого очага российского просвещения, — ее былого значения. И во всех этих начинаниях его поддерживал Филарет[26].

---

[19] Ср. его признание в письме к графине Блудовой от 23.XII.1861 г.: «...я мог бы быть особенно полезен на этой должности, которая была бы так мне впору» (РНБ. Ф. 847. № 377. Л. 8).

[20] Гиляров писал Романову-Рцы 15.XI.1886 г.: «Скромность моя отклонила предложение философских кафедр в трех университетах. Теперь я вижу, что скромен был я излишне; но вижу это теперь, когда на кафедры влезли букашки» (*Письма к Романову-Рцы.* С. 288). Помимо Московского, речь шла о предложениях советов С.-Петербургского и Казанского университетов.

[21] См.: Докладная записка — попечителю Московского учебного округа по поводу предложения занять в Московском университете кафедру философии // *РО.* 1896. Т. 42, нояб. С. 456—458.

[22] См. письмо Гилярова к гр. Блудовой от 5.II.1862 г.: РНБ. Ф. 847. № 378. Л. 5 об.

[23] Там же. Л. 5.

[24] См. там же. Л. 7 об.

[25] См. об этом подробнее: *Дмитриев А. П.* История одного увольнения: Митрополит Филарет и Н. П. Гиляров-Платонов в 1855 году // Филаретовский альманах. М.: Изд-во Правосл. Св.-Тихон. гуманит. ун-та, 2008. Вып. 4. С. 158—183.

[26] Сохранилась записка викарного еп. Леонида (Краснопевкова) от 1.IV.1863 г., в которой сначала говорится о том, что митрополит «нездоров и принимает лекарство», а далее сле-

О своей плодотворной и вместе с тем поистине титанической духовно-просветительской (хотя и не собственно научно-литературной) деятельности за те пять лет, что Гиляров руководил Синодальной типографией, он подробно писал, защищаясь от наговоров недоброжелателей, 8.XI.1883 г. Победоносцеву, в то время уже обер-прокурору Св. Синода (см. п. 71). Это итоговое осмысление прежней деятельности служит хорошим комментарием к письмам 1863—1868 гг., которые интересны живым и непосредственным откликом на события, в частности на то и дело сгущавшиеся над ним «тучи» начальственного недовольства и интриг. Вместе с тем, не довольствуясь одним лишь административно-экономическим руководством Типографией, осуществлявшимся исключительно добросовестно и творчески, Гиляров немало времени посвящал редакторским трудам, которые, конечно, не имели отношения к его прямым обязанностям и за которые он брался, ставя перед собой сверхзадачу духовного просвещения. Особой его заслугой стало спасение им старинных книг и рукописей, а также начатая по его инициативе реставрация здания Печатного двора, возвращающая его исконный вид. Гиляров заканчивал письмо 1883 г. словами: «Я устал бы перечислять, достоуважаемый Константин Петрович, всё, что мною сделано для Типографии <…>. Припоминая теперь, признаюсь, сам даже удивляюсь избытку тогдашней своей энергии. Но и то сказать: я же тогда всего себя посвятил типографскому делу, покинув, к ущербу своему, литературную деятельность, на то время мною приостановленную» (п. 71).

Однако Гиляров, хотя и прервал серьезные научные изыскания, не расставался с публицистикой. Так, в 1867 г. он опубликовал немало острозлободневных статей — главным образом, по церковно-общественным вопросам — в аксаковской газете «Москва». Об этом он вспоминал в письме к Романову-Рцы от 2.XI.1886 г.: «Когда началась „Москва„, покойный Аксаков предложил мне столбцы для передовых статей два раза в неделю» [27]. Втайне Гиляров надеялся, что он станет и соредактором [28], но этого не случилось. За некоторые передовицы по проблемам духовной школы он получил по начальству изъявление неудовольствия от самого обер-прокурора гр. Д. А. Толстого.

Еще бóльшую неприязнь начальства вызвала непримиримая позиция Гилярова в отстаивании типографских зданий как памятников истории и культуры (их планировали продать городу под торговые помещения). Становилось ясно, что в очередной раз он должен круто изменить свою жизнь и не сегодня-завтра навсегда уйти со службы в духовном ведомстве. 27.III.1867 г. Гиляров пишет

дует приписка: «…но Вы можете, не стесняясь, говорить, сколько нужно, и чем откровеннее, тем лучше. Кажется, он очень расположен Вас принять, выслушать и с Вами побеседовать, насколько станет сил» (РНБ. Ф. 847. № 653. Л. 1).

[27] *Письма к Романову-Рцы*. С. 248.

[28] Об этом Гиляров писал и кн. Шаховскому 2.II.1886 г.: «Когда Аксаков начал издавать „Москву“ и предложил мне писать руководящие статьи с неограниченною властью (я и писал их), он <…> не заикнулся ни раза мне предложением соредакторства» (*Из пережитого. 2009*. Т. 2. С. 489).

в Петербург А. В. Никитенко и просит посодействовать ему в приглашении на университетскую кафедру церковной истории[29]. С вопросами по этому поводу обращается и к Победоносцеву (см. п. 2).

При этом он не переставал заниматься общественно-просветительской деятельностью в широком смысле. Так, в марте 1865 г. он одновременно стал действительным членом Общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее и был избран вел. кн. Еленой Павловной — вместе с Победоносцевым — в члены учрежденного ею Московского комитета по вспомоществованию бедным лицам духовного звания (позднее Братство Святителя Николая).

В то же время Гиляров никогда не оставлял мысль издавать дешевую простонародную газету, однако, конечно, не в лубочно-казенном формате, не потрафляющую вкусам толпы, а, напротив, — газету, которая способствовала бы росту национального самосознания и при этом честно и откровенно разъясняла бы простолюдинам их настоящие нужды и правительственные меры к их удовлетворению. Осуществил он эту свою мечту в декабре 1867 г., приступив к редактированию первой в Москве общедоступной ежедневной газеты «Современные известия», издание которой прекратилось через двадцать лет в связи с его кончиной[30].

Переписка с Победоносцевым конца 1860-х гг. содержит ценные свидетельства о том, с какими трудностями довелось столкнуться Гилярову на первых порах, когда его конкуренты, прежде всего редактор «Русских ведомостей» Н. С. Скворцов (см. п. 6—8, 10), пытались добиться льгот для своих изданий в ущерб гиляровскому, а он сам был брошен на произвол судьбы компаньоном — литератором Н. А. Основским (см. п. 9, 11). О нем чуть позднее, в октябре 1872 г., Гиляров писал А. С. Суворину: «Теперь я оказываюсь газетным издателем, но, в сущности, я этого никак не ожидал. Один господин, теперь уже умерший, упросил меня: 1) подать просьбу об издании газеты и 2) принять на себя, так сказать, домашнюю цензуру вместе с составлением двух-трех статей в месяц. Хозяйственная часть и вся редакция не должна была лежать на моих плечах. Деньги на издание были обещаны. Но случилось — все пуф, и издание все оказалось на моих плечах, так что после заявленного имени моего даже отступление было невозможно»[31].

Главное же то, что именно Победоносцеву Гиляров решил поверить свои заветные мысли о том, с какой целью собирался издавать газету, — мысли, всецело проникнутые идеями христианского гуманизма, самоотверженной любви к «малым сим». 20.X.1867 г. он писал приятелю: «...честно поступит, высокий гражданский долг исполнит, больше других соотечественникам послужит тот,

[29] ИРЛИ. Сигн. 18483. Л. 22.

[30] См.: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и его газета // Москва. 2008. № 5. С. 209—215.

[31] *Из пережитого. 2009.* Т. 2. С. 212.

кто, имея дарования кое на что высшее и блистательнейшее, на более глубокое и ученое, совлечет с себя парадные одежды публициста-генерала и в рубище, свойственном простому люду, потолкует с ними о том, что им знать желательно, но что растолковать им отчасти не хотят, отчасти не умеют. Молю Бога, чтобы Он дал мне успех, не потому только, что это выгодно, а и потому, что это общеполезно. Скромная, общенародная газета, это — мысль моя с юных лет» (п. 7).

Причем со временем Гиляров внутренне только больше утверждался на этих своих альтруистических позициях. Спустя год с небольшим после того, как начала выходить газета, несмотря на уже отчетливо осознанную тернистость избранного пути, он и не думал сходить с него, а, напротив, в программной передовой декларировал свое кредо: «Публицист, если хочет быть достойным своего призвания, обязан светить дорогу обществу <...> обязан найти для себя предмет недовольства» [32]. Однако при этом, считал Гиляров, должно быть острое ощущение нравственной границы в обличении, не допускающее «подкапываться под порядок»: «Публицист, не уважающий истории и преданий своего народа и коренных основ общественной жизни, которою он живет, столь же недостоин своего призвания, как поклонник суеверий и диких инстинктов массы или нахальный льстец властей» [33].

Плодотворное изучение истории «Современных известий» невозможно без учета переписки Гилярова с Победоносцевым ряда последующих лет (особенно интенсивной она была в первой половине 1870-х гг.), носящей, правда, несколько односторонний характер, так как ее темы главным образом связаны со служебными и издательскими проблемами Гилярова. Победоносцев же здесь выступает как необыкновенно преданный друг и неустанный ходатай по делам приятеля, чуть ли не как его Ангел-Хранитель: он специально встречается с влиятельными петербургскими сановниками, дабы склонить их на сторону Гилярова, уберечь его издание от репрессий либо ослабить их действие. При этом он постоянно подсказывает, как избегать цензурных кар, а попутно делится своими суждениями о журналистике.

Так, 9.XI.1872 г. Победоносцев сообщал: «Вот видите ли — Вам на днях дважды угрожала опасность — и именно за те самые статьи, на которые я Вам указывал. По статье о народных школах, именно о выражениях, мною замеченных, был о Вас особый доклад в Глав<ном> управ<лении> ценз<уры>. К счастью, незадолго перед тем была моя беседа с Лонгиновым [34], так что впечатление его, еще свежее, побудило его пройти вскользь и оставить доклад без последствий. <...>

Видите ли, любезный друг, как надо быть осторожным! Ради Бога, оглаживайте Ваши выражения. В последних нумерах Ваших все было гладко и в меру» (п. 21).

---

32 *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 1 января // *СИ*. 1869. 2 янв. № 1. С. 1, 2.

33 Там же. С. 2.

34 М. Н. Лонгинов — начальник Главного управления по делам печати в 1871—1875 гг.

В письме от 11—12.X.1872 г.: «Смотрите за своей *иронией* и не доверяйтесь ей в коротких заметках. Так срывается иногда с языка неудобное слово... Имейте в виду, что люди надзирающие не знают *пропорций* и не умеют понять фразу *в связи* с *контекстом*. Этого от них не ожидайте и не спрашивайте. Они чувствуют только в том месте кожи, в которое их уколет» (п. 17).

Снова в письме от 30.X.1872 г.: «Ну, теперь проводите свою барку между шхерами осторожнее! Вы видите, кажется, с кем имеете дело. Я все не умею Вас поставить на свою точку зрения, — что надо наблюдать более всего за *отдельными словами* и *фразами* и не успокаиваться на той мысли, что общую идею статьи или общее направление не оценят. Такой оценки не дождетесь и полагаться на нее наивно» (п. 20).

В некоторых письмах Победоносцев, хорошо осведомленный о настроениях, господствовавших в Главном управлении по делам печати и в министерствах, давал своевременные практические советы. 11—12.X.1872 г. он предупреждал: «Осторожнее обходитесь с вопросом о рабочих и об ассоциациях. Вы иногда приступаете к нему как-то патриархально, по началам филантропии. Так можно было прежде, а нынче дело это слишком горячо и деликатно поставлено. Не горячитесь очень из-за присяжных: по этому поводу у Вас срываются резкие и горячие слова. *Не стоит*, по правде Вам скажу» (п. 17). Или совет в письме от 23—24.X.1873 г.: «Берегитесь *Самарского голода*. Это предмет очень деликатный в настоящую минуту, равно как Земство вообще. <...> Об этом предмете теперь не терпят никаких намеков» (п. 39).

Любопытно, что Победоносцев и позднее, находясь уже на вершине власти, имел весьма невысокое мнение о чиновниках цензурного ведомства, считая их решения зачастую непоследовательными, а то и просто вздорными. 23.VII.1893 г. он писал П. И. Бартеневу по поводу подготавливавшихся последним к изданию в «Русском архиве» писем историка Н. И. Костомарова: «Задержанную цензурой переписку Костомарова [35] я пропустил бы, снабдив оговорками в примечании. Но ведь цензура „дышит где хочет“ [36] — и про ее облака и тучи можно сказать стихами Лермонтова: „Куда они, зачем, откуда — кто их спросит?“ [37]»... [38]

Победоносцев искренне переживает за друга и с тревогой открывает каждый свежий номер его газеты. 11.I.1874 г. он признается: «Удивительно, что я всегда чую по Вашим статьям опасность и что это чутье меня не обманывает. Прочтя в 1 № „Совр<еменных> изв<естий>“ Вашу политическую статью, я почувствовал опасение за Вас. Статья мне не понравилась, — в ней проведены штрихом

35 Предположительно, речь идет о переписке Н. И. Костомарова с И. С. Аксаковым о Малороссии, увидевшей свет только после значительных цензурных послаблений: *РА*. 1906. Кн. III. Вып. 12. С. 537—548.

36 Евангельская цитата (Ин 3: 8).

37 Из стихотворения «Памяти А. И. Одоевского» (1839); у Лермонтова пунктуация иная.

38 РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. № 585. Л. 261—261 об.

резкие черты...» (п. 41). 21.II.1874 г.: «Ах, любезнейший Никита Петрович, как Вы неосторожны, как Вы даете волю побуждению минуты. Вчерашняя Ваша статья, сейчас прочитанная мною, может Вас подвергнуть большой опасности и во всяком случае поставить Вас на черную доску в цензурн<ом> ведомстве» (п. 43)...

Как читатель Победоносцев относился к гиляровской газете неоднозначно — по крайней мере, всегда отдавал предпочтение катковским «Московским ведомостям» (о них и их редакторе-издателе приятели нередко спорят, — см. п. 14, 24, 28, 35, 43, 44, 65). Некоторые публикации «Современных известий» возмущали Победоносцева — особенно на церковные темы: серия статей об игуменье Митрофании (Розен), инспирировавших начало громкого судебного процесса о мошенничестве (см. п. 23, 24, 29); ряд корреспонденций из Костромы об игуменье Марии (Давыдовой), обличавших ее суетность, тщеславие и корыстолюбие (см. п. 46); передовицы о московском купце А. А. Пороховщикове и его нечистоплотных финансовых сделках с синодальными властями (см. п. 5, 17, 18, 20—22, 71).

Вместе с тем иные публикации Гилярова приводили Победоносцева в восторг: очень порадовали его, например, руководящие статьи рубежа 1870—1880-х гг. в защиту Добровольного флота и в поддержку Японской православной миссии, возглавлявшейся еп. Николаем (Касаткиным). В обоих предприятиях Победоносцев принимал близкое участие и, по выходе газет из печати, просил приятеля выслать ему дополнительные экземпляры для раздачи высокопоставленным сановникам (см. п. 60). Некоторые статьи он давал читать друзьям. Так, 12.I.1879 г. Победоносцев писал Ф. М. Достоевскому, с которым в тот период очень сблизился и нередко встречался субботними вечерами: «Почтеннейший Федор Михайлович. Рекомендую вам прочесть фельетон в прилагаемом <номере> „Соврем<енных> известий“. В нем метко выражена основательная мысль и подмечено явление, слишком обыкновенное в нашем обществе» [39]. И все же нередкое несовпадение во мнениях и суждениях пересиливало моменты гармонического согласия. Уже в середине 1870-х гг. сердечные приятельские отношения Победоносцева и Гилярова дали трещину. С начала же 1880-х гг. взаимоотношения стали портиться необратимо.

Когда Победоносцев занял пост обер-прокурора Св. Синода, Гиляров приветствовал в передовой статье его и вслед за ним получившего пост министра финансов Н. Х. Бунге: «Из всех назначений на государственные должности, состоявшихся за последнее время, особенным сочувствием приветствованы были назначения К. П. Победоносцева и Н. Х. Бунге. Чему это приписать? Мы приписываем тому, что прежняя деятельность обоих сановников не ограничивалась одним повышением по ступеням бюрократической лестницы, а состояла в трудах, которыми выступали они на суд всенародный; кроме казенного формуляра

[39] *Победоносцев К.* Церковь и государство: В 2 т. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2011. Т. I. С. 546.

чиновников, они имеют за собою еще другой формуляр — публичных деятелей»[40].

Гиляров, вероятно, надеялся, что теперь, кроме всего прочего, в лице сановного приятеля он получит и надежного защитника для своего издания и ему будет проще делиться со своими читателями задушевными идеями общенационального звучания. К тому же после трагического события Первого марта «Современные известия» приобрели как бы второе дыхание: их популярность и общественное влияние, как, впрочем, и других консервативных изданий, заметно возросли.

Однако Победоносцев уже не столь охотно выручал Гилярова из цензурных ловушек; порой же и сам предлагал начальнику Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистову объявить «Современным известиям» предостережение либо запретить их розничную продажу[41]. Свое недовольство некоторыми публикациями гиляровской газеты Победоносцев высказывал и в письмах к другим лицам. Так, 12.II.1884 г. он писал расколоведу Н. И. Субботину в связи с опубликованными в «Современных известиях» материалами о старообрядцах: «Да и Гилярова, уже продавшего себя на газетные гроши, не убедишь, что он такой вздор не должен был печатать, да еще с почтением»[42]. Когда же Субботин намеревался опубликовать возражение на очерк Гилярова «Логика раскола», Победоносцев отговаривал его: «Боюсь я, как бы статья Ваша против Никиты Гилярова <...> не подняла бестолковой полемической пыли. Никита молчать не будет, наговорит вздору и по бурсацкой привычке станет щипать и колоть»[43].

О резко изменившемся отношении Победоносцева к бывшему приятелю и, одновременно, о возросшей популярности Гилярова среди москвичей особенно красноречиво свидетельствует небольшое письмо сравнительно недавно назначенного обер-прокурором Победоносцева к министру внутренних дел гр. Н. П. Игнатьеву — в жанре доноса-предостережения, которое стоит привести целиком:

«Достопочтеннейший
Граф Николай Павлович!

Вчера читал в газетах телеграмму из Москвы, якобы предполагается там выбрать в головы Гилярова-Платонова, издателя „Современных известий“, и ожидается в пользу его громадное большинство.

Я хочу по этому поводу предупредить Вас.

---

[40] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 18 июля // *СИ*. 1880. 19 июля. № 197. С. 2.

[41] См. письма Победоносцева от 3.IV.1885 г. и 16.I.1887 г. (*Письма к Феоктистову*. С. 517, 524).

[42] *Марков В. С., прот.* . К истории раскола-старообрядчества второй половины XIX столетия: Переписка проф. Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865—1904 гг.). М., 1914. С. 366.

[43] Там же. С. 434.

Выбор головы в эту минуту для Москвы весьма важен. Там в Думе идет неладно. Образовалась там какая-то черная сотня мещанская: мужики-горланы входят в силу и путают все дела, возбуждаемые газетчиками, в числе коих главную роль играл тот же Гиляров.

Гилярова я давно знаю. Он человек умный и добрый, но совершенно *бесхарактерный*, и *неряха* в материальном и в нравственном смысле. В свое время я крепко уговаривал его не браться за издание газеты, пророча ему, что он растратит свою силу и разменяется на дрянную мелочь. Он меня не послушал, и пророчество мое оправдалось.

Как голова он будет весьма вреден, ибо станет орудием всевозможной агитации. Как неряха он может допустить всяческие растраты, — хотя и нисколько в них не участвуя. Он был когда-то управляющим Синодальной типографией и оставил большие беспорядки в счетах. Затем, после Сербской войны, когда в Редакцию присылались деньги на пособие славянам, деньги, при беспорядке, расхищались, и, по доносу на Гилярова, начато было в Москве уголовное следствие о растрате[44]. Под него всегда подделываются проходимцы всякого рода и орудуют через него.

Предупреждаю Вас об этом: выбор Гилярова был бы несчастным выбором для Москвы.

Душевно предан<ный>

К. Победоносцев

22 декабря 1881 г.»[45]

---

[44] Уголовное дело «О статском советнике Н. П. Гилярове-Платонове, обвиняемом в растрате сумм, пожертвованных на славян» начато 4.XII.1877 г. по облыжному обвинению уволенной за неблаговидное поведение сотрудницы «Современных известий» и бывшей любовницы Гилярова М. С. Скворонской, журналистки, переводчицы и прозаика. Дело, в раздувании которого был заинтересован ряд лиц из прокурорского надзора, а также отдельные чиновники (их в разное время задевали «Современные известия»), было закрыто только 10.I.1880 г. по личному распоряжению московского генерал-губернатора кн. В. А. Долгорукова. См.: О показании Н. П. Гилярова-Платонова судебному следователю по обвинению его в растрате сумм, пожертвованных через редакцию «Современных известий» на славян и раненых (по доносу Скворонской, служившей в ред<акции> «Современных известий»). <М.: Тип. «Совр. известий», 1879>. 8 с.

[45] РГИА. Ф. 1561. Оп. 1. Д. 19. Л. 1—2. Своим письмом Победоносцев будто бы хочет скорректировать другую, хвалебную, характеристику Гилярова, написанную для Игнатьева (о которой мог знать от графа же) их общим приятелем И. Аксаковым за полтора месяца до этого письма (9.XI.1881 г.) в связи с предстоявшей аудиенцией Гилярова у Игнатьева: «Многоуважаемый Граф. Никита Петрович Гиляров-Платонов, редактор „Современных известий“, просит у меня письма к Вам, не в смысле рекомендации, а с тем, чтоб удостоиться более продолжительной беседы с Вами. Он человек замечательных талантов и учености: был профессором, и блистательным, историк расколов в России в Троицкой Духовной Академии; потом, не поладив с духовным начальством, был, по ходатайству покойного графа Блудова, назначен цензором и участвовал в Редакционных комиссиях по составлению цензурных правил, — наконец, в течение 12 лет издает газету, занимающую в журна-

Вместе с тем Победоносцев, действительно необычайно высоко ценя дарования Гилярова — исследователя и мыслителя, еще с того времени, как тот затеял издание газеты, неизменно считал, что ему следовало бы сойти со «скользкого пути журналиста» и заняться фундаментальной наукой. О том же, по существу, писал Победоносцеву И. Аксаков 16.III.1885 г.: «Посещал меня во время болезни Никита Гиляров и как-то один вечер прелестно излагал мне внутренний строй церковного богослужения — целый курс, значение всех кондаков, тропарей, их внутреннюю необходимость, органическую связь. Удивительно даровитый человек! Заслушаешься. По его словам, это требовало бы целой кафедры. Тогда бы богослужение, теперь окристаллизовавшись, представляющее теперь б<ольшею> ч<астью> интерес архаический, получило бы живой и животворящий смысл. Этого человека следовало бы, прежде всего, высечь; потом освободить от долгов, вырвать из московской среды <...> запретить ему газетную деятельность и пристегнуть к Твоей канцелярии: пусть пишет курсы богословия и проч. и проч.» [46]

Однако тот же Аксаков, общий приятель Гилярова и Победоносцева и постоянный корреспондент того и другого, пытался изменить отношение последнего к газетной деятельности. Он объяснял Победоносцеву, каково должно быть требование правительства к искренней и серьезной патриотически-ориентированной прессе в условиях современной идейно-политической борьбы. При этом Аксаков не столько выступал с защитой своего еженедельника «Русь», сколько, по всей видимости, выгораживал именно издателя ежедневных «Современных известий», материалы которых то и дело раздражали синодального обер-прокурора. Так, 12.II.1882 г. Аксаков писал Победоносцеву: «...частная, независимая газета, орган частного лица, имеет право быть и повольнее в своих речах. Почему Ты находишь нужным убеждать *меня* в необходимости поддерживать центральную власть, когда я только это и делаю, и кажется, энергичнее, чем кто-либо?! Но поддерживать не значит хвалить каждое ее деяние или утверждать ее в ложном направлении; напротив, надобно стараться вывести ее на прямой путь, и в честности моих отношений к власти никто сомневаться не может» [47].

И далее (продолжим цитировать это крайне важное письмо) Аксаков исповедует свои взгляды, из которых логически вытекает требование свободы слова и которым всегда сочувствовал и сам Гиляров: «Мне кажется, государственная мудрость состоит именно в том, чтоб признать *неизбежный* закон развития

листике особое положение. Хотя эта газета принадлежит к разряду, который зовется la petite presse <малая печать (*фр.*)> и мало имеет читателей в высшем кругу общества, но бесспорно, что все передовые статьи, писанные самим Гиляровым, особенно же по вопросам церковным, всегда замечательны. Некогда он был сотрудником моих изданий — „Дня“ и „Москвы“» (ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. № 2258. Л. 13). Благодарю Д. А. Бадаляна, ознакомившего меня с содержанием этого письма.

[46] РНБ. Ф. 847. № 580. Л. 3—3 об.

[47] РГБ. Ф. 230. Карт. 4391. № 4. Л. 1 об.

и прогресса [самой] истины в *человеческих обществах,* а закон этот таков: без $^1/_4$ пакости не обходится никакое явление добра. Где люди — там и пакость. Из 12 учеников Христа — нашелся Иуда. Мы любим вспоминать первые века Христианства, но они являются нам в перспективе времен, а если б Ты, любезный мой друг Константин Петрович, жил ну хоть бы в IV веке, как изныла бы Твоя душа, чутко слыша всяческую неправду в душе Константина! Если бы в те времена спросили Тебя — созывать ли вселенские соборы, которые мы признаем теперь святыми, Ты представил бы столько основательных исторических резонов против их созыва, что они бы, пожалуй, и не состоялись... Таково теперь Твое отношение и к печати. Страшный вред производит она, но и большое добро, — и добро это обусловливается допущением той свободы, которая дает место и вреду. Такова жизнь, и такого снаряда не существует, чтоб фильтрировать только одно добро, без примеси зла. Исторгая плевелы, не следует исторгать и пшеницу, и лучше [допустить] не исторгать плевел, чем исторгнуть хоть один колос пшеницы. Так и во всем. Твоя душа слишком болезненно чувствительна ко всему ложному, нечистому, и потому Ты стал отрицательно относиться ко всему *живому*, усматривая в нем примесь нечистоты и фальши. Но без этого ничто живое в мире и не живет, и нужно верить в силу добра, которая преизбудет лишь в свободе... А если дать силу унынию, нечем будет и осолиться» [48].

Победоносцев, в молодости, может, и сочувствовавший мечтам друзей-славянофилов о свободном слове, с начала 1880-х гг. все более утверждается в кардинально противоположных мнениях. Цесаревичу он писал 31.X.1880 г. (как раз в период либеральной «диктатуры сердца»), что продолжает «обычные свои споры» с гр. М. Т. Лорис-Меликовым, ослабившим цензурные вожжи, вот о чем: «Я думаю, что правительство не должно выпускать из своих рук надзор за печатью, не должно снимать с себя бремя этой ответственности. Сложить его на суд — значит снять с печати всякую узду; и тут будет великий вред для государства и для народа. Думаю, что правительство, которое знает, на чем оно стоит и чего оно хочет, не может признать печать какою-то силою, независимо от него действующею» [49].

Впрочем, позиция Победоносцева, тем не менее, оставалась в какой-то мере двойственной. Он, например, 3.II.1881 г. довольно взвешенно писал М. М. Стасюлевичу, в 1881 — начале 1882 г. издававшему ежедневную газету «Порядок»: «Обличительных статей появляется много в газетах; но немногие пишутся с знанием дела и основаны на фактах, добросовестно проверенных. Действительного зла может быть и гораздо более того, на что указывают обличители, но, к сожалению, желающие обличать делают это сгоряча, без разбора и критики; я испытываю это ежедневно, ибо не оставляю без проверки ни одного значительного факта, на который указывается в газетах, и прихожу в изумление от той массы

[48] Там же. Л. 2 об. Ср.: «Ибо всякий огнем осолится, и всякая жертва солью осолится» (Мк 9: 49).

[49] *Письма к Александру III*. Т. I. С. 302.

сплетней и фантастических выдумок, которые при том обнаруживаются. Очень жаль, — ибо корреспонденции подлинно серьезные могли бы быть весьма полезны» [50]. Однако по поводу вполне достоверных сообщений и корреспонденций в газете «Современные известия» — о фактическом умалении Успенского собора, бесчинстве начальства Тифлисской семинарии, недостойных провинциальных пастырях и др. — Победоносцев разражался филиппиками в адрес приятеля, не желал слышать никаких доводов, требовал наказаний для издания. То, что он, вопреки представляемым Гиляровым документальным подтверждениям, видел в неугодных ему материалах, по сути, сфабрикованные в угоду бульварной публики «газетные утки», следует расценить как печальный психологический факт, граничащий с дивиацией сознания.

Последняя встреча двух приятелей в Петербурге (12.X.1887 г., буквально за день до смерти Гилярова) внесла в их отношения немало драматизма. Дело в том, что в июне того года скончался издатель-редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков, и Гиляров, по совету друзей и близких, совершил две поездки в Северную столицу в надежде добиться разрешения на аренду этой газеты.

Незадолго до этого, 20.VIII.1887 г., он писал их общему знакомому, чиновнику Министерства народного просвещения И. П. Корнилову об охлаждении в отношениях к нему бывшего друга: «Победоносцев хотя и старый мой приятель и бывший всегдашний мой ходатай пред властями, теперь имеет против меня зуб. Прошлым годом выходило было, что Нечаев-Мальцев [51] готов был принять материальное участие в моей газете. Но, не зная меня лично, он не вполне удостоверен был в моей политической благонадежности. Тогда посоветовали ему обратиться с запросом к Победоносцеву, а мне — предупредить об этом Победоносцева. Мой доверенный отправился с моим письмом к Константину Петровичу, но тот принял его, по его выражению, „как собаку“: раскричался, что ни слова не скажет в мою пользу. Раз газета моя была приостановлена именно по ходатайству Победоносцева» [52]. И далее обращался к Корнилову с просьбой: «Я буду на днях в Петербурге, многоуважаемый Иван Петрович; мне нужно там быть за документами по одному судебному делу. Придется быть и у Победоносцева (не явиться к нему — оскорбить его). Но желательно было бы, чтобы проложена была до того времени к его сердцу дорога; чтобы кто-нибудь выразил ему удивление на недоброжелательство его ко мне. Переданное мною выше я уполномочиваю не скрывать. Напротив, мне именно желательно, чтобы до него дошли жалобы мои на несправедливое ко мне его отношение. <...> P. S. А как же быть с Константином Петровичем? Толстой [53] хотя не будет за меня прямо, но не будет и против. А родные-то братья когда поссорятся, знаете — бывают злее чужих. Так и Победоносцев ко мне» [54].

---

[50] ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. № 1130. Л. 4—4 об.

[51] Известный меценат Ю. С. Нечаев-Мальцев (см. о нем в п. 82).

[52] РНБ. Ф. 377. № 592. Л. 5; цит. по: *Из пережитого. 2009*. Т. 2. С. 502.

[53] О гр. Д. А. Толстом см. примеч. 11 к п. 2.

[54] РНБ. Ф. 377. № 592. Л. 6, 7 об.

Как видим, несмотря ни на что, Гиляров не переставал надеяться на содействие именно Победоносцева, который, однако, не желая, чтобы Гиляров стал преемником Каткова, оставался неколебим в своем внутреннем решении всячески противодействовать этому назначению. Свидетельство об их последней встрече оставил в своем дневнике кн. Н. В. Шаховской после беседы с М. Г. Черняевым, состоявшейся 24.IV.1893 г.: «Далее Черняев, стоявший во время последнего приезда Н<икиты> П<етровича> в Петербурге осенью 1887 г. рядом с ним в гостинице „Бельвю“, припоминает, что Н<икита> П<етрович> приехал к нему страшно взволнованный и убитый после разговора с К<онстантином> П<етровичем>, который на него будто накричал и отказал в поддержке» [55].

Возможно, дополнительным поводом для ссоры стал изданный в том же 1887 г. в Лейпциге отдельной брошюрой историко-публицистический очерк Гилярова «Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева. Вып. I: Нечто о Российской церкви в настоящее время» (под знаковым для Гилярова криптонимом «Р. С. Т.», т. е. «Рцы слово твердо»), с довольно резкой критикой как внутреннего положения Церкви в Синодальный период вообще, так и ее состояния в 1880-е гг. и, особенно, ее отношения к внешнеполитической деятельности правительства. Не удержался здесь Гиляров и от прямых нападок на своего сановного друга. Так, он сообщал, что 1.V.1886 г. Победоносцев ходатайствовал о награждении протоиерея храма Христа Спасителя Алексея Соколова митрою — так как дом Победоносцева в Хлебном переулке десяток лет был в его приходе (см. наст. изд., с. 323). Приведя многочисленные факты канонических нарушений со стороны синодальных властей, Гиляров ставил неутешительный диагноз: «Оттого-то церковь Русская и стонет под игом духовенства, не проявляет никакой жизненности и делает даже людей религиозных индифферентными» (наст. изд., с. 326).

Впрочем, куда более резкие высказывания содержит в том же году в Лейпциге же анонимно изданная брошюра «Нечто о Российском Св. Синоде, единоверии, о. Иоанне Верховском и Белокриницкой иерархии», которая включает фрагменты, дословно совпадающие с имеющимися в книге Гилярова, и вполне (также по ряду иных признаков) может ему быть атрибутирована. Тут, правда, имя Победоносцева не упоминается, но его ведомство и епископат, не имеющий соборного общения, критикуются весьма жестко: «Можно ли признать *Синод* подлинным церковно-народным священноводительством, когда управляет всем и над самим Синодом властвует обер-прокурор с своей канцелярией. *Святейший*! Но можно ли „святейшим“ назвать прокурора с его канцелярией, — это полчище хищных птиц, питающихся от предоставленного им трупа? *Иерархия*! Но можно ли иерархией назвать сонм хотя и подлинных святителей, но стоящих рассыпано, не имеющих один к другому никаких отношений, канонически между собою ничем не связанных, не представляющих из себя не только органически живого тела, но и просто корпорации вроде бытовых: компаний, товарищества, артели и т. д.?» (с. 18—19).

[55] Там же. № 49. Л. 27.

Однако важно заметить, что эта критика Гиляровым церковных порядков никогда не была обличительно-плоской и прямолинейной, не случайно один из его современников (литератор И. В. Павлов в письме к кн. Н. В. Шаховскому от 3.VI.1893 г.) дал ему такую характеристику: «Ведь это самый крупный русский публицист! Катков был блестящ, но односторонен; он даже в лучших статьях своих напоминает Сквозник-Дмухановского, закрывающего пальцем некоторые места в хлестаковском письме. А Гиляров ничего не закрывал, ибо воистину был умозритель, видевший ясно оба полюса каждой мысли. Таких умов на свете немного»[56]. Вот почему, например, инвективы в книге Гилярова в адрес Синодального управления Русской церковью, мало-помалу утрачивавшего дух соборности и потому сближавшегося автором подчас с произволом папского единовластия, не свидетельствуют о том, что Гиляров в современных ему условиях русской жизни ратовал за восстановление патриаршества, как, например, Н. Н. Дурново[57], А. А. Киреев или прот. А. М. Иванцов-Платонов. Вовсе нет. Гиляров как раз трезво смотрел на этот вопрос и — в период работы над книгой — в одной из передовых статей по случайному поводу (в связи с надеждами единоверцев в лице фабриканта и публициста А. Ф. Морокина на такое воскрешение досинодального устройства Церкви) писал со ссылкой на мнение митр. Филарета (Дроздова): «Г<-н> Морокин мечтает еще о восстановлении патриаршества. Против этого в свое время мы писали, а в настоящее время приведем отзыв приснопамятного митрополита Филарета в ответ на проявлявшуюся лет тридцать назад подобную же затею: „Не все ли равно, какое название, «первенствующий член Синода» или «патриарх», когда существо то же“. Существо действительно то же — Новгородский ли митрополит во главе Синода или Константинопольский, Иерусалимский, Антиохийский, Александрийский во главе своих местных Синодов. Можно желать реформы в подробностях теперешнего

[56] РНБ. Ф. 847. № 144. Л. 1—1 об.

[57] Это как раз весьма существенно и для безусловного отказа от соблазна атрибутировать книгу Дурново. Историк С. И. Алексеева в своих работах упоминает, что библиографы РНБ считают «предполагаемым автором» книги Гилярова, однако без каких-либо серьезных оснований и даже пояснений приписывает ее авторство Дурново (см.: *Алексеева С. И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856—1904 гг. 2-е изд., стереотип. СПб.: Наука, 2006. С. 24, 122, 123). Не говоря уже о типичных для Гилярова особенностях словоупотребления, в книге немало мест, автором которых Дурново (несмотря на известную близость его церковно-общественных взглядов и гиляровских), конечно же, не мог быть. Гиляров, например, настойчиво пишет вовсе не о чаемом Дурново возрождении института патриаршества (исторический феномен которого он, однако, ценил высоко), а о соборах архиереев, ими же и избранных, как наиболее желательной властной силе для Церкви. Едва ли к тому же Дурново стал бы на все лады хвалить свою газету «Восток» в книге (см. наст. изд., с. 330—332), будь он ее автором, и брать себе известный криптоним Гилярова «Р. С. Т.», тогда как в других вышедших в свет выпусках этой издательской серии (№ 2 и 4) свое авторство он обозначил инициалами «Н. Д.». Аргументы можно без труда добавить.

Синодального управления в России, это вопрос другой. Основательно молить о восстановлении периодических местных соборов. Но патриаршество, если дело не в названии только, есть удаление от истинного облика, а не возвращение или приближение к нему. Патриаршество, как его сказала история, есть папизм в зародыше»...[58]

Через несколько часов после разговора с Победоносцевым, 13.X.1887 г., Гиляров скончался от разрыва сердца в своем номере в петербургской гостинице «Belle-vue» («Бельвю»), что находилась у арки Генерального штаба на Большой Морской, д. 3. Говорили, что, разволновавшись, он нечаянно выпил увеличенную дозу морфия[59], подозревали даже самоубийство[60].

Любопытен такой эпизод. Проф. Н. И. Субботин после кончины Гилярова дал ему откровенно неприязненную характеристику: «Его герменевтика, или, как называлась она, история екзегеса, состояла из насмешек над Свв. Отцами: студенты хохотали, слушая комическое изложение аллегорических толкований Климента, св. Кирилла Александрийского и др. <...> Конечно, дух отрицания и неверия проник бы и иным путем в Академию; но что первый внес его сюда Гиляров, это несомненно. <...> Если следовать правилу de mortius aut bene, aut nihil[61], то в отношении к Гилярову было бы лучше избрать nihil...»[62] Победоносцев решительно вступился за приятеля: «Покойного Гилярова я знал близко, со всеми его достоинствами и недостатками, и *первые* я высоко ценил, сокрушаясь о последних. При глубине и остроте мысли ему вредило и испортило судьбу его *неряшество* той же самой мысли. Когда вспоминаешь о либеральных его выходках в прежнюю эпоху, то надобно припомнить, что был общий порок молодых академиков, — повинны в том были многие, увлекаясь веяниями, — многие и образумились. Гилярова сгубило то, что он разменялся на мелкую монету в журналистике, бросился, чая найти свободу, — и попал в рабство. Мир душе его!»[63]

---

[58] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 2 ноября: Дневное обозрение // *СИ.* 1886. 3 нояб. № 303. С. 2.

[59] Историк и педагог Н. П. Розанов передает в своих мемуарах, что говорили в Москве о смерти Гилярова: «...получение доходного редакторского места в „Московских ведомостях“ спасло бы его от окончательного краха, но петербургская консервативная бюрократия предпочла иметь на месте Каткова никому не ведомого профессора <С. А. Петровского>. И вот человек с пламенной любовью к родине, честный, даровитый публицист, так долго работавший на посту редактора, был отвергнут, что, как носились слухи, даже заставило его прибегнуть к сильнейшему приему морфия для успокоения расходившихся под влиянием полученного отказа нервов, а этот огромный прием опасного наркотика повел за собою смерть газетного бойца» (*Розанов Н. П.* Воспоминания старого москвича. М.: Русскій міръ, 2004. С. 199. (Большая моск. б-ка)).

[60] См.: *Письма к Феоктистову.* С. 533 (примеч. И. Я. Айзенштока). Однако версия суицида, как неопровержимо свидетельствуют факты, совершенно безосновательна.

[61] о мертвых либо хорошо, либо ничего (*лат.*)

[62] *Марков В. С., прот.* К истории раскола-старообрядчества... С. 489.

[63] Там же. С. 489—490.

Полное духовное примирение Победоносцева с покойным приятелем произошло уже спустя 10 лет после кончины последнего, когда Победоносцев (с помощью кн. Н. В. Шаховского) приступил к переизданию его сочинений, с какой целью в 1897 г. официально стал собственником гиляровского архива[64].

Еще, по-видимому, пахнущий свежей типографской краской первый том Победоносцев поспешил 11.V.1899 г. послать Николаю II с припиской: «Позволю себе представить Вашему Величеству только что вышедшее из печати издание мое: Сборник сочинений Гилярова. Покойный Гиляров был человек большого ума и образования; в Москве известна его литературная деятельность в одном кружке с Самариным, Хомяковым и Аксаковым. Все, что он писал, носит на себе печать ума глубокого. Я знал его близко. И потому озаботился издать его сочинения в пользу бедной вдовы его и на сооружение ему памятника»[65].

Думается, что, несмотря на трещину, которую дали отношения Победоносцева и Гилярова в оставшиеся последнему лет двенадцать жизни, их идейная общность и нравственная близость при поразительной широте кругозора и энциклопедичности знаний обоих были в чем-то сродни тем взаимодополняющим отношениям, что соединяли, к примеру, Герцена и Огарева, Каткова и П. Леонтьева. И если Гиляров все-таки дорожил дружбой с Победоносцевым во многом ввиду служебных возможностей и влияния последнего в правительственных сферах, то для Победоносцева приятельские отношения с Гиляровым были драгоценны, помимо всего прочего, и как реальная связь со славянофильскими надеждами молодости и задушевной атмосферой московской жизни. Победоносцев как раз в этом однажды признался Гилярову (в письме от 5.VIII.1873 г.): «Я пробыл два месяца за границей, в Англии. Вернувшись, с большим интересом просматривал Ваши номера и как будто беседовал с Вами. Люблю запах московского жилья и через Ваше окошко точно заглядываю в любезную Москву» (п. 32).

[64] Сначала 30.IV.1888 г. вдова В. А. Гилярова-Платонова и сыновья продали права собственности на все литературные и научные труды Гилярова губернскому секретарю А. Н. Кроллау, другу С. И. Гальперсона, бывшего заведующего Конторой «Современных известий» (см. свидетельство об этом: РНБ. Ф. 847. № 201), и в дальнейшем архивом распоряжалась жена последнего А. М. Гальперсон. В сентябре 1897 г. А. Н. Гиляров, младший сын **Г.-П.**, успевший подзабыть события 10-летней давности, попытался выяснить, принадлежат ли ему и его близким какие-либо права на бумаги отца, и обратился за разъяснениями к С. И. Гальперсону. Тот 11.X.1897 г. напомнил обстоятельства, связанные с продажей архива Кроллау, и сообщил: «...для того, чтобы увековечить имя Никиты Петровича, поставить ему памятник на могиле и помочь в то же время и Вере Алексеевне, Анна Михайловна переуступила безвозмездно свои права, перешедшие к ней от Кроллау, К. П. Победоносцеву. Он с своей стороны обещал издать труды Никиты Петровича на свои средства, распространять их и на собранные деньги все устроить» (Там же. № 951. Л. 1 об.).

[65] *Письма к Александру III*. Т. II. С. 318—319.

Впрочем, если Гиляров в своих отношениях к Победоносцеву и не испытывал подобных дуновений лирического чувства, то справедливости ради следует сказать, что видимая утилитарность этой приятельской привязанности с его стороны все же была лишена корыстно-эгоистической окраски. Ведь свою публицистическую деятельность Гиляров расценивал как Служение, всяческое содействие которому искренне считал благодеянием не себе лично, а общенациональному делу.

Изучение жизненных и творческих взаимоотношений Победоносцева и Гилярова[66], нашедших отражение в их двусторонней переписке, позволяет не только открыть неведомые ранее факты биографии двух выдающихся «людей русской правды», но и по-новому взглянуть на их церковно-общественные взгляды в 1860—1880-е гг. и скорректировать представления как о личности обоих мыслителей, так и о существенных, но остававшихся до сих пор неведомыми и потому не изученными подробностях того переломного периода русской истории, в который им довелось жить и который имеет немало соответствий в нынешнем периоде развития нашего Отечества.

При публикации переписки орфография и пунктуация автографов максимально сохраняются, если только кардинально не противоречат современной норме. Поэтому, например, не производилось сплошной унификации в употреблении строчной и прописной букв, отображающем отношение автора к тем или иным явлениям и его оценку, а также принятую в XIX в. канцелярскую форму слововыражения. Так, в официальном цензорском отчете сохраняются написания: *Православная Церковь, Папа* и т. п., хотя рядом в переписке и комментариях то же пишется нормативно: *Православная церковь* (или, как замена этого понятия, *Церковь*), *папа* и т. п. С учетом традиций XIX в. произведена унификация в написании таких слов и выражений, как *Государь, Цесаревич, Августейшее семейство, Императорская фамилия, Св. Синод* и т. п., — они пишутся с прописной буквы не только в публикуемых текстах, но и в комментариях. В остальных случаях мы следовали указаниям «Русского орфографического словаря» (2-е изд., испр. и доп. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2005).

Фрагменты писем, зачеркнутые авторами, заключены в квадратные скобки; они позволяют продемонстрировать как хронологически-многослойный разрез текста, так и особенности работы автора над ним в процессе его создания: волнение писавшего, сам его мыслительный процесс, а также стилистические предпочтения.

Поскольку переписка отчасти имеет книговедческий характер, в библиографических записях, вопреки нынешнему обыкновению, приводятся названия

[66] См. подробнее: *Дмитриев А. П.* К. П. Победоносцев — приятель, оппонент, издатель Н. П. Гилярова-Платонова // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек. С. 127—136. В этой статье впервые цитируется ряд писем Победоносцева и Гилярова.

издательств и типографий, а в Указателе имен даются сведения об упомянутых в основном тексте их владельцах.

Отсылки к примечаниям даются в тексте отдельной нумерацией арабскими цифрами внутри каждого письма. Комментариям к письмам, как правило, принципиально придан научно-исследовательский характер; поэтому они подчас разрастаются в целые изыскания, с привлечением впервые вводимых в научный оборот архивных документов, выдержек из газетных корреспонденций, мемуаров, дневников и эпистолярия. Эта комментаторская оснащенность издания, на первый взгляд кажущаяся избыточной, по нашему убеждению, отвечает актуальным потребностям научного освоения той области русской культуры, которая связана со славянофильским движением и все еще, несмотря на плодотворные усилия ряда ученых, остается для нас во многом terra incognita.

Андрей Дмитриев

ПЕРЕПИСКА
Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА
И
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА

1[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Вот Вам, наконец, достоуважаемый Константин Петрович, Ваша книга[2]. Заглавие ее я потерял, и потому написал его сам по памяти. Изменения, сделанные мной, увидите сами; Вы увидите тут, что даже в том месте, где пришлось мне сделать главнейшее изменение и исключение, о том и другом заявил я в особом подстрочном примечании, с подробным объяснением[3].

К сему присовокупляю просьбу: при печатании прошу покорнейше еще раз доставить мне в корректуре страницы, № коих означены мною на обороте заглавия. На этих страницах я останавливаюсь; нужно смягчить или изменить места, но дума об этом отнимет еще несколько времени; а Вы и так зело мучили меня своим *хождением.*

Искренно уважающий Вас
Н. Гиляров

21 дек<абря> 1860

[1] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 457. Л. 1—1 об.

[2] Внизу на письме **П.** приписал карандашом: «Это относ<ится> до моей книги „Христ<ианские> начала семейной жизни“. Гиляров б<ыл> цензором и написал примечания к книге». Речь идет об анонимно опубликованном Победоносцевым переводе сочинения немецкого теолога Г. В. Тирша «Христианские начала семейной жизни» (М.: В тип. С. Селивановского, 1861. — <4>, 195 с.; впервые на языке оригинала опубл.: Frankfurt am Main, 1854). Цензурное разрешение подписано **Г.-П.**, в тот период (1856—1862) служившим в Московском цензурном комитете, 19.XII.1860 г. (Впоследствии **П.** дважды переиздавал этот свой перевод — в 1899 и 1901 гг.)

[3] Эти обстоятельные примечания (упомянутое **Г.-П.** — на с. 32—34, а также еще одно, на с. 16) — о возможности вступать в новый брак, по христианскому учению и еврейскому законодательству, и о верности супругов в браке — помещены за подписями «П. Ц.» и «Пр. Ц.», т. е. «Примечание цензора», — в отличие от многочисленных примечаний самого переводчика (П.), подписанных «Пр. Пер.». Приведем эти примечания, чтоб стало ясно, насколько были серьезны богословские интересы 33-летнего переводчика и его 36-летнего цензора.

К словам Тирша: «В Христианстве более против прежнего возвышено достоинство женщины. В законе Римском и даже в Моисеевом права ее не были одинаковы с правами мущины: права женщины не были ни столь священны, ни столь же важны; но по идее

Христианства жена имеет такое же право на совершенную верность мужа, какое имеет муж на безусловную верность жены» (с. 15—16) — **Г.-П.** делает сноску: «Справедливо изъясняя, что „по идее Христианства жена имеет такое же право на совершенную верность мужа, какое имеет муж на безусловную верность жены“, автор выражается не совсем точно, когда противопоставляет этот христианский закон одинаково как закону Римскому, так *даже и Моисееву*. По отношению к Моисееву закону это противопоставление справедливо только в том смысле, что Ветхий Завет допускал многоженство и, следовательно, как бы разделял верность мужа между несколькими женами. Но тем не менее Моисеев закон обязывал к верности как женщину, так и мужчину: седьмая заповедь, запрещающая прелюбодействовать, относилась, как и относится, не к одним женщинам, а и к мужчинам. Корень неточности, допущенной автором, заключается в том, что он здесь не различил строго закона нравственного от чисто юридического, гражданского. Первый всегда и для всех был и есть один и тот же, а следовательно, и сопоставляем быть не может ни с каким национальным законодательством, имеющим в виду условную правду и изменяющимся сообразно с понятиями времени и особенностями народными. А автор именно и делает эту ошибку. Закон всеобщий Христианский сравнивает с национальным законом и с национальною же частию Еврейского закона (тогда как этот последний имел, между прочим, в себе и общую, безусловно нравственную часть). — *П. Ц.*» (с. 16).

Слова Тирша (предварительно значительно переработанные **Г.-П.** в тексте перевода **П.**): «Таким образом, допускаемое реформаторами свободное разрешение развода и нового брака не находит в словах Христа безусловного оправдания даже и тогда, когда бы это разрешение ограничивалось только случаем явной неверности» (с. 32) — все же вызвали еще более пространное примечание цензора: «В подлиннике автор выражается гораздо решительнее. Он безусловно отрицает дозволительность вступления в новый брак, даже для невинной стороны. Мысль свою он думает утвердить на изъяснении вышеприведенных слов Спасителя (Матф. XIX, 9). К чему относятся, говорит он, слова: „не за прелюбодеяние“? Не ко второй половине стиха, в которой речь идет о вступлении в брак с пущеницею, а к первой, где говорится об отпущении жены. Кто отпускает жену, тот вообще грешит: дозволяется отпустить ее только в случае неверности. А кто, отпустив жену свою, женится на другой, тот во всяком случае поступает незаконно.

Мы сочли нужным исключить в переводе это изъяснение и смягчить самую мысль автора, во-первых, потому, что мысль эта несогласна с правилами, принятыми Вселенскою церковью, а во-вторых, потому, что изъяснение, в которое вступает автор, не совсем идет к характеру и назначению настоящей книги. Изъяснять смысл библейского места, в особенности такого, которое, подобно выше приведенному, подвергается различным толкованиям, прилично в сочинении специально экзегетическом, где возможно подробное изложение оснований, на каких дается смысл такой, а не иной, равно как и подробное указание на другие изъяснения и их основания и т. д. В сочинении же исключительно нравственном, каково настоящее, изъяснения подобных мест, естественно лишенные необходимых подробностей, могут вести только к односторонностям.

Тем не менее мы сочли долгом указать на сделанное нами изменение и хотя под строкой привести подлинную мысль автора, между прочим даже с тою целию, чтоб показать, как легко даже в справедливом протесте против крайностей известного исповедания перейти надлежащую границу и удалиться в противуположную крайность, когда не стоишь на твердой Вселенской почве. Автор, столько разумный в других случаях, не удержался здесь на начале нравственной свободы, на этой высшей, духовной точке зре-

ния, с которой единственно и можно судить о христианском браке. Справедливо осуждая разнузданность протестантства, которое, действительно, своим легким разрешением разводов лишает брак истинного нравственного значения, он не находит другого исхода кроме исключительной принудительности, — начала опять вовсе не нравственного, вовсе не идущего к взаимоотношениям между существами духовными. Став на эту ошибочную точку, он не совсем охотно говорит даже о дозволительности вступления в брак после смерти одного из супругов. Слышится в нем как будто сожаление, что на этот раз решительные слова Писания отнимают у него всякую возможность к перетолкованию (см. выше). Однако надобно отдать честь его добросовестности: он на это не решился, и от того в этом собственно вопросе удержался именно на мудрой умеренности, которую признала правою Вселенская церковь. К чести его, нельзя не сказать также, что даже в вопросе о разводе, допустив было грубую ошибку в основном взгляде, он скоро, так сказать, выпрямляется. Развитое нравственное чувство выносит его, и подсказывает ему следующее превосходное замечание, зиждущееся уже не на принудительном, а на чисто нравственном начале: „Пусть, говорит он, протестантские богословы, которые так спорят за право невинной стороны на вступление в новый брак, серьезно предложат себе вопрос: кого следует считать невинным? Они убедятся в том, что прежде, чем дело дойдет до формального разрыва, окажется и на другой стороне вина: хотя она и неуловима для человеческого правосудия, но на весах правосудия Божественного окажется достаточно тяжкою. И кто дает относительно невинной стороне право — вторичным вступлением в брак навсегда пресечь для другой стороны возможность разврата, примирения и исправления? Если дозволить одной только стороне вступление в новый брак, не обращая внимания на возможность раскаяния с другой стороны, — это было бы слишком несправедливо в отношении к этой последней: сам закон должен наконец убедиться в этой несправедливости, и потому под конец, как например в Пруссии, он доходит до того, что дозволяет обеим сторонам вступление в новый брак. Первое нарушение Божественной заповеди влечет за собой полное ее разрушение по закону необходимости". Но, повторим опять, эти превосходные сами в себе размышления, говорят только против безусловно свободного расторжения нарушенных неверностью браков, а никак не в пользу безусловной недозволительности подобного расторжения. — *Пр. Ц.*» (с. 32—34).

Имеется еще одно, краткое, примечание **Г.-П.**, которое также — для полноты картины — приведем полностью. Оно относится к фразе Тирша по поводу религиозных текстов: «Значение всех писаний человеческих слабеет и теряется для нас...» **Г.-П.** довольно резким тоном поясняет: «Замечание это относится к молитвам, составленным реформаторами и принятыми у протестантов» (с. 87).

2[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

<Апрель (?) 1867 г.>

Дай Вам Бог счастливого пути[2], Константин Петрович. Супруге Вашей[3] желаю того же и с тем вместе прошу передать мое почтение.

Покорнейшая моя просьба заключается в следующем:

1) Справка относительно кафедры церковной истории в П<етер>бургском университете. Она свободна[4], это несомненно, но допускают ли университетские штаты полный профессорский оклад?

2) Слышал я, что философию читает в Петербурге какой-то священник[5], притом едва ли не в виде *временного* преподавателя. Не худо бы разузнать и об этом.

3) Повидайте Сергиевского[6] и передайте ему, что ему, вероятно, известно неудовольствие, против меня возбудившееся в высшей официальной сфере; что размеры этого неудовольствия и причины ему должны быть известны более, чем кому-либо; что, как я предполагаю, кроме моей публицистической деятельности[7], что-нибудь чудовищное наговорено было против меня товарищу обер-прокурора Юрию Толстому[8] Бартеневым[9], закадычным другом Бессонова[10]. Этот последний ни перед чем не остановится, и не удивительно, что по возвращении из Москвы Юрий Толстой счел нужным представить обер-прокурору[11] состояние Типографии[12] в черных красках[13]; что необходимость выйти сознаю-де я очень хорошо, но, не зная истинных размеров неудовольствия, не знаю, послушаться ли советов, внушающих выйти немедленно, не дожидаясь ни минуты; что если действительно желают в Петербурге сколь возможно скорейшего моего выхода, то нельзя ли мне надеяться, что дадут мне по крайней мере предварительный отпуск по болезни месяца на три-четыре. Я бы успел в таком случае и попользоваться старорусскими минеральными водами[14], и устроить свою судьбу, а с тем вместе по окончании срока отпуска и совсем откланяться.

О Бартеневе — Бессонове тож я делаю не простое предположение. Были свидетели, что Бартенев в декабре месяце что-то в клубе[15] наветовал против меня Юрию Толстому; не могу я добраться только, что именно было говорено[16].

Затем, прошу Вас не полениться меня уведомить. Признаюсь, нервы мои теперь весьма не в порядке, и желалось бы выйти поскорее из крайне неприятного теперешнего положения.

Ваш *Н. Гиляров*

[1] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 465. Л. 7—8 об. (Копия **Ш.**: Там же. № 456. Л. 6—7.)

[2] В 1866 г. **П.** окончательно переехал с семьей в Петербург, куда был приглашен для преподавания юридических наук наследнику великому князю Александру Александровичу.

[3] Екатерина Александровна Победоносцева (ур. Энгельгардт), жена **П.** с 9.I.1866 г.

[4] Кафедра церковной истории в С.-Петербургском университете действительно в тот период названа в числе 10 незамещенных кафедр Историко-филологического факультета (см: *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования: Ист. записка. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1870. С. 326—327 (паг. 1-я)).

[5] Этим священником был знаменитый философ и богослов прот. Ф. Ф. Сидонский, почетный доктор философии С.-Петербургского университета (1864). Согласно Университетскому уставу 1863 г. всем университетам предстояло после 20-летнего перерыва вновь учредить у себя самостоятельные кафедры философии, при этом возникли кадро-

вые проблемы. В Петербурге вышли из положения, пригласив о. Феодора в июне 1865 г. «к чтению философии в качестве постороннего преподавателя, с окладом орд<инарного> профессора» (**Т**ам же. С. 367 (паг. 1-я)). В том же 1867 г. штатным доцентом кафедры философии был утвержден логик и психолог М. И. Владиславлев (см.: Там же. С. 368 (паг. 1-я)).

[6] Имеется в виду Николай Александрович Сергиевский, двоюродный внук митр. Филарета (Дроздова), исправляющий должность директора Канцелярии обер-прокурора Св. Синода в 1866—1869 гг.; современники называли его «правой рукой графа» Д. А. Толстого (см.: *Савва* <(*Тихомиров*)>, *архиеп.* Хроника моей жизни: Автобиогр. записки: <В 9 т.>. Св.-Троицкая Сергиева лавра, 1901. Т. IV. С. 296); с 1869 г. Сергиевский был попечителем Виленского учебного округа. В архиве **Ш.** в РНБ сохранились автографы 14 писем и официальных отношений **Г.-П.** к Сергиевскому за 1862—1864 гг. (Ф. 847. № 478, 479) и копии (выполненные разными лицами) восьми ответных писем (№ 691). В этот период они дружили, и Сергиевский много способствовал утверждению кандидатуры **Г.-П.** в должности управляющего Синодальной типографией. Но впоследствии они серьезно поссорились, и, например в письме к И. С. Аксакову от 18.XI.1883 г., **Г.-П.** давал бывшему приятелю следующую характеристику (имея в виду его репутацию в Синодальном ведомстве): «...Н. А. Сергиевский, высокопробный негодяй, а пользующийся у *них*, там, доверием и сочувствием» (РНБ. Ф. 847. № 359. Л. 21).

[7] Имеются в виду написанные **Г.-П.** передовые статьи в аксаковской газете «Москва», главным образом — о предполагавшейся реформе системы духовного образования. См. подробнее примеч. 20 к п. 3.

[8] Гр. Ю. В. Толстой — государственный деятель и историк; служил в министерствах военном, внутренних дел и государственном контроле, был тверским вице-губернатором, с 14.I.1866 г. — товарищем обер-прокурора Св. Синода. См. отзыв о нем современников, переданный профессором Московской ДА П. С. Казанским в письме к брату архиепископу Платону (Фивейскому) от 17 ноября 1866 г.: «О Юрии Толстом говорят, что весьма дурно обращается с подчиненными чиновниками» (*Беляев.* Вып. II. С. 105). И позднее, в письме от 4.IX.1869 г.: «Меня даже дивит, что Юринька Толстой сменяет нипочем архиереев! Можно бы теперь сказать нашим колпакам: вот тебе, бабушка, Юрьев день!» (Там же. С. 275).

[9] Историк П. И. Бартенев, издатель-редактор журнала «Русский архив» (см. примеч. 8 к п. 10). Познакомился с **Г.-П.** в 1854 г.; первое время они дружили, их связывала интенсивная переписка (в фонде Бартенева в РГАЛИ сохранились 27 писем к нему **Г.-П.** за 1854—1876 гг., а в фонде **Ш.** в РНБ — 3 ответных письма Бартенева к **Г.-П.** за 1855 и 1856 гг.). Позднее в конфликте **Г.-П.** с П. А. Бессоновым (см. ниже примеч. 10 и 16) Бартенев полностью принял сторону последнего.

[10] В семинарские годы будущего фольклориста и этнографа П. А. Бессонова и **Г.-П.** (он был тремя годами старше) связывали нежно-сентиментальные отношения (см.: *Из пережитого. 2009.* Т. 2. С. 65—66), впоследствии, уже в 1860-х гг., переросшие во вражду. Сохранились 4 письма к **Г.-П.** от 15-летнего Петра Бессонова за май—август 1842 г. Они наполнены душевными излияниями такого рода: «После того, что уже было между нами, после всех уверений в дружбе, после всех разговоров и писем, кажется, пора бы уже перестать сомневаться в истинности моей дружбы к тебе; да, пора бы» (Письмо от 13 мая 1842 г. // РНБ. Ф. 847. № 589. Л. 1). В августе 1893 г. **Ш.** сообщал об этих письмах Бессонову в Харьков: «Собирал матерьялы для жизнеописания Никиты Петровича Гилярова-Платонова и, в оставшихся после него бумагах, нашел несколько Ваших пи-

сем, писанных в 1842 году и относящихся ко времени Вашего совместного с ним обучения в Семинарии. В этих письмах сквозит, можно сказать, нежная дружба Ваша с товарищем Вашим Гиляровым. Если у Вас сохранились письма к Вам семинариста Гилярова, не откажите сообщить» (Там же. № 68. Л. 3). Бессонов наотрез отказался ознакомить **Ш.** с письмами **Г.-П.**, ссылаясь на их интимный, глубоко личный характер. Он отвечал 29.VIII.1893 г.: «...Вы при первых же шагах и попавшихся данных нисколько не ошиблись, заключивши о нашей с Гиляровым тесной близости и в собственном смысле „дружбе" за ранние молодые лета. О том <...> знали хорошо и наши сверстники, помнят еще довольно многие. Исправляя здесь некоторые неточности, замечу, что около двух первых лет приязни, когда только не видались лично, мы писали друг другу ежедневно: мои письма были почти все сожжены, Гилярова — у меня все сохранились. <...> Но эти отношения между мною и Гиляровым, а вместе самое выражение их на письме, до того деликатны, прибавлю — тонки и, неизбежно, своеобразны индивидуальностью, что об них нельзя говорить (даже и теперь) слегка или шутя, не в состоянии их оценить и даже „усвоить" в подлинном свете какое бы то ни было лицо постороннее, нельзя и поверить их сразу или целиком сему последнему» (Там же. № 98. Л. 1 об.—2). При встречах, вспоминал Бессонов, они с **Г.-П.** «перечитывали письма позже, кое-что из них зачеркнули или уничтожили (о чем я крайне теперь сожалею). Кроме того, в состав переписки входят целые „рассказы" покойного об его ранних летах и всех условиях семьи, из чего многое нельзя и публиковать» (Там же. Л. 2). Позднее, в письме к **Ш.** от 12.I.1894 г., Бессонов подтверждал свое решение относительно писем **Г.-П.**: «Действительно, как я писал Вам и прежде, мои отношения к Н. П. Гилярову, в особенности ранние, были так деликатны, а некоторые подробности писем, по преимуществу семейные, так интимны, что я не могу и даже не вправе предоставить их целиком любому произволу толкования и трактования, напротив, моя обязанность — самому редактировать, с объясненьями, выборку того, что может проникнуть отсюда в Вашу и какую бы то ни было печать» (Там же. Л. 3). Позднее Бессонов, как и **Г.-П.**, примыкал к кругу славянофильской «Русской беседы». С 1858 г. одновременно с **Г.-П.** стал членом ОЛРС, с того же года служил секретарем, а затем советником московской Синодальной типографии, управляющим которой с 1863 г. стал **Г.-П.** (см. примеч. 12 к наст. письму). В цитированном выше письме Бессонова к **Ш.** от 29.VIII.1893 г. тот рассказал о перипетиях своих взаимоотношений с **Г.-П.**: «...один мой правдивый, но по привычной моей откровенности громкий и тем самым неосторожный отзыв в кружке славянофилов — о деятельности Гилярова (быстро подхваченный и проникший, кажется, даже в литературу) произвел между нами холодность и сдержанность (в печати и на службе), до такой степени не понятную посторонним, что нас даже считали иные „врагами", а некоторые и усердствовали раздуть мнимую неприязнь в действительную, по обычаю помогая сплетнями, чтобы прислужиться одному или другому. Хотя мы оба понимали это дело совсем иначе и на окружавшие толки, естественно, отмалчивались, — я по сожаленью о вылетевшей из уст неосторожной остроте, Гиляров — по сознанию некоторой ее верности...» (Там же. Л. 2—2 об.).

[11] Обер-прокурором Св. Синода в тот период (1865—1880) был историк гр. Д. А. Толстой, одновременно и министр народного просвещения (1866—1880); позднее (с 1882 г.) министр внутренних дел.

[12] Речь идет о московской Синодальной типографии, управляющим которой **Г.-П.** состоял с 20.VIII.1863 г. по 14.VIII.1868 г.

[13] Впоследствии эти необоснованные претензии к московской Синодальной типографии — что особенно возмущало **Г.-П.** — вошли даже во Всеподданнейший доклад по ведомству православного исповедания на 1868 год. **Г.-П.** напоминал Победоносцеву 8.XI.1883 г.: «...начальство <...> нашло уместным само оклеветать меня, да еще во Всеподданнейшем докладе. Об этом я тоже имел честь изливать перед Вами лично свою горечь тогда» (п. 71).

[14] На территории курорта в Старой Руссе, основанного в 1828 г., расположены девять источников с разной степенью минерализации: два из них относят к лечебной питьевой воде, а остальные образуют три минеральных озера и никогда не замерзающий разлив ручья Войе. В Старой Руссе в первой половине 1870-х гг. неоднократно месяцами жили супруга **Г.-П.** Вера Алексеевна со старшим сыном Николаем, страдавшим заболеванием опорно-двигательного аппарата; сюда приезжал и **Г.-П.**

[15] Имеется в виду Английский клуб в Москве. О знаменитой «вральной комнате» этого клуба **Г.-П.** со знанием дела упоминал в очерке «Возрождение Общества любителей российской словесности в 1858 году» (см.: *Из пережитого. 2009.* Т. 2. С. 200).

[16] Незадолго до этого письма, в марте 1867 г., **Г.-П.** писал своему начальнику В. А. Лаврову (см. о нем примеч. 4 к п. 3): «Известного сорта благоприятелей у меня довольно. И может ли их не быть, когда приходилось и приходится очищать Типографию от людей положительно негодных или сомнительных, когда приходилось и приходится бороться с неисправностью здесь, запущением там, прямым плутовством в третьем месте? Вы сами изволите знать, в каком положении получил я Типографию и из которого не успела окончательно она выйти и теперь. Судя по тому, что до меня доходит, каких чудовищных нелепостей не говорит обо мне один Бессонов, а за ним приятель его задушевный П. И. Бартенев, а за этим разносителем вероятных и невероятных вестей — вся вселенная. Чего неспособны выдумать и все выпровожденные и выпроваживаемые мною из Типографии? Все это со временем выйдет на свежую воду, и тогда выяснится, кто, по каким убеждениям и на каких основаниях говорил то или другое о Синодальной типографии» (цит. по копии **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 434. Л. 3—4). Видимо, порочащими **Г.-П.** сведениями, распространяемыми Бартеневым, в пользу его приятеля Бессонова интерпретировался скандал, из-за которого тот вынужден был уйти в 1865 г. из Синодальной типографии. В дневнике **Ш.** под 1.IX.1893 г. записано (со слов племянника **Г.-П.**): «Ф. А. <Гиляров> утверждает, что Бессонов нравственно нечистопл<отно> вышел из Синод<альной> типографии, что он зачитыв<ал> там книги и рукописи и будто даже едва ли не хапнул; что Никита его выпер...» (Там же. № 49. Л. 45 об.). Действительно, в архиве **Ш.** сохранился «Реестр книг и рукописей, взятых советником г. Бессоновым из Типографской библиотеки в разное время», включающий 14 книг 1625—1837 гг. издания, а также 8 рукописей и 9 «картин при книге венчания на царство Михаила Федоровича» (Там же. № 347. Л. 1—2). Поводом для ухода Бессонова из Синодальной типографии послужил отказ **Г.-П.** печатать его вступительную статью к одному из изданий типографии (посвященному 300-летию первой русской книги — «Апостолу»). **Г.-П.** писал библиографу С. А. Соболевскому 12.VIII.1865 г.: «Предисловие, подготовленное Бессоновым, на мой взгляд, не годилось никуда, ибо представляло высокопарный набор слов с двумя-тремя фактами, и только. Издавать подобное разглагольствие, с точки зрения ораторской, может быть, и не дурное, было крайне неудобно, когда издание идет от имени Святейшего Синода и когда предисловие, следовательно, пошло бы тоже от имени Синода, по меньшей мере — от имени Типографии. Что затем произошло, отчасти Вам известно. Бессонов ушел» (РГАЛИ. Ф. 450. Оп. 1. № 20. Л. 202—202 об.).

Тот при поддержке Бартенева оправдывался печатно, подробнейше описав, что успел сделать для будущего издания. См.: *Бессонов П.* Об юбилейном издании московской Синодальной типографии: (Письмо к издателю «Русского архива») // *РА*. 1867. Вып. 5/6. Стб. 914—921; отд. отт.: <М., 1867>. 8 с. (см. также примеч. 13 к п. 4). Бессонов собирался подробно описать свою дружбу-вражду с **Г.-П.** в задуманных им обширных мемуарах. Он сообщал: «В этом объеме, как ни сокращал я, отношения с Гиляровым, даже „практические“ и „письменные“, готовы занять целый том» (РНБ. Ф. 847. № 98. Л. 2).

3[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

П<етер>бург 5 мая <1867 г.>[2]

Любезный друг Никита Петрович. Сегодня утром был у Сергиевского с тем, чтобы поговорить об Вас. Он первый, узнав, что я приехал из Москвы, стал об Вас расспрашивать, изъявляя удивление, что Вы так долго не писали к нему[3]. Затем — известие о неприятностях Ваших и о бумагах, Вами получаемых по службе, по-видимому, было для него новостью. Он уверяет, что обо всех этих бумагах не имеет понятия и они шли, вероятно, исключительно от Хозяйственного отделения, через Лаврова[4]. С обер-прокурором он, по словам его, давно уже не имел разговору об Вас, но крайне удивляется нерасположению гр. Толстого: Сергиевский уверяет, что, по его наблюдениям, нерасположение это вначале было сильно, но потом значительно смягчилось, и еще недавно гр. Толстой передал Сергиевскому заметку Вашу по какому-то вопросу[5], с похвальным отзывом и с приказанием воспользоваться ею со вниманием. Повторяю, что Сергиевский, как видно, ничего не знает об Ваших обстоятельствах. С гр. Толстым он видится редко — не чаще как раз в неделю. Услышав от меня о Ваших неприятностях, Сергиевский предполагает, что неудовольствие к Вам должно исходить главным образом от Хозяйств<енного> управления, которое будто бы питает враждебные к Вам чувства вследствие прежних Ваших действий при Ахматове и того влияния, которое Вы в то время имели на Ахматова[6]. Нельзя было мне распространяться с Сергиевским — он был занят с начальником отделения[7] и теперь у них в Синоде работа идет горячая, ибо обсуждается в заседаниях по статьям проект Устава дух<овных> учебных заведений[8]. Я должен был уйти скоро, но Серг<иевский> с тем отпустил меня, что он сегодня же соберет сведения о Вашем деле, понюхает воздух — и завтра приедет сообщить мне. Судя по моему впечатлению, Сергиевский как будто искренно озабочен Вашим положением. Итак, завтра еще буду ожидать сведений от Сергиевского.

От него я пошел к тов<арищу> о<бер>-пр<окурора> Юрию Вас<ильевичу> Толстому, которого несколько знаю. Я сразу приступил к разговору об Вас. Должно быть, он человек не лукавый — я так всегда и слышал об нем. Он сразу объявил мне, что, имея к Вам полное уважение как к человеку и ученому, он

в то же время не расположен к Вам в служебном отношении, настолько, что счел нужным в последнее время по возможности устранять себя от дел, до Вас касающихся. Очевидно, что он горячо принял к сердцу служебные Ваши действия и относится к ним очень критически. Когда я спросил: какая тому причина? — он отвечал мне: Гиляров — человек вовсе не практический, он ученый и прожектер, вводит какие-то преобразования, совсем не совместные с условиями дела, и не доводит их до конца[9]. Я просил дальнейшего объяснения примерами, и Толстой ответил, что их множество. Вот Вам первое: и он вытащил из соседней комнаты большую тетрадь, изданную Вами по случаю юбилея. Он указал как на образец непрактичности — листы образцов типогр<афских> шрифтов, букв, заголовков и проч., сказав, что вовсе не было нужды издавать все это, что это даже не образцы того, что есть в Типографии, а образцы, из всяких книг собранные, что к этому изданию предположено напечатать в виде комментария ряд статей, из которых Вы только одну изготовили, а о других сказали, что они могут быть изготовлены едва лет через 5[10]; наконец — что все это издание стоило больших сумм. — Но я полагаю, — сказал я, — что издание было сделано и суммы употреблены с разрешения начальств[11]. — Нет, — отвечал Толстой, — и Никита Петр<ович> до сих пор еще не дал отчет в этих суммах.

Другой пример: о библиотеке Синодальной. Никита Петрович отстаивает эту Библ<иотеку> у Ведомства нар<одного> просв<ещения> — и совершенно дельно и достойно. Но в то же время как он заботится о сохранении ее? Тут Толстой стал рассказывать, как он был в Москве, как его повели задними ходами, мимо нужников, в квартиру бухгалтера[12], через кухню, и тут провели в маленькие комнаты, где он едва мог пролезть мимо полок. — Я возразил: но ведь Никита Петр<ович> и заботился и поднимал вопрос именно об устройстве для Библиотеки лучшего помещения[13]. — Так, — сказал Толстой, — но можно ли оставлять такую драгоценность теперь в таком помещении, в опасности от расхищения, в руках — можно сказать — у бухгалтера, который, может быть, сегодня и надежный человек, а завтра — нет...

Далее: поверьте, говорил Толстой, что я вовсе чужд чиновничьего самолюбия и совсем не ждал и не требовал торжественных приемов. Но все-таки — как бы то ни было — я приехал по этому делу в Москву — дал знать заранее, в котором часу я буду в Типографию — и что же? Ничего не было приготовлено — побежали искать ключей, и я должен был минут 5 дожидаться где-то на лестнице, покуда ключи будут найдены...

Далее: поминал о фресках, которые Вы нашли где-то на стене и которые оказались замечательными[14]. Никите Петр<овичу> поручено было снять с них фотографич<еские> снимки — он прислал рисунки, сделанные типогр<афскими> учениками. Но и эти рисунки, хотя и грубые, показали настолько замечательную вещь, что переданы были в Академию художеств. И что же? После того осенью — или зимою — оказалось, что эти фрески содержатся Вами без всякого призора и попечения — в комнате, где даже рамы не вставлено и окна завешаны рогожами.

Поминал еще Толстой, что Вы оставляете за штатом чиновников, когда еще штаты не сокращены и должности не уничтожены [15].

Но поминает также, что со вступлением Вашим в должность Типография усовершенствовалась и стал иной порядок, что до Вас был период коллегиального расхищения Типографии — при Лопухине [16] и пр.

Я вспомнил Ваши слова о Бессонове, не имели ли его наветы — действия на мнения Толстого. Но Толстой сам помянул о Бессонове — по поводу юбилейных изданий, — что Бессонов был человек нечистый — Гиляров выгнал его и хорошо сделал. Из этого я заключаю, что мнение Толстого едва ли могло быть под влиянием Бессонова.

Но к чему же это ведет? Где же вывод и результат, — спросил я. — Скажите мне прямо — желаете ли Вы вытеснить Гилярова с этой должности, признаете ли негодным для нее, хотите ли заменить другим? — Вовсе нет, — отвечал Толстой, — об этом намерении вовсе нет и помину.

Я говорил ему о привязчивых и неприятных бумагах, которые Вы получаете. Он, по-видимому, не имеет об этом сознания. Я намекнул, нет ли во всем этом враждебного предрасположения со стороны Хозяйств<енного> управления. Но Толстой уверял меня напротив — что и Лавров, и Смирнов [17] постоянно были первыми и главными Вашими защитниками и всегда говорили и действовали в Вашу пользу. — Разумеется, — прибавил он, — я не могу ручаться за столоначальников и начальников отделения, — я сам испытал по М<инистерст>ву внутр<енних> дел [18], что эти господа иногда могут всего враждебнее действовать и притеснять и делать разные пакости.

Затем — кто же не благоволит к Вам лично? Юр<ий> Толстой протестует, что он решительно ничего не имеет лично против Вас и что его мнение слагается только из мотивов служебной деятельности.

Стало быть, Министр? Юрий Толстой, по-видимому, не посвящен в тайны личного расположения гр. Толстого — и хотя они товарищи по Лицею [19], но Толстой уверяет, что и видится с Графом редко — раз в 2 недели. Но и он подозревает, нет ли в Графе оскорбленного самолюбия, и он помянул о записке, которую Вы когда-то представили Графу, и о статьях газеты «Москва» [20]. Записка эта, о которой и Сергиевский — говорил мне, в то время очень раздражила Графа. Серг<иевский> объяснял дело так. Граф, заявив Вам свое мнение, поручил составить Записку о дух<овных> учебн<ых> заведениях. По Вашему плану, записка д<олжна> была состоять из 2 частей. Одна — д<олжна> б<ыла> содержать в себе критику противуположного мнения; другая — положительное Ваше заключение об организации учебной части. Вы представили одну первую часть — отрицательную, и в ней был самый беспощадный разбор мнения Министра, — а другой, положительной, части и до сих пор не представили. Толстой был раздражен очень, но, по наблюдениям Сергиевского, раздражение это много смягчилось теперь.

Вот, любезнейший друг, передаю Вам результат нынешних бесед моих. Кстати, еще прибавлю вот что. Перед отъездом Вел<иких> Князей из Москвы имел

я разговор с графом Перовским[21] — о гр. Толстом, который ему приятель. Я говорил о гр. Толстом критически и между прочим приводил в виде аргумента против него — Вашу историю. На это гр. Перовский отвечал мне, что было следующее. Некто Жемчужников, родня Перовскому[22], прослышав, что Вы будто бы оставляете Типографию[23], просит Перовского похлопотать у Толстого о предоставлении ему Вашего места. Но Толстой отвечал решительно (это б<ыло> недавно), что и речи не было и нет об оставлении Вами Типографии и что Вы для нее весьма нужны.

Пишу наспех, записывая только факты, и потому не взыщите за отрывочность. Завтра, если придет ко мне Сергиевский, что нового от него услышу, передам Вам. Мужайтесь, любезнейший друг, и потерпите еще, что будет. Остальное, что поручено Вами — об университете, — постараюсь исполнить в скорости. — Обнимаю Вас.

Ваш *К. Победоносцев*

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 58. Л. 1—2 об. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 676. Л. 1—9.)

[2] Год установлен по содержанию.

[3] Согласно «Описи письмам к Н. А. Сергиевскому от покойного Н. П. Гилярова-Платонова», составленной самим Сергиевским для **Ш.** 19.XII.1893 г., из 14 сохранившихся писем последнее датировано 2.VII.1864 г. (см.: РНБ. Ф. 847. № 78. Л. 12 об.).

[4] Василий Алексеевич Лавров — директор Хозяйственного управления при Св. Синоде в 1863—1875 гг. и, таким образом, непосредственный начальник **Г.-П.**, к которому относился с неприязнью. В дневнике **Ш.** под 13.IV.1893 г. зафиксировано любопытное свидетельство современника: «А. И. Остроумов рассказывал, что когда Гиляров был начальником Синодальной типографии, то к нему явился представляться директор Хозяйственной части Лавров, которого Н<икита> П<етрович> принял в халате, причем ноги положил либо на стол, либо на стул, а ноги были обуты в чулки и туфли. Лавров же был в форменном вицмундире и при звез<д>е — отсюда и месть. Неудовольствие же это в Петербурге. — Затем представленная Н<икитою> П<етровичем> записка о преобразованиях в Типографии была снабжена, испещрена ядовитейшими примечаниями Лаврова, лишившими ее всякой силы» (Там же. № 49. Л. 18 об.). Раздражали Лаврова многочисленные обстоятельные служебные письма **Г.-П.**, на которые необходимо было реагировать. В одной из докладных записок (сохранился недатированный черновик ее начала) **Г.-П.** писал Лаврову: «Позволяю себе сделать только одну оговорку. Вы пишете, что Вы не формалист, и потому не требуете от меня подробных писем, а дозволяете ограничиваться короткими записками. Извините меня, но я могу принять позволение Ваше под одним условием, если Вы скучаете моими письмами. Но и этого не могу принять безусловно, ибо не хочу допустить мысли, чтобы Вы скучали рассуждениями о деле. Письма мои к Вам суть моя внутренняя потребность: я не могу успокоиться, доколе не выясню пред Вами вполне всех оснований моей деятельности и моих намерений» (Там же. № 431. Л. 11).

[5] 8.XI.1883 г. **Г.-П.** писал **П.**: «В архивах Хозяйственного управления должна сохраниться масса моих записок и представлений по разным сторонам типографского хозяй-

ства, наполовину оставленных без движения; а часть, вероятно, не дошла даже до архива, — мои личные письма обер-прокурору и директору» (п. 71).

[6] А. П. Ахматов в тот период, с 28.II.1862 г. по 3.VI.1865 г., был обер-прокурором Св. Синода. В РНБ хранятся 9 писем **Г.-П.** к Ахматову за 1861—1865 гг. (Ф. 847. № 367, 368). Кроме того, в своих мемуарах **Г.-П.** упоминал о «неоднократных беседах с покойным А. П. Ахматовым» (*Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 75).

[7] Начиная с 1859 г. Канцелярия Св. Синода состояла из четырех отделений: двух распорядительных, которые ведали административными делами, и двух, отвечавших за судебные дела; в 1864 г. к ним добавились по еще одному распорядительному и судебному, которые первые три года считались временными, а затем были утверждены в качестве постоянных (см.: *Барсов Т. В.* Синодальные учреждения прежнего времени. СПб.: Скоропеч. и лит. И. Ф. Пухира, 1897. С. 33—40).

[8] Преобразование духовных учебных заведений, — полностью изменившее их внутреннее устройство, которое теперь основывалось на началах широкой коллегиальности, — в тот период совершалось под воздействием реформаторских настроений в обществе: 14.V.1867 г. были Высочайше утверждены новые семинарский и училищный уставы, а 30.V.1869 г. — академический устав. **Г.-П.** и **П.** относились резко отрицательно к этим либеральным нововведениям (или, как назвал их **Г.-П.** в своих мемуарах, «деморализующему самоуправлению» (*Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 212)), поскольку они подрывали церковно-охранительные устои духовной школы и вели за собой падение дисциплины и снижение уровня религиозно-нравственного воспитания.

[9] В таком мнении о **Г.-П.** гр. Ю. В. Толстой не был одинок. Например, проф. П. С. Казанский писал брату 23.X.1867 г.: «Много затевал Гиляров литературных предприятий, но ни одно не доводил до конца...» (*Беляев*. Вып. II. С. 155).

[10] Гр. Ю. В. Толстой не прав, предъявляя претензии к **Г.-П.** в связи с подготовкой особого Юбилейного издания, приуроченного к 300-летию Синодальной типографии. Подробно о нем **Г.-П.** писал в ответном письме к **П.** (см. ниже), а также в докладной записке (за № 80 от 13.XI.1866 г.), адресованной В. А. Лаврову, соответствующий фрагмент которого приведем полностью:

> «Как известно Вашему Превосходительству, Юбилейное издание предполагалось к выходу еще в 1864 году. Оно должно было состоять: а) из снимков со старопечатных книг, и именно с тех страниц, букв, заставиц и изображений, которые представляют особенную замечательность; б) из оттисков наличного состава шрифтов и украшений, находящихся в Типографии, особенно тех, которые уцелели от древности, и в) из объяснительного текста. Текст этот должен был состоять опять из двух отделов: в одном должны были заключаться объяснительные примечания к снимкам и оттискам, в другом — самая история Типографии. В первом выпуске этот последний отдел должен был, по предположению, заключать статью *о начале Типографии* и подробную статью *о первопечатном Апостоле*.
>
> Снимки и оттиски, как известно Вашему Превосходительству, для первого выпуска были совсем изготовлены, но не такова была судьба предполагавшегося текста. Составление его было поручено отчасти бывшему инспектору Типографии г. Новикову, а главным образом бывшему советнику г. Бессонову, в предположении, что сей последний хорошо знаком с историею Типографии и уже работал над нею, — в предположении, как оказалось, не совсем основательном, хотя и основывавшемся на литературных трудах г. Бессонова. К составлению первого

отдела текста, в свое время, лицами, коим было это поручено, даже и приступлено не было. Что же касается до второго отдела, то г. Бессоновым представлена была мне статья, но составленная так, что печатать эту статью в Юбилейном издании значило бы ронять достоинство издания, достоинство Типографии и самого Святейшего Синода. Объяснения, затем последовавшие с составителем, повели к тому, что г. Бессонов не изъявил желания продолжать службу в Типографии. Необходимо было озаботиться составлением новой статьи. Дело это поручено было настоящему инспектору Типографии г. Румянцеву, которому с тем вместе поручена была и ученая разборка архива, находившегося дотоле в положении до того плачевном, что некоторые, например, древние столбцы найдены были мною на чердаке валявшимися без всякого призора.

Ознакомление с архивом (дела которого начинаются с 1620 года) показало, что есть возможность составить полную историю Типографии по всем ее частям, весьма интересную как для истории русской вообще, так и в особенности неоцененную для истории русского просвещения, и в частности русской библиографии. На этом основании предположено было нами работать сообща для Юбилейного издания, и притом таким образом, чтобы последовательные выпуски Юбилейного издания заключали в себе полную историю Типографии, в виде отдельных статей об отдельных отраслях Типографской жизни, и об отдельных замечательнейших в ней событиях, а именно: а) историю типографской техники, б) историю библиографическую, т. е. какие книги, в каком числе экземпляров и с какими отметами изданы были во все продолжение существования Типографии, в) историю редакционных трудов, последовательно исполнявшихся в Типографии, д) <так!> историю типографской книжной торговли, е) историю типографской библиотеки, ж) историю типографского управления, з) историю типографских зданий, — и особые статьи: и) о первопечатном Апостоле; і) о первом русском училище (как известно, устроенном в XVII веке при Типографии) и к) о Елисаветинской Библии и т. п. При этом плане труда предположено было нами не держаться непременно какого-нибудь определенного порядка, но приготовлять для печати ту из статей, кем-либо из нас составленную, для которой прежде других успеют быть собраны материалы.

К числу таких-то статей принадлежит и статья, при сем прилагаемая, составленная г. Румянцевым. По моему мнению, если приготовить еще статью о начале Типографии и объяснительные примечания к снимкам, уже сделанным, тогда возможно будет издать первый выпуск нашего Юбилейного издания, и сколько смею судить, издание это займет весьма почтенное место в нашей ученой исторической и учено-библиографической литературе» (РНБ. Ф. 847. № 432. Л. 5—7).

Упоминаются исправлявшие в разное время должность инспектора московской Синодальной типографии Н. Н. Новиков, впоследствии член Совета Главного управления по делам печати, и В. Е. Румянцев, археограф, историк.

[11] В связи с возросшими в ходе работы над изданием расходов на него **Г.-П.** в свое время выходил с особой докладной запиской к непосредственному начальнику В. А. Лаврову. Сохранился ее недатированный черновик, где, в частности, отмечалось: «Вообще говоря, дело идет вперед, и, памятуя наказ Алексея Петровича, я стараюсь, чтобы издание вышло безукоризненно хорошо. Но здесь-то и начинаются затруднения. Сделать очень хорошо нельзя не только очень скоро, но, как известно Вашему Превосходитель-

ству, нельзя сделать и очень дешево. Нет сомнения, что издание [далеко] выйдет из своей сметы, [нами для него] предначертанной и начальством утвержденной, — и оно выйдет [из нее] притом не потому, чтобы мы слишком ошибались в предварительных расчетах, а именно потому, напротив, что, [составляя] делая <?> эти расчеты, имели в виду совсем другое издание, издание небольшое, [весьма] скромное, словом — такое, с каким можно было поспеть к 1 марта. [Но] Теперь, когда от Вас и от Алексея Петровича я получил позволение не торопиться к этому сроку, [уже стыдно было бы ограничиться предположенными] с таким, спешным, странным изданием явиться на свет было бы уже стыдно. Кроме размеров издания, значит<ельную> разницу сделает бумага» (Там же. № 431. Л. 36 об.). *Алексей Петрович* — Ахматов.

[12] Этого бухгалтера — Александра Ильича Арсеньева — **Г.-П.** весьма ценил за трудолюбие и честность; в представлении его к награждению орденом Св. Станислава 2-й степени он писал: «1-го бухгалтера коллежского асессора Арсеньева за свыше пятилетние примерно-неутомимые труды как по исправлению непосредственных своих обязанностей, до постигшего разделения оных между двумя лицами представлявших особенную многотрудность, так и по исполнению посторонних поручений, постоянно возлагавшихся на него Конторою по всем расчетам, относящимся к типографской деятельности, и сверх того за особенное ревностное содействие, в последнее время, предначертания Конторы о приведении ее счетов в возможно ясный порядок до последних подробностей» (Там же. № 433. Л. 5 об.).

[13] В вышеупоминавшемся письме к Победоносцеву от 8.XI.1883 г. **Г.-П.** вспоминал: «Состояние знаменитой Типографской библиотеки было ужаснейшее; на чердаке я нашел столбцы XVII столетия, употреблявшиеся чиновниками „для известных надобностей“. Сокровища наполовину были уже расхищены» (п. 71). Кроме того, профессор П. С. Казанский (вероятнее всего, со слов **Г.-П.**) сообщал архиеп. Платону (Фивейскому) 8.XII.1866 г.: «Покойный преосв<ященный> Иннокентий брал через Канцелярию обер-прок<урора> одну редкую книгу из Синодальной библиотеки в Москве, чрез них же он и послал ее возвратить. Канцелярия продала ее. Теперь книгу эту признали в Петерб<ургской> Публичной библиотеке и начали розыски. Публичная библиотека должна будет с ней расстаться» (*Беляев*. Вып. II. С. 109). Речь идет о знаменитом проповеднике и экзегете архиеп. Иннокентии (Борисове).

[14] В докладной записке от 13.XI.1866 г. на имя В. А. Лаврова **Г.-П.** сообщал: «При сем препровождая записку о древних зданиях московской Синодальной типографии, вместе с примечаниями и приложениями к оной, честь имею присовокупить

1) снимков с открытой старой стенописи, кроме того, который уже был препровождаем на благоусмотрение Вашего Превосходительства (и теперь вновь, особо от сего препровождается), еще не сделано. Для исследования существовавших старых окон необходимо было разобрать кирпичи из стены, окружающей теперешние окна; между тем наступили холода и отняли возможность продолжать снимки не только в натуральном размере, но даже в уменьшенном. (Уменьшенный снимок, начатый было типографским учеником и по вышеизъясненным обстоятельствам оставленный, при сем прилагается под буквою А.)

2) Относительно приложенной статьи я считаю долгом объяснить, что, как я уже имел честь объяснить, в предшествовавших представлениях по сему предмету, относительно открытой стенописи необходимы две статьи: а) одна должна заключать не более как самое краткое, в нескольких строках, объявление, вроде того, что „в Синодальной типографии открыта и отчищена стенопись XVII столетия, сохранившаяся доселе под

слоями штукатурки, и что пока стенопись эта остается вполне в своем оригинальном виде, любителям и знатокам древности интересно будет, вероятно, взглянуть на нее и потому начальство Типографское сим объявляет, что видеть стенопись может всякий желающий от таких-то и до таких-то часов ежедневно"» (РНБ. Ф. 847. № 432. Л. 4—4 об.). Подробней об этих росписях **Г.-П.** сообщал **П.** в письме от 8.XI.1883 г. (п. 71).

[15] Помимо перехода на новые разнарядки, спущенные сверху, **Г.-П.** и сам разрабатывал обоснованные практикой жизни штаты для своего учреждения. Он писал **П.** 8.XI.1883 г.: «Типография работала крепостным трудом особенного сословия типографских рабочих. На мою долю досталось перевести ее на вольнонаемный труд, а для того составить новое Положение для типографии, новые табели с расценкою работы. Это сделано; кроме того, составлены новые штаты для конторы, упрощено ее делопроизводство, перетряхнут состав служащих» (п. 71).

[16] Московский чиновник А. А. Лопухин, с начала 1860-х гг. — прокурор Синодальной конторы и исправляющий должность управляющего Синодальной типографией; приятель с детских лет М. Ю. Лермонтова.

[17] Имеется в виду юрист Н. П. Смирнов, директор Хозяйственного управления при Св. Синоде (с 1875 г.), товарищ обер-прокурора Св. Синода (1878—1892), затем сенатор.

[18] Гр. Ю. В. Толстой (см. о нем примеч. 8 к п. 2) служил в Министерстве внутренних дел в 1850—1856 гг.: сначала — секретарем для переписки на иностранных языках в Департаменте общих дел, затем, с 1853 г., — правителем Канцелярии министра.

[19] Гр. Толстые оба закончили Императорский Царскосельский (с 1843 г. Александровский) лицей: Юрий Васильевич — в 1843 г., Дмитрий Андреевич — в 1842 г.

[20] Газета «Москва» издавалась И. С. Аксаковым с 1.I.1867 г. по 22.X.1868 г. В письме от 2.II.1886 г. **Г.-П.** рассказывал **Ш.**: «Когда Аксаков начал издавать „Москву" <...> предложил мне писать руководящие статьи с неограниченною властью (я и писал их) <...>. Немногие знали даже, что некоторые из самых серьезнейших передовых принадлежали мне» (цит. по: *Письма Романову-Рцы*. С. 253), а 2.XI.1886 г. — о том же, но с новыми подробностями И. Ф. Романову-Рцы: «Когда началась „Москва", покойный Аксаков предложил мне столбцы для передовых статей два раза в неделю...» (Там же. С. 248). Тут прежде всего имеются в виду вызвавшие недовольство начальства передовицы **Г.-П.** по вопросу реформы духовной школы. 21.III.1867 г **Г.-П.** жаловался гр. А. Д. Блудовой (см. о ней примеч. 5 к п. 4): «...приходится мне уведомлять Вас о казусе, со мною последовавшем, который доказывает мне мою проницательность и Вашу недогадливость. Еще прошлого года я догадывался, что мне надобно выходить из Типографии, и сообщал об этом Вам, а Вы советовали остаться. Моя догадка была вернее. Не говоря о множестве неприятностей самых мелких, которые, очевидно, намеренно мне устроиваются и с которыми возиться крайне досадно и обидно, в последнее время мне сделали сюрприз неслыханный. Директор, которому я непосредственно подчинен, спрашивает меня полуофициально, не я ли автор статей, печатаемых в „Москве" о духовных училищах, и замечает мне, что я не должен был бы себе этого позволять, что я имею *один только путь высказывать мнения* (буквально), то есть представлять по начальству! Тогда как этот вопрос нисколько к моей должности не относится, тогда как этот вопрос открыт для публичного обсуждения, тогда как с особенною скромностью старался я высказывать свои замечания на проект, заслуживающий замечаний самых едких. Итак, я не должен сметь свое суждение иметь! Очевидно, здесь и высшее начальство на меня гневается, да удружает и приятель сверх того, Сергиевский, ибо он есть составитель этого проекта, и забавного

по своей ничтожности, и вместе гибельного по своим возможным последствиям» (РНБ. Ф. 847. № 381. Л. 2—3 об.). О том же **Г.-П.** писал и поэту Н. Ф. Щербине 1.V.1867 г.: «...участие мое в „Москве" повело к таким отношениям моим официальным, что мне оставаться на службе невозможно. Спешу бежать и только не знаю куда бы. Мне напрямик замечают, что литературная деятельность, а именно по части передовых статей, несовместима с моими обязанностями официальными» (ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 3. № 218. Л. 1 об.).

[21] Имеется в виду генерал-адъютант гр. Б. А. Перовский; в 1860—1862 гг. он состоял воспитателем великих князей Александра Александровича (впоследствии имп. Александр III) и Владимира Александровича и, следовательно, довольно тесно общался с **П.** при дворе.

[22] Сестра гр. Б. А. Перовского Ольга Алексеевна была замужем за сенатором М. Н. Жемчужниковым и имела троих сыновей — знаменитых в истории литературы «братьев Жемчужниковых». Вероятнее всего, речь идет о младшем из них — Владимире Михайловиче, который как раз в 1868 г. оставил службу в Министерстве внутренних дел и подыскивал новое место (в результате стал чиновником особых поручений при министре путей сообщения).

[23] В подобных слухах (о добровольном отказе от должности управляющего Синодальной типографией) был повинен сам **Г.-П.**, делившийся этим своим желанием в беседах с друзьями и в письмах к ним. Проф. П. С. Казанский передавал услышанное от **Г.-П.** в письме к брату от 16.VII.1868 г.: «Гиляров давно собирался оставить место директора. Жалованье было 2000 р<ублей>, но квартира в 16-ть комнат. Он говорил, что только богатый или вор могут тут жить» (*Беляев*. Вып. II. С. 234). См. также выдержку из письма **Г.-П.** к гр. Блудовой в примеч. 20 к наст. письму.

4[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Москва, 9 мая 1867.

Certus amicus in re incerta cernitur[2]: не знаю, как и благодарить Вас, драгоценнейший друг Константин Петрович, за доброе участие, оказываемое Вами мне в моих rebus incertis![3] Письма Ваши поуспокоили меня, и разумеется, я последую Вашему совету: не стану пока торопиться выходом, тем более что это всего согласнее и с моими собственными желаниями. Но не могу не заметить, любезнейший друг, что впечатления, вынесенные Вами из разговоров с двумя лицами, по моему мнению, верны только наполовину.

Во-первых, с тем, что Вы слышали, никак я не могу согласить того, что Аксаков[4] слышал от графини Блудовой[5]. Если сия еще не уехала[6], расспросите ее: точно ли ей и другой, более высокой особе[7] дан обо мне графом Толстым такой отзыв, который можно принять за выражение желания освободиться от меня как можно скорее?

Во-вторых, вникните во все то, что говорил Вам Юрий Толстой, смягчая свои отзывы, без сомнения, только по уважению к Вашему во мне участию. Даже по-

ловине того, что он передавал, можно ли поверить о ком-нибудь, не составивши об этом лице уже заранее неблагоприятного мнения на каких-нибудь других основаниях? Дело доходит до того, что я «увольняю чиновников за штат, прежде чем штат сокращен»! Представьте: в ком же можно предположить такое безумие и такую дерзость? Само собою разумеется, это чистейший вздор, точно так же как чистейшее легкомыслие со стороны Лаврова [8] было вообразить, что я оставляю чиновников за штатом, тогда как должности не уничтожены. Штат новый утвержден 17 *января*: мы его получили, с предписанием привести его в действие, в *марте* месяце; я сделал назначения в *апреле*, и при этом неизбежно должен был оставить многих за штатом. Вот и всё. Дозволить себе предположение вроде того, какое высказал Толстой, можно только при желании непременно увидать во мне что-нибудь негодное.

Точно такой же вздор и рассказы об Юбилейном издании и о Библиотеке. Юбилейное издание было нам предписано; программа его, хотя в общих чертах, но утверждена; расходы заранее были разрешены. Правда, что в числе таблиц много не стоивших печатания: но, во-первых, *предписано* было напечатать образцы не только *действующих* шрифтов и украшений, но и всех *сохранившихся от начала нынешнего столетия.* Во-вторых, издание гнали горячо; вполне зрело обсуждать было некогда. Правда и то, что издание остановилось за отсутствием текста. Но текст был поручен Бессонову; а он представил такую eралашь [9], с которою показаться было бы стыдно [10]. Надобно было поручить дело другому, и понятно, что, когда, по милости Бессонова, юбилейный год был уже пропущен [11], требовалась тем бóльшая основательность и зрелость исследований. Заранее всей этой беды никак нельзя было предвидеть, в особенности мне. Издание было предписано спустя только два с половиною месяца после поступления моего в Типографию [12], и я никак не воображал, чтобы уверения Бессонова, *печатно выраженные,* будто составляется им история Типографии, на основании типографских документов [13], есть чистейшая ложь. Зная это, я, разумеется, в свое время как-нибудь да отказался бы от издания.

Библиотека помещена не в квартире бухгалтера; а бухгалтеру дана была квартира в помещении, занимаемом библиотекою, затем, что, во-первых, библиотеку для проверки ее целости пришлось перенести со старого места, и, во-вторых, затем, что бухгалтеру дана была и прибавочная должность библиотекаря и с тем вместе вменено было в обязанность 1) поспешить составлением охранного каталога и 2) предоставлять свою квартиру в распоряжение желающих заниматься изысканиями в нашей библиотеке.

Верно одно: ключей действительно пришлось подождать минут шесть, может быть, десять в квартире библиотекаря-бухгалтера. Но ведь мы же и не были предуведомлены, хотя и говорят противное. Провели Его Превосходительство двором: что же делать? Другого хода нет. Рамы в древнем доме не вставлены; но вставить — нужны деньги. Это первое; а во-вторых, как готовить рамы к зданию, которого реставрация еще не утверждена? А в-третьих, в свое время этот

самый вопрос о рамах с сомнением сам предлагал я архитектору, и тот мне сказал, что для фресков нет никакой опасности.

Наконец, о фресках: чистейшая ложь, будто велено было сделать фотографические снимки. Совсем напротив. Осенью я сам искал фотографа, чтобы снять фрески, и действительно нашел любителя, который просил даже дешево. Но я не решился отдать все-таки потому же, что мы не имеем права делать расходов, нам не предписанных и не разрешенных. Снимки летом сделаны были в самой Типографии, и опять все-таки по моей инициативе, а не по чьей другой.

И все это им известно и переизвестно, любезнейший друг, а между тем говорятся и повторяются обвинения. И это вместо того, чтобы, напротив, поблагодарить меня за сделанное открытие!

Я непрактичен — вот против чего нельзя спорить; но и непрактичность моя совсем не в том роде, какой предполагается. Затем, еще во мне есть недостаток — склонность к самоосуждению. Сознание в себе этого последнего качества, между прочим, было причиною и того, что я не только позволял Румянцеву[14] вмешиваться в разговоры, но, по правде сказать, — может быть, впрочем, это и дурно, — даже просил его об этом. Когда мне говорят: «Вот это у Вас плохо», — я всегда склонен отвечать: да, прескверно, и даже еще это и вот это мною недосмотрено, а в этом я сделал даже положительный промах. Позволительно ли, однако, с точки зрения благоразумия, беседовать таким образом с начальством? Идеалы для него разве существуют, и признание в своей несоответственности с идеалом не сочтется ли им за сознание в служебной неспособности? Неоднократно в этом смысле жаловался мне Румянцев, в особенности когда приходилось ему бывать свидетелем моих разговоров с Лавровым и Толстым. В силу этого-то, наконец, я и просил его сам останавливать меня, когда я слишком далеко пространюсь в самооплевании.

Но Вам скучно это читать. Простите, скажу только еще два слова. Я уверен, что Сергиевский, который и без того только и делает, что нюхает служебный воздух, знает гораздо более, чем высказывает. Каков, однако! И Ваша проницательность притупилась об его кажущееся милосердие! Он Вас встречает удивленный, говорит, что ничего не знает, предполагает, что, вероятно, все идет от Лаврова. А на другой день объявляет, что Лавров постоянно отзывается обо мне с похвалой и что только на Страстной[15] впервые услышал от Лаврова он негодующую речь. На Страстной слышал речи неудовольствия против меня, а ничего не знает! Лавров-де отзывается обо мне отлично, а между тем от Лаврова-де, должно быть, все идет. Какие противоречия и какое лицемерие! Сергиевский знает более чем кто, в этом я несомненно убежден и имею даже данные, которые, впрочем, противно рассказывать. Замечаю это только на тот конец, чтоб при случае Вы были с ним осторожны и не очень ему верили.

Я исправляю теперь обязанности присяжного заседателя[16] и отдыхаю душой. Отдыхаю потому, во-первых, что весь отдался этому, можно выразиться, священнодействию; а во-вторых, и потому, что и здесь, как и везде, приходишь к уверенности: есть люди у нас, есть!

В следующем письме, Бог даст, я Вам особенно опишу свои впечатления, вынесенные из совещаний присяжно-судебных. Не подумайте, впрочем, что стану повторять только то, что высказано М. П. Погодиным [17]. Нет, многое желается сказать Вам и как юристу, и как гражданину, и как человеку.

Ваш весь *Н. Гиляров*

[1] Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. № 457. Л. 2—4 об. (Копия **Ш.**: Там же. № 456. Л. 1—5). Небольшой фрагмент опубл.: Из частной переписки Н. П. Гилярова-Платонова // *РД*. 1888. 8 окт. № 41. С. 12; перепеч.: *Неопознанный гений*. С. 26—27.

[2] Истинный друг познается в превратностях (*лат.*) — поговорка, встречающаяся в произведениях римских писателей Квинта Энния и Апулея.

[3] превратностях (*лат.*)

[4] Речь идет об И. С. Аксакове, публицисте, поэте, общественном деятеле, журналисте-издателе, друге **Г.-П.** с 1853 г. **Ш.** в своей статье «Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков» писал: «А. С. Хомяков и Аксаковы познакомились с Гиляровым-Платоновым в одно из посещений Троице-Сергиевой лавры, куда особенно часто езжали Аксаковы ввиду близости от Троицы их имения Абрамцева, находящегося около Хотькова. Из сохранившегося в семье Гилярова предания об этом знакомстве мы узнали, что оно состоялось после того, как либо Константин Аксаков, либо Хомяков, попав на лекцию Гилярова в Московскую духовную академию, поразился сходством направления, которое проводилось с кафедры молодым бакалавром, с тем, которое высказывалось славянофилами» (*РО*. 1895. Т. 36, нояб. С. 14). См. также: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и С. Т. Аксаков: (К истории знакомства и взаимоотношений) // Русская литература. 2010. № 4. С. 194—210.

[5] Гр. А. Д. Блудова, камер-фрейлина имп. Марии Александровны; писательница, мемуаристка, благотворительница. **Г.-П.** познакомился с нею и ее отцом, видным сановником гр. Д. Н. Блудовым, ставшими его деятельными покровителями, через П. И. Бартенева, который был наставником двух племянников гр. Блудовой. См. бартеневское свидетельство: «Когда Блудовы приехали на лето в Нескучное, я ввел к ним Гилярова» (*РА*. 1912. Кн. II, вып. 6. С. 312). Сохранились одно письмо **Г.-П.** к графу за 1855 г. и 62 его письма к графине за 1860—1887 гг. (РНБ. Ф. 78. № 26; Ф. 847. № 376—385) и 36 ее ответных писем за 1855—1887 гг. (Там же. № 591—596).

[6] Графиня собиралась уехать на лето в уездный город Острог Волынской губ. (см. письмо 5), где ею в 1865 г. было основано знаменитое впоследствии Братство во имя свв. Кирилла и Мефодия и при нем в 1866 г. начальная школа и приготовительное женское училище, преобразованное затем в женское училище им. гр. Д. Н. Блудова, с гимназическим курсом, а также 6-классная мужская прогимназия.

[7] Подразумевается императрица (с 1856 г.) Мария Александровна, жена Александра II. С нею **Г.-П.** познакомился сначала заочно, через ее фрейлину гр. А. Д. Блудову (в 1855 г. он по просьбе молодой императрицы написал записку о положении раскольников, а в конце 1861 г. — записку «О первоначальном образовании народа»). О том, что **Г.-П.** удостоился и аудиенции у императрицы, сообщал своему брату проф. П. С. Казанский 10.II.1864 г.: «Когда Гиляров был в январе в Петербурге, императрица пожелала

его видеть и более часу говорила с ним о народных школах, о нигилистах, о митрополите <Филарете> и о прочем» (*Беляев*. Вып. I. С. 313).

[8] Непосредственный начальник **Г.-П.**, директор Хозяйственного управления при Св. Синоде В. А. Лавров (см. примеч. 4 к п. 3).

[9] **Г.-П.** употребляет распространенный в его время эквивалент понятия «ералаш» в женском роде в значении: «вздор, пустяки, бестолочь, дичь, чушь, бессмыслица» **(***Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд., испр. и значит. доп. / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1903 (репр. изд.: М.: Изд. группа «Прогресс» — «Универс», 1994). Т. I. Стб. 1297**)**.

[10] См. об этом подробнее примеч. 16 к п. 2.

[11] Имеется в виду 1864 год. Празднество состоялось 1.III.1864 г., о чем проф. П. С. Казанский не преминул сообщить брату (в письме от 2.III.1864 г.): «Вчера в Синодальной типографии происходило торжество 300-летия типографского дела. <…> Апостол читали по первопечатному Апостолу, Евангелие — по печатанному при Михаиле Феодоровиче» (*Беляев*. Вып. I. С. 320).

[12] Т. е. в начале ноября 1863 г., так как назначение на должность управляющего Типографией состоялось 20.VIII.1863 г.

[13] По всей видимости, подразумевается статья Бессонова «Библиографический курьез», опубликованная в журнале Бартенева в качестве особого приложения к ноябрьско-декабрьской книжке за 1864 г. На нее откликнулся известный археограф академик П. М. Строев, иронически охарактеризовав Бессонова как «выступающего с таким шумом на арену библиографии Московской книгопечатни...» и предположив, что столь необычная публикация малопримечательной заметки связана с какой-то интригой (не исключено, что он знал о конфликте Бессонова с **Г.-П.**) (см.: *Строев П.* Библиографическая заметка: Письмо к С. А. Соболевскому // *РА*. 1865. Вып. 4. Стб. 513—516). Бартенев оправдывался: «Единственною причиною была случайная надобность поместить статью П. А. Бессонова в 1864 г.; а когда она была доставлена, текст „Рус<ского> архива“, т. е. последняя его тетрадь, уже переплетался» (Там же. Стб. 516). Позднее, в 1867 г., Бессонов вспоминал об этой своей статье, обращаясь к Бартеневу: «В конце 1864 года я сообщил вам сведения о ходе работ, порученных мне по юбилейному изданию „Трехсотлетия московского Печатного дома (Синодальной типографии)“...» (*Бессонов П.* Об юбилейном издании московской Синодальной типографии... Стб. 914).

[14] В. Е. Румянцев (см. о нем примеч. 10 к п. 3) был старшим товарищем **Г.-П.** по Московской ДА (окончил двумя годами раньше, в 1846 г.). Став управляющим Типографией, **Г.-П.** добился для Румянцева должности инспектора. В письме к **Г.-П.** от 20.IX.1864 г. директор Канцелярии синодального обер-прокурора Н. А. Сергиевский сообщал: «Спешу уведомить, что Василий Егорович назначен инспектором Типографии; приказ о сем состоялся в субботу 19 сентября. Поздравляю Вас и его» (РНБ. Ф. 847. № 691. Л. 17).

[15] Страстная седмица в 1867 г. пришлась на неделю с 10 по 15 апреля.

[16] Введению в России — Судебными уставами, Высочайше утвержденными 20.XI.1864 г., — бессословного гласного суда с участием присяжных заседателей, адвокатурой и состязательностью сторон активно содействовал **Г.-П.** См. его программную статью «По поводу будущего суда присяжных», опубликованную в аксаковской газете «День» (1862. 10 нояб. № 45. С. 1—3; 17 нояб. № 46. С. 1—4; 8 дек. № 49. С. 1—3; подпись: *Н. Г—в*). Защитником института присяжных заседателей он выступал и впоследствии. См., например, его полемическую передовую статью: Москва, 16 января // *СИ*. 1872. 17 янв. № 16. С. 1.

[17] **Г.-П.** имеет в виду большую статью прозаика, драматурга, публициста и историка М. П. Погодина, опубликованную в первых номерах издававшейся им газеты: *М. П.* <*Погодин М. П.*>. Впечатления и замечания присяжного заседателя // Русский. 1867. 13 марта. Л. 1 и 2. С. 14—16; 20 марта. Л. 3 и 4. С. 39—46. Она представляла собой эмоционально окрашенную апологию института присяжных заседателей и основывалась на личном опыте автора. См. начальную фразу: «Мне выпал жребий принимать участие в уголовном Окружном суде от 17 января до 1 февраля» (Там же. 13 марта. С. 14).

5[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Вчера виделся я с Деляновым[2], любезнейший друг Никита Петрович, и сегодня он прислал мне эту записку:

«Я говорил сегодня с гр. Д. А. Толстым о Гилярове и при первом с Вами свидании передам Вам все слышанное от него. Все слухи, дошедшие до Гилярова, — дошли до него в извращенном виде. Дайте ему добрый совет — заниматься делом безмятежно и не верить сплетням.

Искренно преданный
И. Делянов

8 мая».

При следующем свидании с ним я расспрошу его окончательно, что говорил с ним гр. Толстой. Вчера вечером я говорил с гр. Блудовой (которая собирается ехать в Острог в воскресенье[3]) — мы тоже говорили про Вас. Из ее сведений тоже видно, что, хотя гр. Толстой имеет против Вас некоторые личные упреки, Вам нечего опасаться ничего угрожающего. В корню всех этих неудовольствий, конечно, личное самолюбие — и Ваша крайняя доверчивость к людям, которым нередко на первых порах Вы высказываетесь без задней мысли, а они постоянно ходят с заднею мыслью и, не ведая в целости свойства Вашей натуры, принимают Ваши речи не так, как Вы их говорите. По-видимому, первое предубеждение Толстого родилось по поводу истории об отдаче на аренду Синод<альной> типографии[4]. Еще тогда он обиделся, что Вы будто бы, не написав ему ничего, повели дело посредством возбуждения мнений: конечно, тут, может быть, и без ведома Вашего Анна Фед<оровна>[5] и гр. Блудова стали говорить Императрице — а Толстой обиделся. Так и во всем прочем. Но повторяю Вам, что здесь все дело в недоразумении и ничего нет существенного.

До свиданья, обнимаю Вас.

9 мая 1867. П<етер>бург. Ваш *К. Победоносцев*

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 47. Л. 1—2 об. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 675. Л. 1—2.)

[2] Гр. И. Д. Делянов в тот период (1861—1886) — директор Публичной библиотеки в Петербурге, а также (с 1861 г.) член Главного управления цензуры; затем (1866—1874) товарищ министра народного просвещения, позднее (с 1882 г.) министр. Неоднократно оказывал покровительство **Г.-П.** в его служебной карьере.

[3] Т. е. 14 мая (9 мая в 1867 г. — вторник). О г. Острог см. примеч. 6 к п. 4.

[4] **Г.-П.** был против принятого гр. Д. А. Толстым решения о передаче в аренду части типографских зданий московскому миллионеру и общественному деятелю А. А. Пороховщикову, который уже в 1872 г. построил примыкающую к основному зданию Синодальной типографии гостиницу «Славянский базар» (Никольская ул., д. 17). **Г.-П.** мог бы помешать этому распоряжению обер-прокурора, обратившись за помощью к митр. Филарету (Дроздову), но тот в 1867 г. был очень болен, а вскоре и умер. Когда управление епархией перешло к митр. Иннокентию (Попову-Вениаминову), **Г.-П.** написал ему пространное объяснение. Оно сохранилось в архиве **Ш.** в виде копии, выполненной, по-видимому, Н. Н. Гиляровым. В качестве адресата ошибочно указан архивистами «обер-прокурор Синода»; представление не датировано, написано между 5.I.1868 г. (назначение свт. Иннокентия) и 14.VIII.1868 г. (увольнение **Г.-П.** из духовного ведомства). Приведем его текст:

«Явился ко мне г. Пороховщиков и объявил, что Его Сиятельство г. Обер-Прокурор Св. Синода <гр. Д. А. Толстой>, находя для Св. Синода невыгодным настоящее помещение Синодальной типографии, предлагает Типографский дом ему, г. Пороховщикову, с тем между прочим условием, чтобы для Типографии приготовлено было новое помещение в другом месте города. Почему г. Пороховщиков просил меня, чтобы дозволено было ему, во-первых, осмотреть типографские здания, во-вторых, чтобы составлены были для него соображения о том, как велики и какого рода должны быть приготовлены для Типографии помещения на новом месте. —

Удостоверения в объявленном известии и наставления, как действовать, я испрашиваю по порядку от непосредственного своего начальства. Но принимая во внимание 1) что, по словам г. Пороховщикова, Ваше Высокопреосвященство изволите быть поставлены в известность о предполагаемой перемене в помещении Типографии и что Вашим Высокопреосвященством указываются условия, которые, между прочим, следует при сем принять в соображение; принимая во внимание 2) что первостарейшине Русских иерархов и членов Св. Синода, и Иерарху именно настоящей столицы, не может быть вообще чужд такой вопрос, как вопрос о перенесении Типографии, основанной Московским же Митрополитом Макарием, с места, где находится она более трехсот лет, на другое, — принимая сие во внимание, считаю долгом на благоусмотрение Вашего Высокопреосвященства представить обстоятельства, которые, по моему мнению, необходимо иметь в виду при суждении о сем деле.

Перенесение Типографии в другое место представляется отчасти небесполезным не только потому, что Типография занимает действительно местность слишком дорогую, но и потому, что при настоящих размерах Типографской деятельности и Типографских запасов, помещение теперешнее крайне тесно и крайне неудобно в своем внутреннем расположении. Теснота и неудобство так велики, что влекут за собою весьма важные и почти даже непреодолимые затруднения к правильному ведению хозяйства. Следует, однако, принять во внимание и другую сторону

дела. Во-*первых*, где будет отведено для Типографии новое помещение, и во-*вторых*, что будет сделано с теперешними ее зданиями? Смотря по тому, так или иначе решится тот и другой вопрос, неодинаковые выйдут последствия и нравственные и материальные.

Если для Типографии отведено будет помещение в части города, отдаленной от центра, обороты Типографские сократятся тогда на несколько десятков тысяч рублей, и на несколько тысяч увеличатся расходы. И именно: А) *по продаже книг.* Типографская лавка продает ныне книг средним числом на 50 т<ысяч> р<ублей> в год. Когда на Никольской не будет Синодальной лавки, часть суммы, выручаемой этой продажей, пропадает безвозвратно (потому что отчасти самый спрос на книги условливается центральным положением лавки); по остальной части Типография лишится от 8% до 10, потому что частные книгопродавцы, к которым, без сомнения, обратятся тогда покупатели, получают тогда по правилам Типографской торговли уступку от Типографии от 6% до 8%. Б) *по печатанию книг.* Спрос на книги церковной печати ослабевает вследствие новых условий, под которыми развивается в России грамотность. Неизбежно отсюда сокращается самое печатание церковных книг до размеров несоответственно малых сравнительно с силами заведения. Восстановить равновесие между печатными силами и печатною деятельностию можно одним расширением печатания по заказу. К этому в последние годы приняты средства, и есть надежда, что со временем печатание по заказам разовьется до размеров, при которых невольное сокращение церковного печатания перестанет уже угрожать убытками (в противном случае неизбежными для заведения, с паровою машиною в 12 сил с 12 скоропечатными машинами и с 20-ю станами). Очевидно однако, что числа заказов сколько-нибудь значительного Типография может ожидать только, когда будет оставаться в центре города. В) *по всем хозяйственным операциям.* Типография вынуждена будет производить приплаты за свою отдаленность от центра города: поставщик бумаги, переплетчики, содержатели транспортов и, словом, каждый, кто имеет дело с Типографиею, потребует от нас, чтобы она заплатила ему за каждую лишнюю версту провезенного товара и за каждый лишний час времени, употребленного на собственный проезд.

Перечисленные неудобства на часть уменьшатся, если на Никольской останется лавка и если оставлена будет сверх того Контора для принятия заказов: но тогда значительно с тем вместе увеличатся расходы по управлению.

2) При суждении об употреблении, к какому способны настоящие Типографские здания, необходимо иметь в виду, что здания сии состоят из трех совершенно различных частей: а) одна из сих частей есть дом (ближайший к Владимирским воротам), купленный Типографиею в половине прошлого столетия у Графа Шереметева. Дом этот без особенных неудобств может быть отдан в арендное содержание: древность его слишком незначительна; воспоминаний с ним никаких не связано; архитектура его хотя и замечательная, не представляет особенной драгоценности; а между тем длинная линия, занимаемая им по улице, а еще более весьма обширный двор, ничем не застроенный, обещают дать доход громадный при толковом употреблении этого места на другое назначение; б) другая часть Типографских зданий есть дом, ближайший к Кремлю и расположенный лицевою стороною по улице. Он еще моложе дома Шереметевского, ибо выстроен в начале

нынешнего столетия, но замечательная его архитектура заслуживает сохранения и между тем едва ли может быть сохранена при обращении здания на другое употребление. На главном фасе вытесан из белого камня древний Типографский герб: место ли будет этому гербу, когда дом будет занят не Типографиею? Прилично ли, однако, будет и стесывать этот герб? На том же фасе вычеканены две надписи: одна о построении „сих палат" при царе Михаиле Федоровиче (надпись сия, равно как и герб, суть воспроизведения бывших на прежнем доме), и другая — о возобновлении сих палат в царствование Александра I для печатания духовных книг. Не получат ли эти надписи некоторого иронического смысла, когда будут красоваться над модными магазинами, а с другой стороны, прилично ли и уничтожать эти надписи во избежание неприличной иронии? И вообще, не следует ли иметь несколько более уважения к преданию, которое связано с этим местом более трех сот лет, уважения, которое до сих пор не было нарушаемо, несмотря на то что и в прежние времена, как и теперь, выгодно было воспользоваться возможностию обратить Типографский дом в арендную статью. Третья часть Типографских зданий есть дом, обращенный лицевою стороною к Китайской стене и Театральной площади и в виде буквы П примыкающий к поименованному выше дому с гербом и надписями. Эта часть зданий — самая древняя. Построение ее относится ко времени Михаила Федоровича; с некоторыми комнатами и связаны прямые предания о книжном исправлении, которое в них производилось. Обратить этот дом в арендную статью значило бы оказать неуважение к древности, оскорбительное для памяти иерархов, трудившихся над исправлением книг и над духовным просвещением России вообще, уничижительное для Св. Синода, постыдное для нашего времени. По-надлежащему не ломать этот дом для выстройки какого-нибудь магазина и даже не переламывать его (как с сокрушенным сердцем вынуждено это делать иногда для нужд Типографии типографское начальство), а если бы были средства, восстановить следовало бы в первоначальном его виде, загладить и те перемены, которые в нем уже сделаны, и затем обратить его на употребление, которое, с одной стороны, было бы близкое к его древнему назначению, с другой — не допускало бы возможности [новых] дальнейших перемен и искажений» **(**РНБ. Ф. 847. № 280. Л. 1—6; фрагмент опубликован **Ш.** (*Сб. соч.* Т. I. С. XXXII—XXXIII), который в качестве адресата указал митр. Филарета (Дроздова), что, на наш взгляд, не подтверждается содержанием первых двух абзацев письма, особенно же обращением: «...первостарейшине Русских иерархов и членов Св. Синода, и Иерарху именно настоящей столицы, не может быть вообще чужд такой вопрос...»**)**. Подробно об аренде Пороховщиковым типографских зданий **Г.-П.** писал в передовой статье «Москва, 14 декабря» (*СИ*. 1872. 15 дек. № 345. С. 1).

[5] Имеется в виду А. Ф. Аксакова (ур. Тютчева), старшая дочь поэта, фрейлина вел. кн. (позже императрицы) Марии Александровны (с 1853 г.); жена И. С. Аксакова с 12.I.866 г.

6[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Москва, 12 октября 1867.

Многовозлюбленный Константин Петрович. Сейчас я с Собрания[2]. Препровождаю Вам Отчет[3]. Если находите нужным прибавить в нем что-нибудь или опустить, напишите, потому что форма не разобрана и напечатано пока только 200 экземпляров, да и те не сброшюрованы. Кроме сведений, помещенных в Отчете, могу добавить еще, что накануне Собрания нам обещан еще вклад в 1000 рублей, в память покойной Сухово-Кобылиной[4]. Все бы очень хорошо, если бы не та беда, что ни одного человека среди нас нет, кто бы преимущественно и полнее занялся этим делом. Несмотря на опыт прошлого года, и ныне повторилось то же: цифры представленные никак не сводились; не имея возможности поверить и расспросить, опять вынужден был я исправлять их наобум, лишь бы не вышло противоречия в Отчете. (За день до Собрания я нарочно собрал ближайших Распорядителей[5], чтобы подробнее объясниться; увидал, что первоначально данная мне цифра о сумме денег, лежащих в банке, неверна и что 550 рублей находятся в сериях[6]; домой приезжаю, начинаю исправлять в корректуре, и выходит, что при данном общем количестве денег не может быть 550 в сериях. Делать нечего, выключил! По сему и прочая разумевай![7])

Совестно как-то быть у этого дела, любезнейший Константин Петрович. Кстати, мы с Вами, как уполномоченные Великою Княгинею[8], выбраны на два года. Эти два года прошли, что же? Докладывали Вы Великой Княгине? Надобно, чтобы мы получили либо новое полномочие; либо Комитет должен уничтожиться[9]. Что-то все нехорошо.

Собрание сегодняшнее было не лучше прошлого. Отчет был прочитан: надобно было обсудить кое-что, ну хотя бы вопрос, поставленный в Отчете, но ничего этого не было: противно.

Посылаю два экземпляра Отчета на случай, если Вы найдете полезным представить В<еликой> Кн<ягине> экземпляр поскорее. В таком случае Вы должны: а) сами отдать сброшюрованный экземпляр и б) представить В<еликой> К<нягине> тот экземпляр, на котором <на> стран<ице> 6 сделана уже поправка был*о* вместо был*ъ*[10]. А то выйдет бессмыслица. Или Вы подождете присылки сброшюрованных экземпляров, что не замедлится?

Вы видите пред собою еще образчик небольшого формата: это «О подражании Христу»[11]. Что же, печатаете Вы у нас свой перевод? Если да, то как Вам понравился формат и шрифт? Боюсь, не отдали ль Вы уже в печать свой труд; не хотелось бы мне упустить этой работы: а) Синодальной типографии *прилично* было бы издать книгу такого содержания; б) *могли бы мы* удовлетворить Вашему вкусу, ибо у нас имеются все шрифты, какие Вам угодно и какие только находятся в других типографиях; в) хотелось бы мне Вам предложить помощь; я бы тоже стал просматривать корректурные листы с подлинником в руках: мо-

жет быть, иное замечание о переводе для Вас и пригодилось бы. Ум хорошо, а два лучше, а я бы не прочь послужить этому делу [12].

Приступаю теперь к изложению своих дел. Газета мне разрешена [13]; недавно послал я залог [14] и жду теперь окончательных распоряжений, которые дадут мне право объявить о появлении нового органа.

По всем вероятиям, газета должна иметь некоторый успех. За интеллигенцию, кажется, ручаться можно: надеюсь, что я человек все-таки не бездарный и кое-что понимаю; стало быть, издание не будет совершенною дрянью. Вопрос: найду ли сотрудников и как отнесется к изданию масса? А это взаимно связано: сотрудников найти можно, если хорошо платить; платить хорошо можно, когда газету полюбит масса (на интеллигенцию нечего рассчитывать; не ею держатся издания). По поводу этого я должен Вам рассказать целую историю и попросить у Вас отчасти совета, отчасти пособия.

В дешевой ежедневной газете у нас нуждаются, и нуждаются страшно [15]. Доказательство: «Русские ведомости» [16] (что может быть их ничтожнее?) имеют 16 000 подписчиков и получают, сверх того, с одних объявлений 6000 рублей. «Сын отечества» [17] имел некогда 20 000 подписчиков; теперь поупал, но остается все еще больше чем с 10 000. Самые паскудные петербургские дешевые газеты имеют 4,5 тысяч подписчиков.

Петербургские газеты мне не конкуренты. У них своя публика — Петербург, так же как у «Русских ведом<остей>» своя — Москва. (В одной Москве у «Русских ведом<остей>» 8500 подписчиков и до 2500 экземпл<яров> ручной продажи.) Стало быть, конкурент опасный мне один — «Русские ведомости». Опасен он в особенности тем, что имеет почтовую льготу [18]: вместо двух рублей платит за пересылку 20 копеек. Бороться трудно, хотя на моей стороне та выгода, что газета будет ежедневная.

Когда я получил разрешение, будущий мой collega, подбивший меня на издание [19], предложил мне: не угодно ли мне получать три тысячи в год, с тем чтобы дарованное мне право не осуществлять, а держать его в кармане. У него были переговоры с издателем «Русских ведомостей» [20], и тот склонялся сдать ему в аренду газету за 12 000 рублей в год. Основский рассчитывал, что, заплатив аренды 12 000, он будет еще иметь 8000 дохода и предлагал таким образом отступного мне 3000 [21].

Оставляю в стороне забавную сторону дела. Человек подбивает меня на издание и потом предлагает плату за уничтожение препятствия, которое он сам создал. Но дело в том, что возникал вопрос, принимать или не принимать сделку. Внутреннее содержание газеты он опять предлагал, если мне угодно, в полное распоряжение (к удивлению, он имеет в меня какую-то веру). Поразмыслив, я нашел эту сделку и не благовидною, и не полезною. Если уже дело должно идти на отступное, то пускай лучше возьмет отступное Скворцов, редактор «Русских ведомостей». Я поручил предложить Скворцову отречение от престола; пускай «Русские ведомости» сольются с моею газетою, изменив сообразно с нею свою программу и оставив за собою одно название. В вознаграждение

Скворцову было предложено 300 рублей в месяц и, сверх того, принятие мною на себя обязательств, простирающихся до 5000 рублей в год. Для Скворцова, недоучившегося студента, даром получившего газету из чужих рук [22], предложение мое было необыкновенно выгодно. Я брал на себя страшную обузу в том единственно расчете, что приобретаю известную фирму, насиженное место, готовую лавочку. Я оставался без конкурентов, и уже никакая сила не похитила бы у меня впоследствии моих подписчиков.

Но Скворцов отказался.

Все это рассказывать, конечно, не стоило бы, если бы история этим кончилась и если бы Скворцов имел право отказаться, но, говоря серьезно, он собственно не имел и права отказываться. Чтоб это понять, вы должны прочитать еще длинный рассказ (простите, что Вас утомляю).

Когда покойный Н. Ф. Павлов, создатель «Русских ведомостей», умер, на нем остались большие долги, и осталось побочное после него семейство [23]. Кроме частных, на нем был и казенный долг в 36 000 рублей. Чтобы выручить этот долг, Министерство дало ему обязательных подписчиков [24] и само с них сбирало деньги. В момент смерти за Павловым все еще оставалось пред Министерством 18 000 (остальные 18 000 получены были М<инистерст>вом с подписчиков). Как кредитор, Министерство считало себя вправе располагать газетою и предложило ее мне. Между тем Великая Княгиня Елена Павловна, должно быть по просьбе Чичерина [25], приняла участие в семействе Павлова. Когда газета была мне предложена, я соглашался принять ее, но только под условием, чтобы до семейства Павловского мне никакого дела не было, чтобы обязательных подписчиков также не было, но чтобы я выдал семейству то, чего, по оценке, будут стоить собственные подписчики Павлова. Другими словами, я отказался, видя, что Валуеву [26] хочется угодить Елене Павловне. Газета тогда передана сыну Павлова [27], а этот последний, не имея призвания к журналистике, передал ее Скворцову, с тем чтобы он выплачивал двум семействам, в сложности, 3900 рублей. Министерство, с своей стороны, рассрочило долг на девять лет. Итак, Скворцов не имел права, разумеется нравственного, отказываться от моего предложения уже потому отчасти, что оно идет от меня, а главное потому, что это есть желание самого Павлова. Павлов понимает очень хорошо, что, оставаясь в руках Скворцова, газета, при появлении конкуренции с моей стороны, непременно падет, хотя и не сейчас. Он благоразумно сообразил, что аккуратное выполнение обязательств гораздо вероятнее, если я буду издателем и притом если не будет конкуренции. Итак, имел ли право Скворцов отказаться, когда хочет этого настоящий собственник газеты?

Но Скворцов, с своей стороны, как сказано выше, не соглашается. Оставляю в стороне вопрос о нравственном праве, перехожу к надеждам Скворцова. Долг пред Министерством, хотя и рассроченный, выплачивается Скворцовым неаккуратно, и делается это в тех видах, чтобы заинтересовать Министерство в существовании газеты и чтобы по возможности продолжить почтовую льготу, главный источник выгод и силы. Прошлым годом ее было отняли; он умолил,

представив невозможность существовать без льготы. Послушали его, но предупредили, что продолжают льготу только на год. Продолжат и еще, рассуждает Скворцов, потому что при конкуренции тем труднее выплачивать долг.

Я и не знаю, как и просить у Вас извинения за то, что я заставил Вас прочитать столь длинное изложение; но Вы видите, что тут самые кровные мои интересы. Речь свою клоню я вот к чему:

1) Похвисневу, начальнику по делам печати[28], писал я[29], что при данных обстоятельствах продолжение льготы «Русским ведомостям» будет высшею несправедливостью против меня (не говоря уже о том, что пристрастие к одной газете на счет прочих постыдно для правительства). Я убеждаю его поставить обе газеты на равных условиях: отнять льготу и не внимать жалобам на невозможность уплатить долг, жалобам, неосновательность которых предложением, сделанным мною Скворцову, доказывается самым очевидным образом. С «Русскими ведомостями» в руках я готов уплатить этот долг, не требуя никаких льгот. Буду писать о том же Валуеву[30], который должен вспомнить, что только вследствие моего же отказа перешли «Русские ведомости» к Скворцову.

Вас я прошу уведомить меня: когда приедет Валуев?[31] Не прошу Вашего посредства, потому что не знаю Ваших отношений к нему, хотя мне и крайне было бы нужно посредничество живого лица.

2) В том, что «Русские ведомости», в свое время, ушли из моих рук, виновата Великая Княгиня. Нахожу в этом основание просить, чтоб она теперь, напротив, помогла мне. Я уверен, что, если б, приняв участие в моем положении, она выразила это участие Валуеву, сей последний точно так же склонился бы к благоприятному для меня действованию, как во время оно стеснялся согласиться на мое желание, из угождения Великой Княгине.

Итак, прошу Вас доложить Великой Княгине, как сумеете и как сочтете полезным[32].

Ну, конец. Замучил я Вас, драгоценнейший Константин Петрович. Обнимаю Вас.

Ваш *Н. Гиляров*

P. S. Матушку Вашу мы Братством помянули сегодня[33].

[1] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 457. Л. 5—9.

[2] Имеется в виду регулярно, согласно «Уставу Братства Святителя Николая» (М., 1865), собиравшееся «общее совещание распорядителей братской казны с членами Московского комитета для вспоможения беднейшим ученикам духовного звания» (с. 4). **Г.-П.** и **П.** стояли у истоков этого знаменитого Братства, созданного по инициативе последнего. Устав был утвержден особой резолюцией митр. Филарета (Дроздова) № 3831 от 29.IX.1865 г. § 1 Устава гласил: «В память почившего в Бозе Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича учреждается в Москве, при церкви Св. Николая Чудотворца, именуемого Явленным, что на Арбатской улице, Братство во имя Св. Николая»; § 2: «Целью сего Братства будет попечение о нуждах воспитания беднейших детей духовного сословия, обучающихся в духовных училищах Московской, а буде представит-

ся возможность, то и других епархий» (Устав Братства... С. 2). См. подробнее примеч. 8—9 к наст. письму.

[3] Речь идет об издании: Годичный отчет по Братству Святителя Николая (12 окт. 1866 — 12 окт. 1867 г.). М.: В Синодал. тип., на Никольской ул., 1867. Даты цензурного разрешения брошюры и настоящего письма **Г.-П.** совпадают — 12.X.1867 г. (Уже следующий Отчет Братства печатался в принадлежавшей **Г.-П.** типографии «Современных известий» на Москворецкой ул., д. 8.)

[4] Имеется в виду скончавшаяся 25 сентября того же года 42-летняя художница-пейзажистка С. В. Сухово-Кобылина, младшая сестра драматурга А. В. Сухово-Кобылина. Одним из братчиков был ее отец, полковник гвардейской конной артиллерии В. А. Сухово-Кобылин. Однако ни в отчетах за последующие годы, ни в юбилейном издании «Двадцатипятилетие Братства Святителя Николая (1865—1890)» (М., 1890) о пожертвовании 1000 руб. «в память покойной Сухово-Кобылиной» не упоминается.

[5] Речь идет о «распорядителях братской казны», в число которых в 1867 г. входили 12 человек: помимо **Г.-П.** и **П.**, — протоиереи С. И. Зернов, А. О. Ключарев (впоследствии архиеп. Амвросий) и И. М. Богословский-Платонов, архим. Иаков (Кротков), свящ. А. М. Иванцов-Платонов, кн. М. А. Оболенский, Н. И. Козловский, А. В. Симанский, И. И. Четвериков, С. Г. Котов.

[6] Вероятно, денежными средствами «в сериях» в обиходе назывался облигационный капитал, дававший в тот период владельцу гарантированный доход в 5—6%.

[7] Методическое указание «По сему же и прочая разумевай», традиционное для русских учебников, встречается уже в «Букваре языка словенска, сиречь начала учения детям» В. Ф. Бурцова-Протопопова (М., 1634); восходит же, по-видимому, к новозаветному выражению: 1 Ин 2: 18.

[8] Подразумевается вел. кн. Елена Павловна, благотворительница, государственная и общественная деятельница, известная сторонница Великих реформ середины XIX в.

[9] **П.** и **Г.-П.** были «назначены по выбору» великой княгини в члены учрежденного в 1865 г. Московского комитета по вспоможению беднейшим ученикам духовного звания, действовавшего в качестве руководящего органа Братства Св. Николая в память цесаревича Николая Александровича, — см. письмо к **Г.-П.** вел. кн. Елены Павловны от 22.III.1865 г. (ИРЛИ. Ф. 71. Д. 50. <№ 1>. Л. 1—2). В Уставе об этом говорилось: «Комитет сей, открывшийся 9 мая 1865 года и располагающий средствами, дарованными от Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елены Павловны и представленными от некоторых частных благотворителей, будет избирать беднейших учеников для содержания их, в качестве стипендиатов или пансионеров, под своим надзором и попечением. Комитет состоит из четырех членов; двое из них назначены по выбору Ее Высочества, и двое — по выбору Высокопреосвященного митрополита Московского. В настоящее время членами Комитета состоят: Московского Данилова монастыря архимандрит Иаков и протоиерей Казанской, у Калужских ворот, церкви Ключарев, д<ействительный> ст<атский> сов<етник> Победоносцев и ст<атский> с<оветник> Гиляров-Платонов» (Устав Братства... С. 5). Полномочия этих членов Комитета, избранных на два года, впоследствии были продлены.

[10] В окончательном варианте обсуждаемого «Годичного отчета...» на с. 6 нет глагольных форм ни «было», ни «был».

[11] Речь идет о подготавливавшемся издании: О подражании Христу Фомы Кемпийского / Новый пер. с лат. К. П. Победоносцева, по вновь открытой подлинной рукописи. СПб., 1869; 7-е изд.: 1898.

[12] **П.** не внял предложению **Г.-П.** и предпочел типографии Петербурга, где жил и мог следить за печатанием и править корректуры. Книга была издана в пользу Братства. См.: «К<онстантин> П<етрович> пишет, что расчет по печатанию сей книги окончен. — Книга окупилась совершенно (ее печатание обошлось в 452 р<убля>) и отныне составляет собственность Братства. Братство обязано искреннею благодарностию К<онстантину> П<етровичу> за такой благодетельный дар. С полученными в предпрошлом году 308 р<ублями> 50 к<опейками> книга эта доставила Братству 581 р<убль> 35 к<опеек>» (Годичный отчет по Братству Св. Николая при Николоявленской церкви, 16 окт. 1869 — 18 окт. 1870. М., 1870. С. 2).

[13] **Г.-П.** подал прошение издавать ежедневную политическую газету без предварительной цензуры 31.VIII.1867 г. К середине ноября Главное управление по делам печати выдало на его имя официальное разрешение (см.: ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 520. Л. 34).

[14] Денежный залог требовался от периодических изданий, выходивших без предварительной цензуры. Нужную сумму — 5000 руб. — выделил Н. А. Основский (см. о нем примеч. 19 к наст. письму), компаньон **Г.-П.** по будущему изданию (см.: РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 800. Л. 17).

[15] С этой же мысли **Г.-П.** начал передовицу в первом номере своей газеты: «Ежедневным изданием, доступным по цене для всех классов общества, идем навстречу потребности, давно ощущаемой, в особенности жителями Москвы и подмосковных губерний. Петербург в этом отношении опередил Москву: он уже имеет недорогую ежедневную газету» (*СИ*. 1867. 1 дек. № 1. С. 1). Статья републикована и откомментирована Д. Ю. Балашовым: Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова: Сб. ст. и материалов. Коломна, 2007. С. 182—184, 193—194.

[16] «Русские ведомости» — московская газета либерального направления (3.IX.1863—31.XII.1918), издавалась тогда (до 1868 г.) 3 раза в неделю Н. С. Скворцовым (см. о нем примеч. 19 к наст. письму).

[17] «Сын отечества» — ежедневная «газета политическая, литературная и ученая» либерального направления (преобразована из бывшего одноименного журнала), выходившая в Петербурге с 1.I.1861 г. по 25.V.1900 г., с 18 по 29.XI.1904 г. и с 8.III по 5.XII.1905 г. По 1868 г. редактор-издатель — А. В. Старчевский, который позднее, до 1871 г. включительно, только редактировал газету.

[18] Почтовая льгота для «Русских ведомостей» была вынужденной мерой: Министерство внутренних дел таким образом стремилось за счет расширения круга подписчиков и увеличения доходности издания выручить ссуженные Н. Ф. Павлову при основании газеты средства (см. в наст. письме упоминание об оставшемся за ним долге казне в 36 тыс. руб.).

[19] Имеется в виду второстепенный литератор и книгоиздатель Н. А. Основский. См. письма **Г.-П.** к нему (РНБ. Ф. 847. № 451, 452). Старший сын **Г.-П.**, Н. Н. Гиляров, вспоминал в 1893 г.: «Никита Петрович никогда не имел помышления издавать газеты. В 1867 году, летом, к Никите Петровичу неожиданно приезжает на дачу некий Нил Андреевич Основский, знакомый с года, когда в Москве издавалась газета „Московский вестник“ <с 1859 г.>, в коей участвовал Нил Анд<реевич>, а Н<икита> П<етрович> был цензором. „Приехал неожиданно“ говорю потому, что после прекращения упомянутого издания Основский у Гил<ярова> не бывал ни разу в течение более 10 лет. Оказалось, что Основский приехал не просто в гости.

— Отчего бы вам, Никита Петр<ович>, не издавать самим газеты? Фамилия ваша очень известна, и с хорошей стороны, а об уме и знании литературного дела и говорить

нечего. Газета ваша имела бы громадный успех, расходилась бы в большем количестве экземпляров, чем какие-то „Русск<ие> вед<омости>“. Кроме того, независимое положение...

— Расскажите-ка лучше, как вы поживаете, — так давно не видались. Газеты я издавать не стану ни за что...

Не прошло и недели, как Основский опять приехал на дачу, и на этот раз прямо приступил к делу: просил Н<икиту> П<етровича> съездить в Петербург похлопотать о разрешении издавать газету от себя.

— Поймите же наконец, Никита Петр<ович>, что мне газеты не разрешат, да если бы и разрешили, газета не пошла бы в ход, нужно имя.

Несмотря ни на какие доводы Основ<ского>, Н<икита> П<етрович> ехать в Петербург отказался наотрез, а об редакторстве просил и не заикаться. Н<икита> П<етрович> полагал, что после такого разговора с Осн<овским> прекратятся его визиты. Вышло, однако, иначе: Осн<овский> ездил, ездил, Н<икита> П<етрович> скрывался, тот писал письма; не получая ответа, приставал к супруге Н<икиты> П<етровича> „уговорить мужа“ и, в конце концов, добился-таки своего: в августе Н<икита> П<етрович> поехал в Пет<ербург>.

— Эх, как бы не разрешили! — говорил Н<икита> П<етрович> дорогой на вокзал, вздыхая. — Соврать Основскому, не похлопотав, совести не хватает.

Насколько хотелось Основ<скому> издавать газету, видно хотя бы из того, что на другой день по приезде в Пет<ербург> Н<икита> П<етрович> получил вечером телеграмму от Осн<овского>: «Да или нет?» Пока Н<икита> П<етрович> пребывал в Пет<ербурге> (недели две), Основский не дремал: подыскивал помещение для конторы, типографии и редакции, сторговался насчет машины, шрифта и проч., нашел даже сотрудника по иностранному отделу <...>.

1 декабря 1867 г. напечатан № 1 „Совр<еменных> изв<естий>“ в означенном помещении. Всею хозяйственной частью по изданию заведовал Основский, он же был и секретарем, а чисто литературная часть была делом Н<икиты> П<етровича>» (РНБ. Ф. 847. № 357. Л. 1, 1 об.; цит. по: *Гиляров Н.* Краткая история газеты «Современные изв<естия>» / Публ. и примеч. А. Дмитриева // Коломенский альманах: Лит. ежегодник. Коломна, 2009. Вып. 13. С. 368—369).

[20] Публицист либерально-буржуазного толка Н. С. Скворцов, редактор газеты «Русские ведомости» с 30.III.1864 г. (позже и издатель) по 24.IX.1882 г.

[21] О том же, но несколько иначе (возможно, со слов **Г.-П.** или кого-либо из его окружения), писал брату 23.X.1867 г. проф. П. С. Казанский: «Гиляров затевает издавать газету, чтобы убить „Русские ведомости“, имеющие 20 000 подписчиков по 5 р<ублей> в год, 6 № в неделю, и будто редактор „Русских ведомостей“ предлагает ему отступного, по одним <сведениям>, 3000 в год, по другим — 1000. <...> ...Гиляров <...> весьма благоразумно сделал бы, если бы за деньги отступился от своего предприятия. Он обещал „Москве“ каждую неделю по передовой статье, а до сих пор написал их только четыре» (*Беляев*. Вып. II. С. 155—156).

[22] Скворцов учился в Ярославском Демидовском лицее и в Московском университете (на историко-филологическом факультете), но не окончил курса. Еще в студенческие годы Скворцов принимал участие в издававшихся Н. Ф. Павловым (см. примеч. 23 к наст. письму) газетах «Наше время» (1860—1863) и «Русские ведомости» (1863—1864), редакцию которой по его смерти и возглавил.

[23] Законной женой Павлова (с 1837 г.) была поэтесса К. К. Павлова (ур. Яниш), но с 1854 г. он жил в гражданском браке с ее дальней родственницей Евгенией Александровной Танненберг, от которой имел двух сыновей и дочь; остался с ним и горячо его любивший его единственный сын от К. К. Павловой Ипполит (см. о нем примеч. 27 к наст. письму).

[24] «Обязательные подписчики» гарантировались Министерством (в данном случае — народного просвещения), специальными распоряжениями принуждавшим подписываться подведомственные ему учреждения на то или иное издание.

[25] Для видного правоведа, философа-гегельянца, историка, публициста, общественного деятеля либерально-западнического направления Б. Н. Чичерина Н. Ф. Павлов, «старый приятель отца» его, стал близким человеком с декабря 1844 г. — когда юные братья Чичерины (Борис и Василий) приехали из Тамбова в Москву готовиться к поступлению в университет. См. об их взаимоотношениях: Воспоминания Б. Н. Чичерина / Сост., общ. ред. и предисл. С. Л. Чернова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 9—15 и след. по Именному указателю.

[26] Гр. П. А. Валуев, в то время, с 23.IV.1861 г. по 9.III.1868 г., министр внутренних дел; позднее — министр государственных имуществ (с 1872), председатель Комитета министров и одновременно главноуправляющий канцелярии Его Величества по принятию прошений (1877—1881). Оказывал покровительство Н. Ф. Павлову.

[27] Ипполит Николаевич Павлов после смерти отца в течение полутора лет подписывал «Русские ведомости» как издатель, но, не сумев поправить финансовое положение газеты да и фактически не распоряжаясь делами, вынужден был продать издание.

[28] М. Н. Похвиснев, цензор Московского цензурного комитета (с 18.XII.1852 г.; там в 1856—1862 гг. служил и **Г.-П.**); с 2.XII.1866 г. по 24.IX.1870 г. начальник Главного управления по делам печати.

[29] Местонахождение этого письма выявить не удалось.

[30] Письмо не выявлено в архивохранилищах.

[31] Валуев был родом из Москвы и начинал свою служебную карьеру в Канцелярии московского генерал-губернатора. В Белокаменной оставалась его родня, которую он навещал.

[32] Вероятно, **П.** выполнил просьбу **Г.-П.**, так как впоследствии «Русские ведомости» утратили льготу по почтовой пересылке — не исключено, что не без содействия вел. кн. Елены Павловны.

[33] Мать, Елена Михайловна Победоносцева (ур. Левашова), скончалась 12.IX.1867 г.

7[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Москва, 20 октября 1867.

Душевно благодарю добрейшего друга за теплейшее письмо[2]. Но как же Вы могли предположить, что я способен перенять «Русские ведомости» из-за *льготы*? Стало быть, стать в обязательные отношения к Министерству, и именно *нравственно*-обязательные? Это просто обидно. Некогда я отка-

зался от предложения быть редактором даже «Северной почты», журнала официального[3]. Можно ли думать о поставлении собственной газеты в официальное отношение? Нет, затем, между прочим, задумывал я и слияние с «Русскими ведомостями», чтобы прекратить льготу домашним образом. Я просил у Скворцова только фирму; «Русские вед<омости>» перешли бы между тем в ежедневность, объявили новую цену, новую программу, и ео ipso[4] отказались от льготы, став на общих основаниях. Когда не удалось это домашним образом, я пошел путем официальным.

Одно страшно: искусственная поддержка, оказываемая другому. Все прочие препятствия ничто.

Вы говорите, что петербургские дешевые газеты ведут дело шаромыжнически. Совершенно верно, многолюбезнейший Конст<антин> Петрович. Но выведите отсюда совершенно противоположное заключение. Ужели Вы думаете, что эти газеты имеют успех, потому что шаромыжничают? Ужели в России находятся десятки тысяч человек, которые выписывают газеты собственно потому, что надеются видеть в них скандалы? Допустить этого нельзя. В *разносной* продаже успевает № со скандалами; платит тот, другой 5 копеек, чтоб прочитать скандал. Но Вы допустите такое умозаключение в целой массе: будем подписываться на полгода, на год, ибо там будут скандалы? Нет, подписываются, потому что развилась уже жажда политического чтения и проникла в массу, даже до извощиков. Дешевизна облегчает удовлетворение этой жажды; а издатели, да и Вы-то вместе с ними, воображаете, что для этого надобны фортели. По моему мнению, это ошибка. Шаромыжники могли бы иметь успех, и имели бы успех еще больший, если бы откинули шаромыжничество и имели в виду не жажду к скандалам, а жажду к чтению вообще.

В сказанном я убежден глубоко. Думаю, что и Вы теперь думаете то же, а отсюда придете к такому заключению: что честно поступит, высокий гражданский долг исполнит, больше других соотечественникам послужит тот, кто, имея дарования кое на что высшее и блистательнейшее, на более глубокое и ученое, совлечет с себя парадные одежды публициста-генерала и в рубище, свойственном простому люду, потолкует с ними о том, что им знать желательно, но что растолковать им отчасти не хотят, отчасти не умеют. Молю Бога, чтобы Он дал мне успех, не потому только, что это выгодно, а и потому, что это общеполезно. Скромная, общенародная газета, это — мысль моя с юных лет[5].

Вам все это говорю, добрейший Конст<антин> Петр<ович>, зная, что Вы над этим не поглумитесь.

Пример Павлова Вы толкуете также неправильно[6]. Обязательная подписка волостных правлений помогла ему в денежном отношении, и только. Из прежних обязательных подписчиков не осталось и 2000. Это верно. Восемь тысяч подписчиков у «Русских ведомостей» из жителей Москвы: откуда же они явились? Разве кто навязывал? И отчего это, когда у «Московских ведомостей»[7] в самой Москве нет трех тысяч? Стало быть, есть потребность в дешевой газете: вот и всё.

Все это говорится, впрочем, только *Вам*. Не очень растолковывайте это другим, любезнейший друг. Этого прошу у Вас в личном интересе. Зачем надоумливать других? Покамест мне не хотелось бы, чтоб, догадавшись, в чем дело, поспешили и другие стать на ту же дорогу.

Забавно удивление некоторых, спрашивающих: зачем газета ежедневная, а не пятидневная, и залог в 5000, а не в 2000. Опять, голубчик мой, не разъясняйте этого никому. Но сами знайте, что в этом-то все условие успеха. По статистическим данным, мною собранным, оказывается, что в разносной продаже все газеты по преимуществу идут в те дни, когда не выходят «Русские ведомости», а по понедельникам идут в Москве петербургские издания. Что это показывает? Что нужна газета *ежедневная*; уже есть потребность у массы *каждый день* прочитать газету.

При личном свидании я мог бы многое Вам добавить и объяснить еще многое, что Вас и других должно удивить. И эти сведения очень любопытны, как материал к изучению современной истории. Да, дражайший Константин Петрович, наше поколение живет, не замечая, насколько страшно быстро все растет около него; интеллигенция рассуждает обо всем все еще по старому стилю. А посмотрите, как все переменилось кругом.

Мой подвиг страшен только в двух отношениях. Во-первых, трудно соблюсти известную меру *пошлости,* необходимой для дешевого издания; во-вторых, нелегко организовать внешний механизм дела, — так постановить, чтобы колесо вертелось, не требуя от меня особых забот и изнурительного труда. Основский, мой подручный, пока в этом отношении — золото, опытен и практичен донельзя.

Боюсь, чтобы мое письмо не обратилось в передовую статью «Московских ведомостей», бросаемую без чтения за ее длинноту. Но потерпите крошечку.

То обстоятельство, что Вы не кончили перевода [8], ничего не значит. Подайте прошение в Духовный Цензурный комитет и просите дозволения представлять на цензуру свой перевод в корректурных листах, и возьмите билет с позволением набирать перевод в московской Синодальной типографии. Присылайте тогда и билет, и первые листы рукописи. Пока будет продолжаться набор и печатание, двадцать раз Вы успеете кончить. Предисловие, если будет, наберется, разумеется, после всего. Смерть хочется, чтобы Ваш перевод вышел из нашей Типографии. А мы постараемся щегольнуть.

В Отчете [9] исправления по указаниям Вашим сделаны. На днях пришлю Вам экземпляров двести.

Еще слово; боюсь, впрочем, его произнести. Советы Ваши, указания и заметки для газеты моей будут очень дороги. Надеюсь, что Вы не оставите меня ими. Но позволите ли Вы назвать Ваше имя в объявлении, по поводу того, что у меня предполагается Юридическая хроника? [10] Сейчас я не нахожу еще фразы, но сказал бы, что имею надежду пользоваться или получать, или что-нибудь вроде этого, Ваши замечания. Одним словом, как-нибудь вроде этого, не притягивая Вас в сотрудничество, но заявив, что, во всяком случае, я могу получить иногда

от Вас заметку? Вы спросите, почему это нужно? А потому, что я рассчитываю на всех в России кандидатов на судебные должности, в широком смысле этого слова; для них между прочим намерен я, например, печатать все до одного решения Кассационного департамента[11] (в самом кратчайшем и сжатом виде, со ссылкою на «Судебный вестник»[12]) и облегчить тех, кто самого «Судебного вестника» не получает. Имя Ваше тут много значит.

Затем, кланяюсь и благодарю. Да, любезнейший Константин Петрович, чем ближе срок, тем страшнее становится. Принимаюсь за дело со страхом Божиим и с верою[13] и с молитвою.

Кстати: какие периодические издания посоветуете Вы (из иностранных) иметь для наблюдения за вопросами *не*политическими? Я знаю «Athenaeum»[14]; Вы говорили о «Saturday-review»[15]. А из немецких и французских? Не оставьте сообщить. Как я себе представляю мою газету, это крайне и крайне важно для меня.

Ваш *Н. Гиляров*

[1] Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. № 457. Л. 10—12 об. Небольшие фрагменты опубл. в составе статей: 1) <*Шарапов С. Ф.*>. † Памяти Н. П. Гилярова-Платонова (13 октября 1887 года) // *РД*. 1888. 8 окт. № 41. С. 2 (перепеч.: *Неопознанный гений*. С. 16—17); 2) *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов // *Сб. соч.* Т. I. С. XXXIV, XXXVI.

[2] Местонахождение письма неизвестно.

[3] Учрежденная в тот период ежедневная ведомственная газета Министерства внутренних дел «Северная почта» (1.I.1862—31.XII.1868) предназначалась для публикации придворных известий, правительственных распоряжений, коммерческой информации (с 1869 г. ее заменил «Правительственный вестник»). Обстоятельства и время несостоявшегося назначения **Г.-П.** ее редактором уясняются из его письма к Н. А. Сергиевскому (см. о нем примеч. 6 к п. 2) от 18.I.1862 г. Он писал: «Вы спрашиваете о моем редакторстве. Оно кануло ко дну совершенно; Головнин не счел нужным согласиться с моею запискою, а думает обратить журнал в чисто и досконально официальный» (РНБ. Ф. 847. № 479. Л. 2). Очевидно, отказ **Г.-П.** редактировать «Северную почту» был обусловлен пониманием, что для него возможности журналистской свободы сведутся на нет, будучи жестко ограничены рамками начальнического волеизъявления.

[4] в силу этого (*лат.*)

[5] **Г.-П.** мечтал издавать дешевую простонародную газету, причем не в лубочно-казенном формате, не угождающую вкусам толпы, а, напротив, — газету, которая способствовала бы росту национального самосознания и при этом честно и откровенно разъясняла бы простолюдинам их настоящие нужды и правительственные меры к их удовлетворению. Первые проекты подобного издания, призванного реально содействовать делу общественного примирения на началах братской любви, появляются в переписке **Г.-П.** с публицистом А. Д. Желтухиным в 1859 г.; газету тогда намечалось назвать «Листком народных нужд» (см. об этом: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете. 1859 год // *РО*. 1897. Т. 48, дек. С. 520—529).

[6] Любопытно непосредственное впечатление, произведенное в близких **Г.-П.** духовно-академических кругах известиями о необычной подоплеке основанных Н. Ф. Павловым «Русских ведомостей». Проф. П. С. Казанский 20.XI.1861 г. писал брату: «Павлов, редактор „Нашего времени“, будет выдавать ежедневную газету, и говорят, что ему дают 25 000 р<ублей> ежегодной субсидии. Личных убеждений он не имеет. Был западником. Раз я с ним встретился. Всю жизнь он провел в аферах, то женитьбою, то игрою. Последнее время был без состояния. Но перо имеет бойкое, пользуется старою репутациею писателя, а потому может быть и полезен» (*Беляев*. Вып. I. С. 243).

[7] «Московские ведомости» — одна из первых русских газет (26.IV.1756—26.X.1917); издавалась при Московском университете; ежедневная с 1859 г. Арендаторами-редакторами с 1863 г. были М. Н. Катков и П. М. Леонтьев, с 1875 по 1887 г. — один Катков. При нем газета вскоре снискала репутацию основного политически правого органа печати. См. также примеч. 8 к п. 14.

[8] Речь идет о переводе трактата Фомы Кемпийского, который выполнил **П.** См. примеч. 11—12 к п. 6.

[9] Имеется в виду «Годичный отчет...». См. примеч. 3 к п. 6.

[10] Уже в первом объявлении об открытии подписки на «Современные известия» **Г.-П.** сообщал, что внутри отдела «Внутренние известия» предполагается «особый отдел „Юридической хроники“» (Москва. 1867. 11 нояб. № 177. С. 1).

[11] Очевидно, **Г.-П.** ориентировался на регулярные рубрики газеты «Судебный вестник» (см. примеч. 12 к наст. письму). См., например: <*Без подписи*>. В Правительствующем Сенате, по Уголовному Кассационному департаменту // Судебный вестник. 1867. 9 нояб. № 245. С. 991—992; <*Без подписи*>. В Правительствующем Сенате, по Гражданскому Кассационному департаменту // Там же. 17 нояб. № 251. С. 1017.

[12] «Судебный вестник» — ежедневная юридическая газета (25.V.1866—7.IX.1871, 7.III.1872—28.IV1877); в 1866—1868 гг. имела подзаголовок «Газета Министерства юстиции», редактировалась правоведами А. П. Чебышевым-Дмитриевым и П. А. Марковым.

[13] Ср. возглас священника: «Со страхом Божиим и верою приступите» — в ходе литургии, когда он выносит из алтаря Чашу, призывая верующих причаститься Св. Таин.

[14] «Athenaeum» — лондонский литературный еженедельник, издававшийся в 1828—1921 гг.

[15] «Saturday-review» («The Saturday Review») — лондонский еженедельник «политики, литературы, науки и искусства», выходивший в 1855—1938 гг.

8[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Москва, 24 октяб<ря> 1867.

Пользуюсь Вашею готовностью похлопотать за меня у Валуева, добрейший Константин Петрович. При сем прилагаю письмо мое к нему[2]; извольте его прочитать и заклеить; затем отправляйтесь к нему. Если он занят, оставьте письмо и затем поищите свидания с ним и переговорите. Не худо еще повидать *Лаубе, почтдиректора*[3]. Он против льготы. Вообразите всю эту

чепуху: правительство обеспечивает себе получение долга в 18 000 (а не в 1800) рублей воровством из собственного своего кармана 144 000! Ведь это ужас! Разве нельзя обеспечить долг проще? Ну, бери Министерство внутр<енних> дел у Почтового по 2000 в год из платы за пересылку. Справедливость соблюдена, казна ущерба не терпит и даже в выгоде. Обратите на этот пункт особенное внимание!

Подозреваю, что тут есть что-то темное. Не хочу верить, но говорят об одном господине (он же мой приятель)[4], приближенном к Валуеву, что он идет на взятку и что за продолжение льготы ему будут платить ежегодно. Понимаете, что сообщаю это Вам дружески и в высшей и строжайшей степени конфиденциально. Но Вы понимаете, что это способно кипятить.

Да, более всего, родной мой Константин Петрович, вопию против льготы, для того чтобы обеспечить себе спокойствие духа. Дела становятся так, что, повидимому, мне не страшна и льгота чужая. Кому ни скажешь, отовсюду благожелания, наперерыв готовность подписываться. Сейчас считаю всех подписчиков, суют деньги моему коллеге[5] в руки etc. etc. Предзнаменования отличные, но ведь невыносима эта поддержка дрянной газетишки. Пожалуй, она захочет тоже обратиться в ежедневную и пустить себя рублем дешевле. *Трудно будет тогда соблюсти спокойствие и не отнестись, ввиду этой вопиющей несправедливости, с жалобой по Министерству внутр<енних> дел.* По правде сказать, боюсь этого; боюсь не удержаться в пределах благоразумия.

Как жаль, что на этот раз нет Великой Княгини![6] Как лицо, несколько прикосновенное к этому вопросу, могла бы она и должна бы замолвить слово!

Препоручаю себя Вам, дражайший друг; действуйте. Перейду к Вашим делам.

Что Вы не в состоянии сейчас тратиться на издание «О подражании Христу», это ничего не значит. Типография наша купит бумаги по Вашему вкусу (я думаю, надобно пощеголеватее); деньги внесете не только по окончании печатания, но и не все разом. Это у нас ведется. Но хорошо то, что пошло бы дело исподволь. Извольте-ка билет присылать и первые листы перевода.

Нежелание Ваше торчать в объявлении вполне понимаю. Почему же я и боялся вымолвить Вам свою просьбу? Я сам в высшей степени страдаю этим *pruderie*'ом[7]. Меня покоробило, когда назвал меня в объявлении Аксаков[8]. Даже теперь дорого бы я дал, чтобы можно было не торчать моему имени в газете. Быть вывеской — тут есть что-то нестерпимое. Но, между прочим, потому-то я и полагал назвать троих, советами которых предполагаю пользоваться; каждым по своей части: *Далем* для народного быта[9], *Островским* для театра[10] и Вами. Думалось: ну, будет все повеселее, нежели выставлять собственную персону, ничего никому не говорящую. Теперь, делать нечего, не назову никого. Пускай явлюсь пред публикой со всем бесстыдством самонадеянности!

Вчера перебирал «Памятную книжку» Московскую[11]. Думал воспользоваться ею для газеты и ежедневно извлекать сведения о праздниках по московским церквам. Как жестоко наврано! Некоторых церквей даже не нашел вовсе.

Помните, прислали Вы программу календарика? Дал я ее одному профессору семинарии[12], с просьбой подумать об этом деле и поискать работников. Вообразите, является теперь ко мне и объявляет, что потерял. Хороши.

Обнимаю Вас от души.

Ваш *Н. Гиляров*

А письмо-то мое к Валуеву немножко скверно. Словно подленько маленько? Или нет? Ну, да отдавайте его во всяком случае, писать нового некогда.

1 Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. № 457. Л. 13—14 об. Небольшой фрагмент опубл. в составе статьи: <*Шарапов С. Ф.*>. † Памяти Н. П. Гилярова-Платонова (13 октября 1887 года) // *РД*. 1888. 8 окт. № 41. С. 3; перепеч.: *Неопознанный гений*. С. 19.

2 Местонахождение этого гиляровского письма к П. А. Валуеву (см. о нем примеч. 26 к п. 6) выяснить не удалось.

3 Директор Почтового ведомства тайный советник Н. И. Лаубе.

4 О ком идет речь, выяснить не удалось.

5 Подразумевается Н. А. Основский (см. примеч. 19 к п. 6).

6 Вел. кн. Елена Павловна (см. о ней примеч. 8 к п. 6).

7 *pruderie*'ом — преувеличенной стыдливостью (*фр*.)

8 Вероятно, имеется в виду объявление И. Аксакова о подписке на газету «Москва». Однако в выявленных нами анонсах такого рода списков будущих авторов нет. См., например: <*Аксаков И. С.*>. Подписка на ежедневную газету «Москва», издаваемую И. С. Аксаковым // *МВед*. 1866. 24 дек. № 272. С. 6.

9 В. И. Даль с самого начала был автором «Современных известий»; **Г.-П.** подружился с ним, по всей видимости, в конце 1850-х гг. в ОЛРС; 6.III.1860 г. он прочел в 140-м публичном заседании Общества статью Даля «о составленном им „Словаре русского языка“» **(***Мендельсон Н. М.* Общество любителей российской словесности при Московском университете: Исторические записки и материалы за сто лет, 1811—1911. М., <1911>. С. 104 (паг. 2-я)**)**. Вместе с тем **Г.-П.** ценил Даля именно как знатока народного быта, при этом скептически отзываясь о нем как об ученом-лексикографе. См., например, фрагмент, не включенный **Г.-П.** в окончательную редакцию «Экскурсий в русскую грамматику» (1883): «Для меня Даль не авторитет. Он был собиратель замечательно наблюдательный, но не лингвист совершенно. Наука о языке ему была неизвестна; он не изучал ее. Да мало того; во многих случаях он был лишен даже чутья, заменяющего, и именно в языке, часто знание» (ИРЛИ. Ф. 71. Д. 27. <№ 1>. Л. 15).

10 А. Н. Островский был с **Г.-П.** в свойстве: старший брат последнего свящ. А. П. Гиляров женился на родной тетке драматурга Татьяне Федоровне Островской; **Г.-П.** познакомился с ним, видимо, только в середине 1850-х гг. на редакционных совещаниях «Русской беседы», на страницах которой оба печатались. В своих мемуарах **Г.-П.** сообщал: «Для „Русской беседы“ в одну из начальных ее книжек назначалась пьеса Александра Николаевича, и автор должен был прочесть ее в кругу ближайших к редакции лиц, к которым и я принадлежал. Кроме Кошелёва и Филиппова, тут были Хомяков и Константин Аксаков. Кто был еще и где это происходило? У Кошелёва и Хомякова? Нет. У Елагиных, у Аксаковых? Не помню. Но это было в 1856 году, и событие запечатлелось во мне...» (*Из пережитого. 2009*. Т. 2. С. 316—317). Речь идет о комедии «Доходное мес-

то», работа над которой была завершена 20.XII.1856 г., а чтение состоялось предположительно в конце декабря (см.: *Коган Л. Р.* Летопись жизни и творчества А. Н. Островского. <М.>: Госкультпросветиздат, 1953. С. 80). Пьеса была опубликована в первой книжке «Русской беседы» за 1857 г., вышедшей в марте.

[11] Речь идет об издании: Московская памятная книжка на 1867 год, составленная по официальным сведениям и документам в двух частях, заключающая в себе: адресы находящихся в Москве присутственных мест, ученых обществ, учебных, благотворительных и лечебных заведений. М., 1867. 1176 с. разд. паг. (но не исключено, что имеется в виду то же издание за предыдущий, 1866 год; более ранних выпусков не было).

[12] Лицо неустановленное.

9[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Москва, 21 ноября 1867.

Своего перевода все-таки не шлете, любезный друг, и мнения о моем объявлении не присылаете. А что, в самом деле, как показалось Вам мое объявление?[2]

Крайне хочется послать Вам на просмотр мою вступительную статью[3]; но, к сожалению, тиснута она всего в одном пока экземпляре.

Судя по всем указаниям, дело у меня пойдет хорошо. Подписка идет очень хорошо, и даже необыкновенно хорошо[4], как утверждают знающие люди. Но меня не столько радует это, сколько другое: вижу от всех участие сердечное, сочувствие истинно для меня дорогое. Молю Бога, чтобы Он дал мне сил оправдать это сочувственное упование.

А каково событие? Монумент свалился[5]; как-то жутко чувствует себя Москва. Образовалась пустота, в которой неловко. Москва без Филарета, это как-то неловко, непривычно. Любопытно, как пойдут теперь церковные дела, когда рассуждениям и различным мерам уже не предшествует обычный вопрос: а как на это смотрит Филарет?

Мне объявлено официально, что льгота Скворцову с 1868 года прекращается. Скворцов поехал хлопотать в Петербург. Чем кончились его хлопоты, не знаю; но знаю, что, как я предсказывал, он решается также на ежедневную газету[6]. Очень рад, если это будет позволено без всяких субсидий: пойдет чистое, честное соперничество.

Научите меня следующему и, по возможности, в непродолжительном времени. Хочется мне поднести экземпляр своей газеты, между прочим, Великой Княгине. Отчасти обязывает меня к этому приличие[7]. Но как это сделать?

Само собою разумеется, нужно написать письмо, и письмо это должно быть написано на имя — чье, я немножко забыл, — но все равно: напишу письмо. В письме вложу нумер. А потом? Как я стану посылать? Одним словом: как ад-

ресовать газету? Ваше сообщение по этому поводу мне вдвойне нужно: ибо думаю еще поднести Великому Князю Алексию Александровичу [8].

Иван Сергеевич оказал мне от доброго сердца услугу немножко медвежью: читая его рекламу [9], образованный человек легко может прийти к мысли, что мое изданьице предназначается исключительно для мещан, будет излагаться маленько-мужицким слогом, и в конце концов — есть такое издание, которому в порядочной гостиной нет места [10]. Чудак не показал мне заранее своей рекомендации. Впрочем, это ничего: «Москву» читают не очень многие [11].

Утешу Вас следующею вестью: я достал *точное* описание всех праздников московских. Сведения о них, которые печатались в Памятной книжке [12], крайне неверны, и я добыл верные из Консистории [13]. Помните: Вы еще предполагали поместить такие сведения в особом календарике? Издание его не мешает сделать и теперь, хотя я праздники эти собрал собственно для газеты [14]. Но, однако, не писал ли я уже Вам об этом?

Обнимаю Вас.

Ваш *Н. Гиляров*

[1] Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. № 458. Л. 1—2 об. Небольшой фрагмент опубл. в составе статьи: <*Шарапов С. Ф.*>. † Памяти Н. П. Гилярова-Платонова (13 октября 1887 года) // *РД*. 1888. 8 окт. № 41. С. 2; перепеч.: *Неопознанный гений*. С. 16.

[2] Имеется в виду довольно пространное объявление о подписке на «Современные известия», набранное крупным шрифтом и опубликованное дважды на первой полосе аксаковской «Москвы» — 11 и 14.XI.1867 г. (№ 177 и 179). Оно начиналось так: «„Современные известия“ будут давать отчет о всех важнейших явлениях жизни политической и общественной. Сохраняя характер политической, газета не будет упускать событий, имеющих общественное значение, в какой бы они области ни совершались: в мире религиозном, ученом, художественном, литературном, торговом, промышленном и в области общественного быта в теснейшем смысле слова».

[3] Опубл.: *СИ*. 1867. 1 дек. № 1. С. 1. См. примеч. 15 к п. 6.

[4] Успешной подписной кампании способствовали льготы, которые **Г.-П.** предложил читателям: подписавшиеся на 1868 г. получали газету уже с 1.XII.1867 г.; разница между подпиской по Москве и иногородней составляла всего рубль (тогда как у Скворцова, издателя «Русских ведомостей», — 2 рубля).

[5] 19.XI.1867 г. скончался митр. Московский и Коломенский Филарет (Дроздов), крупнейший русский богослов XIX в., прославленный в лике святых в святительском чине (1994). Родом он был коломенец и приходился **Г.-П.** дальним родственником: шурин родного брата **Г.-П.** (Александра), Г. Ф. Островский (дядя драматурга), был женат на племяннице Филарета В. И. Сергиевской, а троюродный брат **Г.-П.** и сын его крестного отца, протоиерей Г. И. Богоявленский, — на родной сестре владыки А. М. Дроздовой. Общение Филарета и **Г.-П.** прошло несколько этапов: покровительство владыки талантливому первому ученику Московской семинарии, а потом и Духовной академии сменилось его раздражением из-за недостаточно смиренного отношения студента (а потом и молодого бакалавра) к заповеданному кругу традиционной богословской учености,

прежде всего из-за чрезмерного увлечения новейшей философией (Шеллингом и Гегелем) и, наконец, полным разрывом и обоюдным неприятием по причине недопустимого, по убеждению Филарета, поведенческого и научного модернизма **Г.-П.**-расколоведа. В последние же 5 лет жизни владыки они примиряются и, когда **Г.-П.** выступает инициатором смелых преобразований в области церковно-приходского образования, литургической практики и исправления богослужебных книг, все его проекты поддерживает московский первосвятитель, для которого **Г.-П.** теперь — единомышленник и в нем словно бы отчасти воскресают черты молодого, деятельного Филарета эпохи Александра I. Это сотрудничество позволило **Г.-П.** позже создать проникновенный и вместе объективный, далекий от хвалебных «риторических упражнений», портрет владыки в ряде газетных статей (в частности, начиная с первого номера «Современных известий») и в мемуарной книге «Из пережитого».

[6] Впервые объявление о том, что «Русские ведомости» станут ежедневным изданием, было помещено в этой газете 21 ноября 1867 г. (№ 136. С. 1) и впоследствии в течение известного периода повторялось в каждом номере, тогда же была названа и цена — «в Москве с доставкою на дом 4 р<убля> сер<ебром> в год». Существенно, что в предыдущем номере (№ 135 от 18 ноября) в объявлении о подписке на новый год цена указывалась три рубля и предполагалось, что газета, как и прежде, будет выходить три раза в неделю. Несомненно, это кардинальное изменение издательской политики было связано с тем, что у «Русских ведомостей» появился серьезный конкурент — «Современные известия».

[7] Эта оговорка объясняется тем, что **П.** и **Г.-П.** — и только они из лиц светского сословия! — были «назначены по выбору» вел. кн. Елены Павловны в члены учрежденного в 1865 г. Московского комитета по вспоможению беднейшим ученикам духовного звания (см. подробнее примеч. 9 к п. 6) и, стало быть, хорошо ей знакомы.

[8] Вел. кн. Алексий (Алексей) Александрович — четвертый сын Александра II, в тот период лейтенант флота.

[9] Имеется в виду заметка И. Аксакова, опубликованная в качестве «подпередовой» статьи в том же номере «Москвы» (1867. 11 нояб. № 177. С. 2), где в первый раз было помещено объявление **Г.-П.** о подписке на «Современные известия» (см. примеч. 2 к наст. письму).

[10] Заметка Аксакова, представлявшая «Современные известия» чуть ли не лубочным изданием, явным образом противоречила содержанию гиляровского объявления (см. примеч. 2 к наст. письму). Аксаков писал: «В Москве с наступающего года будет еще одним органом печати больше. Наш постоянный сотрудник, сотрудник „Русской беседы“ и „Дня“, Н. П. Гиляров-Платонов предпринимает издание особой газеты — дешевой, предназначенной, по преимуществу, для тех слоев общества, куда не проникают прочие наши ежедневные газеты по своей высокой цене и которым эти газеты, предполагающие в публике уже значительную степень образованности и знания, нередко даже и недоступны по форме изложения, по условным приемам речи, по отвлеченности содержания. Есть масса грамотного люда, которую не имеет в виду наша дорогая ежедневная печать, но которая нуждается в печатном слове и желала бы, через печать, приобщиться к общему движению жизни. Совместить ту и другую цель в одном издании, издавать газету для той и другой публики в одно время — почти невозможно, по значительному различию бытовых различий и уровня образования. Есть, конечно, и именно в Москве, периодические издания и дешевые, не только вполне удовлетворительные, но и вполне замечательные, как „Русский“ М. П. Погодина, но эти газеты не ежедневные. Мы ис-

кренно радуемся, что за такое важное дело, как издание ежедневной *дешевой* газеты, взялся человек с такими дарованиями, как наш бывший сотрудник, стоявший до сих пор всегда под одним с нами литературным знаменем. Поприще выбирает он трудное, — но с Богом, путь добрый!» (см. ссылку в примеч. 9 к наст. письму).

[11] Объяснялось это тем, что годовая подписка на «Москву» стоила довольно дорого: на 1868 год — 15 рублей (12 — без пересылки и доставки).

[12] Об этом издании см. примеч. 11 к п. 8.

[13] *Консистория* (от лат. consistorium) — учреждение при епархиальном архиерее (в данном случае при митрополите Московском и Коломенском) с административными и судебными функциями.

[14] С самого первого номера **Г.-П.** помещал в своей газете (на первой полосе в правом верхнем углу, под рубрикой «Справочные сведения») «Московский месяцеслов», где сообщал о церковных праздниках (в том числе престольных для московских храмов с указанием их адреса) и приводил сводку богослужебных библейских чтений.

10[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Москва, 1 января 1868.

Молю Бога, любезный друг, чтобы Он дал Вам провести наступивший год лучше, нежели как, предвидится, проведу я.

Я поручал графине Блудовой уведомить Вас, почему я Вам не отвечал. Я лежал в постеле (представьте, в такое время!). Затем Вы понимаете все судорожные хлопоты, неизбежные при начале дела. Но Вы их не можете представить сотую часть.

Во-первых, оказывается, что мой компаньон действительно плут из плутов, обманщик из обманщиков [2]. Рассказывать все было бы долго, да и возмутительно; достаточно сказать одно, что ему хотелось поставить дело так, чтоб я бросил предприятие, передал все ему, все, даже свое имя. И так ловко было подстроено, чтоб я был куклою, что я с трудом теперь придумываю средство, как выпутаться из сетей, которыми меня окружили. Приходится *зараз* менять всех до одного людей, начиная с сотрудников и кончая последним рабочим. До того все было (и есть пока) в круговой поруке мошенничества, что нельзя тронуть одного, без того чтобы все не ушли и не остановилась машина.

Вчера я серьезно задавал себе вопрос: не объявить ли сегодня подписчикам, что я прекращаю газету и возвращаю деньги? Долго думал, соображал и решил, что и нравственный, и гражданский долг велит мне продолжать [3]. Газета, кажется, имеет будущность, несмотря на ужасные неисправности, неряшество, небрежность, дурной выбор и проч. и проч. и проч.

Теперь к Вам с просьбой. Помогите, пожалуйста.

Дело о льготе «Русских ведомостей» Вы помните. Оно кончилось было тем, что мне официально, чрез председателя Цензурного комитета было объявлено,

что льгота с 1868 года будет прекращена. Понятно, что я успокоился. Но потом вижу объявление, что «Русские ведомости» будут выходить также *ежедневно*, и цена им *четыре* рубля [4]. Без льготы так издавать положительно невозможно, и Скворцов уверяет; уверяют и все, кто его знает, что льгота *продолжена*. Это несомненно очевидно.

Когда я писал Похвисневу против льготы «Русских ведомостей», я просил его предуведомить меня, если льгота будет продолжена [5], для того «чтоб я вовремя мог принять меры против моего разорения». Удивляюсь поэтому, что возвращают льготу, после того как официально меня уведомили о ее прекращении [6]. Ведь это просто дает мне даже право иска. Это действительно обращается в прямое и как бы умышленное мое разорение.

Узнаю между прочим, что уменьшенною платою, хотя не в такой степени, как «Русские ведомости», пользуется и «Русский» Погодина [7], и, наконец, почти все газеты и журналы, кроме «Московских ведомостей» и «Москвы» (например, «Русский архив» [8], все духовные журналы и так далее. Только «Развлечение» [9] не пользуется льготою).

Итак, я считаю себя вправе просить и себе уменьшения цены за пересылку.

По-настоящему следовало бы мне самому ехать в Петербург. Но, при моих сомнительных отношениях к начальству, мне не хочется просить отпуска, да и нельзя отлучиться даже на один день, при теперешних пока крайне неустроенных делах. Поэтому посылаю Вам просьбу на имя министра почт [10]. Желал бы я, чтоб нашелся благодетель, который бы ее подал, попросил. Желал бы, чтобы подняты были все возможные пружины.

Но предварительно нужно справиться: в каком размере уменьшена плата за пересылку «Русских ведомостей». Признаюсь, хотя и назначил я рубль и полтину в своей просьбе, но желал бы, чтоб, в случае если с «Русских ведомостей» назначено меньше, воспользоваться и мне тем же самым.

Об этом же предмете пишу графине Блудовой [11] и И. Д. Делянову [12]. Устройте, ради Бога, как-нибудь это общим советом. Ибо иначе я могу окончательно утонуть. В случае нужды уведомьте меня по телеграфу. Ибо дело не терпит отлагательства. Расчет с почтамтом делается в начале года, и казна, раз взяв, не воротит денег.

Ваш *Н. Г.*

NB. Просьба посылается на случай, если подать ее сочтете возможным и удобным. Между тем она выясняет Вам основания. В случае нужды я составлю другую.

[1] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 458. Л. 3—4 об.

[2] См. об этом в вышецитированных воспоминаниях Н. Н. Гилярова: «Последующие нумера газеты выходили исправно, но подписка шла далеко не так успешно, как предсказывал Основ<ский> и некоторые льстецы, в особенности из подчиненных Н<икиты> П<етровича> по службе в Синодальной типографии. По ходу дела ясно видно

было, что об обещанных 5000 подписчиках к 1 янв<аря> 1868 г. и думать было нечего, а первое полугодие давало повод к грустным мыслям: было всего 800 подп<исчиков> и большой убыток от предприятия. Основский, видя, что дела плохи, стал заниматься делом кое-как и, наконец, совсем пропал из виду. Сотрудник по иностранному отделу, поставленный Осн<овским>, перестал являться в редакцию. Н<икита> П<етрович> остался один! Вот тут-то наступили поистине черные дни и ряд испытаний. Компаньон покинул дело, не дав отчета в своей деятельности, и редактор-издат<ель> очутился в темном лесу. Начали предъявляться требования уплаты по векселям и счетам от разных фирм и лиц за взятые в кредит типографские принадлежности и проч., а так как правильно веденных книг у Н<икиты> П<етровича> под руками не было, то упомянутые требов<ания> в большинстве являлись для Н<икиты> П<етровича> совершенною неожиданностью.

Конторщик отказался от должности 1 числа, или, вернее, не пришел в контору на следующий день по получении жалованья; подписку принимать пришлось поручить одному из писцов, который приходил писать адреса по вечерам для иногородних подписчиков» (РНБ. Ф. 847. № 357. Л. 1 об.—2; цит. по: *Гиляров Н.* Краткая история газеты «Современные изв<естия>». С. 370).

[3] В программной передовой статье, увидевшей свет в этот день, **Г.-П.** писал: «С робостию и недоверием к своим силам и опытности выступили мы с своим изданием. Намеренно предпослали месяц вперед, чтоб убедиться, верно ли нами угадана потребность времени.

Срок испытания истек. Оглядываемся, мысленно себя спрашиваем, проверяем... и отвечаем уже с некоторою самоуверенностию: да, „Современные известия“ не лишние в русской печати! Далеко мы не успели высказаться; далеко не успели всего даже коснуться. Но прием, сделанный тому немногому, что высказано, убеждает нас, что мы должны, обязаны продолжать путь, который избрали, что отступление непозволительно. <...>

Мы не служим отдельному классу общества <...>. Мы не служим особой школе <...>. Мы не имеем притязания быть и всероссийским органом общественных и государственных нужд» (<***Г.-П.***>. Внутренние известия // *СИ*. 1868. 2 янв. № 1. С. 1). Статья републикована и откомментирована Д. Ю. Балашовым: Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова. С. 184—186, 194.

[4] См. примеч. 6 к п. 9. Возможно, **Г.-П.** по-настоящему обратил внимание на объявление о подписке на газету-соперницу только в конце декабря.

[5] Местонахождение письма не установлено.

[6] Не исключено, что **Г.-П.** ошибается и газета Скворцова все же поначалу была лишена почтовой льготы. Дело в том, что в старом объявлении на подписку отмечалось, что цена «Русских ведомостей» «с доставкою и пересылкою во все города и уезды 3 р<убля> сер<ебром> в год» (18 нояб. № 135. С. 1), а в новом — для иногородних подписчиков, в отличие от москвичей («4 р<убля> сер<ебром>»), «цена за год с пересылкою — 6 р<ублей> сер<ебром>» (21 нояб. № 136. С. 1).

[7] «Русский» — «газета политическая и литературная», издававшаяся М. П. Погодиным с 13.III.1867 г. еженедельно, с июля 1868-го до конца этого года — ежедневно. Любопытно, что Погодин приветствовал появление гиляровского издания большой статьей, в которой перепечатал передовую статью из первого номера (от 1 декабря 1867 г.): *М. П.* <*Погодин М. П.*>. О новой газете в Москве: «Современные известия» // Русский. 1868. 1 янв. Л. 1 и 2. С. 20—22.

[8] «Русский архив» — ежемесячный московский исторический журнал (1863—1917), издававшийся до 1912 г. П. И. Бартеневым (см. о нем примеч. 9 к п. 2).

[9] «Развлечение» — «журнал литературный и юмористический, с политипажами», издавался в 1859—1905 гг. еженедельно в Москве (до 1881 г. поэтом-переводчиком Ф. Б. Миллером).

[10] Н. И. Лаубе (см. примеч. 3 к п. 8).

[11] Приведем это письмо полностью:

«1 января 1868, Москва

Поздравляю Вас с Новым Годом, Графиня.

А я встречаю Новый Год невесело. Да, основательно Вы сравниваете меня с первомучеником Стефаном.

Во-первых, выходит теперь вот что. Компанион, который втянул меня в издание, оказывается величайшим обманщиком. Он хотел только воспользоваться моим именем и эксплуатировать меня самым безжалостным и самым наглым образом. Слава Богу, что это еще рано открылось. Беда еще поправимая.

Но вот, Графиня, беда, от которой я окончательно могу пропасть. Извольте выслушать внимательно.

Большие газеты мне не соперницы. Не соперницы мне и маленькие газеты петербургские: у них свой район читателей. Единственный мой соперник, и соперник страшный, это газета, „Русские ведомости“, основанная некогда Павловым. Газета совершенно ничтожная, и притом живущая скандалами, но имеющая *шестнадцать тысяч* подписчиков. И это еще не беда, но беда в том, что этой ничтожной газете покойный Павлов, кажется при содействии Великой Княгини Елены Павловны, выхлопотал уменьшенную плату за пересылку. Именно, она по общим правилам должна была платить *два* рубля за пересылку, а с нее назначено *вдесятеро* меньше, то есть *двадцать* копеек.

Основав издание, я предвидел, что „Русские ведомости“ по соперничеству также превратятся в ежедневную газету, и предвидел, что при этом условии я не буду в состоянии выдержать соперничества, если привилегия „Русским ведомостям“ будет сохранена. Ибо мне с моей газеты с одной пересылки приходится платить по *три* рубля с подписчика, то есть ровно половину. Возможно ли соперничествовать с газетою, которая, назначив столь же дешевую цену, будет тратить за пересылку, может быть, впятеро дешевле?

Я просил Министерство внутренних дел, чтобы привилегия „Русских ведомостей“ была уничтожена, ибо иначе я буду разорен. Меня официально уведомили, что привилегия уничтожается с 1868 года. Тогда я начал издавать. Но представьте мой ужас, когда я услышал, что привилегия, несмотря на это, продолжена! Вместе с тем „Русские ведомости“ объявили себя ежедневною газетою, и притом с ценою в *четыре* рубля, дешевле моей. Это такая цена, на которую без искусственного покровительства издавать нельзя.

Теперь мне остается или идти в процесс с Министром, или требовать себе уменьшенной платы. Остальные подробности узнаете от Победоносцева. Помогите, прошу Вас, общим советом. Иначе я разорен, и разорен несправедливейшим и незаслуженным образом.

Ваш *Н. Гиляров*» (печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. № 381. Л. 4—5 об).

[12] О гр. И. Д. Делянове см. примеч. 2 к п. 5.

11[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Москва, 9 января <1868 г.>

Написал было просьбу, любезный друг, но остановился. По достоверным сведениям, с «Русских ведомостей» назначено по *сороку копеек* за пересылку иногородным и городским одинаково. Останавливаюсь подавать просьбу, чтоб не требовать большей с себя платы, чем положено с «Русских ведомостей». Если уже писать просьбу, думаю просить, чтобы меня поставили в *равные условия* с «Русскими ведомостями»[2].

Да?

Вы говорите: развяжитесь с Основским. Да чего! Он от меня просто *сбежал*, оставив дела в неимоверно запутанном виде[3]. Я с конца декабря остался один. Но, впрочем, об этом долго рассказывать.

Вы говорите: передайте Основскому все. В начале декабря, когда ко мне стали доходить явления беспорядков, я так было и предполагал. Я говорил: найдите редактора, которому, не срамя себя, я мог бы передать газету. Он тогда не согласился. Хотя и тогда это было бы худо. Передать газету спустя месяц после основания — значит произвести скандал и совершенно убить самую газету. Кто же ее тогда возьмет?

Кроме того, я должен был бы объявить в то же время, что подписывавшиеся не ради дешевизны, а ради *меня* могут получить назад деньги, но не убита ли была бы этим газета окончательно? А как же было не объявить об этом? Без этого дело принимало бы вид аферы, а я — вид человека, подставившего свое имя для заманки публики и потом ушедшего.

Оставить свое имя, но передать газету: это предположение еще менее допустимое.

Вы, любезный друг, лучше всякого оцените и мое положение, и силу предшествующих соображений. 31 декабря я задавал вопрос: не кончить ли дело простым, единственно честным способом? Закрыть газету и расквитаться? Долго я ворочал в уме, и результатом была статейка на новый год передовая[4]. Она написана от души; выразила без преувеличений и без прикрас то, на что я решился и почему решился. Что делать? Надобно год додерживать.

Но газета имеет, кажется, будущность. Вот что жалко. Жалко потому, что при стеснении, в которое поставлен я неравенством условий пересылки для меня и для «Русских ведомостей», нужно слишком большое напряжение материальных сил издания и не один год борьбы, чтобы преодолеть неблагоприятные условия. Но на это меня не хватит. О сию пору я сплю только по три часа в сутки[5]. Если условия пересылки не изменятся, должен буду, может быть, в середине года приступить к займам[6], а это не очень весело, когда видишь, что займы могли бы покрыться возрастающим успехом предприятия, и видишь, что продолжать его нет сил.

[1] Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. № 465. Л. 1—2 об. Небольшой фрагмент опубл. в составе статьи: <*Шарапов С. Ф.*>. † Памяти Н. П. Гилярова-Платонова (13 октября 1887 года) // *РД*. 1888. 8 окт. № 41. С. 2; перепеч.: *Неопознанный гений*. С. 16.

[2] В тот же день более подробно об этой проблеме **Г.-П.** писал гр. А. Д. Блудовой, очевидно надеясь, что она сумеет помочь ему благодаря своим связям. Приведем это письмо полностью:

«Москва, 9 января

В дополнение к последнему письму спешу Вас уведомить, Графиня, что газета-соперница „Русские ведомости" успели исходатайствовать себе уменьшение пересылочной платы до *сорока копеек* в год как за иногороднюю пересылку, так и за городскую. *Сорок копеек* вместо *трех рублей*! В просьбе, которую послал я Тимашеву, я прошу, чтобы с меня брали хотя бы по *рублю* вместо *трех* за иногороднюю пересылку и по *пятидесяти копеек* за городскую.

Назначение *сорока копеек* за пересылку вместо *трех рублей* с „Русских ведомостей" есть косвенное запрещение мне издавать, запрещение посредством разорения, вовсе незаслуженного и крайне несправедливого. Накануне Нового Года я серьезно обдумывал, не бросить ли газету и не решиться ли на меньший сравнительно убыток чрез возвращение денег подписчикам, нежели втягиваться в больший?

Какая, однако, безнравственность! Газете, положительно развращающей публику, дают привилегию неслыханную, понижают ей цену пересылки более чем вдевятеро; дают ей возможность выходить по цене, решительно невозможной ни для кого. А честным деятелям заграждают ход и положительно их разоряют.

Напишите ради Бога поскорее: находите ли Вы какую-нибудь дорогу похлопотать обо мне с этой стороны?

Я бы просил Вас телеграфировать, вот почему. Как сказал я Вам, что я приготовил просьбу, чтобы с моей газеты брали за пересылку иногороднюю *один* рубль, за городскую — *пятьдесят копеек*. Но до Вашего письменного или телеграфического известия я подожду посылать ее. Если для одной газеты находят возможным понизить плату до сорока копеек, я считаю себя вправе просить, чтобы и мне понизили на столько же. Я имею право требовать, чтобы меня поставили в равные условия.

Жду Вашей телеграммы.

Ваш *Н. Гиляров*» (РНБ. Ф. 847. № 381. Л. 6—7 об.).

Упомянут А. Е. Тимашев, в тот период, с 14.XII.1867 г. по 9.III.1868 г., министр почт и телеграфов.

[3] См. об этом в более позднем письме **Г.-П.** к А. С. Суворину — от 23.VIII.1872 г.: «Теперь я оказываюсь газетным издателем, но, в сущности, я этого никак не ожидал. Один господин, теперь уже умерший, упросил меня: 1) подать просьбу об издании газеты и 2) принять на себя, так сказать, домашнюю цензуру вместе с составлением двух-трех статей в месяц. Хозяйственная часть и вся редакция не должна была лежать на моих плечах. Деньги на издание были обещаны. Но случилось — всё пуф, и издание всё оказалось на моих плечах, так что после заявленного имени моего даже отступление было невозможно» (***Г.-П.*** Письма к А. С. Суворину: <Автобиография 1872 г.> // *Из пережитого. 2009.* Т. 2. С. 212).

[4] Об этой передовице см. примеч. 3 к п. 10.

[5] Сын **Г.-П.**, Н. Н. Гиляров, вспоминал об этом периоде в жизни отца: «...по литературной части он остался буквально один, наполняя газету только единолично: месяцеслов, выборки из газет, передовая статья, иностранный отдел и даже корректура — все была его работа» (РНБ. Ф. 847. № 357. Л. 2; цит. по: *Гиляров Н.* Краткая история газеты «Современные изв<естия>». С. 370).

[6] Судя по финансовым документам, сохранившимся в фонде **Г.-П.** в Пушкинском Доме, его чуть ли не с самого начала издания газеты ежемесячно заимообразно ссужали деньгами состоятельные знакомые, главным образом московские купцы (см.: ИРЛИ. Ф. 71. Д. 69).

12[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Почтеннейший и любезнейший Никита Петрович.

Письмо Ваше[2] с г. Рукавишниковым[3] получил и усердно благодарю за известие об Вас. Дело же, за которым приехал г. Рукавишников, кажется, пошло в ход успешно[4]. Авось либо достигнет и конца успешного, хотя до последней минуты нельзя предвидеть возникающих внезапно сомнений. Вот и теперь, по поводу слухов о каких-то открытых будто бы беспорядках и даже заговорах между студентами[5], не возникло бы сомненье? Впрочем, покуда еще не слыхать, чтоб возникло.

Я, так же как и Вы, в трудах пребываю, и потому не ждите пространного писания. По Сенату дел множество[6], — сегодня вернулся домой в 7 часов вечера. Усердно хлопочу с приготовлением к печати 2-го тома своего Гражд<анского> права[7]. Надеюсь к январю приехать в Москву денька на два — авось тогда увидимся. Постараюсь устроить общее собрание по делам Братства[8] и Вас предуведомлю.

А теперь просьба. Сделайте милость, напечатайте прилагаемое объявление в «Совр<еменных> известиях», на первой странице[9]. Что будет следовать за публикацию, представлю с благодарностью при свидании или по первому извещенью.

Дружески обнимаю Вас и прошу не забывать душевно преданного

9 декабря 1869 *К. Победоносцева*

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 48. Л. 1—2. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 675. Л. 3—4.)

[2] Местонахождение этого письма **Г.-П.** не выявлено.

[3] Не исключено, что речь идет о Николае Васильевиче Рукавишникове, сыне богатого золотопромышленника, удостоенного дворянства (и дяде писателя В. В. Набокова). Окончив Московский университет, он в 1870 г. стал директором первого в России дет-

ского ремесленного исправительного приюта (открытого в 1864 г.), который после его смерти был назван Рукавишниковским. Однако возможно, что упомянут нотариус Московского окружного суда Алексей Никитич Рукавишников, контора которого находилась рядом с Синодальной типографией на Никольской ул.

[4] Предположительно Н. В. Рукавишников приехал в Петербург хлопотать о своем назначении директором приюта: возглавлявший его до 1870 г. проф. М. Н. Капустин как раз получил предложение возглавить Демидовский лицей в Ярославле. Дело осложнялось тем, что Рукавишников был молод (25 лет), да и приют для трудновоспитуемых подростков оказался для русской педагогики слишком необычным по своей новизне предприятием: только сюда в тот период принимались дети в возрасте от 10 до 15 лет, находившиеся под следствием и осужденные за разные правонарушения.

[5] Имеются в виду первые известия о знаменитом Нечаевском деле. Основатель тайного общества «Народная расправа» С. Г. Нечаев 21.XI.1869 г. организовал в Москве убийство студента И. И. Иванова, заподозрив его в предательстве, причем привлек к совершению преступления еще четверых членов организации — И. Г. Прыжова, А. К. Кузнецова, П. Г. Успенского и Н. Н. Николаева, стремясь «повязать» их кровью.

[6] **П.** еще в сентябре 1862 г. был назначен чиновником за обер-прокурорский стол во 2-е отделение 6-го департамента Сената, через год стал обер-прокурором 8-го департамента, в 1868 г. — сенатором.

[7] Имеется в виду изд.: Курс гражданского права: Соч. К. Победоносцева, поч. чл. Моск. ун-та: В 3 ч. СПб., 1868—1880. Часть вторая, имевшая название «Права семейственные, наследственные и завещательные», увидела свет только через полтора года: <СПб.>: Печ. В. Головина, 1871. <2>, X, 576, XVIII с.

[8] Речь идет о московском Братстве Святителя Николая. См. примеч. 2 и 9 к п. 6.

[9] Объявление, присланное Победоносцевым, было опубликовано в «Современных известиях» трижды, но почему-то ни разу на первой полосе: 15 дек. № 344. С. 5; 17 дек. № 346. С. 4; 23 дек. № 352. С. 6. Приведем его текст: «У Кораблева и Сирякова и у Базунова — в Петербурге; у Соловьева и Ферапонтова — в Москве продаются: Фомы Кемпийского О подражании Христу. Новый перевод с латинского К. П. Победоносцева, с предисловием и примечаниями. Цена — 75 коп<еек>.

Того же издателя: Христианские начала семейной жизни. 1) О браке; 2) О воспитании детей; 3) О семейных домашних отношениях. Цена — 7 к<опеек>». Упомянуты книгопродавцы, специализировавшиеся на издании духовной литературы: Н. П. Кораблев и М. Н. Сиряков, А. Ф. Базунов; И. Г. Соловьев, А. Н. Ферапонтов.

13[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

24 января 1872 г.

Почтеннейший Константин Петрович.

Во-первых, поздравляю Вас с назначением[2], желая искренно, чтоб Вы принесли пользу на поприще, которое доставляет к тому более обширные средства, чем в деятельности, доселе бывшей.

Во-вторых, Вы не можете сомневаться, разумеется, не только в моем согласии, но в полном удовольствии видеть мои статьи воспроизведенными в другом журнале[3]. Замечу кстати, что по общему плану, мною предначертанному, должны быть еще две или три статьи, которые перейдут уже в положительную часть и в подробности, чем закончится весь ряд обсуждений, начатых еще прошлым годом. Эта первая, прошлогодняя статья (о пространстве и смысле епископской власти[4]) ставила общие начала. В статьях, Вами упоминаемых, отрицательно разъясняется отличие церковного суда от мирского, и затем, как я сказал, перейду к положительному и к подробностям. Существеннейшая и важнейшая статья есть первая, т. е. прошлогодняя[5]. Объем журнала не позволяет ни сопровождать положения цитатами, ни передавать мысли в непрерывной последовательности. Большинство читателей, то, которым я живу, скучает статьями слишком серьезными или длинными; приходится их разбивать и приурочивать части исследования к отдельным частным случаям, хотя и не теряя общей нити.

Можете сказать Мещерскому[6], что ему нет нужды даже писать ко мне. При моем занятом времени я действительно могу замедлить ответом или даже смолчать невежливо, что может быть принято в смысле, которого ничуть не желаю.

Петербург действительно мало читает «Соврем<енные> изв<естия>». К сожалению и удивлению, тамошние подписчики даже уменьшаются год от года. Нынешний год поразило меня, что именно нынешним годом отказались выписывать мою газету дворцы, тогда как до сего времени выписывали и Зимний[7], и Михайловский[8], а прежде и Аничкинский[9], и кроме того, В<еликий> Кн<язь> Алексей Александрович. Что это? Случайность или прямое чем-нибудь недовольство? Согласен скорее думать последнее, потому что при ассигновке на подобные предметы она обыкновенно повторяется из года в год и, чтобы вычеркнуть издание из числа выписываемых, нужен, так сказать, особенный *actus*[10], предполагающий нарочитое побуждение. Не смею просить, но Вы оказали бы мне важную услугу, если бы навели при случае справки: это необходимо принимать в соображение.

Затем обнимаю Вас душевно.

Н. Гиляров-Платонов

Передайте мой поклон всем меня знающим и помнящим петербургским.

[1] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 458. Л. 5—6. (Копия **Ш.**: Там же. № 456. Л. 8—9.)

[2] 1.I.1872 г. был опубликован Высочайший указ Сенату, который, в частности (п. V), гласил: «Сенатору Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената, Нашему тайному советнику Победоносцеву Всемилостивейше повелеваем быть членом Государственного совета, с оставлением в звании сенатора» (*ПВ*. 1872. 1 янв. № 1. С. 1).

[3] **П.** просил у **Г.-П.** позволения републиковать в журнале «Гражданин», только основанном в январе 1872 г. кн. В. П. Мещерским при поддержке наследника престола вел. кн. Александра Александровича (будущего имп. Александра III, ученика **П.**), три передовые статьи **Г.-П.** по поводу намечавшейся духовно-судебной реформы (см. примеч. 142 к *Нечто*) — в «Современных известиях» от 10.X.1871 г. (№ 279) и от 6 и 7.I.1872 г. (№ 5 и 6). Ниже в этом письме к **П.** тема первой из них определена так: «о пространстве и смысле епископской власти», в двух же других «отрицательно разъясняется отличие церковного суда от мирского». Планировавшееся же развитие темы так и не было осуществлено. **Г.-П.** был противником как излишней либерализации церковного суда, граничащей с его полной секуляризацией, так и законодательного оформления «полновластия» епископов, в чем видел люциферианские по сути своей предвестия цезарепапизма (см.: *Вопросы веры и Церкви.* Т. I. С. 301—309, 346—355). В связи с этими преобразованиями, на которые **Г.-П.** смотрел скептически в принципе, не веря в возможность реального самосовершенствования системы Синодального управления, он 20.X.1872 г. писал Т. И. Филиппову: «Реформы духовного ведомства идут по дурному пути; я бы сказал — по худшему, чем кога́ они шли. Читал я о проекте судебной реформы. Не видал я его целиком. Но вижу, что здесь совершается колоссальный подмен понятий. Всероссийским собором величают собрание 12 архиереев. Однако кем назначенных? — спрашиваю я.

Мне приятно было бы, если б Вы прочитали мои мысли о разных затеях судебной реформы, которые высказывал я и в прошлом, и в нынешнем году. Надеюсь и еще поговорить. Но что? Но почему? Падают иногда руки, когда видишь, как ломят одни и до чего пали другие. Падение духовенства поразительно. Историческое воспитание принесло свои плоды. Если желали чиновников на место иерархов и пастырей, то получили, и уже более ничего как чиновников. Желал бы Вселенского собора именно потому, что на него нельзя явиться с теперешним устройством церкви. Многое, что умалчивается теперь по духу братского снисхождения, высказалось бы тогда. — „А вы кто? Вы чей голос?“ Пришлось бы подумать заранее, попристальнее взглянуть на себя и, может быть, предварительным очищением избегнуть справедливых укоров» (*Переписка с Филипповым.* С. 333—334). Упоминая о «собрании 12 архиереев», **Г.-П.** подразумевает законодательное положение о количестве синодальных членов: «Число особ правительствующих довольное есть 12» (<*Феофан* (*Прокопович*), *архиеп.*>. Духовный регламент. М., 1779. С. 59).

[4] В этой статье **Г.-П.**, к слову сказать, будто бы давал урок своему приятелю Т. И. Филиппову, а также обер-прокурору Св. Синода гр. Д. А. Толстому, Я. И. Баршеву и др. светским лицам, не исключая и **П.**, принявшим живое участие в обсуждении проектируемой реформы духовного суда, однако остававшимся все-таки дилетантами в своих попытках безапелляционного решения сложных проблем канонического права с помощью ссылок (убедительных только на первый, поверхностный взгляд) на те или иные церковные правила, поскольку последние не обладали вневременной непреложностью: «Защитники епископского полновластия совершают <...> подмен, когда под именем правил церковных подставляют в виде указаний государству то, что было применением к государственным же требованиям, только требованиям иных времен и народов. Прежде чем прибегать за охраною епископского самовластия к поспешным ссылкам на церковные законы, необходимо было еще разъяснить себе, что в церковных законах принадлежит прямо церкви, что ее государственному положению; что к церкви безразлично и что, напротив, есть даже выражение внешнего гнета, остающегося, может быть

по преданиям языческого права, в христианском государстве» (*Вопросы веры и Церкви.* Т. I. С. 309). Впоследствии, уже в середине 1880-х гг., сходные упреки **Г.-П.** будет адресовать Вл. Соловьеву и К. Леонтьеву (см.: *СИ*. 1885. 14 февр. № 43. С. 2; 24 сент. № 245. С. 2).

[5] Любопытно, что эта статья **Г.-П.** стала предметом разбирательства в Главном управлении по делам печати (на заседании Совета от 2.XI.1871 г., протокол № 64) — по представлению Московского цензурного комитета. Приведем наиболее важные оценки чиновников Цензурного ведомства, свидетельствовавшие об их отношении к газете **Г.-П.** вообще. Член Совета Д. И. Каменский доложил: «В № 279 „Современных известий“ напечатана передовая статья о духовно-судебной реформе, о коей Московский цензурный комитет донес Главному управлению по делам печати. Указывая на то, что в этой статье, во-первых, полновластие, которое, по слухам, Комиссия о духовно-судебной реформе предполагает предоставить епископам, сравнивается с непогрешимостью Папы и, во-вторых, собор епископов противополагается военным советам, где генералы рассуждают, потому что командуют, — Московский цензурный комитет находит, что это сравнение и противоположение неприличны и оскорбительны для иерархов Православной Церкви, что подобные рассуждения могут быть уместны в серьезном сочинении, но не могут считаться таковыми в легкой и дешевой газете, распространенной среди полуобразованных читателей; что они могут вызывать превратные толки в известной среде общества и подорвать заранее доверие общества к предстоящей реформе. Потому, принимая в уважение, что редактору „Современных известий“ — были делаемы со стороны Главного управления по делам печати неоднократные напоминания в этом смысле и что в этой газете продолжают печататься статьи в прежнем духе и направлении, Цензурный комитет доводит об означенной статье до сведения Главного управления» (РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 9. Л. 493 об.—494).

По мнению Каменского, «из всех заявлений по поводу „Современных известий“ нельзя не вывести того заключения, что эта газета, с одной стороны, признавалась всегда благонамеренною по своему направлению, и с другой — заслуживала упреки в неприличии тона. Если упомянутая статья № 279-го нисколько не уступает прежним в благонамеренности, то далеко не отличается тем неприличием тона, который был замечаем прежде. Благонамеренность этой статьи заключается в том, что она проникнута духом православия, почему автор ее, проводя параллель между Православною церковью и Римско-католическою и Протестантскою церквами, выставляет на вид превосходство отношений между православными епископами и Церковью над таковыми же в Западных церквах, отношений, основанных в Православной церкви на вере как свободном восприятии истины и на любви как свободном применении истины. Исходя из этого основного начала, автор доказывает несовместимость полновластия епископов с этими свободными отношениями верующих к своей Церкви.

Указанное Цензурным комитетом как неприличное противоположение собора епископов военным советам могло бы действительно быть неприлично, если бы автор имел какое-либо намерение глумиться, осмеивать и т. п.; но ничего подобного нельзя усмотреть в том месте статьи, где то противоположение приведено» (Там же. Л. 494—495). Каменский привел среди других и следующую цитату: «Если отдельные христиане и малые Церкви относились к епископам *сыновно*, то епископы в своих приветствиях, отдельным ли церквам, отдельным ли христианам, не восходили далее *братского целования*. Церкви, лишенные епископов, признавались *вдовствующими*, но не *сиротствующи-*

ми» — и заключил: «Это наглядное сравнение, в ряду других сравнений, употреблено совсем не в оскорбительном смысле, а для уяснения тех же свободных, основанных на вере и любви, отношений, требуемых духом православия» (Там же. Л. 495 об.). И хотя другой член совета, В. Я. Фукс, предложил все же не оставлять без последствий эту статью, на защиту **Г.-П.** встал Ф. П. Еленев, заявивший, что его статья «не только не заслуживает какого-либо замечания, но, напротив, написана в духе христианства и православия, и скорее заслуживает одобрения, чем порицания» (Там же. Л. 497). К нему присоединился и член Совета В. М. Лазаревский. Однако председатель Совета ген.-майор М. Р. Шидловский и оставшиеся четверо членов, в том числе и Д. И. Каменский, настояли на том, чтобы принять статью к сведению, как определяющую «предосудительное направление издания»; при этом Шидловский усмотрел в статье «крайнюю бестактность газеты», поскольку «вопрос о духовенстве, который с особенным рвением разрабатывается этою газетою, требует большой осторожности и не может быть обсуждаем в таких резких выражениях, какие постоянно допускает редакция. Подобный способ обсуждения, и притом в издании, исключительно почти обращающемся в низших слоях публики, вместо пользы может приносить только вред, так как легко может поколебать в народе доверие к такому важному и серьезному учреждению, как духовенство» (Там же. Л. 497 об.—498).

[6] Кн. В. П. Мещерский издавал любимое свое детище «Гражданин», первоначально обозначенное как «журнал политический и литературный», в Петербурге с 3.I.1872 г. по 6.VII.1914 г., с перерывами по требованию цензуры с 9.VI по 12.X.1877 г., с 5.VII по 9.X.1878 г., с 7.II по 29.IX.1879 г. и с 8.X.1879 г. по 3.I.1882 г. **П.** сам активно сотрудничал в «Гражданине», особенно в период редактирования его Ф. М. Достоевским (1873—1874), а также в 1877 г.; свои статьи публиковал анонимно или подписывал криптонимами: *ZZ, К. П., В.*, **, *** и др.

[7] *Зимний дворец* (Дворцовая наб., д. 38; последнее здание построено Ф. Б. Растрелли в 1754—1762 гг.), как известно, был в тот период официальной зимней резиденцией имп. Александра II.

[8] После кончины 9.I.1873 г. вел. кн. Елены Павловны, благоволившей к **Г.-П.** и подписывавшейся на его газету, *Михайловский дворец* (Инженерная ул., д. 4/2; построен К. И. Росси в 1819—1825 гг. к ее бракосочетанию с вел. кн. Михаилом Павловичем) унаследовала ее дочь вел. кн. Екатерина Михайловна, герцогиня Мекленбург-Стрелицкая, с рождения жившая с матерью под одной крышей.

[9] В *Аничкинском* (Аничков, Аничкин) *дворце*, у Аничкова моста на наб. р. Фонтанки (Невский пр., д. 39; строился в 1741—1751 гг. М. П. Земцовым и Б. Ф. Растрелли; перестраивался в 1776—1778 гг. И. Е. Старовым и в 1816 г. К. И. Росси), до своей кончины 12.IV.1865 г. проживал наследник престола вел. кн. Николай Александрович, а затем он 28.X.1866 г. был подарен на свадьбу новому наследнику цесаревичу вел. кн. Александру Александровичу, с которым **П.** был духовно близок и на которого как наставник и советчик всегда имел особое нравственное влияние.

[10] *Actus* — зд.: стремление; образ действия, линия поведения (*лат.*).

14[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

1872 г.
Письмо писано 19 февраля,
а посылается 26 февр<аля>.

Любезный друг, почтеннейший Конст<антин> Петрович!

От И. С. Аксакова получил я известие, что некоторые №№ «Современных известий» у Вас *зачитываются*. Сделал я распоряжение, чтобы посылать Вам *второй* экземпляр. Получаете ли?

По необъяснимой причине оказывается еще, что графиня Блудова не получала «Совр<еменных> изв<естий>» [2], тогда как ей посылается с 1-го №. Если увидите ее, скажите ей. Думал, что не доходило до нее по неполноте адреса. Исправил и дополнил адрес. Не знаю, что будет.

Препровождаю Вам при сем копию с записки моей Главному управлению по делам печати [3]. Прочтите ее. Дело в том, что наконец выходишь из себя. Нужно иметь много самообладания, чтобы быть спокойным при распоряжениях, которые положительно безумны.

Время странное! Сейчас читал обвинительный акт против Гончарова [4]. Из него вижу, что Катков подвергался опасности жизни [5]. Какая чепуха! Катков отождествляется с общественным порядком; классическое образование [6] — с Третьим отделением [7], и благонамеренность «Московских ведомостей» [8] подтверждается заговорщиками. Что за сумбур! А на мой взгляд, «Московские ведомости» суть главнейший враг истинно классического образования и во многих отношениях главнейшая причина и Нечаева, и Гончарова. Разве не «Русский вестник» — родоначальник самого нигилизма? Отсутствие нравственных начал, исконное, привело их к полицейскому воззрению, из боязни попасть в грубый нигилизм, и к классицизму, по-своему понимаемому. Эко спасение! Но классицизм, по ихней мерке проводимый, только отупляет: это факт, подтверждения которому имею многие. Заранее грустно за реакцию, которая рано ли, поздно ли наступит и которая погубит даже ту долю истинного, что есть в теперешних «Москов<ских> ведомостях».

Слышал я, что наконец состоялось узаконение, дающее право конфисковать вредное издание административным порядком [9]. Разумеется, и я <не> буду жалеть, что разные исчадия угорелой петербургской печати сгниют или испепелятся, но что же? Спасена будет этим Россия? Предохранена? Отрицательные меры — ничто, даже хуже. А ферула учебных заведений, ограничивающаяся требованием твердого знания исключений третьего склонения *piscis, crinis, finis* [10], — не лекарство; напротив — только усиленное побуждение к противуположному. Приходило ли к Вам в голову странное распределение теперешних ролей? Теперь реалисты и классики [11], прежде были реалисты и идеалисты [12]. Но

вот как поменялись роли: теперешние реалисты суть именно идеалисты; *они* идут к идеальному; *они* его просят, по нем воздыхают, хотя ищут не там, где нужно. А идеалисты, — виноват, — классики, — отождествляют себя с полицией, насильственными мерами, с теми, кто назывался в старину *практиками*.

Ваш *Н. Г.*

<***Приложение.*** **Н. П. Гиляров-Платонов — в Главное управление по делам печати**> [13]

{В Главное управление по делам печати
Редактора «Современных известий»
Гилярова-Платонова.}

<4 февраля 1872 г.>

Из «Правительственного вестника» вычитал я, а потом получил и полицейское уведомление, что «Современным известиям» {снова} запрещена розничная продажа[14].

Совершенно случайное обстоятельство довело мне до сведения[15], что Московский цензурный комитет обратил неблагоприятное внимание на руководящую заметку в № 21-м {(1872 г.)}[16]. Это дает мне предполагать, что, должно быть, здесь и причина запрещения.

Припоминаю и две предшествующие кары, которыми «Соврем<енные> известия» уже подвергались. Им дано было предостережение (1870 г.)[17], вызванное такою статьей, после которой редактор тотчас {же} по ее напечатании получил благодарственные изъявления из публики, что разъяснение обрядов анафемы[18] и омовения ног примирило их с Великим четвергом[19] и первым великопостным воскресеньем и что они не смущаясь пойдут теперь в церковь в эти дни: тогда как прежде уклонялись, будучи не в состоянии преодолеть некоторого отвращения. А после, как стало публике известно предостережение, я получал письма соболезнования не простого, как жертве произвола (что получает, без сомнения, каждый, более или менее, в подобных обстоятельствах), но соболезнования с грустью о том, что «предостережению подверглось именно то, за что следовало бы, по-видимому, ожидать благодарности от правительства».

Цензурную власть смутили тогда главным образом выражения в корреспонденции, на которую редактор отвечал; — выражения смущения, испытываемого благоговейным верующим, когда в апостоле Петре он узнает знакомого ректора семинарии или протоиерея[20] и т. п. Корреспондент только указывал чувства большинства. Ссылаюсь на состав самого Главного управления, если и он не скажет одного с корреспондентом. Эти недоумения ни для кого не были новостью; всякий прочитал у корреспондента только то, что вставало не раз в его собственной душе. Редактор напечатал эти выражения смущения, смущения, впрочем, которое не осуждало церкви, но лишь указывало потребность в законном

пересмотре соблазнительных {блазнительных} обрядов. Редактор напечатал это недоумение и это заявление потребности и успокоил недоумевавших положительным разъяснением и за это получил предостережение. Нужно ли подвергнуть каре всех богословов и запретить даже отеческие сочинения [21], где при опровержении сообщаются самые возражения.

Вторая кара (запрещение розничной продажи в августе 1871 года) [22] последовала, сколько мне известно, за статью московского обывателя Урусова (№ 209) [23], мимоходом сказать — простолюдина, лично редактору известного глубоким благочестием, честнейшим направлением, безукоризненною жизнью и редким примером самовоспитания, что доказывает его язык, в котором редакция не нашла ни одного слова для поправки [24]. Урусов восстал против тех, которые даже при эпидемии, когда требовалось бы действительное общественное самоисправление и разумное вспомоществование страдающему и унывшему населению, бросают деньги на тщеславие под видом молебствий, ища «здоровенной глотки» протодиакона [25].

«Здоровенная глотка» смутила цензурный надзор, как смутила и некоторых из публики, преимущественно духовных [26]. Этим показалось посягательство на доходы. Урусова-булочника смешали с Урусовым-адвокатом [27]. В обличении фарисейского отношения к религии, в скорби о посмеянии, которому она предается искателями «здоровенных глоток», в этом обличении и в этой скорби старались поискать оскорбления для религии. Цензура не обратила внимания на кавычки («—»), которыми отмечено было и выражение «здоровенная глотка», и выражение «бранится с апостолом», принадлежавшие — одно самим чтителям громогласных диаконов, другое — даже Митрополиту Филарету [28].

Впрочем, смущение, которое наряду с цензурою испытано было некоторыми из духовенства, достаточно было разобрано в газете, в дальнейших №№ [29], и я не знаю, что еще можно было возразить против «Современных известий» и в чем можно было бы их еще упрекнуть с правительственной точки зрения, после данных разъяснений. Я *каждому* возражению против себя даю место [30], если оно имеет в виду дело, а не личности, не пересыпает из пустого в порожнее и не превышает размеров газеты. Это раз постановленное, твердое правило «Современных известий», от которого они еще не отступили ни разу. Но после двух возражений против статьи Урусова, на которые и были ответы (№№ 235-й и 236-й), новых уже не поступало. Читатели, очевидно, удовлетворились и успокоились. А воспитательный плод обозначился в следующем: редакция в начале сентября получила письмо, что в приходе Неопалимой Купины [31] храмовый праздник [32] отправили, *не нанимая* громогласного диакона и пр., и что прихожане остались очень довольны этим, доселе непривычным благообразием тишины служения. Письмо сохранилось у меня и в случае нужды может быть предъявлено.

Однако за статью против тщеславия религиозных парадов, ложно возбужденного и ложно направленного, служащего лишь к посмеянию над верою, за эту статью, сказавшуюся положительным воспитательным действием, доку-

ментально доказанным, редакция подвергнута была каре, тяжесть которой измеряется не одною тысячью рублей. —

Осмелюсь изъявить недоумение: что же найдено цензурою и в статье, вызвавшей эту, теперешнюю, свежую кару, которую мне еще предстоит перенести? Сказывают, что найден непозволительным известный анекдот о хохле и москале в статье, где говорится о русской политике[33]. Заметка редактора вызвана письмом ксендза, простирающего руки к русскому правительству, ищущего в нем, в русском правительстве, опоры против ультрамонтанства[34]; подоспели современные насмешки иностранных газет, что будто бы русская дипломатия заискивает перед папою, на которого перестали обращать внимание даже дома. «Современные известия» передают, что и к ним дошел слух, будто некоторые склоняются на возобновление конкордата и потому будто отказано Гиацинту читать лекции[35]. «Современные известия» ввиду расположения, обнаруживаемого польским духовенством, ищущим, напротив, почти отложиться от папы и притом стать прямо под крыло русского же правительства и действовать за него против папы и ультрамонтанства, «Современные известия» ввиду таких обнаружений находят сближение с папою прямо противоречащим собственной выгоде России. Желать величия и силы русскому правительству цензурою не воспрещается; скорбь о неблагоприятных толкованиях, раздающихся против России за границею, есть только логическое последствие этих желаний. Предупредить правительство о том, что по добросовестным соображениям является прямым ущербом для России, есть даже верноподданнический долг.

Что же возмутило цензурный глаз и что подвергло журнал каре? *Форма изложения.* Чтобы не бездействовать, цензура, за неимением чем упрекнуть содержание, принимает на себя опекунство над литературною формою и находит в журнальной статье непростительным отступление от идеалов, которыми измеряется изящество и приличие канцелярских бумаг.

Редактор «Современных известий», бывший сам некогда цензором[36] и членом Комиссии по пересмотру законов о печати[37], полагал, что в рассмотрении каждого сочинения нужно смотреть прежде всего прямую цель, затем общий дух и взвешивать вероятное воспитательное действие на читателя. При безукоризненности и даже прямой благонамеренности общего взыскивать за частности и притом за литературную форму это есть или придирчивость, или (осмелюсь говорить это, потому что говорю не публике, а прямо власти) узкоглядость. Цель вне сомнения. Общая мысль: русская политика дает себя эксплуатировать пустым страхам. Это и не ново, исторически подтверждено, сто раз сказано и нимало никому не оскорбительно, потому что не только лично ни к кому не относится, но даже не относится ни к какому особенному периоду. Это общая историческая характеристика. Цензорский глаз не заметил очень существенного места в заметке: «Впрочем, может быть, и в этом сказывается свой мудрый закон истории». Читающему же газету постоянно, следящему за нею, должно быть притом известно, что эта прибавка поставлена не даром, а принадлежит к существенным воззрениям редакции, к тем воззрениям, которыми известная

часть публики недовольна, находя, что «редактор обыкновенно все сводит к примирению».

В довершение говорилось о мере только еще предполагаемой, по слухам, где предостеречь с особенною силою тем позволительнее. Заметка даже спрашивает с сомнением: «Верить ли?» Не могу доселе представить себе сочетания мыслей, которым цензура приведена к отысканию чего-нибудь и кому-нибудь оскорбительного в общей характеристике, высказанной притом лишь в виде опасений и притом за меру, которой еще нет, которая будет ли, неизвестно, и о которой в статье выражается прямо желание, чтобы ее не было, и сомнение, чтоб могла быть. Не устоять бы против столь внимательной цензуры покойному Гоголю, жаловавшемуся, что нельзя сказать о коллежском асессоре, чтобы не приняли все коллежские асессоры на свой счет [38]. А в заметке «Современных известий» даже ровно ни о ком не было сказано и поистине никого не имелось в виду, кроме «мудрецов» так названных [39], вообще лиц противоположного воззрения.

Надобно иметь больное или слишком досужее воображение, чтобы и в читателе, вместо легкой улыбки, возбуждаемой сопоставлением великана с бегущей кошкой и хохла с москалем, предположить усидчивое доискивание: а не разумеет ли кого тут редактор в частности? И предположить кроме того, что читатель, доискавшись, чего не было у автора, воспылает неблагонамеренными наклонностями и чувствами. Редактор не надеется такой чести от читателей и в читателях предполагает более простого и здравого к себе отношения и более внимания к общему смыслу своего служения. Он знает, что частности и мелочи в летучих листках, бросаемых через полчаса после прочтения, и читаются-то поверх строк, даже не в строках, не только что не под строками.

Общее правило юридическое: *dubia benignius interpretantur* [40]. Оно и по существу дела, и по цензурному уставу должно сохранять силу и для произведений печати. «Современные известия», к несчастию, испытывают противное. Подозрительно настроенное внимание находит в них поводы к сомнениям, истолковывает сомнительное в худшем смысле, на который не дают права ни весь четырехлетний опыт издания, ни образ мыслей редактора, известный цензурному ведомству не по одним «Современным известиям».

Без суда не наказывают. Не предъявляю требования на непременность судебного разбирательства в пререканиях между наблюдателями над печатью и издателями. Но самое простое чувство справедливости подсказывает, что от обвиненного следует, по крайней мере, выслушать оправдание. В состязательном процессе судебное следствие по делам печати дает обеим сторонам равные права. В предостережениях, даваемых административною властью, указываются, по крайней мере, основания, почему министр нашел нужным прибегнуть к карательной мере. Запрещение розничной продажи даже не объявляет оснований ни публично, ни даже конфиденциально. С вещественным разорением оно оказывает и нравственное пренебрежение к издателю: власть как бы говорит общественному деятелю, что не считает его стоящим даже объяснений; как бы имеет намерение оставить его именно в неосмысленном страхе пред силою,

которую как бы и должен он признавать темною, стихийною, не имеющею разумных оснований и не имеющею на это притязания. Осмелюсь высказать, что в такой обстановке кроется оскорбительное не только для печати, но и для самого правительства.

Цензурное управление есть тоже своего рода суд присяжных, суд по убеждению. Цензор есть своего рода прокурор. Самые священные основания справедливости требуют, чтобы выслушана была и обвиняемая сторона. Цензура не обладает даром непогрешимости[41]. Нельзя утверждать, чтобы простой логический смысл был развит во всех с достаточностию, тем менее — чтоб высота и обширность образования соответствовали у всех желаемым требованиям и чтобы общественный смысл и настроение были им всегда известнее, чем редакциям. Наконец, где ручательство, чтоб не было пристрастий, внушаемых темными и явными предрасположениями? От Главного управления, которое замещает собою присяжных в данном случае; от г. министра, который является здесь supremus arbiter[42], верховным решителем этого третейского суда: от них будет зависеть во всяком случае приговор, но приговор, составленный по выслушании обеих сторон. Тогда, может быть, и пощадила бы судьба тех и то от неожиданной кары, в ком и в чем публика видит, напротив, право на благодарность за охранительную благонамеренность.

В заключение прошу Главное управление не поставить мне в новую вину мое прямое объяснение. Иначе выражаться не умею. А все сказанное внушено не личными только ощущениями (как ни тяжелы они мне по чрезвычайным ущербам, мне наносимым, притом мне кажется — несправедливо), но внушено соображениями общественного блага и желаниями нравственной силы самому правительству. Лучшим доказательством этому служит, что ни в первый, ни во второй, ни, наконец, в этот настоящий раз я не вступаю в объяснение с публикой о несправедливости невзгод, постигающих «Современные известия». Предшествовавшие строки доказывают, что сказать было бы что и было бы, за чем погнаться, если бы популярность легкомыслия предпочитать долгу общественного служения. Многие ли из издателей устояли бы против этого искушения, об этом Главному управлению должно быть известно даже лучше, чем самому издателю «Современных известий».

[1] Печатается впервые полностью по копии **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 456. Л. 10—11. Небольшой фрагмент опубл.: Из частной переписки Н. П. Гилярова-Платонова // *РД*. 1888. 8 окт. № 41. С. 12; перепеч.: *Неопознанный гений*. С. 25—26. Местонахождение автографа неизвестно.

[2] Местонахождение письма гр. А. Д. Блудовой к **Г.-П.**, где она сообщает об недоставке ей номеров «Современных известий», не выявлено.

[3] В этой копии Записка, составленная после 29.I.1872 г. (публикация «Решения министра внутренних дел» о взыскании, наложенном на газету), не датирована, однако дата поставлена на оригинале — ее зафиксировал **Ш.** в «Материалах к биографии Н. П. Гилярова-Платонова» (1893): «*Объяснение Гиляр<ова>* 4 фев<раля> 1872 г.» (РНБ. Ф. 847.

№ 49. Л. 34 об.; в указании на год — исправленная нами описка: «1871»). См. текст Записки в конце наст. письма.

[4] См.: Дело дворянина Гончарова, обвиняемого в государственном преступлении: Заседание С.-Петербургской судебной палаты 16-го февраля 1872 года // *ПВ*. 1872. 25 февр. № 47. С. 1—4.

[5] Одна из четырех прокламаций (от 14.V.1871 г.), составленных бывшим студентом Н. П. Гончаровым и названных им «Виселица: Периодический листок», протестовала против классического образования и его пропагандиста М. Н. Каткова. Защитник на суде счел, что эта прокламация есть только «косвенное подстрекательство к убийству» и «на эту угрозу можно отвечать частною жалобою, но не обвинением в государственном преступлении»: «Г. Катков вовсе не есть государственный человек, оскорбление которого равнялось бы оскорблению власти» (Там же. С. 3).

[6] М. Н. Катков начиная с 1860-х гг. был инициатором реформ в сфере просвещения, нацеленных на утверждение так называемого «классического» образования (с преподаванием древних языков и главным образом гуманитарных предметов) как некоего противоядия от распространения социалистических идей в молодежной среде. 13.I.1868 г. в качестве образцового классического учебного заведения он со своим ближайшим другом проф. П. М. Леонтьевым — на средства личные и ряда московских предпринимателей — основал Московский лицей Цесаревича Николая (неофициально: Катковский лицей) сначала на Бол. Дмитровке в доме А. П. Шаблыкина, а после того как последний сгорел, — на Остоженке (д. 53/2; здание построено в 1875 г. А. Е. Вебером), в 1872 г. официально ставший государственным и существовавший до Февральской революции 1917 г.

[7] *Третье отделение* Собственной Его Императорского Величества Канцелярии — орган политического сыска и следствия в России, созданный 3.VII.1826 г. имп. Николаем I и, в частности, наблюдавший за революционными и общественными организациями и деятелями, проводивший дознания по политическим делам. Ликвидировано было Третье отделение 6.VIII.1880 г. с передачей его функций Департаменту полиции МВД.

[8] См. примеч. 7 к п. 7. В тот период, с 18.II.1870 г. по 16.III.1873 г., «Московские ведомости» имели два издания в день — утреннее и вечернее. Благодаря своему влиянию в бюрократических верхах поддерживались казенными объявлениями — с 1872 по 1881 г. даже выходило особое прибавление к газете «Казенные объявления „Московских ведомостей“». В отличие от **Г.-П.**, **П.** всегда исключительно высоко ценил издание Каткова. См., например, его письмо к вел. кн. Александру Александровичу от 1.I.1877 г.: «Позволяю себе представить Вашему Высочеству только что полученный номер „Московских ведомостей“, единственной газеты, которая во все это время держится с достоинством на высоте вопроса» (*Письма к Александру III*. Т. I. С. 62).

[9] Это новое распоряжение определяло более суровые правила ареста и преследования книгопечатания. Комитет министров мог без суда присяжных приговаривать к уничтожению книги, наполненные «опасными лжеучениями, стремящиеся ниспровергнуть священные истины религии, извратить понятия о нравственности и поколебать коренные основы государственного и общественного порядка». Министр внутренних дел в случае опубликования без цензуры такой книги или номера периодического издания, выходящего реже одного раза в неделю, мог наложить до выпуска в свет арест на такое издание, а затем представить его для окончательного запрещения в Комитет министров. Об этом законе («О дополнении и изменении некоторых из действующих узаконений о печати»), утвержденном Государственным советом 7.VI.1872 г., см.: *Арсеньев К. К.* Законода-

тельство о печати. СПб.: П. П. Гершунин и К°, 1903. С. 87—88. (Великие реформы 60-х годов в их прошлом и настоящем; <Вып.> 1). В либеральных кругах этот Закон вызвал противоположную реакцию, граничащую с полным отчаянием. Цензор А. В. Никитенко 4.VII.1872 г. записал в своем Дневнике: «Новый закон о цензуре. Finis <конец> печати. Все решается произволом министра внутренних дел. Какого бы специального содержания ни была книга, он ее конфискует. При этом законе, если он будет исполняться, решительно становятся невозможными в России наука и литература. Да правду сказать, давно бы следовало покончить с ними. К чему они нам? Они только сеют разврат и заставляют усомняться в здравомыслии начальства» (*Никитенко*. Т. III. С. 244).

[10] рыба, волос, конец (*лат.*) **Г.-П.** приводит зазубривавшиеся учащимися исключения из правила рода существительных 3-го склонения: равносложные (имеющие одинаковое количество слогов в единственном и множественном числе) на *-is* относятся к женскому роду, за исключением некоторых имен мужского рода. Однако существенно то, что именно приведенные три слова заучивать было ни к чему, поскольку правило гласит, что равносложные на *-cis, -nis, -guis* относятся к мужском роду, поэтому *piscis, crinis, finis* целесообразно вообще не считать исключениями. М. П. Мусоргский превратил эту бессмысленную скороговорку в эстетический факт в своем знаменитом сатирическом романсе «Семинарист» (1866), к которому сам же сочинил слова и который так и начинается:

Panis, piscis, crinis, finis,
Ignis, lapis, pulvis, cinis...
Ах ты горе, мое горе!
Orbis, amnis et canalis,
Orbis, amnis et canalis...
Вот так задал поп мне таску:
За загривок да по шее он благословил
И десницею святою памяти лишил.

(Тексты романсов М. П. Мусоргского / Кружок любителей рус. музыки. М.: Типолит. И. И. Пашкова, 1906. С. 9). В переводе: «Хлеб, рыба, волос, конец, / Огонь, камень, пыль, пепел <...> Круг, река и труба...» (*лат.*). Не исключено, что **Г.-П.** намекал на этот романс.

[11] Сторонники разных направлений, полемизировавшие о путях развития образования: «реалисты» делали упор на «точные» науки, «классики» же доказывали приоритетность изучения латыни и греческого. Понятие «реалисты» стало популярной «прогрессивной» идеологемой после выхода в свет одноименной статьи Д. И. Писарева (журн. публ. в 1864 г. под назв. «Нерешенный вопрос»; впоследствии, с 1866 г., — «Реалисты»).

[12] Популярная в литературе тех годы оппозиция — ср. названия разных произведений: публицистической книги А. Я. Немировского «Наши идеалисты и реалисты» (СПб.: Тип. и лит. С. Степанова, 1867), статьи П. К. Щебальского «Идеалисты и реалисты» (*РВ*. 1871. Т. 94, июль; Т. 95, сент.) — о книге А. Н. Пыпина «Общественное движение в России при Александре I» (СПб.: Изд. «Вестн. Европы», 1871), исторического романа Д. Л. Мордовцева из Петровского времени «Идеалисты и реалисты». **Г.-П.**, употребляя это противопоставление, имел в виду прежде всего «людей 40-х гг.». Его остроумное замечание о реалистах и идеалистах, будучи опубликованным в 1903 г. в книге С. Ф. Шарапова, по-видимому, запомнилось Н. А. Бердяеву, который в 1946 г., правда без ссылки на **Г.-П.**, писал: «Так называемый идеализм 40-х годов сыграл огромную роль в формировании

личности культурного русского человека. Лишь в 60-х годах тип „идеалиста“ был заменен типом „реалиста“» (*Бердяев Н.* Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 90).

[13] Печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. № 456. Л. 12—21. Впервые опубл. в составе статьи: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов // *Сб. соч.* Т. I. С. XLV—LI. В архиве **Ш.** находится писарская копия этого письма, судя по всему вырванная из цензорского дела и, следовательно, представляющая собой окончательный вариант: РНБ. Ф. 847. № 265. Л. 1—5; она содержит некоторые разночтения с публикуемым текстом (указания на номера или год выхода газеты с упоминаемыми статьями, отдельные слова, раскрытые сокращения, вариативные окончания и др.). Далее отмечаем в фигурных скобках наиболее существенные расхождения — дополнения, имеющиеся в писарской копии.

[14] Приведем текст этого «Распоряжения министра внутренних дел»: «На основании Высочайше утвержденного 14-го июня 1868 г. Положения Комитета министров и согласно заключению Совета Главного управления по делам печати, 28-го января 1872 г. министр внутренних дел признал необходимым воспретить розничную продажу нумеров газеты „Современные известия“» (*ПВ.* 1872. 29 янв. № 24. С. 1). **Г.-П.** получил такое взыскание уже во второй раз, и оно продолжалось без малого 9 месяцев.

[15] Очевидно, **Г.-П.** неофициальным путем узнал подоплеку дела у цензора В. Я. Федорова, официально надзиравшего за «Современными известиями» от Московского цензурного комитета с самого рождения издания (1868) по 1872 г. В бытность **Г.-П.** цензором тот служил секретарем Московского цензурного комитета (с 1858 по 1865 г.). Позднее, в августе 1893 г., **Ш.**, составлявший «Материалы к биографии Н. П. Гилярова-Платонова» как подспорье для написания подробной биографии мыслителя, побеседовал с Федоровым и записал: «Вениамин Яковлеви<ч> Федоров — начальник Москов<ской> цензуры — отлично знал Н<икиту> П<етровича>. Был его товарищем по цензуре и цензор<ом> „С<овременных> изв<естий>“, — преклоняется перед его умом и восхищается им. Часто приходил<ось> у него сиживать и, конечно, не был молчал<ив> и поучался. — Когда И<ван> С<ергеевич> [начал свою издател<ьскую> деятельность] издав<ал> газе<ту> „День“, то ему неоднократно приходилось беседовать с Фед<оровым>, и между прочим о Гилярове. О Гилярове Аксаков отзывался восторженно: „Посмотрите на это лицо — совсем славянский тип; эти голубые глаза, эта добрая улыбка, это страдальческое выраж<ение> лица. — Что он вытерпе<л> муче<ний> от Митрополита Филарета, который все внутренности у него расцарапал“.

У Федорова есть записка Н<икиты> П<етровича>, и между прочим о спиритизме, кот<орым> Н<икита> П<етрович> очень увлекался одно время» (РНБ. Ф. 847. № 49. Л. 43).

[16] На деле — за передовую статью, критикующую деятельность пореформенных судов (№ 16). Вероятно, московский цензор и сам не знал точной причины взыскания, но помнил, что представлял статью из № 21 в Главное управление по делам печати.

[17] 14.III.1870 г. «Современные известия» получили первое предостережение за передовую статью **Г.-П.** и помещенную им корреспонденцию из Нижнего Новгорода, в которых обсуждались некоторые морально устаревшие церковные обряды и критиковалась система духовного руководства (№ 60 за 1870 г.).

[18] Имеется в виду чин анафематствования лиц, совершивших тяжкие прегрешения перед Православной церковью, совершающийся в ходе службы Торжества Православия в первое воскресенье Великого поста. См. подробнее примеч. 147 к *Нечто*.

[19] В Православной церкви этот обряд (чин умовения ног) совершается на Страстной неделе, в Великий четверг, архиереем, который омывает ноги 12 священникам или мо-

нахам в воспоминание омовения, исполненного Спасителем над апостолами пред Тайной вечерей (Ин 13: 3—17). На Древнем Востоке это был обычай гостеприимства (см.: Быт 30: 18, Быт 40: 30, Быт 43: 24, Суд 19: 21).

[20] Т. е. настоятель городского собора. *Протоиерей* — священник (иерей) высшего чина (греч. πρότος — первый) из числа белого духовенства; то же, что и *протопоп* — устаревшее наименование, к концу XIX в. приобретшее иронически-пренебрежительный оттенок смысла.

[21] Сочинения Святых Отцов, святоотеческие.

[22] Это было первое запрещение розничной продажи для «Современных известий» (с 7.VIII по 30.X.1871 г.); оно последовало за публикацию упоминаемой статьи Урусова о холере в Москве и о мерах борьбы с нею (№ 209). «Распоряжение управляющего Министерством внутренних дел» гласило: «На основании Высочайше утвержденного в 14-й день <июля> 1868 года Положения Комитета министров и согласно заключению Совета Главного управления по делам печати, 27-го сего августа управляющий Министерством внутренних дел признал необходимым воспретить розничную продажу нумеров газеты „Современные известия“» (*ПВ*. 1871. 29 авг. № 206. С. 2).

[23] Приведем выписку из «Материалов...», составленных **Ш.**: «Из бумаги *<М. Р.> Шидловского*, завед<ующего> Гл<авным> упр<авлением> по дел<ам> печ<ати> о ст<атье> *209* № —

„путем разных выходок можно постепенно развить в массе народа неуважение к форме и обрядам религии, тем более что наш простой народ при своей *неразвитости* держится преимущественно именно этой самой *внешности обрядов, о которых неприлично отзыв<ается> автор*“.

За отм<еченную> стат<ью> = воспрещение розничной продажи» (РНБ. Ф. 847. № 49. Л. 34).

[24] Булочник Герасим Гаврилович Урусов (1843—1900) был известен Москве как публицист благодаря своим корреспонденциям на страницах «Современных известий». После кончины **Г.-П.** Урусов дал покойному другу такую яркую характеристику: «Безнравственно веселящееся невежественное общество ему напоминало всегда пир во время чумы. Нравственности без Христова света он не признавал» (*СИ*. 1887. 20 окт. № 287. С. 2).

[25] *Протодиакон* — главный диакон епархии, состоявший при кафедральном соборе; так как его роль при священнослужении епископа весьма значительна, в протодьяконы посвящали обыкновенно лишь обладателей мощного сильного баса. Протодьяконами также назывались дьяконы из придворного духовенства, иногда этим саном наделяли в виде награды. Приведем соответствующий фрагмент статьи Г. Г. Урусова: «Вот где-нибудь у Сухаревой, у Калужских ворот, на Смоленском рынке, в Рогожской начинается сбор денег на устройство молебна. Молебен должен быть большой; духовенство, хоругви и образа приходов из пяти соединяются вместе. Приглашается хор певчих; нанимается (?) протодиакон (здоровенная глотка). <...> Молебен поглощает триста, четыреста рублей. <...> Может быть, в ту самую минуту, когда громогласный диакон, с налитыми кровью глазами и напряженными жилами на лбу, облитый потом, страшно исказив физиономию, „бранится с апостолом“, или при многолетии, когда певчие под председательством диакона производят штурм какой-то крепости, в ту самую минуту, может быть, повторяем, какая-нибудь сирота-девочка девяти лет или 80-летняя старушка, пережившая всех родных, умирает в темном углу подвала от голода и судорог, без священника (все заняты на молебне), без пищи и какой-либо помощи и отрады. <...> Еще

мысль: много ли в Москве священников, которые по собственной инициативе, *бесплатно* помолились, неразряженные и с нераздушенными прихожанами, в своем храме, тихо, просто, поискреннее об отвращении гнева Господня? Не слыхать что-то» (*СИ*. 1871. 1 авг. № 209. С. 2). **Г.-П.** высоко оценил эту статью, считая, что ей бы «место было раздаться собственно с церковной кафедры»: «Действительно, потрясающее впечатление способна произвести эта художнически очерченная противоположность, где, с одной стороны, во всем блеске совершается спектакль под именем моления и, с другой, во всей силе продолжает царить — бездушность, алчность, копеечный расчет. <...> Сказать к слову, наша печать даже немного представляет произведений, нравоучительных и чисто проповеднических, в которых бы в такой гармонии сочетались верность мысли, глубина верующего чувства с осязаемостью изложения» (<***Г.-П.***>. Москва, 26 августа // Там же. 27 авг. № 235. С. 1).

[26] Имеются в виду письма в редакцию «Современных известий» некоего В—ского и пребывавшего на покое в Москве еп. Никодима (Казанцева). Первый из них писал, что Г. Г. Урусов «употребил очень неделикатное выражение: „Протодиакон, здоровенная глотка“...» (Там же). **Г.-П.** защищал своего автора: «Г. В—ский, может быть, не знает, но мы ему объясним, что эти вои, возносимые вместо возглашений, положительно воспрещены соборными правилами. А что публика, и в особенности купечество, делает себе из диаконских многолетий действительно потеху и, следовательно, посмеяние, это г. В—му и без наших объяснений, наверное, достаточно известно. Должен бы он понять также, что выражением „здоровенная глотка“ автор клеймит не столько самих священнослужителей <...> он клеймит именно эти невежественные требования и кощунственные вкусы, заимствуя из их словаря наименование, которым они чествуют любимых диаконов. Напоминанием об этом прозвище он внушает с тем вместе косвенно и самим диаконам, до чего унизительно им заслуживать, из-за денег, такие аттестации, унижающие их сан и обращающие священные обряды в кощунство» (Там же. С. 2).

[27] Следует иметь в виду, что как раз в этот период талантливый адвокат, присяжный поверенный кн. Александр Иванович Урусов (1843—1900) оказался не у дел. Вскоре после Нечаевского дела (слушалось в С.-Петербургской судебной палате с 1.VII по 27.VIII.1871 г.), на котором он особенно блистал и добился довольно мягких приговоров для привлеченных к делу, Урусов надолго прервал адвокатскую деятельность по не зависевшим от него обстоятельствам. Он должен был поселиться в Вендене (Лифляндской губ.), затем в Варшаве, потом в Петербурге; вернулся в адвокатуру только в 1881 г. **Г.-П.** был знаком с Урусовым; в конце 1860-х гг. охотно помещал его судебные речи в своей газете — см. два письма **Г.-П.** к нему от 12 и 18.IX.1868 г. (РГБ. Ф. 311. Карт. 15. № 34. Л. 2, 4), где он благодарит князя, предложившего напрямую передавать в редакцию тексты своих речей (до этого они стенографировались сотрудниками газеты, нередко с искажением смысла).

[28] **Г.-П.** привел слова В—ского: «Далее: не нелепость ли есть, что „диакон бранится с апостолом“? Лучше бы было, если бы автор объяснил нам это. По-нашему, брань есть с сердцем произносимые оскорбительные слова; думаем, что этого не было. Хорошо понимаем, что такие фразы пущены были автором в виде остроты, посмешить и потешить публику; но, милостивый государь, искажать священные обряды и обращать их в смех есть „кощунство“» (*СИ*. 1871. 27 авг. № 235. С. 2). **Г.-П.** возражал: «Наконец, если угодно знать г. В—му, то выражение „браниться с апостолом“, смутившее его, принадлежит даже не самому автору. Автор даже обвел их в ознаменование этого чужесловными знаками („ “). Не можем сказать, откуда их слышал г. Урусов, которого, при всем нашем

полном к нему уважении, не имеем чести знать лично, но смеем уверить почтенного В—ского, что таким наименованием отмечал непомерные выкрикивания священного текста блаженной памяти митрополит Филарет. Это — его слово, его выражение, строгое и вместе меткое. „Что ты, бранишься, что ли, с апостолом?" Может быть, не одна „здоровенная глотка" слыхала от него это. Это значит: „ты кричишь, а не читаешь; возвышаешь голос далее того, сколько нужно для слышания предстоящим и сколько обычно бывает только при ссорах; ты выходишь из себя; ты забываешь благоговение, подобающее совершаемому действию и чтомому писанию; ты возбуждаешь смех, оскорбляешь молитвенное чувство, соблазняешь, а не поучаешь, кривляешься, а не молишься". Вот, что сказывалось этим кратким, метким словом архипастыря, которого, конечно, не посмеет даже г. В—ский обвинить в кощунстве» (Там же).

[29] Помимо письма В—ского, прокомментированного в № 235 от 27.VIII.1871 г., **Г.-П.** имеет в виду свои возражения против отклика еп. Никодима (Казанцева) в № 236 от 28.VIII.1871 г., представляющего собой 26 «вопросных пунктов», в том числе: «В нынешнем 1871 году был ли г. Урусов у святой исповеди и причащался ли Святым Тайнам? А если в сем году не был, то когда был в последний раз; у какого священника; в какой церкви?» (с. 1). Приведя «с стесненным сердцем» этот отклик, **Г.-П.**, отвлекаясь от его «допросной формы», так говорит о сути претензий владыки: «По мнению преосвященного Никодима, „гласность напрасно распространяется на дела веры и Церкви". Преосвященный не объясняет, каким образом он соглашает это свое мнение с заповедью и обетованием Спасителя о проповедании Евангелия всей вселенной» (с. 2). И далее: «...выходит именно: если г. Урусов не докажет, что он подавал милостыню, ходил в церковь, принимал к себе по праздникам духовенство, платил духовенству за требы, тогда он окажется „не засвидетельствовавшим своей веры и благочестия пред Богом и людьми, пред церковью Православною, пред собственною совестью". Даже — „пред совестью и пред Богом"? — Трудно верится. Но именно так выходит из прямых слов преосвященного. <...> Преосвященный усмотрел в размышлениях г. Урусова нападение на духовенство, которого не было, и покушение в особенности против доходов духовенства, которых г. Урусов не касался. <...> Не досмотрел преосвященный одного, впрочем, самого существенного: воззвания к вере и благочестию, которым дышат все размышления г. Урусова. <...> Г-ну ли Урусову, другому ли кому не прибавить ни на иоту прав, не уменьшить ни на волос обязанностей христианской любви, сольет ли он даже в тысячу пудов колокол или не даст ничего вещественного. Нравственные права не покупаются, и христианские обязанности не продаются. Слово увещания ценится по внутренней истине и силе, а не по внешнему положению лица увещающего. Обращаться к другому с требованиями доказательств его милосердия есть даже оскорбление христианскому чувству нравственности» (Там же).

[30] В одной из передовых статей **Г.-П.** писал о «правиле „Современных известий"»: «...всякое возражение против себя, лишь бы это не было простое ругательство или голые слова, печатаются в этом издании с своей полною готовностью» (*СИ*. 1872. 6 окт. № 275. С. 2).

[31] Церковь, освященная в честь иконы Божией Матери, называемой Неопалимая Купина (возведена в 1680 г., в 1707 г. перестроена в камне, разрушена в 1930 г.), находилась в центре Москвы в Хамовниках — в Неопалимовском переулке, расположенном между Смоленским бульваром и Плющихой. Главной святыней храма была чудотворная икона Неопалимой Купины, перенесенная сюда из сеней Грановитой палаты Кремля.

[32] Празднование иконе Богородицы, называемой Неопалимая Купина, приходится на 4 (17) сентября.

[33] Речь идет о передовой статье «Москва, 21 января», в которой **Г.-П.** иронизировал по поводу подготовлявшегося дипломатией конкордата с Римской курией: «Пробегая недавно цифры учащихся на богословских факультетах в итальянских университетах, мы заметили красноречивые: в нескольких университетах 0, в других 1, кажется, ни в одном — более 3. Такова сила папства на собственной своей, исконной территории! И при этом-то заискивать пред папою и торжествовать победу заключением конкордата, когда сами католические державы разрывают конкордаты? — Хохла спрашивают: „Чему ты смеешься?“ — „А как же, москаля обманул!“ Москаль спрашивал, сколько галок он сосчитал пред собою и знает ли, что с каждой галки нужно платить по копейке. — „Пятьдесят“, — отвечал хохол и выложил деньги. И торжествует: „А их насчитал я целых полтораста!“» (*СИ*. 1872. 22 янв. № 21. С. 2).

[34] **Г.-П.** сообщал о публикуемом им письме ксендза, одобрявшего позицию газеты в вопросе осуждения целибата: «Нижеследующее письмо прислано нам одним из ксендзов Привислинского края, с просьбою не обнародовать имени автора: ему несдобровать, если высшее духовенство конгрессовой Польши доведается, что один из клевретов папского воинства осмеливается порицать макиавеллистическую систему ультрамонтанства и воззывать к устройству клира, более соответственному началам христианства, а вместе более соответственному и требованиям русского патриотизма <...> обидно подумать, что русская правительственная власть до того слаба в собственных владениях, что выражение доброжелательства к ней и протест против ее врагов должны накидывать на себя таинственность из опасения гонений, против которых нет защиты» (Там же).

[35] **Г.-П.** об этом писал, не скрывая горькой иронии: «Верить ли? Знаменитый патер Гиацинт, как известно, изъявил желание принять православие. Но вместе с тем, как нам сказывали, он изъявил желание и сказать (в Петербурге) несколько бесед о причинах, побудивших его бросить не только ультрамонтантов, но разойтись и со старокатоликами. Говорят, что власти колеблются в своем согласии, если не прямо отказали. Почему так? А чтобы не раздражать папу. За папой нужно ухаживать теперь, — говорят мудрецы; нужно воспользоваться его стесненным положением, чтоб заключить наиболее уступчивый с его стороны — *конкордат*! Если бы мы не были уверены, что слух, нам сообщенный, имеет основание; если б не читали мы к тому же единодушные предвещания в иностранных газетах о предстоящем сближении России с папою (вместе с единодушными над этим и насмешками, прибавим мы): мы (и вероятно, с нами миллион русских людей) подумали бы, что подобные слухи выдуманы. <...> Само собою разумеется, желаем мы, чтоб слух оказался несправедливым и чтоб не теряли мы, что дается нам прямо в руки само собою. О. Гиацинт есть знаменитое имя; имея его, мы держим в руках полкатоличества, грозим ультрамонтанству; приказываем, а не повинуемся» (Там же). См. также: Отзывы журналов о письме патера Гиацинта // *СИ*. 1869. 20 сент. № 258. С. 3; Отец Гиацинт // Там же. 1 окт. № 269. С. 4; Письмо патера Гиацинта // Там же. 22 нояб. № 321. С. 3.

[36] **Г.-П.** был определен цензором Московского цензурного комитета Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 23.V.1856 г., а Высочайшим приказом по Министерству народного просвещения от 11.VIII.1862 г. уволен от этой должности.

[37] **Г.-П.**, состоя чиновником особых поручений V класса при министре народного просвещения, 7.II.1863 г. был назначен в Комиссию по пересмотру проекта Устава о книгопечатании с дополнительным содержанием в 100 руб. в месяц; с 19.II по 18.V принимал участие в заседаниях этой Комиссии в Петербурге, а 1.VI.1863 г. в связи с преобра-

зованием центрального управления Министерства народного просвещения был уволен от службы, «с оставлением за штатом на общем основании».

[38] Имеется в виду фраза из 2-й главки повести «Нос»: «Но Россия такая чудная земля, что если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счет» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: <В 14 т.>. <М.; Л.>: Изд-во АН СССР, 1938. Т. III. С. 53).

[39] См. цитату из статьи **Г.-П.** в примеч. 35 к наст. письму.

[40] сомнительное истолковывается в благоприятном смысле (*лат.*).

[41] Тут можно усмотреть иронический намек на провозглашенный Римской церковью незадолго до этого письма, 18.VII.1870 г., догмат о *непогрешимости* папы с кафедры.

[42] верховным судьей (*лат.*) Вероятно, выражение из католического гимна «Hora novissima» («Самые поздние часы», XII в.), который, между прочим, цитирует А. С. Хомяков в своей брошюре «Еще несколько слов православного христианина о западных исповеданиях, по поводу различных религиозных изданий, латинских и протестантских, о предметах веры» (Leipzig, 1858), переведенной с французского именно **Г.-П.** для 2-го тома Собрания сочинений мыслителя (Прага, 1867). Ср.: «Ecce minaciter imminet Arbiter ille supremus...» («Се грозно грядет Судия верховный...»).

15[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Любезнейший друг Никита Петрович.

Сию минуту получил от Тимашева послание[2], из коего Вы можете видеть, каково настоящее положение Вашего дела. Препровождаю его к Вам в подлиннике, только прошу Вас покорнейше удержать его *только для себя*; или, списав копию, бросить, а не оглашать, чтоб не вышло какой-нибудь сплетни.

Видите, каково положение. Очевидно — все замечания, изложенные в бумаге, — имеют значение только с точки зрения внешней критики, — но если принять их за мотивы для административного взыскания, теряют всякий разумный смысл и становят[3] печать под действие случайного и неразумного произвола. Это очень прискорбно, — но делать нечего. Видите, с кем Вы имеете дело и чего могут достигнуть какие бы то ни было разумные или откровенные объяснения с Гл<авным> управл<ением> по делам печати. Все оно состоит из стоящих на каланче будочников, которым платится премия за всякую тревогу.

Пользуясь отъездом Кн. Черкасского[4], спешу все это переслать Вам.

3 апреля 1872. Обнимаю Вас.

Ваш *К. Победон<осцев>*

<***Приложение.*** **А. Е. Тимашев — К. П. Победоносцеву**>[5]

Милостивый Государь Константин Петрович.

Вследствие письма Вашего Превосходительства от 20 марта сего года имею честь уведомить, что, по представленным мне справкам, заявление редактора

«Современных известий» г. Гилярова-Платонова Главному управлению по делам печати было рассмотрено в Совете оного и оставлено без последствий, как не заключающее в себе никакого ходатайства, а исполненное лишь объяснениями в тоне и выражениях статей, помещаемых в этой газете и признаваемых редактором за имеющие похвальное направление.

Между тем в означенной газете встречаются такие статьи, распространение которых путем розничной продажи газеты не может быть допускаемо по их тону и выражениям, крайне предосудительным, не говоря уже о предосудительном направлении, нередко в них встречающемся, в чем Ваше Превосходительство изволите удостовериться из прилагаемой справки о поводах, побудивших меня в последнее время к принятию мер против «Современных известий». А так как и за сим газета продолжает нередко наполняться статьями, столь же предосудительными, то это не может не быть принимаемо во внимание при продолжении срока запрещения розничной ее продажи.[6]

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

А. Тимашев

№ 1369
1 апреля 1872 г.

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 49. Л. 1—1 об. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 675. Л. 5.)

[2] Вложено в наст. письмо, публикуется ниже. А. Е. Тимашев был в тот период, с 9.III.1868 г. по 27.XI.1878 г., министром внутренних дел. Тимашев отвечал на письмо **П.** от 20.III.1872 г., которое процитировано в одной из статей **Ш.** Приведем его: «Спешу напомнить Вам о просьбе своей, которую заявлял Вам в Государственном совете сегодня, по поводу запрещения розничной продажи, которому подверглась московская газета „Современные известия". Издатель ее, Гиляров-Платонов, прислал в Главное управление по делам печати свое оправдательное объяснение. Сделайте милость, прикажите доставить его к Вам и примите труд прочесть его. Может быть, по прочтении его Вы убедитесь, что наложенному на газету взысканию уже исполнилась мера и что можно снять его. Я принимаю участие в этом деле не только потому, что лично знаю Гилярова, но и потому, что слежу постоянно за изданием и, сравнительно с другими подобными газетами, нахожу эту газету наиболее серьезною. В ней появляются от времени до времени, особливо по церковным вопросам, статьи не только хорошие, но и замечательно основательные: из-за этих статей особенно газета, кажется мне, заслуживает некоторого снисхождения в погрешностях полемического свойства» (цит. по: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов // *Сб. соч.* Т. I. С. LI—LII).

[3] Исправлено, в автографе описка: «становятся».

[4] Общий знакомый славянофил кн. В. А. Черкасский в этот период, покинув пост московского городского головы, который занимал с 4.IV.1869 г. по 13.III.1871 г., вышел в отставку и в течение шести лет в основном как частное лицо путешествовал по Европе.

[5] Печатается впервые полностью по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 49. Л. 2—2 об. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 675. Л. 6—7.) Частично опубл. в составе статьи: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов // *Сб. соч.* Т. I. С. LII. Письмо на бланке с напе-

чатанным сверху: «Министерство внутренних дел. По Главному управлению по делам печати». Почерк писаря. Отметка внизу на первой странице: «Его Превосходительству К. П. Победоносцеву».

[6] Этот срок изредка оговаривался с самого начала; однако, как правило, нижняя его граница могла чуть ли не бесконечно долго отодвигаться.

16[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Москва, 6 октября 1872.

Многолюбимейший и многопочитаемый Константин Петрович!

Пользуюсь оказией (поездкой М. Н. Лопатина), чтоб писать Вам. Писал было я и летом, но письмо за отсутствием Вашим воротилось назад [2].

Что Вам сказать? Нахожусь в постоянном чувстве ужаса. С печатью обращаются с каким-то остервенением неистовства. «Беседы» вторая книжка предается сожжению в *полном* составе из-за одной статьи в несколько страниц [3]. Меня полиция потянула к суду за напечатание объявления якобы без полицмейстерского дозволения, и мировой судья приговаривает меня, как виноватого, тогда как объявление *подписано* обер-полицмейстером! Генерал-губернатор вызывает меня, а за моим отсутствием — управляющего редакциею и объявляет выговор. За что? А за то, что глупейшая телеграмма Шипова из Нижнего Новгорода [4], в которой этот выживший из ума просит Москву «поклониться его сиятельству Владимиру Андреевичу (т. е. генерал-губернатору)» [5], — зачем эта телеграмма напечатана на второй странице, а не на первой, и петитом, то есть мелким шрифтом, а не крупным. «Так это мне на смех? Это нарочно, чтоб никто не прочел? Так вы мне объявляете войну? Хорошо, я ее принимаю. Так объявляйте ее прямо!» И так далее. И вот лица, от которых, однако, зависит, между прочим, на большую долю судьба нашего брата!

В ужасе я нахожусь потому, что на мне висят два предостережения [6]. Амнистия была дана, но так искусно была рассчитана, что ею воспользовались почти исключительно «Московские ведомости» [7]. Прекращение розничной продажи потрясло мои денежные дела чрезвычайно (подписная цена едва покрывает бумагу и пересылку; редакция и типография существует объявлениями и сравнительно высокою ценою газеты в розничной продаже). Третье же предостережение сделает меня банкротом. Предостеречься от предостережения? Но как? Тут отказывается всякая сообразительность, когда негодование возбуждается, между прочим, мелкостию шрифта. Отомстить найдут много предлогов.

Сбираюсь в Петербург. Дело в том, что искренно желал бы развязаться с газетой, если недовольны собственно мной, моей манерой писать и рассуждать, ставить и решать вопросы. С силой не спорят; а подлаживаться не умею, да и гадко, да и бесполезно. Итак, я желал бы отойти и, может быть, нашел бы способ

развязаться, не говорю с барышом, не говорю даже без убытка, но по крайней мере без банкротства. Но при данных обстоятельствах кому передам газету? Пятилетнее существование ее, с установившимся числом подписчиков, было бы известною ценностью само в себе; но при двух висящих предостережениях ценность фирмы обращается почти в нуль.

Nec quid incipiam, nec quid faciam, scio![8] Просто не знаю, как быть. Хотел бы поехать в Петербург, чтобы дознаться, чего хотят и чего не хотят и нет ли какой возможности развязаться с положением, которое тяготит ужасно. Однако, способны ли еще понять и выслушать? Для этого требуется все-таки известная доля человеческого чувства, и потому сомнительно даже это.

Прощайте, любезнейший Константин Петрович, или, может быть, до свидания.

Ваш *Н. Гиляров-Платонов*

[1] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 458. Л. 7—8 об. (Копия **Ш.**: Там же. № 456. Л. 22—23.)

[2] Местонахождение нам неизвестно; вероятнее всего, письмо было уничтожено.

[3] **Г.-П.** имеет в виду два взыскания, наложенные на издававшийся С. А. Юрьевым на средства А. И. Кошелёва журнал «Беседа». В июльской книжке была вырезана статья «Учебные испытания гимназистов в 1872 году». Основной же тираж сентябрьской книжки был уничтожен предположительно за небольшую рецензию А. В. (Алексея Веселовского) на книгу: *Arnd Eduard.* Geschichte der Jahre 1867 bis 1871. Leipzig, 1872. Bd. I (Беседа. 1872. Кн. VII. Отд. II. С. 50—52), где довольно резко и свободно писалось о болезненных проблемах России, в которой, по мнению Э. Арнда, «рвение к реформам несколько и ослабело». А. Н. Веселовский писал: «Упоминая лишь вскользь о главных внутренних делах России, Арнд останавливается внимательно на страсти к государственному объединению и обрусению инородцев, которая, по его мнению, обуяла и правительство, и общество со времени Польского восстания 1863 года. При этом он уличает русских в противоречии. Они стали-де теперь прикрывать свою завоевательную похоть идеей, принципом национальности, а внутри у себя угнетают национальности, особенно польскую на Висле и немецкую (sic) в Остзейском крае. Уже из этого читатель может видеть, что Арнд всю внешнюю политику России сводит к идее панславизма, которой он придает большое значение» (Там же. С. 51—52). В газете **Г.-П.** появилось лишь по необходимости краткое сообщение: «Редакция журнала „Беседа“ имеет честь объявить гг. подписчикам, что IX книга журнала, оконченная печатанием 22 сентября, по не зависящим от редакции обстоятельствам не может быть своевременно разослана» (*СИ.* 1872. 30 сент. № 269. С. 2).

[4] Речь идет о 72-летнем экономисте, действительном статском советнике А. П. Шипове, знакомом **Г.-П.** и **П.** по периоду своей деятельности в должности председателя Московских отделений Коммерческого и Мануфактурного советов, а в то время занимавшем пост председателя ярмарочного Биржевого комитета Нижегородской ярмарки. См. нелицеприятную характеристику авторитарного стиля его правления в корреспонденции, опубликованной накануне настоящего письма **Г.-П.** к **П.**: «...наш председатель — это всё: он решитель всяких дел и глава всему» (<*Без подписи*>. Из Нижнего Новгорода.

*20 сент*ября: Собрания уполномоченных ярмарочного купечества и результаты их постановлений // *СИ*. 1872. 5 окт. № 274. С. 3). В следующем году **Г.-П.** поместил резкую по содержанию передовую статью о самодурном характере ведения дел на ярмарке Шиповым, представляющем «редкую откровенность презрения к обществу...» (см.: <***Г.-П.***>. Москва, 24 августа // Там же. 1873. 25 авг. № 233. С. 1).

[5] Телеграмма А. П. Шипова, отправленная им «по поручению ярмарочного купечества» в «Московские ведомости» и перепечатанная в «Современных известиях» без комментариев, опубликована петитом, поскольку именно так принято было давать в газете дословные большие цитаты из документов, в том числе распоряжений министров и великих князей, и помещена под рубрикой «Заметки и известия», под особым названием «Благодарственная телеграмма». Приведенное **Г.-П.** место буквально звучит так: «Родная матушка Москва! <...> Передай, матушка, наш низкий поклон князю Владимиру Андреевичу. Родные попечения о нас в настоящей тревоге — залог верных надежд, что не будем забыты в будущем...» (Там же. 1872. 1 авг. № 209. С. 2).

[6] По закону, после третьего предостережения издание приостанавливалось на оговоренный срок. О первом предостережении, полученном 14.III.1870 г., см. примеч. 17 к п. 14. Вторым — 18.V.1872 г. — газета была наказана за статью **Г.-П.** и опубликованную им корреспонденцию в № 129, в которых отмечались упущения в работе полиции и приводились факты безнаказанного хулиганства солдатских чинов. «Распоряжение министра внутренних дел» гласило: «Принимая в соображение, что в статье об уличных неприличиях, напечатанной в № 129-м газеты „Современные известия“, заключаются выражения, унижающие достоинство военного звания и в высшей степени оскорбительные для чести армии, — министр внутренних дел, на основании п. II Высочайшего указа 6-го апреля 1865 г. и ст. 29 гл. II Высочайше утвержденного в тот же день мнения Государственного совета и согласно заключению Совета Главного управления по делам печати, *определил*: объявить второе предостережение газете „Современные известия“, в лице редактора-издателя, статского советника Гилярова-Платонова» (*ПВ*. 1872. 19 мая. № 118. С. 1). См. также примеч. 4 к п. 39.

[7] Речь идет о снятии предостережений с тех изданий, которые подпали под эту кару до 30.V.1871 г. Распоряжение об этом было сделано по предложению министра внутренних дел гр. Д. А. Толстого — в честь 200-летия со дня рождения Петра I. Воспользоваться этой «амнистией», помимо «Московских ведомостей», смогли еще только три петербургских издания. См.: РГИА. Ф. 776. Оп. 1. 1872 г. Д. 8. Л. 18—18 об. См. также примеч. 7 к п. 32.

[8] Знаю: кто не начинает, тот не действует! (*лат.*) Вероятно, аналог русской поговорки «Лиха беда начало».

17[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

11 октября <1872 г.>[2] Утром

Был у Лонгинова,[3] которого мне надо было видеть и по другому делу. Стал серьезно говорить с ним про «Соврем<енные> изв<естия>» и про Ваше положение. Старался поставить его на свою точку зрения. «Пустое и вред-

ное дело для цензуры — гоняться за мелочами и преследовать всякие глупости и lapsus calami [4], которые во множестве встречаются повсюду. Гораздо разумнее и достойнее щадить и оберегать такое издание, коего существенное направление серьезно, которое ставит и исследует вопросы серьезно, углубляясь до принципов. Убивать такие издания противно той цели, к<ото>рой д<олжно> служить Ценз<урное> управление. Притом с серьезною редакцией всегда можно сговориться относительно частностей».

Лонгинов что-то не смотрел таким самодуром, каким он иногда смотрит. Говорил сочувственно о «Совр<еменных> изв<естиях>». Утверждал, что он сам держится той же точки зрения, которую я ему указывал. Он что-то был кроток, мож<ет> б<ыть>, потому, что недавно вернулся из отпуска и еще не успел окунуться с головою в цензурные волны.

Говорил, как он уважает Ваши способность, зрелость и литературную деятельность. Оттого-то, говорит, я не знаю, что иногда делается с Н<икитой> П<етровичем>, и удивляюсь. Иногда у него попадаются такие выходки, которые достойны только петерб<ургских> изданий. Мы всегда относимся к «Совр<еменным> изв<естиям>» особенно осмотрительно.

Ему казалось, что у Вас находили прегрешения б<ольшею> ч<астью> в передовых статьях. Я старался удостоверить его, что напротив — в корреспонденциях и Faits divers [5] — и доказывал ему, как это глупо.

Говорил ему, как Вас разорило запрещение розничной продажи. Не знаю, снято ли оно? Сам Лонгинов не уверен (не следил, говорит, за отпуском) и хотел справиться [6].

Рассказал ему историю о телеграмме Шипова [7].

Он изумлялся. Я объяснил ему Ваше положение и всячески убеждал его не преследовать Вас, уверял, что я с своей стороны стараюсь оберегать Вас дружескими советами. Он обещал, и на том мы расстались.

Вашу газету читает Ф. Ф. Веселаго. По словам Лонгинова, он расположен к Вам и принимает участие, но иногда сам не может ничего сделать ввиду Ваших статей. Надо будет повидаться с Веселаго и поговорить об Вас. Веселаго, кажется, добрый и честный человек, но я считаю его человеком дов<ольно> ограниченного ума, *начитанных* взглядов и неглубокой мысли. Немудрено, что он многого не понимает или понимает криво.

Сегодня вечером Тимашев назначил мне аудиенцию, которую я имел в виду собственно для Вашего дела. Посмотрю, что будет. Ах, не надейтеся, впрочем, на князи! [8]

Вечером. Был у Тимашева, но не застал его, — чего и опасался. Он ничего не помнит и уехал в театр, забыв, что назначил мне быть у него сегодня в 9 часов вечера.

12 октября. Сегодня был у Тимашева и говорил об Вас и об Вашей газете. Он опять говорил те же речи, но благосклонно и без раздражения — видно, что в настоящую минуту нет раздражения против «Совр<еменных> известий». Опять воспоминания об анекдотах, о последней статье, за которую сделано Вам пре-

достережение, и т<ому> под<обное>. Я убеждал его в том же смысле, как и Лонгинова. С этими людьми нельзя говорить глубокими и основными резонами — у них все решается впечатлением, как уже я писал Вам. Думаю, впрочем, что после неоднократных переговоров у Тимашева останется некоторое побуждение быть осторожнее.

Держитесь покуда, любезнейший Никита Петрович, и смотрите внимательно. Нет решительно досугу писать Вам пространно в сию минуту, а завтра утром Лопатин придет за письмом.

Тимашев уверяет, что он внесет в нынешнюю сессию новый закон о печати, в коем действие предостережений будет ограничено сроком. Авось либо, если так, к изданию нового закона снимутся прежние предостережения. Подержитесь.

Не закидывайте крючков. Вот, Вы хорошую статью написали по поводу «Спевки певчих» [9], но я покачал головою, увидев, что Вы тут закинули крючок на Синодальное ведомство [10]. Что за контракт был, Вы не можете разъяснить: в таком случае лучше не поминать об нем мимоходом, чтоб не дразнить гусей.

Последние Ваши статьи о Болгарском деле и о духовенстве [11] очень понравились мне и тем, кому я сообщал их. Спасибо за них.

Недурно бы Вам кое-кому здесь из читающих верховников посылать свою газету, чтобы к ней привыкли — в серьезной ее части. При случае постараюсь написать примерно — кому. Интересные статьи о церкви я всегда посылаю Урусову [12].

Приезжать ли Вам сюда? Не знаю, право. Если для объяснений, кому Вы разъясните и что? Боюсь, что Ваши резоны произведут мало впечатления. Говорить с Тимашевым? С Лонгиновым? Не поведет к цели.

Смотрите за своей *иронией* и не доверяйтесь ей в коротких заметках. Так срывается иногда с языка неудобное слово... Имейте в виду, что люди надзирающие не знают *пропорций* и не умеют понять фразу *в связи* с *контекстом*. Этого от них не ожидайте и не спрашивайте. Они чувствуют только в том месте кожи, в которое их уколет.

Еще что придет на ум, постараюсь передать на словах Лопатину.

Обнимаю Вас.
К. Поб<едоносцев>

Елпидифору Барсову кланяйтесь.

= Осторожнее обходитесь с вопросом о рабочих и об ассоциациях. Вы иногда приступаете к нему как-то патриархально, по началам филантропии [13]. Так можно было прежде, а нынче дело это слишком горячо и деликатно поставлено.

Не горячитесь очень из-за присяжных: по этому поводу у Вас срываются резкие и горячие слова [14]. Не *стоит*, по правде Вам скажу.

Если можно, умягчите как-нибудь Долгорукого [15]. С слабоумным самолюбием надо обходиться. Нет ли кого, кто бы мог умягчить его? Он иногда может Вам наделать неприятностей.

Постараюсь потолковать об Вас еще с Веселаго, с Богушевичем — и уведомлю.

Вот Вам примерный списочек, что пришло в голову на сей раз, кому было бы полезно посылать газету [16]. Все-таки хорошо, когда люди привыкнут видеть целую физиономию журнала. Все, кто тут названы, люди читающие. Еленев [17], хотя и член Ценз<урного> упр<авления>, не знаю, читает ли Вашу газету, — а он там человек с голосом, имеет влияние и чуть ли не один толковый.

К. П<обедоносцев>

[1] Печатается впервые полностью по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 50. Л. 1—3; Д. 58. Л. 3, 4. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 675. Л. 8—14.) Небольшой фрагмент опубл. в составе статьи: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов // *Сб. соч.* Т. I. С. LII.

[2] Год установлен по содержанию (упоминаемым статьям в газете **Г.-П.**).

[3] М. Н. Лонгинов, хороший знакомый **Г.-П.** в период возобновления деятельности ОЛРС на рубеже 1850—1860-х гг., в тот период, с 19.XI.1871 г. по день кончины, случившейся 23.I.1875 г., занимал пост начальника Главного управления по делам печати. Смелый либерал и защитник свободы печати в молодости, он в это время снискал печальную славу ретрограда и фанатичного стеснителя книгоиздания. См. его выразительный портрет в мемуарном очерке **Г.-П.** «Возрождение Общества любителей российской словесности в 1858 году» (*Из пережитого. 2009*. Т. 2. С. 196—201, 203)

[4] описка (*лат.*)

[5] Отделе происшествий (*фр.*)

[6] **П.** вскоре, выяснив, что запрет на продажу «Современных известий» в розницу не снят, отправил Лонгинову следующее письмо:

«Многоуважаемый Михаил Николаевич.

После свидания и разговора с Вами я узнал, что действительно над газетой „Современные известия“ тяготеет еще запрещение розничной продажи. Сделайте милость, войдите в положение бедного Гилярова и перемените гнев на снисхождение. Принятая мера и так была уже крайне разорительна для издания. Другие издания, которые ей подверглись, уже освобождены от нее. Усерднейше прошу принять мое ходатайство за отсутствующего!

Душевно уважающий и преданный

К. Победоносцев

14 октября 1872» (ИРЛИ. Сигн. 23 246. Л. 3—3 об.).

[7] Об А. П. Шипове см. примеч. 4 и 5 к п. 16.

[8] Цитируется Псалтырь. В источнике: «Не надейтеся на князи, на сыны человеческия, в них же несть спасения» (Пс 145: 3).

[9] Имеется в виду передовая статья **Г.-П.** по поводу письма в газету «О Славянском базаре», помещенного за подписью: *Приезжий купец*. В ней рассказывалось о «музыкально-литературной забаве», разыгранной в концертном зале (Русской палате) «Славянского базара» на Никольской ул., в д. 17, одним из номеров которой стало «потешное представление» — чтение актером Н. Соболевым юмористического рассказа В. А. Слеп-

цова «Спевка» (1862). Автор письма с возмущением вопрошал: «И что же в этой спевке оказалось? Такое кощунство, которого я не думал и не воображал встретить в первопрестольной столице и в *Русской* палате. Началось с того, что г. Соболев начал „Разговор регента с певчими“, как нужно петь Символ веры, как кому и где нужно кричать. Потом сам запел: „Верую во единого Бога Отца“ и далее. Это нужно было слышать, как попиралось то, что слишком дорого, свято и неприкосновенно для каждого христианина. <…> И над этим-то г. Соболев изощрял свой комический талант! <…> Не видавши бы кругом себя сидящих москвичей, подумал бы, что нахожусь не в Москве и в Русской палате, между православными, а где-нибудь в Азии, где нет христиан и где, может быть, позволительно такое кощунство против нашей веры» (*СИ*. 1872. 30 сент. № 269. С. 2). **Г.-П.** сочувственно комментировал: «Христианское исповедание веры и священнодейственнейшая часть литургии берутся прямо в предмет позорища, и именно посмешища, и посмешища публичного: комедия из литургии и Символа веры дается всенародно, и именно для того, чтоб публика над ней посмеялась» (Там же).

[10] Имеются в виду следующие разоблачения **Г.-П.**: «Тяжело вспомнить, что „священные сюжеты“ разыгрываются в доме, принадлежащем Святейшему Синоду, и на средства Святейшего же Синода. „Славянский базар“ помещается, как известно, в доме Синодальной типографии; пожалуй, только на земле типографской, а в доме, принадлежащем г. Пороховщикову. Но г. Пороховщиков выстроил этот дом для Святейшего же Синода и на деньги Святейшего же Синода. Но г. Пороховщикову дано на постройку этого дома до полумиллиона рублей безвозвратно. Но г. Пороховщикову уступлен этот дом без состязаний. Но к г. Пороховщикову снизошли, когда архитектор, обязанный свидетельствовать, нашел поставленный для дома материал недоброкачественным. Духовное управление даже заложило дом, чтоб сотнями тысяч ссудить г. Пороховщикова. Г. Пороховщиков является не наемщиком, а скорее уполномоченным Святейшего Синода. Операция принимает вид нравственного поручения и не может быть экономической сделкой, как не могут два и два составить два вместо четырех». И далее укоряет предпринимателя: «Было бы утомительно рассказывать, но стоящий против той же Синодальной типографии Богоявленский монастырь или рядом стоящий Заиконоспасский, даже не ища, находят охотников, которые строят им дома, без пособий, и притом выплачивая с первого года большие наемные деньги и обязываясь передавать монастырям выстроенные громадные здания с десятками тысяч дохода в сроки вдвое меньшие, нежели дан г. Пороховщикову» (Там же). По поводу же самого комического представления **Г.-П.** добавлял: «Итак, высшие нравственные побуждения должны быть. <…> Церковь не может отдать в наем дома, не выговорив запрещения обращать его в кабак. И верховное духовное управление не могло отчуждать своего дома частному лицу на десятки лет, не выговорив назначения» (Там же).

[11] Очевидно, имеются в виду передовые статьи **Г.-П.** о Греко-болгарской распре (*СИ*. 1872. 26 сент. № 265. С. 1), о греческих подворьях в Москве (Там же. 27 сент. № 266. С. 2) и об отношении греков к славянам (Там же. 2 окт. № 271. С. 2), а также статья некоего С—ва «Греческие подворья в Москве и русская благотворительность на Востоке» (Там же. 23 сент. № 262. С. 2). В первой из них **Г.-П.** подчеркивал: «Ее, Россию, будут обвинять в совершившемся раздоре, и все притом, сами болгаре наравне с греками <…>. Но именно оттого, что она употребляла средства, хотя бы и к миру, ее назовут виновницею, что мир не состоялся».

[12] По всей вероятности, камергер кн. Петр Александрович Урусов.

[13] Вероятно, прежде всего имеется в виду корреспонденция «Для фабричного вопроса», подписанная криптонимом «Г.» (Там же. 7 окт. № 276. С. 20). В ней рассказывалось о запущенной в 1867 г. фабрике «близ Москвы, за Даниловской слободой, принадлежащей г. Мещерину», который заботится, чтобы «фабричный класс скоро бы поднялся как в материальных, так и в умственных силах»: установил современное оборудование, выдает бесплатные подарки на свадьбы, устроил лавку, бани, бесплатную школу для детей, предполагает открыть библиотеку. Эта бумагопрядильная и ткацко-набивная фабрика стала особенно знаменита впоследствии — как Даниловская мануфактура (в советское время Московская хлопчатобумажная фабрика имени М. В. Фрунзе).

[14] См., например, острополемическую передовую статью о суде присяжных: <***Г.-П.***>. Москва, 16 января // Там же. 17 янв. № 16. С. 1.

[15] Кн. В. А. Долгоруков, занимавший пост московского ген.-губернатора 25 лет и почти 6 месяцев — с 30.VIII.1865 г. по 26.II.1891 г. Поначалу у **Г.-П.** были с ним сложные отношения, но к концу 1870-х гг. они наладились.

[16] Этот список в архиве, где находится данное письмо, не сохранился.

[17] Ф. П. Еленев сблизился с **Г.-П.** еще летом 1856 г. и позднее в мемуарном очерке «Черта из жизни Гилярова-Платонова» давал ему такую характеристику: «Это был человек цельный, не разделившийся на ся, не торговавшийся с своими убеждениями и совестью, видевший впереди только общую пользу, как он понимал ее, а не свои личные выгоды» **(***РА*. 1887. Кн. III. Вып. 12. С. 574; ср.: «...всякое царство, раздельшееся на ся, запустеет...» (Мф 12: 25)**)**.

18[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Мне остается глубоко благодарить Вас, многоуважаемый друг, не только за хлопоты обо мне, но и за внимание к моей деятельности. Драгоценнейшее для меня в Вашем письме то, что, как оказывается, Вы следите за мною и произносите суд не на поверхностных данных, но на действительном чтении.

Советы Ваши хороши, но не все они применимы, а с некоторыми не могу согласиться.

Зачем я затрогивал Св. Синод? Но как же быть? — Вы думаете, что я не знаю контракта, а я его знаю. Но какая подлость! Вообразите, застращены или закуплены все так, что с трудом можно было выцарапать условие. Это — мошенничество и грабительство в колоссальных размерах. «Дело сделано, скажете Вы, что же трогать?» — А Вы думаете, и еще такого же не будет дела? А разве мало еще в Москве домов, принадлежащих церквам, особенно монастырям, и еще не дадут четырех сот осмидесяти тысяч на ресторан и облагороженный публичный дом?

Но оставим практические последствия. Вы, вероятно, не знаете, что это даже мой вопрос личный, — вопрос, о котором я не могу вспомнить, чтобы вся горечь не поднялась кверху. Тому назад много лет мне поручено было Ахматовым[2] наблюсти стороною за первою постройкою Пороховщикова, *Певчею*, или

так названными Теплыми рядами. Я отказался от поручения, но под рукою узнавал, просто для личного любопытства, и узнал: что в стены кладены были бочки вместо кирпичей; что контракт заключен посредством взятки; рассказывали, что сам Исидор[3] взял пятитысячный подарок и — *судно*, обитое бархатом.

Это не всё. Лавочник Синодальной типографии сообщает мне, что Пороховщиков купил «Молитв на сон грядущим» несколько тысяч, но изъявил сожаление, что пятитысячная цена дорога, а ему хотелось бы в благодарность Св. Синоду и в воспоминание рабочим, что они работали для духовного ведомства, одарить их, при прощанье, молитвами. Мне сказали, и я поддался. Сделал распоряжение, взявши на свою ответственность отпечатать 20 000 и продать почти по своей цене, не помню, по денежке[4] или по копейке. Потом я узнаю, что эти молитвы пошли в счет, и даже рабочим, по цене 15 коп<еек>!

Таков человек! Но и это не всё. Начинает он потом бомбардировать меня, что граф Толстой навязывает ему Типографский дом, с тем чтоб перенести Типографию к Пресненской заставе[5]. Не доверяя, официально прошу я подтверждения, спрашивая, допустить ли к съему планов. Долго Вам рассказывать всю историю, как мне на официальные расспросы не отвечали, а полуофициально, письмами, директор просил оказать содействие; как я писал записки, между прочим Филарету, чтоб сохранить по крайней мере дом исконный Типографский, и если отдать, то лишь прикупленный Шереметевский; как я указывал способы достигнуть бульших выгод с меньшими пожертвованиями; как директор, заранее угадывая подозрения, говорил, что «не отдадут же непременно Пороховщикову», а кому придется с торгов; как пошли затем видимо, одна за другою, служебные неприятности, разрешившиеся наконец давно желаемым ими моим выходом; и как наконец — это верх подлости и бесстыдства — оклеветал меня Толстой даже во Всеподданнейшем отчете! Я бы Вас просил посмотреть этот Отчет (за 1868 год), где обер-прокурор выставляет *канцелярские неисправности* Синодальной типографии при моем управлении[6]. Во-первых, это неслыханное дело, чтобы *такими* сведениями потчевать Государя, а во-вторых, что ни сказано там, то отчасти ложь прямая, то — такое неустройство, в котором виноваты были они, а не Типография или я, не имевший даже права сделать канцелярский порядок тот, какого они якобы ожидали, вопреки собственным инструкциям. Если бы я был свободный человек, я бы подал Всеподданнейшую жалобу, но в моем положении как я мог это сделать? И что из этого могло бы выйти?

Вот, дражайший Константин Петрович, отчет Вам по одному пункту. Нет, Вы скажите, что я снисходителен и кроток. В 1870 году, когда я приезжал в Петербург, мне члены Главного же Управления по делам печати говорили, возмущаясь, об Обер-прокурорском Отчете и об этом его месте, неслыханном в бюрократических преданиях. От них я даже и узнал об этом низком способе мести за желание мое противодействовать темнейшему из дел.

Таков пункт первый. Пункт второй: беречься вопроса об ассоциациях, горячо поставленного. Знаю. Но что же делать, когда он поставлен так, что, по мое-

му мнению, положительно ведет к гибели? Покровительство буржуазии и капиталистам (говоря пошлым языком) ведет именно к тому Нечаевству[7], которого думают избегнуть. Это вечное *qui pro quo*[8], которое снедает русскую жизнь. Мы собственными руками разводим огонь, усердно выращиваем мозоли и болячки, которых у нас не было, чтоб не отставать от других. Впрочем, в этом вопросе я осторожен, насколько могу, во всяком случае.

Остальное не в моей власти. Вы справедливо судите, что при ежедневной газете где тут обдумывать выражения? Сорвется то, другое. У меня нет полчища сотрудников, как у «Московских ведомостей».

Но, вообще, кому и чему должно служить издание? — Помогать администрации, как делали и делают «Моск<овские> ведом<ости>», возможно только тому, чьи мнения могут быть выслушаны. Нужно иметь в виду общество, и притом не современное, а будущее. Нужно закладывать для него дорогу; нужно содействовать общественному воспитанию; нужно прочищать понятия и по возможности возводить к принципам. Как умею, это делаю, даже не без самоотвержения. Приятно ли в самом деле размениваться по мелочам? Хватило бы на нечто более крупное. Охота ли передать иногда сплетню и ею заняться? А нельзя. Публика, которою живет журналист, крайне разнообразна. Не дайте заснуть за слишком серьезными вещами; надо иметь в виду и младенцев-читателей, которым еще нужны *диковинки*, как дикарям. А их большинство, и они всегда фонд издания.

Бросил бы издание охотно, помимо всего и потому, что пора отдохнуть. Слишком тревожно, слишком много душевных сил уходит. Но глянешь кругом: что же останется? В свое время «Московские вед<омости>» оказывали вид независимости и их читали; они воспитывали. Теперь даже Немецкий клуб ими брезгает. О петербургских изданиях нечего и говорить. В «Голосе» говорят иногда дельные вещи, но это — хамелеон, да и сама газета есть сборник[9]. Что же касается до публики низшего разряда, то правительство, если бы были лица размышляющие, должны б были ужаснуться о совокупности впечатлений, под которыми воспитывается публика «Русских ведомостей», «Сына отечества»[10] и «Развлечения»![11]

Напишите мне: кто есть читающие в Петербурге, кому б посылать газету? Вы обещали это, и я жду исполнения.

Выхлопочите разрешение розничной продажи. Это настоятельно нужно. Искус слишком длится — девять месяцев. «Русскому миру» не дали даже месяца пробыть под опалой[12].

Я Вас утомил. Но последнее слово. Вы еще пишете о *присяжных*[13]. Не спорю, что Вы, может быть, шире видите, чем я; у Вас горизонт шире. Но мне сдается, что это дело более раздувают вздыхатели по самоуправству. Я продолжаю быть уверенным, что беда именно от бестолковых назначений на судебные места, первое; и второе, еще важнейшее, — от *неравновесия между защитой и обвинением*. Адвокатура лишена нравственных начал, а прокуратура лишена дарований. Чего же Вы хотите? Вот бы делом было законодательство устроить на анг-

лийский манер, и правительству хотя бы побираться у адвокатов. При составлении новых судебных уставов боялись дать прокуратуре преобладающую силу вроде французского, но вышло не лучшее, хотя в противную сторону.

Впрочем, Вы ученый человек по этой части, а потому Вам и книги в руки. В заключение прошу не оставить меня Вашею дружескою внимательностию.

Ваш душевно

Н. Гиляров-Плато<нов>

20 октября 1872.

[1] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 458. Л. 11—14 об. (Копия **Ш.**: Там же. № 456. Л. 24—28.)

[2] Обер-прокурор Св. Синода А. П. Ахматов. См. примеч. 6 к п. 3.

[3] Первоприсутствующий Св. Синода митр. Исидор (Никольский).

[4] *Денежка* (деньга) — фракция медной копейки номиналом в полкопейки. Обозначение номинала на монетах со временем менялось, но именно в 1849—1866 гг. было «денежка», а впоследствии, в 1867—1917 гг., — «$^1/_2$ копейки».

[5] Ныне (с 1940 г.) здесь площадь Краснопресненская застава. Исторически тут находилась одна из городских застав — загражденный шлагбаумом проезд на пересечении Большой Пресненской улицы (с 1918 г. — ул. Красная Пресня) с Камер-Коллежским валом.

[6] Имеется в виду раздел «Обозрение московской Синодальной типографии» из Всеподданнейшего отчета синодального обер-прокурора за 1868 г., где, в частности, говорилось: «В прошедшем году на директора Хозяйственного управления возложено было обозрение московской Синодальной типографии, причем оказались некоторые недостатки по разным частям оной. Так, в отношении к кассе Типографии, общие итоги по приходу сумм, при ежемесячном свидетельствовании сих последних, не подписывались общим присутствием, а установленных внезапных ревизий совсем не производилось бывшим управляющим Синодальною типографиею, статским советником Гиляровым-Платоновым; равным образом не было заведено книг для записи повесток на суммы, получаемые с почты. Впрочем, при поверке кассы 1-го июня прошлого года она найдена вся налицо согласно с книгами. По бухгалтерской части не заведено главной книги, которая представляла бы систематический свод прихода и расхода кассы: бухгалтером велись только частные заметки <...> книгохранитель не вел последовательно книги прихода и расхода книг <...> книги типографского имущества не имелось; книга гартовых азбук велась общим итогом. <...> Наконец, замечена неисправность в ведении канцелярских дел, самом распределении их и в положении текущего архива <...> означенные беспорядки устранены <...> заведены повесточная и бухгалтерские книги...» (Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по Ведомству православного исповедания за 1868 г. СПб.: В Синодал. тип., 1869. С. 264—266). Позднее, 8.XI.1883 г., **Г.-П.** писал **П.** об этом: «О, горе и смех! *Я,* я жаловался на отсутствие повесточной книги и просил предписания завести ее, так как все конторские книги указаны „Правилами“, выше которых я не смел быть и которые повесточной книги не установляли. А фиктивный инвентарь фиктивного имущества испокон века состоял только в переписке старого инвентаря, что продолжалось и при мне и на нелепость чего именно я же и указывал, предлагая заменить эту бессмысленную переписку рацио-

нальным счетом. Но мне канцелярские неисправности, мною же указанные с требованием исправления, поставлены в вину!» (п. 71).

[7] О Нечаевском деле см. примеч. 5 к п. 12.

[8] одно вместо другого, смешение понятий (*лат.*)

[9] Ежедневная политическая и литературная газета «Голос» издавалась с 1.I.1863 г. по 7.II.1883 г. (редактор-издатель А. А. Краевский; с 1871 г. совместно с В. А. Бильбасовым); она была одной из наиболее влиятельных петербургских газет либерального направления и, поскольку в 1863—1865 гг. субсидировалась Министерством народного просвещения, имела в обществе репутацию официозного издания. И в 1870-е гг. благодаря связи с правительственными кругами «Голос» имел доступ к самой свежей и достоверной информации. **П.** был весьма невысокого мнения о «Голосе». 30.XII.1879 г. он писал вел. кн. Александру Александровичу: «Из петербургских газет ни одна не внушает уважения, но самая презренная из них и самая вредная — „Голос“. Известно, что в ней всё купить можно» (*Письма к Александру III*. Т. I. С. 256).

[10] Политическая, литературная и ученая газета «Сын отечества» либерального направления выходила в Петербурге с 1.I.1862 г. по 2.XII.1905 г. ежедневно (с перерывом в 1900—1904 гг.); в рассматриваемый период редактором-издателем был А. В. Старчевский.

[11] О журнале «Развлечение» см. примеч. 9 к п. 10.

[12] Розничная продажа номеров «Русского мира» была воспрещена 15.IX.1872 г. (см.: *ПВ*. 1872. 17 сент. № 221. С. 1). Сведения, что кара снята, до 20.X.1872 г. не публиковались.

[13] Имеется в виду передовая статья **Г.-П.** «Москва, 18 октября» (*СИ*. 1872. 19 окт. № 288. С. 1) о проблемах мирового суда. Кроме того, незадолго до этого **Г.-П.** поместил материал, специально посвященный присяжным: *Иеремия*. Суд и быт: (Письма к редактору) // Там же. 1872. 16 окт. № 285. С. 1—2.

19[1]

Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Дражайший Константин Петрович.

Посылаю Вам свою карточку (за Вашу я забыл Вас благодарить).

Настоящее письмо отправляю с бывшим моим корреспондентом из Радома, который испытал обычную участь корреспондентов: он вынужден оставить службу в своих краях, потому что губернатор нашел нужным наговорить ему дерзостей, хотя корреспонденция его нимало не касалась администрации и была не только невинна и справедлива, но почтенна.

Как бы то ни было, Снегирев (имя корреспондента-офицера) оставляет место и ищет другого. Я писал Н. В. Исакову[2], что в лице Снегирева он приобретет дельного и честного офицера, не говоря о том, что смыслящего[3]. Но, по несчастию, Снегирев хотя был тогда в Петербурге же, но не знал о моем письме и не решился представиться с личною просьбою к Исакову.

Если Вы найдете возможным подать моему пострадавшему корреспонденту, подайте. Он не из тех борзописцев, корреспондентов по ремеслу, которых я сам ненавижу. Это — офицер из семинаристов, сам пробивший дорогу, занимающийся с гражданским чувством. Сидя в Илже, например, он занялся вопросом о безженстве ксендзов, изучает его и разрабатывает [4]. Поддержать нужно.

Затем предаю себя снова Вашей дружеской внимательности и жду, не увенчаются ли Ваши ходатайства о снятии с меня опалы [5].

Как Вам кажутся мои третьегодняшние рассуждения о намерении централизовать управление просвещением? [6] Вчера мне сказал кто-то: «Резко!» Снова перечитал, вижу, что написано с горечью; горечь утаивать не считал нужным, потому что дело идет о предположении, и притом пока газетном. Но истинно, ведь это только разводить Нечаевых [7]. Как возможно так полагаться на чиновнический призор! Мало мы учены! Не прогрессивные ли книжки и методы, даже не только невинные, но и похвальные сами в себе, разводят гражданских клопов? Вы когда-то изъявляли сожаление, и я с Вами вполне согласен, о прокуратуре [8] в старом смысле. Просвещение нуждается в прокуратуре этого смысла, и ее подобает передать Министерству просвещения, — но не более. Подтянуть все себе в административно-положительном смысле в то же время — по моему мнению, охолостить просвещение и вдобавок прийти в конце к результатам, все-таки противоположным желаемому.

Ваш душевно
Н. Гиляров-Платон<ов>

23 октября 1872.

[1] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 458. Л. 15—16 об. (Копия **Ш.**: Там же. № 456. Л. 29—30.)

[2] Генерал-адъютант Н. В. Исаков в тот период (1863—1881) был главным начальником военно-учебных заведений. **П.** высоко ценил его, о чем свидетельствует его письмо императору от 14.III.1882 г. (см.: *Письма к Александру III*. Т. II. С. 376).

[3] В архиве **Ш.** сохранился черновик этого письма **Г.-П.**:

«Милостивый Государь Николай Васильевич.

В былое время вы оказывали мне честь, спрашивая иногда моей рекомендации о людях, Вам нужных.

[Я надеюсь] Не без гордости скажу вам больше, что [опыты] отзывы мои [Вас] не обманывали ожид<аний>.

На этот раз позвольте мне прямо обратиться к Вам с рекомендациею и просить за человека, которого хорошо знаю и за которого могу ручаться. Штабс-капитан Снегирев ищет [места] должности по военно-учебным заведениям ([по должности] дежур<ного> офицера). Могу уверить, что ведомство Ваше будет [далеко] не в потере, приобретая этого офицера.

Снегирев сам будет искать чести представиться Вам и объяснить свою просьбу. Если мое слово для Вас что-нибудь значит, положите и его на весы.

Пользуюсь настоящим случаем, чтоб уверить Ваше Превосходительство в том глубоком уважении, которое всегд<а> сохраняется в моей памяти, вместе с благодарнейшим воспоминанием [, которое у меня] о времени совместной нашей службы. Надеюсь, поверите Вы мне в том, что это не фраза.

Усердно покорный Вашего Превосходительства слуга
Н. Гиляров-Платон<ов>» (РНБ. Ф. 847. № 419. Л. 1).

[4] См., например: <*Без подписи*>. Из Радома. *14 сент*ября: Протест римско-католического духовенства против целибата // *СИ*. 1871. 19 сент. № 258. С. 2. Эта корреспонденция предваряется передовой статьей **Г.-П.**, где содержится призыв к правительству не мешать этому движению в польском католичестве, ибо оно дает возможность «приблизить сомнительную национальность к ее общему отечеству, даже — к господствующей вере» (Там же).

[5] В то время, когда писалось это письмо, кара, наложенная на издание **Г.-П.** 28.I.1872 г. (запрет розничной продажи), уже была снята «Распоряжением министра внутренних дел» от 20.X.1872 г. См. примеч. 2 к п. 20.

[6] Речь идет о передовой статье: <***Г.-П.***>. Москва, 20 октября // *СИ*. 1872. 21 окт. № 290. С. 2. В ней, в частности, **Г.-П.** передавал слухи о подготавливаемом преобразовании: «...самоуправление от университетов отнимется, и не только места ректоров, но даже кафедры профессоров будут наполняться по назначению от министерства». Он предлагал «предоставить земству народное образование и даже в более широком размере власти, чем теперь, а министерству — контроль», а не сосредоточивать, как предлагалось, «администрацию и контроль в одних руках».

[7] **Г.-П.** писал: «Нечаевское дело и подобные ему болезненные симптомы возбуждают опасение за *направление* народного образования <...>. Стоило бы навести справку, по каким книжкам учились и каких учителей слушали *нечаевцы* в тесном и метафорическом смысле» (Там же).

[8] Очевидно, **Г.-П.** ратует за исключительно надзорный — в противовес административно-репрессивному — характер деятельности как прокуратуры, так и Министерства народного просвещения.

20[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Любезнейший Никита Петрович.

Оба Ваши письма получил: одно с Е. В. Барсовым, другое — со Снегиревым. Последнего адресовал к Н. В. Исакову со своим письмом — не знаю, в чем оно могло быть ему полезным, от Исакова же получил я ответ, который при сем прилагаю.

Радуюсь за Вас, что Черный трибунал разрешил Вам наконец розничную продажу[2]. Я и не подозревал, что Вас так долго задержали под запрещением, иначе <бы> помянул и прежде об Вашем деле. Меня ввело в заблуждение то обстоятельство, что, быв в Москве в мае, свободно покупал я Вашу газету у раз-

носчиков, и не раз, на Троицкой жел<езной> дороге[3]. Оттого и удивился я, узнав, что Вы были под карою с 28 января![4]

Ну, теперь проводите свою барку между шхерами осторожнее! Вы видите, кажется, с кем имеете дело. Я все не умею вас поставить на свою точку зрения, — что надо наблюдать более всего за *отдельными словами* и *фразами* и не успокоиваться на той мысли, что общую идею статьи или общее направление оценят. Такой оценки не дождетесь и полагаться на нее пагубно.

Любезнейший Никита Петрович! Вы излагаете мне историю Пороховщикова, — верю, что она грязная[5]. Но Вы забываете, что подобными историями, и еще более грязными, кишит каждое Министерство. Чего же Вы достигнете обличением истории, *лично Вам известной* ближе? Достигнете разве того, что Порох<овщиков> с К° станет еще сильнее.

Не в истории дело опять-таки, а в выражениях, мимоходом сказанных. За ними наблюдайте. Объективируйте вопросы по возможности. А за Пороховщиковыми и им подобными не угоняетесь: ах, когда бы Вы знали, как их много и какая между ними солидарность! Понимаю очень, что в этом деле у Вас должно быть личное знание и личное негодование. Тем более резонов не пускать его на листы Вашей газеты.

По вопросу о присяжных я писал Вам также в виде примера и предостережения. Но вообще, по принципу, скажу Вам вот что. *Горе называющим белое черным и черное белым*[6]. Кто бы ни назвал — судом его оскорбляется чувство правды. Суд человеческий не может сказать: *невиноват,* ввиду преступления, явственно совершенного и даже сознаваемого преступником. Если учреждение таково, что побуждает суд сказать *невиноват,* ввиду вины явной, — стало быть, учреждение это фальшиво. Из-за формы, которую желательно было бы поддержать, не следует закрывать глаза от содержания, от правды. Это было бы лицемерием.

У нас эта форма — *нонсенс*. Присяжные, без *суда,* который держит их в руке и направляет, — составляют суд *толпы,* стало быть, отрицание идеи суда. У нас же *суда*, как следует, в силе, и в разуме, и в опыте, еще не видывали. Славны бубны за горами[7] — в Англии — да каковы тамошние судьи — и каковы наши? И какова тамошняя веками образованная дисциплина мысли, а у нас — всякий молодец на свой образец — плох.

Я понимаю, однако, что можно держаться за эту форму в надежде, что она еще как-нибудь успеет поддержать себя, и в страхе, как бы еще новое не было хуже нынешнего. Но мне жаль, когда вижу, что в форму веруют, как в фетиш, и всякий голос, вопиющий о правде, хотят заглушить криками: велика Артемида Ефесская![8] Мне иногда казалось, что и Вы становитесь в ряды этих защитников формы во что бы ни стало, и настолько, что раздражаетесь. По поводу этого раздражения я и предупреждал Вас.

За журналом Вашим действительно я слежу, особливо теперь, когда «Московск<ие ведомости>» стали ни на что не похожи. Они упали, и по этому случаю Вы своей газете могли бы приготовить лучшую будущность. Надо было бы

в таком случае издавать ее попригожее и привесть в некоторую систему. У Вас я замечаю тщательнее, чем где-либо, выбор выписок и сообщений из других журналов: часто встречается многое, что другие пропустили. Это так. Теперь же главный совет — все-таки округлять передовые статьи, *переворачивать стиль*[9], по возможности объективировать вопросы, тщательнее углаживать шероховатости в корреспонденциях. Вам надо во что бы то ни стало избежать *рыкающего льва*[10].

Барсова очень рад был видеть. Он дышит свежестью, от которой здесь отвыкаешь.

Обнимаю Вас.
Ваш *К. Победонос<цев>*

30 октября 1872
П<етер>бург

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 50. Л. 4—5 об. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 677. Л. 1—4.)

[2] См. «Распоряжение министра внутренних дел» от 20.X.1872 г.: «Министр внутренних дел признал возможным допустить розничную продажу нумеров газеты „Современные известия“, воспрещенную распоряжением от 28-го января сего 1872 года» (*ПВ*. 1872. 24 окт. № 252. С. 1). См. также примеч. 14 к п. 14.

[3] Московско-Троицкая железная дорога длиной 66 верст, соединившая Москву и Сергиев Посад, была открыта 18.VIII.1862 г.

[4] Об этом запрете розничной продажи см. примеч. 14 к п. 14.

[5] **П.** был невысокого мнения об А. А. Пороховщикове. В письме к вел. кн. Александру Александровичу от 3.X.1876 г. он так начал сообщение об одной из его авантюр: «Некто Пороховщиков, известный в Москве прожектер, спекулянт и человек весьма сомнительной репутации...» (*Письма к Александру III*. Т. I. С. 50).

[6] Выражение восходит к «Метаморфозам» Овидия (XI, 313—315), встречается и в «Сатирах» Ювенала (I, 3, 30).

[7] Начало известной пословицы. Полностью: «Славны (звонки) бубны за горами, а к нам придут, что лукошко».

[8] Новозаветная цитата. Ср.: «...они исполнились ярости и стали кричать, говоря: велика Артемида Ефесская!» (Деян 19: 28). Имеется в виду реакция язычников — жителей Эфеса — на проповедь ап. Павла.

[9] **П.** отсылает к совету Горация из сатиры 10 из 1-й книги, обращенному к писателям, — «чаще перевертывать стиль» (stylum vertere), т. е. совершенствовать свое сочинение, стирая написанное и воссоздавая его в улучшенном виде. В переводе М. А. Дмитриева: «...стиль оборачивай чаще» (*Гораций*. Собр. соч. СПб.: Биогр. ин-т Студиа биографика, 1993. С. 244).

[10] Новозаветное выражение. См.: «...противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев...» (1 Петр 5: 8).

21[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

9 ноября 1872. СПб.

Любезнейший друг Никита Петрович.

После письма, посланного к Вам с Е. В. Барсовым, дошло до моего сведения следующее. Считаю нужным тотчас написать Вам.

Вот видите ли — Вам на днях дважды угрожала опасность — и именно за те самые статьи, на которые я Вам указывал. По статье о народных школах[2], именно о выражениях, мною замеченных, был о Вас особый доклад[3] в Глав<ном> управ<лении> ценз<уры>. К счастью, незадолго перед тем была моя беседа с Лонгиновым, так что впечатление его, еще свежее, побудило его пройти вскользь и оставить доклад без последствий.

Другое дело — о Синодальном доме[4]. Говорят, что слово Вашей статьи возбудило бурю в Синоде — хотели поднимать дело, но каким-то образом уговорились лучше не поднимать.

Видите ли, любезный друг, как надо быть осторожным! Ради Бога, оглаживайте Ваши выражения. В последних нумерах Ваших все было гладко и в меру.

Пороховщиков — Ваша слабая струна. Весьма вероятно, что он мошенник, но лучше бы Вы его не касались именно потому, что на этом пункте Вам не трудно увлечься. Весьма возможно, что и дело о ранцах — было купли-продажи чиновничьей![5] Но берегитесь выражений!

Вот, сегодня доктор пишет очень резонно[6] — и дело г<лавным> обр<азом> само за себя говорит, купно с объявлением от Пороховщикова в газетах.

NB. Имейте в виду следующее:

Гроза на Вас не всегда возбуждается отсюда, а большею частью *из Москвы же*. Здесь иногда и хотели бы покрыть и пройти иное, но не могут, потому что является донесение из Моск<овского> ценз<урного> ком<итета>. Так было и по делу статьи о народных школах. Здесь *умолчали* о статье, но на третий день получена депеша от *Росковшенки*[7], и надо было пустить его в доклад! Вот какие дела! Что он за человек и в каких Вы с ним отношениях?[8]

Посылаю это письмо по почте, т<ак> к<ак> не вижу в нем ничего предосудительного ни для Вас, ни для себя. А Вы уведомьте при случае, получили ли его.

Обнимаю Вас. Ваш *К. П.*

Кланяйтесь от меня Е. В. Барсову[9] — сегодня получил от него письмо. Спасибо ему, что взял на себя труд для меня[10].

[1] Печатается впервые по копии **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 677. Л. 5—6. Местонахождение автографа неизвестно.

[2] Очевидно, имеется в виду статья: *А. З.* Школа и деревня: (История одного уголка) // *СИ*. 1872. 31 окт. № 300. С. 2. Здесь, между прочим, рассказывается, что «учитель предался кипучей страсти наспиртоваться и в таком виде частенько являлся с уроками к детям, а иногда и вовсе к ним не являлся. Как благоверный его папа скоро заслышал об этом и как он, в один прекрасный день, нежданно и негаданно для сынка навернулся к нему во всей обстановке ревизора и потом ученого педагога, в самом месте его профессии, отпотчевал березовыми прутьями, на взгляд старика и современными и вразумительными». Дети же «отвечают, что св. Николай есть Бог и св. Дмитрий Ростовский — Бог (местнопразднуемые), что Бог живет в церкви и на божнице (киот с иконами в избе)...»

[3] Подобные доклады при обнаружении «вредных» статей готовились членами Совета Главного управления по делам печати и выносились на суд всего Совета на очередном его заседании.

[4] Речь идет о ресторане «Славянский базар», помещавшемся в бывшем Синодальном доме. См. подробнее примеч. 10 к п. 17.

[5] **П.** имеет в виду передовую статью **Г.-П.** «Москва, 13 октября», в которой сообщалось: «Нам пишут с недоумением и огорчением, что в одной из здешних гимназий (именно во 2-й) начальство будто бы *принуждает* мальчиков покупать выписанные г. Пороховщиковым из Берлина ранцы из оленьей кожи для ношения книг и разных школьных принадлежностей» (*СИ*. 1872. 14 окт. № 283. С. 2); редактор с полным сочувствием приводил слова своего корреспондента: «Лучше заботиться о хорошем ученье, чем о способе переноса книг из дома в гимназию и обратно» (Там же). **Г.-П.** к тому же считал, что ранцы могут быть вредны для здоровья, поскольку вызывают «грудную болезнь» у солдат, и по этому поводу живописал: «Нести в руках ношу, под мышкой или просто, и притом попеременно в обеих руках, по нашему мнению, лучше всего для детского возраста. Пусть мальчик иногда даже подбросит, идя, свою сумку: это будет резвость, но резвость на здравие, а не на упокой, резвость гимнастическая» (Там же). Педагоги, полагал **Г.-П.**, «из ложного ли патриотизма или из пруссофильства, перешедшего меру, желают придать детям вид прусских солдатиков, хотя бы в прямой вред детскому здоровью. Об ущербе родительскому карману уже не говорим. <...> Не кроется ли здесь уже патриотическое желание приучить детей заранее ко всеобщей воинской повинности, а для этого — и к ношению ранцев, и к фрунтовому однообразию вообще, простирающемуся до формата и цвета бумаги?» (Там же).

Эта история имела продолжение ввиду опровержений, помещенных в «Правительственном вестнике» и «Московских ведомостях». **Г.-П.** сообщал гр. И. Д. Делянову, с которым был знаком и общался с середины 1850-х гг. и который в тот период (1866—1874) занимал пост товарища министра народного просвещения (приводим сохранившийся в архиве **Ш.** черновик письма):

«Милостивый Государь Иван Давыдович.

Известие, сообщенное в „Современные известия“ одним из родителей об обязанности, [которую возлагало] налагаемой начальством здешней 2-й гимназии на учеников — покупать Пороховщиковские ранцы, — было отвергнуто в „Правител<ьственном> вестн<ике>“ и в „Москов<ских> вед<омостях>“. И отвергнуто в категорической форме: „следовательно, «Современные известия» говорят несправедливо“ [разумеется], но не буду печатно вступать в спор с официальным извещением [Министерства], ни даже объяснять того, что известие о принужде-

нии носить ранцы принадлежит не самим „Соврем<енным> известиям“, а тем родителям, которые сообщили об этом в газету: не буду об этом печатно спорить по той основательной причине, что в настоящее время [спорить] спор с Министерством народного просв<ещения> совершенно столь же опасен, как с папством Средних веков, и [и последствия бывают те же самые] ведет к тем же последствиям.

Но пользуюсь честию личного знакомства с Вашим Прев<осходительством>. Я не могу удержаться, чтоб не препроводить [Вашему Превосходительству] Вам в подлиннике сообщения, которые мною получены *уже после* опровержения.

По меньшей мере страшно было бы предположить, чтобы четверо лиц сговорились лгать на гимназическое начальство. А отсюда следует, что не моя газета распустила ложное сведение, а Министерство введено в заблуждение ложным донесением. Мне же по милости этого пришлось понести пред публикою совершенно незаслуженно репутацию журналиста, распускающего о гимназическом начальстве *совершенно несправедливые* сведения.

С [соверше<нно>] истинным уваж<ением> и соверш<енною>
преданностью честь имею быть» (РНБ. Ф. 847. № 405. Л. 1—2 об.)

[6] Имеется в виду неподписанная статья «Берлинские учебные ранцы (Заметка врача)», напечатанная в качестве передовой (*СИ*. 1872. 8 нояб. № 308. С. 1). Автор высказался против использования ранцев, поскольку из-за них развивается сутулость.

[7] И. В. Росковшенко, председатель Московского цензурного комитета в 1865—1879 гг.

[8] В течение трех лет (1859—1862) И. В. Росковшенко был коллегой **Г.-П.** — таким же рядовым цензором. Сведений об их взаимоотношениях отыскать не удалось.

[9] Е. В. Барсов начиная с 1868 г. проживал в тех же московских домах, что и **Г.-П.**, и входил в его ближний круг.

[10] О каком деле идет речь, нам неизвестно.

22[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Любезнейший друг Никита Петрович.

П<етр> Ив<анович> Бартенев сам при свидании расскажет Вам, каких подкопов под Вас он был невольным свидетелем, проживая здесь в Питере на квартире у Лонгинова.

Я же опять к Вам с добрыми советами, которыми не скучайте, потому что они идут от доброго расположения и участия.

Не трогайте Вы Пороховщикова. Плюньте на него. Это у Вас больное место. Всех гадостей не вычерпаете в своей газете. А этой гадости потому именно не следует Вам касаться, что она Вам ближе известна и у Вас от нее наболело. Между тем Пороховщиков много может Вам напакостить через Кн. Долгорукого.

Я уже поминал Вам последний раз, что Вам следует вывести свое издание на свет и поставить его выше и что теперь время к тому благоприятное[2] на московском газетном рынке.

Но для этого необходима известного рода выдержка, внутренняя дисциплина. Не пускайте мелкого рыночного товара в свое издание: всего, что бьет на грошовый скандал и что так сквозит иногда в местных корреспонденциях. К чему Вам, напр<имер>, такой хлам, как корреспонденция из Мурома в № 320? Кого может интересовать пошлое известие о каких-то купеческих невестах?[3] Оно может только произвесть скандал в Муроме, когда листок там получится.

Сегодняшним № 321 я тоже недоволен. Неловко Вы поставили статью о Бахметеве и исправнике Ярослав<ов>иче.[4] Выражается негодование, зачем последнего не предают суду. Но под ним не видно основания. Сравнивать это дело с д<елом> Бахметева — значит сравнивать несоизмеримое. Там — очевидное действие, обнаруженное, был суд и налицо результат его. Здесь — нет осязательного факта. Есть только корреспонденция, Вами же когда-то полученная. А что, если тогда было соврано и преувеличено, как часто бывает? Что, если Губернатор не нашел поводов возбуждать суд, потому что дело оказалось вздором?

Если Вы имеете фактическое убеждение и доказат<ельст>во в действительности факта, следовало прежде всего выставить их, удостоверить — вот что случилось, — тогда завязался бы узел, на котором винт обвинения и получает какой-нибудь вид. А теперь оно никакого виду не имеет и висит на воздухе. Разберите-ка статью: что из нее следует? Что Губернатору следует отдавать человека под суд вследствие газетной корреспонденции — только! И по этому поводу Вы негодуете: воля Ваша, негодование *формулировано фальшиво.* И вот Вам, любезнейший Н<икита> П<етрович>, больное место, из которого исходят грохоты и обвинения на Вашу газету. Немудрено, когда Губернатор вознегодует на статью — и он будет прав, — независимо от вопроса о виновности или невиновности.

Другая статья — по поводу корреспонденции из Лавры[5]. Тоже неладно, тоже нет основания. Тоже повод к нареканиям. Разберите-ка корреспонденцию — ведь она на воде писана. Так и видно, что она вся выведена из впечатления, собранного по слухам. *Мне вот что сказали* — таково основание. Сказали мальчики! Иное дело, когда бы рассказ был связный, определительный, *реальный*. А тут ничего подобного нет, а повествуется с уверенностью. Может, все дело и так было, но серьезный читатель, прочитав Вашу статью, покачает головою.

Ради Бога, поберегитесь от корреспондентов, придерживайте негодование логическим анализом, придерживайте слово до тех пор, пока не соберутся материалы для спокойного суждения.

Dixi[6]. Что бы мне за надобность упражняться в сем писании, когда бы я не имел в виду Вашего блага и Вашей газеты. —

22 ноября 1872 Ваш *К. Побед<оносцев>*
П<етербург>

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 50. Л. 6—7 об. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 677. Л. 7—9.)

[2] Ср.: «Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения» (2 Кор 6: 2).

[3] См. неподписанную корреспонденцию от 10.XI.1872 г. «Из Мурома: Земский перевоз без платы. Нечто о нашем бульваре. Санитарные предосторожности. Противозаконная торговля. Вызов московских женихов. Водокаты» (*СИ*. 1872. 20 нояб. № 320. С. 3), автор которой после сообщения о муромских событиях делал шутливое отступление (очевидно, предназначенное больше для жителей Мурома, нежели для москвичей, несмотря на предуведомление): «Это все касается муромских граждан и для вас, москвичей, неинтересно. Но не заинтересую ли я москвичей следующим известием? У нас в Муроме есть две невесты с весьма солидным приданым — у одной пять фунтов серий, у другой два; приданое, как видите, хоть куда; одно только несчастие, что родители оных невест требовательны, требовательны до такой степени, что все наши женихи оказались негодными. А так как весьма прискорбно будет, если все эти фунты серий пропадут бесследно, то я решился известить московскую публику, не найдется ли у нее лишних два жениха, годных для наших невест, и если паче чаяния московские женихи будут признаны лучше наших доморощенных, то я надеюсь, что они дадут мне хотя по одной серии с фунта за благое извещение».

[4] Имеется в виду передовая статья: <**Г.-П.**>. Москва, 20 ноября // Там же. 21 нояб. № 321. С. 2. В ней упоминается дело дмитровского предводителя дворянства П. В. Бахметева, преданного суду за то, что в порыве негодования назвал «мошенником» председателя рекрутского присутствия отставного солдата Парицкого, вымогавшего взятки. Бахметев, ввиду «уменьшающих вину обстоятельств», был оштрафован на 5 руб. Дмитровский же исправник Н. И. Ярославович (о «противозаконных экзекуциях», им производимых, сообщалось еще в январском выпуске газеты № 4; см. примеч. 5 к п. 24) не был предан суду, хотя и, как пишет **Г.-П.**, «находится под следствием». По закону, предводителей дворянства предает суду 1-й департамент Сената, а исправников — местный гражданский губернатор. **Г.-П.** и «позволял себе поэтому высказать надежду, что г. гражданский губернатор даст ход делу, — предоставить правосудию сказать свое слово, и этим доставить, может быть, и самому г. Ярославовичу торжество невинности». Пока же «юридическая невредимость г. Ярославовича не может не производить тягостного впечатления, особенно на местных жителей, и тем более ввиду наказания, которого не избег другой деятель того же уезда за проступок, может быть менее важный».

[5] Речь идет о неподписанной корреспонденции: Из Сергиевского посада. *18 ноября*: Плавная грязь. Выборы. Зачем остановилось устройство по новому положению. Забитый насмерть мальчик. Отрава речки нечистотами // *СИ*. 1872. 21 нояб. № 321. С. 3. В ней, главным образом со слов мальчиков, встреченных корреспондентом на улице, сообщалось о происшествии в их духовном училище, располагавшемся в женском странноприимном монастырском доме: «Прошедшего октября месяца, кажется 12 числа <...> отец Гавриил, заведующий училищем, в это утро, взойдя в классную залу, нашел мальчиков шумевшими. Он крикнул „цыц!“ Мальчики имели неосторожность засмеяться, и это его так взбесило, что он собственноручно стал бить своих питомцев». Один из них, восьмилетний Николай Майков (имя выясняется из последующих публикаций газеты), «во время битья как-то ухитрился ударить отца Гавриила ногой по голове. Остервенение о. педагога дошло до того, что даже бесчувственного бил». Матери, возмутившейся этим, выдали 5 рублей серебром «мировой сделки», однако через месяц ребенок скончался. **Г.-П.** обратил особое внимание своих читателей на эту корреспонденцию в передовой статье, где сообщал, что изложенные в ней факты были проверены редакцией и подтвердились (см.: Там же. С. 2). Позднее в газете появились и другие материалы об этой

истории, в частности заставляющие серьезно сомневаться, побои ли вызвали смерть мальчика. См. письмо его родителей, утверждавших, что он скончался от простуды: *Майков М. С., Майкова А. С.* <Письмо в редакцию> // Там же. 30 нояб. № 330. С. 2. См. также весьма положительную характеристику о. Гавриила: *Толстой Дм. Н., гр.* <Письмо в редакцию> // Там же. 10 дек. № 340. С. 2.

[6] Я сказал (*лат.*).

23[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

(Другое[2] письмо надо прочитать прежде.)

Вчера писал Вам, а сегодня еще прибавляю, что еще вспомнил.

Будьте осторожны с делом монахини Митрофании о векселях[3] и дарственных актах Солодовникова[4].

Во-1-х, потому что в этом деле принимают участие Высочайшие особы[5] за Покровскую общину.

Во-2-х, мать Митрофания — великая пройдоха и может, когда постарается, наделать Вам бед.

В-3-х, и главное, потому что дело не стоит того жара, с которым, помню, Вы брались за него. Вообще, к делам юридич<еского> свойства надо прикасаться осторожно. Что представляется нечестным по нравственному впечатлению, может оказаться вполне законным по форме. Следовательно, если критика явления будет слишком резкая по нравственному впечатлению, она может оказаться обидною и несправедливою с юридической точки зрения.

На днях забралась ко мне мать Митрофания, целых 2 часа меня мучила. При том, ознакомившись поневоле со всеми актами и с письмами Солодовникова, я увидел, что акты все составлены по форме, вероятно, получат законную силу и что если мать Митр<офания> уловила благоприятную минуту для убеждений и склонений, то нельзя видеть со стороны ее и нравственного насилия: письма Солодовн<икова> убеждают в том, что все со стороны его делалось не только добровольно, но и с некоторою ревностью.

Кстати, сегодня я слышал от Кн. Мещерского, что к нему в газету доставлена была статья от некоего г. Долинского, редактора «Деятельности»[6], с резкими и грубыми нападками на Вас, по поводу этого дела и статей Ваших. Видите, откуда еще стрелы мечутся. В отсутствие Мещ<ерского> статью эту уже набрали для газеты, но он, вернувшись, велел выкинуть ее.

Ваш *К. Победон<осцев>*

23 ноября <1872 г.>

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 50. Л. 8—9. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 677. Л. 10—11.)

[2] Т. е. предыдущее. Очевидно, оба письма были переправлены в Москву вместе, с какой-то оказией.

[3] Впервые **Г.-П.** обратился к делу настоятельницы серпуховского Владычного монастыря игум. Митрофании (в миру баронесса П. Г. Розен, фрейлина Императорского двора), допускавшей подлог и подделку векселей ради упрочения экономического благополучия своей обители и впоследствии официально обвиненной в мошенничестве, еще в январе 1870 г. Именно он первый из русских журналистов начал писать о финансовых аферах игуменьи в своей газете «Современные известия» (с 4.I.1870 г. по 8.V.1873 г. — 7 статей). Судебное заседание происходило в Московском окружном суде 5—18.X.1874 г.; подробнейшие отчеты публиковались, в частности, в «Современных известиях», а впоследствии были выпущены отдельным изданием с предисловием **Г.-П.**: Дело игумении Митрофании с ее портретом и со снимками почерков на документах, подлежавших экспертизе: Подробный стенографический отчет, составленный Е. П. Забелиной. М.: Изд. «Совр. известий», 1874. <2>, XIV, 196 с.

О том, почему **Г.-П.** принял такое близкое участие в этом деле и предал его широкой огласке, он сам рассказал в своих мемуарах. Задушевный друг **Г.-П.** еще с семинарской поры, прот. И. Н. Александровский, в тот период служил в храме Николая Чудотворца на Пупышах, церковный староста которого, купец В. И. Палшков, пожертвовал перед смертью известную сумму на храм, и ее, по совету **Г.-П.**, решено было определить на создание при храме церковно-приходской школы. Дальше случилось непредвиденное. **Г.-П.** писал: «Староста, безнадежно больной, составил завещание и обратился к батюшке, чтобы надоумил, как распорядиться частию имущества, предназначенного им на богоугодные дела. Совет и здесь принят. Купец умирает; дела его принимают душеприказчики. Но прознала о завещании известная мать Митрофания; уговорила дать ей капитал, назначенный на церковь и школу; заручилась разрешением митрополита (Иннокентия). Иван Николаевич, сохраняя всю почтительность к архипастырю, противостал этому хищению, нарушавшему волю завещателя, и поплатился за ревность о правде и о доме Божием: он немедленно переведен был с достаточного прихода в бедный. Я уже издавал газету. Стороною услышал о происшествии, навел справки и написал заметку, оканчивавшуюся словами: „Враги церковного просвещения, посягатели на церковную собственность, радуйтесь“. Намеренно я не виделся с пострадавшим; я знал, что он упросил бы меня воздержаться от огласки. Но я исполнил долг, как понимал его» (*Из пережитого. 2009*. Т. 2. С. 78). Имеется в виду передовая статья «Москва, 3 января» (*СИ*. 1870. 4 янв. № 3. С. 2). В ней имя игум. Митрофании еще не было названо. Заключительные слова являлись перепевом традиционных акафистных песнопений: «Ненавистники духовенства, враги церковного просвещения, посягатели на церковную собственность, радуйтесь! / А как хотелось бы нам сказать: „Нет, что-нибудь не так! Тут какая-нибудь ошибка!“».

[4] В № 52 «Современных известий» от 22.II.1871 г. под рубрикой «Заметки и известия» со ссылкой на «Биржевые ведомости» **Г.-П.** поместил сообщение: «В последнее время в Москве появились векселя на имя совершенно неизвестного купца, который, впрочем, *нигде* в мире не торговал, на 200 000 рублей. Векселя эти выданы ему покойным М. Г. Солодовниковым, судившимся по известному скопческому делу. При этом, по странной причине, векселя эти передаются из рук в руки с каким-то удостоверением подписи руки, выданным игуменею серпуховского Владычного монастыря Митрофаниею, с приложением печати Покровской общины» (с. 2). Московский миллионер Солодовников с января по октябрь 1871 г. находился в заключении под следствием, где

и скончался. Там его и посещала игумения. Наследников Солодовникова возмутила внезапная потеря значительных средств. В передовой статье «Москва, 23 февраля» **Г.-П.** недоумевал: «Что так побудило сердобольствовать Солодовникова об общине сестер милосердия именно в часы заключения?» Удивляло как то, что большое пожертвование получено «от лица, которого Судебная палата нашла основательным заподозрить не только в принадлежности к секте, ругающейся внутренно над православием, но и в содействии к ее распространению», так и то, что мать Митрофания, которая «по своему званию монахини, не могла надписывать бланка», все же делала это (см.: *СИ*. 1871. 24 февр. № 54. С. 1—2).

[5] 15.I.1885 г., уже после суда над игум. Митрофанией, о ней, жившей тогда в Одессе, так писал **П.** правящему архиерею еп. Никанору (Бровковичу): «Это женщина, которой опасаться надо. Она обманула уже многих, доверившихся ей. И вел<икая> княгиня Александра Петровна, и покойная Императрица горько сожалели об оказанном ей когда-то доверии. Последние дни покойного митрополита Иннокентия были отравлены последствиями его уступчивости проискам этой женщины» (Переписка К. П. Победоносцева с преосвященным Никанором, епископом Уфимским // *РА*. 1915. Кн. II, вып. 7. С. 377).

[6] «Газета экономическая, политическая и литературная» «Деятельность» издавалась экономистом В. Л. Долинским в Петербурге с 1.I.1868 г. по 23.II.1872 г. (первые полгода называлась «Содействие русской торговле и промышленности»). Вскоре, в самом начале декабря 1872 г., Долинский отпечатал упомянутую свою обличительную статью отдельным листком под названием «Полмиллиона покойного Солодовникова не дают покоя живым». **Г.-П.** посвятил ее разбору передовую статью: Москва, 4 декабря // *СИ*. 1872. 5 дек. № 335. С. 1. Позднее, подтверждая свою правоту, **Г.-П.** в качестве передовой статьи поместил подробнейший отчет Ф. Н. Плевако по делу игум. Митрофании: Москва, 28 декабря // Там же. 29 дек. № 358. С. 1—2.

24[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Москва, 6 дек<абря> 1872.

Муромская корреспонденция с известием о невестах, разумеется, есть пошлость; я над ней и останавливался, с сильным желанием выбросить, но если торговые интересы не могут быть оставляемы совсем без внимания, нельзя было не сделать угождения корреспонденту, ищущему разыграть фельетониста. Что же делать, вообразите: публика, то есть подписчики, изъявляют мне только одного рода неудовольствие — за сухость и серьезность, выражая свои требования разными видами, то сожалея, что нет фельетона, как в других газетах, то советуя давать повестушки, как «Сын отечества», то упрекая, почему слабее газета происшествиями, которыми занимаются «Русские ведомости». И без сомнения, склонись я на эти советы, заявляемые ежегодно из разных сторон, и с Москвы, и с губерний, газета получила бы чрезвычайный успех. Но мне и то и другое и третье противно. Однако нельзя и давать молитвен-

ник вместо ежедневной газеты, не погубив ее. Наконец скажу, невозможно держать постоянно строй даже на такой политической высоте, на какой, например, желали держать «Моск<овские> вед<омости>». То будет уже задача другая. «Моск<овские> вед<омости>» хотели быть русским «Times'ом»[2], насколько это возможно в России, давать лекции министрам и Госуд<арственному> совету, соуправлять им, помогать в законодательстве и администрации. Я за это и не берусь, да и нахожу невозможным при политических условиях России. В сущности, вся независимость, которою хвалились «Моск<овские> вед<омости>», есть пуф: они всегда держались отношениями, играли в отношения, иногда удачно, иногда неудачно (последнее, например, когда задумали было низвергнуть Валуева[3]). Говорю это не по внешнему наблюдению, но по внутреннему опыту; я ведь стоял отчасти около самой этой лаборатории.

Да, впрочем, что об этом толковать; это слишком известно и несомненно, как несомненно и то, что начиная с 1856 года, то есть с «Русского вестника», было, может быть, до десятка перемен декорации в quasi-убеждениях по известным вопросам, оказывавшихся на деле отчасти внушениями личного самолюбия редакторского, отчасти торговыми соображениями, отчасти подслуживанием сначала пошлому либерализму, а потом властям.

Беру «Москов<ские> вед<омости>», потому что это был еще единственный сносный орган, заслуживающий этого имени. «Москва» показала, что быть искренним без приятельских отношений с тем из удельных князей, который в силе, невозможно. Не скажу, чтоб Аксаков был свободен от этих ходов по правительственным лестницам. Он забегал во дворец, чрез теперешнюю жену[4]; устроивался с Минист<ерством> иностр<анных> дел и проч. Но независимости было больше и задор бестактнее: пропал.

Я сейчас употребил выражение: *удельных князей*. Спешу объяснить его. Я смотрю на Россию теперь, словно как еще продолжаются у нас уделы; только уделы эти разграничиваются не территориально, по областям, как прежде, а по министерствам. Каждый министр в своей сфере есть удельный князь. Правительства, к сожалению, в европейском смысле нет. Сплошь и рядом видишь: здесь такие принципы, там другие; тут человека не терпят, там принимают и проч.

Нет, я задался другою целию: Бог с ними, с администраторами и законодателями. Содействовать общественному воспитанию — вот что нужно и что казалось мне — возможно. События общественные и политические должны доставлять материал, из которого по мелочам, в виде выводов частных, проводить объединяющие начала мысли и гражданского поведения — в публику. А для этого надобно прежде всего ниспуститься до публики, до некоторой степени пожертвовать собою. Ах, если бы Вы знали, до чего мелки интересы у большей части публики и до чего ей далеко мечтать еще о каких-нибудь высших политических вопросах, когда она на каждом шагу, в ежедневном быту, чувствует оскорбляемыми справедливость и нравственную, и юридическую. А поэтому-то ее даже винить нельзя. Извольте теперь петь дмитровским горожанам о высших политических вопросах, когда их безнаказанно хватает за ворот исправ-

ник![5] Это еще лучшее, что они возмущаются этими мелкими самоуправствами. А крайне худо то, что большинство, примиряясь с этим, почерпает для себя пример и побуждение переносить те же начала во все гражданские отношения. Горе, горе! Интерес теперь господствующий — лотерея и биржа, воровство облагороженное и голое, и наглость обмана во всех видах. Краевский[6] мне говорил третьего года, с уверенностью испытавшего человека: «Поверьте, передовые статьи и разные там этакие рассуждения — публике этого совсем не нужно». Он говорил правду, и я сам очень хорошо знаю это. Прошлого года осенью или началом нынешнего, не помню, меня позабавил отзыв кн. Черкасской[7]: «Вероятно, у вас теперь подписка поднимается». Она разумела обилие серьезных статей, тогда как подписка, и именно вследствие этого, *падала*. Серьезные статьи нужны только для *славы* журнала, а не для успеха.

О дмитровском исправнике я говорил на основании данных. Каких? — Да я видел и перелистовал официальные бумаги: Ливен[8] теперь товарищ министра, но он, которому подслужился Ярослав<ов>ич[9] доносами, чтоб свалить Фон-Визина[10], развязал этому исправнику руки на все; а чтобы отмстить за дело, возбужденное против облюбленного исправника, он же и именно за то же постарался подвести Бахметева под суд, — Бахметева, который вступился за поронных без права и милосердия крестьян.

Лаврское дело я знаю не по одной корреспонденции, а по сообщению врача, свидетельствовавшего синяки и рубцы.

Сомнительность и того, и другого факта обязана лишь тому, что тот и другой означены осторожно, более намеком, чем полным изложением. А изложить вполне — ведь волосы стали бы дыбом, и, конечно, Вы-то не посоветуете производить такой скандал. Но в таком случае совсем молчать? — При теперешнем настроении, действительно, пожалуй, так. Теперь, например, рассказывали мне, что журнал «Грамотей»[11] нельзя почти издавать, ибо цензура вычеркивает все, где только попадется что-нибудь неблагоприятное для становых приставов или где говорится о крестьянской бедности. Крестьян надеются, должно быть, разубедить в их бедности и привести в умиление от приставов! У меня скоро выйдет отдельною книжкою «Бабанинское дело»; автор прибавил было к заглавию: «Посвящается недругам института присяжных»[12]. Цензор вымарал!

Мать Митрофания — *ужасная* женщина. На моем журнальном поприще мне пришлось с нею встретиться прежде всего по делу о деньгах, завещанных одним купцом на церковное училище и выманенных ею чрез митрополита Иннокентия. Тут много было черного, и между прочим пострадал священник со старостой, осмелившиеся было отстаивать завещанные деньги[13]. Январская моя статья была возбуждена собственным ее письмом. По делу Солодовникова многое слышал; тоже просматривал бумаги и покачиваю головой, между прочим, и на Ваше заключение. Между прочим, знаете ли Вы, что обязательство Солодовникова предъявляется втрое, по крайней мере вдвое, против действительного состояния, какое у него было? Векселя и расписки выплывали на свет Божий постепенно и остановились лишь тогда, когда достигли цифры, почти до руб-

лей тожественной с цифрою имущества, описанного по смерти покойного [становым] судебным приставом. Но дело в том, что описанное имущество-то было общее, трех братьев[14].

Но, впрочем, Бог с ними, совсем. Дело в том, что или молчать, или — говорить по совести. Если прилаживаться к тому, что по глубокому убеждению чувствуешь не только дурным, но развращающим, кончишь тем, что потеряешь совесть. Я Вам глубоко благодарен за предостережения и буду иметь их в виду, насколько хватит сил умственных и нравственных. Прошу Вас об одном только: не судите слишком строго. Вы живете в мире, откуда многое представляется <в>верх ногами. Очень многое даже совсем не видно; со многим столица примиряет, что здесь ощущается во всей болезненной живости.

Я Вам надоел письмом; но прошу прощения и буду продолжать, ибо давно сбирался, откладывавши только до получения письма от Вас. Оказии пока нет, и потому пишу по почте. Смущают меня сейчас два дела.

Первое: генерал-губернатор изъявляет готовность ходатайствовать о снятии с меня предостережений. Не удивляйтесь этому. Совершилось это даже без моей просьбы, вследствие разговора с председателем Цензурного комитета Росковшенко, который по цензуре мне старый сослуживец и который хотя кусает меня по требованиям службы и из страха, но выражал генерал-губернатору сожаление о Дамокловом мече, висящем над «Соврем<енными> изв<естиями>», и обратил внимание на возможность ходатайствовать. Извещенный об этом, я был сам у Долгорукова, слышал то же обещание, но вместе и выражение опасения, — «Но как-де примут ходатайство?» Поэтому, не решаясь писать, он хочет словесно просить, когда будет в Петербурге. Хорошо бы угладить путь этому ходатайству.

Второе, самое неприятное, что меня сильно потрясло. Сегодня читаю в петербургских газетах, что 14 декабря будет слушаться в Сенате мое дело, которое я считал поконченным, — по жалобе Царицынского земства[15]. Палата меня оправдала; но оказывается, что был протест прокурора, о чем я и не знал. Что такое, напишите, ради Бога поскорее! Как так, почему протест, из-за чего и отчего я не знал ничего? Сами протоколы Земского собрания свидетельствуют о его беспорядочности более, чем несчастная корреспонденция. Но меня дело это тревожит ужасно.

Писать больше нет места, чему, я думаю, и Вы рады. Будьте здравы и счастливы и не забывайте душевно преданного

Н. Гилярова-Плат<онова>

1 Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 458. Л. 17—18 об.; № 465. Л. 11—12 об. (Копия **Ш.**: Там же. № 456. Л. 31—36.) Небольшие фрагменты опубл. в составе статьи: *<Шарапов С. Ф.>*. † Памяти Н. П. Гилярова-Платонова (13 октября 1887 года) // *РД*. 1888. 8 окт. № 41. С. 2—3; перепеч.: *Неопознанный гений*. С. 17.

[2] «The Times» — ежедневная умеренно-правая газета в Великобритании, одна из самых авторитетных в мире; основана Дж. Уолтером в 1785 г.; первые три года называлась «The Daily Universal Register» («Ежедневный перечень новостей»).

[3] Имеется в виду тот период (1861—1868), когда либерал по своим взглядам гр. П. А. Валуев был министром внутренних дел. Показателем могущества Каткова как политика и независимости как журналиста служит история его борьбы с министром внутренних дел П. А. Валуевым. Конфликт разгорелся в 1866 г. в связи с поднятым в газете М. Н. Каткова вопросом о предоставлении крестьянам Малороссии преимущественного права на покупку земли у разорившихся польских помещиков. Валуев же тратил значительные средства на поддержку их обанкротившихся имений. В пылу борьбы Катков печатал разоблачительные материалы о деятельности министра, и в ответ на его издание посыпались предостережения: 31.III, 6 и 7.V.1866 г. От закрытия газету спасло вмешательство Александра II, чему поспособствовали обстоятельства: 4.IV.1866 г. в него стрелял Д. В. Каракозов, и это изменило отношение царя к министру, не обеспечившему ему безопасности. 25 мая Катков получил аудиенцию у царя, после которой он продолжил редактирование «Московских ведомостей», Валуеву же спустя некоторое время, 3.IX.1868 г., пришлось покинуть пост министра.

[4] Имеется в виду, что А. Ф. Аксакова была в 1853—1865 гг. фрейлиной Марии Александровны — сначала великой княгини, затем, с 1856 г., императрицы.

[5] Речь идет об *исправнике,* т. е. фактическом начальнике, Дмитровского уезда Н. И. Ярославовиче, против которого в июне 1871 г. было заведено дело о превышении власти. **Г.-П.** не счел уместным поместить корреспонденцию о скандальном происшествии и потому только пересказал суть случившегося: «Не станем приводить в подробности рассказа. Достаточно сказать, что это было нашествие; не то чтобы Батый, а так, вроде римского проконсула в малом размере. Проконсул, то есть исправник, предпринял объезд по вверенной ему провинции, то есть уезду, для взыскания недоимок. „Отпороть"; „пори в мою голову", „там жалуйся кому хочешь, а ложись". <...> Порка производилась должностными лицами в присутствии сельских судей, даже при их участии, хотя по единственному распоряжению исправника. <...> Сечено было хорошо. По крайней мере, на одном из крестьян, осмелившемся изъявить неудовольствие, местный врач нашел рубцы. <...> Вот вам и суд сельский» (<***Г.-П.***>. Москва, 4 января // *СИ*. 1872. 5 янв. № 4. С. 2). Ярославович еще в начале 1871 г. служил помощником исправника в Богородском уездном полицейском управлении (см.: Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1871 год. СПб., <1871>. Ч. II. Стб. 195). В это время светл. кн. А. А. Ливен уже был губернатором. См. ниже примеч. 8.

[6] А. А. Краевский в тот период, с 1863 г., был редактором-издателем общественно-политической газеты «Голос».

[7] Речь идет о жене славянофила кн. В. А. Черкасского кн. Екатерине Алексеевне.

[8] Имеется в виду светл. кн. А. А. Ливен, 27.XI.1872 г. занявший пост товарища министра государственных имуществ на 7 лет (вплоть до 25.XII.1879 г.). До этого, с 11.IX.1870 г., он был губернатором Москвы.

[9] О дмитровском исправнике Н. И. Ярославовиче см. выше примеч. 5.

[10] Имеется в виду И. С. Фонвизин, московский губернатор с 7.X.1868 г. по 11.IX.1870 г.

[11] «Народный журнал» «Грамотей» издавался с 1861 г. в Петербурге И. Н. Кушнеревым, который в 1869 г. стал выпускать его в Москве; в 1870 г. его сменил Н. Ф. Савич, в 1871 г. — А. А. Голубев; в 1872—1876 гг. издателем был Н. И. Алябьев. **Г.-П.** в этот пе-

риод неоднократно публиковал в своей газете объявления о подписке на этот журнал, а также сообщения о содержании вышедших из печати книжек. См., например, объявление о ноябрьском выпуске «Грамотея»: *СИ*. 1872. 6 дек. № 336. С. 4.

[12] Предположительно упоминаемая книга была посвящена судебному делу, связанному с полицейским чиновником Н. И. Бабаниным, но увидела ли она свет, выяснить не удалось: в газете **Г.-П.** в ближайшие месяцы она, в отличие от других изданий, отпечатанных в его типографии, не рекламировалась.

[13] Об истории с завещанием купца В. И. Палшкова см. примеч. 3 к п. 23.

[14] Сведения **Г.-П.** не точны: на то время у М. Г. Солодовникова оставался только один брат, запойный пьяница Василий; два других младших брата — Никита и Алексей — скончались соответственно в 1862 и 1869 гг.

[15] См. объявление в газете «Судебный вестник» под рубрикой «Судебный указатель» (1872. 3 дек. № 213. С. 4): «В Правительствующем Сенате. В общем собрании первых 3-х департаментов и департамента герольдии. <...> *На 14-е декабря*. По прот<есту> тов<арища> прокурора Московской суд<ебной> палаты по делу о редакторе-издателе газеты „Современные известия“ *Гилярове-Платонове*, обв<иняемом> в помещении в издаваемой им газете статьи, оскорбительной для Царицынского уездного земского собрания».

25[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Спешу отвечать наскоро.

Я совсем не разумел указывать Вам целью характер и направление «Моск<овских> вед<омостей>». Я хотел только сказать, что надо подымать выше и серьезнее тон газеты, связывая с интересами не толпы, а лучшей части общества, лучшей в интеллектуальном смысле. Едва ли основательно рассчитывать, что можно действовать на массу, подделываясь под ее вкусы. Мне кажется, что масса воспитывается *сверху* и в хорошем и в дурном смысле, и воспитание массы в политическом смысле возможно лишь через посредство верхних слоев. Масса внизу требует скандалов, происшествий, — так же как и наверху *масса*, интеллектуально неразвитая, пробавляется в разговоре и в чтении больше всего *анекдотами*. Но серьезное издание должно рассчитывать в особенности на людей, ищущих и требующих мысли — и мысли здравой. Это не значит делать газету *молитвенником*. Газета должна быть сборником и указателем фактов прежде всего, но эти факты она должна *осмысливать* по возможности, приводить в единство — причем требуется немало такту. Не спорю, однако, что Вам нужно число подписчиков — только при всем том избави Боже подделываться под местные и личные вкусы.

Притом — необходимо, по-моему, обобщить вопросы, по возможности объективировать рассужденье: к этому нужно приучать и публику. Газета — не суд и не прокурор, равно как и не адвокат. Беззаконий творится столько, что за всеми не угоняешься: не под силу будет. До сих пор строй наших дел таков, что га-

зетные статьи отражаются на них только *раздражением*, когда обращаются на раскапывание частного дела. Частное дело для газеты служит материалом, из которого почерпаются данные для уяснения общего вопроса. Вот задачи передовой статьи. Это я говорю к слову о корреспонденциях, по поводу коих у Вас иногда сразу является обличительная статья: в сущности, она не помогает делу нисколько. Так, напр<имер>, в деле о мальчике — вопрос поднят, и Вы знаете, что совершено беззаконие — но не имеете силы обнаружить его, — и кончается тем, что у Вас же печатается письмо родителей мальчика, закрывающее всякое рассужденье.

Вы пишете, что Вас удивило мое *заключение* по д<елу> о векселях Солодовн<икова>. Но я никакого *заключения* не выводил, пот<ому> что не судил дела. Я видел только массу писем Солод<овникова>, которыми объясняется у запасливой игуменьи каждый данный им документ. Под всем этим скрывается — весьма вероятно — интрига и нравственное насилие, но очень вероятно, что и суд, ввиду этих писем, должен будет признать документы как выражение подлинной воли Солод<овникова>. Вот в каком смысле и писал я Вам. Гражданскому суду нет надобности раскапывать нравственную подкладку дела, и если Вы станете раскапывать ее в журнале, то рискуете попасть в положение неправого обвинителя.

Удивительное известие, что Кн. Д<олгоруков>[2] хочет за Вас ходатайствовать. Говорил ли Вам Бартенев о разговоре, слышанном им в кабинете у Лонгинова?

О Вашем деле справлюсь в Сенате и уведомлю вас. Полагаю, что оно д<олжно> б<ыть> в Угол<овном> касс<ационном> д<епартамен>те. Жаль, что Вы не писали обстоятельнее, что за дело и о чем, я уже забыл, что это за дело. Покуда не тревожьтесь много. Сегодня у нас еще 10 декабря!

Отчего Вы пренебрегаете публикациями в п<етер>бург<ских> газетах о «Совр<еменных> известиях». Здесь иные (как, напр<имер>, Вл. П. Титов[3]) давно хотели бы подписаться на нее, да не знают, где и через кого. Спрашивают в здешних книжных лавках, но здесь *отказывают даже принимать подписку*. Необходимо Вам выбрать здесь надежного комиссионера и публиковать в ведомостях.

Обнимаю Вас.
Ваш *К. Поб<едоносцев>*

Вы пишете: не судите слишком строго. Да и не берусь быть судьею: а если пишу Вам, то не с намерением осуждать, а с намерением предупредить для Вас опасности на скользком пути журналиста, на который, помните, всегда отговаривал Вам вступать.

10 декабря 1872
П<етер>бург

Сколько раз мне бывало за Вас досадно, когда Вы, увлекаясь корреспонденцией, всегда почти односторонней, поднимали у себя полемику, выходившую

из пропорции с предметом дела. Так, напр<имер>, помню, что мне не понравилась длинная полемика у Вас по поводу диспута Карпова[4]. Стоило ли дело такого словопрения и какой в нем был интерес для публики? А между тем, при всех недостатках Карпова Вам в то время не указали, верно, что он был в Харькове жертвою грязной интриги со стороны целой партии в Университете[5] и что та же партия искала и в Москве забросать его грязью, к чему, конечно, и он подавал поводы своими неразумными выходками[6].

[1] Печатается впервые полностью по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 50. Л. 10—12 об. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 677. Л. 12—15.) Небольшой фрагмент опубл. в составе статьи: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов // *Сб. соч.* Т. I. С. XXXVI.

[2] Раскрыто в копии **Ш.**

[3] Бывший дипломат В. П. Титов в тот период (1871—1872) был членом Присутствия при Государственном совете для рассмотрения проектов по части народного просвещения.

[4] Речь идет о докторском диспуте доцента Харьковского университета Г. Ф. Карпова, защищавшего 18.IX.1870 г. диссертацию «Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся, за время: 8 января 1654 — 30-е мая 1672 года» (М., 1870). **Г.-П.** поместил в своей газете пространную анонимную статью: *Посторонний*. Диспут г. Карпова: (Письмо редактору) // *СИ*. 1870. 2 окт. № 271. С. 2. В ней рассказывалось о парадоксальной ситуации: диспутанта, путавшегося в ответах, защищали от язвительных вопросов его харьковских сослуживцев те, кто, казалось бы, должен был с ним спорить, — московские оппоненты С. М. Соловьев и Н. А. Попов. **Г.-П.** сопроводил этот материал обстоятельной уничижительной статьей, в которой обильно цитировал диссертацию Карпова, стремясь продемонстрировать ее бессмысленность и малограмотность, вплоть до орфографического и пунктуационного аспектов. В следующем номере газеты, в передовой статье «Москва, 2 октября» (Там же. 3 окт. № 272. С. 2), **Г.-П.** усилил свою подчеркнуто-презрительную характеристику сочинения Карпова: «...помимо ничтожества в смысле ученом, диссертация грешит против первоначальных требований здравого смысла и грамотности» — и его самого: «...не умеющий связать двух мыслей на бумаге и не вложивший на печатные страницы признаков своей начитанности и образования вообще...» Особенно **Г.-П.** был возмущен критическим обзором научной литературы, представленным Карповым, который, в частности, писал об «умышленном опущении фактов» в работах Н. И. Костомарова. На следующий день **Г.-П.** опубликовал письмо корректора карповской диссертации Н. Стромилова, заявившего, что он только «следил за верностью набора подлиннику», а автор «сам изменял правописание по известным ему правилам» (Там же. 4 окт. № 273. С. 2).

[5] В Харькове Карпов оказался в украйнофильском окружении, которое видело в нем тенденциозного приверженца великодержавной идеологии. В. О. Ключевский вспоминал: «Бесспорная заслуга Г. Ф. К<арпова> состоит в том, что он с большой смелостью и уменьем отделил в <...> источниках первоначальные чистые струи от позднейших примесей, которыми питалось баснословие о Богдане Хмельницком. <...> ...некогда восставали на московского исследователя как на предубежденного обидчика украинского героя» **(**Геннадий Феодорович Карпов. † 24 апреля 1890 г.: (Чрезв. заседание 18 нояб. 1890 г. Имп. ОЛДР при Моск. ун-те, посвящ. памяти Г. Ф. Карпова). М.: Унив. тип., 1891. С. 6, 7**)**.

[6] Е. В. Барсов (между прочим, приятель **Г.-П.**) писал о Г. Ф. Карпове, что «он часто прямо „резал правду“ и говорил под воздействием непосредственных дум и ощущений, что заставляло его переживать немало тяжелых минут в своей жизни» (Журнал Министерства народного просвещения. 1890. Ч. 169, июнь. Отд. IV. С. 215).

26[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Вторник, 12 дек<абря 1872 г.>

Здесь нелегко справляться по делам. Сегодня заезжал в Сенат и не нашел никого — Присутствие будет завтра, и я постараюсь завтра заехать. Узнал только, что Ваше дело докладывает сенатор Перцов[2] и что Вам уже назначен официальный защитник. Кто-то слышал, будто бы обвинение не считается серьезным и будто бы Товар<ищ> Об<ер>-Пр<окурора> Роде имел даже мысль отказаться поддерживать обвинение. Завтра узнаю, надеюсь, что-либо положительнее.

Я в тревоге, и завтра, верно, все встревожатся — появится в газетах бюллетень о болезни В<еликого> К<нязя> Цесаревича. Дело серьезно, — у него брюшной тиф[3]. Сохрани нас Боже от великого несчастия!

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 46. Л. 1. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 677. Л. 16.)

[2] Сенатор А. П. Перцов, присутствовавший в общем собрании Судебного и Межевого департаментов Сената (с 1870 г.).

[3] «Бюллетень о состоянии здоровья Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича», подписанный лейб-медиками Г. И. Гиршем и С. П. Боткиным 12.XII.1872 г., действительно был тревожным и, вероятно, был призван загодя подготовить Россию к возможной потере и второго наследника (Александра) спустя 6 лет после кончины первого (Николая). Бюллетень гласил: «Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич заболел 7-го ноября брюшным тифом, усложненным возвратною горячкою. Последняя компликация обусловливала неправильное течение тифа, выражаясь то резкими послаблениями лихорадочного состояния, то перемежками, позволявшими думать о начинающемся выздоровлении. С 7-го декабря лихорадочное состояние с высокими цифрами температуры в течение шести дней приняло характер постоянного типа, и остальные явления в организме соответствуют более прежнего брюшному тифу. Хотя температура тела и держится на очень высоких цифрах, но силы Его Высочества относительно удовлетворительны. Несмотря на серьезную форму болезни, в настоящее время никаких угрожающих явлений в организме не усматривается» (*ПВ*. 1872. 13 дек. № 295. С. 1). Впоследствии в продолжение двух с половиной недель страна жила в напряжении, пока не появилось известие: «Его Высочество провел ночь очень хорошо. Лихорадочного состояния ни утром, ни вечером не было. Аппетит несколько увеличивается. Сил больше» (Там же. 31 дек. № 310. С. 1).

27[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

14 декабря <1872 г.>[2]

Сегодня слушалось Ваше дело, любезнейший Никита Петрович, окончилось тем, что признано законным подвергнуть Вас штрафу в 50 руб<лей> сер<ебром> за некоторые выражения в статье[3]. Не знаю, удовлетворитесь ли Вы этим исходом дела — но рассуждали они немало и по зрелом только обсуждении положили резолюцию.

Наш больной все в неопределенном положении[4]. Состояние настоящее таково, что, по мнению врачей, ход болезни благоприятен, но они же говорят, что невозможно, по свойству болезни, поручиться ни за одну минуту. Настроение в городе таково, что «больному лучше», и все готовы успокоиться; но все более видящие не выходят из тревожного состояния.

Ваш *К. П.*

[1] Печатается впервые по копии **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 678. Л. 15. Местонахождение автографа неизвестно.

[2] Год установлен по содержанию (упоминанию слушания дела **Г.-П.** в Сенате и болезни Цесаревича).

[3] Имеется в виду корреспонденция, содержанием которой были оскорблены члены Царицынского уездного земского собрания. См. примеч. 15 к п. 24.

[4] Речь идет о болезни цесаревича Александра Александровича. См. примеч. 3 к п. 26.

28[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

11 января 1873

Спешу черкнуть несколько слов на полученное сейчас письмо (давно сбираюсь на длинное к Вам послание, но не успеваю удосужиться).

1) Причина неполучения газеты должна быть та же, почему Газетная экспедиция сегодня вызывала секретаря редакции с предложением взять от нее другого чиновника, на место теперешнего, для заведывания моей рассылкой, потому-де, что теперешний перепутал тракты и наделал беспорядков. В объяснение должно прибавить, что мы, несчастные редакции, здесь не при чем. Каждая редакция нанимает, то есть принуждается нанимать, почтамтского чиновника, которого ей благоволят для заведывания сортировкой и отправкой газеты и над которым редакции безвластны. На своего экспедитора я, например, жаловался прошлым летом не раз, ибо благодаря его кутежам некоторые тракты со-

всем приостанавливались, иногда дня на три. Но тщетно! Мне отвечали почти грубостями (Инсарский[2]), и я вынужден был скрепя сердце платить жалованье и давать помещение господину, который наносит мне вред. А совсем отбросить этих благодетелей нельзя. Раз я и пытался было, но сделался предметом такого мщения от Почтамта, которое мне стоило целой тысячи иногородных подписчиков: намеренно засылали экземпляры в другие места, перепутывали, не досылали, посылали №№ не в очередь и т. п. В довершение, заметьте, по новым почтовым правилам, с жалобами подписчики даже не имеют права обращаться в почтамт, а исключительно в редакции. Закон заранее, таким образом, винит исключительно редакции и заранее оправдывает во всем почту. Невероятно, но несомненно; так гласит статья правил. Итак, мы беззащитны, и что хотят, то с нами и делают.

2) О приеме подписки я публиковал троекратно в «С.-Петерб<ургских> ведом<остях>» и в «Голосе», помните — и в «Прав<ительственном> вестнике»[3]. Подписка принимается у Базунова (который с московским Соловьевым одно) и у Исакова, с которым у меня текущий счет от начала издания. От них я и имею подписчиков; равномерно имею от Гоппе и от Вольфа[4]. Каким образом случилось, что книгопродавцы не принимают подписку? Такие разве, что кроме Петербурга у них и дел нет? — Странно.

3) Оканчиваю письмо извещением, что о сию пору не оправлюсь от нервного расстройства, причиненного созерцанием Нечаева[5]. Кстати, курьез:

Нам объявлено было предписание в передаче разбирательства[6]

[1] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 458. Л. 19—20. (Копия **Ш.**: Там же. № 459. Л. 1—2.)

[2] Известный писатель-мемуарист В. А. Инсарский в этот период, с 1866 по 1872 г., занимал пост московского почт-директора.

[3] Просмотр «С.-Петербургских ведомостей», «Правительственного вестника» и «Голоса» за 1.X—31.XII.1872 г. не выявил ни одного объявления о подписке на московские газеты вообще. Вероятно, упоминаемые **Г.-П.** публикации о его издании были сделаны раньше.

[4] Названы книгопродавцы и издатели — московский И. Г. Соловьев и петербургские: А. Ф. Базунов, Я. А. Исаков, Г. Д. Гоппе и М. О. Вольф

[5] **Г.-П.** присутствовал 8.I.1873 г. на заседании Московского окружного суда, где разбиралось дело С. Г. Нечаева по убийству им студента И. И. Иванова. Нечаев бежал за границу, но был выдан швейцарским правительством России как уголовный преступник и 19.X.1872 г. привезен в Петербург, а в конце декабря — в Москву, к месту преступления. Его судили 8.I.1873 г. в Московском окружном суде, с участием присяжных. На суде он заявил, что не признает этого «шемякина суда», рисуясь, говорил: «Правительство может отнять у меня жизнь, но не честь!» — и отказался от защиты. Признанный присяжными виновным в убийстве И. И. Иванова, он был приговорен к каторжным работам в рудниках на 20 лет, но содержался в Петропавловской крепости как политический преступник. См. также примеч. 7 к п. 29.

[6] Письмо не дописано и в таком виде отослано адресату вместе со следующим письмом (№ 29). В копии после этих слов поставлено многоточие. 5.I.1873 г. Александр II повелел, чтобы «повременные издания ограничились перепечатками стенографического отчета „Правительственного вестника“, как то исполнялось в 1871 г.» (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 3. Л. 41). Однако **Г.-П.** и М. Н. Катков в своих газетах не удержались и дали сообщения о процессе Нечаева до появления отчета в официозе, за что и поплатились (см. об этом в п. 29). Позднее, 5.XII.1879 г., **Г.-П.** писал **Ш.** о своем отношении к этому правительственному распоряжению: «Я не одобряю вот чего: популяризации революционных идей, совершаемых самим правительством… <…> Оно запретило нам печатать свои отчеты о политических делах, а велело руководствоваться „Правительств<енным> вестником“, и притом заимствовать из него отчеты *без изменений и сокращений*! „Правительственный же вестник“, к несчастию, слишком добросовестно передает показания преступников. Разве это не пропаганда? Частные издания еще повоздержались бы, об ином умолчали, другое передали бы с оттенением. А теперь изволь всё печатать! Я предпочитаю не печатать совсем» (РНБ. Ф. 847. № 502. Л. 1—1 об.).

29[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

29 января 1873

Посылаю Вам:

1) Вырезку из «Совр<еменных> изв<естий>». Сегодняшний № у меня задержан, и именно за эту статью. Конечно, № не выйдет[2]. Отчасти я этому рад. Я действительно решился было молчать о здешнем столкновении[3]. Но «Русские вед<омости>» не только пустили весть, но и побранили губернатора[4]. Вчера я был осажден любопытствующими и вынужден был отозваться. Просмотрел статью несколько раз, промыл в нескольких водах, взвесил выражения, решился придать именно такой смысл, насколько позволяла вежливость выражений: «Успокойтесь, это просто личная бестактность». Цензура усомнилась и задержала. Выдергивать статью, писать новую, — время опоздало; притом досадующая публика так и останется в досаде; приходилось принять арест №, по правде сказать — к величайшему отвращению. Говорят, и с «Моск<овскими> вед<омостями>» сегодня то же и потому же[5]. Удивляюсь, что сами производят шум, вместо того чтобы утишать! То же было и с делом Нечаева. Статью «Моск<овских> вед<омостей>» можно было обвинять в подкупленности, а за нее тянут к суду! Нам было объявлено Выс<очайшее> повеление заимствовать отчет из «Прав<ительственного> вест<ника>»[6]. Но я, конечно, и Катков также — решили, что медлить сообщением впечатления, которое в правительственном смысле очень хорошо, поведет лишь к тому, что ослабится и заподозрится впечатление «Прав<ительственного> вест<ника>»[7]. А за это прогневались! И замечательно: отчет «Прав<ительственного> вест<ника>» положительно даже и без того ослаблен. Я был сам на заседании и знаю, что Нечаев не то, что го-

ворил «возвысив голос», а именно орал неистово [8]; и что Дейер осадил взрыв негодования публики гораздо сильнее, нежели как приписано Дейеру в оффиц<иальном> отчете [9]. Это просто бедлам!

2) Я посылаю еще начало своего письма к Вам от 11 января [10]. Это — в доказательство, что не пишу я Вам не от лени поделиться с Вами, но положительно от недосуга. Декабрь и январь — самые варварские месяцы для журналиста. Все сбираюсь поговорить с Вами поподробнее.

Кстати, сообщу Вам весть, которая, конечно, не будет в печати [11]. В Москве ходят векселя, выпущенные матерью Митрофаниею еще на одного богача, Попова (владельца Кокорева дома) [12]. Попов заявил банкам, что он признает подлог и просит не принимать. Но векселя написаны на долгий срок и, должно быть, еще погуляют в публике, прежде чем придет время расплаты в том или другом смысле. Может быть, к тому времени фабрикантша успеет их и выкупить.

Факт этот несомненен. Я знаю от лица, которое предъявляло Попову документ.

Ваш *Н. Гиляр<ов>-Плат<онов>*

[1] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 458. Л. 21—22 об. (Копия **Ш.**: Там же. № 459. Л. 3—4.)

[2] Действительно, № 28 «Современных известий» от 29.I.1873 г. (понедельник) отсутствует в книгохранилищах. В следующем № 29 от 30 января **Г.-П.** начал передовую статью с уведомления: «№ нашего издания, назначавшийся к выходу вчера, 29 января, не мог быть выпущен в свет по не зависевшим от нас обстоятельствам. Надеемся, читатели извинят нам это невольное опущение...» (с. 1).

[3] В предыдущем выпуске газеты **Г.-П.** (№ 27 от 28 января) под рубрикой «Заметки и известия» было, однако, помещено короткое неподписанное сообщение об этом под названием «Слух о городском голове», где со ссылкой на «Русские ведомости» отмечалось, что московский городской голова И. А. Лямин «на днях подал прошение об отставке» и что оно «последовало непосредственно за представлением московского городского головы г. московскому губернатору, генералу Дурново» (с. 2). В «Русских ведомостях» эта информация появилась под рубрикой «Московские вести» (1873. 27 янв. № 21. С. 2). Подробному изъяснению причин, побудивших Лямина к такому решению, и описанию его конфликта с П. П. Дурново **Г.-П.** и посвятил передовицу, за которую арестовали номер его уже отпечатанной газеты (раз он смог послать вырезку в Петербург). Лямин официально сдал свою должность 12.II.1873 г. (см.: <*Без подписи*>. По делу городского головы // *СИ*. 1873. 16 февр. № 46. С. 2).

[4] Речь идет об эмоциональной передовой статье «Русских ведомостей», в которой, в частности, говорилось так о столкновении губернатора и городского головы: «Среди неба, совершенно ясного, над Москвою разразился громовой удар, от которого до сих пор не может опомниться наша столица. <...> Столкновение произошло из-за вопроса, когда быть городскому голове у г. губернатора, 24-го или 25-го числа, расписаться в книге или оставить карточку, явиться во фраке или в мундире — вот из-за чего произошла сцена, после которой городской голова считает несовместным с своим достоинством как представителя города оставаться на занимаемом им посту» (<*Скворцов Н. С.*>. Москва,

28 января // *РВед*. 1873. 28 янв. № 22. С. 1). Заносчиво-самодурное поведение П. П. Дурново здесь осуждалось, причем довольно вызывающе — как оскорбление, нанесенное всем горожанам: «Москва не заслужила ни своим прошедшим, ни своим настоящим такого резкого, такого угрожающего тона и обращения, с каким отнесся его превосходительство, г. московский губернатор, к представителю общественного управления нашей столицы и, в лице его, ко всему обществу московских граждан, которые не могут не почувствовать всей тяжести ни за что ни про что нанесенного им удара» (Там же).

[5] **Г.-П.** ошибся: газета М. Н. Каткова с передовой статьей о столкновении Лямина с Дурново (не столь эмоциональной, как передовица Н. С. Скворцова) вышла днем позже и не была арестована: <*Катков М. Н.*>. Москва, 29-го января // *МВед*. 1873. 30 янв. № 26. С. 2. В ней также осуждалось поведение нового губернатора, потому как, по мнению Каткова, произошедшее с Ляминым «задевает в его лице городское общество столицы, избравшее его своим главным представителем, а это вызывает затруднения...»

[6] См. об этом распоряжении примеч. 6 к п. 28.

[7] См. примеч. 5 к п. 28. **Г.-П.** оперативно откликнулся на дело С. Г. Нечаева передовой статьей, в которой дал весьма неприглядный портрет обвиняемого: «Вообразите тип самого пошлого из подмастерьев, но с театральными претензиями: таков Нечаев. Все его поведение и все его слова не только лишены были малейшей привлекательности, но всякого достоинства и даже ума. <...> Он был просто гадок» (<***Г.-П.***>. Москва, 8 января // *СИ*. 1873. 9 янв. № 8. С. 2). (Стенографический отчет из «Правительственного вестника» был перепечатан позднее: Дело Нечаева // Там же. 14 янв. № 13. С. 2—3; 15 янв. № 14. С. 3—4.) Передовая статья М. Н. Каткова о Нечаеве увидела свет в тот же день, что и гиляровская: *МВед*. 1873. 9 янв. № 5. С. 2.

[8] Цитата из стенографического отчета. Ср. ремарки к репликам Нечаева: «сильно возвысив голос», «возвышенным голосом», «тем же возвышенным голосом, как и прежде» (*СИ*. 1873. 14 янв. № 13. С. 2—3). В своей передовице **Г.-П.** отмечал, что Нечаев «не говорил, но кричал» (Там же. 9 янв. № 8. С. 2).

[9] П. А. Дейер в тот период (с 1870 г.) был председателем Московского окружного суда. **Г.-П.** имеет в виду эпизод, когда после слов Нечаева: «...я признал бы позорным для себя допустить судить мое поведение...» «в публике происходит сильное волнение и общий крик: Вон его! вон! вон!» Дейер, согласно стенографическому отчету, в частности, сказал: «Не у публики спрашивают суда. Если повторится подобное заявление, то я принужден буду удалить публику» (Там же. 14 янв. № 13. С. 2).

[10] См. выше п. 28.

[11] Эта скандальная история вскоре, однако, была обнародована в «Биржевых ведомостях», и **Г.-П.** поместил в своем издании заметку «Фальшивые векселя» — о подложных документах, «писанных на имя А. И. Попова» на его бланке с удостоверением игум. Митрофании (Розен) (*СИ*. 1873. 10 февр. № 40. С. 2), а позднее — еще одну: «Еще о векселях А. И. Попова», в которой сообщалось о том, что мать игумения «привлечена к делу об этих подложных векселях» и рассматривался вопрос об ее предварительном аресте (Там же. 1 марта. № 58. С. 2).

[12] В 1870 г. промышленник В. А. Кокорев обанкротился и продал свой дом в Большом Трехсвятительском переулке купцу С. И. Попову. В этом монументальном здании была гостиница, в просторечии называемая сначала «Кокоревкой», а позднее «Поповкой». См. передовую статью, посвященную этому дому: <***Г.-П.***>. Москва, 16 июля // Там же. 17 июля. № 194. С. 1. Сохранился частично в составе большого доходного дома (№ 6), возведенного здесь в 1913 г.

30[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

30 января 1873.

В дополнение ко вчерашнему извещаю:

1) что по закону арест на *газеты* налагается с целию предать суду. Не вздумают ли приложить закон, относящийся к книгам, помимо прямого смысла, и к листкам? Это было бы и произвольно, и ужасно, потому что давало бы на будущее скверный прецедент, то есть повадятся без суда уничтожать листы, со внесением в Комитет министров (!).

2) что за статью, вчера остановленную, я собственно нисколько не горюю. Она была вынужденная. Если бы Вы знали, какой идет гул в Москве! Статью «Русских ведомостей» (предшествующую моей) несравненно сильнейшую, цензор *проспал*, и потому цензура теперь ее отстаивает, говоря, что это-де легкая статья!

3) Объясняю, что значит *проспал*. По закону, первый экземпляр доставляется цензору, и тот выдает квитанцию. Где же цензору просыпаться для этого? Обыкновенно газеты и выпускались, не дожидаясь, пока изволят встать. Квитанция имела значение простого удостоверения в получении. Теперь Главное управление сделало выговор за то, что позволяют газетам выходить без квитанции и почему не арестована статья «Моск<овских> вед<омостей>» о деле Нечаева. Цензора струсили. В силу этого приставили ко мне нового цензора, который встает раньше других, и вот первый опыт служебного исполнения. *Прибыль*[2], читающий «Русские ведомости», встает позднее и потому имеет способность просыпать.

4) Вообразите еще: интерес требует, чтоб газета выходила возможно раньше. «Современ<ные> изв<естия>», как газета преимущественно московская (в Москве подписчиков у меня вчетверо больше, чем иногородных), употребила для этого все усилия, и я достиг, что выпускаю действительно раньше других. Но цензор объявляет, что как мне угодно, а он раньше девятого часа квитанции выдавать не будет. А это значит, что самое раннее получение подписчиком будет в 10 часов, тогда как у меня уже с семи часов толпятся на дворе разносчики. Как тут прикажете поступать? Я говорил вчера Росковшенке, чтоб они как хотят, но устраивают; эдак нельзя. Но цензора объявляют решительно, что они не намерены изменять своих привычек.

5) Как сказал, я за статью не стою и, конечно, если б ее и разрешили, не напечатаю, уже по той простой причине, что она будет изношенное белье. Она была нужна вчера, а завтра уже устарела. Потому особенно я желаю, чтоб ее разрешили: а) результат будет тот же, церберы удовлетворены; б) но нравственно я был бы вознагражден; и в) по крайней мере хоть раз бы получили острастку от поспешного безумия и впоследствии были поделикатнее. А то те-

перь боишься руки приложить к писанию: никакая предусмотрительность не поможет.

Ваш *Н. Гиляров*

NB. Образчик безумия: вчера являлись покупатели, предлагали за № что угодно; один выкладывал деньги, давая 150 рублей (!). Я был настолько выше этого торгашества, что не поддался ничему и не выпустил ни одного листка. Но вот Вам последствия *благоразумных* предосторожностей.

P. S. К сведению прилагаю Вам отчет об официальном приеме у нового московского губернатора[3]. Но это еще капля в море. Если рассказать все, что было, то трудно даже поверить. Разумеется, прилагаемый рассказ, записанный одним из представлявшихся, не назначался для печати.

<*Приложение.* Рассказ очевидца об официальном приеме у московского губернатора П. П. Дурново 25 января 1873 г.>[4]

Прием был назначен 25 января, в 12 часов[5]; явились по повестке все за исключением городского управления и членов губернской земской управы. После $12\,^{1}/_{2}$ часов из дверей гостиной выступила невзрачная, бесцветная личность в свитском мундире (без ленты, кушака и каски, по-домашнему) и после краткого общего поклона произнесла голосом резким, неестественно твердым речь, вообще довольно нескладную, но с постепенно возрастающим оттенком начальнического внушения. Начало речи следующее: «Г<осударю> И<мператору> угодно было назначить меня начальником М<осковской> губ<ернии>, и Е<го> И<мператорское> В<еличество> изволил при этом выразиться, что мое назначение будет несомненно полезно *вверенному мне краю*; но без содействия Вашего, господа, и пр. и пр.», с резким ударением на том, что не только губернские учреждения, находящиеся под его прямым начальством, но и все другие, непосредственно ему не подчиненные, обязаны помнить, что стоят под его постоянным контролем и надзором, и т. д. В заключение он присовокупил: «К удивлению моему, не вижу здесь городского головы[6], представителя городского управления, несмотря на то, что он состоит в прямой от меня зависимости по городскому присутствию; я не намерен обращать на это внимания, но не могу не заявить о том для примера». Затем началось личное представление. Управляющему Казен<ной> пал<атой>[7] он выразил удивление, что он из вице-директоров департамента попал в управ<ляющие> Казен<ной> пал<атой>, тогда как NN[8] из управляющих счел большою честью и повышением поступить на его место в вице-директоры. Управляющему государственными имуществами[9], что он по обязанности присутствует в разных комитетах и в губ<ернском> по крестьянск<им> дел<ам> присутствии и обязан исключительно соблюдать правительственные интересы и, следовательно, разделять мнение его, губернатора, как представителя правительства. «Я не допускаю, — прибавил он, — чтобы вы когда-либо могли склоняться в пользу общественных или каких-нибудь других интересов». Советнику Ревизского отдела Казен<ной> пал<аты>[10] объ-

явил, что недоимки существовать не могут и что в Харькове[11] он в один год собрал их три миллиона. Расспрашивая одного из советников губ<ернского> правл<ения> (Скород......[12]) об издании губернских ведомостей, прервал его речь словами: «Прошу отвечать на то, о чем Вас спрашивают». Затем, обращаясь ко всему губернскому правлению вообще, произнес: «Я должен предупредить вас, господа, что я, конечно, могу и буду читать журналы губернского правления и даже некоторые *изменять*; но я *могу* и не читать их, полагаясь на вас. Если затем по одному из таких журналов, мною подписанных, возникнет какая-нибудь ошибка или неправильность, то советник, вносивший его, немедленно будет удален, и *хотя* назначение и увольнение производятся приказами министра, но я ручаюсь, что оно совершится немедленно. При этом я еще должен заметить вам: *хотя закон* и предоставляет вам право иметь по делам свои особые мнения, но я этого *не допускаю*, и советник, который вздумает подать по какому-нибудь делу *особое мнение*, может заранее считать себя уволенным». В заключение, обращаясь к М....[13] уездному исправнику, он между прочим произнес: «Хотя Вы и служите *по закону* представителем *наружной полиции* в уезде, но я смотрю на дело иначе; я мало обращаю внимания на Вашу прямую полицейскую обязанность, для выполнения которой у Вас есть помощник. Вы — *моя тайная полиция* и должны находиться по отношению ко мне в том же положении, в какое поставлен нач<альник> М<осковского> жандармского управл<ения> относительно своего высшего начальства. Чрез Вас я должен все знать, что не только делают, но и думают в уезде, в особенности в политическом смысле. Если Вам нужны агенты, *я* Вам дам их, сколько хотите; но если я что-нибудь узнаю от кого-либо другого прежде, чем от Вас, то Вы будете немедленно уволены. Поняли?»

[1] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 458. Л. 23—24 об. (Копия **Ш.**: № 459. Л. 5—6.)

[2] Я. И. Прибыль, цензор Московского цензурного комитета с 1859 по 1892 г. «Новый цензор» — предположительно Ф. И. Рахманинов, надзиравший над газетой **Г.-П.** в 1870 и 1873—1885 гг.

[3] Речь идет о бывшем харьковском губернаторе генерале П. П. Дурново, назначенном на пост московского губернатора 16.XII.1872 г. и занимавшем его вплоть до 14.IX.1878 г.

[4] Печатается впервые по автографу неуст. лица (автора?): РНБ. Ф. 847. № 465. Л. 9—10 об. (Копия **Ш.**: Там же. № 459. Л. 7—11.)

[5] Дом московского гражданского (это определение в 1865 г. было снято) губернатора (построен в 1770-х гг. М. Ф. Казаковым) находился на Тверской ул., д. 20/1.

[6] Московским городским головой с 1871 г. по 12.II.1873 г. был коммерции советник И. А. Лямин. О его столкновении с П. П. Дурново и вынужденной отставке см. п. 29 и примеч. 3—5 к нему.

[7] Управляющим Казенной палатой тогда состоял статский советник Н. Я. Макаров (см.: Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1873 г. СПб., <1873>. Ч. II. Стб. 154), публицист, сотрудник журнала «Современник» и ряда других изданий, позднее член Совета

министра финансов. Он являлся вице-директором Департамента неокладных сборов Министерства финансов вплоть до 1868 г. (см.: Адрес-календарь: Общая роспись <…> на 1868 г. Ч. I. Стб. 516).

[8] Предшественник Н. Я. Макарова в управлении Казенной палатой Губернского правления был статский советник кн. Ю. А. Оболенский, который действительно перешел в Министерство финансов, однако стал не вице-директором, а членом Совета министра финансов (см.: Адрес-календарь: Общая роспись <…> на 1871 г. Ч. I. Стб. 537; Общая роспись <…> на 1872 г. Ч. I. Стб. 489; Общая роспись <…> на 1873 г. Ч. I. Стб. 481).

[9] Должности управляющего государственными имуществами и, одновременно, губернского лесничего занимал статский советник Ф. С. Зиберт (см.: Адрес-календарь: Общая роспись <…> 1873 г. Ч. II. Стб. 154).

[10] Начальником Ревизионного отдела в тот период служил титулярный советник И. Д. Слободчиков (см.: Там же), впоследствии крупный чиновник Министерства финансов.

[11] П. П. Дурново был харьковским гражданским губернатором в 1866—1870 гг.

[12] Речь идет о надворном советнике В. М. Скородумове (см.: Адрес-календарь: Общая роспись <…> 1873 г. Ч. II. Стб. 153).

[13] Имеется в виду исправник Московской уездной полиции В. П. Афанасьев, в тот период имевший чин коллежского советника (см.: Там же. Стб. 158).

31[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

20 февр<аля> 1873 г.

Любезнейший друг Никита Петрович. От души спасибо Вам за письма Ваши. Я не отвечал на них тотчас, потому что по содержанию их не требовалось ничего предпринимать; но все, что Вы писали, я принял к сведению и подробности описанного Вами события употребил для разъяснения его и себе, и другим.

Положение Вашей газеты относительно приставленного к ней ангела[2], столь мало склонного к Авроре, подруге муз[3], — совершенно понимаю. Я говорил об этом предмете с двумя лицами. Тимашеву не приходило на мысль, что цензоры московские могут спать дольше петербургских, и, услышав от меня об этом, он сказал, что об этом необходимо подумать и дать разъяснительное предписание (но он помянул при этом, что жалоб из Москвы нет и отчего, мол, не жалуются?). А Лонгинов, с которым я при встрече заговорил об этом, отозвался, что об этом они уже немало думают, но, к сожалению, ничего сделать невозможно, так как есть статья, обязывающая представлять газету немедленно по отпечатании, хотя бы во 2-м часу ночи. Я не совсем понял его умозаключения. Он сказал еще, что не было бы затруднений, если бы газеты, как бывает в других местах, отпечатывались с вечера.

Сегодня у Вас в газете есть заметка о деле Квитницкого[4]. Сообщу Вам кстати, что это дело очень деликатное[5] и печать может в нем впасть в односторон-

ность, не зная закулисной его стороны и всего того, чего нет в печатном судебном отчете. Здесь до сих пор сильные пререкания об этом деле. Несомненно, что офицеры поступали очень глупо и пристрастно; однако есть и другая сторона дела. Несомненно, что оно послужило орудием интриги между высокопоставленными лицами; что есть партия, которая эксплуатирует результаты его в свою пользу и в предосуждение другой партии. Несомненно, что суд не умел удержаться в границах беспристрастного равновесия между сторонами и что после суда подсудимого неподлежаще поставили в положение героя, а офицеров, которые, в сущности, не столь виноваты, как их начальство, и только крайне неразумны, стали преследовать, как преступников, подвергли тяжкому и строгому аресту произвольно и довели до того, что один из них помешался в рассудке. Словом сказать — неизвестно еще, с чьей стороны, со стороны ли офицеров, или со стороны преследующих властей оказалось больше неразумия и несправедливости. Обо всем писать неудобно. Я хотел только сказать Вам, что несправедливо было бы в нынешнем положении дела обременять осуждением одних офицеров, когда о подкладке и об изнанке дела говорить нельзя.

Обнимаю Вас — до свиданья. Нужда мне приехать в Москву, да не знаю, как удастся. Надо потолковать в Братстве, как бы пополнить нашу убыль в средствах с кончиною Великой Княгини [6].

Ваш *К. П.*

[1] Печатается впервые по копии **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 678. Л. 1—3. Местонахождение автографа неизвестно.

[2] Видимо, речь идет о цензоре Ф. И. Рахманинове. См. примеч. 2 к п. 30.

[3] Имеется в виду латинская поговорка «Aurora musis amica», означающая: утро вечера мудренее; утреннее время наиболее располагает к занятиям искусствами и науками.

[4] См.: <***Г.-П.***>. Москва, 18 февраля // *СИ*. 1873. 19 февр. № 48. С. 2. В своей передовой статье **Г.-П.** весьма сочувственно по отношению к подсудимому штабс-капитану Э. К. Квитницкому изложил (по сообщениям петербургских газет) его дело, рассматривавшееся в С.-Петербургском военно-окружном суде (приговор вынесен 8.II.1873 г.). С отличием окончив полный курс Пажеского корпуса и двух академий: Михайловской артиллерийской и Николаевской Генерального штаба, Квитницкий, имея служебные преференции, поступил в 1-ю батарею Гвардейской конной артиллерийской бригады, расквартированную в Петербурге, и… стал объектом нравственных истязаний завидовавших ему сослуживцев — как «выскочка», проведший жизнь в академиях и недостойный находиться в строю, а разве что в штабах. Через четыре года ему удалось перевестись в Варшаву, в 3-ю батарею, но вскоре туда было прислано очернявшее его письмо, а вслед за ним оформленный задним числом «приговор суда общества офицеров», требовавший от Квитницкого выхода в отставку. Оскорбленный офицер едет в Петербург, вызывает своего главного обидчика командира батареи полковника В. Н. Хлебникова на дуэль, а когда тот не принял вызова, Квитницкий 26.XI.1872 г., встретив его «на лестнице одного дома, наносит ему несколько ударов обнаженною саблею по голове». Подсудимый был приговорен к ссылке в Сибирь, но суд ходатайствовал пред Императором о полном его помиловании. Десять офицеров, признанных в ходе разбирательства ви-

новными в преследовании Квитницкого, предстали перед судом, пятеро из них подверглись предварительному аресту. Ходили упорные слухи (не оправдавшиеся), что семеро из них перед этим вызвали на дуэль присяжного поверенного В. Н. Герарда, защитника Квитницкого на суде. См. также неподписанную заметку «Приговор по делу Квитницкого», опубликованную ранее (Там же. 12 февр. № 42. С. 2). В итоге, в результате кассации приговора, Квитницкий был разжалован в солдаты и переведен в Туркестанский военный округ, где отличился в боях под командованием своего однокашника по Николаевской академии М. Д. Скобелева. 1.I.1877 г., получив Высочайшее прощение, он был произведен в майоры, а впоследствии (июль 1906 г.) дорос до генерала от кавалерии.

[5] **П.** намекает на неизвестное **Г.-П.** обстоятельство: одним из активных гонителей Квитницкого был сын военного министра Д. А. Милютина флигель-адъютант поручик Алексей Милютин, не имевший академического образования и завидовавший успехам сотоварища, и поскольку против самого министра в придворной среде плелась интрига, судебный процесс дал в руки его врагов сильные козыри. Ср. также освещение этого дела в неподцензурном издании: Суд правды над судом: Дело г. Квитницкого в С.-Петерб. воен. окруж. суде. Лейпциг: Э. Л. Каспрович, 1873. <2>, 84 с. Здесь полностью оправдывается поведение офицерской корпорации, поскольку ее терпение постоянно провоцировал Квитницкий, личностными качествами которого были «непомерная гордость и самообольщение, замечательная строптивость характера» (с. 17). Анонимный автор подробно разбирает и ход судебного процесса, стремясь доказать, что на нем обстоятельства дела были представлены крайне односторонне и гвардейская часть оказалась «забрызгана грязными наветами» (с. 83).

[6] Вел. кн. Елена Павловна, основательница и деятельная покровительница Братства Свт. Николая, скончалась в Петербурге 9.I.1873 г.

32[1]

К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Любезнейший Никита Петрович. Спасибо Вам за две статьи о церковном суде[2]. Отрадно слышать разумное слово посреди хора лжей и пошлостей, повторяемых здешними журналами. Этот проект[3] грызет мне душу. Буду с ним бороться до крайности — на своем месте, — но с унынием смотрю на исход. Карты уже подтасованы. Вероятно, и ожидаемые мнения архиереев будут как угодно начальству. Невероятная несостоятельность церковных людей наших! Когда гарнизон готов сдаться, как удержать крепость извне? Quis custodiet epsos custodes?[4]

Буду ожидать еще статей Ваших. Но будьте осторожны, т. е. избегайте всего резкого и личного. В этом вопросе много замешано личного самолюбия и много напущено туману! Я пробыл 2 месяца за границей, в Англии[5]. Вернувшись, с большим интересом просматривал Ваши номера и как будто беседовал с Вами. Люблю запах московского жилья и через Ваше окошко точно заглядываю в любезную Москву.

Теперь доживаю лето в Мерекюле[6], под Нарвою. Искал у Вас статеек о Ф. И. Тютчеве, об Гр. А. П. Толстом[7]. Авось еще будут[8].

Любезнейшему Е. В. Барсову кланяюсь и передаю ему поклон из Британского музея от Рольстона[9].

Обнимаю Вас от души. Здравствуйте и радуйтесь.

5 августа 1873 г. Ваш *К. Поб<едоносцев>*

[1] Печатается по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 51. Л. 1—2. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 678. Л. 4—5.) Впервые опубл. В. В. Ведерниковым по копии **Ш.** с неточностями и неверно прочитанными словами («Карты уже подготовлены» вместо «...подтасованы» и др.): «*Будь тверд и мужествен...*» С. 324.

[2] Речь идет о подробном, эмоционально окрашенном отчете о предполагаемой реформе (датирован 21.VII.1873 г.), автор которого ратовал за то, чтобы «в церкви остался свой собственный, ее духовной природе сродный суд» (*NN*. Труды Комиссии по составлению проекта духовно-судебной реформы // *СИ*. 1873. 27 июля. № 204. С. 2). **Г.-П.** прокомментировал эту публикацию в передовой статье: <***Г.-П.***>. Москва, 27 июля // *СИ*. 1873. 28 июля. № 205. С. 2. Здесь он, поддерживая своего автора, который «один посмотрел на вопрос с подобающей церковной высоты», с горечью писал: «В Православной русской церкви судная власть архиереев отменяется; все духовенство, со включением и самих судей, этих антиканонических епископов и пресвитеров, становится подсудною собственно прокурорам, лицам мирского звания, которых притом даже вероисповедание необязательно. <...> А в остальных исповеданиях? В католической церкви епископ останется с своею католическою властью; суперинтендент — с своими теперешними правами; до муфтиев и раввинов этот новый духовный суд также не касается. Такое исключительное применение секуляризации к одной Православной церкви, и притом применение в такой крайней степени, о которой мир едва ли даже слыхивал, есть, по нашему мнению, неблаговидность. О церковном значении ее не говорим; но и в государственном отношении есть ли выгода превозносить все прочие вероисповедания пред своим коренным?» (Там же). Предположительно — автор, скрывший свое имя под криптонимом NN. (о нем **Г.-П.** пишет восторженно, прося о продолжении его статей: «Каждое слово его есть истина, и каждое положение просит развития. <...> Воззвать к первобытным чистым понятиям, напомнить их высоту, разъяснить их приложение, не утратившее своей возможности доселе, есть заслуга»), — проф. А. Ф. Лавров-Платонов (впоследствии архиеп. Алексий), ученик **Г.-П.** по Московской ДА.

Ранее **Г.-П.** высказался о реформе в ярких передовых статьях «Современных известий» от 10.X.1871 г. (№ 279) и 6 и 7.I.1872 г. (№ 5 и 6), которые кн. В. П. Мещерский планировал перепечатать в своем «Гражданине». См. об этом п. 13 и примеч. 3 и 4 к нему.

[3] См. подробнее о проекте духовно-судебной реформы примеч. 145 и 148 к *Нечто*.

[4] Кто будет стеречь самих сторожей? (*лат.*) Цитата из «Сатир» Ювенала (VI, 347—348).

[5] **П.** вместе с супругой отправился за границу 18.V.1873 г. на яхте «Штандарт», сопровождая малолетних детей Цесаревича — вел. князей Николая и Георгия Александровичей; 3 июня путешественники достигли берегов Великобритании. Попрощавшись с Августейшим семейством, до 14 июня Победоносцевы жили в Лондоне и еще около месяца — на о. Уайт в Шеклине. В Россию вернулись 22 июля.

[6] Дачное эстляндское селение Мерикюла находилось в окрестностях Гунгербурга (Нарвы-Йыэсуу) — ближайшее к Петербургу на Нарвском взморье. В начале 1890-х гг. здесь два сезона отдыхал Н. С. Лесков.

[7] **П.** имеет в виду правило **Г.-П.** сразу же после кончины видных общественно-политических и культурных деятелей давать им нелицеприятную, объективную оценку в особых поминальных статьях, помещавшихся в виде передовиц. Ф. И. Тютчев умер 15.VII.1873 г., а гр. А. П. Толстой — 21.VII.1873 г. Эти выдающиеся деятели были знакомыми и даже — кратковременно — корреспондентами **Г.-П.**, однако ни об одном из них он не поместил ни известия о кончине, ни некролога, ни сведений о погребении. Подобным образом, впрочем, он не раз поступал именно по отношению к лично знакомым и духовно близким ему почившим, в чем повинился на страницах своих мемуаров: «В течение девятнадцати лет издания газеты я ставил себе за непременное правило, при кончине людей, отметившихся чем-нибудь в общественной жизни, поминать их оценкою их деятельности, если имел о них что сказать. И я исполнял этот долг свято. Но о четырех отошедших замечательных людях я не сказал ничего, хотя на мне-то более всех и лежала эта обязанность, мне-то из всех пишущих всего ближе и были известны эти лица. Но именно потому, что память их слишком близка моему сердцу, руки останавливались и перо не поднималось» (*Из пережитого. 2009.* Т. 2. С. 66). И хотя в числе этих четырех **Г.-П.** не назвал ни Ф. И. Тютчева, ни гр. А. П. Толстого, можно предположить, что ситуация тут была психологически родственной описанной в воспоминаниях.

[8] Существенно, что сам **П.** поместил в «Гражданине» краткие некрологи обоим почившим в обзоре «Некролог 1873 г.» (1874. 21 янв. № 3; атрибутировано В. В. Ведерниковым). В частности, о гр. Толстом он писал: «Изведав с детства опытом жизни духовное значение церковного обряда и церковной молитвы, он любил и охранял красоту и полноту служения, не вознося своего сознания над народным чувством. Церковь была для него живым телом, к коему сам он принадлежал заодно со всеми сынами Церкви, и без связи с коим он вообразить не мог себя, — а не политическим учреждением, которым может орудовать мирская власть» (*«Будь тверд и мужествен...»* С. 277—278). Эта оценка соотносится с давним причислением графа к «*оптинским* христианам» («Это люди, глубоко уважающие духовную жизнь, желающие видеть в духовенстве руководителей к духовной высоте жизни...») — в письме **Г.-П.** к прот. А. В. Горскому от 4.X.1856 г. (см.: *РО*. 1896. Т. 44, дек. С. 997). О Тютчеве **П.** писал, что «для русского общества <...> он был одним из сильных, движущих и одушевляющих элементов» (*«Будь тверд и мужествен...»* С. 278).

[9] Английский славист У. Рольстон был знаменит как энергичный пропагандист русской литературы и фольклора. Начиная с 1853 по 1875 г. служил в библиотеке Британского музея в Лондоне. **П.** так характеризовал его в письме к Цесаревичу вел. кн. Александру Александровичу от 13(25).VI.1873 г. (при передаче в дар от Рольстона двух его книг о русских песнях и сказках): «Рольстон — весьма почтенный человек, и сочинения его уважают и в Англии, и в России. Россию он любит, знает русскую народную литературу лучше многих русских и поставил себе главным делом — знакомить с нею Европу; через Рольстона заинтересовались этим предметом не только в Англии, но и в Германии. В России он бывал и имеет приятелей между русскими учеными» (*Письма к Александру III*. Т. I. С. 17).

33[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

2 сент<ября> 1873

Любезнейший Никита Петрович. Предполагаю на днях быть в Москве. Желал бы выехать во вторник — в четверг[2] поехать в Рязань на несколько часов, потом, вернувшись, пробыть 8-е число. Хотелось бы увидеться с Вами. Но где Вы? Пожалуй, Вы еще на даче своей[3] и Вас в городе не захватишь. Напишите мне две строчки по городской почте, в мой дом в Хлебном переулке. На имя доктора Дмитрия Карловича Войта.

Ваш *К. Победоносцев*

[1] Печатается впервые по копии **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 678. Л. 6. Местонахождение автографа неизвестно.

[2] Упомянутые вторник и четверг приходились в 1873 г. на 4 и 6 сентября соответственно.

[3] Дачный участок **Г.-П.** приобрел к северо-западу от Москвы «по Ивановскому шоссе к Петровскому-Разумовскому» (РНБ. Ф. 847. № 519. Л. 1) 1.I.1868 г. — в «оброчное содержание» — у Хозяйственного комитета Петровской земледельческой и лесной академии. Это была «полоса земли в двести двенадцать квадратных сажен» с ежегодной оплатой в 4 руб. 24 коп. (ИРЛИ. Ф. 71. Д. 66). Позже здесь был возведен дом. Однако в 1884 г. **Г.-П.** вынужден был продать эту дачу, которую очень любил, за бесценок с торгов, чтоб рассчитаться с кредиторами. А. М. Гальперсон в некрологе ему писала: «Фабрика была продана; он не опечалился. Продана и типография; его это мало тронуло. Но когда с публичного торга за бесценок в чужие руки перешла его дача, в которой каждое бревно было положено по его указанию, в которой каждое деревцо посажено было собственными руками, в которой целые рощи выросли под его нежным попечением, в которой под собственным наблюдением его устроена была образцовая пасека, которая давала ему ягоды клубники, называвшиеся в продаже *гиляровскими,* потому что подобных им не было, которая, наконец, в течение двадцати с лишком лет служила ему единственной утехой, — тут только возроптал бедный „каторжник, прикованный к тачке“, но ненадолго» (<*Гальперсон А. М.*>. Москва, 20 октября // *СИ*. 1887. 21 окт. № 288. С. 1).

34[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Москва, 16 сентября <1873 г.>

Какая досада, досточтимейший и многолюбимейший Константин Петрович! 8 сентября я к полудню нарочно приехал из-за восьмидесяти верст[2]; побыл несколько времени в редакции и отправился к Вам, но, не застав

дома, оставил карточку. Снова возвратился в редакцию, и надо же было так случиться, что выехал перед тем, как Вам быть! 9-го числа назначено было собрание Братства. Зернов[3] не упомянул в письме, когда оно будет, утром или вечером. Иду. Говорят: было утром. Отправляюсь отсюда к Вам: дома нет. 10-го снова к Вам навернулся, но Вы уже уехали. Очень досадно.

А со мною случилось, многолюбимый друг, очень многое и в моем положении до крайности важное. Я сделался фабрикантом[4]. Не удивляйтесь. Прошлым годом я писал Вам, что мои хозяйственные дела в крайне натянутом положении благодаря возрастающей цене на бумагу. И она все росла, эта цена. Одним словом, мне подписчик обходился *в бумаге* пять лет назад 1 р<убль> 65 к<опеек>, а в 1873 г. — 4 р<убля> 72 к<опейки>. Никакое сочувствие не может конкурировать с этою возрастающею дороговизною, которая ощутительна именно для недорогих изданий. Оставалось: или возвысить цену, или прекратить издание. То и другое равнозначительно. Небольшая надбавка, которую я сделал третьим годом (60 к<опеек> в год) отняла у меня несколько сотен подписчиков; 12 прямо объявили, что не могут дать этой цены (судите, между прочим, о публике). Было еще третье средство: передать издание, и я склонялся на это. Я устал и физически, и нравственно, хотя умственно чувствую себя пока в силах. Времена тяжелые, ступать надо осторожно. Но как соблюдать осторожность, как обдумывать статьи, когда работаешь механически за четверых, а облегчить себя не можешь по недостатку средств? Но кому было передать издание? Какую ценность представляет оно при двух предостережениях? Я был в безвыходном, ужасном положении. Генерал-губернатор[5] с председателем Цензурного комитета[6] обещали просить о снятии предостережения. Выпал этот фавор «Московским ведомостям»[7], но не мне; потом подоспела история с головой[8] и с этим дурацким переполохом.

В таком-то положении застает меня предложение: «Купите бумажную фабрику». — Что она работает? — Газетную бумагу. — Хорошо. — Сколько она работает? — 10 000 стоп. — Не многим более того, чем мне нужно. (Впоследствии оказался счет неверен; она работает вчетверо.) — Далеко ли она? — Восемьдесят верст, от железной дороги 16. — И это подходяще. Но где же я возьму денег? — На это мне отвечают, что денег всех от меня не потребуют; что продает владелец от усталости и за неимением детей мужеского пола; что фабрика не дает ему всего, что может дать, а мне, при газете и типографии, даст вдвое.

Итак, я съездил, посмотрел и — решил. Решил, рассчитывая так. Я трачу на бумагу 30 000—40 000 в год. Тысячи три, четыре наживается от меня торговец; тысячи полторы, а то и более, я плачу процентов, ибо за отсутствием наличных покупаю в сроки. Да все уж тысячи три, вероятно, уже наживает фабрикант. Я рассчитывал, что мне останется до шести тысяч экономии, не считая того, что две трети времени фабрика может работать на заказ. И вот я фабрикант, и, вероятно, не далее следующей недели Вы получите «Современные известия», печатанные на собственной бумаге, которую, уверен, Вы тотчас отличили бы даже без предуведомления.

Не знаю, нужно ли Вам объяснять, что благодаря этому у меня с весны голова кругом идет. Хотя фабрика и работала, но многое надобно устанавливать сызнова, прилаживать, изучать. Месяца два будет еще каторги — каторги тяжелой, работы непомерной. Газета неизбежно на первое время потерпит несколько от этого; нельзя будет ею заняться с желаемою внимательностью. Но зато вдали вижу спокойствие, и это удвоивает энергию. Уменьшится несколько мой ужас. О если бы только до нового года дотянуть без всяких громоносных произволов или произвольных громов! Вошло бы тогда все в установленную мерку; я мог бы усилить персонал редакции; было бы время пообдумывать, тщательнее заняться, заняться вопросами более серьезными. А затем... почему не мечтать? Я мечтаю, что с типографиею и бумажною фабрикою я могу начать солидное учено-литературное предприятие (точнее — ученое), в котором давно нуждается Русь и об идее которого я когда-нибудь Вам скажу [9].

Фабрика, которую я приобрел и которую назвал *Нечаянною*, имеет огромную будущность. Работает втрое или <в>четверо против того, сколько для меня нужно, она работает вчетверо менее того, что может по естественным силам и по орудиям. Потенции чрезвычайно много; условия благоприятнейшие, с которыми не равняется буквально ни одна в России. Близость рынка, громадные силы, редкая вода для промывки, готовые щелочи для обделки тряпья и т. д. Каждую поездку открываю что-нибудь. Между прочим имеется там и целебный минеральный источник. Но, как сказал я Вам, пока идет голова кругом.

Вы зовете продолжать о церковном суде. Знаете, рука не поднимается, в предвидении бесполезности. Надежда одна, не затормозят ли (пассивно) архиереи. Но и то сказать, едва ли их будут дожидаться.

Сейчас у меня довольно прискорбная неприятность. В гимназию, где учатся мои дети, поступил инспектором креатура Леонтьева, надзиратель Лицея, мимоходом сказать — совершеннейший невежда, которого мальчики прозвали *утóс* [10], потому что он не умеет даже читать по-гречески и не соблюдает ударений. Директор, прекрасный, известный человек (Шафранов) [11], болен. Этот *утóс*, поступивши, начал безумствовать, высо<ко>мерничать с учителями, издеваться над учениками, надеясь на высокую защиту всесильного Зевса. Он требует, например, не знания языка, а знания §§: «Что говорится в 134<-м> §? Как читается примечание на 36<-й> странице у Курциуса?» [12] За незнание — единицы. Мальчики в ужасе; лучшие ученики хотели бежать. Я своих отговорил, советуя отговорить и других. Но вот казус. Одного из моих сыновей, осмнадцатилетнего молодого человека [13], этот дуралей *поставил в угол*, в 5 классе, и притом ни за что ни про что, не говоря ни слова, но это, говорят, у него в привычке, и даже ставить иных лицом к стене. А мой мальчик, надо заметить, крайне болезненный, выдержал несколько операций, тихий, никогда ни одному упреку не подвергался. Я писал попечителю [14], но тот отправился на поклон к Леонтьеву [15]. Пишу теперь Делянову [16] и не знаю, что будет. Ведь это ужас что такое! Досадно, что приходится брать ребят из гимназии и вообще делать скандал [17]; а между тем я именно дорожил тем, чтоб они прошли именно эту гимна-

зию. Она — недавно открытая, другой-то сын (младший, но по болезненности старшего обогнавший его) идет отлично, первым учеником в старшем из классов этой гимназии. Вы понимаете, как важно предание. Я и толкую своему Алеше, чтоб он помнил, что noblesse oblige[18], что им начинается гимназия, что он передовой всех дальнейших поколений, как первый первого выпуска. И такая свинская история! Придется брать и того и другого. Если увидите Делянова, скажите ему, с своей стороны, что это даже постыдно так стоять на задних лапках пред Леонтьевым, который, мимоходом сказать, не умеет вести даже своего Лицея. Ведь сколько историй! И языки-то плохо у них знают! И первый выпуск-то сделали подложный, первого ученика украли из белорусской гимназии[19]; своим ничем не могут похвастаться.

Устал писавши. В заключение, любезнейший Константин Петрович, скажу свое соображение и надежду. Неужели в самом деле нельзя снять предостережений? Нельзя ли будет — воспользоваться хотя бракосочетанием великой княжны?[20] Или не приехать ли мне в Петербург, поклониться? Черт с ними совсем! Где уж тут с ними спорить, их взяла *rage*[21]. Реакция идет по всей Европе, куда тут уж либеральничать. Не оставьте черкнуть мне Ваш совет. Если бы сняты были с меня предостережения, я положительно считал бы себя переплывшим Сциллу и Харибду, так сказать, воскрес бы к новой жизни. А без этого чувствуешь себя пред цветущим берегом, но до которого надо дойти через реку по одному круглому бревнышку. Много сил унесет старание соблюсти эквилибристику. Да еще как ручаться, что соблюдешь?

Обнимаю Вас.

Н. Гиляров

[1] Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. № 465. Л. 3—6 об. (Копия **Ш.**: Там же. № 460. Л. 1—6.) Год установлен по содержанию (покупка фабрики, упоминание 1873 г.). Небольшой фрагмент опубл. в составе статьи: <*Шарапов С. Ф.*>. † Памяти Н. П. Гилярова-Платонова (13 октября 1887 года) // *РД*. 1888. 8 окт. № 41. С. 3; перепеч.: *Неопознанный гений*. С. 17—18.

[2] Вероятно, с дачи. См. примеч. 3 к п. 33.

[3] Прот. Николоявленской церкви в Москве (1875—1886) С. И. Зернов был одним из распорядителей казны, а потом и председателем Братства Свт. Николая.

[4] Писчебумажную фабрику **Г.-П.** приобрел в 1873 г. у штабс-ротмистра Н. И. Шумова в с. Брынкове Рузского у. Московской губ. за 50 тыс. рублей: 15 тыс. внесено наличными, на остальные 35 оформлены векселя, — см. Свидетельство о покупке фабрики от 12.VII.1873 г. и ее Опись (ИРЛИ. Ф. 71. Д. 66).

[5] Кн. В. А. Долгоруков. См. о нем примеч. 15 к п. 17.

[6] Н. В. Росковшенко, председатель Московского цензурного комитета с 21.XII.1865 г. по 7.XII.1879 г. (до 16.III.1866 г. исправлял должность председательствующего в Комитете).

[7] См.: «В мае 1872 года по предложению министра внутренних дел в честь 200-летия со дня рождения Петра I предостережения были сняты с тех изданий, которые подверг-

лись этому взысканию до 30 мая 1871 года» **(***Патрушева Н. Г.* Главное управление по делам печати и организация надзора за периодикой в 1865—1905 годах // Известия Смоленского гос. ун-та. 2010. № 4 (12). С. 274**)**. Однако это постановление было выполнено лишь частично: предостережения сняли только с «Московских ведомостей» и еще трех петербургских изданий: газет «Биржевых ведомостей» и «St.-Petersburger Zeitung» и журнала «Знание».

[8] Имеется в виду история с городским головой И. А. Ляминым. См. п. 29 и примеч. 3—5 к нему.

[9] Совершая покупку фабрики, **Г.-П.** увлеченно строил планы на будущее братство журналистов и издателей: он надеялся к содержанию фабрики привлечь Н. С. Скворцова, А. С. Суворина, П. И. Бартенева и других знакомых редакторов, чтобы максимально удешевить бумагу и сделать русские газеты независимыми от прихоти капиталиста-барышника. Но никто его не поддержал. «Ученое предприятие», которое упоминает **Г.-П.**, — предположительно, создание небывалой по масштабам энциклопедии, фундаментального свода знаний. Первые шаги к этой мечте он сделал в начале 1850-х гг., когда с помощью своего ученика Г. П. Смирнова-Платонова (впоследствии протоиерея) «задумал: составить, на основании богословских и канонических начал, органическое начертание всей массы практических определений, обнимающих обширную область церковной жизни во всей ее разнообразной действительности» (*Смирнов-Платонов Гр., прот.* «Curriculum vitae»: Из области воспоминаний и мечтаний // Смирнов-Платонов Гр., прот. «Детская помощь»: К читателям и сотрудникам. М., 1885. С. 40).

[10] *Утос* — этот (*греч.*); правильней говорить не «уто́с», а «houtos» («ху́тос»). Видимо, гимназисты закрепили за нелюбимым преподавателем слово, которое он искажал в своей речи. Приведем письмо **Г.-П.** к А. С. Суворину, датированное, как и данное письмо к **П.**, тоже 16.IX.1873 г.; в нем описывается та же гимназическая история, причем с дополнительными подробностями:

«Милостивый государь,
Алексей Сергеевич,

Я Вам по весне писал письмо, но, вероятно, оно до Вас не дошло, потому что я не получил ответа. Но дело не в том; расскажу Вам следующий случай.

В здешнюю Шестую гимназию назначен инспектором некто Рязанцев, креатура Леонтьева, надзиратель его Лицея. Вместе с инспекторством получает он преподавание греческого и латинского языков. Несмотря на пресловутый классицизм Лицея, надзиратель-то его оказывается круглым невеждою. Его поправки возбуждают смех; он не знает падежей. Мальчики прозвали его *уто́с*. Это означает, что он не умеет даже читать по-гречески, потому что произносит *уто́с* вместо *у́тос*, как бы следовало. Как все вороны в павлиньих перьях, он расхорохорился, тем более — имея за собою такую гору, как Леонтьев, пред которым попечитель, разумеется, трепещет. А директор гимназии, прекрасный человек (известный Шафранов), на ту пору болен, и *уто́су* сразу пришлось исправлять должность даже директора. Долго пересказывать разные курьезы. Как он требует долбни и спрашивает, например: „Что говорится в таком-то §“ или „на такой-то странице?“ Но дело в том, что он любит ставить в угол, и даже не детей, а молодых людей в старших классах. Между прочим, случилось это и с моим сыном, которого поставил, не говоря ни слова в объяснение. Заметьте, с учеником 5-го класса! Я не потерпел, разумеется, написал попечителю. Вышел переполох. Вероятно, я детей

и возьму из гимназии, но тут считает свою честь замешанною Леонтьев, который, знаете, бьет в Лицее учеников по щекам, и помните, в ответе мне сказал, в виде идеала, что в Оксфорде-де студентов даже порют.

Независимо от попечителя я писал и Делянову (к <гр. Д. А.> Толстому противно обращаться). Так как дело отчасти есть мое личное, то мне в газете трогать его не хочется, по понятному чувству деликатности; но если бы Вы нашли в утосе и прочих обстоятельствах материал для фельетона, это было бы недурно. Заметьте между прочим, что наши филологи даже у себя не сумели приготовить классиков. Весною был первый выпуск из Лицея, и первый ученик у них был *краденый*, именно не их воспитанник, а ученик какой-то из западных гимназий, о котором прослышали они, что он учится древним языкам хорошо. Взяли, да и выписали, стипендиатом сделали и выпустили якобы своего, первым учеником.

В добавление: Рязанцев — заика. Он спрашивает ученика: как по-латыни: г...г...о...од, го-од. Ему отвечают: *urbs* <город (*лат.*)>. Единица. Другой отвечает: oppidum <временный город-крепость (*лат.*)>. Другая единица. Учитель восклицает: *fames* <голод (*лат.*)>, и ученики остаются при единицах из-за того, что учитель слово *голод* произносит как *город*. Вообще неистовствует.

В заключение я должен Вас уверить честным словом, что в деле с моим сыном я не потаил и не прибавил ни слова. И он и товарищи только догадываются, что, вероятно, за то постигло наказание, что он криво сидел. А надо заметить, что это больной молодой человек, истощенный, у которого была сведена нога; ему пришлось выдержать несколько операций; фрунт ему трудно и соблюдать. Хотелось бы поговорить с Вами об общих делах, т. е. общественных, но некогда. Скажите: что же это за оказия с Голубевым? Замазали, что ли, как? И как и кто?

Позвольте уверить Вас в моем уважении.

Н. Гиляров-Платонов

Москва
16 сентября 1873» (РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. № 915. Л. 4—5 об.).

В конце письма упоминается о нашумевшем в 1873 г. столкновении между А. С. Сувориным, в тот период фельетонистом «С.-Петербургских ведомостей» (писавшим под псевдонимом «Незнакомец»), и управляющим Орловско-Витебской железной дорогой В. Ф. Голубевым. В очередном фельетоне из цикла «Недельные очерки и картинки» (С.-Петербургские ведомости. 1873. 22 июля. № 199) Незнакомец, со слов орловского корреспондента, сообщил о том, как Голубев приказал освободить для себя целое купе первого класса. Пассажиры с неохотой подчинились, и только один из них отказался и потребовал жалобную книгу. Оказалось, что это министр. Голубев выступил в печати с опровержением изложенных Незнакомцем фактов и, обвинив его в клевете, возбудил в сентябре 1873 г. против него судебное дело, рассмотрение которого состоялось спустя год. См.: *Суворин А. С.* Орловская легенда: (Г-н Голубев и К°) // Очерки и картинки: Собр. рассказов, фельетонов и заметок Незнакомца (А. Суворина). СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875. Кн. I. С. 120—135.

[11] Прекрасно характеризует Шафранова один из его воспитанников по 6-й Московской гимназии, прозаик А. В. Амфитеатров (*Old Gentleman.* Москва: Типы и картинки. CXXII // Новое время. 1895. 21 нояб. № 7057. С. 2): «Директор нашей гимназии был тогда Семен Николаевич Шафранов — гуманнейший и почтеннейший человек, „с душой прямо геттингенской“, уже очень пожилой, — я живо вспоминаю его седины. Шафранов

смотрел на гимназию как на свою семью. Сплотить учеников в дружное товарищество — «все за одного, один за всех» — было его идеалом. Той разобщенности, какая бывает всюду между высшими и низшими классами, при нем не существовало. <...> В силу входил новый толстовский печальной памяти устав, с формальным quasi-классицизмом и формальными отношениями между учеником и педагогом. Гуманист Шафранов оказался не ко двору при новых порядках, и его сперва сильно ограничили в свободе управления гимназией, а потом и вовсе упразднили, по болезни. Оставляя гимназию, он плакал — и все гимназисты плакали вместе с ним...»

[12] Греческая учебная грамматика / Д-ра Георга Курциуса, орд. проф. классич. филологии, при Ун-те в Киле; Пер. с нем. <и предисл.> Вениамина Миловидова, ст. учителя Яросл. гимназии. С 4-го изд. М.: Отпеч. на казен. иждивение по определению Совета Моск. ун-та, 1862; 2-е изд. с 8-го нем.: 1868.

[13] Речь идет о Николае Гилярове.

[14] Попечителем Московского учебного округа с 13.V.1867 г. по 1.I.1874 г. был кн. А. П. Ширинский-Шихматов.

[15] Подразумевается П. М. Леонтьев.

[16] Это письмо не удалось разыскать в архивохранилищах. Однако в архиве **Ш.** сохранился официальный ответ гр. И. Д. Делянова (за исходящим № 10823 от 12.X.1873 г.), написанный писарем (только подпись — автограф) на бланке Департамента Министерства народного просвещения. Приведем его текст:

«Милостивый Государь,
Никита Петрович.

Вследствие жалобы вашей на г. исправляющего должность инспектора 6-й Московской гимназии Рязанцева, я имею честь Вам сообщить, что по справкам, наведенным г. Попечителем Московского учебного округа, оказалось следующее:

12-го сентября, на уроке греческого языка, сын Ваш смеялся во время спрашивания заданного урока и, несмотря на замечание учителя, продолжал быть весьма невнимательным. За такое неприличное поведение учитель г. Рязанцев приказал ему стать в угол, но и после этого приказания он продолжал вести себя неприлично, именно: шел по классу заложа руки в карман, с вызывающим видом, стучал каблуками и говорил: „Я буду жаловаться на вас Семену Николаевичу“ (директору Шафранову). В углу он оставался недолго, так как учитель Рязанцев приказал ему через три минуты садиться на свое место.

Из сего Вы изволите усмотреть, что взыскание, наложенное г. Рязанцевым на Вашего сына, было весьма легкое в сравнении его с важностью проступка.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

И. Делянов» (РНБ. Ф. 847. № 625. Л. 14—14 об.).

[17] В письме к И. С. Аксакову от 31.I.1874 г. **Г.-П.** сообщал (в связи с литературными занятиями младшего сына Алексея): «Но поганая история в гимназии с одним скотом учителем помешала работе. Надо было перейти в другую гимназию, а там усиленно заняться, чтоб зарекомендовать себя» (РНБ. Ф. 847. № 359. Л. 7 об.).

[18] положение обязывает (*фр.*) Выражение принадлежит французскому писателю герцогу Г. де Леви («Изречения и мысли», 41).

[19] Речь идет об Ю. А. Кулаковском, поступившем в Лицей в память цесаревича Николая (Катковский) в 1871 г. и окончившем его в 1873 г. с золотой медалью, впослед-

ствии занявшем кафедру классической филологии в Киевском университете. Всего в этом первом выпуске было 11 человек, в том числе старший сын Каткова Петр (1855—1895). См.: Историческая записка Императорского Лицея в память Цесаревича Николая (Лицея Цесаревича Николая) за XXX лет (1868 — 13 января — 1898). М.: Унив. тип., 1899. С. 416—417. Первоначальное образование Кулаковский получил в Виленской гимназии.

[20] Речь идет о готовившейся свадьбе 20-летней вел. кж. Марии Александровны, единственной дочери имп. Александра II, с 29-летним английским принцем Альфредом Эрнстом Альбертом, герц. Эдинбургским, вторым сыном королевы Виктории I. Молодые люди познакомились в 1872 г. в столице герцогства Гессен г. Дармштадте, в июне 1873 г. в замке Югендгейм, близ Дармштадта, состоялась помолвка. За всеми этими событиями, конечно, следила русская и иностранная пресса. Венчание происходило 11.I.1874 г. в Зимнем дворце по православному обряду и по англиканскому.

[21] неистовая злоба, исступление, раж (*фр.*)

35[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Благодарю очень, любезнейший друг Никита Петрович, за письмо Ваше. Много я сожалел, что не виделся с Вами в бытность свою в Москве. А увидался бы, когда бы Вы припомнили, что я, приехав в Москву на два дня, не могу сидеть дома и что, стало быть, дома нельзя застать меня, а сам я удобно мог бы к Вам заехать в тот час, какой бы Вы указали. С этой целью я и предуведомлял Вас о своем приезде. Ну, авось, Бог даст, будем живы и вскоре увидимся.

Слышал я еще в Москве, что Вы купили фабрику, и кто-то еще рассуждал, что заплатили Вы за нее непомерно дорого[2]. И подумал я, не свяжете ли Вы себя этою фабрикой: ведь надо управлять через людей, а из этих людей всякой своего прибытка смотрит. Что касается до меня, я все более и более вижу, что меня надувают почти все, с кем имею договорное дело. Но Вы, конечно, рассчитали, что эта операция принесет Вам выгоду. От всей души желаю Вам успеха в этом деле. Если оно удастся, выгода будет несомненная.

И главное, дай Бог, чтоб газета Ваша проходила благополучно между цензурными шхерами. Про журналы наши подлинно сказать можно: habent sua fata[3]. Невозможно, при всем благоразумии, гарантировать себя безусловно. Всегда может ниспасть с высоты предостережение вроде последнего данного «Вестнику Европы»[4].

Давно не видал Вашего цензора[5] и поэтому не знаю, как стоят Ваши фонды. Когда узнаю, напишу Вам. Относительно снятия предостережений тоже не умею теперь сказать Вам ничего определительно — можно ли рассчитывать на это. «Московские ведомости» — не пример. Тут особливый фавор и особливое заискиванье. На них еще держится мода; еще в обычае цитовать их статьи; некоторыми из них восхищаются наши генералы от литературы во дворцах и в гости-

ных. Притом — Вы понимаете, что тут была особая сенсация: сначала великий мятеж, потом великое покаяние[6], и от того и от другого шум на рынке.

Теперь еще глухая пора. Власти не съехались, и затишье. Попытаюсь заговорить с кем следует при удобном случае.

С Деляновым постараюсь увидеться на днях. Только Вы не пишете, чего Вы от него хотите, — и я недоумеваю. По правде сказать, не знаю, на что Вы у него рассчитываете. На репарацию? Но каков бы ни был урод инспектор, трудно ожидать, чтоб начальство обвинило его официально и дало удовлетворение воспитаннику. Печально, что таким негодяям отдают в руки заведенье. Но что же с этим сделаешь? Не сломишь упрямства Толстых, Георгиевских, Леонтьевых[7]. Мне кажется, не лучше ли было бы как-нибудь проглотить эту пилюлю, тем более что, как Вы говорите, инспектор управляет заведеньем только временно. Нельзя ли Вам урезонить мальчика своего, чтобы не ставил дела себе в обиду и смотрел бы на конец? Это было бы, конечно, лучше всего. Знаю, как трудно урезонивать молодежь в подобных случаях. Но кто поручится, перейдя в другое заведение, он не наскочит на встречу еще более неприятную? Во всяком случае я еще напишу Вам, что услышу от Делянова.

Обнимаю Вас, любезнейший друг Никита Петрович.

До свидания. Ваш *К. П.*

18 сент<ября> 1873. П<етер>бург

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 51. Л. 3—4 об. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 678. Л. 7—9.)

[2] См. примеч. 4 к п. 34. **П.** как в воду глядел: фабрика оказалась непосильным грузом и ее несвоевременная покупка явилась одной из причин последующего разорения — неопытного **Г.-П.**, можно сказать, мошеннически склонили к приобретению заведомо убыточной фабрики (см.: *Гиляров Н. Н.* Краткая история газеты «Современные изв<естия>». Л. 5—5 об.).

[3] имеют свою судьбу (*лат.*) Выражение из 1286-го стиха поэмы-трактата римского грамматика Теренциана Мавра «О буквах, слогах и размерах Горация»; обычно употребляется в значении: успех или неудача произведения литературы или искусства необъяснимы, неожиданны.

[4] Речь идет о втором предостережении, вынесенном журналу «Вестник Европы» прежде всего за напечатанное в июльской книжке «Заключение» (с. 222—263) к циклу исторических очерков ведущего сотрудника издания А. Н. Пыпина, публиковавшемуся начиная с мая 1871 г. под названием «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов». В том же 1873 г. эти очерки вышли в свет отдельным изданием, составив том объемом 514 с. (4-е изд.: СПб., 1909). «Распоряжение управляющего Министерством внутренних дел» от 6.VII.1873 г., в частности, гласило, что в очерке Пыпина «высказывается мысль о том, что осужденное в 1849 г. общество с преступными целями возникло будто бы вследствие мер самого Правительства; что в другой статье того же нумера, „Переделки Судебных уставов“, подрывается доверие к Правительству» (*ПВ*. 1873. 7 июля. № 160. С. 1). И — более того — в «Заключении» Пыпина не могли не

привлечь внимания цензоров весьма сочувствсвенные оценки социалистов 1840-х гг. (фурьеристов, сен-симонистов и др.), в которых явно прочитывались аллюзии на охранительную политику 1880-х гг. и слышалось «поучение» правительству. Пыпин, в частности, обобщал: «Как скоро в общество проникли известные элементы умственной жизни, общественного интереса, они должны были развиваться: они развивались бы более правильно, если б им дан был какой-нибудь простор; они развиваются в крайность, в резкое противоречие с окружающим, наконец, в уродливость, когда обставлены препятствиями, когда их хотят задержать и заглушить» (с. 242—243). Любопытно, что в связи с цензурной карой по отношению к «Вестнику Европы» в его сентябрьской книжке даже появилась редакционная заметка: «В одной из петербургских газет мы находим „слух“, будто издание „Вестника Европы“ прекращается. Известие это, повторенное потом и другими газетами, не имеет ни малейшего основания, и мы не сочли бы даже нужным опровергать его, если бы не получили несколько вопросов, вызванных этим „слухом“» (*Стасюлевич М.* Хроника // Вестник Европы. 1873. Т. 43, кн. 9. С. 456).

[5] Ф. Ф. Веселаго.

[6] Вероятно, речь идет о борьбе М. Н. Каткова с министром внутренних дел гр. П. А. Валуевым, которому «Московскими ведомостями» инкриминировались, в частности, «полонофильство» и потворство нигилизму. См. подробнее примеч. 3 к п. 24.

[7] Подразумеваются — в качестве администраторов народного просвещения — гр. Д. А. Толстой, А. И. Георгиевский, П. М. Леонтьев.

36[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Москва, 22 сентября 1873

Спешу Вам отвечать, досточтимый друг, по поводу Вашего вопроса о моем письме к Делянову:

Я ничего не хочу. Я написал письмо только в предупреждение. Дело в следующем. Шафранов есть директор, каких нет и, вероятно, не будет. Без фельдфебельских мер он успел достигнуть того, что у него в гимназии порядок, скромность, послушание, истинно сыновние, почтительные без лакейства, откровенные без грубости отношения учеников к учителям и начальству. У него во все время существования гимназии *ни один ученик не запаздывал*, хотя он завел, что у него собираются *часом раньше*, нежели в других гимназиях, и распускаются часом позднее, тогда как другие гимназии истощаются в средствах против запаздываний. Это один пример, по которому можно судить обо всех. Вы поймете, что Шафранов стал в горле поперек всем директорам, а за ними — ничтожному попечителю, а затем и его помощнику, брату Вашего приятеля[2]. Они кричат, что гимназия распущена; с другой стороны кричат, что там варварство. Пускают слух, что там худо учат и худо знают, тогда как положительно это лучшая из гимназий, уже потому, что Шафранов сам ученый и сам во все входит, смотрит всякую тетрадку.

Итак, когда зашло дело о назначении инспектора, ему подсунули Рязанцева, ничтожную креатуру и невежду, с целию «водворить порядок», то есть применять фельдфебельские меры, а вместе содействовать, так сказать, очернению Шафранова. Видите, гнусность невыразимая. Министр[3], слышал я, очень хорош к Шафранову и понимает его достоинства, но тем пуще досада всей этой тли. И вот Рязанцев начал свирепствовать, пользуясь болезнию Шафранова, чтоб тем легче выставить, что гимназия-де распущена: верное средство подслужиться. В педагогическом совете у них *постановлено*: ставить в угол *только* учеников первых двух классов, и *только* за упорное неповиновение. Рязанцев начал прилагать эту меру ко всем классам, и притом по всякому поводу. Сыну моему велено было стать, как я писал, — без всяких объяснений. Товарищи предполагают, за то, что сидел не на вытяжке. Рязанцев теперь объясняет, будто бы за то, что смеялся. Не знаю, но сомневаюсь, потому что все видевшие отрицают. В довершение, вчера (уже после моего письма к Вам) Рязанцев за эту историю, в которой именно виноват только он, требовал он, чтобы сына моего *исключили*! За что? Разумеется, за то, что я поднял историю, а предлогом послужили слова, действительно сказанные моим сыном: «Я стану, но буду жаловаться Семену Николаевичу (Шафранову)». Видите, какова вонь и как эти мерзавцы смакуют власть террора и наслаждаются применением совершенно военного артикула! Педагогический совет не принял этого подлого предложения, но история тем более заслуживает быть известною и далее. Я уверен, что попечитель, разумеется вполне стоя за Рязанцева по вышеупомянутым причинам, в случае нужды представит ее по-своему. И вот почему нужно, чтобы знали и наверху, в чем дело. Детей своих я беру, чтоб не оставлять их в ложном положении (можно от этих скотов ждать, что намеренно будут вызывать на проступки)[4]. Но мне жаль гимназии, больно за Шафранова и смерть досадно, что действительно доброе и успешное подвергается гонению.

Будьте здравы, благополучны и веселы.

Ваш *Н. Гиляров*

[1] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 458. Л. 25—26.

[2] В одном из мемуарных очерков А. В. Амфитеатрова в качестве гонителя Шафранова упоминается старший брат издателя «Гражданина» — кн. Н. П. Мещерский, помощник попечителя Московского учебного округа, а с 1.I.1874 г. по 21.X.1880 г. и попечитель, запретивший шафрановские методы воспитания — образовательные экскурсии и празднования юбилеев видных деятелей культуры и истории, как «отнимающие у гимназистов много драгоценного времени, потребного для занятий». Спустя 20 лет, однако, эти педагогические нововведения «получили повсеместное и широкое применение и очень поощряются, как дело, бесспорно полезное для развития учащегося юношества» (Новое время. 1895. 21 окт. № 7057. С. 2).

[3] Гр. Д. А. Толстой, занимавший пост министра народного просвещения с 14.IV.1866 г. по 23.IV.1880 г.

[4] Позднее, 31.I.1874 г., **Г.-П.** писал И. С. Аксакову о своем младшем сыне Алексее, пробовавшем тогда свои силы в стихотворных переводах и в поэтическом творчестве вообще: «...поганая история в гимназии с одним скотом учителем помешала работе» (РНБ. Ф. 847. № 359. Л. 7 об.; см. подробнее примеч. 17 к п. 34). **Г.-П.** продолжал в письме от 7.II.1874 г.: «...только что, благодаря мерзейшей истории, вынудились мы перейти в другую гимназию, выйдет новая история; сочинительство, стихотворство будет почтено за дурное. И без того пропадает лишний год на ученье (в прежней гимназии он вышел бы из 7-го класса, а здесь приходится себя зарекомендовывать, и потому едва ли минует 8-го)» (РНБ. Ф. 847. № 359. Л. 9).

37[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Любезнейший друг Никита Петрович.

Благодарю Вас за разъяснение Вашей мысли относит<ельно> Шафранова. Еще до получения вторичного Вашего письма я встретил Делянова в Г<осударственном> сов<ете> и спрашивал его, получил ли он письмо Ваше. Он сказал, что получил и что немедленно написал в Москву запрос, что такое там случилось?[2]

После второго письма Вашего я заходил раза три к Делянову, но не заставал его дома.

Теперь вот в чем дело. Изо всего, что Вы пишете о Шафранове, вижу, что Вы разумеете его весьма опытным педагогом. Примечаю еще, что, судя по слагающимся около него отношениям, пожалуй, нынешнее положение его в Гимназии станет для него тягостно и он будет искать выхода.

Нужно Вам сказать, что я, по поручению одной важной особы, вот уже несколько месяцев высматриваю опытного педагога[3]: для чего именно, удержусь покуда объяснять.

Теперь у меня *мелькает* мысль, по поводу Вашего письма, и я прошу Вас, на всякий случай, сказать мне —

Знакомы ли Вы с Шафрановым лично?[4]

Тот ли это Шафр<анов>, что был в Риге?

Женат и семейный или холост?

Если Вы знакомы с ним, то можете ли предполагать, что он в настоящем положении своем долго не удержится?

Вот Вам, на первый раз, вопросы, на которые прошу, хотя вскользь, ответить.

Обнимаю Вас.
Ваш *К. Победон<осцев>*

1 октяб<ря> 1873

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 51. Л. 5—6. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 678. Л. 10—11.)

[2] О содержании этого запроса и ответе попечителя Московского учебного округа можно судить по письму гр. И. Д. Делянова к **Г.-П.** См. примеч. 16 к п. 34.

[3] Это предполагаемое назначение С. Н. Шафранова (очевидно, учителем будущего имп. Николая II, тогда 5-летнего мальчика) не состоялось, поскольку он вскоре возглавил Коллегию П. Галагана в Киеве. Приведем его письмо по этому поводу к **Г.-П.**:

«Милостивый Государь,
Никита Петрович!

До Вас доходили, может быть, слухи о перемещении меня в Киев директором Коллегии П. Галагана. Дело тянется с июня месяца и лишь теперь, по словам Г. П. Галагана, бывшего вчера у меня проездом в Петербург, частию же и на основании официальных сообщений, можно наверное предполагать, что определение мое в Киев подписано будет министром в конце этой же или в начале следующей недели.

Конечно, на призыв к такому священному делу, как воспитание будущей Надежды родного народа, я, кажется, поднялся бы даже из могилы: все-таки я бесконечно был бы Вам обязан, если бы Вы взяли на себя труд уведомить *неотложно* надлежащее лицо <т. е. **П.**> о предстоящем мне скором назначении. Может быть, найдут нужным, в случае, если виды на меня не относятся к более отдаленному будущему, не допустить меня до вступления в служебное обязательство, нарушением которого причинено будет крайнее огорчение стороне, меня ангажирующей.

Всякое сообщение Ваше мне по этому делу будет иметь жизненную важность

для покорного Вам *С. Шафранова.*

Москва.
12 нояб<ря> 1873 г.» (РНБ. Ф. 847. № 719. Л. 1—1 об.).

[4] С. Н. Шафранов и **Г.-П.** были знакомы, и их связывала переписка. В фонде **Ш.** в РНБ сохранились три черновых письма **Г.-П.** к нему и одно ответное (Ф. 847. № 501, 719) за 1873—1874 гг.

38[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

14 октября 1873

Прошу, многолюбимый друг, извинить меня, что отвечаю на Ваши вопросы не скоро; да и теперь имею время только на четыре слова.

Шафранов, о котором Вы спрашиваете, есть тот самый Шафранов, который писал «О русских глаголах»[2]; который по силам вел борьбу за русских в Остзейском крае[3]. Его оттуда вывели потом, и он управлял немецкими колониями. Толстой[4] его любит и ценит по-видимому, но здесь он стал рутинерам поперек горла. Как я слышал, он хотел выйти уже прошлого года, приглашен-

ный Галаганом в его лицей, но удержан Толстым. Нынешним годом, по-видимому, решительно выйдет[5]; это окончательно побудило меня вывести детей из гимназии. К тому же дошли до меня слухи, будто попечитель получал безыменные письма и будто умные головы заподозрили кого-нибудь из моих ребят, а пожалуй, и меня! Я страдаю недостатком противоположным и погнушался бы таким мерзким средством; за ребят отвечаю головой в том же смысле. Но оставалось от греха увести.

Шафранов — редкий педагог, я уже Вам писал. Много значит: заставить любить себя, уважать порядок, заставить полюбить занятия — без фельдфебельских мер! А еще, как сказывал я Вам, у него в гимназии собираются получасом или часом раньше, уходят позднее, и есть лишний класс — пения. И все это достигается без принуждения! Во все вникает: каждый урок, каждая отметка, каждый случай ему известен, и всех мальчиков он знает. Повторяю: это редкость, да к тому же он сам недюжинно учен.

Весь Ваш *Н. Гиляров*

Забыл прибавить: Шафранов — семейный, но овдовел сегодняшним летом; но кроме того он — *православнейший* до того, что соблюдает строжайшим образом все посты.

[1] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 458. Л. 27, 28.

[2] О видах русских глаголов в синтаксическом отношении: Рассуждение, напис. для получения степ. магистра канд. С. Шафрановым. М.: Унив. тип., 1852. II, 162 с., 1 л. табл.

[3] Шафранов с 1842 г. служил старшим преподавателем Рижской классической гимназии и много способствовал укреплению позиций русской культуры в Прибалтике; в 1862 г. был назначен инспектором 5-й С.-Петербургской гимназии.

[4] Министр нар. просвещения гр. Д. А. Толстой. См. примеч. 3 к п. 36.

[5] См. письмо Шафранова к **Г.-П.** в примеч. 3 к п. 37.

39[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Любезнейший друг Никита Петрович.

Сегодня встретил наконец Вашего цензора[2] и он сообщил мне, что на днях была речь о Вашей газете. Зацепились за статейку — каж<ется>, по поводу собак, где было помянуто о моск<овской> полиции резко, что при этой полиции надо каждому ходить с револьвером[3]. Я помню, что когда мне эти строки попались, то пришло на мысль, не зацепятся ли за них. Вот и зацепились. Имейте в виду, что цензора себя оберегают и притом смотрят узко. Об этом выражении было доложено Л<онгино>ву; но как теперь Л<онгинов> несколько мягче расположен к Вам, то он и не счел нужным вносить доклад в Ко-

митет. Все это дело случая. Будь Л<онгинов> в эту минуту раздражен или просто с болью в голове или в желудке, то внесли бы, и кто знает, из этого пустяка последовало бы предостережение, на этот раз роковое[4]. Имейте все это в виду — Вам надо теперь очень крепко держаться, хотя до благоприятного случая, когда можно будет снять предостережения. Я не премину поговорить об этом с Л<онгино>вым, но надо ждать случая, когда свободно с ним встретимся.

Берегитесь *Самарского голода*[5]. Это предмет очень деликатный в наст<оящую> минуту, равно как Земство вообще[6]. Продажу «Гражданина» запретили за статью о *голоде*[7], именно за то, что в ней будто бы есть намек на центральное Земское собрание. Об этом предмете теперь не терпят никаких намеков.

Относит<ельно> этого распоряжения я изумляюсь только слепоте. Кого бить следует, кого бить невыгодно для самого правит<ельст>ва, — об этом не рассуждают. —

Обнимаю Вас.

Ваш *К. П.*

Вторник 23 окт<ября> 1873

П<етер>б<ург>

По Вашему делу[8] говорят следующее.

Что оно не представляет важности.

Тов<арищ> Об<ер>-Пр<окурора>[9] не намерен поддерживать обвинение в диффамации.

Могут обвинить Вас только в оскорбительном выражении по поводу «стадообразия» и т<ому> под<обных>. В таком случае взыскание идет не далее штрафа, рублей до 50.

Кого можно было, я просил быть снисходительнее.

Затем, что последует завтра, неизвестно. Когда узнаю, уведомлю.

Среда.

К. П.

[1] Печатается по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 51. Л. 7—8 об.; Д. 58. Л. 5—6. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 678. Л. 12—14.) Впервые опубл. В. В. Ведерниковым по копии **Ш.** не полностью (без приписки от 24 октября) и с большим количеством погрешностей («заступятся» вместо «зацепятся», «боль» вместо «с болью» и др.): «*Будь тверд и мужествен...*» С. 324—325.

[2] Ф. Ф. Веселаго.

[3] Сходные по резкости отзывы о московской полиции содержались в передовой статье **Г.-П.**, являвшейся откликом на включенное в ее состав письмо в редакцию за подписью «Обыватель», автор которого протестовал против подготавливавшегося Городской думой законопроекта о введении налога с собак в пользу городской казны (см.: О введении налога на собак // *СИ*. 1873. 27 сент. № 266. С. 2). Отталкиваясь от слов корреспондента о собаках, охраняющих дома («Заменить полициею собак, конечно, невозможно; ведь не приставить же к каждому дому по часовому...»), **Г.-П.** предлагал «не истреблять

собак в сомнительной надежде на полицию, напротив, развести собак искусственно и размножить, чтоб ими официально заменить часть городовых» (<***Г.-П.***> Москва, 6 октября // Там же. 7 окт. № 276. С. 2). И далее: «Но не улучшив полиции, не представив ручательств за ее улучшение, стеснять жителей в последней охране, охране, которою они себя ограждают, воля ваша, несправедливо и не умно» (Там же). О револьвере ни здесь, ни в других статьях рассматриваемого периода не упоминалось.

[4] К октябрю 1873 г. на счету «Современных известий» было уже два предупреждения. По закону, третье («роковое») влекло за собой приостановку издания. Первые два предостережения — 14.III.1870 г. и 18.V.1872 г. — были получены за статьи **Г.-П.** и ряд помещенных им корреспонденций из провинции, в которых обсуждались некоторые морально устаревшие церковные обряды и критиковалась система духовного руководства (см.: <***Г.-П.***>. Москва, 1 марта // *СИ*. 1870. 2 марта. № 60. С. 1—2), а также отмечались упущения в работе полиции и приводились факты безнаказанного хулиганства солдатских чинов (<***Г.-П.***>. Москва, 12 мая // *СИ*. 1872. 13 мая. № 129. С. 1). На второе запрещение, считая его необоснованным и прямо беззаконным, **Г.-П.** отозвался так в одной из передовиц: «Правда, по существу проступок подлежал бы скорее судебному преследованию; предостережениями караются не одиночные выражения, которых недозволительность легко формулировать, а целое направление, последовательно проводимое и не всегда доступное осязательному изложению. Но правительство решило предостережением взыскать с нас и за отдельные выражения. <...> ...большинство правительственных неудовольствий против нас <...> возбуждалось не нашими мнениями, и даже вообще не редакционными статьями, а корреспонденциями. Правительство карает в нас не столько писателя, сколько именно редактора, и даже ближе — цензора статей, нам присылаемых. Нам обращается во вред снисходительность наша к откровенности корреспондентов, к своеобычию даже их выражений. Может быть, как на этот раз случилось, уважение наше к чужому мнению и слову действительно иногда чрезмерно. Но мы следуем вековечному правилу общечеловеческой нравственности: „Не делай другому того, чего себе не желаешь“. Мы признаем свободу слова и держимся ее, уважая в себе и других одинаково. Мы убеждены с целым светом, что легче достигнуть пользы разъяснениями, чем запрещениями. Наконец, самая цель нашего издания, с первоначала поставленная, была такова, чтобы предоставить себя по возможности в общественное распоряжение; чтобы в печатном органе слышался действительный общественный голос, а не мнение каких-нибудь литературных олигархов, поддельно выдаваемое за общественное. Полагаем, что самому правительству печатный орган окажет тем бóльшую услугу, чем менее лукавя передаст ему выражения общественные.

Рано или поздно, это и будет. Теперешнее колебание самой печати и теперешняя строгость правительства суть переживаемые последствия прежнего, подцензурного времени. <...> ...без жертв невозможно. Мы на сей раз в их числе» (<***Г.-П.***>. Москва, 21 мая // *СИ*. 1872. 22 мая. № 138. С. 1). См. также примеч. 17 к п. 14 и примеч. 6 к п. 16.

[5] Засуха и неурожай 1873 г. привели к острейшему голоду в Поволжье, усугубившемуся нераспорядительностью властей. См.: *Леонов М. М.* Русское консервативное общество и голод 1873 в Самарской губернии // Самарский земский сборник. Самара, 1996. Вып. 3. С. 132—136. В газете **Г.-П.** сочувственно было прокомментировано опубликованное в «Московских ведомостях» известное письмо Л. Н. Толстого (28.VII.1873) «о бедственном положении крестьян Самарской губернии, вызванном неурожаем и близком к голоду» и отклики газет на него (<*Без подписи*>. По очередным вопросам // *СИ*. 1873. 25 авг. № 233. С. 2. См. также: Там же. 27 авг. № 235. С. 2; 29 авг. № 237. С. 2). Ср. также

одну из передовых статей, которую **Г.-П.** начал словами: «Голодающие самарцы — вопрос не одного сострадания, а предмет для размышления: каким образом это возможно? Всякий согласится, что голод в Архангельской губернии не представляет ничего удивительного; но <...> чтоб житница России и пол-Европы дошла до таких бедствий...» (<***Г.-П.***>. Москва, 23 сентября // Там же. 24 сент. № 263. С. 2).

[6] Во всех указанных выше публикациях поднимался и вопрос о помощи голодающим со стороны земства. См., например, также: *Б—ъ*. Одна из земских нужд; <*Без подписи*>. Из Корчевы. *26 авг.*: Земские деятели и их курьезные доклады // Там же. 30 авг. № 238. С. 2.

[7] Запрет розничной продажи постиг еженедельник «Гражданин» 18.X.1873 г. (см.: Распоряжение министра внутренних дел // *ПВ*. 1873. 19 окт. № 249. С. 1) за статью кн. В. П. Мещерского «О голоде» (1873. 15 окт. № 42. С. 1112—1114; подпись: *Св.—Сол—ский*). Он писал, что с голодом было нетрудно справиться в дореформенный период, когда «главным распорядителем продовольственной части в России было Министерство внутренних дел по Хозяйственному департаменту» (с. 1113), и весьма затруднительно после «введения земских учреждений», поскольку «каждое земство получает причитающуюся ему часть продовольственного капитала» (с. 1114) и взаимопомощи между земствами разных губерний нет и помину. В заключение Мещерский отмечал: «Говорить о центральном земстве нам не приходится. Но между центральным земством и совещательным учреждением по части продовольствия, с целью сговориться насчет правильного распределения ссуд между земствами на случай неурожаев, есть огромная разница» (Там же).

[8] Какое именно дело о диффамации, связанное с «Современными известиями», рассматривалось 25.X.1873 г. в Уголовном кассационном департаменте Сената, выяснить не удалось, поскольку в «Судебном указателе» и «Судебных резолюциях», публиковавшихся в «Судебном вестнике», в соответствующих номерах этого издания ни имени **Г.-П.**, ни названия его газеты не значится. Не исключено, что речь идет о жалобе об оскорблении некоего Иванова, пытавшегося оспорить решение мирового суда 2-го округа г. Москвы (см.: Судебный вестник. 1873. 20 окт. № 226. С. 4).

[9] Обер-прокурором Уголовного кассационного департамента Сената в рассматриваемый период был тайный советник Э. В. Фриш (см.: Адрес-календарь: Общая роспись <...> 1873 г. Ч. I. Стб. 249), впоследствии председатель Государственного совета.

40[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Любезнейший Никита Петрович. Пошли какие-то слухи о прощении журналам по случаю 24 ноября[2]. Лонгинова захватить трудно, и я послал ему в начале прошлой недели длинное письмо с усиленным за Вас ходатайством, на случай если готовится что-нибудь в пользу журналов. Но, как Вы знаете, ничего не последовало. Сколько я знаю, и по случаю свадьбы[3] тоже нет предположения принять подобную меру.

А сегодня в 3 часа было, в присутствии Цесаревича, чрезвычайное собрание Русского исторического общества (очень интересные были чтения о Екатерине.

Читали: Половцев [4] Записку о восторженных отзывах англ<ийских> посланников, из России, о Екатерине — из вновь появившегося тома английских депеш, изданного Историч<еским> обществом [5]. Потом читал Бычков, о заслугах Екатерины для русской истории [6]. Затем, всего интереснее было чтение Я. К. Грота, в к<ото>ром он отобрал нравственный образ Екатерины (по чертам и отрывкам из частной ее переписки) [7].

Так в этом собрании встретил я и Лонгинова. Он подтвердил мне, что никакого подобного предположения не было. «И не будет, — прибавил он, — по крайней мере, от меня не будет». Тут он, по обычаю своему, стал ругаться и махаться на газеты и журналы.

Спешу Вас, любезный друг, об этом уведомить, чтобы Вы не питали покуда преувеличенных надежд на милосердие Гл<авного> управления по делам печати. Именно в эту минуту против него существует особливое возбуждение.

Советую Вам особенно смотреть за корреспонденциями и чистить их елико возможно.

Ваш *К. П.*

25 ноября 1873
П<етер>бург

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 51. Л. 9—10 об. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 676. Л. 10—11.)

[2] 24.XI.1873 г., в день св. Екатерины, в Петербурге на Невском проспекте был торжественно открыт памятник Екатерине II. Празднества с участием Императорской фамилии и иностранных делегаций, с костюмированным балом и иллюминацией в Петербурге, описывались и в «Современных известиях» — под рубрикой «Внутренние известия»: *СИ*. 1873. 27 нояб. № 327; 28 нояб. № 328 (всюду с. 2).

[3] Очевидно, имеется в виду свадьба царской дочери вел. кж. Марии Александровны. См. примеч. 20 к п. 34.

[4] А. А. Половцев начиная с основания в марте 1866 г. Императорского Русского исторического общества и вплоть до 1879 г. был его секретарем.

[5] Эта Записка опубликована в качестве Предисловия к тому: Сборник Русского исторического общества. СПб.: Тип. Акад. наук, 1873. Т. XII: Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. С. V—XX. Начал Половцев с сообщения, что этот том создан по инициативе наследника Александра Александровича, которому 9.III.1870 г. «угодно было выразить желание, чтобы Русское историческое общество обратило особенное внимание на издание бумаг, относящихся к царствованию Императрицы Екатерины II» (с. V). Издание включало депеши четырех английских послов с 1762 по 1769 г.

[6] В том же году А. Ф. Бычков подготовил издание: Письма и бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Императорской Публичной библиотеке / Изд. А. Ф. Бычковым. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Его Имп. Вел. канцелярии, 1873. <6>, 160, 10 с.

[7] Акад. Я. К. Грот в этот период подготавливал к печати III том издания: Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства ино-

странных дел. СПб.: Тип. Акад. наук, 1874. <4>, LII, 472 с. (Сб. Рус. ист. о-ва; Т. XIII). Он включал документы 1762—1774 гг. В качестве предисловия Я. К. Грот опубликовал материал «Чрезвычайное собрание Русского исторического общества 25 ноября 1873 г.» (с. III—XXVI), о котором и идет речь в письме **П.**

41[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

11 янв<аря> 1874. СПб.

Любезнейший Никита Петрович. Удивительно, что я всегда чую по Вашим статьям опасность и что это чутье меня не обманывает. Прочтя в 1 № «Совр<еменных> изв<естий>» Вашу политическую статью[2], я почувствовал опасение за Вас. Статья мне не понравилась — в ней проведены штрихом резкие черты окрашенного мнения, что всегда опасно. Потом я забыл об этом, но сегодня на выходе во дворце Ваш приставленник Ф. Ф. Веселаго отвел меня таинственно в сторону и сказал, что по поводу этой статьи составлен был особый доклад, по которому чуть-чуть было Вы не подпали под кару — дело висело на волоске. Статья особенно задела, п<отому> ч<то> в ней говорится резко о военном деле ввиду военной повинности[3]. Кто-то сказал цензору, что у Вас готовится подобная же статья и по внутренним делам, но это, к счастью, не оправдалось. Спешу предупредить Вас, ne quid detrimenti rei publica capiat[4].

Теперь тем более нужна Вам осторожность, что Ваш *формулярный список* за последнее время в хорошем состоянии и Вас записывают уже в счет журналов, ведущих себя осторожно.

Обнимаю Вас на новый год. Ваш *К. Победоносцев*

[1] Печатается впервые по копии **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 676. Л. 12. Местонахождение автографа неизвестно.

[2] <***Г.-П.***>. Москва, 1 января // *СИ*. 1874. 2 янв. № 1. С. 2. Передовица была исполнена пессимизма и начиналась так: «Новый год не радует нисколько. В истории последних времен не отыщем периода, где бы столь повсюдно и в столь непривлекательной гармонии сочетались очевидный духовный застой, кажущаяся вялость общественных сил и несомненное политическое напряжение».

[3] **Г.-П.**, дав в своей статье резкую оценку германскому милитаризму, уподобил гонку вооружений, а значит, приуроченное как раз к 1.I.1874 г. введение в России всеобщей личной воинской повинности, крайностям революционного движения. Он писал: «Принцип вооруженной орды, подкрашенный политическими софизмами европейской науки; европейское начало национальностей, применяемое с азиатским презрением к народному праву и международным договорам, — вот современная Германия, с ее поголовным вооружением, которое в силу ее положения волею и неволею предписывается и другим народам, — и с ее политическим катехизисом, которого красноречивейший из отрывков

есть посмеятельство Парижскому трактату. <...> Вся Европа с ног до головы вооружается, глядя на Германию; вся Европа выпускает когти на либеральные учреждения, ободряясь примером Франции. <...> А подражание милитаризму Германии, конечно, не уменьшит ни для кого необходимости в ежегодном приращении долгов. И странное дело! Поощрение капитализму в этом направлении есть <...> путь, хотя отчасти с обратной стороны, к тем же революциям и даже тому же социализму, от которого желает отбиться господствующее направление именно всеми своими напряжениями и всеми стеснениями возможных свобод» (Там же). Упомянут Парижский трактат от 30(18).III.1856 г., завершивший Крымскую войну.

[4] дабы республика не потерпела какого-либо ущерба (*лат.*) Выражение из формулы обращения Римского сената в опасное для республики время к консулам (высшим сановникам государства), которым на этот период передавалась диктаторская власть. Начало формулы **П.** также употреблял неоднократно (см. п. 50 и 62).

42[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

М<осква>. 20 февр<аля> 1874

Пишу Вам наскоро, дражайший Константин Петрович, пользуясь отъездом Мих<аила> Николаевича Лопатина.

Уведомляю Вас, что 80 рублей на вспоможение семейству Н. И. Соловьева[2] я получил. Должен я Вам прибавить, что публикации об этих деньгах, ни с именем, ни без имени благотворителя, у меня не будет на следующем основании, которое Вы одобрите. После Соловьева осталось два семейства: 1) жена и мальчик, 2) побочная жена и девочка. От законной своей жены он бежал, оставив ей пользоваться своим жалованьем; она и есть отдаленнейшая причина всей его дальнейшей забитости. Вторая жена, у которой он был на положении ребенка у няньки, как оказывается, — тоже великая дрянь; и умер-то он без нее, даже едва ли не по ее причине. Но девочка ничем не виновата, и судьба ей грозит ужасная, при ее нелегальном происхождении и данных качествах матери. Поэтому на конфиденциальном совете друзей и знакомых покойного решено: 1) устроить девочку, если возможно, в какой-нибудь приют; 2) в пользу законного семейства (которое, кстати, будет пользоваться и пенсией) обратить только *гласные* пособия, а на *негласные* 3) купить билет на имя жалкой девочки. К числу этих должно пойти и присланное Вами.

На душе неимоверно скверно. Видишь положительно борьбу двух нигилизмов, радикалистического и консервативного; последний еще хуже первого. Первый по крайней мере по-своему честен, но от чтения «Московских ведомостей» можно получить истерику; лесть никогда не доходила до такого бесстыдства: от статьи, восхваляющей Габсбургов, обругавшей славян и выдавшей все эти похвальные чувства за мнение Москвы и России[3], я сделался почти болен. Но чувствуешь бессилие и полное отсутствие общих интересов кругом: никако-

го гражданского чувства; можно плевать в лицо, измываться над самыми благороднейшими чувствами и быть уверенным, что получишь выражения благоговейной преданности, лишь бы была власть в руках.

Речь Мольтке приводит в содрогание. Я думал, что только Бисмарк способен к такому цинизму: «Войско есть всё, оно есть даже лучшая воспитательная сила общества»![4] Узурпаторы толкуют теперь о мире. Хорош мир, который нужно поддерживать миллионами штыков[5], который собственно есть обеспечивание мщения! И мы идем на поводах у этого направления! Теперешняя дружба трех монархов[6], по-моему, хуже Священного союза[7], и я думаю, что это не перед добром. Эти «заговоры монархов», если можно так выразиться, всегда бывали накануне страшнейших потрясений, и Европе не уйти от них. Становится жутко.

Между прочим я теперь озабочен приисканием квартиры, потому что срок теперешней оканчивается 1 мая. Лучше бы, разумеется, остаться на теперешней; но она требует переделок, а между тем у нее собственно нет хозяина. Игнатьев Николай Павлович с женой[8] (которая и есть домовладелица) живет в Константинополе; деньги я плачу Павлу Павловичу[9] в Петербург; более никого нет; не знаешь, с кем договариваться. На днях я посылаю последнюю плату в Петербург на имя Павла Павловича и обращусь к нему с вопросом. Если Вы знакомы, то напишите обо мне; боюсь, главное, чтоб меня не погнали, если я не успею к сроку выехать. Хорошо, если бы на мое письмо ответил Павел Павлович поскорее. По-настоящему им бы, в данном положении, надо за меня держаться, а не то и продать дом[10]. Ибо что они сделают? Потребуются обширные переделки, значительные затраты под наблюдением посторонних лиц сомнительной честности, и в довершение — капитал не воротит процентов.

Впрочем, я об этом, может быть, буду Вам писать особо.

Обнимаю Вас.

Н. Гиляров

[1] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 458. Л. 29—31.

[2] **Г.-П.** откликнулся на кончину критика и врача Н. И. Соловьева, случившуюся утром 1.I.1874 г., несколькими прочувствованными заметками, лейтмотивом которых стала мысль о бедственном положении в России литературных тружеников и об ответственности общества за это. В «Некрологе», подписанном «—в», он писал: «...покойный ни дня ни ночи не знал отдыха, и эта неустанная изо дня в день, трудовая, в борьбе за существование жизнь, расстроила его здоровье, но не принесла покойному ничего в материальном отношении; труженик науки умер в совершенной бедности, так что должен похорониться на общественный счет... Красноречивое доказательство того, как в России литература обеспечивает честных людей!» (*СИ*. 1874. 2 янв. № 1. С. 2). В заметке «Похороны Н. И. Соловьева», подписанной криптонимом «Один из провожавших похороны» и также несомненно принадлежащей перу **Г.-П.**, он сообщал и о сборе денег для погребения, положившем начало вспомоществования осиротевшему семейству: «Наскоро

составленная подписка между некоторыми из врачей и редакциями московских газет дала возможность по крайней мере похоронить Н. И. Соловьева прилично» (Там же. 4 янв. № 3. С. 2). Тут же была опубликована речь **Г.-П.** на могиле Соловьева, в которой звучал призыв к общественной благотворительности: «В литературе для него не было лагерей; он вхож был в кружки, которые сами по себе были разделены, и лишь одно его возмущало и отталкивало — когда он видел отрицание нравственных начал, которых он был служителем. Эта любвеобильность и скромность, гг., и отняла у него материальный успех, на который давали ему право его труды. На нас, знавших его, остается долг вознаградить его хотя по смерти и усладить его память» (Там же). Опубликовав еще три речи, **Г.-П.** возвращался к тому же: «Итак, покойный похоронен с должною честию и полным уважением. Остается обеспечить его семью и малюток... Этот долг лежит на обществе, или, лучше сказать, на тех людях, для кого биение сердца не есть простое качание маятника... / Подписка открыта в редакции „Московских ведомостей“ и „Современных известий“» (Там же).

[3] Речь идет о передовой статье, приуроченной к визиту имп. Франца-Иосифа и носящей подчеркнуто официозный характер: <*Катков М. Н.*>. Москва, 6-го февраля // *МВед.* 1874. 7 февр. № 35. С. 3), где, в частности, утверждалось: «В России высказывались сочувствия к соплеменным народностям, живущим под скипетром Габсбургского дома, но не в ущерб целому, которого единство и сила заключаются в этом скипетре. <...> Славянские симпатии в России всегда были самого невинного свойства, этнографического и литературного <...>. Мы все более и более убеждаемся, что этот пресловутый, так запутанный и стоивший столько крови Восточный вопрос родился только из недоверия держав друг к другу, что в нем нет реальности...»

[4] Имеется в виду речь генерал-фельдмаршала гр. Х. К. фон Мольтке на его излюбленную тему о «цивилизующем» значении войн и милитаризма, произнесенная им при открытии прений в Германском парламенте о военном законе, — она вся почти дословно была помещена в газете **Г.-П.** Последний, в частности, подразумевает следующий пассаж в речи Мольтке: «Но мы покажем всему свету <...> что, сделавшись нациею могущественною, остаемся нациею миролюбивою, не нуждаясь в войне для приобретения славы и для завоеваний. Я даже не знаю, что бы мы стали делать с клочком земли, отнятым у России или Франции? Надеюсь, что мы много лет не только сами будем поддерживать мир, но принудим к тому и других. Быть может, весь мир убедится тогда, что могущественная Германия в центре Европы служит лучшим обеспечением европейского мира. Чтобы заставить других уважать мир, надо быть готовым к войне» **(**<*Без подписи*>. Германия: (Речь Мольтке) // *СИ*. 1874. 15 февр. № 45. С. 3**)**.

[5] Мольтке, в частности, говорил: «В настоящую минуту нам предстоит только решить, не будет ли тяжким бременем для Германии армия в 400 000 человек в мирное время» (Там же).

[6] Имеется в виду дипломатический союз России, Германии и Австро-Венгрии. Однако любопытно, что, когда в феврале 1874 г. имп. Франц-Иосиф посетил Петербург (см.: Там же. 12 февр. № 42. С. 3—4), Москву и Варшаву, на торжественном обеде имп. Александр II провозгласил тост «за четверной союз России, Австрии, Германии и Великобритании» (Там же. 19 февр. № 49. С. 3).

[7] Союз Австрии, Пруссии и России (1815—1833), заключенный для поддержания неприкосновенности границ в Европе после падения имп. Наполеона I и борьбы с революционным движением; уже после образования Священного союза к нему присоединились Франция и ряд других стран.

[8] Названы дипломат гр. Н. П. Игнатьев, в 1864—1877 гг. русский посол в Константинополе, и его жена гр. Екатерина Леонидовна.

[9] 26-летний младший брат Н. П. Игнатьева, впоследствии осташковский уездный предводитель дворянства.

[10] В письме от 13.XI.1874 г. (год не указан, установлен по содержанию) **Г.-П.** сообщал сыну Николаю, обучавшемуся в то время в Киеве, в Коллегии Галагана: «Нового у нас ничего нет, кроме одной, очень серьезной новости: Ипатьевский дом продан за 55 000. Предлагали купить мне, и это было бы выгодно, но по безденежью и с расходами, которых требует фабрика, еще затевать новое предприятие, было бы страшно» (РНБ. Ф. 847. № 397. Л. 3).

43[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Ах, любезнейший Никита Петрович, как Вы неосторожны, как Вы даете волю побуждению минуты! Вчерашняя Ваша статья[2], сейчас прочитанная мною, может Вас подвергнуть большой опасности и во всяком случае поставить Вас на черную доску в Цензурном ведомстве.

И похвалить ее нельзя. Неужели из-за того только, чтобы косвенно ругнуть «Московские ведомости»[3], стоило выходить из себя. Сколько предметов задето в статье мимоходом, с пылу, в порыве раздражения и так неопределительно — прием самый опасный. Доказательств никаких. Ничего похожего на цельное, круглое обсуждение. Вы приводите письмо[4], в котором ничего нет кроме неопределительных фраз, осуждаете приемы *господствующей* системы обучения[5], не объясняя, за что именно осуждаете, наконец, расхваливаете какую-то ученическую библиотеку, не указывая даже, какой выбор книг в ней сделан и есть ли за что хвалить. На всем этом Вы *сорвали сердце* мимоходом: боюсь, как бы эта статья не наделала Вам хлопот.

Конечно, я не стал бы Вам писать об этом, если бы не принимал в Вас участия.

Берегитесь еще темы, за которую Вы взялись на днях, — вопроса о так называемом *обложении труда*[6]. В напечатанных Вами корреспонденциях звучит фальшивая нота, а письмо женщины, живущей трудом[7], — просто *скверно*. Такое впечатление я сам слышал от двух, читавших его, и убоялся, как бы, распространяясь на эту тему, Вы не зашли в болото.

Обнимаю Вас.

Ваш *К. Побед<оносцев>*

21 февр<аля> 1874
П<етер>бург

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 52. Л. 1—2. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 676. Л. 13.)

[2] <***Г.-П.***>. Москва, 19 февраля // *СИ*. 1874. 20 февр. № 50. С. 2. Эта обстоятельная передовая статья представляет собой комментированное изложение объяснительной записки (с обильным ее цитированием) к брошюре «Каталог ученической библиотеки Ставропольской мужской гимназии» (Ставрополь, 1874), которой **Г.-П.** дает исключительно высокую оценку, хотя и не приводит никаких конкретных сведений о книгах из этой гимназической библиотеки. Составитель каталога (он не назван в статье) — преподаватель словесности Ставропольской мужской гимназии М. В. Краснов (позднее директор народных училищ Ставропольской губ.). В передовице брошюра названа неточно — «Каталог ученической библиотеки при Ставропольской гимназии».

[3] «Московские ведомости» не упоминаются в передовице, однако **П.** прав: **Г.-П.**, публикуя довольно резкую критику классического образования, несомненно метил именно в М. Н. Каткова. См. примеч. 5 и 6 к п. 14.

[4] Пространным письмом, подписанным криптонимом «С. К—в», заканчивается передовица **Г.-П.** (см. примеч. 2). Автор, молодой человек, долгое время изучавший классические языки в гимназии, «горько разочаровался» в них и считает: «Да, действительно, безвозвратно потеряно это время!» (*СИ*. 1874. 20 февр. № 50. С. 2).

[5] В «озлоблении», с которым С. К—в писал о классической системе образования, **Г.-П.** предлагал видеть «принятому направлению „классической школы" первое предупреждение» (Там же).

[6] См. передовую статью **Г.-П.**, посвященную проекту Московской городской думы об отмене адресного сбора с заменой его новым налогом (в связи с протестным мнением гласного Н. П. Ланина по этому поводу), обязывавшим «домовладельцев инквизиторствовать за жильцами и доносить о неплательщиках»: <***Г.-П.***>. Москва, 6 февраля // Там же. 7 февр. № 37. С. 2. И — в продолжение темы — письма в редакцию (первое прокомментировано в сопровождающей ее передовой статье **Г.-П.**): *П. Е.* По поводу налога на труд по найму // Там же. 12 февр. № 42. С. 2; *Хейн Н.* Свой рабочий вопрос: (Голос хозяина-ремесленника) // Там же. 15 февр. № 45. С. 2. Призывая «беречься темы» «обложения труда», **П.** предостерегает **Г.-П.** от широковещательных заявлений в духе христианского гуманизма, поскольку затрагиваемый вопрос, по его убеждению, целиком находится в сфере государственной экономики, где не очень-то уместны нравственно-филантропические коннотации.

[7] См.: *Женщина, промышляющая личным трудом по найму*. Неужели налог и за право труда?: (Письмо редактору) // Там же. 11 февр. № 41. С. 2. Автор сочувственно цитировала определение гласным Н. П. Ланиным проектировавшегося налога как «контрибуции или штрафа за право трудиться» женщинам и его примеры из жизни обнищавших проституток и матерей, вынужденных умерщвлять своих детей, «лишь бы избавиться от тяжкой обязанности содержать при семье лишние рты». В заключение она с негодованием писала: «...кроме платы, и довольно высокой, за право выработать дневное пропитание, вас отдают в кабалу: домовладельцам и полиции, которые и в настоящее время составляют невыносимое иго...» (Там же).

44[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Любезнейший Никита Петрович. Сегодня получил Ваше письмо с Лопатиным. Извольте распорядиться деньгами[2] по лучшему Вашему усмотрению.

На прочие предметы письма найдете отчасти ответ во вчерашнем моем к Вам письме. Не могу только не прибавить. Неужели жизнь так бедна важными явлениями, что приходится Вам истощать жар душевный и силу на негодование против Каткова и «Моск<овских> ведомостей»?[3] Или до того уже сузился круг домашних интересов?

И неужели возможно, не впадая в детскую фантазию, мечтать о всеобщем мире на земле и сокращении армий, как о чем-то действительном[4], и воображать, что школьная цивилизация принесла бы нам златой век Астреи[5], если бы не Змий военного дела! Ведь мы посреди людей живем, в состоянии брани, и правилом мудрости остается все-таки: si vis pacem, para bellum[6]. Стало быть, мудрее всех тот, кто лучше вооружен[7], а кто, в благодушном ожидании братского общения, распоясывается, тот становится добычею вчерашнего друга и собеседника, лишь только последний почувствовал себя сильнее.

Суббота, <23>[8] февр<аля> <18>74 Обнимаю Вас.

Ваш *К. Побед<оносцев>*

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 52. Л. 3—4. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 676. Л. 14.)

[2] Имеется в виду пожертвование **П.** для двух осиротевших семейств Н. И. Соловьева.

[3] **П.** возвращается к своей оценке передовицы **Г.-П.** по поводу классического образования (см. п. 43 и примеч. 2—5 к нему).

[4] Имеется в виду передовая статья, в которой положительно оценивались усилия австрийской дипломатии по упрочению «союза трех монархов» — России, Германии и самой Австрии: <***Г.-П.***>. Москва, 21 февраля // *СИ*. 1874. 22 февр. № 52. С. 2. Здесь **Г.-П.** весьма сочувственно (что и вызвало иронический отклик **П.**) цитировал речь генерал-фельдмаршала гр. Х. К. Мольтке: «Нам нужен мир, мир на пятьдесят лет. <...> Тогда, через эти полстолетия, мы можем распустить войско; мир будет охраняться сам собою» (Там же).

[5] Астрея, богиня справедливости в древнегреческой мифологии, была послана отцом Зевсом и матерью, богиней правосудия Фемидой, на землю, чтобы помочь людям жить честно. Это и был «век Астреи», «золотой век» справедливости. Он кончился, когда Астрея, не вынеся людских преступлений, вознеслась на небо. В XVIII в. «златым веком Астреи» нередко именовали правление Екатерины II. Ср. в «Оде Всепресветлейшей и державнейшей великой государыне императрице Екатерине Алексеевне самодержице всероссийской на заключение мира России со Швециею» (1790) И. А. Крылова: «Цветет златой Астреи век».

[6] если хочешь мира, готовься к войне (*лат.*) Авторство этой поговорки приписывается римскому историку Корнелию Непоту (жизнеописание фиванского полководца IV в. до н. э. Эпаминонда). По другим данным, фраза принадлежит римскому писателю Вегетию.

[7] **П.** подразумевает нравственную оценку в передовице других слов Мольтке: «Нам нужен мир <...> подкрепленный полумиллионом готовых штыков и миллионами запасных» (*СИ*. 1874. 22 февр. № 52. С. 2). **Г.-П.** комментировал их так: «Для Германии нужен мир — мир, то есть сохранение насильно приобретенного <...> мир будет значить сохранение уважения при общей нелюбви, насильственное удержание всех в границах почтительности грозою несметных сил войска» (Там же). В этих словах слышится отголосок стихотворения Ф. И. Тютчева «Два единства»: «„Единство, — возвестил оракул наших дней, — Быть может связано железом лишь и кровью...“ Но мы попробуем связать его любовью, — А там увидим, что прочней...» (впервые: Заря. 1870. № 10. С. 3).

[8] Датируется по содержанию (упоминанию статьи, «вчерашнего» письма, дня недели).

45[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Ума не приложу теперь, люб<езный> друг Никита Петрович, что отвечать Вам[2]. У нас горе в доме. 1 мая скончалась наша больная[3]. — В субботу мы погребли ее в Сергиевой пустыни. Жена моя совсем убита горем, которое и меня глубоко тронуло. Живем покуда в монастыре[4]. По возвращении постараюсь уехать куда-нибудь поскорее[5].

Постараюсь повидаться и с Лонгиновым и поговорить с ним о Вашем деле. Тогда напишу Вам. Боюсь, чтоб это предприятие[6] не запутало Вас, не выведя вместе с тем на широту и усугубив заботы и отношения к людям.

Право ли Вы разумеете Юрьева? Я слыхал, что у него господствует смешение мыслей в голове. Как бы его имя не помешало успеху ходатайства — не помешало бы оно и успеху предприятия, так как покойная «Беседа» его — не была живым и цельным органом мысли[7].

Обнимаю Вас.

Ваш *К. Победон<осцев>*

6 мая 1874
П<етер>бург

[1] Печатается по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 52. Л. 5—5 об. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 676. Л. 15.) Впервые опубл. В. В. Ведерниковым по копии **Ш.** с погрешностями («на сторону» вместо «на широту» и др.): «*Будь тверд и мужествен...*» С. 325.

[2] Упомянутое письмо **Г.-П.** нам неизвестно.

[3] Речь идет о теще **П.** Софье Никаноровне Энгельгардт, скончавшейся в возрасте 52 лет.

[4] Супруги Победоносцевы пребывали в Свято-Троицкой Сергиевой Приморской пустыни — мужском монастыре в селении Стрельна (ныне в черте Петербурга), основанном в 1734 г. и имевшем статус первоклассной обители.

[5] Своей горестью **П.** делился и с А. Ф. Аксаковой — уже уехав с женой в Зальцбург, в письме от 24.VIII.1874 г.: «Этот год был особенно тяжел для моего дома. Он был весь занят тяжкою болезнью моей тещи, жившей с нами, и бедная жена моя, горячо любящая с детства мать свою и не перестававшая ходить за нею днем и ночью, совсем истомилась душою и телом. В мае мы схоронили свою больную, и жена моя до сих пор не может оправиться от своей потери. Май прожили мы в Сергиевой пустыни, а в начале июня уехали сюда, в Зальцбург» (ИРЛИ. Сигн. 22 582. Л. 1 об.).

[6] Имеется в виду проект издания совместно с С. А. Юрьевым журнала, который не состоялся. Об этом узнаем из письма Юрьева к **Г.-П.** от 15.V.1874 г. (год установлен по содержанию):

> «15 мая
>
> Многоуважаемый и дорогой Никита Петрович, на Ваше письмо от 5 мая я отвечаю только 15-го. Дело в том, что Ваше письмо пришло в мою усадьбу в мое отсутствие. Я очень рад и готов по<й>ти с Вами рука об руку и под Вашим прикрытием в деле редактирования журнала „Современная беседа“ и помогать Вам в газете так, как Вы желаете. Я готов от всей души составить с Вами союз столь же крепкий, как союз Каткова с Леонтьевым. В основаниях, в исходной точке моих убеждений я солидарен с Вами, а в подробностях, в частных воззрениях, когда мои взгляды не тождественны с Вашими, я, *без всякого сомнения,* ближе подхожу к Вам, чем к кому-нибудь из стоящих на одной с нами почве» (ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. № 36. Л. 1—3).

[7] Ежемесячный «журнал ученый, литературный и политический» «Беседа» (1871—1872) редактировался С. А. Юрьевым на средства А. И. Кошелёва, который чаял видеть в нем продолжение славянофильской «Русской беседы». Однако Юрьев настоял на широкой редакционной программе, позволявшей, на его взгляд, сделать этот журнал органом общественной консолидации, примирения славянофильства и западничества. В эпоху резкой идейной поляризации социальных сил этот замысел не способствовал формированию, по словам **П.**, «живого и цельного органа мысли».

46[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Любезнейший друг Никита Петрович.

Завтра сбираюсь, Бог даст, уехать за границу, в *Зальцбург.* В тех краях думаю провесть лето до сентября. Чрезмерно устал и нравственно и физически.

Простите, что не успел исполнить Ваше поручение. Я сам был в большом смущении, и Вы знаете, как трудно в эту пору захватить деловых людей в Петербурге. Был раз у Лонгинова — не застал. Другой раз был — сказали: переехал на другую квартиру. Постараюсь поговорить по возвращении.

Обнимаю Вас. Ваш *К. Победонос<цев>*

1 июня 1874. П<етер>бург

Поостерегитесь Вашего костромского корреспондента. Его известия об игуменье[2], которую я лично знаю и уважаю за деятельность[3], заставили меня собрать точные сведения: оказалось, все выдумки, и мне говорят, что Ваш корреспондент имеет какое-то нарочитое на нее раздражение.

Чем более думаю о Вашем плане издавать журнал[4], тем более утверждаюсь в мысли, что дело это не пойдет успешно и затянет Вас, — впрочем, Вы тоже об этом не мало размышляли.

[1] Печатается по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 52. Л. 6—7. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 676. Л. 16.) Впервые опубл. В. В. Ведерниковым по копии **Ш.** с неточностями («усел» вместо «успел» и др.) и неверно прочитанными словами («любезный» вместо «любезнейший», «издания» вместо «издавать» и др.): «*Будь тверд и мужествен...*» С. 325—326.

[2] Имеются в виду три корреспонденции из Костромы — от 10.II, 5.III и 1.V.1874 г. — об игуменье костромского женского Богоявленско-Анастасиина монастыря Марии (Давыдовой) (в газете ни она, ни обитель не названы). В первой корреспонденции («Деятельность матери игуменьи») иронически описывалось ее стремление быть на виду и «страсть к аффектации» — она вместо священника говорит проповеди; театрально, «с излишним драматизмом в дикции и особенной жестикуляцией», читает акафисты, при этом «только появление ее в народе возбуждает в некоторых смех»; «организовала особый штат» сборщиц пожертвований на далеко не бедный свой монастырь, «которые с раннего утра и до позднего вечера осаждают пороги лавок, полпивных и харчевен и поют на разные лады столь известную нам песню о милосердии» (*СИ*. 1874. 25 февр. № 55. С. 3). Во второй корреспонденции («Разрушение церкви и неуважение к древностям вообще») рассказывалось, как втайне от прихожан была снесена старинная Преображенская церковь, на ее месте построен горшечный сарай, а весь кирпич и церковная утварь проданы за 500 руб. игуменье; одновременно же поблизости затеяли строительство новой церкви, «которая стоила больших затрат и вышла все-таки и сырой и темною...» (Там же. 10 марта. № 68. С. 3). Автор третьей корреспонденции («Из Ярославля до Нижнего Новгорода»), отмежевываясь от костромича, написавшего две предыдущие, полностью подтверждал его слова о игуменье и добавлял некоторые подробности, в частности — о купленном ею за бесценок иконостасе Преображенской церкви, который, «сделанный заново, стоил 2000 р. сер. да плащаница 500 р.», и о старинном заштатном Крестовоздвиженском монастыре, обращенном предприимчивой игуменею «в различные склады, которые будто бы отдаются внаймы» (Там же. 17 мая. № 112. С. 3).

[3] В переписке с вел. кн. Александром Александровичем **П.**, не скупясь на похвалы, называет игуменью Марию не иначе как «умной и деятельною» (2.II.1873), «женщиной ревностной и практической» (5.III.1873), «достойной всяческого уважения», действующей «с замечательной энергией и благоразумием» (20.II.1874) (см.: *Письма к Александру III*. Т. I. С. 14, 15, 19). В 1866 г., во время путешествия с наследником по России, **П.** привозил его в кельи игуменьи. В марте 1873 г. она была удостоена в Петербурге аудиенции и испросила позволение Цесаревича дать его имя устроенной ею «первой сельской лечебнице для пособия крестьянам, в Костромской губернии» (он стал ее попечителем) (см.: Там же. С. 14—15, 19—20); позднее через **П.** из Костромы регулярно пересылались ежегодные отчеты о деятельности монастырских больниц (см.: Там же. С. 42—43, 309—310, 371—372).

Однако первую из упомянутых корреспонденций «Современных известий» об игуменье Марии прочел Цесаревич, и **П.** вынужден был наводить справки через родственницу, подвизавшуюся под началом костромской игуменьи. 16.III.1874 г. **П.** писал своему воспитаннику: «Вы как-то изволили помянуть мне про газетную статейку, которая попалась Вам на глаза, с рассказом о костромском монастыре и об игуменье. Эту статейку и мне было не совсем приятно прочесть, так как я эту женщину разумею в хорошем и достойном смысле; впрочем, зная, чего стоят подобные статейки, сочиняемые ради скандала, я заранее не верил всем ее подробностям.

Теперь двоюродная сестра моя, монахиня в том же монастыре, пишет мне письмо с выражением негодования на вздор, придуманный корреспондентом» (Там же. С. 20).

Когда в 1881 г. Александр III с семьей в сопровождении гр. Н. П. Игнатьева отправился в поездку по России, **П.** писал последнему 15.VII.1881 г.: «В Костроме рекомендую директора мужской гимназии Масленникова, основательного педагога и разумного. Но главное там Крестовоздвиженский женский монастырь и игуменья — мать Мария» (Былое. 1924. № 27/28. С. 57). Однако в тот раз аудиенция не состоялась.

[4] Речь идет о проекте журнала «Современная беседа». См. примеч. 5 к п. 45.

47[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Зальцбург 15/27 июня 1874

Любезнейший друг Никита Петрович. Я поселился на 3 месяца в здешних местах. Прекрасный край — широкая долина, старый город, преисполненный древностей, роскошная зелень, вокруг громады Альпов со снежными вершинами[2].

Пишу к Вам с просьбой — надо мне иметь какую-нибудь русскую газету. Если можно (т. е. если у Вас заведена механика заграничной рассылки), присылайте мне сюда 1 экземпляр «Соврем<енных> известий» из родной Москвы. Присылайте по следующему адресу: Австрия, Salzburg, H[r] Pobedonostzeff, Berchtesgadener Straße, Geschnitzter Hof[3].

Это название дачи, которую я взял себе здесь за городом, в прекрасном месте. Надеюсь притом, что жизнь мне здесь (вчетвером)[4] обойдется с проездом — едва ли не дешевле, нежели чем когда б я остался в П<етер>бурге на даче.

Если же высылка газеты вызовет какие-нибудь затрудненья (у Вас на газете нет объявления о заграничной подписке), то не высылайте, только уведомьте по вышеписанному адресу.

Надеюсь, что все у Вас благополучно. Обнимаю Вас до свидания.

Ваш *К. Победон<осцев>*

[1] Печатается по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 52. Л. 8—8 об. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 676. Л. 17.) Впервые опубл. В. В. Ведерниковым по копии **Ш.** с неточностями («вышеописанному» вместо «вышеписанному» и др.) и неверно прочитанными словами

(«пришлите» вместо «присылайте», «вызывает» вместо «вызовет», «есть объявление» вместо «нет объявления» и др.): «*Будь тверд и мужествен...*» С. 326.

[2] Именно в этот полюбившийся ему город **П.** теперь будет приезжать регулярно. Так, он извещал И. С. Аксакова в письме от 26.VIII.1885 г.: «Пишу тебе из Зальцбурга, куда приехал наконец отдыхать в прошлый четверг, и подлинно отдыхаю, потому что здесь мир и красота гор необыкновенная, а сам город крайне интересен и мне мил издавна» (ИРЛИ. Сигн. 22 583. Л. 47).

[3] Зальцбург, Г-н Победоносцев, улица Берхтесгад, пансион Гешнитцтера (*нем.*).

[4] Очевидно, имеются в виду **П.** с супругой, его слуга и ее горничная.

48[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Зальцбург, 30 августа / 4 сент<ября> 1874

Любезнейший Никита Петрович. — Сердечно благодарю Вас за исполнение моей просьбы — «Современные известия» доходили до меня исправно. Теперь, собираясь уже выезжать отсюда, прошу Вас, по получении сего, — *прекратить* высылку газеты в Зальцбург и посылать ее по прежнему адресу в Петербург. *Большая Конюшенная, д<ом> Финской церкви*[2].

Три месяца прожил я здесь очень приятно посреди живописной природы. Удалось съездить отсюда и в Прагу на освящение русской церкви: это были торжественные дни, которых никогда не забуду[3].

Желаю от всей души, чтоб это письмо застало Вас в добром здоровье и благополучии. Здравствуйте и радуйтесь, любезнейший Никита Петрович.

Ваш *К. Победоносцев*

[1] Печатается по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 52. Л. 9—9 об. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 676. Л. 18.) Впервые опубл. В. В. Ведерниковым по копии **Ш.** с неточностями («прекратите» вместо «*прекратить*» и др.) и неверно прочитанными словами («доходят» вместо «доходили», «собраться» вместо «съездить» и др.): «*Будь тверд и мужествен...*» С. 326.

[2] Лютеранская финская кирка Св. Марии (Бол. Конюшенная ул., д. 6а) была построена на нынешнем месте, вблизи Невского пр., в 1733 г. В 1803—1805 гг. на месте деревянного здания по проекту Г. Хр. Паульсена был возведен каменный храм в стиле ампир, существующий в слегка перестроенном виде поныне. (В 1838—1990 гг. относился к Эрмитажу.) Финской кирке принадлежало несколько домов поблизости, в одном из которых (д. 4) в эти годы снимал квартиру (№ 65) **П.** Точный адрес указан в письме **П.** к П. И. Бартеневу от 8.I.1872 г. (ИРЛИ. Сигн. 22 584. Л. 2 об.).

[3] Подробно об этом событии **П.** рассказал в статье «Освящение русской церкви (Письмо из Праги. Корреспонденция „Гражданина“)» (Гражданин. 1874. 2 сент. № 35. С. 874—876; подпись: *К.*) и в письмах из Зальцбурга к вел. кн. Александру Александровичу от 9(21).VIII.1874 г. (см.: *Письма к Александру III*. Т. I. С. 23—28) и к А. Ф. Аксако-

вой от 24.VIII.1874 г., которой сообщал: «Одного недостает — и очень многого — русской Церкви, без которой мы оба голодаем. Слава Богу! и эту пустоту пополнили мы недавно четырьмя днями, проведенными в Праге. Эти дни были так хороши, что мы никогда не забудем их. Торжество освящения церкви удалось вполне: оно было светлое — без всякой примеси, без всякого пятна. Ждали многих, но *никто* не приехал ни из Москвы, ни из П<етер>бурга. Стыдно гг-м членам Славянских Комитетов, — но дело, пожалуй, вышло оттого еще удачнее. Не было пышных речей с аффектацией — одна церковь сама за себя говорила. Съехалось очень немного русских — из проживающих на водах за границею. Сочувствие чехов выразилось самым явственным и простым образом: народная толпа наполняла церковь, много было молящихся в простоте, и ничто посреди этого собрания не напоминало, что русская церковь основана в католическом городе. Казалось, стоишь в своем храме, посреди своего народа: все теснились прикладываться, помазываться, благословляться у священника. Из представительных чехов приехали — старик Палацкий из деревни и, конечно, — доктор Браунер. Беседа с ними доставила мне немало удовольствия. Я в первый раз видел славян и говорил с ними в дружеском общении. Все были с нами так просты и ласковы, как с братьями, — во имя России. Прага оставила нам самое приятное впечатление, которым мы живем и до сих пор. Приятно еще думать, что в Праге у нас будет прекрасный священник, чисто русской души, простой и благочестивой» (ИРЛИ. Сигн. 22 582. Л. 1 об.—2 об.). Дочь первого настоятеля этой церкви, Е. А. Лебедева, вспоминала, что к приезду семьи священника, в середине июля 1874 г., «церковь в Праге была готова, но еще не освящена; она была переделана из католического храма какого-то упраздненного монастыря. Но хотя храм был католический, чехи с гордостью отмечали, что под сводами его не раздавалось латинского языка, — это было едва ли не последнее убежище славянского богослужения, которое на некоторое время отстояли в прошлом гуситы. <...> Между тем настал день освящения церкви — 4-ое августа 1874 г. Помню, как мы сначала стояли с почетными гостями из чехов в алтаре, а потом нам нужно было удалиться оттуда. Церковь освящена была во имя Святителя Николая Чудотворца. Съезд на освящение был, помнится, большой — съехалось соседнее заграничное духовенство, во главе был, должно быть, выдающийся по своей деятельности венский протоиерей Мих<аил> Фед<орович> Раевский; церковь была полна народу» (*Лебедева Е.* Воспоминания о протоиерее Александре Алексеевиче Лебедеве // Богословский вестник. 1916. Т. III, окт./дек. С. 280, 283). В этих же мемуарах читаем: «В первые наши годы в Праге приезжал в Прагу К. П. Победоносцев с молодою супругою, — едва ли не бывший тогда московским профессором; — они, помнится, раз обедали у нас. Не знаю, тогда ли именно отец мой сошелся с ним, но сближение совершилось, конечно, на почве единства религиозных убеждений и русского духа. К. П. Победоносцев оценил в отце моем православного русского священника, а отец в нем верующего и русского по духу ученого и деятеля. Доброе расположение К<онстантина> П<етрови>ча к отцу моему сохранилось неизменно и через все время обер-прокурорства последнего до самой смерти отца. <...> Естественно возобновились у отца, в силу уже деловых соприкосновений, отношения с К. П. Победоносцевым, причем оказавшаяся разница положений ничем не омрачила их за все время <...>. Не мне, конечно, оценивать или критиковать личность К. П. Победоносцева, но скажу, что я, так сказать, выросла в уважении к его имени и из всего, что об нем слышала, составила себе представление, что это был человек, которому можно было говорить в глаза правду, а это — несомненная печать благородства духа» (Там же. С. 297—298, 327). **П.** навещал пражскую церковь и позднее. Так, 17(5).IX.1875 г. он писал из Зальцбурга дочери поэта Е. Ф. Тютче-

вой: «...на днях я ездил (30 и 31 авг<уста>) в Прагу, помолиться еще в русской церкви, где все так же хорошо, как было в прошлом году, и повидаться с небольшою русскою колонией, которая, группируясь около церкви, живет очень дружно» (цит. по: «...Пишу я только для вас...»: Письма К. П. Победоносцева к сестрам Тютчевым / Публ., сост., вступ. ст. и коммент. О. Майоровой // Новый мир. 1994. № 3. С. 214). Той же своей корреспондентке **П.** сообщал в недатированном письме: «...я много ходил по делу о пражской церкви, которое все от себя отталкивали» (Там же). О роли **П.** см. архивное дело «Об устройстве православной церкви в Праге»: ЦГИА СПб. Ф. 400 (С.-Петербургское славянское благотворительное общество). Оп. 1. № 2-а (ч. 1 — до освящения храма, 31.X.1869—21.IV.1874); № 2-б (ч. 2 — после освящения храма, 5.VIII.1874—7.I.1875).

См. также отклик **Г.-П.** на празднование в Праге 900-летия католического епископства в его передовой статье о судьбах православия в Чехии, в частности в связи с известным «Завещанием» Фр. Палацкого: *СИ*. 1873. 28 авг. № 236. С. 1—2.

49[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Любезнейший Никита Петрович. Нелишним почитаю известить Вас, что узнал сегодня от Ф. Ф. Веселаго, — что на Вас готовится гроза, т. е. доклад[2] по поводу рассуждений в № 4 от 4 января относительно слухов об университетских преобразованиях[3]. На этот раз гроза миновала, но примите это к сведению и вспомните мой всегдашний Вам совет «чаще оборачивать стиль»[4]. Вы нынче почти не пишете передовых статей, а делаете общие обозрения новостей: тут вот предстоит опасность задеть как-нибудь вопрос мимоходом резким словом.

Здравствуйте.

Ваш *К. Победоносцев*

21 янв<аря> 1875
П<етер>бург

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 53. Л. 1—1 об. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 679. Л. 1.)

[2] О докладах для Совета Главного управления по делам печати см. примеч. 3 к п. 21.

[3] Неточность: № 4 датирован 5.I.1875 г. **П.** говорит о передовой статье, построенной как развернутый комментарий к сообщениям «Русского мира» и «Московских ведомостей» о работе Комиссии по пересмотру уставов высших учебных заведений под председательством П. А. Валуева: <***Г.-П.***>. Москва, 4 января // *СИ*. 1875. 5 янв. № 4. С. 2. Сущность готовящихся изменений **Г.-П.** передавал в словах: «уничтожение корпоративного начала», «профессора обращены будут в чиновников» — и сомневался, что готовящиеся преобразования приведут «к оживлению науки иль к возвышению уровня преподавания».

[4] Об этом выражении из Горация см. примеч. 9 к п. 20.

50[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Конечно, не писал бы Вам, любезнейший Никита Петрович, когда бы не руководился желанием дружески предостеречь Вас *паки и паки*[2]. Вам дано предостережение[3] за статью в № 87 по поводу суда присяжных «об остервенении»[4]. Когда я прочел ее, то уже не сомневался ни минуты, что гроза будет и сказал: *достойно и праведно*[5]. На этот раз Вы сами виноваты. Очевидно, Вы *не могли* бы допустить такое мальчишество, которое роняет газету в мысли у всех серьезных людей, не только у правительства. Очевидно, Вы оставляете каких-то мальчишек хозяйничать в верхнем этаже у себя и не следите за ними. Право, это может отозваться серьезным для газеты последствием, а в газете — ладья, которая везет Вас и Вашу фортуну. В последнее время этот верхний этаж очень оскудел у Вас: статьи, точно сорвавшиеся с привязи, бегут и *балуются* мимоходом, задевая то одно, то другое и никогда не высказываясь в серьезном, достойном обсуждения. Время Вам сказать себе: *caveant consul<es>*[6].

Обнимаю Вас. *К. Поб<едоносцев>*

4 апреля 1875
П<етер>бург

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 53. Л. 2—2 об. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 679. Л. 2.)

[2] снова и снова (*црксл.*) Источник выражения — возглашение на литургии: «Паки и паки миром Господу помолимся!»

[3] Первое предостережение (по новому кругу) «Современные известия» получили 2.IV.1875 г. — за критику законодательного отделения Министерства юстиции в связи с новыми правилами для присяжных (см.: <***Г.-П.***>. Москва, 28 марта // *СИ*. 1875. 29 марта. № 87. С. 2) и за обнародование скандальной истории ухода Е. А. Салиаса-де-Турнемира с поста редактора «С.-Петербургских ведомостей» (<*Без подписи*>. Из Петербурга. *26 марта* // *СИ*. 1875. 28 марта. № 86. С. 3). Вторая причина, однако, публично не оглашалась. Ср. «Распоряжение министра внутренних дел» от 2.IV.1875 г.: «На основании ст<атьи> 29 гл<авы> II прилож<ения> к ст<атье> 5 (примеч. 4) Уст<ава> ценз<уры> по прод<олжению> 1868 г. и согласно заключению Совета Главного управления по делам печати, министр внутренних дел *определил*: по поводу напечатанной в № 87 „Современных известий" передовой статьи, заключающей в себе крайне резкие выражения о правительственном учреждении, объявить этой газете *первое* предостережение, в лице издателя-редактора, статского советника Гилярова-Платонова» (*ПВ*. 1895. 3 апр. № 74. С. 1).

[4] См.: <***Г.-П.***>. Москва, 28 марта // *СИ*. 1875. 29 марта. № 87. С. 2. Процитировав сообщение «Московских ведомостей», передававших слухи о подготавливаемых мерах по административному «приручению института присяжных заседателей», **Г.-П.** возмущался: «Если это известие справедливо, в чем мы даже сомневаемся, то законодательное отделение Министерства одарено: 1) значительным остервенением против суда присяж-

ных вообще; 2) остервенением против всех подсудимых в особенности, и в довершение 3) совершенно обделено юридическими знаниями, юридическим смыслом и простою логикою».

[5] Этими словами начинается Евхаристическая молитва, они встречаются в формулировках апостольских правил и др.

[6] пусть консулы будут бдительны (*лат.*) О происхождении выражения см. примеч. 4 к п. 41. Употребляется как крылатое в значении: «берегитесь», «будьте начеку».

51[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Почтеннейший Никита Петрович. Сегодня утром приходил от Вас с письмом художник Иванов[2] в ту минуту, когда я уезжал на жел<езную> дорогу и не мог принять его. Просил его зайти на днях, и рисунки он у меня оставил. Но я испытываю неловкое ощущение человека, на которого надеются в деле, в коем он не имеет ни малейшего значения. Каковы бы ни были его рисунки, я решительно ни в чем не могу ни пособить ему, ни приспособить его, так как ни малейшего пути в этом деле не знаю. Особливо же в эту пору, когда все отсюда разъехались или всем некогда, и я сбираюсь в путь через 3 дня, опять на прежнее место в Зальцбург, где намерен прожить до $^1/_2$ сентября.

В тот день, когда писано письмо Ваше, 24 числа, я был в Москве, но, конечно, не мог отыскивать Вас на даче в течение 2<-х> суток, которые провел там, — видел только случайно И. С. Аксакова, с которым и посылал Вам поклон.

Крайне устал несносною нервною усталостью, от которой жажду отдохнуть на свободе.

Обнимаю Вас.

Ваш *К. Победонос<цев>*
Петерб<ург>. 28 мая 1875.

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 53. Л. 3—4. ОР (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 679. Л. 3.)

[2] Лицо неустановленное.

52[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Любезнейший Никита Петрович.

Все приходится быть для Вас вестником бедствий. Опять Вы попали под Дамоклов меч, во втором предостережении[2]. Сегодня ангел Вашей газеты[3], встретив меня, возвестил мне об этом.

Первым поводом была какая-то статья о военных казармах, где говорилось, что люди мрут от дурного воздуха и пр.[4] Печатное ведомство не обратило внимания, но обратили внимание *со стороны* и прислали со стороны какую-то бумагу. Записали на счет. Потом была статья из Шенкурска, где брякнул корреспондент Вам, что целое население края отдано на разграбление администрации. — Потом б<ыло> еще что-то, что я позабыл. Потом были резкие слова о герцеговинцах, славянах и русской политике[5].

Будьте осторожны. Оборачивайте стиль[6] у Ваших молодцов. Помните, что *на слова* больше, чем мысль, обращается внимание. Неужели нельзя сделать, чтобы было fortiter in re, suaviter in modo![7]

Здравствуйте.

Ваш *К. Победон<осцев>*

16 окт<ября> 1875
П<етер>бург

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 52. Л. 5—6. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 679. Л. 4.)

[2] Второе предостережение «Современные известия» получили 16.X.1875 г. за корреспонденцию из Шенкурска, из которой следовало, что правительство игнорирует нужды этого отдаленного края. «Распоряжение министра внутренних дел» на этот счет гласило: «На основании ст<атьи> 29 гл<авы> II прилож<ения> к ст<атье> 5 (прим<ечание> 4) Уст<ава> ценз<уры> по продолж<ению> 1868 г. и согласно заключению Совета Главного управления по делам печати, министр внутренних дел *определил*: по поводу напечатанной в № 278 газеты „Современные известия“ корреспонденции „Из Шенкурска“ и ввиду уже неоднократно замеченных крайне резких и неуместных отзывов этой газеты по различным предметам правительственного ведения, как, напр<имер>, в статье „По гигиене войск“ в № 257 газеты, объявить ей *второе* предостережение, в лице редактора-издателя, статского советника Гилярова-Платонова» (*ПВ*. 1875. 17 окт. № 230. С. 1). Любопытно, что через 20 дней после отправки этого письма, 4.XI.1875 г., **П.** в связи с этим цензурным взысканием давал такую рекомендацию своему старшему брату калужанину А. П. Победоносцеву: «Ты пишешь, что намерен подписаться на „Гражданина“ и на „Совр<еменные> известия“. Повремени, „Гражданин“ что-то уж очень плошает и нет надежды, чтобы поправился. Не стоит на него тратиться, а „Совр<еменные> известия“ висят под ударом, получив 2 предостережения, и так есть риск немалый, заплатив деньги, не получить газеты. Судя по беспечности издателя, опасаюсь, что решительный удар не замедлит. Вернее будет взять „Русские ведомости“, например» **(**Из писем Победоносцева // Русская мысль. 1911. Кн. V. С. 166 (паг. 2-я)**)**. Кстати, это письмо дополнительно свидетельствует о значительной популярности «Современных известий» в провинции.

[3] Ф. Ф. Веселаго.

[4] Речь идет о корреспонденции: *М. М.* По гигиене войск // *СИ*. 1875. 18 сент. № 257. С. 2. В ней, в частности, говорилось: «...тем, которые желают иметь ясное понятие о казармах, можно посоветовать вспомнить обезьянник Зоологического сада, и тогда полу-

чится верное и довольно наглядное понятие о воздухе наших казарм. <...> Вопрос о недостаточном возобновлении воздуха в казармах представляется очень важным, в особенности если принять во внимание ту массу отборных здоровых солдат, которые ежегодно умирают от легочной чахотки и других болезней дыхательных органов» (Там же).

[5] Видимо, имеется в виду статья Н. Н. Дурново, помещенная в качестве передовицы: *Н. Д.* По поводу восстания турецких сербов // Там же. 19 сент. № 258. С. 2. Автор, упрекая русское правительство за бездействие в связи с экспансионистскими планами Австрии по отношению к южнославянским землям, писал: «Католическая и протестантская пропаганды, всегда нам враждебные, увеличат свою паству уже одним тем, что будут указывать нашим единоверцам на поведение России и русского народа в нынешнее восстание». Кроме того, **Г.-П.** в этот период опубликовал целый ряд своих передовых статей по Балканскому вопросу, столь же откровенно критикующих русскую дипломатию (прежде всего из-за ее «растерянной» реакции на Герцеговинское восстание). См.: Там же. 20 сент. № 259; 24 сент. № 263; 25 сент. № 264; 27 сент. № 266; 30 сент. № 269; 2 окт. № 271; 3 окт. № 272; 4 окт. № 273 (всюду с. 2); и др.

[6] Об этом совете Горация см. примеч. 9 к п. 20.

[7] жестко по существу, а мягко по приемам (*лат.*) Выражение из трактата генерала Ордена иезуитов Клавдия Аквавивы «Способы врачевания больных душ».

53[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Достопочтеннейший Никита Петрович.

Статью Вашу о Бердникове[2] прочел немедленно при ее появлении, а вслед за нею явилось и письмо Ваше.

Душевно желал бы пособить Вам в желании Вашем выдвинуть г. Бердникова, но *пути не вижу*.

Требуется — если так понимаю Вас — передать предержащим Синодским властям то понятие о Б<ердникове>, которое Вы имеете и делами его свидетельствуете. Это само по себе трудно, если сами они не видят и не разумеют. А я вовсе не знаю их — знаю центральную власть, Гр. Д. А. Толстого, и при случае поговорю с ним; но сами Вы рассудить можете, что из этого может выйти. Заслуга здесь соединяется с делом техническим, которое оценить вполне может лишь знающий человек. Что же молчит *свое* начальство, т. е. Типографское. Его бы дело вопиять и требовать.

Поднесение экземпляров[3] Выс<очайшим> особам ничего не пособит делу, если совершится приватно: чтоб возыметь действие, оно должно совершиться через того же Гр. Толстого. Капиталом типографским тоже начальство распоряжается. И все это ведомство какое-то тупое — и подступиться к нему трудно живым гласом!

Вижу из объяснения в Вашей газете, что Вы меняете квартиру[4], но посылаю письмо по старому адресу, так как новый еще не назначен у Вас.

Очень я завален делом. Обнимаю Вас от души.

Душ<евно> предан<ный>
К. Побед<оносцев>

23 янв<аря> 1876
П<етер>бург

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 53. Л. 1—2. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 679. Л. 5.)

[2] Имеется в виду мемуарная передовая статья **Г.-П.** «Москва, 14 января» (*СИ*. 1876. 15 янв. № 14. С. 2), где он вспоминает об издании: Творения иже во Святых Отца нашего Тихона Задонского. 4-е изд. М.: В Синодал. тип., 1875. Т. I—V, — и его «ближайшем редакторе» И. Д. Бердникове, который обучался в Московской ДА в 1848—1852 гг. (XVIII курс) и был учеником **Г.-П.** Впоследствии был инспектором школы синодальных певчих и помощником хранителя рукописей Румянцевского музея. 15.I.1876 г. **Г.-П.** писал И. С. Аксакову:

> «Вы прочтете мою сегодняшнюю статью. Имеете ли Вы понятие о высокой личности Бердникова, не знаю; вероятно, я говорил Вам. Достаточно сказать, что из певчих мальчиков, из бывшего дотоле гнезда, разводящего только пьяниц, он устроил такое училище, которое уже не одного человека поставило в Духовную Академию и в университет. Личность необыкновенно светлая; но скромен так, что какой-нибудь Викторов помыкает им, как лакеем, и эксплуатирует без совести. Заметьте, за свою работу по Тихону он пока не получил даже экземпляра в подарок: для себя он же должен был купить. Хорош Синод! Я сегодня писал Победоносцеву, намекнув между прочим, что не мешало бы даже поднести книгу кому-нибудь из Высочайших. В статье своей я высказался, в сущности, очень умеренно, боясь повредить делу; но ведь по-настоящему книга-то вся новая: если бы можно было сказать, как рукою властною коверкали Тихона в прежних изданиях!
>
> Как Вы думаете? Викторов — член Общ<ества> люб<ителей> слов<есности>. Почему не быть Бердникову? Что Вы на это скажете? Я бы предложил, но не уверен в поддержке: какой-нибудь тот же Викторов восстанет. Надо сказать это Федору Александровичу, чтоб тот передал Буслаеву. Изданием Тихона Бердников оказал положительную услугу истории литературы и истории языка» (РНБ. Ф. 847. № 359. Л. 16 об.—17).

См. также поминальную статью **Г.-П.** о Бердникове, в которой, в частности, говорится: «И. Д. Бердников был отчасти педагог, отчасти изыскатель, но более всего вдохновитель и споспешествователь всякому чистому гражданскому начинанию. <...> И повсюду он оставлял себя на заднем плане, не выдвигаясь, но хоронясь и выступая с резкостью лишь там, где нарушалась, по его мнению, христианская гуманность и правда, и во имя этой гуманности и правды. Без преувеличения он был миссионер и подвижник; миссионер и подвижник не в пошлом значении этого слова, с внешними атрибутами миссионерства или аскетизма; но в том современном смысле, в каком каждый из граждан мо-

жет быть для непосредственно окружающей среды: наставником любви и правды и живым образцом служения высоким идеалам знания и нравственности» (<***Г.-П.***>. Москва, 9 января // *СИ*. 1880. 10 янв. № 9. С. 2).

[3] Подразумеваются, очевидно, Творения свт. Тихона Задонского.

[4] В № 20 от 21.I.1876 г. в Объявлении о подписке адрес редакции указывался: «на Знаменке, в Ваганьковском переулке, против Румянцевского музея, дом № 9, Игнатьевой (бывший кн. Голицына)» (с. 1), а уже в № 21 от 23.I.1876 г. в том же Объявлении — «на Воздвиженке, в Ваганьковском переулке, в доме Александровского монастыря» (с. 1). Невыход газеты 22.I.1876 г., очевидно, и объяснялся переездом типографии на новое место.

54[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Любезнейший Никита Петрович.

Из другого экземпляра доставляемых Вами «Совр<еменных> известий» я рассылаю листки — кому что нужно и интересно. В том числе посылаю иногда и в Прагу *приятелю* — свящ<еннику> Лебедеву[2]. Сейчас он доставил мне корреспонденцию по поводу Вашей статьи о слав<янских> делах[3]. Посылаю ее Вам — мне кажется, она может Вам пригодиться. Впрочем, рассудите, как знаете.

Душевно предан<ный>
К. Победон<осцев>

25 февр<аля> 1876
П<етер>бург

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 53. Л. 3—4. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 679. Л. 6.)

[2] В РНБ (Ф. 558. № 231) сохранились 11 писем прот. А. А. Лебедева к **П.** за 1874—1879 гг., главной темой которых стали попытки австрийского правительства закрыть церковь в Праге, прекратить в ней богослужения, требования к настоятелю перейти в австрийское подданство и др. По содержанию видно, что в хлопотах участвовали гр. А. Д. Блудова, И. П. Корнилов. Писем, сопровождавших заметки для «Современных известий», среди них нет. См. также примеч. 3 к п. 48.

[3] Корреспонденция свящ. А. А. Лебедева была опубликована в качестве передовой статьи: *N*. Москва, 28 февраля: Голос издалека о современном политическом затруднении // *СИ*. 1876. 29 февр. № 57. С. 1—2. В конце пометка: *Чешская Прага*. Начинается так: «Беру перо под влиянием руководящей статьи в 25 № „Современных известий“. Автор выражает в ней опасение: не ведется ли по Герцеговинскому вопросу двойная или даже тройная политическая игра?» (с. 1). Речь идет о передовой статье: <***Г.-П.***>. Москва, 26 января // Там же. 27 янв. № 25. С. 1.

55[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Зачем так поздно хватились Вы, любезнейший Никита Петрович? Вы пишете, что уже 4 недели назад послали просьбу[2]. Отчего тогда же не написали? Боюсь, что теперь уже прошло время и состоялось что-нибудь, что трудно будет опровергнуть. В пятницу[3] веч<ером> случайно встретился я с Ф. Ф. Веселаго, который заговорил про Вашу газету и про Вас, впрочем, в благосклонном духе. Но говорит — какой чудак Гиляров! Просит разрешить ему фельетон, ему *не разрешают,* а он уже печатает фельетон[4].

Теперь, по случаю Вашего письма я себя спрашиваю: что значат эти слова Веселаго: ему не разрешили. Не разрешили *еще* или совсем не разрешили? Напишу ему и узнаю, в каком положении дело и что можно сделать. —

Только кто Вас понудил, люб<езный> Н<икита> Петрович, просить разрешения? Это была положительно ошибка. Разве опыт жизни не научил Вас до сих пор, что во многих и многих случаях лучше не просить разрешения.

До свиданья.

Ваш *К. Победонос<цев>*

1 марта 1876
П<етер>бург

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 53. Л. 5—6. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 679. Л. 7.)

[2] **Г.-П.** испрашивал официальное разрешение завести в своей газете фельетонный «подвал», чтоб публиковать объемные статьи, беллетристику и др.

[3] Упомянутая пятница приходилась на 27.II.1876 г.

[4] Первый фельетон «Современных известий» — *Яков Б.* Театральная хроника: Малый театр // *СИ.* 1876. 24 янв. № 22. С. 1—2.

56[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

По Вашему делу, любезнейший Никита Петрович, собрал я сегодня сведения, которые сообщу вам в подробности *при оказии,* а теперь ограничусь следующим. Просьба Ваша о разрешении фел<ьетона> положена, кажется, под сукно, и есть повод думать, что это в *настоящую минуту* благоприятное для Вас распоряжение, а преследовать Вас за помещение фел<ьетона>, кажется, не предполагается. Итак, теперь всего лучше для Вас не возбуждать никаких новых вопросов и продолжать потихоньку и с осмотрительностью. Избегайте

скандальных анекдотов, особливо относительно полиции[2], и остерегайтесь слов и фраз, бьющих по уху. Вот Вам на сей раз мой ответ. Ходатайствовать о разрешении Вашей просьбы я не стану, ибо по обстоят<ельст>вам вижу, что лучше этого не делать. Остальное — до случая. Жалею, что видел сегодня утром Бартенева, когда еще не дошли до меня нужные сведения, — иначе через него сообщил бы Вам, а он завтра уезжает — и адреса его не знаю.

Душев<но> пред<анный> *К. П.*

Понед<ельник>. 8 марта 1876
П<етер>бург

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 53. Л. 7—8. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 679. Л. 8.)

[2] Скорее всего **П.** намекает на действительно «скандальный анекдот» под названием «Возня полиции с нечистотами в пивоварне Ярославцева», в котором рассказывается, как из-за буквального выполнения распоряжения обер-полицеймейстера, «не дозволявшего сваливать нечистоты внутри города», городовые, на свою голову задержавшие возы, следовавшие на огороды, вынуждены были несколько дней их «караулить» (см.: *СИ*. 1876. 5 марта. № 62. С. 2).

57[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Недоумеваю, любезнейший Никита Петрович, дошло ли до Вас письмо с известием о Вашем деле, посланное к Вам через Манассеина[2]. Меня приводит в сомнение то, что в письме между прочим я послал Вам деньги на публикацию, а она до сих пор не появлялась[3], хотя письмо мое послано было еще 11 марта. Дошло ли оно до Вас? Конечно, Вы поражены были горькою потерей, от которой я не могу еще оправиться, потерей Ю. Ф. Самарина[4]. Грустно становится оставаться, когда таких людей уже нет. Особливо когда живешь, как теперь, в среде мирмидонов[5], больно очень чувствовать утрату *большого* человека! Сегодня прочел Вашу статью об нем[6]. Хороша, но я ждал, что Вы напишете нечто цельное о Ю. Ф. Самарине. Вы близко его знали и с ним работали[7].

Увы! Постараемся быть живы! Обнимаю Вас.

Ваш *К. Побед<оносцев>*

23 марта 1876
П<етер>бург

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 53. Л. 9—10. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 679. Л. 9.)

[2] Будущий министр юстиции Н. А. Манассеин был знаком с **Г.-П.** по московскому периоду своей жизни — с 1866 г. он служил товарищем прокурора Московского окружного суда, а в 1870—1877 гг. состоял прокурором Судебной палаты. В 1877 г. он переехал в Петербург.

[3] Имеется в виду объявление, по непонятной причине опубликованное только в № 89 от 1.IV.1876 г.: «У Анисимова, на Никольской, склад и продажа, у прочих книгопродавцев продажа новой книги: Исторические исследования и статьи К. П. Победоносцева. С.-Петербург. 1876. Ц<ена> 2 рубля.

У Соловьева и у Ферапонтова можно получать оставшиеся экземпляры книги Фомы Кемпийского О подражании Христу. Новый перевод К. П. Победоносцева. СПб. 1869. Ц<ена> 75 коп<еек>» (с. 1). Еще раньше, в № 54 от 26.II.1876 г., **Г.-П.** поместил неподписанную положительную рецензию о новой книге **П.** (с. 2), возможно, составленную Ф. А. Гиляровым.

[4] Скончался в Берлине 31(19).III.1876 г. Днем раньше, чем это письмо к **Г.-П.**, 22.III.1876 г., датировано письмо **П.** к вел. кн. Александру Александровичу, так писавшего своему воспитаннику о кончине Самарина: «Когда видим вокруг все маленьких людей большею частью, ужасно грустно, когда умирает *большой* человек. А Самарин был подлинно большой человек — и великого ума, и души великой, возвышенной, и русского сердца. Он сам собою стоял и держал своею силою многих. И перед своими, и перед немцами он был крепким и грозным представителем и русской веры, и русского ума и сердца, и, наконец, русского образования, в котором немногие могли с ним потягаться. Оттого и враги его уважали, а про друзей и говорить нечего. Он был и честен, и великодушен, и много делал добра и в городе, и в деревне. Кто теперь заменит его! Очень горько, что Самарина нет уже между нами...» (*Письма к Александру III*. Т. I. С. 43).

[5] *Мирмидоны* — зд.: ничтожные, но надменные люди, с претензиями. Определение восходит к названию мирмидонян, мирмидонов (Μυρμιδόνες от μυρμήγκι — муравей) — ахейского племени в Фессалии, происшедшего, по сказанию, от Мирмидона, сына Зевса и Эвримедузы, к которой тот явился в образе муравья; над мирмидонянами властвовал Ахилл (см. их описание в 16-й песне Илиады). По другой версии, Эак, тоже сын Зевса, дед Ахилла, потерял свой народ во время мора, насланного ревнивой Герой; тогда Зевс превратил для Эака в людей муравьев.

[6] Имеется в виду поминальная передовая статья: <***Г.-П.***> Москва, 20 марта // *СИ*. 1876. 21 марта. № 78. С. 1—2. Позднее в газете был помещен отклик на похороны Самарина: <***Г.-П.***> Москва, 30 марта // *СИ*. 1876. 31 марта. № 88. С. 1—2.

[7] О непростых взаимоотношениях с Самариным, с которым **Г.-П.** познакомился в начале 1850-х гг., последний упоминает и в письме к И. Ф. Романову-Рцы от 2.XI.1886 г.: «Ю. Ф. Самарин, слагавший предо мной оружие, умолявший писать „Иезуитов“ и только после моего решительного отказа взявшийся писать (и написавший монографию, по глубине и ясности не имеющую подобия), — тот же Юрий Федорович заносился на меня по поводу того, что я посмел коснуться кн. Щербатова в его деятельности по городскому управлению» (*Письма к Романову-Рцы*. С. 248). Кн. А. А. Щербатов был московским городским головой в 1863—1869 гг., и его деятельность на этом посту (см.: Отчет московского городского головы князя Щербатова о деятельности Московской городской думы за шестилетие с 1863 по 1869 год. М., 1969. <2>, 169 с.) время от времени вызывала критические отклики «Современных известий». Брат Ю. Ф. Самарина, Дмитрий Федорович, в разговоре с **Ш.**, состоявшемся 9.IX.1893 г., также упомянул, что размолвка его отца с **Г.-П.** произошла, между прочим, «по поводу разг<ромной> статьи Гиля<рова> о кн. Щербатове» (РНБ. Ф. 847. № 49. Л. 56 об.).

58[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Христос Воскресе![2]

Любезнейший друг Никита Петрович. — Обнимаю Вас и поздравляю. Здравствуйте.

Вот еще статейка, полученная мною от Лебедева. Он просит не выставлять под нею «Прага», а пусть будет просто из Австрии[3]. В Праге всего двое русских, и может выйти сплетня.

Не знаю, в обычае ли у Вас в редакции платить за подобные статьи. Если нет, то и речь кончена. А если *да*, то примите к сведению.

Вот, похоронили Самарина. Здесь, когда привезли его тело[4], — я пришел молиться с глубоким чувством, но вынес из церемонии тяжелое чувство от самочинных и бестактных ораторов, пожелавших явиться у гроба с своим маленьким *я,* и еще от имени великой Церкви. Я вообще не охотник до надгробных речей, но речи Янышева и Горчакова[5] с своими фразами, напускным пафосом и политическими намеками — у гроба! — вывели меня из терпения. Вот в Москве Ключарев сказал слово[6] с достоинством, с талантом и в меру церковную.

Но какая пустота от этой Кончины! С грустью думаю и о бедном Ив<ане> Серг<еевиче> Аксакове. Он теперь едва ли не последний в роде своем!

Письма Самарина — такие умные и интересные — теперь тщательно перебираются его друзьями. Есть недавнее примечательное письмо его о берлинском и вообще европейском жидовстве, — в котором он видит выражение и объяснение антихристианского духа, овладевающего обществом.

Ваш *К. Победон<осцев>*

Благодарю очень за помещенные объявления[7].

Я только что вернулся из Сергиевой пустыни, где по обычаю проводил всю Страстную и встретил Пасху.

П<етер>бург. 5 апреля 1876.

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 53. Л. 11–12. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 679. Л. 10.)

[2] В 1876 г. Пасха пришлась на 4 апреля.

[3] Эта обширная корреспонденция свящ. А. А. Лебедева (занимает 4 газетных столбца) опубликована под тем же псевдонимом «N.»: *СИ*. 1876. 8 апр. № 94. С. 1–2, но без помет. В предуведомляющей эту публикацию передовой статье «Москва, 7 апреля» **Г.-П.** только говорит: «Нижеследующее письмо, которое мы получили из австрийских владений, может дать, кстати, указания, какою мерою мы должны мерить расположение к нам и к славянам вообще со стороны Австрии и Германии» (с. 1).

[4] Об этом, со ссылкой на газету «Голос», извещалось и в «Современных известиях», в заметке «Панихида по Ю. Ф. Самарине»: «...27 марта, в 12 часов утра, по Варшавской

железной дороге прибыло тело Ю. Ф. Самарина и немедленно было перевезено на станцию Николаевской железной дороги, где в $1^1/_2$ часа пополудни в одной из зал совершена панихида, при большом стечении публики, едва умещавшейся в зале. Панихиду совершал ректор здешней Духовной академии протоиерей И. Л. Янышев, в сослужении с двумя священниками» (Там же. 30 марта. № 87. С. 2). В Москву тело прибыло 29 марта (см.: Там же).

[5] Опубликованы: *Янышев И. Л., прот.* Речь пред панихидою на Петерб<ургской> станции Николаевской железной дороги; *Горчаков М. И., свящ.* Речь после панихиды // Православное обозрение. 1876. Т. I, апр. С. 693—697.

[6] Опубликовано: *Ключарев А. О., прот.* Духовный отец над гробом духовного сына: Слово при погребении Ю. Ф. Самарина // Церковный вестник. 1876. № 14. 10 апр. С. 14—15; то же под назв. «Слово при погребении Юрия Федоровича Самарина»: Православное обозрение. 1876. Т. I, апр. С. 685—690.

[7] См. примеч. 3 к п. 57. Объявление, впервые помещенное в № 89 от 1.IV.1876 г., позднее повторялось в № 92, 94, 98, 99 и 102 от 6, 8, 12, 13 и 16.IV.1876 г.

59[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Любезнейший Никита Петрович. В эту минуту я близ и Козельска и Оптиной пустыни[2], в деревне у Кн. Оболенской[3], но скоро уеду и в Москве думаю пробыть дня два. Вас не захватить, конечно, дома, в Москве, и я целый день не бываю дома. Но если удосужитесь, спешу Вас известить, что во вторник (а мож<ет> быть, еще и в среду)[4] можно будет застать меня около 9 часов утра у меня в доме в Хлебном пер<еулке>, в квартире доктора Войта. Хорошо бы хоть на минутку увидеться.

Ваш *К. Победоносцев*

21 авг<уста> 1876.

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 54. Л. 13—13 об. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 679. Л. 11.)

[2] Введенская Оптина пустынь, знаменитый мужской монастырь, основанный в XIV в. в двух верстах от г. Козельска Калужской епархии.

[3] Имеется в виду усадьба кн. Оболенских близ с. Березичи Козельского у. Калужской губ. и ее хозяйка кн. Д. П. Оболенская, жена близкого к славянофилам кн. Д. А. Оболенского, выпускника Училища правоведения, как и **П.**

[4] В 1876 г. подразумеваемый вторник приходился на 24 августа, а среда — на 25-е.

60[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Христос Воскресе[2].
Любезнейший Никита Петрович.

После Страстной сейчас только попался Ваш № 85. Спасибо Вам — первому — за статью о Добров<ольном> флоте[3]. Вы прозрели в идею учреждения. Остальные все ползают по земле в сети мелких интриг и грошовых интересов. Это дело стоит серьезного внимания уже тем, что ведется не в личном интересе (и за это ругают нас — хороша печать!) — ведут его люди, коих нельзя было еще упрекнуть ни в каких наживательных операциях, и несут поистине каторжную работу — ради идеи[4]. Дело растет. На него отзываются отсюда кровные русские интересы, забытые или заброшенные Морским ведомством и прочими. Успех очевидный, не нажился никто — и что же? — нас ругают. А теперь ложится к нам на руки дело поистине обильное последствиями. Мы входим с М<инистерством> вн<утренних> д<ел> в соглашение о перевозе ссыльнокаторжных на о. Сахалин, т. е. пролагаем путь к берегам Дальнего Востока, которые лежат в мертвом безмолвии.

Мы о себе не говорим и не пишем, но не сидим сложа руки и работаем, конечно, для своего отечества. Я сам изнемогаю от заботы об этом деле вот уже год, но все-таки не считаю себя вправе уклониться от работы, пока не уверен вполне, что могу передать ее в руки вполне надежные.

В статье одно неловкое слово «деспотическое непризнавание народной *воли*». — Это фальшивое слово — и не по-русски, ибо переводит сразу на фальшивую почву volonté du peuple[5] и революционного начала, поистине проклятого. Заключительные слова народной песни как раз кстати приведены, но задал бы Вам трезвону Петр Алексеевич[6] за народную волю, которая по-русски значит *вольница.*

Ужасный день сегодня[7] — в эту минуту Вы всё уже знаете...

Душевно предан<ный>

К. Победон<осцев>

Если можно, не пришлете ли мне еще экземпляров 5 Вашего 85-го №.
2 апреля 1879.
Петерб<ург>

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 55. Л. 1—2. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 679. Л. 12—13.)

[2] Пасха в 1879 г. пришлась на 1 апреля.

[3] В большой передовой статье, занимающей значительную часть газетной полосы, создание Добровольного флота возводится к самым заветным Петровским замыслам,

причем с характерной оговоркой по поводу масштабов предприятия: «Но если 10-миллионная Россия Петра нуждалась в море — 90-миллионному государству нужен океан, и дело сооружения океанского, или Добровольного, флота действительно идет вперед Петровскими шагами» (+ <*Гиляров Ф. А.*>. Москва, 26 марта: Дневное обозрение // *СИ*. 1879. 27 марта. № 85. С. 2). При этом обильно цитируются и документы Петровского времени, и — при описании деятельности ближайших участников начинания во главе с Цесаревичем — доклад вице-председателя Комитета по устройству Добровольного флота (он не назван), прочитанный им в заседании 2.II.1879 г.

[4] 30.IV.1878 г. **П.** писал старшему брату А. П. Победоносцеву о начале этой своей деятельности так: «Человек предполагает, а Бог располагает. Вот я рассчитывал провесть лето в деревне, и вдруг все рушилось. На меня упало как снег на голову дело, о котором я и не помышлял. По газетам ты, конечно, знаешь московское движение о сборе денег на покупку крейсеров. Все это дело под покровительством Цесаревича. Для руководства им образуется целая комиссия из военных, моряков, купцов и пр., коей председателем В<еликий> Князь, а меня желает иметь у себя вице-президентом, так чтобы на моих плечах лежало дело. Я не мог уклониться от такого порученья, как оно мне ни тяжко...» **(**Русская мысль. 1911. Кн. VIII. С. 135 (паг. 2-я)**)**. Комитет по устройству Добровольного флота на жертвуемые для этой цели суммы было разрешено учредить 11.IV.1878 г. Через полгода сумма пожертвований превысила 3 млн руб., эти деньги пошли на покупку трех океанских пароходов: «Россия», «Москва» и «Петербург»; позднее приобретались новые суда. В 1883 г. управление флотом было передано Морскому министерству.

О щепетильности в подборе членов Общества Добровольного флота свидетельствует письмо **П.** к гр. С. Д. Шереметеву от 21.II.1879 г.: «Прошу Вас прочесть прилагаемые бумаги, относящиеся к Добровольному флоту.

Прочтите и скажите, хотите ли вы и брат Ваш Александр Дмитриевич значиться в числе учредителей Общества? Это звание ни к чему материально не обязывает, а брата вашего и вас как русских людей честных и как главных жертвователей желательно было бы видеть в числе учредителей.

Имейте в виду, что мы *не набираем* членов и никого не уговариваем: желание наше относится не к количеству, а к качеству; — именно чтобы Общество составилось из лиц вполне благонадежных, беспристрастных и сочувствующих» (РГИА. Ф. 1088. Оп. 2. Д. 92. Л. 1—1 об.). Подробнейшим образом всё, что касалось Добровольного флота, **П.** сообщал в своих письмах к Цесаревичу, а затем и Императору за 1878—1883 гг.: *Письма к Александру III*. Т. I. С. 121—314, 326, 344—345, 358—360, 378—379, 383—384, 391, 396—397; Т. II. С. 13—26.

[5] народной воли (*фр.*) **П.** имеет в виду следующую фразу в передовой статье Ф. А. Гилярова, откликавшегося на пересуды в прессе по вопросу о судьбе купленных Комитетом кораблей: «Читатели, конечно, оценят по достоинству и эти акционерные покушения на народные деньги, и это петербургское канцеляризирование подъема народного духа, и деспотическое непризнавание народной воли...»

[6] Петр I.

[7] Речь идет о покушении на Александра II революционного народника А. К. Соловьева, которое он совершил на свой страх и риск 2.IV.1879 г. **П.** очень трудно переживал этот теракт — спустя несколько дней, 8 апреля, он писал гр. С. Д. Шереметеву: «Тяжкие дни! У меня вся душа изныла, и признаться, не хотелось и ходить в люди» (Там же. Л. 7 об.).

61[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Москва, 5 мая 1879.

Графиня Блудова передала мне Ваш поклон: благодарю за память.

Очень рад, что угодили мы своей статьей о Добровольном флоте. А обратили Вы внимание на хлестаковство Даневского, харьковского диспутанта[2], надругавшегося над нашим Добровольным флотом в диссертации?[3]

Помогите, чтобы сняли с меня запрещение розничной продажи, которое несу уже более трех месяцев[4]. Василья В<асильевича> Григорьева[5] я прошу об этом с настоящею же почтою[6]. Но к Вам прибегаю, чтобы Вы выяснили, кому нужно, специально, почему на меня действует подобное запрещение тяжелее, нежели на кого. У меня самого, то есть в конторе, розничная продажа не особенно велика, и тяжесть запрещения с этой стороны не особенно чувствительна. Но из моих подписчиков почти целую половину составляют торговцы, выписывающие газету в большом количестве экземпляров (от одной и до трех тысяч каждый) на длинные сроки, с уплатою денег вперед, как вообще подписчики. Часть этих экземпляров у них самих идет подписчикам же, ихним собственным, городским и иногородным (последним они находят средства отправлять помимо почты); но часть, и, вероятно, не малая, идет в розничную продажу. Прежде я великодушничал, часть подписных денег подобным подписчикам возвращал, на другую часть рассрочивал подписку. Но понятно, подписные деньги суть основание всего газетного бюджета. Неожиданные десятки тысяч рублей, выхватываемые запрещениями продажи, до того потрясали мое хозяйство, что продолжать свое великодушие можно, только объявив себя банкротом. Теперь я отказываюсь принимать в расчет, с какою целью кем выписывается газета. Убытки, понятно, переносятся на торговцев; те, в свою очередь, пытаются наверстать их отбиванием у меня моих одиночных подписчиков и затем — контрабандною продажею. Инспекция, с своей стороны, производит облавы на торговцев, составляет акты, подводит под штрафы, таскает и меня к мировому[7] за *пособничество.* И смешно, и горько, и обидно. Разумнее было бы, если бы проявляли столько энергии против «Земли и воли»[8]. Но, должно быть, удобнее связывать сторожам руки, нежели излавливать разбойников. Но что же и мне-то делать? Объявлять себя банкротом, что ли, в самом деле, возвратить деньги подписчикам, а прочим кредиторам сказать *не могу*?

В течение последних двух лет «Современные известия» приобрели особенную популярность; число подписчиков, и обыкновенных, и тех *бездоставочных*, о которых выше сказано, почти удвоилось. А отсюда и запрещение розничной продажи бьет с удвоенною силою.

Казалось бы, запрещение розничной продажи должно касаться разноски нумеров по улицам, когда газету *предлагают* проходящим. Но когда газету покупатель *заказывает принести на дом*, хотя бы даже отдельный №, — неужели

и такие случаи подходят под запрещение? А большинство моих бездоставочных подписчиков именно этим промышляет, и в этом состоит их контрабанда: лавочник, а то и домохозяин, просит разносчика приносить ему газету регулярно, с платою за каждый №. Продавец наживает барыш, а для заказчика нечувствительно платить по три, четыре копейки враз.

Истинно жажду развязаться с обузой издательства, так оно меня доело. Но и здесь преткновение. По существу дела и по закону, издание есть моя собственность, которую я вправе передать кому угодно, под условием лишь, чтобы редактор был *persona grata*[9] правительству. Теперь Главное управление выдумало: при разрешении новых изданий требовать подписки от издателей, что они не только редакции, но и издательства не передадут без его разрешения. Это противузаконие, само собою разумеется; но мало того, что это делается, цензурная власть намеревается еще, по-видимому, простереть силу своего нового воззрения и на минувшие времена. По крайней мере история с «Гражданином» была такова: издание продалось с публичного торга, а прежний издатель, как ни в чем не бывало, собирал подписку с ведома и, очевидно, разрешения цензурной власти. Отсюда вижу, что у меня из-под ног ускользает последняя доска. Я не только в долгах, но и та ценность, которую я предполагал главным обеспечением, обратилась в призрак.

Простите за многословие.

Ваш душевно *Н. Гиляров-Платонов*

Прошу Вас, понаведайтесь и о последнем вопросе: неужто же в самом деле не вправе я успокоить себя даже отчуждением издания от себя? Это было бы ужасно.

<*Приложение.* Н. П. Гиляров-Платонов — К. П. Победоносцеву (черновик)>[10]

<5 мая 1879 г.>

Достолюбезнейший Константин Петрович,

Благодарю Вас за память: графиня Блудова передала мне Ваш поклон.

Исполните мою просьбу: похлопочите, чтобы сняли с меня запрещение розничной продажи, которое лежит на мне вот уже более трех месяцев (и за что, собственно, наложено было, по обыкновению даже не знаю)[11]. В. В. Григорьеву я пишу об этом с настоящею почтою, указывая в общих чертах тягость, которая для меня отсюда следует. Но Вас я просил бы пояснить, кому это нужно, специально, почему на меня тяжелее, чем на кого, ложится запрещение розничной продажи. У меня самого, то есть в конторе, продажа бывает обыкновенно незначительна, и с этой стороны тягость не особенно велика. Но из моих подписчиков почти половина — торговцы, выписывающие газету в большом количестве экземпляров (от одной до трех тысяч) на длинные сроки, с уплатою, разумеет-

ся денег вперед, как и обыкновенные подписчики. Часть этих экземпляров у них самих идет подписчикам же, ихним, городским и иногородным (последним они находят средство отправлять помимо почты); но часть, и, вероятно, главнейшая, идет в розничную продажу. Прежде я великодушничал, часть подписных денег возвращал, часть отсрочивал. Но эти десятки тысяч рублей, неожиданно оказавшиеся в дефиците, до того меня потрясали, что продолжение великодушия на настоящий раз было бы равнозначительно объявлению себя банкротом. Я отказываюсь теперь принимать в расчет, с какою целью у меня выписывается газета. Убытки, понятно, ложатся на торговцев; а те, в свою очередь, пытаются провести газету отдельными номерами в публику посредством контрабанды. Инспекция с своей стороны производит облавы на торговцев, составляет акты, подвергает штрафам, таскает меня к мировому судье за *способствование преступлению*. И смешно, и горько, и обидно! Разумнее было бы, если бы они проявили столько энергии против «Земли и воли»! Но они находят лучшим связывать сторожам руки, когда разбойники гуляют на свободе. И что же мне-то делать? Объявить себя несостоятельным, что ли, в самом деле?

В течение последних двух лет «Современные известия» особенно стали популярны, и число подписчиков, как обыкновенных, так и этих *бездоставочных,* нами называемых (то есть тех, которые сами приходят за газетою, получая ее во множестве экземпляров) почти удвоилось. А отсюда и запрещение розничной продажи бьет меня с удвоенною силою.

Запрещение розничной продажи, мне казалось бы, должно означать — чтобы №№ не разносили по улицам и не предлагали проходящим. Но когда газету *заказывают* принести на дом, хотя б даже отдельными №№, сюда ли же это относится? А большинство моих бездоставочных подписчиков и большинство контрабанды как раз таково. Лавочник, а то и домохозяин, просит разносчика приносить ему газету регулярно, с платою за каждый №. Торговец за услугу берет барыш, а для заказчика нечувствительно отдавать его и за четыре копейки.

Истинно желал бы развязаться с обузой издательства, так оно меня доело. Но и здесь встречаю преткновение. По существу дела и по закону, издание есть моя собственность, которую я могу передать кому угодно, под условием только, чтобы редактор был одобрен правительством. Теперь Главное Управление выдумало: при разрешении новых изданий требовать, чтобы даже издание, не только редакция, не передавалось без его позволения. И очевидно, оно намерено простереть силу этого воззрения даже и на прошедшие времена; доказательство — история с «Гражданином», кот<орый> продан был с торгов и, однако, потом издавался Пуцыковичем же[12]. Таким образом из-под ног ушла последняя доска. Я не только в долгах, но и та ценность, которую я предполагал главным обеспечением, обратилась в призрак.

Простите за многословие.

Прошу понаведаться о последнем вопросе: неужто же в самом деле я не вправе успокоить себя даже отчуждением издания от себя?

[1] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 458. Л. 32—34. (Автограф черновика: Там же. № 461. Л. 18—19 об. Публикуется ниже ввиду значительного расхождения между редакциями текста.)

[2] Кандидат прав В. П. Даневский защитил диссертацию на степень магистра международного права: *Даневский В. П.* Исторический очерк нейтралитета и критика Парижской морской декларации 16-го апреля 1856 года: (История нейтралитета по отношению к мор. торговле, учения публицистов о правах нейтр. и исслед. Париж. мор. декларации): Дисс. Всеволода Даневского, прив.-доц. Имп. Харьк. ун-та. М.: Тип. К. Индриха, 1879. XIV, 466, X с. На диспуте, состоявшемся 22.IV.1879 г., звучала в основном довольно резкая критика сочинения Даневского, перенасыщенного публицистическим элементом. Официальный оппонент Л. Е. Владимиров назвал его «памфлетом, отрицая в нем всякое *научное* значение, хотя и не отрицал *ученого* достоинства. Наука, говорил он, не плачет и не радуется, она изучает жизненное явление как результат комбинации известных условий жизни, как ее порождение...» (Ъ. Диспут в Харьковском университете // Критическое обозрение. 1879. № 10. 15 мая. С. 44).

[3] В. П. Даневский уподоблял «Добровольный флот *в русском его варианте*» (*Даневский В. П.* Исторический очерк нейтралитета... С. 448) каперству, морскому разбойничеству, не смягчаемому, в отличие от военного флота, «*чувством чести* офицеров» (Там же. С. 444), и заключал: «...*дух* и *цель*, которые имелись в виду Парижским конгрессом, противятся введению учреждения *исключительно направленного против частной неприятельской собственности на море* (каковым является нам Добровольный флот), чего не отрицают сами защитники этого учреждения» (Там же. С. 445).

[4] Начиная с 31.I.1879 г. Вполне вероятно, что взыскание было вскоре снято именно благодаря содействию **П.** — уже 28.V.1879 г.

[5] Востоковед и географ В. В. Григорьев в тот период, с 23.I.1875 по 4.IV.1880 г., занимал пост начальника Главного управления по делам печати. По взглядам он был близок к славянофилам, и **Г.-П.** заочно с ним познакомился, когда тот прислал из Оренбурга, где тогда служил, большую мемуарную статью «Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве» — ее опубликовали частями в 3-й и 4-й книжках «Русской беседы».

[6] Приведем фрагменты из этого отчаянного письма **Г.-П.** к Григорьеву по черновику, сохранившемуся в фонде **Ш.**: «Я понимаю, что Главному управлению нет нужды знать степень тяжести, испытываемой наказуемым; но вслед за приостановлением издания в начале 1877 года, обошедшимся моему карману в двадцать тысяч, последовавшими запрещениями розничной продажи, из которых вот уже третье постигает меня на одном году, я поставлен положительно на край, за которым нет исхода, кроме полной несостоятельности. <...> Простите за объяснения. Они вынуждены горечью положения <...>. [Я прибавлю к ним лишь одно слово: почему для меня, и именно для меня и ни для кого, запрещение розничной продажи есть особенно тяжелый удар. Моя розничная продажа, то есть продажа в своей конторе, в сущности, очень незначительна; но целая *половина* всех моих подписчиков состоит из торговцев, подписывающихся заранее на большое число экземпляров и на длинные сроки, с целию отчасти, а может быть, и главным образом — продажи]» (РНБ. Ф. 847. № 519. Л. 1 об., 2).

[7] *Мировой судья* — должностное лицо, единолично рассматривавшее в упрощенном порядке мелкие уголовные и гражданские дела и административные правонарушения в мировом (первой инстанции) суде, возникшем в России в ходе реализации Судебной реформы 1864 г. (упразднен в 1889 г., воссоздан в 1912 г.). Мировой судья избирался уездным земским собранием, в городах — городской думой.

[8] Тайное революционное общество, существовавшее в России с 1861 по 1864 г., в 1876—1879 гг. восстановившееся как народническая организация.

[9] Буквально: желательное лицо (*лат.*); особа, пользующаяся доверием.

[10] Печатается впервые по автографу черновика: РНБ. Ф. 847. № 461. Л. 18—19 об. Перебеленный автограф опубликован выше.

[11] Запрет розницы в этот раз был наложен на газету за статьи 1879 г. о недостатках солдатского быта (№ 27), а также о просчетах во внешней политике (№ 56).

[12] 29.III.1875 г. Н. С. Лесков писал И. С. Аксакову: «Как новость могу сообщить Вам, что Мещерский продал свой „Гражданин" Пуцыковичу, который давно подписывает это издание» (*Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 10. С. 392). Редакция журнала «Гражданин» помещалась сначала в квартире издателя В. П. Мещерского на Николаевской улице, а потом, с 1873 года, в квартире секретаря редакции В. Ф. Пуцыковича, на Невском пр., в д. 77, кв. 8. С 1874 по 1879 г. Пуцыкович — соредактор «Гражданина».

62[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Любезнейший Никита Петрович.

Сегодня я встретил Макова[2] и говорил ему об Вас. Вероятно, он будет расположен к удовлетворению, только пусть Григорьев доложит, о чем Вы уже настаивайте у Григорьева.

По прочим вопросам, которые Вы предлагаете, не умею Вам ответить. Я до такой степени занят и озабочен, что не в силах собирать сведения.

Остановка розничной продажи, конечно, чувствительна для Вас — но caveant consules[3]. Вам вредит мелкая сплетня, которою, к сожалению, иногда наполняются «Совр<еменные> известия». В чумное время[4] Ваша газета многих здесь возбудила против себя — и известия, так легко принимавшиеся на веру редакцией, давали повод многим думать, что распространение их служило для газеты средством для эксплуатации бывшего тогда в публике боязливого расположения.

Sapienti sat[5].

Здравствуйте.

Душ<евно> пред<анный> *К. Победон<осцев>*

7 мая 1879
Петерб<ург>

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 55. Л. 3—3 об. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 679. Л. 14.)

[2] Л. С. Маков в тот период — с 26.XI.1878 г. по 6.VIII.1880 г. — был министром внутренних дел (первые месяцы — управляющим Министерством).

[3] Об этом выражении см. примеч. 6 к п. 50 и примеч. 4 к п. 41.

[4] Имеется в виду вспышка легочной чумной эпидемии в России — впервые с XV в. — произошедшая в приволжской станице Ветлянская Енотаевского у. Астраханской губ., осенью 1878 г. — зимой 1879 г. На эпидемию сначала не обратили особого внимания «как на противоречащую данным науки». Но к началу зимы чума перекинулась на многие селения по обеим сторонам Волги, в том числе на Пришиб (ныне Ленинск), порой за два-три часа губя совершенно здоровых людей. В декабре 1878 г. все постройки в зараженных селениях были сожжены вместе с имуществом поселян. В январе 1879 г. в Царицын прибыл гр. М. Т. Лорис-Меликов во главе особой Комиссии, в заседаниях которой присутствовали и приехавшие иностранные делегации. Тогда же «ветлянка» пошла на спад, хотя ее вспышки бушевали до марта 1879 г. По оценкам современников, эпидемия унесла 379 жизней. Из-за отсутствия достоверной официальной информации о ветлянской чуме столичные газеты вынуждены были питаться слухами, чего не избежали и «Современные известия». За это **П.** и упрекает **Г.-П.**

[5] Для мудрого достаточно <сказанного> (*лат.*) — выражение, встречающееся в комедиях «Перс» Плавта (д. IV, явл. 7, ст. 727—729) и «Формион» Теренция (д. III, явл. 3, ст. 4).

63[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

<26 (?) октября 1879 г.>[2]

Что я могу сделать для Вас, любезнейший Никита Петрович? Не знаю — знаю только, что Вы связали свою деятельность с людьми самого низшего разбора, которые и марают Вас грязью! Зная Вас, ни минуты не думал, чтоб Вы могли быть виновны в растрате, но также, зная Вас, не сомневаюсь, что у Вас никогда и никакие счеты, ни свои, ни чужие, не бывали в порядке!

Делаю, что могу — пишу вместе с сим приятелю А. Н. Шахову, председателю Судебной палаты[3]. Прошу внимательного и благосклонного разбора, представляю, что дело это приличнее, кажется, погасить, нежели выводить, ради скандала, и посылаю ему Вашу печатную записку[4].

От души желаю, чтоб эта туча, миновав Вас, научила быть осторожнее «во лжебратии»[5].

Душевно пред<анный>

К. Победон<осцев>

Сейчас прочел программу Юрьева[6], прочел с грустью. Неужели нельзя было молвить слово просто, не ставя на ходули, не окутывая туманом? И я думал, что он грамотнее. Как же не стыдно писать: церковью, *вызвавшею* и *воспитавшею* много неоценимо *драгоценных*, *христианских* ***сторон***![7]

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 58. Л. 7—8.

[2] Датируется по указанию: «Сейчас прочел программу Юрьева...», опубликованную в газете **Г.-П.** 26.X.1879 г.

[3] Сенатор А. Н. Шахов, как и **П.**, воспитывался в Императорском Училище правоведения, курс в котором окончил в 1841 г., на 5 лет раньше, чем **П.** Впоследствии они одновременно работали в Сенате.

[4] Имеется в виду изданная **Г.-П.** в виде 8-страничной брошюры (в ограниченном числе экземпляров) записка «О показании Н. П. Гилярова-Платонова судебному следователю по обвинению его в растрате сумм, пожертвованных через редакцию „Современных известий“ на славян и раненых (по доносу Сковронской, служившей в ред. „Современных известий“)» (РНБ. Ф. 847. № 273; ц. р. 20.X.1879 г.).

[5] Апостольское выражение «беды во лжебратии» (2 Кор 11: 26) употребляется в значении: страдания от своих, от близких.

[6] Программа журнала «Русская мысль», опубликованная за подписями издателя В. М. Лаврова и редактора С. А. Юрьева в газете **Г.-П.**: *СИ*. 1879. 26 окт. № 295. С. 4.

[7] Приведем контекст этих выражений: «Народ русский <…> воспитан тою христианскою церковью, в основу которой положено начало соборного, свободного единения в любви, церковью, вызвавшей и воспитавшей много неоценимо драгоценных, христианских сторон в общенародной русской душе, но недостаточно содействовавшей развитию сознания личности, вследствие особых условий русской истории» (Там же).

64[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Правду ли пишут, любезнейший Никита Петрович, про газету Вашу, издавна боровшуюся с жидовством, будто она переходит в собственность московского жида Малкиеля?[2] Я прочел это на днях в немецкой газете «S<t>.-P<eters>b<ur>g<er> Herold»[3]. Не верится, но ныне самые невероятные дела совершаются.

Душевно предан<ный>

К. Победонос<цев>
7 дек<абря> 1879
Петерб<ург>

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 55. Л. 4. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 679. Л. 15.)

[2] Миллионер С. М. Малкиель на рубеже 1870—1880-х гг. был чуть ли не главным кредитором **Г.-П.** Имеется в виду заметка «Moskauer Tageschronik» («Московское дневное обозрение»), подписанная криптонимом «H. S.» и помещенная под рубрикой «Aus dem Innern des Reichs» («Из внутренних губерний»), в которой, в частности, говорилось: «Wie man uns mitteilt, sollen die hier erscheinenden russischen „Sowremenn<ije> Iswest<ija>“, welche sich durch ihre permanenten Angriffe gegen das Judenthum auszeichnen, in die Hände des bekannten reichen Israeliten Malkiel übergehen» (St. Petersburger Herold. 1879. 5 Dec. № 339. S. 5), т. е. «как нам сообщают, выходящие здесь русские „Современн<ые> извест<ия>“, которые отличаются постоянными нападками на еврейство, долж-

ны перейти в руки известного богатого израильтянина Малкиеля» (как видим, **П.** довольно точно перевел это сообщение). Но газетные слухи оказались неосновательными.

[3] «*St. Petersburger Herold*» («С.-Петербургский вестник») — немецкая газета, издававшаяся в Петербурге в 1875—1914 гг., главным редактором которой со дня основания до 1895 г. был Ф. Ф. Гезелиус. Изредка на ее страницах, в обзорах русской прессы, цитировались и статьи из «Современных известий». См., например, № 333 от 29.XI.1879 г., где на S. 2 излагается содержание передовицы **Г.-П.** по Болгарскому вопросу.

65[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Москва, 24 октября 1880 г.

Дражайший Константин Петрович.

В последнее свидание свое с Вами я так горячо отозвался о Каткове, что Вы меня даже остановили, приписав мой отзыв личному раздражению[2]. Не могу оставить этого без объяснения. Действительно, воспоминание о роли, которую исполняли «Московские ведомости» последние три-четыре года особенно, не может не вызывать раздражения; но источник его не личный. Ужасающие выходки [террористической] революционной шайки должны быть на бóльшую половину поставлены в вину «Московским ведомостям». Они были органом всякой реакции, глашатаем всякой репрессии, противником всякой свободы. Аракчеевщина — вот был бы их идеал. Огульно засекавший Скарятин[3] — вот был бы их герой, если бы им пришлось разбирать Казанское дело. Разумеется, не они подуськивали Соловьева[4] и его братию, но они отлично распахивали почву, рассеивая недовольство и озлобление в публике, так что публика под конец пассивно относилась к злодействам. Сколько приходилось и слышать, сколько приходилось и читать конфиденциальных писем такого рода: не Каткову же сочувствовать! Пред обществом была дилемма: революционная дерзость возбуждала омерзение, но не меньшее и идеалы «Московских ведомостей». Всякому свойственно иметь свои убеждения, но защита во что бы то ни стало Толстого[5], которую вели «Московские ведомости» с заведомою подтасовкою фактов, притом под эгидою цензуры, воспрещавшей [возражать что-нибудь] возражения, — это, воля Ваша, роль уже бесчестная. Доказательств заведомой недобросовестности «Моск<овских> вед<омостей>» можно представить сотни из истории последних лет. Да и кто ж не знает в самом деле, что классическою системою прошлое министерство[6] только прикрывалось [а умысел другой был?]? Кто не слышал гул всеобщего негодования на Министерство, которому, по словам «Московских ведомостей», отказывала в содействии только «интрига» и «смута».

Вы намекали [что-то] о Пушкинском празднике[7]. Это был отличный праздник, мост по органическому примирению [всех] направлений. Может быть, Вы

имеете в виду решение не пригласить редакцию «Московских ведомостей», а ограничение приглашения редакциею «Русского вестника»? Совершенно случайное обстоятельство [8] возвело это дело в скандал; но скандал [было] вышел бы несомненно больший, если бы [малого] не случилось меньшего. Разве мог встретиться с Катковым Тургенев [9], разве могли встретиться представители всей петербургской печати? Общество любителей словесности имело положительное основание быть уверенным, что его торжественные пушкинские заседания блистали бы и отсутствием профессоров Московского университета. Было бы это хорошо? Да хорош и Катков! Его как редактора «Ведомостей» не пригласили; зато он от Думы требовал, чтобы для него, то есть для «Вестника» и «Ведомостей», было выделено особое знамя, он де не хочет [быть в числе] стоять в ряду с представителями периодической печати вообще!

Намекнули Вы и о деле Булюбаша [10]. Вы судите о нем как петербуржец, и притом стоящий у кормила правления. Вспомните Тацита, [вспомните] как времена, подобные пережитым недавно, развивают ложные доносы [11]. [Мы и видели их] Они и начинались, даже с шантажом; [мы и знаем] видели мы, как заигралось на этой теме. Каково же, скажите, [после того] обществу, когда [бы помимо зрячего хватания наобум и административных ссылок каждый должен еще сделаться жертвою доноса?] гражданину приходится дрожать за свою безопасность благодаря [привилегии частных доносов? Достаточно не одному Третьему отделу [12]] привилегии частных доносов? Достаточно было без них хватания и административных ссылок! После того как Вы благоволите Булюбашу, могу предполагать, что [Вы сочувствуете] не отказываете в благосклонности Незлобину с Цитовичем [13]. Но ведь это грязь, неужели Вы в этом не убеждены даже теперь? Кто есть, в частности, Булюбаш, не знаю; но если капельку [похож на Цитовича] сродни он Цитовичу, не поздравляю. Во всяком случае донос-то даже по суду ведь оказался ложным.

Вы знаете, любезнейший Константин Петрович, что я не «Молва» [14] и не «Голос» [15]. Возмущаюсь [внутреннею политикою] не по либеральной фразе политикою, которую проповедывают «Московские ведомости» [не для либеральной фразы] для внутренних дел. Жалко, напротив, что либеральная фраза, праздная оппозиция получает в обществе незаслуженный авторитет, благодаря душительному направлению «Московских ведомостей», [которому] которым общество не может же сочувствовать. И добро бы их мнение было [что называется] жизненным убеждением. При своем несомненном таланте, при уме и образовании Катков движется только личным самолюбием, [он убежден] безграничным самолюбием. Он убежден на ту минуту, когда он говорит, в том, что говорит. Но убежден по самолюбию. Отсюда [все] его аргументация всегда суть цепь софизмов; отсюда недобросовестные приемы в полемике, отсюда перебегание от знамени к знамени, превознесение Жюль Фавра в деле Орсини [16], негодование на Александрова в деле Засулич [17], защита крупного землевладения (с получением за это золотой чернильницы) [18] и полемика с «Вестью» [19]; отсюда нападения на немцев и на другой день по визите Фридриха Карла [20] восхвале-

ние немцев; отсюда беспощадная критика Головнинской системы и [обличение] проповедание во время Толстого, что всякая критика учебной системы есть возмущение умов.

Современное положение России можно выразить в двух словах: администрация наша совершенно износилась, даже суд оподьячивается[21] наплывом карьеристов и бездарностей, а общество выросло и требует участия в общественных делах. Не видя нигде простора, впадает в апатию, часть в озлобление, а из этой почвы вырастает активный нигилист[22]. И после этого проповедовать об усилении *власти,* только власти, как [делают] делали «Моск<овские> вед<омости>», то есть произвола, и [подвергать] изрыгать сплошной [осуждение всех, охаивать] донос на все общественные силы. Все имеет пределы, и учебная дисциплина, и горе, если она *только* дисциплина! Вспоминаю слово, сказанное мною Тимашеву в 1875 году, когда он мне представлял фиктивность славянского движения и необходимость давить. Я ему тогда сказал: «После того ждите Степки Разина». Общество бессознательно толкалось [(толкается и теперь)] к участию в общественных делах; слава Богу, открывался безопасный случай удовлетворить. То же продолжается и теперь, и чем дальше будет, тем больше. [Всякая] Надо уметь отыскать клапан; всякая дальнейшая реакция, всякая репрессия будет уголья горячие на голову[23].

[1] Печатается впервые по автографу черновика: РНБ. Ф. 847. № 461. Л. 1—2 об.

[2] В этом вопросе никакие аргументы **Г.-П.** не могли разубедить **П.** и изменить его отношение к М. Н. Каткову. Вскоре, 15.VII.1881 г., накануне приезда Александра III с семьей в Москву, **П.** писал сопровождавшему их министру внутренних дел гр. Н. П. Игнатьеву: «Сделайте милость, не пускайте к нему там журналистов, кроме Каткова. Он один — достойный уважения и преданный, разумный человек. Все остальные — сволочь или полоумные» (Былое. 1924. № 27/28. С. 57). Очевидно, что к последней категории **П.**, пришедший в этот период к власти, причислял и своих приятелей — **Г.-П.** и И. С. Аксакова. Приведем и фрагмент известного отзыва **П.** о Каткове в письме к Императору от 11.III.1887 г. — в связи с опалой, грозившей редактору «Московских ведомостей»: «Катков — высокоталантливый журналист, умный, чуткий к истинным русским интересам и к твердым охранительным началам. <...> Вся сила Каткова в нерве журнальной его деятельности как русского публициста, и притом *единственного*, потому что все остальное — мелочь или дрянь, или торговая лавочка» (*Письма к Александру III.* Т. II. С. 141).

[3] Имеется в виду казанский губернатор Н. Я. Скарятин, сын одного из убийц имп. Павла I, известный крайним самовластием и жестокостью, постоянно практиковавший рукоприкладство по отношению к подчиненным. 26.XI.1880 г. в Казань был назначен новый губернатор А. К. Гейнс, отличавшийся либеральными взглядами. В газете **Г.-П.** то и дело приводились факты вопиющей бесчеловечности Скарятина. См., например, материал о ссылке в 1879 г. без суда и следствия в «места не столь отдаленные» четырех девушек — только потому, что они в деревне под Казанью облачились в сарафаны и разговаривали с простыми бабами: <*Без подписи*>. Беспричинная ссылка // *СИ*. 1881. 5 янв. № 4. С. 3.

[4] Революционер-террорист А. К. Соловьев, 2.IV.1879 г. совершивший покушение на жизнь имп. Александра II.

[5] Имеется в виду гр. Д. А. Толстой.

[6] О системе классического образования см. примеч. 6 к п. 14. «Прошлое министерство», т. е. правление Министерством народного просвещения, осуществлявшееся до 23.IV.1880 г. гр. Д. А. Толстым.

[7] Был организован ОЛРС в Москве 5—8.VI.1880 г. в связи с торжественным открытием памятника поэту на Тверском бульваре.

[8] На деле это была продуманная акция: либерально настроенные писатели во главе с Тургеневым сделали попытку исключить Каткова как «ренегата» из числа участников Пушкинских торжеств. Посланное Каткову как редактору «Московских ведомостей» приглашение было аннулировано уведомлением: «В редакцию „Московских ведомостей“. Комиссия Общества любителей российской словесности удержала одно место для депутата от „Русского вестника“. По ошибке послано мною приглашение и в редакцию „Московских ведомостей“ — приглашение, не согласное с словесным решением Комиссии. Председатель Общества российской словесности Сергей Юрьев. 1 июня 1880 года». Это означало, что на празднике может присутствовать соредактор Каткова по изданию «Русского вестника» Н. А. Любимов, но никак не он сам. Катков предал гласности это письмо в своей газете от 3 июня, сообщив: «Нам остается присовокупить, что редакция „Русского вестника“ возвратила свой билет за ненадобностью» (цит. по: *Маркус Ч. Левит.* Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года / Пер. с англ. СПб.: Акад. проект, 1994. С. 89). Об этой истории так писал 12.VII.1880 г. И. С. Аксаков Г. П. Галагану: «На празднике Пушкинском — Общество люб<ителей> р<оссийской> словесности [в своих торжественны<х>] подвергло Каткова остракизму, т. е. не Общество, а Распорядительная комиссия: разослав билеты на торжественные заседания всем редакторам, [Комиссия] в том числе и Каткову, Комиссия потом письменно заявила Каткову, что ему послано по ошибке, ибо решено, чтоб ему, как редактору „М<осковских> вед<омостей>“, не посылать. Катков возвратил билет, а письмо (подписанное Юрьевым, председателем) напечатал в „М<осковских> вед<омостях>“. — Я тотчас же протестовал письменно, объявляя, что как член Общества я не уполномачивал Комиссию выражать за Общество симпатию или антипатию к кому бы то ни было. Между тем Каткову принадлежит одна из лучших статей о Пушкине в русской литературе (напечатана лет 20 тому назад)! Одним словом, ему делались всякие авансы. Это повальное, огульное, неосмысленное [отноше<ние>] оскорбление — всегда меня возмущает даже в отношении несочувственных мне лиц» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 11. Л. 12—12 об.).

Г.-П. же, вполне доверяя своему приятелю С. А. Юрьеву, даже не предполагал никакой интриги со стороны ОЛРС. В передовице, откликавшейся на заявление Каткова, он, напротив, подозревал последнего в нарочитом разжигании страстей. Тогда же в проправительственной газете «Берег» были высказаны опасения, что «национальное торжество всей образованной России грозит превратиться в партионный скандал ошалевших краснокожих нашей журнальной прессы», и **Г.-П.** напрямую связывал их с катковским инцидентом: «Намеки „Берега“ не отсюда ли берут начало? Не служат ли они предвестием, что тотчас за праздником последуют на них толкования „Московских ведомостей“, с обвинениями в интриге, измене, революционном направлении и так далее из лексикона „Московских ведомостей“? События подтвердят или опровергнут нашу догадку» (<***Г.-П.***>. Москва, 3 июня // *СИ*. 4 июня. № 152. С. 2).

[9] Эта встреча произошла, поскольку Катков, не участвуя в заседаниях, присутствовал на торжественном Думском обеде 6 июня и произнес речь о примирении русских деятелей разных идейных направлений. К нему двинулись с бокалами, но, когда Катков, в качестве жеста примирения, потянулся через стол с бокалом к Тургеневу, тот демонстративно лишь слегка кивнул головой. См. подробнее: *Клеймёнова Р. Н.* Общество любителей российской словесности, 1811—1903. М.: Academia, 2002. С. 279.

[10] А. П. Булюбаш в 1880 г. был обвинен в клевете на трех лиц, которых он подозревал в расклейке прокламаций революционного содержания в Кременчуге 14.XII.1879 г., о чем объявлял публично и донес по начальству. См. посвященную приговору съезда мировых судей Кременчугского округа по этому громкому делу передовицу Ф. А. Гилярова «Москва, 13 апреля» (*СИ*. 1880. 14 апр. № 103. С. 2). И **Г.-П.**, и его племянник впоследствии неоднократно возвращались к делу Булюбаша, рассуждая об опасности «политических изветов». См., например, подпередовую статью Ф. А. Гилярова «Москва, 23 апреля» (Там же. 24 апр. № 111. С. 2).

П. совсем иначе глядел на дело Булюбаша, о чем дает понятие его письмо к вел. кн. Александру Александровичу от 15.III.1880 г.: «Не угодно ли прочесть в прилагаемом № 4 „Московских ведомостей“ печальную и поучительную историю г. Булюбаша в Кременчуге. Представители власти спешат преследовать и осуждать должностное лицо за то, что оно осмелилось обличить врагов общественного порядка, а журналы спешат забросать его грязью» (*Письма к Александру III*. Т. I. С. 278; в изд. публикатор неверно разобрал фамилию: *Болюбаш*; испр.).

[11] Корнелий Тацит в начале своей «Истории», изображая общественно-политическую жизнь Рима в период разгула террора императоров из династии Юлиев-Клавдиев, а затем и при Домициане, особо акцентировал роль доносчиков: «Некоторые из них за свои подвиги получают жреческие и консульские должности, другие управляют провинциями императора и вершат дела в его дворце. Они распоряжаются по своему произволу, внушая каждому ужас и ненависть. Рабов подкупами и угрозами восстанавливают против хозяев, отпущенников — против патронов» (*Корнелий Тацит*. Соч.: В 2 т. СПб.: Наука, 1993. Т. II: История. 2-е изд., испр. и перераб. / Пер. Г. С. Кнабе. С. 386).

[12] О Третьем отделении см. примеч. 7 к п. 14.

[13] П. П. Цитович приобрел репутацию неумного реакционера — доносчика на представителей освободительного движения, издавая с 15.III по 31.XII.1880 г. на правительственные средства «ежедневную политическую и литературную газету» «Берег». Известный своими скандальными рассказами из жизни эмигрантского революционного подполья А. Незлобин (А. А. Дьяков) был его главным помощником по редактированию. **Г.-П.** первый публично разоблачил скрывавшийся властями источник финансирования «Берега», поместив в своей газете от 23.I.1880 г. известие, что Цитович получил приглашение Комитета министров приехать в Петербург, где ему было предложено субсидировать его издание. В номере от 29.I.1880 г. **Г.-П.** вынужденно отказался от своих слов, однако это опровержение, конечно, только утвердило читателей в истинности первоначального заявления. См.: *Емельянов Н.* Из истории русских официозов 1879—1880 гг. // Вопросы журналистики: Межвуз. сб. ст. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. Вып. 2, кн. 2. С. 72—80.

[14] «Молвой» с 1.II.1879 г. по 16.III.1881 г. называлась ежедневная петербургская «газета политическая, экономическая и литературная» «Биржевые ведомости», орган либерального направления. Издателем-редактором в этот период был В. А. Полетика.

[15] Об отношении **Г.-П.** и **П.** к газете «Голос» см. п. 18 и примеч. 9 к нему.

[16] Французский адвокат Ж. Фавр в 1858 г. выступил защитником гр. Ф. Орсини, совершившего покушение на жизнь имп. Наполеона III. Фавр, по его уверениям, не пытался ни оправдать террориста, ни смягчить его наказание: «Я взялся за это дело, — говорил он, — не для того, чтобы представить бесполезную защиту, не для того, чтобы прославить Орсини, но для того, чтобы попытаться бросить луч света и истины на бессмертную душу Орсини, которая скоро вернется в Божие лоно, и защитить его память против незаслуженных обвинений». Фавр в своей защитительной речи многократно и усиленно подчеркивал свою ненависть к кинжалу, бомбе и т. п. орудиям борьбы, признавал и осуждал преступление Орсини, но доказывал благородство его личности и чистоту его мотивов. Закончил он речь таким обращением к суду: «Бог произнесет свой приговор после вашего и, быть может, не откажет в своем прощении, которое люди сочтут невозможным на земле». **Г.-П.** имеет в виду поминальную статью Каткова о Фавре, скончавшемся 28.I.1880 г.

[17] Народница-террористка В. И. Засулич 24.I.1878 г. стреляла в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, по приказу которого был противозаконно высечен революционер А. П. Боголюбов (Емельянов), и ранила его. Оправдательный приговор, вынесенный ей 31.III.1878 г. судом присяжных (председатель А. Ф. Кони, защитник П. А. Александров), как бы превратил Трепова из обвинителя в ответчика. Адвокат Александров, специализировавшийся на политических процессах, умело переключил внимание с вины Засулич на треповские противозаконные действия. На заседании присутствовал историк А. А. Половцов. Он записал в дневнике свои впечатления от разыгранного, как на сцене, «подмена»: «Адвокат Александров бил на скандал, вел дело не о Засулич, а о Трепове и вызвал рукоплескания публики, размещенной в двух этажах театральной залы, а не судебной комнаты. Заседание это произвело то же впечатление, какое должно было произвести на смотревших со смыслом первое представление „Севильского цирульника“ при дворе Людовика XVI» **(**Из дневника А. А. Половцова (1877—1878 гг.) // Красный архив. 1929. Т. 2 (33). С. 190**)**.

[18] Подарок был сделан в знак поддержки направления Каткова и в связи с тем, что с начала 1865 г. распространились слухи, будто он сложит с себя редактирование «Московских ведомостей». В газете «Весть» от 23.XII.1865 г. была напечатана заметка «Подарок М. Н. Каткову»: «На предшествовавшем съезде московского дворянства многие дворяне собрали между собой значительную сумму денег и заказали фабриканту Сазикову, по модели ваятеля Рамазанова, серебряную чернильницу для поднесения редактору „Московских ведомостей“ М. Н. Каткову в изъявление удовольствия за патриотическое направление его литературных трудов». На золотом пере, подаренном главе реакционной публицистики, была выгравирована надпись: «Макающему перо в разум». Этот эпизод стал мишенью насмешек либеральной печати в стихах и карикатурах.

[19] «Весть» — петербургская политическая и литературная газета; с 1863 г. выходила еженедельно, с 1865 г. — дважды в неделю, с 1867 по 1879 г. — ежедневно; издатели-редакторы в 1863—1867 гг. — В. Д. Скарятин и Н. Н. Юматов. «Вести» выражали настроения дворянства, недовольного потерей административной власти в деревне после 1861 г.

[20] Речь идет о визите в Россию одного из прусских военачальников, принцев Прусских: Фридрихе Карле Александре или Фридрихе Карле Николае — соответственно, сыне и внуке прусского короля Фридриха Вильгельма III; в 1872 г. они оба были удостоены чина генерал-фельдмаршала Императорской Российской армии.

[21] Отсылка к двум «рассказам подьячего», озаглавленным «Прошлые времена», в «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина (1856—1857).

[22] Сходные мысли **Г.-П.** незадолго до этого, 5.XII.1879 г., высказывал в письме к **Ш.** (которым началась их двусторонняя переписка): «Итак, иное дело беспощадность в преследовании существующей шайки, иное общий режим, под которым мы живем. То именно самое, что, вступив на либеральный путь, правительство в то же время не только пятится, но положительно разрушает другою рукою, что созидает одною, — это и есть причина анархии; это во взрослых возбуждает глухое чувство недовольства, а мальчишек производит в анархисты. Да и как им не вырастать, когда из десяти семейств едва ли найдете одно, где бы в четырех стенах благословляли правительство, а не бранили его и не смеялись над ним? <…> А воровство по армии? А воровство вообще? <…> А систематическое обкрадывание казны и расхищение государственных имуществ, в виде поземельных подарков всякому встречному? Что это такое?» (РНБ. Ф. 847. № 502. Л. 1 об., 2).

[23] На этом черновое письмо обрывается. В последнем его выражении — отсылка к апостольским словам, — ср.: «Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горячие уголья» (Рим 12: 20).

66[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Спешу отвечать Вам по пунктам, любезнейший Никита Петрович.

Мой разговор с Вами был приятельский *лично с Вами и для Вас* только. Я не со вчерашнего дня установил свой взгляд и вижу ежедневно много того, чего Вы не видите и не знаете. Отсюда мой взгляд, который я никак не могу признать односторонним. У кого есть вера в иных кумиров, коих я давно распознал, пускай пребывают с верою: но мне как в них уверовать?

Вы меня не поняли, когда я говорил о Гольцеве будто бы с *сочувствием*. О Г<ольцеве> я говорил и говорю *с сожалением,* приводя его в пример той фальши, в коей люди воспитываются ныне. Я видел его, когда еще не было речи о «Курьере»[2], он у меня сидел часа $1\frac{1}{2}$, и я уговаривал его бросить пустую журнальную работу и взяться за серьезный труд. Относит<ельно> его я не обманывался и знал, что он и в «Курьере», и в «Юрид<ическом> вестнике», и в «Мысли»[3]. Он уже погряз и едва ли ему есть выход назад.

Впрочем, если бы было время, я указал бы Вам, любезнейший Никита Петрович, и в «Совр<еменных> известиях» такие нынче тирады, которые недалеко отстоят от источников Гольцевского сумбура.

О Шамшурине[4]. Не зная лично человека, не умею ничего сказать о нем и ни в чем за него поручиться. Есть в этом роде и прекрасные простецы, есть и исковерканные уроды.

Из письма Вашего не могу определительно уяснить себе цель его поездки в Белоруссию, или, как Вы называете, его экскурсии. Вы помянули об Амвросии[5] — полагаю, если Амвр<осий> принял его с сочувствием, то он стоит. Буде он нуждается только в охране от полицейских недоразумений, можно бы направить его в Вильну и достать ему бумагу от Тотлебена[6]. Но, чтобы рекомен-

довать его Тотлебену, надо видеть его здесь. Буде он приехал бы, я направил бы его к Кояловичу, страстному белорусу[7]. Рассудите. Вы знаете, что я всей душой готов помогать доброму делу, когда оно просто.

О Буфееве желательно бы пояснить. С тех пор как Вы говорили, успело все из головы выскочить. *От кого* и *за что* и к чему он представлен?

До свидания.

Душев<но> пред<анный> *К. Побед<онсцев>*

Петерб<ург>
20 нояб<ря> 1880
Видел «Русь»[8]. Первый номер производит хорошее впечатление.

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 55. Л. 5—6. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 680. Л. 1—2.)

[2] Подразумевается московская либеральная газета «Русский курьер», издававшаяся с 26.VI.1879 г. по 5.I.1891 г., с четырьмя перерывами в результате цензурных взысканий: с 5.VII по 4.IX.1879 г., с 3.VIII по 1.XII.1881 г., с 17.XII.1882 г. по 16.III.1883 г. и с 18.IX.1889 г. по 31.XII.1890 г.

[3] Имеется в виду журнал «Русская мысль», в котором В. А. Гольцев сотрудничал с основания издания в 1880 г., ведя здесь ежемесячное «Политическое обозрение», а с марта 1885 г., после смерти основателя журнала С. А. Юрьева стал принимать участие в его редактировании, став неофициальным главным редактором. В апреле 1905 г. Гольцев был объявлен официальным редактором. При Гольцеве «Русская мысль» фактически продолжила линию только что закрытых тогда «Отечественных записок», многие сотрудники которых стали печататься в ней.

[4] Предположительно здесь и в последующих письмах речь идет о публицисте-белорусофиле М. Шамшуре (Шамшурине), который подчас выступал в центральной печати от имени всего белорусского народа: «Нас называют литовцами, поляками, между тем мы не любим их и ничего общего с ними ни по вере, ни по языку не имеем и не желаем иметь. <...> Православную веру, церкви и монастыри мы любим и считаем их своими, унаследованными от наших предков, тогда как католические костелы мы называем польскими, панскими, где пан и шляхтич сидит, а мужик и там за их плечами стоит как бы лишний, ненужный, только пришедший туда» (*Шамшур М., белорус.* Белорусские древности Дисненского уезда, Виленской губернии // *МВед.* 1890. 10 янв. № 10. С. 5).

[5] Преосв. Амвросий (Ключарев), еп. Дмитровский. С ним **П.** находился в дружественной переписке.

[6] Герой Крымской и Русско-турецкой войн инженер-генерал Э. И. Тотлебен в тот период, с 18.V.1880 г. по 19.VI.1884 г., занимал пост виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора и командующего войсками Виленского военного округа.

[7] Белорусофильство М. О. Кояловича чуждалось политического сепаратизма, он отстаивал точку зрения, что белорусы являются самобытной частью русского народа наравне с великороссами и малороссами. По мысли Кояловича, вся история Северо-Западного края — это русская история, здесь живет русский народ, местное белорусское наречие — это «мост» между малороссийским и великорусским наречиями.

[8] Первый выпуск газеты И. С. Аксакова датирован 15.XI.1880 г.

67[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Любезнейший Никита Петрович.

Обнимаю и поздравляю с новым годом. Будьте здоровы. Год прошел тяжелый — и мы еще живы. Дай Боже, чтоб наступающий не был еще тяжеле. Замутилась стихия, и ничего в волнах не видно[2].

Душевно благодарю за письмо и за добрые указания. Постараюсь чем возможно воспользоваться. Но сначала на виду что поважнее. Задач передо мною множество, и все стоят как привидения — а вокруг лай собачий. Знаю и уже чувствую, какие искушения и испытания ждут меня впереди.

Кажется, известный Шамшур надул и Вас и меня. По Вашему об нем отзыву я его принял, отсылал к Кояловичу, снабдил на дорогу свидетельством о его личности и теперь опасаюсь, как бы он не употребил его во зло. По разговору он показался мне не совсем годным. Коялович получил подобное же впечатление. А теперь преосв<ященный> Александр Литовский[3] передает мне, что собранные им сведения о Шамшуре очень нехороши. Коялович же пишет сегодня, что и он имеет неприятные об нем известия. «Стыдно вспомнить, — пишет он, — сколько я даром возился с этим хитрым лже-апостолом, чтоб удержать его по крайней мере от явного злоупотребления Вашим доверием».

Урок на будущее время.

Еще раз здравствуйте и радуйтесь.

Душевно пред<анный> *К. Победонос<цев>*

31 декабря 1880
Петерб<ург>

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 55. Л. 7—8. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 680. Л. 3.)

[2] «Ничего в волнах не видно» — слова из народной «разбойничьей» песни «Вниз по матушке по Волге».

[3] Архиеп. Александр (Добрынин), возглавлявший Литовскую и Виленскую кафедру с 23.V.1879 г. по 28.IV.1885 г.

68[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Еще предупреждаю Вас, любезнейший Никита Петрович, что отовсюду приходят о Шамшуре самые дурные сведения. Некто, умеющий различать людей[2], пишет мне уже из тамошнего края: «Из беседы с Шамшуром я вынес

убеждение, что это *негодяй,* весьма мало образованный и развитой и занимающийся *шантажом*: предлагает стряпню по газетам и вместе с тем предлагает открытие заговоров».

Итак, будьте с ним осторожны.

Душ<евно> пред<анный> *К. Поб<едоносцев>*
П<етер>бург
9 янв<аря> 1881.

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 56. Л. 1—2. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 680. Л. 4.)

[2] Скрытая отсылка к апостольским словам об одном из даров Св. Духа: «...иному различение духов...» (1 Кор 12: 10), а также к предостережению: «Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они...» (1 Ин 4: 1).

69[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Как Вам не стыдно, любезнейший Никита Петрович. Прежде чем всходить на свою колокольню и звонить во вся тяжкая по поводу работы в Успенском соборе[2], хоть бы Вы потрудились написать по старому знакомству мне две строчки и спросить, — или еще проще — сходить в Успенский собор самому взглянуть!

Нет — не терпится ударить в колокол. Сейчас принесли № 307 «Совр<еменных> известий» — и я читаю в нем филиппику[3] о деле, о коем Вы, конечно, ничего не знаете!

Душевно пред<анный> *К. Побед<оносцев>*

7 нояб<ря> 1881.

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 56. Л. 3—4. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 680. Л. 5.)

[2] *Успенский* (Успения Пресвятой Богородицы) собор Московского Кремля расположен на Соборной пл. Предыдущее его здание (1326—1327) было первым белокаменным в Москве; нынешнее сооружено в 1475—1479 гг. под руководством итальянского зодчего Аристотеля Фиораванти и является старейшим полностью сохранившимся зданием Москвы. Место коронации русских государей и погребения большинства московских святителей досинодального периода. Закрыт в 1918 г., открыт как музей в 1955 г., с 1990 г. в нем, получившем статус «Патриаршего кафедрального собора», изредка совершаются службы.

[3] Речь идет о неозаглавленной и неподписанной статье, отредактированной Ф. А. Гиляровым (помечена его авторским значком «+»), в которой очень эмоционально комментируются слухи о предполагаемом поновлении древнего иконостаса Успенского собора ко дню коронации Александра III, точнее то, что он якобы «будет исполнен по новым рисункам из золоченого серебра в древнерусском стиле» (*СИ*. 1881. 6 нояб. № 307. С. 2). Автор восклицал: «Как? Святыне Кремля московского, этому достоянию всего народа русского, не настоящих только поколений, но и прошлых и грядущих, грозит невежественная затея без спроса у русских людей? <...> И не прекратятся подобные издевательства над древнею святынею отечественной земли ради прославления своего ничтожного имени и суетной жажды наград и отличий! <...> Мы согласны: есть у нас талантливые художники-мастера для украшения храмов; ну и пусть подвизаются при новых сооружениях» (Там же). Аргументы, которые при этом приводились, были чрезвычайно выразительны: «Бог не попустил сынов первой французской революции, „нехристей“, чтивших богиню Разума, истребить иконостас нашего древнего Успенского собора. <...> Уж не отдать ли кстати переписать и икону Владимирския Божия Матери, спасительницы России от Тамерланова нашествия? Тоже ведь древняя икона; еще евангелистом Лукою, по преданию, писана. Ведь на новом-то блестящем иконостасе слишком уж будет выдаваться ее зачернелость и зачаделость. Не послать ли ее в село Холуй или Палеху? Там ведь хорошие богомазы; они так перепишут икону в греческом стиле, что и от новой не отличишь» (Там же).

70[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Очень жалею, что я Вас прогневил, любезнейший Константин Петрович. Статья об Успенском соборе писана не мною, но писана по просьбе москвичей, — не тех москвичей, которые сносятся с Вами посредством бумаг за №, и не тех, пусть и не служащих, которые в разговоре с Вами выжидают, какое Вами обнаружится мнение, чтобы ему поддакнуть. Итак, статья писана по просьбе многих, незримых Вам православных москвичей и с голоса археологов, — между прочим и тех, которые до пота лица препирались с Потемкиным[2].

Вы сетуете, почему я не обратился к Вам. Но Вы ответили бы то, что Вам говорит занумерованная бумага или известное Вам патентованное лицо. Но в том-то и беда, что ни для меня, ни для большинства москвичей, ни для археологов такие справки не убедительны. Спросите, если хотите, хоть Е. Барсова: что он скажет?[3]

Бог с Вами, сердитесь на меня, а мне грустно, и грустно, по душе сказать, за Вас. Когда-то Вы писали мне: блюдите, како опасно ходите[4]. Могу сказать Вам то же самое, и на Вашем посту — о, насколько необходимее блюдение за собою!

Простите, я заговорился, вперед не буду. Верьте только, что это голос истинной любви и участия, которых не истребит во мне Ваш сан.

Ваш всею душою
Н. Гиляров-Платон<ов>

9 ноября 1881.

[1] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 458. Л. 35—35 об.

[2] А. Н. Потемкин, в тот период прокурор и управляющий московской Синодальной конторой. В вышеупомянутой заметке (см. примеч. 3 к п. 69) говорилось, что на реставрацию Успенского собора было собрано среди жертвователей 60 тыс. рублей и ассигновано еще 200 тыс. (*СИ*. 1886. 6 нояб. № 307. С. 2).

[3] Свою позицию на этот счет Е. В. Барсов, общий приятель **Г.-П.** и **П.**, обозначил, опубликовав в своей книге «Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами, с историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси» (М.: Изд. Имп. ОИДР при Моск. ун-те, 1883), изданной в год перечисления Успенского собора в епархиальное ведомство, «Царские жалованные грамоты московскому Успенскому собору» (с. 145—153).

[4] Не буквально точная новозаветная цитата: Еф 5: 15.

71[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

8 ноября 1883

Высокоуважаемый Константин Петрович.

Мне передавали произнесенный Вами обо мне в частном разговоре отзыв, что я «по неряшеству, мне свойственному, распустил Синодальную типографию, во время своего управления ею». Ото всякого другого такой отзыв для меня безразличен. Но его произносит лице, которому я имел смелость считать себя близким; которому, именно во время управления Типографиею, я поверял свои служебные планы, служебные радости и огорчения; которое судьбою поставлено теперь в высшие начальники того самого ведомства, где я служил и в руках которого все способы проверить действительность. Поэтому, простите, если я попрошу Вас, чтобы Вы не поставили себе за труд прочесть нижеследующие строки.

1. Едва только я вступил в Синодальную типографию, как мне пришлось обратить внимание на печатание антиминсов с хульною надписью[2], дававшею тот смысл, что тайнодействия сила сообщается антиминсу Государем. Я принялся за разыскания, составил историческую записку[3] и при содействии покойного Филарета (поразившегося моим указанием и не находившего слов благодарить меня) достиг, что редакция надписи была изменена.

2. О собрании сочинений Св. Тихона[4] Вы изволили сами отзываться одобрительно. Но мысль об издании, план, меры к собранию материалов, выбор ближайшего редактора, руководство его в сомнительных случаях, принадлежали мне, и если бы не я, так и остался этот позор, что, несмотря на причтение писателя к лику святых, издание творений его продолжалось бы в старом виде, не только не исправленном, но и не ведающем о том, что автор уже не просто духовный писатель, а Святой Отец.

3. Умолчу о других случаях, где обозначилась моя, выражусь так, редакционная работа, которую я причислял к непременным обязанностям старого Печатного Двора, бывшего некогда единственною академиею в России. К слову сказать, по преданиям своим обязана была бы Типография, а по способам и могла бы быть деятельной споспешницей духовного просвещения, а не мертвым только механизмом печатания и склада, книг притом, репертуар которых не осмыслен и наполовину случаен. Я болел душою при виде этого запустения на месте святе[5]. Многое было предпринято, и уже не на мне вина, что мои пожелания не имели успеха, о чем и предсказывал мне с сочувственным огорчением незабвенный Филарет. Параллельные места в Библии, поверхностно составленные, искаженные опечатками и переставшие давать какое-нибудь руководство при чтении Священного Писания, вынудили меня исходатайствовать учреждение комиссии из духовно-ученых лиц для выверки параллельных мест и новой их редакции[6]. Не я виноват, что дело осталось без последствий: и Филарет был отнят от земного служения, и я от типографского. Та же судьба постигла и порывы мои к постепенному исправлению текста богослужебных книг, о чем я также вступил в соглашение с незабвенным владыкою. Счастливее были мои критические указания на предисловие к Псалтири и на ложное толкование Арцивуриева поста в Триоди. Впрочем, не знаю еще, выкинуто ли оно[7]. Не с одним вопросом редакционного и ученого свойства обращались ко мне тогда из Петербурга, и в архивах синодских должны сохраниться мои ответные записки, краткие и пространные, но всегда добросовестно обстоятельные, требовавшие разысканий и изучения. Благодаря мне лексикон Синайского[8] вышел без нелепостей и неблагопристойностей: а он был уже напечатан и назначен учебником, в своем-то срамном виде! От более внимательного и просвещенного начальства заслужила бы не такой прием пренебрежительного молчания и моя критическая заметка на рукописное руководство к Церковному уставу, причем приложен был мой опыт правильного изложения некоторых служб в виде образца. Дело стоило мне не малого труда, но как многое другое, стоившее мне и дней и ночей, погреблось в архиве, без привета и ответа!

Доселе я говорил о трудах, которые назвал «редакционными». Хотя я их ставлю и на первом плане, имея в виду высшую цель, которой бы должна была служить Синодальная типография; но канцелярское начальство, вероятно, с презрением смотрело на них, так как Типография записана в «Хозяйственное управление». Да я и мирюсь с этим: где же было какому-нибудь Лаврову что-нибудь смыслить далее цифр, и при том в самом внешнем, формальном и коммерческом смысле! Для него и ему подобных Синодальная типография есть только оброчная статья Синода, вроде мельницы и сенокоса; эта единственная точка зрения и приложима к ней; прочее есть только «затеи».

Перейду теперь к воспоминанию о своей деятельности с этой точки зрения, более понятной в Вашем ведомстве.

4. Хаос в складе типографских книг поразил и удручил меня. Фиктивная стоимость имущества; книги, напечатанные в 80 000 экземплярах и расходя-

щиеся по 100 экземпляров в год; книги, совсем не расходящиеся, а зачисленные в имущество с ценами, возбуждающими смех и занимающие на полках место, более дорогое, чем сами стоят; безусловная невозможность правильного учета и отсюда обязательность лгать в отчетах; нелепые соображения, по которым назначались одни книги к печати, другие не печатались; нелепое основание цен; правила торговли, не выдерживавшие критики, и проч. и проч. Спустя рукава смотрел я на это? Примирился с этим? А было бы лучше, когда примирился и продолжал добросовестно обманывать начальство. В архивах Хозяйственного управления должна сохраниться масса моих записок и представлений по разным сторонам типографского хозяйства, наполовину оставленных без движения; а часть, вероятно, не дошла даже до архива — мои личные письма обер-прокурору и директору. О некоторых я упомяну для того только, что они отчасти характеризуют управление, во главе которого теперь поставлены Вы, а отчасти могли бы служить, если бы Вы пожелали вникнуть в дело, и сейчас для Ваших подчиненных указанием.

а) Вскоре после моего выхода в отставку один из чиновников Типографии попал под суд за растрату книг. Вызванный в качестве свидетеля, я между прочим объяснил следователю, что о хаотическом состоянии книжных запасов в свое время мною было докладывано. Следователь обращается в духовное ведомство. Представление мое едва нашли, однако нашли наконец и прислали. Следователь потом в частном разговоре с улыбкою передавал мне, что по прочтении моего представления следовало бы по закону возбудить уголовное преследование против Хозяйственного управления за неряшество, а не против этого, говорил он, малого.

б) В том же архиве Хозяйственного управления должно найтись мое представление о стереотипировании Миней, испещренное вычислениями, которых обширности испугается и привычный человек. Но я желал соблюсти обстоятельность, представить вывод, о котором бы не оставалось места сомнению. Предварительно вопрос о стереотипировании предлагал я и Филарету. Он вполне со мной согласился и обещал ходатайствовать, чтобы внутри книг имя царствующего императора заменено было словом «имярек» (впрочем, при теперешнем состоянии техники даже в этом не было нужды). Что же? Разумеется, замерло, и книги, из века в век издаваемые в неизменном тексте, печатаются набором, поглощая суммы на набор, на лишнюю бумагу, возвышая цену книг, которые могли бы продаваться втрое, вчетверо, впятеро дешевле.

в) Предшествовавшее мне управление Типографиею сообразило, что чем в большем количестве экземпляров печатать книгу, тем экземпляр обойдется дешевле. Но сообразили и недосообразили. Печатая в 80 000 экземпляров книгу, расходящуюся по 100 экземпляров в год, наносят себе явный ущерб, осуждая капитал лежать непроизводительно 800 лет. При разумном хозяйстве число печатаемых экземпляров и продажная цена книг должны быть соображаемы с вероятным количеством их расхода [9]. И вот что я сделал. Я поручил составить, помнится, за двадцать лет, таблицы ежегодного расхода *каждой* из ходячих ти-

пографских книг и вывести среднее число, и сам это проверил. Затем... без чувства глубокого унижения не могу вспомнить о следовавшей за этим моей личной работе, глядя на которую, когда я корпел над нею, покойный Ф. В. Чижов говаривал мне с участливым сожалением: «И охота Вам красным деревом печку топить». Я составил таблицы, по которым, приняв за основание данные: расход печатания, ежегодное количество продажи, желаемые проценты; бухгалтер без вычисления, простою сверкою определяет искомые количества печатания и продажную цену книги. Краска негодования бросается мне в лицо, когда я вспомню об этой книжке (ее экземпляр был представлен в Хозяйственное управление). Расчет сделан от $^1/_2$ процента до 20% и от 1 года до 24 лет, и притом с *десятью* десятичными, чего по части таких таблиц в литературе целого света нет подобной. Два листика я Вам для видимости прилагаю, чтобы тем крепче убедились Вы в моем неряшестве и поверхностном отношении к Типографии во время моей службы.

5. Состояние знаменитой Типографской библиотеки было ужаснейшее; на чердаке я нашел столбцы XVII столетия, употреблявшиеся чиновниками «для известных надобностей». Сокровища наполовину были уже расхищены. Достаточно упомянуть о драгоценном триязычном рукописном словаре Славинецкого, взятом для справок преосвященным Аароном [10] и затем наследниками проданном, или о редком собрании древних гравюр, застрявшем у члена Академии наук, тоже выпросившего себе их только на просмотр. Но мне подана была официально жалоба, что один из служащих моих повинен в операции хищения. Покойному Ахматову не угодно было повести это дело открытым, формальным порядком. Я не посмел возражать; но моею обязанностью было охранить хотя остатки, и я *лично* целые два месяца, и притом самые неудобные, декабрь и январь, проверял состав библиотеки. Чего это стоило в холодном, нетопленом помещении! Вместе с перечетом книг я распорядился переносить их, по мере ревизии, в теплое пустовавшее помещение, а покойного Ю. В. Толстого просил словесно обратить внимание, при обзоре Типографии, на жалкое положение библиотеки и ходатайствовать о лучшем ее помещении и надежнейшем устройстве [11]. Что же Толстой? Говорят, в своем представлении положение библиотеки, на которое я жаловался, он мне-то и поставил в вину! Но тогда обер-прокурором был уже граф Д. А. Толстой, которому я был неугоден по другим соображениям, и моих вин искали.

6. Типография работала крепостным трудом особенного сословия типографских рабочих. На мою долю досталось перевести ее на вольнонаемный труд, а для того составить новое Положение для типографии, новые табели с расценкою работы. Это сделано; кроме того, составлены новые штаты для конторы, упрощено ее делопроизводство, перетряхнут состав служащих. Словолитная поставлена на твердую почву; произведены были подготовительные работы к систематизации славянских шрифтов. Введена экономия в расходы, которые по некоторым статьям уменьшились на тысячи. С точки зрения канцелярски-официальной хотя бы эти организационные труды, казалось, должны

были бы иметь значение (другого, более трудного и более важного ценить канцелярские жрецы ведь не в состоянии). Тем удивительнее для меня Ваш отзыв, основанный, конечно, на донесениях от Ваших подчиненных. Да каким же порядком, спросить бы их, держится-то теперь типография? Кто его установил? Чья была организаторская рука? И любопытно бы узнать, много ли сделано после меня.

7. В числе других обязанностей на Типографии лежало посредничество по доставлению венчиков[12] в духовно-учебное управление. Венчики были в положении, не многим менее позорном, нежели надпись на антиминсах. Они сдавались на подряд, приготовлялись кустарным способом, размалевывались наибезобразнейшим способом, руками всякого сброда. Я нашел такой порядок не подобающим операции, имеющей дело с предметами богослужения. Вместе с инспектором и фактором типографии я начал обдумывать; начали мы производить опыты приготовления венчиков, и притом разноцветных, типографским способом. Мы тратили не только труд, но я расходовал на это свои личные средства, покупал краски, платил рабочим за опыты, которые, понятно, не с раза удавались. Именно Вам, досточтимый Константин Петрович, передавал я свое огорчение о том, что когда я преподнес начальству благоприятный результат опытов[13], меня даже не спросили, чего это мне стоило, и усвоили, не кивнув головой, представленный мною способ, сокращающий издержки изготовления венчиков на несколько тысяч ежегодно. Я Вас же, как юриста, спрашивал тогда, могу ли я надеяться от закона на защиту моих прав по применению нового способа, которым обязаны мне не как управляющему, а как частному лицу. Один из наших общих знакомых, занимающих теперь высокий административный пост, служивший тогда в Москве и бывший очевидцем моих изысканий, опытов, забот и расходов, говорил мне: «Передайте мне это дело; я явлюсь подрядчиком по изготовлению венчиков, на место теперешнего; барыши пополам». — «Нет, любезный Н<иколай> А<лександрович> <Сергиевский>[14], — отвечал я, — я предпочитаю идти царским путем. Барышей в том размере, в каком Вы предполагаете, конечно, я не получу, но не думаю, чтоб меня оставили в полном накладе». А ведь было бы благоразумнее последовать совету лица, которое значится теперь в числе высокопоставленных!

8. При отбитии штукатурки в старой складочной оказались древние фрески, единственный сохранившийся у нас образец древней гражданской стенописи. Насколько эти фрески обнаружились, они были сняты на бумагу в натуральную величину, с соблюдением подлинных красок, и опять на мои личные средства[15]. Дело это должно быть Вам знакомо. Кому принадлежит исполнение моей мысли, на этот раз общей с В. Е. Румянцевым, не знаю. То, что я начал, продолжено и приведено к окончанию; реставрация совершена; проезжая мимо Китайской стены, я мысленно, при взоре на Синодальную типографию, благодарю Провидение, что мне оно предоставило дать первый толчок этому делу и ценою личных неприятностей спасти древнее здание от эксплуататорских похотений современного индустриализма в лице А. А. Пороховщикова[16]. Я даже

превысил тогда свою власть до некоторой степени, распорядившись выкладывать окна не по позднейшему шаблону, а сообразно с древними очертаниями. Но что же я слышу? Что я неряха и что мое значение для Типографии состояло в том, что я распустил ее. А кто же организовал ее! Правда, и в деле реставрации поступлено со мной было способом, о котором в свое время я Вам дружески докладывал с горечью. Снимок с фресков я привез в Петербург лично; лично представил графу Д. А. Толстому. Он понял и оценил; он нашел нужным представить привезенный мною образец покойному Государю [17]; вероятно, и его заинтересовал, а ближайшие работники были словно игнорированы. Как в деле о венчиках, меня не спросили даже: как это Вам удалось?

Я устал перечислять, достоуважаемый Константин Петрович, все, что мною сделано для Типографии; еще более времени и труда потребовало бы перечисление того, что предполагалось и о чем отчасти ходатайствовано, но без успеха. В архиве Хозяйственного управления, как я сказал, найдется довольно следов моей деятельности, а в типографском архиве и тем более. Вся контора работала менее, чем я один; это подтвердят, надеюсь, все мои бывшие сослуживцы. Я был редактором всех бумаг, исходивших от Типографии, не говоря о многочисленных личных записках и представлениях. Самое здание носит на себе следы моего попечения: независимо от лучшего приспособления мастерских, часть моей личной квартиры передана была мною под типографские помещения. И всё это перечисленное и не перечисленное совершено было всего в четыре года! Припоминая теперь, признаюсь, сам даже удивляюсь избытку тогдашней своей энергии. Но и то сказать: я же тогда всего себя посвятил типографскому делу, покинув, к ущербу своему, литературную деятельность, на то время мною приостановленную. И за все это я был почтен тем, что когда в «Петербургской газете» явился на меня клеветнический пасквиль, составленный теперешним издателем «Московского листка» [18], и я, с просьбою оградить мою честь судом, подал прошение об отставке [19], начальство с жадностью ухватилось за мою просьбу об отставке и поспешило удовлетворить ее, а взамен суда ограничилось самым сухим, в пяти строчках, отрицанием клеветы [20]. Да этого мало; затем нашло уместным само оклеветать меня, да еще во Всеподданнейшем докладе. Об этом я тоже имел честь изливать перед Вами лично свою горечь тогда. Граф Толстой, по выходе моем в отставку, во Всеподданнейшем своем отчете постарался бросить на меня тень, что в мое управление ревизия нашла следующие канцелярские неисправности: не заведено повесточной книги и несвоевременно ведется инвентарь [21]. О, горе и смех! *Я*, я жаловался на отсутствие повесточной книги и просил предписания завести ее, так как все конторские книги указаны «Правилами», выше которых я не смел быть и которые повесточной книги не установляли. А фиктивный инвентарь фиктивного имущества испокон века состоял только в переписке старого инвентаря, что продолжалось и при мне и на нелепость чего именно я же и указывал, предлагая заменить эту бессмысленную переписку рациональным счетом. Но мне канцелярские неисправности, мною же указанные с требованием исправления, поставлены в вину!

Утомил я Вас? Или, может быть, Вы даже не имели терпения прочесть? Может быть, но меня задело за живое, и настоящие строки во всяком случае прочтутся теми, кто будет *после нас*. Мне противна всякая похвала, но на сей раз я вынужден отложить ложную скромность, возмущенный тем, что несправедливый отзыв услышан именно от Вас.

Настоящие строки рассчитаны, между прочим, и на то, чтобы подтвердить и пояснить Вам, почему, как я писал Вам полтора года назад, мы здесь, в Москве, не можем вполне доверять официальным бумагам за №. Моя личная судьба, именно в Вашем ведомстве, научила меня осторожности, запрещая полагаться на то, что исходит из канцелярских сфер. В канцелярских сферах Синодального ведомства чиновники, взятые из Морского министерства, может быть, считаются за компетентных судей в иконах и киотах и за образцовых двигателей духовного ведомства. Исполать им; но люди, способные принимать не на бумаге, а на деле к сердцу интересы отечества и церкви, осмеливаются судить иначе.

Вам, высокоуважаемый Константин Петрович, приписывают изречение; оно ходит по свету: «Для России ничего не нужно кроме канцелярий». А на мой взгляд, и с ним согласятся сотни тысяч, для которых благо отечества дорого, наоборот: Россия гибнет от избытка канцелярий, от канцеляризма вообще, от бумаги, от формы в ее пошлом, внешнем смысле. Она мертвит, она душит, она затаптывает все живое, честное и горячее; она способствует сну, она покровительствует нравственному разложению; она закрывает лик церкви, угашает благочестие, сковывает проповедь; она потворствует крамоле; она истребляет истинную дисциплину, унижает, презирает, опошливает, обессиливает всякое благое начинание. Она, она, канцелярия, форма, и нижеподписавшийся, неоднократно оскорбленный в самых святых своих трудах, в самой горячей энергии, пренебрежением и даже клеветою, слишком живо, слишком мучительно на самом себе испытал, какова эта благодетельная для России сила.

С неизменным уважением имею честь
быть глубоко огорченный *Н. Г.*

[1] Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. № 462. Л. 1—5. (Автограф черновика: Там же. № 461. Л. 20—45.) Фрагменты опубл. в составе статей: 1) *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов // *Сб. соч.* Т. I. С. XXVII—XXVIII, XXIX—XXXI; 2) *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и его «автобиографические воспоминания» // *Из пережитого. 2009.* Т. 2. С. 285—287.

[2] *Антиминс* (ἀντιμήνσιον — вместопрестолие, от *греч.* ἀντι — вместо и *лат.* mensa — стол) — льняной или шелковый плат с изображением сцены положения Христа во гроб и четырех евангелистов и надписанием епископа, в который вшита частица св. мощей.

[3] Датирована 17.X.1863 г.; опубликована, с отзывом свт. Филарета (Дроздова): Алфавитный указатель к Собранию мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам и к переписке его с разными учреждениями и лицами духовными и светскими. СПб.: Синодал. тип., 1891. Ч. II. С. 58—65.

[4] О «Творениях иже во Святых Отца нашего Тихона Задонского» см. примеч. 2 к п. 53. «Ближайший редактор» — И. Д. Бердников. См. воспоминания **Г.-П.** об этом издании в передовой «Москва, 14 января» (*СИ*. 1876. 15 янв. № 14. С. 2).

[5] Евангельское выражение: Мф 24: 15.

[6] В архиве **Ш.** хранится объемная беловая рукопись **Г.-П.** «Свод четырех Евангелий (Луки, Матфея, Марка, Иоанна)», с обозначением параллельных мест (РНБ. Ф. 847. № 335).

[7] Имеется в виду недельный пост в армянском обряде, предваряющий Великий пост и бывающий за 10 седмиц до Пасхи; он называется «арачаворк», т. е. «первый» (в греч. произношении превратился в «арцивуриев»); в византийской традиции из соображений полемики с армянами эта седмица считается сплошной. После докладной записки **Г.-П.** неправильное толкование этого поста в Триоди было опущено.

[8] Греческо-русский словарь, составленный Иваном Синайским: В 2 ч. М.: Унив. тип., 1862. В 1869 г. вышло 2-е, «исправленное», издание, а в 1879 г. — 3-е, «совершенно переделанное и значительно дополненное».

[9] См. необычайно обстоятельное официальное отношение **Г.-П.** под названием «Приложение к представлению от 19 ноября 1864 г., № 40. О расценке Типографских книг», скопированное в свое время на восьми больших листах в Синодальном архиве **Ш.**, которое начинается так: «Затруднение относительно правильной расценки Типографских книг, о котором было мною упомянуто в представлении, заслуживает, по своей важности, особого объяснения. Считаю долгом подробно описать положение, в каком находится сей вопрос.

При печатании каждой книги Конторою Типографии составляется обыкновенно счет, во что книга обходится самой Типографии, и затем высчитывается, какая полагается на оную при продаже прибыль. Цифры, которые значатся в этих расчетах, в сущности нисколько не отвечают ни действительным затратам, ни действительной прибыли» (РНБ. Ф. 847. № 243. Л. 1).

[10] Уволенный по доносу за то, что в 1828 г. благословил закладку англиканского храма, экзегет, переводчик и проповедник преосв. Аарон (Зерцалов), еп. Архангельский и Холмогорский, с 14.IX.1830 г. по 15.I.1842 г. проживал на покое в московском Донском монастыре, где предавался учено-литературным занятиям.

[11] Сохранилось, однако, обстоятельное черновое донесение **Г.-П.** на имя кн. Ю. В. Толстого (оно не датировано), вызванное, как можно понять из содержания, тем, что от **Г.-П.** требовали передать некоторые первопечатные книги в Румянцевский музеум. Он, в частности, так защищал вверенные ему коллекции:

> «Типогр<афская> библ<иотека> имеет известность европ<ейскую>.
>
> Может, древнейшая из всех библиотек.
>
> Несмотря на свое раздр<обление>, она еще заключает в себе сокровища, которые буквально выше всякой оценки.
>
> [Типограф<ская>] Состав библ<иотеки>, наконец, имеет тесную связь с составом Тип<ографского> архива. Архив объясняет библиотеку, и наоборот, составом библиотеки объясняется история тип<ографского> кн<иго>печатания, сохранившая в делах XVII и XVIII столетий.
>
> Данные эти в ученом мире более или менее известны. Но, чтоб не быть голословным, я прибавлю несколько объяснений.
>
> а) в библиотеке нашей одних пергаменных славянских рукописей 182, — и из них до *тридцати* принадлежат XI столетию (в том числе две с прямо обозн<ачен-

ными> годами). Чтобы понять всю важность этого сокровища, стоит вспомнить, что все прочие библиотеки [сложенные] взятые вместе, и русские и заграничные, не насчитывают славянских рукописей XI столетия даже до десяти, полагая в том и отрывки в несколько страниц Толковой Псалтири и другие подобные.

б) библиотека заключает в себе редкое собрание старопечатных книг, отпечатан<ных> частию в той же типогр<афии>, частию из других. Некоторые из этих книг принадлежали и в древности к числу *образцовых*, и именно в этом смысле [в свое время] отлучены стали некогда в библиотеку.

в) библиотека владеет сверх того замечательным собранием летописных и поземных изданий XVII столетия, оставленных ей по завещанию учеными деятеля<ми>, каковы Дмитрий Ростовский, Лихуды, Славинецкий, Сильвестр Медведев, Феодор Поликарп<ов> и проч.

г) целое особен<ное> отделение библиотеки есть корректурное. Эта часть заключает в себе книгу неполную, но живую историю [почти всего] нашего старинного книгопечатания, а с ним вместе и [всего нашего] просвещения. Так называемые *справные* и *кавычные* экземпля<ры> вместе с самыми трудами по редакции книг (в особенности Библии) принадлежат к этому отделению, не имеющему в России нигде ничего себе подобного.

д) Следует наконец упомянуть об ученых деятелях и кроме того — Петра Великого <…>. Эти доводы <?>, по моему мнению, столь красноречивы, что дальнейшее отчуждение иль раздробление библиотеки не без основания будут причислены к вандализму, не только историею, которая, конечно, не преминет впоследствии произнести свой строгий суд о судьбах типографских книг, но в том же смысле, без сомнения, огромен будет и современный литер<атурный> <…>. Неотступность усилий Высокопр<еосвященного> Филарета составляет само по себе уже лучшее доказательство, до какой степени важна [и драгоценна] библиотека, а следовательно, до какой степени необходимо остеречься каких-нибудь безоглядочн<ых> о ней решений. <…>

Библиот<ека> доселе не описана и худо помещ<ена>. Это ее несчастие, и с тем вместе — именно для всего духовного ведомства. Но значение библиотеки этим не уменьшается, а побуждение к ее сокращению нисколько не оставляется.

Подробная записка о состоянии нашей библиотеки со всеми документами и пояснениями будет представлена. <…>

При сем имею честь приложить записку, которая некогда подана была мною бывшему обер-прокурору Св. Синода А. П. Ахматову, по поводу настояний Московского музея, и которая послужила поводом к указу Св. Синода» (РНБ. Ф. 847. № 490. Л. 5—6 об.).

[12] *Венчик* — ритуальная лента с молитвой, возлагаемая на лоб покойнику.

[13] См. в архиве **Ш.** составленное **Г.-П.** «Представление директору Хозяйственного управления при Синоде В. А. Лаврову записки о возможности и целесообразности изготовления венчиков типографским способом» от 31.I—13.IV.1866 г. (РНБ. Ф. 847. № 250а. Л. 1—22).

[14] Расшифровка подтверждается письмом И. С. Аксакова к **Г.-П.** от 16.XI.1883 г. (см. его текст в примеч. 3 к п. 73).

[15] Об этом же **Г.-П.** сообщал своему начальнику В. А. Лаврову в отношении № 80 от 13.XI.1866 г. (писарская копия, подписанная **Г.-П.**; вырвано из прошитой книги):

«Милостивый Государь,
Василий Алексеевич,

При сем препровождая записку о древних зданиях московской Синодальной типографии, вместе с примечаниями и приложениями к оной, честь имею присовокупить:

1) снимков с открытой старой стенописи, кроме того, который уже был препровождаем на благоусмотрение Вашего Превосходительства (и теперь вновь, особо от сего препровождается), еще не сделано. Для исследования существовавших старых окон необходимо было разобрать кирпичи из стены, окружающей теперешние окна; между тем наступили холода и отняли возможность продолжать снимки не только в натуральном размере, но даже в уменьшенном. (Уменьшенный снимок, начатый было типографским учеником и по вышеизъясненным обстоятельствам оставленный, при сем прилагается под буквою А.)

2) Относительно приложенной статьи я считаю долгом объяснить, что, как я уже имел честь объяснить в предшествовавших представлениях по сему предмету, относительно открытой стенописи необходимы две статьи: а) одна должна заключать не более как самое краткое, в нескольких строках, объявление, вроде того, что „в Синодальной типографии открыта и отчищена стенопись XVII столетия, сохранившаяся доселе под слоями штукатурки, и что пока стенопись эта остается вполне в своем оригинальном виде, любителям и знатокам древности интересно будет, вероятно, взглянуть на нее и потому начальство Типографское сим объявляет, что видеть стенопись может всякий желающий от таких-то и до таких-то часов ежедневно“.

б) Что касается до статьи более подробной (при сем прилагаемой), то я предполагаю дать ей место не в журнале, а в нашем Юбилейном издании, для которого она и была готовлена» (РНБ. Ф. 847. № 432. Л. 4—5; продолжение этого служебного отношения см. в примеч. 10 к п. 3).

[16] Известный коммерсант и общественный деятель А. А. Пороховщиков построил примыкающую к зданию Синодальной типографии гостиницу «Славянский базар» (Никольская ул., д. 17), еще через год здесь открылся одноименный ресторан. В одной из передовых статей **Г.-П.** опубликовал письмо некоего *Приезжего купца,* возмущенного разыгранной в концертном зале (Русской палате) «Славянского базара» «музыкально-литературной забавой», особенно номером («потешным представлением») под названием «„Разговор регента с певчими“, как нужно петь Символ веры, как, кому и где нужно кричать». О передовой статье **Г.-П.** (Москва, 29 сентября // *СИ.* 1872. 30 сент. № 269. С. 2), написанной по этому поводу, см. примеч. 9 и 10 к п. 17.

[17] Александру II.

[18] Речь идет о Н. И. Пастухове. Приведем фрагмент его обширной корреспонденции, о содержании которого пишет **Г.-П.**: «На днях по Никольской улице разнеслась молва, будто в Синодальной типографии, при ревизии, сделанной чиновником, присланным из Петербурга, не оказалось в кассе *трех* тысяч рублей, которые, как объяснилось, выданы были кому-то под расписку, на неизвестное употребление. Вследствие того, как мне сообщили, г-ну Гилярову-Платонову и еще двум другим солидным господам придется подать в отставку, а к ревизии Синодальной типографии г-ну издателю газеты „Современные известия“ нужно будет возвратить, из своей типографии в казенную, все те вещи, которые были взяты из нее *заимообразно*» (*Залетный Н.* <*Пастухов Н. И.*>. От нашего корреспондента. Москва // Петербургская газета. 1868. 23 июня. № 87. С. 2).

[19] В архиве **Ш.** сохранились черновики этого прошения **Г.-П.** от 1.VII.1868 г. на имя обер-прокурора (гр. Д. А. Толстого) и сопроводительного письма от 27.VI.1868 г., адресованного гр. Ю. В. Толстому. Приведем их текст:

«Господину Об<ер>-Прок<урору> Св. Синода

По домашним обстоят<ельствам> нахожу невозможным продолжать службу на должности Управляющего Московскою Синодальною Типографиею, честь имею покорнейше просить об исходатайствовании мне увольнения от оной. В сем честь имею приложить один билет рублевого достоинства на выдачу мне аттестата.

1 июля дня 1868 года. Управ<ляющий> М<осковской> С<инодальной> Тип<ографией> С<татский> С<оветник> *Н. Г.*» (РНБ. Ф. 847. № 490. Л. 4).

«Милостивый Государь
Юрий Васильевич,

Вместе с сею почтою отправляю в редакцию „Петербургской газеты“ письмо, содержание коего при сем в копии, к сведению Вашего Превосходительства, прилагается.

Равномерно, честь имею препроводить с сею же почтою мою просьбу об отставке на имя г. Обер-Прокурора Св. Синода. (За отсутствием г<р>афа следовало бы, может быть, просьбу [просьбе быть] писать прямо на имя Вашего Превосходительства: если так, то простите за незнание формы.) Сколь ни подла клевета, но статейка „Петербургской газеты“ показывает, что крайне обидная клевета может прони<к>нуть даже в печать и что всегдашним поводом к ней, повадою <т. е. побудительной причиной> [будет] может служить совмещение в моем лице управляющего Синодальною типографиею и владельца частной типографии. При этом условии на меня налагается нравственный [обязанность] долг выбирать или то, или другое. К тому же деят<ельностью> по двойным моим занятиям буквально неусыпною я утомлен чрезмерно, а теперь даже [болен] буквально болен.

Одно тяжело, и Вы изволите [видеть] оценить всю ест<ественность> этого тяжелого чувства, что просьба, подаваемая именно теперь, тотчас после зловещего предсказания, может именно послужить косвенным подтверждением клеветы. Предохранить меня от этого может [только], впрочем, начальство: или дав мне дозволение начать судиться пр<отив> издателя „Петербургской газеты“ (на что без высшего разрешения считаю себя не вправе, ибо обвинение касается службы), или же официальным печатным словом поддержав мой печатный протест, без того могущий казаться голословным.

Позвольте, высокоуважаемый Юрий Васильевич, надеяться мне, что [расставаясь со мною, начальство] как бы ни думало начальство о моих служебных способностях, усердии и трудах, не откажет оно, расставаясь со мною, по крайней мере, вытащить моего доброго имени.

[С истинным почтением]
С глубоким уваж<ением> и отличною преданностию честь имею быть

Ваш<его> Прев<осходительства>
пред<анным> слуго<й>
Н. Гиляров» (РНБ. Ф. 847. № 490. Л. 3—4).

[20] Официального опровержения обнаружить ни в «Петербургской газете», ни в «Правительственном вестнике» не удалось. «Заявление» **Г.-П.**, упомянутое в его письме к гр. Ю. В. Толстому (см. выше), предуведомляли слова редактора: «Мы получили от управляющего московскою Синодальною конторою г-на Гилярова-Платонова, издающего и редактирующего „Современные известия“, следующее заявление...» Приведем его текст:

«В 87<-м> № вашей газеты напечатано о молве, разнесшейся будто бы в Москве по Никольской, что при ревизии, сделанной чиновником, присланным из Петербурга, не оказалось в кассе Синодальной типографии трех тысяч рублей, которые выданы кому-то под расписку на неизвестное употребление; что вследствие того Гилярову-Платонову и еще двум господам велено подавать в отставку; а издателю газеты „Современные известия“ нужно будет возвратить из своей типографии в казенную все вещи, взятые заимообразно.

Ходила ли по Никольской такая молва, я не знаю, и справедливость существования ее возлагаю на ответственность корреспондента. Но об известиях, приписываемых молве, могу сообщить, что из сундука Синодальной типографии не только трех тысяч, но и трех копеек никому под расписку и, притом, на неизвестное употребление выдаваемо не было, что никому в отставку подавать не велено, что издателю „Современных известий“ никаких вещей из своей типографии в казенную возвращать не нужно, потому что никаких взято не было.

Единственно достоверного в той корреспонденции то, что 1-го июня, при обычной ежемесячной ревизии сумм в Синодальной типографии, присутствовал, между прочим, бывший в то время в Москве г. директор Хозяйственного управления при Святейшем Синоде; пожалуй, еще то, что управляющий Синодальною типографиею издает газету „Современные известия“, у которой есть своя отдельная типография.

Считаю своим правом просить вас, милостивый государь, о напечатании сего моего заявления в вашей газете.

Управляющий Синодальною типографиею *Н. Гиляров-Платонов*»

(Петербургская газета. 1868. 4 июля. № 92. С. 3).

[21] См. об этом примеч. 6 к п. 18.

72[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

14 ноября <1883 г.> Петер<бург>.

Удивляюсь, достопочтеннейший Никита Петрович, какую власть имеет, нет — увы! — над всеми, а не над Вами только — сплетня. Удивляюсь, хотя и не следовало бы, ибо давно уже по ежедневному опыту вижу, что мое имя служит как бы козлом отпущения, на которого сваливается вина многих неприятных для того или другого явлений или событий.

«Мне передавали», пишете Вы, произнесенный в *частном разговоре* отзыв и пр. Кто передавал и передавший сам ли слышал или от других — вот что было бы нужно знать. Не всякий свидетель есть свидетель достоверный.

Вам должно быть известно, что я всегда ценил высоко Ваши способности, Ваши знания, Ваш упорный и добросовестный труд, — когда он был направлен к серьезному делу с глубокою мыслью. Вам памятно, как я уговаривал Вас не слушать искусительного голоса и не менять свой дар на мелкую ходячую монету, когда Вы предпринимали издание газеты. Стало быть, Вы могли быть уверены в том, что Вашим работам по Типографии я придавал всегда серьезное значение: и теперь, собрав в общую картину черты Вашей деятельности, Вы еще более утверждаете мое всегдашнее мнение. Стало быть, я не мог думать, следовательно, и говорить, что Вы «распустили» Типографию и что Ваше отношение к ней было «поверхностно» (привожу Ваши слова).

Но затем, что значит *отзыв*? Случается, случалось и со мною, что люди приходят говорить мне о другом человеке, а потом бегут к нему и сказывают, что я эти речи говорил про него. Могло быть так и в этом случае. В последнее время, помнится, мне приходилось чаще слышать об Вас, чем начинать речь об Вас. И могло случиться, что я поминал о Вашем *неряшестве*; но разве Вы не знаете, что лучшие Ваши друзья приписывают Вам это свойство, — этот недостаток или, если хотите, привычку[2]. По Вашей натуре я всегда думал, что Вы неспособны к аккуратности в хозяйственных делах, — и вот опыт в собственном Вашем хозяйстве должен был и Вас научить этому, — как и я слыхал от Вас в ту пору, когда производилось дело по доносу на Вас какой-то беспутной женщины[3], — о сборных деньгах. Никогда не думал я и во время Вашего управления, чтобы хозяйственная часть его шла столь же успешно, как и работы Ваши по приведению в порядок умственного и духовного содержания Типографии. Когда Вы ее оставили, я слышал от начальственных лиц, что в счетной части оказался хаос, который распутать стоило труда, — и в последнее время, будучи уже в настоящей должности, я слышал тот же отзыв. Итак, не отрицаю — могло случиться, что я упоминал в этом смысле о хозяйственной Вашей неряшливости. Признаюсь, что я никогда и ни от кого не слышал серьезного на это возражения, хотя слышал весьма часто разговоры об Вас — от друзей и приятелей Ваших; впрочем, врагов Ваших я не знаю и с ними об Вас никогда не говорил.

В который раз приходится мне, достопочтенный Никита Петрович, с грустью видеть Вас в атмосфере газетного мира[4]. Нет сплетни, как бы ни была она невероятна, которая в этом болотном тумане не получила бы хода.

Вот Вы на сей раз выставили мне напоказ приписываемое мне изречение. Повторяю: изречений, приписываемых мне сплетнею, — легион; но, кажется, знающие меня люди могли бы разглядеть, что вероятно. Я не менял ни расположения своего духовного, ни своей мысли о делах и учреждениях с тех пор, как Вы знали меня в Москве. Итак, рассудите, есть ли печать моей подлинности в изречении «для России *ничего не нужно* кроме канцелярий». А вот Вы ухвати-

ли словцо это и им меня колете. Впрочем, разъяснять все подобные недоразумения не хватит у меня ни сил, ни времени, и за всеми мухами не угоняешься.

Потратили Вы время на писание, но я тем доволен, что у меня остается Вами начертанное описание Ваших типографских трудов.

Да хранит Вас Бог.

Душевно преданный *К. Победоносцев*

[1] Печатается впервые по копии **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 680. Л. 6—9. (Копия Гальперсон: Там же. № 578. Л. 14—19.)

[2] **Ш.** записал сходную характеристику, данную **Г.-П.** его знакомым Г. А. Ивановым — в беседе с ним, состоявшейся 6.VI.1893 г.:

> «Гилярова упрекают в беспорядочности и неряшливости. Разве это такое преступлен<ие>. Говоря о Каткове, никто его не упрекает в беспорядочности, а у него всегда был хаос на столе и в кабинете.
>
> У Гилярова был полный порядок в мыслях и велико<лепная> память; так что он для писаний своих не нуждался в необходимости иметь под рукой справочный матерьял, содержа в голове все данные. Поэтому он никогда и не заботился о внешнем порядке, необходимом более всего [для] при постоянной работе для выужива<ния> всех потребных справо<к>, <дабы любая> была под рукою, чтоб не терять лишнего времени на ее подыскивани<е> и отнесение к должному месту среди другого матерьяла. Всего этого, повторяет <Г. А. Иванов>, Гилярову не было надобно, ибо все лежало у него в соответствующем порядке на дне памяти и в каждую нужную минуту без труда и усилий могло быть или будет извлечено для дела.
>
> Воспоминания его <испр. нами; *в оригинале*: свои. Речь идет об „Из пережитого“. — *А. Д.*>, представляющие величайшую стройность изложения, писаны были им без единой справки с каким-либо матерьялом, только по *памяти*. Надо отдать дань удивления и природному его дару необыкновенн<ой> памяти и труду, истраченно<му> на ее большее развитие и обращение ее, так сказать, в переносный архив, в избранную библиотеку, которая переносила<сь> с ним вместе всюду, где бы он ни был, и никогд<а> ему не изменяла» (РНБ. Ф. 847. № 49. Л. 30 об.—31; нами исправлены незначительные грамматические погрешности текста).

[3] Подразумевается М. С. Сковронская.

[4] Раздражение **П.** против газет со временем только возрастало. Менее чем за два года до этого письма, 14.II.1882 г., он писал министру внутренних дел гр. Н. П. Игнатьеву:

> «Знаю, что проповедую в пустыне, однако не могу все-таки умолчать. Ваше дело слушать или не слушать.
>
> Или мало еще лжи и разврата распространяется у нас существующими журналами и газетами? К чему, как не к усилению этого зла, может послужить открытие новых? Ведь газета стала ныне одним из жидовских гешефтов, и нет безграмотного жиденка, который не мечтал бы о подобном предприятии.
>
> Между тем беспрестанно читаешь о разрешении новых газет» (Былое. 1924. № 27/28. С. 71).

73[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

15 ноября *1883 г.*

Глубоко благодарен за Ваш ответ, высокоуважаемый Константин Петрович. Догадка моя оказалась вполне основательною, откуда утвердилось в Вас мнение о моей неряшливости во время типографской службы; но смею Вас уверить, что Вы введены в заблуждение. Прошу различить две вещи: *хозяйство* и *счетную часть.* В хозяйстве (и именно книжном) был хаос, и об нем-то я докладывал в записке, которую, как я писал Вам, едва нашли потом по требованию судебного следователя. Мне-то уже приписывать эту беспорядочность, которую я, напротив, открыл, смешно, хотя бы распутывать пришлось и после меня. Но я сильно сомневаюсь, чтобы распутано. Разве замазано. Тут в существе неправильность постановки. Другие отрасли типографского хозяйства, кроме книжного, мною только улучшены, насколько я мог, о чем я уже писал Вам. А что касается *счетной части,* то путаницы не было, да и не могло быть. На это есть контроль при Синоде, который ревизует книги, и Типография не давала ему повода к сколько-нибудь серьезным запросам, не то что замечаниям. Вдобавок, бухгалтером был опытный и исправный чиновник (после меня даже повышенный, чего и заслуживал) [2]; а казначеем истинно святой человек, то, что я называю *иконным письмом.* Жив ли он, не знаю (Смыслов). Если здравствует, то я даже рекомендовал бы его особенному Вашему вниманию. Это высокая личность по своему образу мыслей, поведению и по исполнению служебного долга. Найдешь ли таких идеальных лиц хотя полдюжины во всем служебном персонале Российской империи, не знаю.

Отзывы обо мне, слышанные Вами в Вашем ведомстве, проистекали из источника и побуждений, мне вполне понятных. Нужно знать подкладку тогдашних отношений, которую я охотно объяснил бы Вам, если бы Вы не занимали настоящего поста. Достаточно сказать, что мои отношения натянулись, во-первых, со времени одной моей записки графу Толстому, а главное, во-вторых, с того дня, как я выпроводил от себя А. А. Пороховщикова, когда он являлся ко мне с заручкой из Петербурга. Это же и было причиною, что я вынужден был искать себе места, куда отступить; оставаться в Типографии было уже невозможно; в предвидении неприятностей я обращался и к Исакову, и к Черкасскому. Я взялся за газету как за предохранительный клапан. Неужели Вы думаете, что мне радость себя разменивать?

Скажу и относительно сплетен об Вас вообще. Вы сохранили одно драгоценное качество — простоту в обращении. Оно почтенно, но в Вашем положении невыгодно тем, что каждое слово раздается слишком громко. Я бы напомнил Вам о выражениях, лично слышанных и не лучших, чем приписываемое о *канцеляриях.* Сознательно пустить в обращение Вы сами не решились бы, но с язы-

ка в беседе они срываются. Извините, что слова мои сбиваются на нравоучение, но они справедливы и подсказываются искренним к Вам участием.

Простите, что отнимаю время на чтение моих писем.

Н. Гиляров-Платонов[3]

[1] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 462. Л. 8—9 об. (Автограф черновика: Там же. № 461. Л. 16—17.)

[2] Александр Ильич Арсеньев. См. примеч. 12 к п. 3.

[3] С письмами 71 и 72 **Г.-П.** познакомил И. С. Аксакова и получил от него сочувственный ответ, датированный 16.XI.1883 г.:

> «Возвращаю Вам письмо Победоносцева и Ваш ему ответ. Ничего другого, конечно, и ожидать нельзя было. Со всеми своими дарованиями и высокими нравственными качествами, К<онстантин> П<етрович> не в состоянии внести нового духа, где он служил (Сенат, Синод), ни в одну область, куда его вводила судьба и где он занимал важное и властное положение... Он сам мне говорил однажды, что у него, в его личной Синодской канцелярии, берут взятки по двугривенному, и именно лицо, ему приближенное. На вопрос мой — давно ли он об этом знает, он отвечал — месяцев восемь. На вопрос же: Как же он его до сих пор не прогнал? Он рассердился: „легко-де говорить, кем заменишь, другой будет хуже, этот дело знает“ и т. д.
>
> Я очень хорошо догадался, в 1-м письме Вы разумели Сергиевского. Кстати, мне пишут, что вследствие статьи в „Руси“ положение Сергиевского поколеблено и что на его место назначают — Чистовича! Мне кажется, что из огня да в полымя! Blanc bonnet, bonnet blanc <что в лоб, что по лбу (*фр.*)>.
>
> Ваш *Ив. Ак<саков>*» (РНБ. Ф. 847. № 578. Л. 3—4).

Г.-П. поделился с Аксаковым и содержанием письма 73, на которое тот откликнулся следующим письмом от 18.XI.1883 г.:

> «С величайшим интересом и с глубочайшим огорчением прочел я это письмо Ваше, Никита Петрович. Испытывается то же чувство, какое охватывает душу, когда вот-вот расчищаются, просиявают горизонты и вновь заволакиваются, вновь окутываются серыми облаками; проглянет сверкающая лазурь, и вновь, вновь ее затянет. Так и тут: блеснет мысль, сверкнет знание, выглянет дневным светом ум, система, — и тотчас же вымажут всё грязною серою краскою канцеляризма, формы, пошлости всемогущественности.
>
> Совестно должно быть и стыдно читать К<онстантину> П<етрови>чу Ваше письмо. Теперь, как он стал „власть“, он мог бы сказать себе стихи Пушкина:
>
> Таков ли был я, расцветая?
>
> Вам бы собрать воедино копии со всех Ваших представлений по Типографии. Это во всех отношениях было бы интересно и назидательно, да и делу оправдание. До свидания.
>
> Ваш *Ив. Ак<саков>*»

(Там же. Л. 5—6; процитирован стих из «Отрывков из путешествия Онегина»).

Г.-П. в тот же день написал ответ:

«Очень, очень благодарен Вам за сочувствие, дорогой Иван Сергеевич. Очень уж было тяжело и больно слышать такой, более нежели легкомысленный, отзыв Победоносцева. А вместе и хотелось поделиться впечатлением с близкими людьми. Кроме Вас я читал свое письмо М. Н. Лопатину.

Прилагаю при сем полученный ответ Победоносцева и копию моего на него ответа. Вы заметите в нем место, что я объяснил бы ему подкладку отношений, если бы он не был на теперешнем посту. Дело в том, что как „Певчая", так и „Славянский базар" отданы были Пороховщикову не даром (помимо гласной арендной суммы). Пороховщиков сам этого не отрицает. Называют даже цифру. Лавров (директор), теперь умерший и оставивший 400 000, и вицедиректор Смирнов были радетелями Пороховщикова, и ввел его в Синодальное ведомство именно Смирнов. А этот Смирнов-то, тогдашний вицедиректор, есть теперешний товарищ обер-прокурора, который водит Константина Петровича по нитке. Понятно, очень щекотливо объяснять это нашему общему приятелю; но понятно и то, что они, эти господа, должны были рекомендовать меня как „запутавшего счетную часть". Какая нелепость, то есть невозможность даже! Но обвинение понятно.

Любопытен факт. Растратившего чиновника оправдали. Прокурор произнес почти защитительную речь. Чиновника обвиняли между прочим в подлоге (подчистке цифр). Основываясь на моей записке, в Синод поданной, что книги — ложь, обман, прокурор вывел отсутствие подлога, ибо подчистка сделана в документе, который лжив сам в себе, сам-то есть подлог.

А угадали, кто это предлагал мне взять его в подрядчики и барыши делить пополам? — Н. А. Сергиевский, высокопробный негодяй, а пользующийся у *них*, там, доверием и сочувствием. И все они таковы.

Вы советуете собрать копии представлений. Трудновато. Многое у меня растерялось из того даже, что от меня шло лично, *полу*официально и копия чего хранилась у меня в портфеле (например, записки о духовно-учебных заведениях). В Типографии некоторые оттиски должны быть; должны быть в Хозяйственном управлении, но отыскивать трудно. <...>.

Ваш душевно *Н. Гиляров-Платонов*

Письма возвратите» (Там же. № 359. Л. 20—21).

74[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Многоуважаемый Константин Петрович.

Я не мог воспользоваться позволением Вашим наведаться у Вас сегодня и должен, к прискорбию, уехать, не видев Вас[2]. Письменно повторяю свою просьбу: будьте добры, напишите графу Толстому, чтобы он принял во мне участие.

Министр финансов, которому вчера я передал докладную записку[3], хотя не дал мне обещания, но и не совсем обезнадежил. Предварительно он намерен переговорить с И. Н. Дурново[4]. Ваше слово гр. Толстому много будет значить.

Кредит в той форме, в какой я первоначально предполагал и просил, оказался невозможным: так называемые «ссуды» Банк перестал выдавать еще с 1881 года. Но ужели же так и нельзя найти формы, под которою можно было бы оказать временное пособие человеку, имеющему все-таки обеспечение? Как никак, газета моя публикациями дает ежегодно 20 000 р<ублей>[5].

Повторяю свою усиленнейшую просьбу: не оставьте меня без участия. Прошу Вас во имя того, что с колыбели «Современных известий» Вы же следили за ними и основательнее других можете судить, заслуживают ли они того, чтобы погибнуть из-за случайности и меня ввергнуть в бездну? Наконец, как ни тяжело это мне вымолвить, бывшая служба моя в духовном ведомстве, на которую я тогда положил всего себя, которою доставил ведомству значительные даже материальные услуги (новым печатанием венчиков) и которая, вместо признательности, стяжала мне одни неприятности, — пусть воспоминание и об этом найдет отголосок в Вашем сердце и подвигнет его к участию во мне: оно отчасти вознаградит меня за несправедливости, в былое время оказанные мне именно тем ведомством, над которым Вы теперь поставлены.

Так мне тяжело, глубокоуважаемый Константин Петрович, что не шутя боюсь иногда сойти с ума.

Вам глубоко преданный

Н. Гиляров-Платонов

25 января 1884.

[1] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 463. Л. 1—2. (Автограф черновика: Там же. № 461. Л. 3—3 об.)

[2] **Г.-П.**, вероятно, был в отъезде дня четыре, поскольку в публикации его передовиц в этот период оказался перерыв: после статьи о доходах церкви Василия Кесарийского (*СИ*. 1884. 21 янв. № 20. С. 1) следовала статья о нетерпимом отношении евреев к выкрестам и совращении ими христианской прислуги (Там же. 25 янв. № 24. С. 1—2).

[3] Оказавшись на пороге разорения и продажи с аукциона (по требованию кредиторов) редакционного и типографского имущества, **Г.-П.** обратился к министру финансов Н. Х. Бунге с просьбой о кредите из казенных средств. Сохранился черновик этой докладной записки, в котором, обрисовав свое бедственное положение и заслуги «Современных известий» перед обществом и государством, **Г.-П.**, в частности, писал:

> «Таково исключительное положение, в которое я, к несчастию, поставлен и из которого вывести может меня только поддержка правительства.
>
> Не умею и не смею формулировать вид кредита, который бы мне мог быть оказан. Я вижу ясно одно: что имею состояние, которое способно было бы обеспечить кредит, мне оказанный, но что, кроме правительства, ни от кого не могу ожидать кредита на сколько-нибудь сносных условиях.
>
> Вручаю судьбу свою просвещенному вниманию Вашего Высокопревосходительства, в руках которого финансы и кредит империи. От Вас зависит устранить неожиданную опасность, грозящую издаваемому мною органу; заслуживает ли

поддержки этот орган (в политических, высших государственных видах), удостоверить об этом, смею надеяться, <в смысле,> не неблагоприятном для меня, смею ожидать, будет дано ближайшей <властью>, которой печать подчинена, Министерством внутренних дел» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 386. Л. 3—4).

[4] И. Н. Дурново тогда, с 23.II.1882 г. по 1.I.1886 г., занимал пост товарища министра внутренних дел.

[5] Вскоре **Г.-П.** обратился к Бунге со следующим письмом, где подобным способом предлагал путь по спасению своей газеты:

«Милос<тивый> Гос<ударь>
Ник<олай> Хр<истофорович>.

В докладной записке Вашему Прев<осходительству> я выразил, что не умею и не смею формулировать вид кредита, который бы мог быть мне оказан. По некотором <раздумье хочу> предложить <?> форму кредита, которая, казалось, была бы возмож<на>.

В частных банках выдают деньги под соло-векселя, когда векселедатель представляет сверх того обеспечение. Государственный Банк учитывал соло-векселя землевладельцев. Я бы просил милости принять в виде обеспечения мое издание и под этим обеспечением — учитывать мои соло-векселя примерно на 20 000, то есть на сумму, которая приблизительно получается мною от публикаций? В крайний срок, правда, я не мог бы погасить всей суммы. Частные банки в подобных случаях принимают новые векселя, довольствуясь процентами, так сказать открывая клиенту текущий счет, обеспеченный соло-векселями с обеспечением. Если бы мне оказана была такая же милость, Банк был бы обеспечен. В самом худшем случае (которого во всяком случае не последует) покрыл бы и капитал, и % доходом с публикаций, наложив на них руку.

Простите мою настойчивость; извините ее тем тяжелым положением, в котор<ом> нахож<усь>.

Вашего Высокоп<ревосходительства> покорный слуга
Н. Г.» (Там же. Л. 5—6).

75[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Киев, 5 сент<ября> 1884

Любезнейший Никита Петрович. Отвечаю Вам в нескольких словах. Не в первый раз уже приходится убеждать Вас не верить слухам, особливо до меня касающимся. Кто это Вам сказал, что я недоволен Вашею статьей о соборе?[2] Она весьма справедлива и в добром духе писана — я не мог быть недоволен ею. Но по поводу как этой статьи, так и вообще газетных известий о соборе мне приходилось выражать ту мысль, что лучше было бы, когда бы газеты ничего не знали об этом предприятии и ничего не писали об нем. Дело это задумано как начало и первый шаг для будущего развития, и успех его будет

тем полнее, чем скромнее оно на первый раз поставлено. Самое слово *собор* я не желал употреблять на первый раз: его сказали газеты. А потом, если результат не будет отвечать ожиданиям, те же газеты явятся с критикой, может быть легкомысленною, и тем только спугнут наших иерархов, коих, как известно Вам, надо теперь с великими затруднениями будить от векового сна[3]. Вот общая мысль, которая, как Вы видите, совсем не похожа на охуждение Вашей статьи. В среде, — которую Вы знаете, — приходится действовать, подвигаясь мало-помалу, медленно и последовательно, избегая притом всякого шума.

Вот и еще рассуждение Ваше совсем отвлеченное — якобы «список запрещенных книг[4] составлен, *вероятно,* не без моего просмотра». Почему *вероятно*? Потому, конечно, что по молве — vulgo — мне всё приписывают, что ни делается в правит<ельственных> сферах. Я старался вывесть хотя Вас из этого заблужденья — весьма вульгарного, но, видно, не успел. Никто не думал показывать мне этот список, а если б показали, я вычеркнул бы из него иное, а *иное вставил* бы. Искусство различать книги у нас, к сожалению, — дается немногим.

Воспоминания Ваши, коих я успел прочесть 2<-ю> часть[5], весьма мне нравятся и интересуют меня очень. Конечно, в них есть некоторый тон иронической едкости, от которого редко бывают свободны *этого рода* описания, — но это неважно, вообще же тон благодушен. Непременно буду читать продолжение; а вот укажу на замечательное в ином роде, но подобное же описание быта священника (малороссийского) и историю семьи — в [«Русск<ой>] «Киевской старине»[6], каж<ется> 1882 года[7]. —

В воскресенье[8] собираюсь отсюда в Крым отдохнуть[9], ибо очень устал. — Здравствуйте.

Душев<но> пред<анный> *К. Победонос<цев>*

1 Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 56. Л. 5—6 об. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 680. Л. 10—11.)

2 Речь идет о крайне важной для **Г.-П.**, программной его передовице «Москва, 17 августа: Дневное обозрение» (*СИ*. 1884. 18 авг. № 225. С. 2). Она написана незадолго до открытия (6.IX.1884 г.) Киевского съезда 9 архиереев южнорусских епархий, имевшего официальную программу: «улучшение религиозно-нравственного быта духовенства и народа, а в связи с ним улучшение материального положения духовенства» (Там же. 7 сент. № 245. С. 1); важное место занял на нем и вопрос борьбы со штундой (см. примеч. 12 к *Нечто*). 17-го же августа **Г.-П.** писал: «Наконец мы имеем церковный собор, после того как двести лет с лишком его не было. Слава Богу, и нельзя не воздать благодарности церковному правительству, что оно решилось прибегнуть к апостольскому и святоотеческому пути. <...> Борьба со штундою! Вразуми Бог иерархов! Штунда, как и всякая другая секта, родилась от той же одной причины: неудовлетворения духовной потребности существующею церковною внешностью и главное — богослужением. Отсюда раскол старообрядчества и противостоящее ему духоборчество разных наименований и степеней. <...> Радуемся мы заранее, что грядущий собор рассеет между прочим опасения, гнездящиеся в высших сферах вообще относительно соборов. Как крепко за-

сел вбитый Петром клин! До предшествующего царствования закон очень тщательно оберегал, чтобы между епископами, хотя бы даже двумя, никак не могло произойти никакого личного совещания. Законодательство не пощадило усилий, чтобы обратить и епископа, наравне со всею администрациею, в бумажного жреца. <...> ...трудно теперь даже и придумать предлогов для оппозиции в высшем духовенстве. О, скорее потребно другое: возгреть их ревность, не могшую не ослабнуть под двухвековым искусом; поощрить их к искреннему слову иерарха Божия, не внушенному лестью, человекоугодничеством, мирскою заботою. <...> А более всего не отталкивайте окончательно от церкви полицейским приемом, ограниченными требованиями дисциплины. Скажите: как же не родиться штунде, если вместе с небрежным, механическим богослужением духовное лицо и во всей жизни своей явится пред пасомыми погруженным исключительно в материальные расчеты! <...> Смотря по тому, к каким решениям придет собор, будет зависеть дальнейшая система действий, и смотря по тому, куда направится она, или можно надеяться на восстановление церковного мира, или же опасаться дальнейших отпадений, которые затем не замедлят организоваться и представят не менее тяжеловесное тело, чем раскол старообрядчества».

[3] Надо сказать, что в целом **Г.-П.** и **П.** сходно оценивали отношение иерархов к собору (или к «совещанию», в терминологии **П.**). Последний писал еп. Никанору (Бровковичу) 19.XII.1884 г.: «Что касается до пунктов совещания, то и они, конечно, страдают тем же недостатком, — и тою же болезнью епархиальной канцелярщины. <...> Самое прямое дело было бы архиереям сделать совокупный диагноз внутренним болезням и согласиться между собою в общих мерах церковной дисциплины. И тут перст не приложен к ранам. Вместо того пункты представляют повторение прежних общих мест, представленное на утверждение начальства» (Переписка К. П. Победоносцева с преосвященным Никанором, епископом Уфимским // *РА*. 1915. Кн. II, вып. 7. С. 374).

[4] В январе 1884 г. Главное управление по делам печати выпустило «Алфавитный список произведений печати, запрещенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях», составленный по распоряжению Министра внутренних дел, которому «Временными правилами» 1884 г. было дано право «указывать местным начальствам те произведения печати, которые не должны быть допускаемы к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях, а также закрывать всякого рода публичные библиотеки и читальни в случае признанной в том необходимости». В «Алфавитный список запрещенных книг и изданий» были включены леворадикальные журналы 1860—1870-х гг., такие как «Современник», «Отечественные записки», «Дело», «Русское слово» и др.

[5] «2<-я> часть» — вторая порция глав, опубликованная в июньской книжке «Русского вестника» за 1884 г.

[6] Описка **П.** симптоматична: ежемесячный историко-этнографический и литературный журнал «Киевская старина» (1882—1907), издававшийся до 1888 г. Ф. Г. Лебединцевым, по своему замыслу и структуре напоминал петербургский исторический журнал «Русская старина» (1870—1918), редактором-издателем которого до 1892 г. был М. И. Семевский.

[7] Имеется в виду мемуарное повествование (доходит до 1853 г.) о быте и нравах сельского духовенства и крестьян: *N.* Украинская деревня второй четверти нынешнего столетия: По воспоминаниям детства // Киевская старина. 1882. Т. III, сент. С. 457—485; Т. IV, окт. С. 39—65. Несмотря на редакторское обещание, что «продолжение будет», его не было. Автор — этнограф и церквный историк Е. М. Крыжановский, сын сельско-

го священника, возглавлявшего приход «в одной из юго-западных губерний» в течение 26 лет.

[8] Упомянутое воскресенье приходилось на 9.IX.1884 г.

[9] 11.IX.1884 г. **П.** с супругой был уже в Ливадийском дворце под Ялтой, откуда 13 сентября писал Императору: «Вот уже два дня, как мы, по милости Вашего Величества, в Ливадии и наслаждаемся тишиной, прекрасной погодой и чудными видами» (*Письма к Александру III.* Т. II. С. 54). Спустя полтора месяца (28 октября) **П.** был уже в деловой поездке в Риге (см.: Там же. С. 58).

76[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

<Вскоре после 5 сентября 1884 г.>

Я так себе и объяснил наименование «съезд», многоуважаемый Константин Петрович, [оказывается справедливым, хотя] но, простите, соображения Ваши не кажутся мне основательными. «Съезд» не столько обязателен для совести собравшихся, как «собор». Еще бы назвать комиссиею! Ничего и не выйдет. Пусть откроется «скромно», по Вашему выражению, но с сознанием высоты[2] дела. Догадались ли начать молитвою? Да не [такою] ординарною молитвою, какою открывается всякий учебный класс, но нарочитою к Духу Святому, чтоб Он умудрил и наставил. А иначе будет халатно, сухо, бездушно. Никто столько, как я, не убежден в «вековом сне иерархов», о котором Вы пишете. Но в силу того-то я и убежден, что нужна некоторая торжественность возбуждения. Где собирались? В зале? Не резон. Я бы [собрал] назначил место собрания в церкви, при растворенных Царских вратах[3]; иерархи, отложив все гражданские отличия, должны явиться и заседать в омофорах. [Обстановка великого дела, пускай она], — пусть это происходило бы и келейно.

[Не гневайтесь, что я это пишу; пишу от души. Если после первого опыта предполагаются дальнейшие, то озаботиться торжественностью, по моему мнению, неизбежно, пускай она и будет, как сказал я, келейною.]

Вы удивляетесь, почему я находил *вероятным* Ваш просмотр запрещаемых книг. А я удивляюсь, как совершилась эта мера без Вас, когда по существу она принадлежит к числу [мер, которые] порученных совокупному ведению четырех министров. Список странен, между прочим, и тем, что в него попала продолжающая выходить «Русская мысль»: безрассудное подчеркивание!

С нетерпением жду, к чему пришли по вопросу о штундизме. Общее мнение мое, [Вам известное] неоднократно высказанное, таково: и старообрядство, и штундизм (если они не перешли по наследству) возбуждаются и питаются небрежностью духовенства. Но [кроме исправности и благовидности духовенства, кроме чинного богослужения, необходимы бы воспитательные меры более положительные] относительно штунды, в частности, нельзя не обратить внимания на то, что церковная литература наша кособока, позволю себе так выра-

зиться, и кособока в штундическом[4] направлении. [В этом направлении, если угодно, движется вся духовная печать, и на это пока не обращено внимания.

Пускаться в подробности нахожу здесь неуместным.] Перечислять подробности было бы долго, но укажу на одно: не дело, что исправление славянского текста[5] обогнано переводом на русское литературное наречие и Библии, и канонов, и [богослу<жения>] церковных песнопений, и Отцев[6].

От души желаю Вам отдохновения.

[Душевно уваж<ающий>] Неизменно уважающий

Н. Гиляр<ов>-Платон<ов>

[1] Печатается впервые по автографу черновика: РНБ. Ф. 847. № 461. Л. 4—5 об. (Копия **Ш.**: Там же. № 462. Л. 29—30.)

[2] *В копии*: важности. *Здесь и далее указываем наиболее существенные разночтения, поскольку есть вероятность, что копия сделана с недоступного нам белового автографа, а не с черновика.*

[3] О Царских вратах см. примеч. 150 к *Нечто.*

[4] *В копии*: штундистском.

[5] Спустя полгода, в феврале-апреле 1885 г., в преддверии торжеств, приуроченных к 1000-летию со дня кончины св. Мефодия, **Г.-П.** счел необходимым уже публично выйти с предложением исправления богослужебных книг: «...желали бы, чтобы восчествована была память Свв. наших Первоучителей деянием, прямо относящимся к оставленному ими наследию. Пересмотр текстов богослужебных книг давно ждет своей очереди; славянский текст Библии также заслуживает пересмотра» (<***Г.-П.***>. Москва, 23 февраля: Дневное обозрение // *СИ*. 1885. 24 февр. № 53. С. 2). И далее: «...всероссийское чествование Святых Первоучителей дает нам <...> повод и право сказать: „Пора! Се время благоприятно!“ Пересмотру славянского текста и Библии, и богослужебных книг во славу Свв. Кирилла и Мефодия должно быть положено прочное основание; в видах умиротворения Церкви и к утверждению просвещения на основании, нам от начала поданном» (Там же. «Се время благоприятно» — неточная цитата из послания апостола Павла (2 Кор 6: 2)). Актуальность этого нового исправления, полагал **Г.-П.**, вызвана самой жизнью, в частности — развитием системы церковно-приходского образования, ибо важно, чтобы церковнославянская книга «не содержала искажений, уклонений, невежественных поправок» (Там же). **Г.-П.** напомнил и об обыкновенных страхах в связи с исправлением богослужебных книг: «как бы не произвести раскола» — и тут же их отмел, так как пересмотр богослужебных и библейских славянских текстов Никоновского и Елизаветинского времени, напротив, «облегчит примирение старообрядцев с Церковью» (Там же). Любопытно, что газета А. С. Суворина откликнулась и на эту инициативу **Г.-П.**: ее обозреватель привел обширную цитату из передовицы «Современных известий», но выразил опасение, не произведет ли исправление Библии волнений среди верующих, пошутив, что **Г.-П.** надеется вышибить «клин клином» (<*Без подписи*>. Среди газет и журналов // Новое время. 1885. 26 февр. № 3232. С. 2). Последний в № 57 своей газеты (от 28 февраля) отозвался целым мемуарным очерком, в котором рассказал о беседах с митр. Филаретом (Дроздовым) по этому вопросу, в результате чего «исключено было и исправлено несколько „блазненных мест“ в богослужебных книгах» (*Вопросы веры и Церкви*. Т. II. С. 480), объяснил, почему в тот период не могло быть создано необ-

ходимое для этих целей специальное учреждение «наподобие Археографической комиссии» (Там же. С. 481). В конце статьи **Г.-П.** представлял новые доводы в пользу своего проекта: «Великое дело общего пересмотра книг не только было бы необходимо для блага Церкви, для общенародного просвещения и для освежения связи между единоверческим славянством и даже славянами вообще, — оно было бы сравнительно и легко. <...> В духовном ведомстве существуют синодальные типографии; они дают доход...» (Там же. С. 481). К сожалению, ни одно из двух предложений **Г.-П.** тогда не было реализовано, и исправление богослужебных книг, до сих пор ограничивающееся внесением частных поправок (в 1910-х, 1970—1980-х гг.) и не выходящее к итоговому кодифицированному тексту, становится для Церкви проблемой все более острой. См. об этом подробнее: *Дмитриев А. П.* «Под хоругвию Святых Первоучителей...»: (Н. П. Гиляров-Платонов о судьбах кирилло-мефодиевского наследия) // Россия и славянский мир: история, язык, культура: Сб. науч. тр. М.: Три квадрата, 2008. С. 114—115.

[6] Имеется в виду переводческая деятельность Российского Библейского общества в начале XIX в., а затем ее продолжение усилиями профессоров духовных академий в третьей четверти столетия.

77[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Сердечно благодарю, достопочтеннейший Никита Петрович, за добрую память и за присылку мне книги Вашей[2], с содержанием коей я довольно уже знаком, ибо читал с живым любопытством многие из статей Ваших в «Русск<ом> вестнике». Вообще, мне некогда читать, но эти статьи так меня интересовали, что я всякий раз поджидал появления следующей. Авось либо Вы на этом не остановитесь.

Кончина И. С. Аксакова глубоко огорчила меня. Вы близко знали его и потому хорошо понимаете, что его не заменишь, а в Москве без него совсем пусто. Чувствуя потребность сказать об нем вкратце, я написал урывками, перед сном, статейку об Аксаковых, которая и пущена в сегодняшнем № «Гражданина»[3].

Отсутствие Митр<ополита> Михаила[4] на похоронах было невольное. Он внезапно вызван был сюда Кн. Черногорским, а, приехав, через день получил известие о кончине Ив<ана> Серг<еевича> и затем телеграмму с просьбой приехать на похороны. Но это оказалось невозможным, потому, во-1-х, что сам Кн. Николай предполагал вскоре выехать, а во-2-х, и главное, что в самый день погребения назначено было Митр<ополиту> Михаилу явиться к Государю Императору. Итак, скрепя сердце он остался, а я еще и утвердил его в сем намерении потому, что он здесь нехорошо себя почувствовал и ослабел силами.

Да хранит Вас Господь.

Душевно предан<ный>
К. Победоносцев

9 февр<аля> 1886. П<етер>бург.

Адреса не пишете, по обыкновению. На газете нынче не ставите адрес редакции. Пишу наудачу. Авось дойдет.

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 57. Л. 1—2. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 680. Л. 12—13.) Небольшой фрагмент (о мемуарах) впервые процитирован нами: *Из пережитого. 2009.* Т. 2. С. 319.

[2] Из пережитого: Автобиогр. воспоминания Н. Гилярова-Платонова: В 2 ч. М.: Т-во М. Г. Кувшинова, 1886. <Ч. I>. 345 с.

[3] *К. П. <Победоносцев К. П.>*. Аксаковы // Гражданин: Газета-журнал политический и литературный. 1886. 9 февр. № 12. С. 1—3.

[4] После того как 18.X.1881 г. был издан княжеский указ Милана IV Обреновича об удалении митр. Михаила (Йовановича) от управления делами Сербской митрополии, он вплоть до 1883 г. фактически содержался под домашним арестом в предместье Белграда, затем перебрался в Константинополь; с 1884 г. жил в России, пока 28.V.1889 г. не был издан указ о возвращении Михаила на престол митрополита Сербского. **Г.-П.** был с ним знаком с периода Русско-турецкой войны, они обменивались письмами.

78[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Очень рад, достопочтенный Никита Петрович, что моя статейка об Аксаковых, от души написанная, пришлась Вам по душе. Рад и тому, что Вы ее перепечатываете, ради большего распространения[2]. Люди эти достойны, чтобы память об них жила, ибо, в сущности, были они люди не партии, а люди правды, и притом русской правды.

Буду ждать письма Вашего. В церкви главные вопросы наши, но чтобы двинуть их, надо людей изготовить и построить.

Помоги Вам Бог в мире и добром здравии совершить пост[3] и встретить Св. Пасху.

Душев<но> пред<анный>
К. Победон<осцев>

24 февр<аля> 1886.

П<етер>бург.

Решение дела *о венках* лишь случайно совпало с кончиною Аксакова[4], вопрос был поднят еще с осени.

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 57. Л. 3—4. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 680. Л. 14.)

[2] *К. П. <Победоносцев К. П.>*. Аксаковы // *СИ*. 1886. 24 февр. № 53. С. 1. Эту перепечатку **Г.-П.** сопроводил кратким предисловием: «Из всего, что было сказано по поводу

кончины И. С. Аксакова, самый обстоятельный, самый верный и самый беспристрастный отзыв дан в нижеследующей статье под заглавием „Аксаковы“. Мы не могли себе отказать в удовольствии перепечатать ее, тем более что ото всей полноты сердца разделяем грусть автора, и притом не разделяя даже его надежды, что подрастут новые деятели! А где ж они, где те, которые идут нам на смену?» (Там же). Интересно, что именно после перепечатки статьи в «Современных известиях» она была замечена рядом изданий. См., например, неподписанную рецензию: Брошюра «Аксаковы» // Новое время. 1886. 27 февр. № 3592. С. 1.

[3] В 1886 г. Великий пост начался 20 февраля, Пасха пришлась на 8 апреля.

[4] **П.** откликается здесь на начало передовой статьи **Г.-П.** «Москва, 14 февраля. Дневное обозрение»: «Чаял ли И. С. Аксаков, что именно его-то кончина и послужит к законодательной отмене одного из похоронных обычаев, ему антипатичного? Святейший Синод определением, Высочайше утвержденным, воспретил начинавшее у нас входить в обычай смешение „гражданских“ похорон с церковными, превращавшее иногда церковь, по чьему-то выражению, в тропический сад и погребальные проводы — в театральную процессию. Мы помним похороны, в которых общественные овации переходили даже в скандал, с папиросками, воскуряемыми за гробом, при неизбежных венках, с неприличной болтовней, но с траурной обстановкой. Венки же в частности, как всякая новинка, обратились в пошлость, в общее место. Поверят ли, даже похороны кулаков начали сопровождаться венками „от плачущего семейства“, „от сокрушающихся служащих“ и т. п. На похоронах Аксакова супругою и друзьями покойного примешение гражданских изъявлений к церковному обряду было устранено — из уважения к мнениям покойного, который не одобрял этой, своего рода профанации, и как можно полагать, этот случай и повел к изданию закона» (*СИ*. 1886. 15 февр. № 45. С. 1). См. публикацию упоминаемого Определения Св. Синода (от 10—12.II.1886 г. за № 559) «О воспрещении ношения венков и иных знаков и эмблем, не имеющих церковного или государственно-официального значения, при следовании погребальных шествий в церковь и на кладбища» (Церковный вестник. 1886. № 7. 15 февр. Ч. офиц. С. 27—28).

79[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Москва, 27 февраля 1886 г.

Препровождаю Вам, многоуважаемый Константин Петрович, 1) копию с письма моего, писанного четыре года назад Сергею Андреевичу Юрьеву об «Исповеди» Толстого[2], о которой С<ергей> Андреевич воображал, что ее можно напечатать, и [при]слал мне с просьбою сопроводить ее замечаниями, которые бы ее ослабили. Я послал ему в ответ это письмо, уполномочивая предъявить самому Толстому. С тем вместе сообщил я тогда свое письмо нескольким приятелям[3]. В настоящее время делюсь им с Вами, ввиду полемики, в которую пришлось вступить с бестактными несколькими членами Общества любителей духовного просвещения[4]. Не знаю, какого Вы мнения о книжках «Посредника», но я их высоко ценю, и именно толстовские произведения: вот

бы как следовало писать для народа [5]. Что же касается до воспитательного действия, то в этих книжках Толстой-творец выручает Толстого-мыслителя. Как мыслитель он [никуда негоден и зловреден] сумасброд, но поэтическое чутье предохраняет его от [впадения в ложь] неправды, хотя [нет сомнения] должно предположить, что за изданиями рассказов лежит и отрицательная тенденция. Но рассказы-то не дают об ней знать, и потому их действие (я даже наблюдал лично) весьма благотворно. Бестактность Общества или о. Соловьева [6] в том и заключается, что они комментируют рассказы известною *верою* Толстого, доводя читателя к извлечению [из рассказов] таких мыслей [и заключений, какие действительно не согласуются с полнотою веры], каких в рассказах не заключается [7]; этим подчеркиванием разрушается доброе действие, вместо того чтобы ему помочь.

2) Я обещал Вам писать о церковном вопросе. Вот он: что требуется для [таинства] свершения Евхаристии? — Хлеб и вино. Вино ли у нас употребляется? Нет, а напоминание о вине и подделка под него [8]. Пока простота веры этим не смущается, потому что вопроса не возникает. Но здесь источник величайшего соблазна [и смущения]. В XI веке произошло окончательное разделение Церквей [из-за чего?] из-за вопроса, пресный или кислый хлеб употреблять для таинства [9]. Не дошло до того, чтобы отвергать самую действительность таинства из-за пресного или кислого хлеба; но в России, где изменение в сложении перстов при благословении и обливание вместо погружения привело к заключению, что и таинства [потеряли силу] прекратились с потерею формы благословения, их сопровождающего, и формы крещения, — в России, говорю, недостает только случая к обвинению, что Евхаристия призрачна, ибо де не вино в ней, а спирт, разбавленный сандальной настойкой и разными морсами.

Как писал я, уже в 1862 году я обращал внимание Ахматова на это обстоятельство [но бесполезно]. Теперь [я] снова напоминаю уже Вам. Известный виноторговец Арабажи указал мне на необходимость каких-нибудь мер к ограждению чистоты церковного вина; Арабажи, кстати, не только виноторговец, но и церковный староста [10]. Полагаю, что вот он уже и смущен, зная [отли<чно>] лучше других, на каком вине служат.

Не беру на себя излагать Вам проект. Скажу только, [как] что застраховать чистоту церковного вина [что это и] не трудно. Слава Богу, в России есть места, где можно [полу<чать>] добывать [вино] виноградный сок.

1) Прежде всего нужно поставить вино в то же положение, в каком хлеб для Евхаристии. Хлеб готовится просвирнею, а не булочником. Пусть готовится и вино также клиром, как хлеб.

2) А как не при каждой церкви и даже не при каждой епархии может быть виноградник, то он может быть общий для Русской Церкви, один или несколько.

Исходатайствовать [для] получение на Кавказе земли, в количестве, достаточном для насаждения винограда и виноделия со специально церковною целию, полагаю, не составит труда. Под управлением Синодальным ли или даже епархиальным монастырь или несколько [если бы] их могли бы нести это по-

слушание для Всероссийской Церкви, то есть [вели бы] виноградарство и виноделие с упомянутою специальною целию.

[Как Вы найдете эту мысль?] Привести ее в исполнение, понятно, надлежало бы постепенно, опять именно чтобы не возбуждать смущения, благо, его еще не возникает. Сначала дать способы к добыванию чистого вина, [а после] и после уже ввести его в обязательное употребление [11].

Неизменно уважающий

Н. Гиляров-Платонов

[1] Печатается впервые по автографу черновика: РНБ. Ф. 847. № 461. Л. 6—7 об. (Копия **Ш.**: Там же. № 462. Л. 1—3.)

[2] Впервые опубликовано под назв. «Письмо к С. А. Юрьеву об „Исповеди“ гр. Л. Н. Толстого»: *РА*. 1889. Кн. III, вып. 11. С. 428—432. См. о взаимоотношениях писателей, резко испортившихся после этого отзыва **Г.-П.**: *Эфрон С.* Н. П. Гиляров-Платонов и гр. Л. Н. Толстой: (Из воспоминаний) // Рус. листок. 1902. 13 окт. № 281. С. 1.

[3] С. К. Эфрон вспоминал, между прочим, что копию письма **Г.-П.** послал М. Н. Лопатину (см.: Там же).

[4] **Г.-П.** подразумевает свою статью «За что гонение?», написанную для газеты И. Аксакова «Русь», но из-за смерти последнего опубликованную в «Современных известиях» (1886. 10 февр. № 40. С. 1—2). В ней **Г.-П.**, не сдерживая эмоций, прокомментировал огульное охаиванье народных рассказов Л. Толстого на заседании ОЛДП, состоявшемся 15.I.1886 г., — по отчету о нем, опубликованному в «Московских церковных ведомостях» (1886. 26 янв. № 4. С. 51—52). Позиция **Г.-П.** была поддержана читателями его газеты. Например, незадолго до этого письма к **П.** на ее страницах было напечатано письмо: *Z.* Два слова о духовно-просветительных задачах // *СИ*. 1886. 24 февр. № 53. С. 1—2. Оно начиналось так: «С большим удовольствием прочитали мы статью в № 40 „Современных известий“ (10 февраля) под заглавием: „За что гонение?“. Почтенный автор этой статьи высказывает справедливую и достойную всякой похвалы мысль о том, что существующее в Москве „Общество любителей духовного просвещения“, принявшее на себя высокую задачу распространения просвещения в духе православно-христианском, отнюдь не должно идти по инквизиторским следам на пути осуществления этой задачи, каковой путь стремятся избрать некоторые его члены, предлагая противодействовать распространению книг, внушающих христианскую нравственность» (с. 1). Чуть позднее редактор «Московских церковных ведомостей» вступил в полемику с **Г.-П.**: <*Рождественский В. П., прот.*>. Москва, 9 марта: По поводу инсинуаций в светских газетах на издания Общества любителей духовного просвещения // Московские церковные ведомости. 1886. 9 марта. № 10. С. 147—148; о статье **Г.-П.** см. также в этом номере с. 163, 166—168.

[5] Об этом **Г.-П.** писал в статье «За что гонение?»: «Ожидалось бы от почтенного Общества не противодействие, а напротив, содействие просветительной миссии фирмы „Посредник“, которой своими трудами помогает в числе других граф Толстой. Возвышайте свой голос против другой, действительно развращающей народной литературы, в противодействие которой и направлена деятельность „Посредника“. А сам „Посредник“ помощи, напротив, заслуживает, ходатайства, подкрепления. Это будет лучшею победою против заподозреваемых тенденций» (*СИ*. 1886. 10 февр. № 40. С. 2).

[6] Имеется в виду духовный писатель свящ. И. И. Соловьев, делавший доклад о книжках фирмы «Посредник» на заседании ОЛДП 15.I.1886 г. Он выступал печатно с критикой религиозно-философских взглядов Л. Толстого. См.: *Соловьев И. И., свящ.* 1) О новом переводе «Учения двенадцати апостолов», помещенном в журнале «Детская помощь» // Чтения в ОЛДП. 1885. Кн. 7 (июль/авг.). С. 67—92 (паг. 2-я); 2) Послание Святейшего Синода о графе Льве Толстом: (Опыт раскрытия его смысла и значения по поводу толков о нем в образованном обществе). 2-е изд. М., 1901.

[7] В статье «За что гонение?» **Г.-П.** писал, обильно цитируя отчет ОЛДП: «Обвинение таких-то книжек и в таких-то тенденциях даже нельзя приписать проглядке; позволяем себе прямо выразиться: оно есть голая клевета, и притом злостная, основанная на заведомом лжетолковании. Несчастие книжек, предложенных на рассмотрение Обществу, заключается в том, что они, по крайней мере некоторые из них, принадлежат Льву Николаевичу Толстому, „который в последнее время волнует большинство нашей светской читающей публики своими тенденциозными, религиозного пошиба произведениями «Исповедь», «Новое Евангелие», «В чем моя вера» и т. п.“ Так выражается отчет» (*СИ*. 1886. 10 февр. № 40. С. 1).

[8] Проблема фальсификации богослужебного вина никогда не теряла своей остроты, поскольку оно должно удовлетворять целому ряду церковно-канонических и практических требований. Во-первых, вина для Таинства Евхаристии следует изготавливать только из чистого виноградного сока, без примеси других соков, ароматов и веществ; во-вторых, эти вина должны иметь густой красновато-рубиновый цвет, поскольку на литургии их разбавляют водой, но их окраска должна оставаться красной, изображая Кровь Христа, и они не должны терять вкус вина. В-третьих, вину надлежит быть наивысшего качества, чего требуют величие и святость Таинства. Кроме того, вино должно быть: а) сладким и приятным на вкус: причащающиеся младенцы рефлекторно выплевывают все кислое или содержащее много спирта; б) легким и не давать эффекта похмелья; в) по возможности изготавливаемо православными людьми.

[9] **Г.-П.** имеет в виду события 1053 г., когда по распоряжению патр. Михаила Кирулария в Константинополе были закрыты латинские церкви, при этом патриарший сакелларий Константин выбрасывал из дарохранительниц Св. Дары, приготовленные по западному обычаю из пресного хлеба, и топтал их ногами. В следующем 1054 г. римский папа Лев IX послал в Константинополь своих легатов для разрешения конфликта. Примириться не удалось, и 16.VII.1054 г. в соборе Св. Софии папские легаты объявили о низложении Кирулария и его отлучении от Церкви. В ответ на это 20 июля патриарх предал анафеме легатов.

[10] Поскольку, судя по справочнику «Вся Москва» за 1901 г. (с. 19), А. И. Арабажи проживал в Божедомском пер. (ныне Делегатская ул.), то, вероятно, он был старостой древнего храма Параскевы Пятницы (Спаса Нерукотворного Образа) на Божедомке (построен в 1-й пол. XVI в., разрушен в 1834 г.).

[11] Постановления насчет контроля над качеством богослужебного вина последовали только в начале XX в., но еще в тот период, когда **П.** возглавлял Св. Синод. Тогда Первый российский съезд виноградарей и виноделов (1902) определил два вида вина для нужд Церкви: сладкое красное и сухое красное, к которому привыкло население южных губерний России. В постановлении съезда оговаривалось, что вино в обоих случаях нужно готовить только из винограда, для повышения крепости использовать только чистый виноградный ректифицированный спирт, а для увеличения сахаристости необходимо применять исключительно сгущенный виноградный сок. Полностью исключается

добавление экстрактов трав, сахара и крахмалопаточного спирта. Первый российский закон «О виноградном вине России», Высочайше утвержденный 24.IV.1915 г., был призван оградить вино от всякого рода подделок и использования в изготовлении посторонних материалов. Здесь, в частности, говорилось: «Церковно-богослужебное вино готовят благонадежные и добросовестные винодельческие фирмы для всех епархий, всех церквей Святейшего Синода».

80[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Достопочтеннейший Никита Петрович.

Покорнейше благодарю за присылку мнения об «Исповеди». Едва ли Юрьев уразумеет, — когда не уразумел Иванцов-Платонов, снабдивший жену гр. Толстого[2] совсем глупыми примечаниями к «Исповеди» и уверивший ее, что с этими замечаниями она м<ожет> б<ыть> напечатана[3].

Любопытно очень, но никто еще не произвел психического анализа мысли всяческих сектантов и раскольников, — а у всех та же основная нота самообольщения. Точно весь мир вертится, а он один утвердился на неподвижной точке. Тут нет разницы между Толстым — Сютаевым — Верховским — все они на одном пункте сбиваются.

2. Рассказы Толстого прелестны, но далеко не все одинаковы. Напр<имер>, рассказ о Поджоге (огонь не потушился — или в это<м> роде)[4] — безупречен. А другие — напр<имер>, «Чем люди живы»[5] или рассказ о сапожнике (где есть прелестная сцена с яблоками)[6] — звучат фальшивою нотой — нет простоты. Заявление в Общ<естве> люб<ителей> дух<овного> просв<ещения> *дубовое,* как многое, что исходит от наших духовных, не знающих пропорции. Но фирма «Посредник» имеет подкладку тоже не надежную: она основана компанией *пашковцев*[7], которые торгуют *подбором* книг с изв<естной> тенденцией, хотя покуда еще только сквозящей — у них есть книжки, напр<имер> о Русе и матусе[8], совсем не подходящие. Кстати о пашковцах — посылаю одну из брошюр, печатаемых для немногих[9].

3. О церковном вине я думаю уже 2 года; но это дело не легко устроить. У меня уже собраны любопытные сведения из разных епархий, откуда берут вино, и заведены кое-какие сношения. Главная беда в Западных краях, где вино жидовское, деланное. Бывали случаи отравления, хотя и не смертельного.

Душ<евно> пред<анный>
К. Поб<едоносцев>

28 февр<аля> 1886
П<етер>б<ург>

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 57. Л. 5—6. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 680. Л. 15—16.)

[2] Софья Андреевна Толстая, ур. Берс.

[3] С. А. Толстая решила воспользоваться авторитетом проф. Московского университета прот. А. М. Иванцова-Платонова, дабы провести через цензуру религиозные сочинения мужа. Тот составил примечания с возражениями против наиболее сильных антицерковных утверждений Толстого к трем его трактатам: «Исповедь», «В чем моя вера» и «Так что же нам делать?»; сохранились его не опубликованные в свое время замечания к «Исповеди», а также оттиски толстовских трактатов с примечаниями Иванцова-Платонова, не пропущенные цензурой. См.: *Толстая С. А.* Письма к Л. Н. Толстому, 1862—1910 / Ред. и с примеч. А. И. Толстой и П. С. Попова. М.; Л.: Academia, 1936. С. 316.

[4] Имеется в виду рассказ «Упустишь огонь — не потушишь», в основном написанный Толстым 11—17.IV.1885 г. Вышел двумя изданиями в 1886 г.

[5] Ср. отклик **Г.-П.** на этот рассказ Л. Толстого: *РА*. 1889. Кн. III, вып. 11. С. 425—428.

[6] Речь идет о рассказе «Где любовь, там и Бог», являющемся переделкой новеллы французского писателя Р. Сайяна «Отец Мартин» (Толстой работал над ним между 17.III и 17.V.1885 г.). Первая публикация — М.: Посредник, 1886 (ц. р.: 24.V.1885 г.). **П.** упоминает трогательную сцену, где «мальчишка в картузе рваном» выхватил из лукошка у старухи торговки яблоко и, пойманный ею, был отпущен — благодаря заступничеству героя рассказа сапожника Мартына Авдеича, рассказавшего старухе евангельскую притчу о прощении грехов.

[7] Последователи одного из течений в протестантизме, зародившегося в великосветских кругах в середине 1870-х гг. Пашковцы признают авторитет только евангельских текстов, их учение отличается христоцентризмом. Название происходит от фамилии отставного гвардии полковника В. А. Пашкова.

[8] Это одна из более чем двухсот «пашковских» брошюр, запрещенных к распространению в России в 1888 г. особым Синодальным указом. **П.** здесь спорит с оценкой этих изданий в статье **Г.-П.** «За что гонение?», где говорилось: «О. Соловьев ставит в заслугу Обществу любителей духовного просвещения, что по его указаниям запрещены духовно-нравственные брошюры „пашковские“, как их называет отчет. Не поздравляем Общества с этою заслугою. „О каждой в отдельности (из этих брошюр) также нельзя было положительно утверждать, что она подрывает основы православной веры и Церкви, — говорит отчет, — но обо всех вместе это можно сказать несомненно“. *Основы православной веры и Церкви*! Да выражайтесь, г. богослов, достойно православного богослова. Основа православной веры и Церкви есть Слово Божие и прежде всего Св. Писание. <...> А духовно-нравственные брошюры, названные пашковскими, не подрывают Св. Писания, на нем, напротив, основаны, и принадлежат они не Пашкову, а Библейскому обществу; Пашков же или пашковцы, вероятно, только издавали их. Их вина опять в том оказалась, что они умалчивают об обрядности и внешнем богослужении, обучая общехристианской нравственности, насколько она прямо изображена в Новом Завете. Но правила так называемого *аскетического* богословия, которые одни угодно называть православными московским последователям Торквемады, и правила евангельские общехристианской нравственности исключают ли себя взаимно? Напротив, они поддерживают себя взаимно...» (*СИ*. 1886. 10 февр. № 40. С. 1).

[9] Возможно, речь идет об изданной в Петербурге не ранее 1882 г. брошюре «для служебного пользования», напечатанной для верховных сановников в ограниченном числе экземпляров, автором большей части материалов которой был **П.**: Сведения о секте

пашковцев: 1. Всеподданнейшая записка обер-прокурора Святейшего Синода, представленная Государю Императору в мае 1880 года; 2. Выписка из конфиденциального отношения обер-прокурора Святейшего Синода к министру внутренних дел от 22 апреля 1882 г. за № 81 <и др. материалы>.

П. не прекращал репрессий против пашковцев и в дальнейшем. 30.VII.1887 г. он писал Александру III: «Вашему Императорскому Величеству известно, какую заразу пустил по всей России безумный Пашков, со своими последователями обоего пола, принадлежащими, к сожалению, к так называемому высшему обществу. Не зная ни своей Церкви, ни своего народа, люди эти, зараженные духом самого узкого сектантства, думают проповедовать народу Слово Божие, но на самом деле отвлекают народ от Церкви, действуя приемами отрицательными, возбуждают крестьян и рабочих, не приготовленных к отпору учением, ругаться над иконами, крестами, церковными обрядами и духовенством» (*Письма к Александру III*. Т. II. С. 158).

81[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Не хочу входить с Вами в препирательство о расколе, на который Вы смотрите, по моему убеждению, в окраске ложной и фантастической. Это в сторону. Но о Верховском скажу, что Вы его не знаете: он человек *недостойный*[2]. Достойный тот, кто стоит на правде и ей верен; а можно ли назвать достойным того, кто, оставаясь православным священником, явно и тайно отрицает с ругательством и презорством[3] и ту церковь, в коей состоит, и ту Иерархию, из коей принял рукоположение и назначение. Это *ложь.* Говорю по документам.

А назовете Вы достойным это? На меня Верх<овский> не может жаловаться. Года три тому назад я сидел с ним взаперти и говорил по-братски 2 часа. Он молчал и не возражал, а в конце концов обещал не ругаться (но не сдержал обещание). Тут он приносил с собою наперсный крест и просил разрешения носить его. Разрешение не могло быть дано *властью* явному ругателю той же власти. Но после своего побега он имел бесстыдство прислать мне из Буковины *ругательное* письмо, в коем пишет: я-де обещал не ругаться под условием, если Вы дадите мне крест (вздор и это); но как Вы не сдержали обещания (коего я не давал), то не жалуйтесь. Страшен-де еще будет вам Верховский.

Нет, он *мерзавец* и в нравств<енном> отношении далеко ниже Сютаева, не говорю уже о Толстом.

К. П.

5 марта <1886 г.>[4]

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 58. Л. 9—10. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 680. Л. 17—18.)

[2] **Г.-П.** считал иначе (см. *Нечто*, с. 328—333). И у него были единомышленники в близком **П.** кругу. Так, Т. И. Филиппов писал И. С. Аксакову о Верховском еще 20.II.1870 г.: «Это, между прочим, решительное литературное дарование. Мне даже стыдно, что, проживши 13 лет в Петербурге и даже быв лично с ним знакомым, я только от Вас, и совершенно случайно, узнал, что он писатель и, по моему мнению, замечательный. А о мужестве его и говорить нечего; ничего подобного между духовными лицами мне не случалось ни видеть, ни даже слышать» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 649. Л. 4).

[3] Ср. слова из регулярно читавшихся «Благочестивых размышлений кающегося грешника пред таинством святой исповеди» и «Краткой исповеди пред духовником»: «Согрешил я <...> ссорою и ругательством <...> осуждением и презорством...» *Презорство* — высокомерие, надменность, кичливость (*црксл.*).

[4] Год в письме не указан, установлен по содержанию.

82[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

<1886 г.> [2]

Многоуважаемый Константин Петрович.

Прошу Вашей рекомендации. Имею некоторое основание полагать, что издательство мое не прочь был бы облегчить Нечаев-Мальцев; но я ему мало известен, особенно с точки зрения нравственной благонадежности. Ваше доброе обо мне слово несомненно успокоит его совершенно, а потом, Бог даст, прибавило бы и мне спокойствия душевного и досуга для труда, более серьезного и плодотворного, нежели теперь.

Будьте добры и не откажите в Вашем дорогом для меня содействии.

Ваш неизменно [чтущий]
Н. Гиляров

[1] Печатается впервые по копии **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 464. Л. 9. Местонахождение автографа неизвестно.

[2] Датируется на основании письма **Г.-П.** к И. П. Корнилову от 20.VIII.1887 г., в котором рассказывалось об охлаждении в отношениях бывших друзей: «Прошлым годом выходило было, что Нечаев-Мальцев готов был принять материальное участие в моей газете. <...> Тогда посоветовали ему обратиться с запросом к Победоносцеву...» (цит. по: *Из пережитого. 2009.* Т. 2. С. 502). Полностью соответствующий фрагмент процитирован во вступ. ст. (наст. изд., с. 20). Очевидно, что данное письмо (точнее, записка) **Г.-П.** к **П.** было отправлено не по почте, а с оказией, через доверенного человека, которого, как сообщал **Г.-П.** Корнилову, **П.** «принял <...> „как собаку“: раскричался, что ни слова не скажет в мою пользу» (*Из пережитого. 2009.* Т. 2. С. 502).

83[1]
К. П. Победоносцев — Н. П. Гилярову-Платонову

Достопочтеннейший Никита Петрович.

Подумайте: есть ли какая польза от статей таких, какова в № 351[2]. А вред есть, ибо производится бесплодное смущение и раздражение. Между тем все эти толки, вот уже 2-й месяц продолжающиеся[3], основаны на одной сплетне и никакой основы не имеют. Неужели Вы думаете, что кто-нибудь здесь допустил бы посягательство на Успенский собор? И все это пререкание о мнимом состязании Собора с Храмом Христа Спасителя[4] есть не что иное, как пустые разговоры. Ведь если есть Храм Спасителя, нельзя же оставить его без торж<ественной> службы, но заключать из этого, что он будет премировать пред Усп<енским> собором — ведь это достойно какой-нибудь старухи бабы, а не серьезного рассуждения.

Душ<евно> пред<анный>
К. Побед<оносцев>

22 дек<абря> 1886.
П<етер>б<ург>.

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 57. Л. 7—7 об. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 680. Л. 19.)

[2] В подпередовой статье «Москва, 20 декабря: Дневное обозрение» **Г.-П.** констатировал, что, несмотря на полуофициальное опровержение слухов о развенчании Успенского собора (перепечатанное и в газете **Г.-П.**: Опровержение // *СИ*. 1886. 19 дек. № 349. С. 2), москвичи убеждены, что Синодальный указ на этот счет состоялся и «за разжалованием первопрестольного, всероссийского храма скрывается глубокая, отдаленная политическая мысль, поворот к какому-то направлению и вообще — „направление“», например, «приготовительный шаг к тому, чтобы и миропомазание русских государей на царство перенести даже на берега Невы» (Там же. 21 дек. № 351. С. 1). **Г.-П.** же полагал, что причина такого распоряжения тривиальна и объясняется архиерейскими амбициями: «Нет, кому где стоять на служении и как сноситься, указами или предложениями? Точка зрения самой мелочной субординации, и даже не церковно-иерархической, а скорее чиновничьей. Высокие исторические воспоминания, благоговение к памяти Московских первосвятителей, отстоявших и православие для Руси и Русь для православия, это не для нас писано. Священный трепет, обнимающий русского человека при входе в Кремль, счастие, испытываемое в общении с великими строителями Русской земли, счастие самого поклонения им, счастие самого смирения пред бессмертными стоятелями за веру и отечество, — это счастие даже недоведомо исповедникам приказного нигилизма» (Там же).

[3] Точка отсчета — помещение в «Новостях» известия о передаче Успенского собора в епархиальное ведомство (см. примеч. 3 к п. 86). Однако следует сказать, что подобные материалы то и дело публиковались с июля 1884 г., когда Св. Синод принял это реше-

ние. См., например: *Посетитель Кремлевской святыни*. За Кремлевскую святыню // *СИ*. 1885. 3 янв. № 2. С. 2.

[4] **Г.-П.** писал: «Пренебрежением к Успенскому собору, и со стороны тех именно, кто почтением к нему сам бы себя возвысил, есть именно нигилизм, только неосознанный. Успенский собор — фи! Кремль — фи! То ли дело новый собор — и изящно, и чисто, и великолепно, и представительно — это главное» (Там же. 1886. 21 дек. № 351. С. 1). Заканчивал **Г.-П.** статью риторическим вопросом, целившим напрямую в ведомство, управляемое **П.**: «...со всяким посягательством на эту святыню, какой приговор изрекается <...> иерархическому благочинию в его высшем смысле, русскому церковному строю вообще?» (Там же. С. 2).

84[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Досточтимый Константин Петрович.

Простите за горячее слово.

Вы спрашиваете: «Неужели Вы думаете, что кто-либо здесь допустил бы посягательство на Успенский собор?» Ни секунды я не думал, но так выходит; прошло то да другое, полагаю, мимо глаз, незаметно. Прочтите возражение, которое мне прислали на мое опровержение. Перечисляют факты, по-видимому документальные; и взвесьте, какое впечатление на москвичей производит их совокупность. Она Вам незаметна; у Св. Синода выманивались, выражусь так, распоряжения по частям, и в отдельности каждое из них казалось, вероятно, маловажным.

Но некоторые, и сами по себе взятые, возбуждают недоумение. Если справедливо, что успенский соборный причт перечислен в епархиальное духовенство, то для чего это, не скажу, сделано, а испрошено? Власть митрополита над соборным духовенством всегда была, есть и может быть абсолютною и без того на деле. Чем же объяснить это переименование? И находят единственно возможное объяснение в желании публично унизить первопрестольную святыню.

Знающие здешнего Владыку[2] говорят, что он не скрывает неохоты (боюсь сказать — отвращения) оказывать почтение кремлевской святыне собственным ли служением иль назначением других архиереев. Я привел из полученного мною письма иронический вопрос, «не открылись ли новые угодники»[3]. Но то письмо говорило сверх того о владыке Иоанникии, что для Москвы-де он оказался только исправным интендантом духовенства (намек на его заботливость о материальном быте духовенства)[4]; пастырского-де слова от него столица не слышит и уважения к своим угодникам не видит.

Никто, Константин Петрович, не отрицает, что новый собор достоин чести и торжественных служений; но это возможно и без ущерба древней святыне. А поступается как раз наоборот: одно на счет другого и в прямое уничижение прежнего.

Умоляю Вас, вникните в это дело. Мне кажется, охранить достоинство Кремлевской святыни и не трудно; сам Владыка, если бы только захотел, при его интендантской (как выражаются о нем) изобретательности, смог бы изыскать средства, чтобы ни Успенский, ни Архангельский[5] собор не оставались в забросе. Но в том и вопрос: если бы он захотел! По-видимому, против прежней Москвы у него вообще предубеждение, обнаруживающееся, между прочим, в систематической вербовке духовенства из других епархий (а некоторые из пришельцев не оказывают чести его выбору).

Года два назад я под Рождество Христово пошел к заутрене в Успенский собор, ожидая истового, благочинного, торжественного служения. С болью сердца выстоял: торжественности никакой; архиерея наряжено не было; а службу вертели через два в третье хуже, чем в приходской церкви. Это одно из многого.

Изливаю пред Вами скорбь, потому что знаю, что Кремль для Вас такой же Иерусалим, как для меня и бесчисленного множества русских людей. Корреспондента, писавшего на меня возражение, я успокоиваю надеждою, что «все объяснится в лучшем свете»[6]. Не отказываюсь и сейчас от этой надежды.

Поздравляю с праздником[7]; дай Бог Вам провести его в радости. Таково желание глубоко уважающего

Н. Гилярова-Платонова

25 декабря 1886 г.
Москва

[1] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 463. Л. 3—4 об. (Карандашный автограф черновика: Там же. № 461. Л. 8—10 об.; копия **Ш.**: Там же. № 464. Л. 4—5.)

[2] Митр. Иоанникий (Руднев).

[3] **Г.-П.** писал в вышецитированной подпередовой: «В течение нескольких дней, пока слух <об опровержении> в обществе обращался, сколько получено нами запросов письменных и устных, недоумевающих и негодующих! „Уж не открылись ли, иронически спрашивал один, в Петербурге новые угодники, которые выше московских?“» (*СИ*. 1886. 21 дек. № 351. С. 2).

[4] Эти упреки в адрес митр. Иоанникия (Руднева) сквозят и в подпередовой **Г.-П.** Он, например, иронически спрашивал: «...не сломать ли Казанский собор и устроить там если не пивную лавочку, то магазин галантерейных товаров, за который дадут хорошую аренду, способную содействовать благосостоянию духовенства? Казанский-то собор и совсем лишний, а уж внешним блеском совсем не щеголяет даже в сравнении с кремлевскими соборами. Пусть он связан с именем Пожарского и говорит об избавлении Москвы от поляков...» (Там же. С. 1—2).

[5] Собор святого Архистратига Михаила (Архангельский собор) расположен на Соборной площади Московского Кремля. Первый деревянный храм на месте нынешнего был возведен в 1247—1248 гг. Существующий собор сооружен в 1505—1508 гг. под руководством итальянского зодчего Алевиза Нового. См. примеч. 62 к *Нечто*.

[6] Видимо, с письмом **Г.-П.** выслал и № 355 от 25.XII.1886 г. своей газеты, где в качестве подпередовой был помещен обширный материал: *Н.* Развенчан ли Успенский со-

бор?: (Письмо к редактору) // *СИ.* 1886. 25 дек. № 355. С. 1—2. В предуведомлении **Г.-П.** писал: «Успокоим корреспондента надеждою, что дело официально разъяснится в лучшем смысле, нежели представляется из собранных им фактов» (Там же. С. 1).

[7] С Рождеством Христовым.

85[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Сейчас получил письмо Ваше и опять удивляюсь Вам, почтенный Никита Петрович. Ведь Вам бы, кажется, следовало рассудить правдою. Или Вы и мне не верите? Ведь я Вам писал, что все наплетенное газетами и слухами есть басня и в Синоде речи не было о развенчании Усп<енского> собора, а вот Вы опять пишете: «*Если справедливо,* что Усп<енский> соб<ор> перечисля<ют[2]> в епарх<иальное> духовенство». Согласитесь, что я имею резон даже обидеться, что меня принимают или за лжеца, или за пешку. И какая еще старуха прислала Вам статью, помещ<енную> в 355 №? Ни одного факта не приводят. Все те же речи: «как говорят», «будто бы», «как ходила молва». — Не верят опровержению в «Моск<овских> вед<омостях>»[3]. А оно напечатано по моей телеграмме. Что это, право, точно белены объелись в Москве — одни, а другие подтасовывают с задними целями. На днях пошлю в «Правит<ельственный> вестник» официальное объяснение[4]. Неужели и тут не поверят?

Какой вздор — Риза Господня в Москве, в Соборе, — и решаются писать: «Говорят-де, что взята в П<етер>бург»[5].

Право, все это похоже на рассказ о коменданте Башуцком[6], приехавшем в страхе докладывать Николаю I, что, говорят, украдена с площади Фальконетова лошадь[7].

И чего-чего не напутано в этой статье, которую Вы благодушно поместили. И о Синодальном хоре![8] Да разве Вам неизвестно, что хор имеет свое имущ<ест>во и свой контракт[9], а Усп<енский> собор содержится по штату, в увеличении коего Казна отказывает!

Удивительно!

Душ<евно> пр<еданный>
К. П.

26 дек<абря> 1886.

[1] Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 57. Л. 8—9. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 680. Л. 20—21.)

[2] Конъектура в копии **Ш.**

[3] Приведем его текст: «Переданный в № 346 „Моск<овских> вед<омостей>“ слух о том, будто бы указом Святейшего Синода храм Христа Спасителя возвышается на сте-

пень первого кафедрального в Москве, а Большой Успенский собор должен считаться вторым городским собором, как нам сообщают из вполне достоверного источника, лишен всякого основания. Подобного указа Святейшего Синода не было» (*МВед*. 1886. 17 дек. № 348. С. 3). В № же 346 от 15.XII.1886 г. отмечалось, что такой Указ получен «московским епархиальным начальством» и им, помимо сказанного, повелевается именно в храме Христа Спасителя совершать «все торжественные служения в царские и праздничные дни», переименовать «Синодальный хор певчих в архиерейский» и др. (с. 3). В газете **Г.-П.** это (опровергаемое) сообщение было помещено днем ранее, 14.XII.1886 г.

4 См. разъяснение **П.:** *ПВ*. 1887. 3 янв. № 2. С. 1.

5 Имеются в виду слова Н.: «...заимствуем следующее из „Нового времени“ (№ 3884): „Св. Синод оставил навсегда в Петербурге взятые из Успенского собора золотой ковчег с Ризою Господнею, сооруженный при патриархе Филарете, и крест преп. Авраамия Ростовского“. — Риза Господня, как известно, хранилась в большом золотом ковчеге, нашитая на шелковую подушку. Об ней говорится в описаниях Успенского собора и в честь ее установлен даже особый праздник (10 июля)» (*Н.* Развенчан ли Успенский собор? С. 2).

6 Генерал П. Я. Башуцкий, знаменитый своей простотой и солдафонской непосредственностью, занимал пост коменданта Петербурга с 30.XI.1803 г. по 6.XII.1833 г.

7 Этот анекдот обычно приписывался временам имп. Александра I. Приведен в наиболее полном виде в рукописном сборнике анекдотов Н. В. Кукольника:

> «— Г. комендант! — сказал Александр I в сердцах Башуцкому,— какой это у вас порядок! Можно ли себе представить! Где монумент Петру Великому?..
> — На Сенатской площади.
> — Был да сплыл! Сегодня ночью украли. Поезжайте разыщите!
> Башуцкий, бледный, уехал. Возвращается веселый, довольный; чуть в двери кричит:
> — Успокойтесь, Ваше Величество. Монумент целехонек, на месте стоит! А чтобы чего в самом деле не случилось, я приказал к нему поставить часового.
> Все захохотали.
> — 1-е апреля, любезнейший, 1-е апреля,— сказал Государь и отправился к разводу.
> На следующий год ночью Башуцкий будит Государя:
> — Пожар!
> Александр встает, одевается, выходит, спрашивая:
> — А где пожар?
> — 1-е апреля, Ваше Величество, 1-е апреля.
> Государь посмотрел на Башуцкого с соболезнованием и сказал:
> — Дурак, любезнейший, и это уже не 1-е апреля, а сущая правда» (ИРЛИ. Ф. 371. № 73. Л. 19; цит. по: Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века. М.: Худож. лит., 1990. С. 107).

Другой вариант приведен беллетристом В. П. Бурнашевым в его «Клубе анекдотистов и каламбуристов (из «Воспоминаний» и из «Памятной книжки» петербургского старожила)», печатавшемся в «Биржевых ведомостях». Однажды при Александре I над Башуцким, шедшим к царю с ежедневным докладом, подшутил обер-гофмаршал двора А. Л. Нарышкин, сказавший, что ночью «тайные переодетые шведские (это было во время шведской кампании графа Н. М. Каменского) агенты сняли статую Петра Великого и увезли ее». Башуцкий поверил, испугался и «повинился» перед царем, что не доглядел

(см.: Биржевые ведомости. 1873. 2 сент. № 234. С. 1—2). Ср. упоминание в «Подростке» Ф. М. Достоевского: «Про коменданта Башуцкого тоже много было анекдотов, как монумент увезли» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1975. Т. 13. С. 168).

[8] Н. сообщал: «Отказав в увеличении штата и содержания соборному успенскому клиру, Св. Синод нашел возможным значительно увеличить штаты и содержание Синодального хора певчих и назначить над 30 мальчиками целый сонм начальствующих: управляющего с 4000 р<ублей> содержания, директора с 2000 р<ублей>, инспектора, помощника инспектора, наблюдателя за образованием, 7 учителей, 2 надзирателей, эконома и проч. с крупными окладами. Само по себе это обстоятельство ничего не говорит, но ему придают значение ввиду того, что на содержание «начальствующих лиц» для нескольких десятков певчих нашлись десятки тысяч рублей, а на восстановление штата Успенского собора не нашлось 4000 р<ублей>» (*Н.* Развенчан ли Успенский собор? С. 1). См. также: *У. <Урусов Г. Г.?>*. Синодальный хор: Новые штаты. Училище // *СИ*. 1886. 2 сент. № 241. С. 2.

[9] **П.** опирается на Высочайше утвержденное по его представлению Определение Св. Синода (от 17.VI—6.VII.1886 г. за № 1327) «О штате управления московским Синодальным певческим хором, с состоящим при нем училищем церковного пения, и синодальным недвижимым имуществом» (опубл.: Церковный вестник. 1886. 26 июля. № 30. Ч. офиц. С. 133—134). Этот документ упоминается в статье, процитированной в примеч. 8. См. также сведения, приведенные **Г.-П.** в *Нечто*, с. 262—263, 281—282, 297—298.

86[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Москва, 30 декабря 1886

Поздравляю Вас с наступающим Новым годом, досточтимый Константин Петрович.

Доброе дело будет, если в «Правительственном вестнике» появится объяснение, — именно «объяснение»[2], а не голое опровержение. Голое опровержение не умалит толков и не успокоит тревог.

Толки, на мой взгляд, идут из трех источников:

1) Из газеты «Новости»[3], которая систематически помещает по духовному ведомству сенсационные известия — некоторые, как вижу из Вашего письма, даже прямо ложные (о Ризе Господней). Известия «Новостей» тем более встречают веры, что газета эта издавна считалась хорошо осведомленною о синодских делах.

Прибавьте Барсова, в книге которого утверждается о развенчании Успенского собора[4].

2) Москва, в частности, подкрепляется в своих толках известного рода личным неблаговолением митрополита к Кремлю. Примеров рассказывают немало.

3) А потом факты, все-таки факты. Вы ставите мне в упрек, что не различен двоякий источник средств — Собора и хора. Но в статье отчасти это оговорено

словами, что изменение в штате Синодального хора не имеет само по себе значения в данном вопросе[5], а что народ-де невольно сопоставляет положение собора с положением хора. Где же народу в самом деле понимать эти формальности?

Точно также не могу не сопоставлять штат Успенского собор со штатом нового; а преимущество нового в этом отношении есть факт[6]. Когда составляли для нового собора штат, следовало предвидеть это неизбежное сравнение. Оно, очевидно, не приходило в голову, и это был промах.

То и другое, повторяю, все-таки есть факт, а не слух, равно как и жалкое положение Архангельского собора[7]. Последнему и можно, и должно помочь. И опять — это надо было предвидеть при открытии собора Христа Спасителя. Ясно было, что Архангельский с своего места низводится, и следовало потому заняться вопросом: что же он будет такое? Есть ли даже смысл оставаться ему епархиальным? Он есть царская усыпальница и был кафедральным лишь за неимением другого. Поэтому не лишена была бы смысла передача забот о нем даже Придворному ведомству. Если же оставить его и в епархиальном, то поддержать его есть несомненно средства даже епархиальные. В одной из статей своих по поводу изменения приходских штатов, предпринимаемого митрополитом[8], я подавал мысль, что храмы малоприходные, но владеющие доходными домами, должны бы быть обязаны к отчислению части доходов не на вспоможение только местному причту, как теперь, но в общеепархиальный фонд, для вспоможения причтам других, беднейших церквей[9]. Брошен был только намек; но надеюсь, не имею нужды объяснять, что с принятием такого правила Архангельский собор мог бы быть поставлен на подобающую ему высоту, назначение в его штат не приравнивалось бы духовенством к ссылке, и в торжественные соборные праздники не обходились бы будничным богослужением.

Говорить, так уж заодно; простите, хотя, о чем я буду говорить, не относится к соборному вопросу. Но промах, по моему мнению, был совершен жестокий; им и теперь не перестают возмущаться. Установлено праздновать *тезоименитство* великих княгинь лютеранского исповедания[10]. Не есть ли это оскорбление вере? Почитание святых отвергается лютеранством, и тезоименитств в нем не полагается. Выходит: навязывание святых патронов особам, которые их отвергают, да еще предписание церковно праздновать этот... стесняюсь употребить приличествующее этому акту существительное.

И для чего так было поступлено? Вот чего не постигаю. Выпускается же из эктении эпитет «благоверный» при поименовании особ лютеранского исповедания, — и основательно. Точно также легко было обойтись без празднования тезоименитств, ограничившись празднованием рождений. Рутина бессмыслия и форма — вот единственное объяснение, которое нахожу. А заключениям дается повод самым оскорбительным.

Если бы можно было без огласки поправить дело, то есть в новых изданиях просто вычеркнуть из табелей[11] празднование упомянутых тезоименитств (точнее — вычеркнуть только некоторые имена, ибо в те же дни положены

и другие, не профанирующие тезоименитства): была бы оказана услуга церковному миру и отнята пища для соблазна слабых и для злоязычия врагов, указывающих на это «торжественное посмеяние над православным догматом и над святыми, чествуемыми церковию».

Не сердитесь на непрошенное мнение. Объясните его моим исконным к Вам уважением и участием.

Н. Гиляров-Платонов

[1] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 463. Л. 5—6 об. (Карандашный автограф черновика: Там же. № 461. Л. 11—11 об.; копия **Ш.**: Там же. № 464. Л. 6—8.)

[2] Тут **Г.-П.** солидаризовался со своим корреспондентом Н., который предлагал: «Для устранения всех недоразумений, порождающих нежелательные толки, необходимо было бы, чтобы официальный орган Св. Синода: 1) обнародовал указ Св. Синода о подчинении Успенского собора Московской кафедре; 2) пояснил соображения, в силу которых прекратились в Успенском соборе торжественные архиерейские служения в высокоторжественные дни, а равно и архиерейские хиротонии, потому что из этих именно фактов и выводят в народе заключение, что дело клонится к совершенному увольнению за штат всей Кремлевской святыни, с какою целию — неизвестно» (*Н.* Развенчан ли Успенский собор? С. 2). Объяснение **П.**, опубликованное в «Правительственном вестнике» в тот же день, каким датировано и данное письмо, не удовлетворило **Г.-П.** (см. п. 87 и примеч. 3 к нему).

[3] Именно в петербургских «Новостях» (в № 319 от 19.XI.1886 г.) и было напечатано содержание Указа Св. Синода о развенчании Успенского собора, датируемого публикатором «концом октября». Это подробное сообщение не встретило опровержения, и потому его повторили газеты: «Свет» (20.XI), «Русский курьер» (27.XI), «Современные известия» (только 14.XII) и — кратко — «Московские ведомости» (15.XII). См. об этом «Письмо к издателю» С. А. Кельцева (*МВед.* 1886. 20 дек. № 351. С. 4). О других публикациях «Новостей» (с подробной их цитацией) о кремлевских соборах см. в корреспонденции Н. «Развенчан ли Успенский собор?» (*СИ.* 1886. 25 дек. № 355. С. 1—2).

[4] Об этом сообщал в своей корреспонденции Н., со ссылкой на газету «Новости»: «...о передаче Успенского собора в епархиальное ведомство. В „Церковн<ом> вестн<ике>“ указ об этом до сего времени не помещен; но в „Сборнике указов и распоряжений Св. Синода“, изданном в 1885 году в С.-Петербурге проф. Барсовым, значится, что в 1884 году последовал указ Св. Синода о подчинении Успенского собора Московскому митрополиту, о предоставлении ему права назначать и увольнять оного собора пресвитеров, диаконов и прочих» (*Н.* Развенчан ли Успенский собор? С. 1). Точное название издания Т. В. Барсова — «Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания» (СПб.: Склад изд. у авт., 1885. Т. I). Определение Св. Синода № 1384 от 4—11.VII.1884 г., утвержденное Указами № 2290 и 2291 от 11.VII.1884 г. на сей счет см. на с. 68—69 издания Барсова. Интересна формулировка причин, вызвавших это Определение, которой оно и начинается: «Признав полезным московский Большой Успенский собор поставить в непосредственное отношение к власти митрополита Московского, дабы под прямым его наблюдением священнослужение в Успенском соборе было исправляемо с должным старанием и по древнему установленному в том Соборе порядку...» (с. 68).

[5] См. цитату с этими словами в примеч. 8 к п. 85.

[6] Имеются в виду следующие слова из корреспонденции Н.: «…мы коснулись содержания клира Успенского собора. Протопресвитер оного получает содержание 1800 р<ублей> в год, тогда как протоиерей кафедрального собора получает 3000 р<ублей> (не считая 1200 р<ублей> квартирных). Сакелларии Успенского собора получают по 1350 р<ублей>, а ключарь нового собора — 2000 р<ублей> (и 600 р<ублей> квартирных). Штат кафедрального собора немного более Успенского, преимущества же все на его стороне» (*Н.* Развенчан ли Успенский собор? С. 2).

[7] Н. писал: «Еще более Успенского унижен собор Архангельский — усыпальница царей Русских, которые на поминовение свое и своих родственников завещали в разное время собору 18 тысяч душ крестьян; для поминовения царских особ при соборе состояли архиереи до 1765 года, именовавшиеся иногда „Архангельскими“. Кроме протоиерея и ключаря при соборе состояло 10 священников. Теперь же в соборе всего 2 священника и протоиерей, поступивший в собор в октябре сего года, после того как 8 месяцев протоиерейское место не было замещено. Богослужение в соборе отправляют большею частию священники-наймиты, так как местные состоят преподавателями в духовной семинарии.

В Архангельском соборе заупокойные литургии по русским государям архиереями с 1884 года уже не совершаются, а отправляются один раз в месяц (не более), и то лишь панихиды. С нынешнего 1886 года в соборе перестали праздновать память св. царевича Димитрия (15 мая) и св. благоверного князя Михаила Черниговского и болярина Феодора (20 сентября). В оба эти праздника не было не только архиерейского, но даже соборного служения. Литургию совершали чередные священники, как бы в будни» (*Н.* Развенчан ли Успенский собор? С. 2).

[8] См. подпередовую: <***Г.-П.***>. Москва, 23 октября: Дневное обозрение // *СИ*. 1886. 24 окт. № 293. С. 2. Статья предпослана публикации: К соображению о новых штатах при московских церквах. I / Один из причта; II / Церковный староста // Там же. С. 1—2.

[9] **Г.-П.** писал в упомянутой подпередовой: «В некоторых местах, при ничтожном пространстве прихода и ничтожной численности прихожан, причт пользуется богатым содержанием не от своих трудов, а от значительной арендной платы, получаемой с домов, частию принадлежащих самому причту, частию церквам (в последнем случае причты пользуются известным процентом с арендного дохода). <…> …когда каждая церковь обязательно отдает вообще часть своих доходов на общеепархиальные нужды, то не тем ли справедливее на подобные же нужды обращать часть доходов с недвижимых имуществ, принадлежащих церквам?» См. также: <*Без подписи*>. По поводу новых штатов в московских церквах // *СИ*. 1886. 2 нояб. № 302. С. 2.

[10] Речь может идти о великих княжнах, вышедших замуж за правителей лютеранских держав, например об Ольге Николаевне, дочери имп. Николая I и супруге Карла I, короля Вюртембергского, или об Анастасии Михайловне, дочери вел. кн. Михаила Николаевича и двоюродной сестре имп. Александра III, супруге Фридриха Франца III, вел. герц. Мекленбург-Шверинского. Но прежде всего, по-видимому, **Г.-П.** имеет в виду вел. кн. Марию Павловну (ур. Мария Александрина Элизабета Элеонора), герцогиню Мекленбург-Шверинскую, 28 августа 1874 г. вышедшую замуж за вел. кн. Владимира Александровича, третьего сына Александра II. Их брак стал возможен лишь спустя три года после знакомства: лютеранка Мария не пожелала переходить в русскую веру, наконец царь дозволил сыну жениться на неправославной.

[11] Имеется в виду Табель высокоторжественных и викториальных дней, где указывались дни рождения и тезоименитств императорской семьи, а также выдающихся во-

енных побед; прилагался к Месяцеслову. Печатался и отдельно на большом листе: Табель высокоторжественных Его Императорского Величества и Ея Императорского Величества Рождений, Тезоименитств: Его Императорского Величества и восшествия на Всероссийский Императорский Престол и всерадостнейшей Их Императорских Величеств Коронации: Их Императорских Высочеств Рождений и Тезоименитств и викториальных дней, в которых месяцах и числах и с каким церковным богослужением справлять надлежит. СПб., 1850. Когда рождался младенец либо кто-то из членов семейства женился, Св. Синод составлял дополнение к Табели высокоторжественных и викториальных дней, включающее новые дни рождения и тезоименитства, и рассылал их при печатных указах по всем епархиям.

87[1]
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

3 января <1887 г.>[2]

Я теряюсь, многоуважаемый Константин Петрович. Вы гневно спрашивали меня: неужели я считаю Вас лжецом? — и удостоверили, что Риза Господня находится в соборе. Перепечатав распоряжение из «Правительств<енного> вестника»[3], я распорядился прибавить и о Ризе Господней, что она, по достовернейшим сведениям, находится в соборе, а не в Петербурге[4]. Мне теперь смеются все, что я утверждаю ложь на основании сведений, выдаваемых мною за не подлежащие сомнению. — «Да нет же ее в соборе, [говорят вам] — толкуют мне, — ее ищут теперь да не найдут».

И точно, Риза должна быть в Петербурге, в церкви Зимнего дворца. Она была найдена 86 лет тому назад в спальне Павла I. Справьтесь в III томе «Исторического описания Петербургской епархии», [в главе] где идет дело о церкви Зимнего дворца[5]. Там же должен храниться и крест Авраамия Ростовского[6].

Боюсь снова навлечь Ваш гнев; но [прошу] не могу не сказать, что отповедь «Правит<ельственного> вестника», чего я и опасался, заключает [только] голословное отрицание, не разъясняя дело и не успокоивая. В довершение — простите! — она изложена в раздражительном тоне, недостойном Св. Синода, как некогда и определение о Верховском[7]. Справедливо она утверждает, что [Успенский собор] Кремлевская святыня принадлежит всей России. Но потому-то самому [она] святыня эта не составляет монополии и Св. Синода. На *обязанности* Синода лежит беречь ее честь, но не отрицайте ни обязанности, ни права и всех верноподданных ревновать об этой чести. За что же сердиться на ревнителей и даже [выказывать] обнаруживать этот гнев? Они могут ошибаться, но заслуживают благодарности: горе, если бы наступило равнодушие, как-де хотят, [так и делаем] пускай, это дело начальства.

Я писал Вам о личном нерасположении митрополита к Кремлю и прибавил, что «рассказывают немало примеров». Крайне щекотливо мое положение. Пе-

редавать конфиденциально эти рассказы даже неблаговидно, а оглашать в газете, — Вы опять скажете: «Ну, какую пользу могут принести такие статьи, производящие только смущение?» Но прошу Вас, справьтесь, например, достоверно ли [то], что в минувшие высокоторжественные дни, 30 августа и 14 ноября[8], на Иване Великом благовестили не в большой, а во второй колокол *по приказанию митрополита*? Что [последовало] изречено было запрещение [употребить] на большой колокол даже в день Рождества Христова, но уже не послушал протопресвитер? — Вот Вам образчик; факт чрезвычайно мелочный, даже невероятный, но характерный. — «Да для чего же так?» — Отвечают: чтобы Иван Великий не заглушал колоколов нового Собора. По сему и прочее разумевайте[9] и взвешивайте, как должен смотреть и чувствовать народ, чествующий Кремлевскую святыню.

Мне передают, [что] на днях Владыка потребовал, чтобы возобновлено было столповое пение[10]. Странно; да ведь петь-то [теперь] уже некому при настоящем причте.

Вы напоминали мне, что Синодальный хор и Успенский собор получают средства из разных источников. Но певческий капитал есть тоже синодальный, как и Успенский собор; самый хор, в сущности, состоит при соборе, да и доходы с капитала певческого идут не исключительно же на певчих. Достаточно этих указаний, чтобы различение средств обличилось в своей призрачности. Этим различием прикрываются только люкративные[11] цели некоторых служащих. А рассудите: инспектор хора получает оклад почти вдвое ниже, чем протопресвитер храма, при котором состоит хор? Сообразно ли? Для храма не находится денег и на то, чтобы нанять лишних сторожей; в 1869 году они убавлены, и вот плоды: с тех пор покрадено в соборе более чем на 10 000 рублей.

Долго бы все было перечислять. На Ивановской колокольне при 40 колоколах оставлено всего 16 звонарей (половина колоколов потому остается совсем[12] без звона); а в Храме Спасителя на 10 колоколов 11 звонарей. При храме 12 апостол[13] чуть ли не более года нет иеромонаха; поэтому и при мощах в соборе редко обретается иеромонах.

В Архангельском соборе упразднен ключарь, при миллионной-то ризнице! Штат сокращен, и деньги (до 1300 р<ублей>) поворочены все на тот же новый Собор! В Архангельскую ризницу ходят теперь сторожа; посмотрите, что [из этого] отсюда выйдет потом.

Помимо певческих [капиталов] имуществ, есть у Св. Синода в Москве земля со зданиями при Воздвиженском[14] и Георгиевском монастырях[15]. Можно бы из доходов уделить хотя бы на наем [соборных] лишних сторожей в собор.

Говорят, Киевская лавра и некоторые ставропигиальные монастыри отказались от штатных сумм. Вот и штатные суммы; отчего же не оказалось возможным помочь [чем] из них Кремлевской святыне [из этих сумм]. На этот раз источник тот самый, откуда получает собор.

Пишу и не знаю: опять не раздражу ли я Вас только? [Пишу по совести.] Но мне кажется, что давнее личное знакомство с Вами даже обязывает меня

высказать Вам ту правду, которой Вы, полагаю, ни от кого другого и не услышите[16].

Если прикажете, то замолчу. Душевно Ваш

Н. Гиляров

[1] Печатается впервые по карандашному автографу черновика: РНБ. Ф. 847. № 461. Л. 12—15 об. (Копия **Ш.**: № 464. Л. 10—12.)

[2] Датируется по содержанию (упоминанию «Объяснения» **П.**).

[3] Речь идет о неподписанной заметке **П.** (*ПВ*. 1887. 30 дек. № 284. С. 1), направленной главным образом против газеты **Г.-П.** Приведем ее текст: «С некоторого времени в газетах, как московских, так и петербургских, повторяются известия о последовавших будто бы от Святейшего Синода распоряжениях о передаче московского Успенского собора в епархиальное ведомство, о возвышении над ним кафедрального храма Спасителя, о переименовании Синодального хора певчих в архиерейский и тому подобные. Некоторые газеты, не довольствуясь заявлением о ходячих слухах, передавали, со слов своих репортеров и от лица редакции, категорически сведения о том, будто бы самый указ из Синода уж получен в московском епархиальном управлении. Таким образом, вздорный и ни на чем не основанный слух, первоначально явившийся в газете „Новости“ еще в половине ноября, видоизменяясь разными прибавлениями и оттенками в периодической печати, продолжает до сих пор волновать общество в Москве, — несмотря на его опровержение по официальным сведениям, напечатанное в „Московских ведомостях“. По поводу этого слуха начали появляться корреспонденции от ревнителей церковной древности, слишком доверчивых к ходячим слухам, и даже передовые статьи в московских газетах, исполненные негодования против несуществующих фактов и мнимых распоряжений. Такое упорство в распространении ложного известия невольно заставляет предполагать, что оно распространяется намеренно и с тайною целью возбудить мнение против церковного правительства. Для предупреждения всяких дальнейших толков сим объявляется, что вышеозначенные слухи не имеют ни малейшего основания и в Святейшем Синоде не только не было никаких распоряжений и указов, о коих слух пущен, но и предположения по сим предметам не возникало. Что касается до московского Успенского собора, то напрасно некоторые московские ревнители присвоивают себе исключительно заботливость об охранении его достоинства. Московский Успенский собор принадлежит не одной Москве, но всей Церкви Российской и составляет всероссийскую святыню. На страже ее стоит вся православная Русская Церковь, и впереди всех Святейший Синод, который, конечно, не допустит никакого умаления чести, подобающей собору Успения и гробам святителей всея Руси».

[4] Имеется в виду неподписанная заметка «По поводу газетных толков об Успенском соборе» (*СИ*. 1887. 2 янв. № 1. С. 2), в которой **Г.-П.** дословно воспроизвел «Объяснение» **П.** (см. выше примеч. 3), а в конце добавил: «В дополнение к этому официальному опровержению считаем долгом присовокупить, что, по полученным нами достоверным сведениям, одна из святынь московских, именно часть св. Ризы Господней, находится в Москве, вопреки известиям некоторых петербургских газет о том, будто она в Петербурге и останется там навсегда».

[5] Собор Спаса Нерукотворного (Большая церковь Зимнего дворца), возведенный Ф. Б. Растрелли в стиле рококо; освящен 12.VII.1763 г.; с 1918 г. — один из выставочных залов Эрмитажа. **Г.-П.** имеет в виду следующее описание: «Золотой ковчег, устроенный

наподобие книги, содержит нашитую на шелковой подушке — часть Ризы, или Хитона, Господа нашего Иисуса Христа. Ковчег украшен эмалевыми изображениями 4-х евангелистов и страданий Господних, также бриллиантами, яхонтами и изумрудами. <...> Принят в ризницу из комнат Государя Императора Павла I» (Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб.: Изд. С.-Петерб. епарх. ист.-статист. комитета, 1873. Вып. III. С. 364, 365). Свящ. Г. И. Истомин отмечал: «По Соборному определению 1681 г., устроены были два ковчега с частями Ризы Господней: один „на просвещение нрав<ственным> христианам, приходящим в соборную церковь и в домы желающим", другой, — который должен „со всяким опаством" храниться за царскою печатью. Первый из них ныне находится в Успенском соборе, а второй взят в Петербург императором Павлом Петровичем и находится в Большом соборе Зимнего дворца, а часть от него — в Петропавловском соборе» (*Истомин Г., свящ.* Указатель святыни и достопримечательностей московского Успенского собора. М.: Тип. О-ва распространения полез. книг, 1888. С. 30—31).

[6] См. в «Указании святынь и достопримечательностей в придворном Большом соборе» за № 535: «Крест медный шестиконечный <...> хранился в монастыре, при мощах преподобного Авраамия... <...> Царь Иоанн Васильевич пред походом на Казань в 1551 году, обходя для богомолья святые места, был и в Авраамиевом монастыре, где, узнав историю креста, приказал отнять от него нижнюю часть его, составляющую как бы жезл, и взял сей жезл с собою в поход» (Историко-статистические сведения... Вып. III. С. 364). Согласно описи 1701 г. в московском Успенском соборе хранились пять ковчегов с восемью частями Ризы Господней (к XIX в. остался один, пропавший после 1918 г.) и медный крест, служивший навершием жезла, который прп. Авраамий получил в пяти верстах до Ростова, на реке Ишне, от ап. Иоанна Богослова, чудесно явившемуся ему. Авраамий сокрушил жезлом идола Велеса и на месте, где тот стоял, соорудил церковь во имя ап. Иоанна Богослова, а близ озера Неро основал монастырь, названный в честь его Авраамиевым Богоявленским. Крест от монастырского жезла сохранялся при мощах, ныне в Ростовском музее (см.: *Пуцко В. Г.* Крест преп. Авраамия Ростовского // История и культура Ростовской земли, 1994. Ростов; Ярославль: Фонд гражд. инициатив «Содействие», 1995. С. 96—104).

[7] Определение Синода об о. И. Верховском от 5.III—19.VI.1885 г., за № 435: «О бегстве за границу к раскольникам священника Николаевской единоверческой, в С.-Петербурге, церкви И. Верховского» (опубл. в официальном органе Св. Синода: Церковный вестник. 1885. № 33. 17 авг. Ч. офиц. С. 119—120); в окончательном своем приговоре оно гласило: «...священника Верховского, давно проповедовавшего и производившего раскол в Православной церкви, на увещания и вразумления своего епископа постоянно оказывавшего ему неповиновение, наконец без воли своего епископа тайно оставившего свой приход и вступившего в общение с отлученным Церковию раскольническим обществом, подвергнуть извержению из священного сана, исключив его засим из списка церковного клира, с предварением осужденного, что если он и в состоянии мирянина не придет в послушание Церкви с раскаянием в своих заблуждениях, а дерзнет как-либо укорять постигший его суд, то подвергнется конечному отсечению от Церкви, как зараженный и непотребный ее член» (Там же. С. 120). См. также главу «<Гонения на священника Иоанна Верховского>» в *Нечто* (наст. изд., с. 328—333).

[8] На 30 августа приходились: тезоименитство имп. Александра III и рождение вел. кн. Ольги Николаевны, на 14 ноября — рождение имп. Марии Федоровны, супруги Александра III.

[9] «По сему же и прочая разумевай» — обычная формулировка, применявшаяся в дидактических пособиях в XVII—XVIII вв. См. примеч. 7 к п. 6.

[10] См. в корреспонденции Н.: «„Новости“ говорят еще „о прекращении столпового пения в соборах Успенском и Архангельском, вследствие недостаточности священников и диаконов“. Этот факт налицо, и каждый может прийти в названные соборы к литургии и вечерне и слушать пение безголосых сторожей, а не пресвитеров и диаконов» (*Н.* Развенчан ли Успенский собор? С. 1). Н. спрашивал: «...какие уважительные основания были прекратить в Успенском соборе столповое пение и изменить его древний устав? А именно: всенощные бдения, под день Успения Пресв<ятой> Богородицы совершаются с 1883 года не по собственному соборному уставу, а по уставу Киево-Печерской лавры» (Там же. С. 2). *Столповое пение*, или, точнее, столповой тип знаменного распева (от слова «столп» — восьминедельный цикл богослужебной книги Октоих), — наиболее употребительный вид традиционного литургического пения в Православной церкви. Знаменный распев, однако, с XVIII в. вытеснялся формами европейского пения, основанного не на ладовом, а на тональном принципе и темперированном строе, прежде всего — партесным пением.

[11] *Люкративный, лукративный* (*лат.* lucrativus) — связанный с выгодой, прибылью, доходный, прибыльный.

[12] *В копии*: совершенно.

[13] *В копии*: апостолов.

[14] Точнее: Крестовоздвиженский, или мужской монастырь Воздвижения Честного Животворящего Креста Господня, что на Острове. Находился в Москве на улице Воздвиженке (летописное упоминание в 1547 г.). По упразднении обители в 1814 г. ее соборный храм стал приходским. В 1820 г. на территории бывшего монастыря были построены дома для семейств священно-церковнослужителей Большого Успенского собора.

[15] Георгиевский девичий монастырь находился в Москве между улицами Тверской и Большой Дмитровкой и был первым родовым монастырем дома Романовых. Упразднен в 1813 г. (храмы, ставшие приходскими, снесены в 1930 г.). Игуменские кельи обители стали основой домов Синодального ведомства по Камергерскому переулку.

[16] **Г.-П.** действительно ни в чем не убедил **П.** и только больше его раздражил и восстановил против себя. Об этом свидетельствует письмо **П.** к начальнику Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистову от 16.I.1887 г.:

«Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Нет сладу с Ник<итой> Гиляровым. Его газета становится складочным местом всевозможных сплетен и инсинуаций изо всех углов России — корреспонденты его отовсюду шлют поповские дрязги и пересуды, и он все, не разбирая, печатает. Недавно еще, несмотря на официальное опровержение, он печатал всевозможные сплетни московских трактиров об Успенском соборе, о взятии Ризы Господней в Петер<бург> и т<ому> под<обное>. <...>

Право, стоило бы еще проучить его, запретив ему розничную продажу.

Душевно пред<анный>

К. Победоносцев»

(Письма К. П. Победоносцева к Е. М. Феоктистову // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22/24. С. 523, 524).

88[1]
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

Достопочтеннейший Никита Петрович. Сердечно благодарю Вас за присылку мне второй части Ваших записок[2]. Прочитав первую, могу представить себе, как интересна вторая, и надеюсь встретить в ней нечто подобное Главе о Святославском[3]. Положил книгу на первом месте, с тем чтоб отдать ей первые свободные минуты.

Душевно предан<ный> *К. Победоносцев*

12 марта 1887. П<етер>бург

[1] Печатается по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 57. Л. 10. (Копия **Ш.**: РНБ. Ф. 847. № 680. Л. 22). Основной текст письма впервые опубликован нами: *Из пережитого. 2009.* Т. 2. С. 319.

[2] Из пережитого: Автобиогр. воспоминания Н. Гилярова-Платонова: В 2 ч. М.: Т-во М. Г. Кувшинова, 1887. Ч. II. 349 с. Сюда вошли главы, не только печатавшиеся ранее в журналах «Русский вестник» и «Дело», но и впервые публикуемые.

[3] Имеется в виду глава XLII «Светский послушник», посвященная А. П. Святославскому, келейнику и домашнему секретарю свт. Филарета (Дроздова) на протяжении четырех десятков лет. Тут же дан выразительный литературный портрет самого владыки.

Приложение

Н. П. Гиляров-Платонов

НЕЧТО О РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ОБЕР-ПРОКУРОРСТВО К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА.

НЕЧТО О РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

<СВЯТЕЙШИЙ СИНОД И ЕГО КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА>

Назначение в 1880 году на пост обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева, пользовавшегося до того времени известностию ревнителя Церкви и строгого хранителя церковных уставов и канонов, было принято весьма сочувственно всем православноверующим обществом. Казалось, что после всех реформ, проведенных в Русскую церковь в обер-прокурорство гр. Д. А. Толстого с 1868 года, т. е. с кончины митрополита Московского Филарета, Русской церкви придется вздохнуть свободнее. И действительно, первые шаги г. Победоносцева оправдывали возлагавшиеся на него надежды. Но то были шаги человека хотя и религиозного, но малоопытного в церковных делах, шаги, которым на первых порах не желали ставить препятствий ни члены Св. Синода, ни гг. синодские чиновники. И тем, и другим нужно было расположить к себе нового обер-прокурора, чтобы впоследствии забрать его в свои руки, в чем они и успели.

В настоящее время за г. Победоносцевым остается лишь одно имя обер-прокурора. Благодаря этому званию он является только исполнителем воли синодских архиереев и чиновников, дружно идущих к неограниченному господству духовной касты над народом.

Творение Феофана Прокоповича — Русский «Правительствующий» Синод[1], — с какой бы стороны мы его ни рассматривали и как бы ни изменяли его устройство, есть в полном смысле творение антиканоническое. Петровский Синод, с его президентами, вице-президентами, асессорами и советниками[2], остался до сего времени непризнанным со стороны восточных православных Церквей. Известно, под каким давлением признал его в 1722 году своим во Христе братом Константинопольский патриарх Иеремия, приславший грамоту Русскому Синоду не от собора церкви Константинопольской (т. е. от ее главы-патриарха и Синода митрополитов), а лично от себя, что сделал также и патриарх Антиохийский Афанасий[3]. Константинопольский Синод, которому патриарх Иеремия представил просьбу императора Петра I об учреждении взамен патриаршества Синода, признал это делом невозможным, почему патриарх Иеремия, вскоре после того удалившийся на покой (в 1725 г.), должен был скрыть от Греческой церкви посылавшуюся в Петербург единоличную грамоту. Между тем

все исходившие до того времени, а равно и после, как и теперь, акты от Константинопольской патриархии всегда имели и имеют подписи патриарха и его Синода. (Сравни грамоты патриаршие об установлении в России патриаршества [4] и об признании церквей: Элладской, Сербской и Румынской — автокефальными.) Только те акты, исходящие от поместной Церкви, могут считаться законными, которые имеют подписи патриарха и архиереев, ибо как и синод епископов не может что-либо творить без согласия своего патриарха или митрополита, так и патриарх, по церковным канонам, не может действовать единолично без согласия своих епископов. Патриархи Александрийский и Иерусалимский и архиепископ Кипрский, а равно и синоды их и патриархий Константинопольской и Антиохийской [5] до сего времени Русского Синода не признали. Правда, что все Восточные кириархи [6] имеют сношения с Русским Синодом; но эти сношения, быв вызваны необходимостию и церковно-политическими обстоятельствами, никак не заменяют собой канонически законного признания. Константинопольская, как и Русская, церковь имеют иногда сношения с Англиканскою церковию, но ни та, ни другая не считают церковь Англиканскую истинною и ее иерархию каноническою.

Будучи антиканоническим, Русский Синод в каноническом смысле не может считать себя законным в управлении Всероссийскою церковию. С 1720 года Русский Синод никогда не собирался, а если он не собирался, то, значит, его и не существует. Ведь не считать же Синодом Петровскую Духовную коллегию, в которой из 13 заседавших в ней лиц только 4 были архиереями [7], да и то архипастырями от имени всей Русской церкви не уполномоченные. Такая Духовная коллегия скорее походила на пресвитерианское сборище и могла бы существовать лишь в Протестантской церкви, но никак не в Православной. Нынешний состав Синода Русского хотя и состоит из одних архиереев, тем не менее не может носить название Синода. Во-первых, он лишен председателя — патриарха, а за отсутствием его епископы, в нем заседающие, творят дела без воли и согласия не только главы поместной Церкви, но и всех прочих епископов, которые не уполномочивали их управлять всею Русскою церковию; во-вторых, заседающие в Синоде архиереи заседают в нем по нескольку лет и вызываются туда не по очереди, а по избранию светского лица — обер-прокурора Св. Синода. Последний же избирает угодное себе лицо, готовое принять и подписать какие угодно проекты и реформы, хотя бы и к полному вреду православной Русской церкви.

Не будем обращаться к Петровскому Синоду и вообще к периоду уже прошедшему, нанесшему со времени уничтожения Московского патриаршества столько вреда и зла Русской церкви и православию, что его и не исчислить. Церковь, лишенная свободы, не может не только оправиться, но с каждым годом ей приходится дышать все тяжелее. Русская церковь, которую прежде составлял весь православноверующий народ русский с его духовенством, обратившись в «ведомство православного исповедания» [8], даже в самом обширном смысле взятая, ограничивается теперь лишь одним духовенством и монашеством да

чиновничеством синодским и консисторским. Так представляют ныне Русскую церковь большинство наших архипастырей и почти что все белое духовенство. Первое, считая себя духовными сановниками, старается не отстать в образе жизни от сановников государственных и управление вверенным им духовенством предпочитает отдать всецело в руки духовных консисторий, соглашаясь всегда с их [9] продажными мнениями и решениями.

Митрополит Московский Иоанникий, поставивший себе за правило во всем отстаивать и защищать духовенство, не считает нужным уважать просьбы церковных старост, даже подкрепленные всеми прихожанами. Как бы ни была велика вина священника, он может быть спокоен, что его не отрешат от места по просьбе прихода. Московскому митрополиту вторят и другие иерархи, и между ними преосвященный Ярославский [10], заявляющий прихожанам на их просьбу об отведении из их прихода пьющего дьячка, что ему «легче сменить старосту церковного, нежели переместить дьячка».

Итак, раскол между пастырями и паствою существует полный. Архипастыри ограничивают всю свою деятельность торжественными служениями в соборах и нисколько небрегут о пастве, отданной в жертву расколу и ересеучителям, поповцам и беспоповцам [11], штундистам [12] и молоканам [13], шалапутам [14] и папистам [15].

Посмотрите в настоящее время, как живут наши архиереи-сановники и могут ли из них выработаться такие аскеты, какими еще недавно считались Филареты Московский, Киевский и Черниговский, Иосиф Литовский, Григорий Новгородский, Евгений Казанцев, Иаков Нижегородский, Антоний Казанский, Антоний Воронежский и др. В таких ли хоромах и палатах жили Филарет и Иннокентий [16], в каких ныне проживает митр<ополит> Иоанникий, имеющий роскошные резиденции в Москве на подворье Троицком [17], и в Чудове [18], и в Черкизове [19], и в лавре Сергиевой, и в Петербурге? [20] Сравните заслуги Антония Казанского, иерарха глубокоученого [21], с заслугами его преемника, архиепископа Палладия, и те денежные средства, которыми наделен ныне последний, в короткий срок перемещенный уже на пятую архиерейскую кафедру [22], конечно не для блага управляемых им паств. Взгляните на древний и знаменитый престол Ростовской митрополии, кем он занят? Кто удостоился быть преемником родоначальника царей русских [23], преемником свв. Леонтия, Исаии, Игнатия, Иакова, Феодора и Димитрия [24] и управлять такою епархиею, как Ростовско-Ярославская, которая была предоставляема самым именитым и достойным архипастырям Русской церкви, как Филарету, впоследствии Московскому, Филарету, впоследствии Киевскому, Евгению Казанцеву, Нилу Исаковичу и Димитрию Муретову? [25] Перемещенный в 1869 г. в Петрозаводск Ионафан испросил себе в управление богатый Александро-Свирский монастырь [26], который Св. Синод не предоставлял в управление его предшественнику, архиепископу Аркадию, во все долговременное управление Олонецкою епархиею [27]. А ведь архиепископ Аркадий святительствовал 40 лет, а Ионафан до назначения в Петрозаводск — всего 3 года. Отсюда быв переведен в богатую Ростовско-Яро-

славскую епархию, получил в управление богатейший в епархии ярославский Толгский монастырь[28], который не могли получить ни один из его знаменитых и долговременно служивших Церкви предшественников. Если взглянуть повнимательнее, что делается в настоящее время, то явятся довольно сильные подозрения в излишней протекции к лицам не по заслугам. Упомянем об архиепископе Казанском[29], который, получая до 35 тыс<яч> р<ублей> дохода (между прочим и с богатого Казанского архиерейского в Москве подворья[30]), пользуется еще доходами с Седмиезерской пустыни[31]; об Калужском епископе[32], который, управляя калужским Лаврентиевым монастырем[33] и получая от него немалые доходы, устроил в Калуге прекрасный архиерейский дом (на деньги, отпущенные ему Св. Синодом), получил еще в управление богатейший в епархии боровский Пафнутиевский монастырь[34], получающий десятки тысяч рублей; об Владимирском архиепископе[35], получающем немалые доходы с управляемого им Рождественского монастыря во Владимире[36] и Суздальского архиерейского в Москве подворья[37]. Этот преосвященный получил в управление самый богатый в епархии монастырь Боголюбов[38]. Более же всего бросается в глаза предоставление епископу Орловскому[39] в управление Площанской общежительной пустыни[40], братство которой пользуется правом само избирать себе игумена. Но Св. Синод для епископа Симеона нарушил устав общежительных монастырей. Получили в управление монастыри и многие другие иерархи, как Пензенский, Уфимский[41] и проч.

Желали бы мы спросить, за какие особенные заслуги Церкви удостоились получить вышеназванные монастыри в управление преосвященные: Ярославский, Казанский, Владимирский, Калужский, Орловский? Чем прославились эти иерархи? Какие услуги оказали они Русской церкви? Почему, например, этой чести не удостоивались их глубокоученые, именитые предшественники, прославившие церковь Русскую, как Евгений, Нил, Димитрий — Ярославские, Антоний Казанский, Григорий Калужский, Поликарп Орловский?

Немало бросается в глаза и частое перемещение архиереев с одной кафедры на другую, что делается не всегда ради пользы.

В 1883 году епископ Ефрем, 70-тилетний старец[42], перемещен из Курска в Пермь ввиду того, что найдено нужным дать богатую епархию викарию Киевскому Михаилу Уманьскому, человеку ученому и достойному. Точно таким образом поступлено было в том же году с преосвященным Иустином, перемещенным с богатой епархии Харьковской в бедную Каменец-Подольскую, ради того чтобы предоставить Харьковскую кафедру известному проповеднику преосв<ященному> Амвросию Ключареву; в 1885 году ради того же перемещен в Вятку семидесятилетний старец Нижегородский епископ Макарий[43], уступивший Нижегородскую кафедру преосв<ященному> Модесту.

Преосвященные Амвросий и Михаил, без сомнения, заслуживали внимания Св. Синода и были вполне достойны занять высокие кафедры. Но справедливо ли в этих видах воздвигать гонения на других и удалять на глубокий Север старцев епископов, каковы Ефрем и Макарий? Справедливо ли удалять на покой та-

ких епископов-аскетов, как преосв<ященный> Петр[44], который по своей трудолюбивой миссионерской деятельности, начиная от островов Алеутских и кончая Томскою епархиею[45], мог бы быть поставлен наряду с самыми достойными иерархами церкви Русской, но который в продолжение 27-милетнего святительства получил по представлению Св. Синода лишь один орден Св. Анны I-ой ст<епени>, тогда как многие из архипастырей, позже его достигших архиерейства, имеют сан архиепископа, бриллиантовые знаки Св. Александра Невского и бриллиантовые кресты на клобуках.

Конечно, достойные и смиренные епископы, как прежде, так и теперь, не искали и не ищут наград орденами[46]. Для них, без сомнения, дороже чистое служение Христу и любовь паствы. Если мы указали выше на некоторых иерархов, то лишь для того, чтобы засвидетельствовать, что богатые епархии с богатейшими в Москве архиерейскими подворьями и с богатейшими монастырями, предоставленными в управление специальным архиереям, не могут не привлекать на свои места людей корыстных, которые нисколько не думают о благе Св. Православной церкви и не пекутся о вверенной им пастве. Свободное от торжественных богослужений время они проводят в разных приемах и беседах и часто задают лукулловские обеды, в особенности во время пребывания в Петербурге[47].

Не многие государственные сановники живут в такой обстановке, как митрополиты Петербургский, Московский, Киевский и архиепископы Ярославский, Казанский, Кишиневский, Харьковский, Воронежский, Саратовский, Самарский, Курский, Волынский, Калужский, Тульский, Владимирский, получающие от 20—100 тыс<яч> и более рублей. В каких видах предоставляется им такое громадное содержание? Пожалуй, ответят, что в видах благотворительных. Но обратитесь хотя бы к нынешнему митрополиту Московскому[48] с просьбою о пособии, и он вам ответит, что у него «много своих бедных». Кто же эти бедные? Люди духовного сословия! Паства же Московская митрополиту Иоанникию чужда. Он не считает ее своею, хотя и пользуется от нее доходами, ибо откуда же часовня Иверская, приписанная к Московской кафедре, лавра Сергиева и Чудов монастырь, предоставленные ему в управление, получают доходы, как не от народа? Не белое же духовенство их обогатило и украсило.

А между тем духовная, а за нею светская печать говорят о благотворительности Московского митрополита Иоанникия. Митрополит устраивает общежитие в семинариях Вифанской и Московской[49], митрополит устраивает 2-е женское епархиальное училище[50] и т. д. Все это, конечно, прекрасно! Но посмотрите с другой стороны. Митрополит не допускает в общежитие детей дворян, купцов, мещан и крестьян; митрополит не принимает детей не духовного сословия не только во вновь устроенное Мариинское епархиальное девичье училище, но и в 1-е Филаретовское[51]. Итак, митрополит на деньги, который дает ему его паства, отказывается принимать ее детей, которые желали бы служить Церкви по призванию.

Насколько Московский митрополит пренебрегает интересами паствы, можно видеть еще из следующего. В 1881 году Московская Городская дума приняла проект Положения о приходских попечительствах в Москве «для попечения о бедных каждого прихода и для оказания братской помощи нуждающимся в ней». Гласный Московской Городской думы В. А. Бахрушин пожертвовал 23 000 руб<лей> (по 100 руб<лей> % с неприкосновенного капитала на каждый приход) и 10 000 руб<лей> пожертвовала Городская дума. И что же? Главное препятствие к открытию церковно-приходских попечительств Городская дума встретила со стороны Московского митрополита. Владыка убоялся, как бы устроившиеся при церквах попечительства не вздумали контролировать церковные суммы, так обильно обираемые на разные затеи духовенства, вроде свечных заводов, сберегательных касс, страховых обществ и т. д. Теперь прошло 4 года, и дело о церковно-приходских попечительствах остается нерешенным.

В 1879 году Московское Купеческое общество пожертвовало 100 000 р<ублей> на открытие закрывшихся церквей[52]. Деньги эти уже 7 лет, с наросшими на них процентами, остаются нетронутыми, а закрытые в Московской епархии церкви продолжают стоять без богослужения.

Мы нарочно привели взгляд Московского митрополита Иоанникия на паству, чтобы этим засвидетельствовать, что не один он придерживается такого взгляда на Церковь. Белому духовенству любо такое воззрение, ибо многие из его членов, ратующие за казенное жалованье, желают полной материальной обеспеченности и полной независимости от прихожан. Архиереи считают себя исключительно начальниками над духовенством, единственно об котором они и пекутся и явно потворствуют всем его злоупотреблениям, оставляя всегда жалобы прихожан на причт без движения (если только духовные консистории не получили взятки). Они устраивают на церковные деньги свечные заводы с насильственною продажею явно недоброкачественных свеч, устраивают банки, страховые общества и проч. ... — все, что осуждено и воспрещено церковными канонами и правилами.

Немудрено, что при такой деятельности духовенства, отказывающегося повсюду от дарового учительства в Церкви[53], разлад между духовенством и народом существует полный. Нет селения и деревни, где не было бы высказываемо недовольство пастырями, поставленными по большей части противно воле прихожан. И при таком положении Церкви, когда и архипастырями, и консисториями, и самим Синодом принимаются меры к лишению паствы последней свободы, удивляются живучести раскола!

Допустим, что русское правительство дозволило беспрепятственный переход православным от обряда господствующей Церкви к обряду старому, т. е. единоверческому[54], и в то же время разрешило так называемым единоверцам строить св. храмы, а где на это не хватит средств, то пристройку к православным храмам особых приделов или пользования таковыми, где они существуют

для отправления богослужения по старопечатанным книгам. Что последовало бы тогда? А вышло бы то, что миллионы православноверующего и ревнующего о благе Св. Церкви народа отшатнулись бы от господствующей Церкви и перешли бы в единоверческую, которая пользуется правом избирать себе пастырей из лиц, ею знаемых, но не навязываемых ей епархиальным начальством, часто при посредстве симонии [55], которой не брезгуют и секретари самих владык.

Трудно допустить, что при возвращении прихожанам права самим избирать себе пастырей, на места могут быть избираемы прихожанами лица недостойные. Но в последнем случае от епархиального архиерея никто не отнимает права не посвящать подобных лиц и рекомендовать прихожанам лиц достойных. По крайней мере, мы сейчас видим, что прихожане, дающие заручную [56] лицам, которых они желают видеть у себя священниками, избирают лиц более достойных, нежели сами архиереи. Последние знают поставляемых ими в приходские церкви священников только по аттестату, выданному им из духовной семинарии или академии. За нравственность священника они не могут ручаться. Образование же нисколько не гарантирует паству, что избранный архиереем пастырь будет достойно пасти вверенную ему паству и что его будет любить паства. Да и прихожанам не столько нужны высокообразованные пастыри, сколько благочестивые.

В Московской епархии, с занятием Московской кафедры митрополитом Иоанникием, ни на какие заручные прихожан не обращается внимания. Митрополит предпочитает назначать в Москву священников даже из других епархий, которые по общему приговору оказались людьми большею частию негодными. Невнимание, оказываемое Московским владыкой пастве, поистине изумительно. Не только в селениях, но и в Москве места священников и диаконов стоят по полугоду, а иногда и году незамещенными. В богатом приходе Св. Троицы, именуемом «на Полях», близ Никольской [57], место диакона стоит более $1\,^1/_2$ года незамещенным. Несмотря на множество прошений, поданных владыке Московскому, он не замещает диаконское место.

Итак, если митрополит царствующего первопрестольного града смотрит на паству как на бессловесное стадо овец, неспособных выбирать себе пастыря, то что же сказать об других архипастырях? Только глубокоуважаемый митрополит Киевский Платон, вполне здраво понимающий желания и интересы паствы, смотрит на нее другими глазами и назначает пастырей к церквам, избираемых самими прихожанами [58]. Неужели же митрополит Московский думает, что постоянные, ни на чем не основанные отказы прихожанам в назначении к ним ими избираемых пастырей, постоянное нарушение в богослужении в Большом Успенском соборе [59] древнего Соборного устава и достохвальных московских обычаев, пренебрежение к первопрестольному собору, так явно оказываемое им, в состоянии расположить к нему паству? Неужели же владыка полагает, что тот народ, который он собирает в Великом посту в новый московский кафедральный собор для слушания концертов [60], состоит из людей религиозных? Да

и не грешно ли ему, митрополиту, поставленному пасти Христово стадо, развлекать народ духовными концертами, отучая его ходить во храмы для молитвы?

Благодаря поддержке г. Победоносцева Св. Синод прощает митрополиту Иоанникию то, на что никогда не решился бы митрополит Московский Филарет. Похвальны ли его поступки в Успенском соборе? В 1884 году по его распоряжению в день Рождества Христова литургия начата была в 8 часов утра вместо $9\,{}^{1}/_{2}$. Собор был пуст и только после Херувимской[61] стал наполняться народом. В нынешнем 1886 году митрополит после совершения Светлой утрени, в день Св. Пасхи, тотчас же начал совершать литургию, тогда как до того времени, согласно Соборного устава, в Большом Успенском соборе совершалась литургия поздняя в 7 час<ов> утра. Бывшие у утрени, не зная об изменении самовольно митрополитом Соборного устава, отправились по домам, и в соборе осталось не более ста человек. В 7 часов утра тысячные толпы народа пришли в Кремль к литургии, но ни в Успенском, ни в соборах Архангельском[62], Благовещенском[63] и Николо-Гостунском[64] архиерейских служб (несмотря на нахождение в Москве 7 архиереев[65]) не было совершено. Крошечные приделы в соборах: Успенском, Архангельском и Благовещенском — едва могли вместить по 150 человек народа. Ропот и неудовольствие в народе было слишком сильное.

Передача Большого Успенского собора в непосредственное ведение митрополита Иоанникия и предстоящее закрытие Синодальной конторы[66] дает возможность митрополиту Иоанникию действовать, как он хочет. В настоящее время он является для своего кафедрального собора родным отцом, для Успенского — вотчимом. В первом щедрые оклады священнослужителям, голосистые диаконы, во втором духовенство мало обеспеченное, крайне ограниченное штатами, хор певчих под управлением друга г. Победоносцева, семидесятилетнего старца-директора Синодальной типографии, в пении ничего не понимающего[67]; диаконы безголосые. В прежнее время в Успенский собор избирались пресвитеры и диаконы с сильными голосами для поддержания древнего столпового пения[68], теперь же определение диаконов и пресвитеров предоставлено лично Московскому митрополиту, и это одно заставляет сжиматься сердце от ожидания, какими священнослужителями наградит впоследствии Успенский собор Московский митрополит, дабы подорвать его значение в сравнении с его кафедральным собором.

В прежнее время Успенский собор привлекал в свои стены во множестве любителей старины и древнего пения. Собирались в собор во множестве единоверцы, старообрядцы и беспоповцы. Теперь же что может их привлечь? Пение безголосых сторожей или постоянное нарушение Устава и сокращение всенощных бдений на 1 и 2 часа? Наконец, введение всенощного бдения под день Успения Пресв. Богородицы по уставу Киево-Печерской лавры может ли быть признано желательным?! Всенощное бдение под день Успения Пресв. Богородицы, по уставу Успенского собора, совершалось до 1883 года весьма торжественно. Оно начиналось в 6 и кончалось в 10 час<ов> ночи. Самое пение соборной бра-

тии по древнему столповому напеву было величественно. Киевская же всенощная, начинаясь в 6 часов, кончается в 12 ночи. До Евангелия всенощная совершается неспешно, но затем чтение пропускается и богослужение идет столь небрежно, что все это замечают!.. И это делается не без воли Московского митрополита Иоанникия.

С большою скорбию смотрят православные на слишком небрежное отправление богослужений в кремлевских соборах. Недостаточность штата в этих соборах служит главною к тому причиною. В Успенском соборе штаты сокращены в 1869 году[69], когда приняты были меры к повсеместному закрытию в России церквей на радость нигилистам и анархистам и на печаль православно-русского народа[70]. Но в Архангельском соборе сокращение штата последовало уже по ходатайству митрополита Иоанникия в 1883 году[71] с четырех пресвитеров до двух. Достаточно ли двух пресвитеров (да еще состоящих учителями в духовных семинариях[72]) для собора, в котором должны совершаться почти что ежедневно заупокойные литургии и панихиды по царственным особам[73] и где по нескольку часов сряду совершаются молебствия перед чудотворными иконами[74] и мощами святых, в соборе почивающих?[75] Немудрено, что местные священники часто не читают даже Св. Евангелия при совершении молебнов.

Пожалуй, скажут, что восстановление прежних штатов в соборах Успенском и Архангельском не столько зависит от Св. Синода, сколько от Министерства финансов, далеко не щедрого на удовлетворение нужд Церкви.

Так ли это? Сколько мы видим, Министерство финансов не поскупилось на слишком щедрые оклады священнослужителям Московского кафедрального собора, определив между прочим одному протоиерею собора 3000 р<ублей> содержания (не считая квартирных денег), тогда как протопресвитер первопрестольного всероссийского собора, в котором венчаются на царство Русские Монархи, получает всего 1800 р<ублей>. Нашлись наконец деньги и на увеличение и без того немалого штата Синодального хора певчих, которому в нынешнем 1886 году прибавлено содержания на 18 тыс<яч> рубл<ей>. А для восстановления штата в Успенском соборе, для восстановления древнего столпового пения Св. Синод не находит 5—6000 рубл<ей>. Два с половиною года тому назад Синодальная контора выработала новые штаты Успенского собора, сообразно с теми, которые существовали до 1869 года. И что же? Митрополит Московский является во Св. Синоде чуть не главным противником восстановления прежнего штата, и его поддерживает митрополит Петербургский[76], тоже не особенно долюбливающий собор Успенский.

Нынешний обер-прокурор Св. Синода г. Победоносцев, лишая ревнителей Церкви возможности высказывать правду в защиту Церкви (что мы увидим ниже), старается повсюду представить положение церковных дел в цветущем виде. По Всеподданнейшим отчетам г. Победоносцева[77], раскол падает, религиозность в народе увеличивается, церковно-приходские школы растут, закрывшиеся церкви открываются вновь. На деле же выходит обратное.

<О СТАРООБРЯДЧЕСТВЕ>

Какие меры приняла господствующая Церковь для уничтожения раскола? Насилие, выразившееся в запрещении служить в старообрядческих храмах на Рогожском кладбище[78], и во многих других мерах против так называемых старообрядцев. Но насилием невозможно сокрушить раскол. Если Православная господствующая церковь права, то к чему ей насилие? Истина не боится света. Нужно бороться против раскола, но никак не тем оружием, которым мы боремся в настоящее время. Прежде чем изрекать беспротестные приговоры, служители Православной церкви должны выслушать не находящихся с нею в единении, но стремящихся к единству. Римско-католики и протестанты не заводят религиозных споров с православными, ибо не мечтают быть едиными с последователями Православной церкви. Так называемые же старообрядцы, сознавая, что они составляли в прежнее время единую Православную церковь, имевшую одни и те же обряды, не прочь и сейчас стать едиными с господствующею Церковию. Как православные, так и старообрядцы желают быть между собою в союзе и иметь одну общую иерархию. Было время, когда православная Русская церковь имела более средств к воссоединению с собою старообрядцев, хотя бы через единоверие, но это время миновало, с тех пор как австрийская иерархия наградила наших старообрядцев архиереями[79]. Теперь воссоединение старообрядцев, имеющих десятки архиереев и целые сотни, а может быть, и тысячи попов, — дело очень трудное.

Народные массы старообрядцев, состоя из людей необразованных, будут следовать всегда за своими вожаками — архиереями и священниками, из которых каждому и в материальном отношении нет расчета потерять свою паству. Да и что найдут привлекательного старообрядцы в господствующей Церкви? Полную небрежность в совершении богослужения, безнаказанность священников-чиновников, насильственное навязывание их приходу, постоянные распри прихожан с причтом, освящение церквей недоброкачественными церезиновыми свечами[80] из-за прибылей белому духовенству, обирательство церквей на нужды духовной касты, недопущение в служители Церкви людей по призванию (из других сословий) и проч.

Так называемые старообрядцы (т. е. народные массы) не понимают незаконности их иерархии. Считая себя старообрядцами, они вполне уверены, что члены господствующей Церкви употребляют «обряды новые» и что в новых церковно-богослужебных книгах более ошибок, нежели в старых. Что Русская церковь до 1667 года имела особые обряды, которые ныне содержат единоверцы и старообрядцы, в этом нельзя сомневаться. Поэтому-то господствующая Церковь и допускает так называемым единоверцам руководствоваться при богослужении обрядами старыми. Сама господствующая Церковь считает свои обряды тоже древними, хотя и исправленными до и после 1667 года. В православной Русской церкви только те обряды должны считаться древними, которые заимствованы от Великой церкви Константинопольской, матери церквей:

Русской, Болгарской, Сербской и Румынской. Между тем старообрядцы имеют обыкновение обвинять церковь Греческую вообще (т. е. все 4 Восточные патриархии с архиепископиею Кипрскою) в изменении обрядности, а чины господствующей церкви Русской, благодаря этому несправедливому и голословному обвинению, заявляют, что они имеют одни и те же обряды с греками. Если это действительно так, то чины господствующей Церкви правы, а старообрядцы не правы, но доказать, что греки изменили обрядность, нет никакой возможности. До падения Константинополя [81] этого не могло быть. На Афоне, в обителях Синая, Метеорских [82] и других, монахи, готовые во всякое время принять мученическую смерть за православие и обряды, никогда не поддались бы на изменение обрядов. Следовательно, приходится допустить, что обрядность в церкви Греческой изменена во время владычества турок, т. е. после 1453 года. Но после падения Константинополя грекам было не до этого. Они твердо сплотились вокруг своих архипастырей и пастырей, стали прилежнее к церкви и, как всем известно, твердо сохранили православную веру, благодаря которой третья часть их ныне стала свободною. С 1453 года и по настоящее время Вселенская патриархия Константинопольская постоянно поддерживала сношения с церквами: Александрийскою, Антиохийскою, Иерусалимскою и Кипрскою, но далеко не постоянное с церквами: Печско-Сербскою и Славяно-Охридскою [83]. Обе эти церкви до своего присоединения в 1767 году к Константинопольской патриархии жили своею собственною жизнию и, по местным обстоятельствам, не могли часто сноситься с церковию Константинопольскою, которая к тому же на них не имела никакого влияния, в особенности на первую, в епархиях которой не было греческого населения. После присоединения Печской патриархии к Константинопольской в пределах Южной Венгрии возникла Сербская церковь, по случаю переселения туда сербов из Старой Сербии и Македонии, — церковь, которая вот уже более столетия как считает себя самостоятельною. Еще менее имела сношений с церковию Константинопольскою — древняя церковь Грузинская (Иверская) [84]. Обуреваемая в продолжение многих веков врагами, то турками, то персами, она тем не менее твердо сохранила православие и обряды. Таким образом, выходит, что старообрядцы, обвиняющие Греческую церковь вообще в изменении обрядов, говорят ложно и клевещут на церковь Греческую.

Старообрядцам, напротив, следовало бы заявить, что обряды, которых придерживаются их священники, как древние, не могут расходиться с обрядами греческими. Здесь, конечно, не место приводить к тому доказательства и делать разбор чина богослужений, совершаемых в Великой церкви Константинопольской. Но если бы вожди старообрядцев сличили чин богослужения своего с греческим, то нет сомнения, что они пришли бы к тому выводу, что обряды так называемой Старообрядческой церкви имеют более сходства с обрядами, употребляемыми церквами: Греческою, Сербскою, Болгарскою и Молдовлахийскою, нежели с церковию Русскою. К сожалению, русские иерархи, поставляемые в Грузию и Бессарабию, почти что совсем уничтожили в церквах грузинских

и молдавских древние обряды, стараясь навязать им обряды господствующей Русской церкви. В этом особенно подвизался известный архиепископ Павел, бывший Кишиневский, ныне же экзарх Грузии.

<О СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ БЕЛОКРИНИЦКОЙ ИЕРАРХИИ>

Переходим к старообрядческой иерархии. Бывший Боснийский митрополит Амвросий, проживавший на покое в Константинополе, не спросившись вселенского патриарха, тайно скрылся из Константинополя и уехал в Буковину, в местечко Белая Криница[85], населенную старообрядцами. Последние, как известно, уговорили его поставить им единолично епископа[86].

Митрополит Амвросий, как принадлежал, так и умер, состоя в лоне Православной церкви[87]. Поступок его относительно поставления старообрядцам епископа был вполне антиканонический. Во-1-х, отъезжая в Буковину, он не только не испросил разрешения у вселенского патриарха, но и не уведомил его; во-2-х, он не известил Черновицкого архиепископа, в область которого он прибыл; в 3-х, он рукоположил единолично епископа, тогда как для посвящения епископа необходимо присутствие не мене двух-трех архиереев.

Попробуем, впрочем, несколько смягчить поступок Амвросия. Как архиерей, пребывающий на покое, он не был привязан к пастве и мог во всякое время избрать себе резиденцию, где бы ему вздумалось. Патриархия Константинопольская в этом затруднений не делает. Еще недавно один из преемников Амвросия на Боснийской кафедре, митрополит Анфим, предпочел жить на покое в Вене, где и скончался в 1883 году. Буковина, куда прибыл митрополит Амвросий, составляет, как известно, область Черновицкого митрополита[88], епархия которого в то время состояла в составе «самозваной» патриархии Карловицкой[89]. Эта митрополия, до сего времени не признанная ни одною православною поместною Церковию за «автокефальную» и получившая степень патриаршества от римско-католического государя, в глазах Амвросия могла находиться в исключительном положении. Он мог сознавать, что Черновицкая епископия хотя и православная, но с Черновицким епископом Вселенская патриархия сношений не имеет, а митрополит Молдовлахийский, в то время зависевший от Константинопольского патриарха, считал даже Буковину своею, ибо именовался «и Сочавским»[90] — по городу, в ней находящемуся, который был некогда столицею Молдавии. (Молдавские митрополиты и ныне именуются «Сочавскими»[91].)

Прибыв в Белую Криницу, митрополит Амвросий не мог не видеть, что так называемые старообрядцы исповедуют ту же религию, что и греки, имеют такие же храмы и алтари, содержат те же обряды, что и греки, только крестятся в два перста. Последнее митрополит Амвросий мог и не счесть важным, в особенности если он знал, что в России разрешено православным единоверцам самою духовною властию креститься в два перста. Не находя в стране другого епископа, Амвросий единолично рукоположил Кирилла во епископа. Поступок

в этом случае если и не каноничный, но, как увидим сейчас, в православии не беспримерный.

В 1799 году «Правительствующий Синод», состоявший из 2—3 епископов, избрал архимандрита Иоасафа Болотова во епископа Кадьякского и определил Иркутскому епископу[92] посвятить его единолично во епископа, что и было исполнено. В этом случае Русский Синод поступил, конечно, вполне антиканонично. Правда, Иоасафа Болотова избрал во епископа все-таки Синод, но ведь сам Русский Синод, как мы выше сказали, есть создание антиканоническое и, представляя собою лицо одного патриарха, не имеет права единолично выбирать епископов. Кирилла же во епископа избрал клир и народ, что было сообразно с обычаями древней Церкви.

Не наше дело, а собора епископов Православной церкви, признать ли старообрядческих иерархов *благодатными* или нет. О *законности* не говорим. *Государственная* законность во власти светских правительств. За границей старообрядческие епископы там, где они есть, везде *законны,* а у нас нет. Признай их наше Правительство, они и у нас будут *законными.* Что до собора епископов, то мы говорим не о вселенском соборе, а <о> соборе нашей отечественной Церкви. Если же и вселенский собор не должен забывать, что в Церкви Христовой «хранитель благочестия и хранитель по преимуществу есть самый народ, самое тело Церкви»[93], то это помнить должен особенно собор каждой поместной Церкви, а следовательно, и нашей Российской. Такого собора не предвидится в близком будущем, но он неизбежен. Этому-то собору мы осмелимся сказать несколько слов от имени русского православного народа.

Поразительно то различие, с которым священноначалие отечественной Церкви (самозванно, впрочем, представляемое Священным коллегиумом под именем Святейшего Синода) относится, с одной стороны, к иерархии р<имско>-католической, а с другой — к старообрядческой, или Белокриницкой. Там папа стал и на место Церкви, и на место Христа. В р<имском> католицизме если и повторяются имена Пресвятой Троицы, Святой Церкви и т. д., то повторяются фальшиво, по привычке, повторяются потому, что они отлично маскируют папизм, а на самом деле у них, где говорится о Христе, там должно разуметь Игнатия Лойолу, где о Евангелии, там — кодекс иезуитского ордена, где о вере во Христа, там — папу идоло-бога, где о заповедях Христова Завета, там — учение, что цель оправдывает все средства[94], и т. д., и т. д. Папа, по р<имскому> католицизму, есть обладатель Рая и Ада, Рима и Мира[95], патриарших кафедр всего Христианства и царских престолов всего человечества. По р<имскому> католицизму, папа Божественно полномощен мечом истреблять схизматиков-еретиков и все человечество, непокорное ватиканскому идоло-богу. Провозгласив папу непогрешимым[96], р<имский> католицизм Духа Святого заставляет охранять не Церковь, а папу. Кратко сказать, папа не отрекался Христа, потому что это ему *невыгодно,* потому что он именем Христа прикрывает свой сатанизм[97], но он прямой враг Христа, истый представитель и предтеча имеющего быть антихриста. Что же? Российский Правительствующий коллегиум призна-

ет Р<имско>-католическую церковь благодатною, ее епископов — истинными святителями и преемниками Апостолов и каждого из них и прочих освященных лиц принимает в их санах даже без миропомазания; а иерархию Белокриницкую не признает благодатною, называя ее освященных лиц *лже*митрополитом, *лже*епископами, *лже*попами. Что за диковина! Церковь Б<ело>криницкая так же православна, как Румынская, Сербская, Болгарская, Греческая и сама Российская. За что же, за что несравнимо строгий суд против нее сравнительно с отношениями к Р<имско>-католической церкви и иерархии? Старообрядческую Белокриницкую церковь Российский Св. Синод, конечно, не считает еретическою; она настолько же православна, как и наша Всероссийская господствующая: те же догматы, то же почитание Св. Троицы, те же уставы церковные. Рассуждать об законности старообрядческой иерархии не считая себя компетентными, осмеливаемся, однако ж, предложить нечто. Никто из канонииков Константинопольской и прочих православных восточных Церквей, не станет возражать, чтобы церковь Греко-униатская, признающая главою Вселенской церкви римского папу, была более православна, нежели Белокриницкая. Но ее иерархия, как преемственная от древней Православной церкви, считается законною. Старообрядцы с 1667 по 1850 год не имели у себя епископов, хотя имели священников, переходивших к ним от Православной церкви. Следовательно, связи с Православною церковию они не разрывали, не разорвали даже и тогда, когда добыли себе епископов, ибо добыли их все-таки через православного иерарха Амвросия.

В IV томе Отзывов и мнений митрополита Московского Филарета [98] напечатаны некоторые мысли его об воссоединении мельхитов [99], отпавших в XVIII и XIX столетии в унию с Римом, но сохранивших православные обряды и догматы; <их> можно сравнить с нашими так называемыми старообрядцами. Мельхиты не желали лишиться своей иерархии и подчиниться Антиохийскому патриарху. Ввиду этого митрополит Филарет предлагал «в пределах Антиохийского патриархата даровать им автокефального митрополита, который имел бы право избирать и рукополагать епископов в своей области, не относясь ни к которому патриарху»... «Русская церковь может признать совместным, имев в некоторое время сама митрополию (т. е. Киево-Московскую) в подобном положении» (стр. 485, том 4). То, что относится к мельхитам, может относиться и к так называемым старообрядцам, которые, как скоро признают свое единение с Православною церковию, могут иметь своего автокефального митрополита.

«На что, — продолжает митрополит Филарет, — навязывать мельхитам греческих епископов, когда у них есть свои» (487 стр.). Не то же ли самое может относиться к старообрядцам, как скоро они будут едины с нами, православными?

Еще далее: «Положим, что примут правило, чтобы у них епископы были по их выбору, а патриарх имел бы право только рукополагать епископов» (489 стр.) [100]. И это возможно. Как скоро у старообрядцев будет своя признанная иерархия, то рукоположение епископов может быть предоставлено их же митрополиту

и епископам, а поставление и утверждение митрополита — патриарху (если он будет в России) или Синоду.

«Патриарх, говорит митр<ополит> Филарет, не имеет права на Мельхитскую церковь, теперь от них независимую, и хотя она имеет свободу как на вступление во Вселенскую православную церковь, так и на избрание частной церкви, к которой бы присоединиться» (488—<4>89 стр.) [101]. Из этого объяснения вытекает, что так называемые старообрядцы, или русские раскольники, могут присоединиться и не к Российской церкви, от которой они ныне не зависят, а непосредственно к Великой церкви Константинопольской, от которой зависела русская иерархия до 1589 года и которой, следовательно, подчинялись тогда их предки.

Митрополит Филарет находил удобным «сохранить нераздельность их (т. е. мельхитов) Церкви в Сирии и Египте, под начальством митрополита», который «будет признан автокефальным, по применению к 8-му правилу III Вселенского собора» [102]. «Предоставить их Церкви внутреннее избрание и рукоположение епископов и самого митрополита, который по своем рукоположении был бы обязан посылать к патриарху и Синоду Всероссийскому свое исповедание веры и послание общения церковного». «Акт сего постановления, ради непоколебимости, должен быть подписан всеми патриархами с Константинопольским и Русским Синодами»... [103] Таковы уступки находит возможным допустить мельхитам Филарет ради единства церковного. Святитель же Филарет, перед которым преклонялись Восточные патриархи, не чета митр<ополиту> Исидору и гг. Победоносцевым, Субботиным, Нильским [104]. Вникните хорошенько в мысли Филарета. Он соглашается даровать мельхитам, живущим в пределах двух патриархатов: Александрийского и Антиохийского, особого митрополита, которому подчинялись бы и те, и другие. Церкви мельхитов и сейчас расположены рядом с церквами православных, так что пришлось бы таким образом одной церкви зависеть от епископа мельхитского, другой же — от греческого. «Дело, — писал Филарет, — идет о том, чтобы снисхождением и уступками приобресть мельхитов Православной церкви или неуступчивостию потерять их для Православной церкви, может быть, навсегда» (т. 4, стр. 488) [105]. А у нас в России думает ли иерархия об снисхождении так называемым старообрядцам? Нет, личные корыстные выгоды заставляют ее лучше потерять сотни тысяч чад, нежели сделать что-либо для блага Церкви. Ужели так велика пропасть между Церквами господствующею и старообрядческою...

«Если они (т. е. мельхиты) желают сохранить самостоятельность своей Церкви, то они имеют на сие некоторое право, потому что имеют оную; притом, для выражения союза с Православною церковию, они соглашаются воспоминать в богослужении местного православного патриарха» [106] (стр. 550). «Опасаться можно, что греческие иерархи пожелают большего подчинения мельхитов. На сие можно сказать им: вы пред сим не пользовались ни единством, ни подчинением мельхитов; если теперь нельзя достигнуть и того и другого, вос-

пользуйтесь хотя одним из сих благ, т. е. единением, вожделенным для Св. Церкви, не слишком настоя на то, что было бы приятно вашей власти» (стр. 550).

Великий первосвятитель[107] Московский Филарет слишком высоко ставил единение церковное; ради единства, — вещает он, — «воспользуйтесь хотя одним из сих благ — единением вожделенным для Св. Церкви», ибо «дело идет о том, чтобы снисхождением и уступками приобресть мельхитов Православной церкви»… Так мыслил он и об тех старообрядцах, которые находятся в расколе с господствующею Церковию. Он находил возможным учредить даже в Москве единоверческое епископство, с званием «Богородицкого». Епископу он предлагал поручить в управление единоверческие церкви не в одной Москве, но и в окрестных епархиях[108] (т. 4, стр. 292). Но мысль митр<ополита> Филарета, которую он не раз высказывал, не была принята Духовною Петербургскою коллегиею, потому что заседающим в ней ближе личные материальные выгоды, нежели интересы паствы. Поставьте во главе Русской церкви иерархов не из духовного сословия, и только тогда возможно будет положить конец отчуждению целых миллионов русских верноподданных от единства церковного.

Нам возразят, что нельзя мельхитов сравнивать с раскольниками, ибо мельхиты не были подчинены православной иерархии. Но это несправедливо. Мельхиты отделились от православной Антиохийской церкви и признали унию с Римом. Старообрядцы отделились от господствующей Русской церкви и находятся с нею в расколе. И те и другие, следовательно, независимы, хотя оба вероисповедания (мельхиты и раскольники) сохранили те же догматы, тот же Церковной устав и верование. Если ради единения церковного можно допустить уступки мельхитам, то ради того же единения можно сделать уступки и старообрядцам. Скажут, что иерархия старообрядческая незаконная, но кто же в этом виноват? Не господствующая ли иерархия, предпринявшая целый ряд гонений на те обряды церковные (не говоря о двуперстии), которые употребляла Русская церковь до 1667 года и которые и сейчас употребляются на Афоне и во всех православных церквах греческих, сербских, молдовлашских, болгарских и в некоторых грузинских (в последних, по приказанию русских экзархов, вводятся ныне русские обряды).

Итак, что же делать старообрядцам, желающим быть едиными с Православною церковию? Обратиться к Матери-Церкви, которая, приняв их братьев майносцев[109] в лоно свое, не откажет и им в принятии. Старообрядцы желают, чтобы во главе их Церкви стоял патриарх, чтобы древние митрополии Великого Новогорода, Ростова Великого, Владимира-Волынского, Суздаля, Переяслава, Белгорода и другие были бы восстановлены. Пусть на них восседают древлеправославные епископы, ибо господствующая иерархия не могла сохранить даже святительские, современные Владимиру Равноапостольному, не говоря уже о святительской кафедре того града, в котором он крестился, т. е. Херсонессе-Таврическом[110].

<О ГРЕКО-БОЛГАРСКОЙ РАСПРЕ>

Кроме русских старообрядцев, находящихся в расколе с господствующею Русскою церковию, существует на православном Востоке целый почти что трехмиллионный народ болгарский, иерархия которого отлучена Великим собором Константинопольским в 1872 году от Церкви и состоит ныне в расколе[111]. Церковь эта, находящаяся в руках вождей болгарского народа, людей, ни во что не верующих, с архиереями, зараженными отчасти протестантизмом, измыслила новый догмат, по которому повсюду, где бы ни жили болгары, должен быть епископ. Одним словом, ввели в Церковь новое учение о филетизме, т. е. о племенном делении[112]. Благодаря этому учению, в Варне, Филиппополе, Адрианополе, Константинополе появилось по два епископа во граде: православный — греческий и схизматический — болгарский. Русская церковь, вместо того чтобы осудить поступок болгарской иерархии и признать постановления Великого собора Константинопольского вполне каноническими, до сего времени не ответила Вселенскому патриарху на известительную соборную грамоту, а митрополит Петербургский Исидор допустил в сослужение с собою 22 июля 1879 года в Исаакиевском соборе на царском молебне двух болгарских митрополитов: Анфима Виддинского и Климента, ныне Тырновского. Почему же в таком случае не допустить с собою в сослужение и старообрядческих епископов, чем хуже и недостойнее они болгарских? По крайней мере, они не измыслили нового догмата и остались верны догматам Православной церкви. К тому же русская иерархия, в лице своего «Правительствующего» Синода, сама измыслила «единоверие» и единую Российскую церковь разделила на две — на православную и единоверческую, следовательно, сама же допустила некоторое разделение, взяв в этом случае пример с Римско-католической церкви, которая допускает пребывание нескольких епископов во граде, подчиненных Римскому престолу, как римско-католического, греко-униатского, армяно-католического и др.

Церковные каноны не простираются на лиц, не принадлежащих к Православной церкви. Ежели Св. Синод старообрядцев не считает сынами православной, Русской церкви, то должен оставить их в покое, отдав ведению Правительства, как католиков, лютеран, евреев, магометан, язычников. В Православной церкви на Востоке переходящих в православие римско-католиков, армяно-григориан, униатов и других иноверцев подвергают крещению, ибо не признают законным крещения, совершенного священниками неправославными, но, когда переходят в православие целые народные массы, т. е. тысяча и более, тогда Православная церковь на Востоке принимает их с условием только отречения от раскола и ереси.

В 1861 году один болгарский архимандрит Иосиф Сокольский перешел в унию и посвящен в Риме папою во архиепископа Болгарского[113]. Вернувшись в Константинополь, Иосиф Сокольский познал обман и, явившись к Вселенскому патриарху Иоакиму II, испросил у него прощение и затем на русском па-

роходе был отправлен в Одессу. Патриарх, простив Иосифа Сокольского, отказался признать его в сане епископа. Тем не менее Иосиф, по прибытии в Одессу, *был допущен до священнослужения* в одесском кафедральном Преображенском соборе. Из Одессы Сокольский отправился в Киев, где ему назначено было иметь пребывание в Киево-Печерской лавре. И там он был допущен до совершения богослужений в Великой Печерской церкви. Вскоре о служениях болгарского архиепископа, принявшего рукоположение от римского папы, дошло до митрополита Московского Филарета. Строгий охранитель церковных канонов, великий первосвятитель Московский не замедлил поставить на вид митрополиту Киевскому Арсению и Св. Синоду всю незаконность данного ими разрешения. Иосифу Сокольскому совершать богослужения в русских православных храмах было воспрещено. В 1867 году Иосиф поместил в «Церковной летописи», официальном органе Св. Синода, издававшемся при «Духовной беседе», заявление, или открытое письмо, к болгарскому народу [114], в котором он говорит, что его обманули вожди болгарского народа — Драган Цанков, Миркович [115] и др., но что «всеблагий Бог» его «вразумил» и он «отрекся от унии». «Я, — говорит Сокольский, — теперь точно такой же православный, каким был и до принятия унии, и мое сношение с православным духовенством такое же, каким оно может быть между одним и другим православным»… «Приняв унию, я согрешил и согрешил тяжко пред Богом и народом, и поэтому я считаю себя недостойным служить и литургисать. Я сам не приступаю к совершению литургии по собственному сознанию моего недостоинства, а не вследствие постороннего запрещения мне этого. Здесь мне предоставлена полная свобода во всем; доказательством тому служит то, что я по приезде своем в Киев совершал Божественную литургию в лаврской церкви» [116]. Впоследствии Иосифа русское правительство посылало в 1872 и 1873 году в Холм [117] для рукоположения униатских священников, и Сокольский это делал, совершая литургию в униатских храмах, хотя и отрекся гласно от унии, и посещал ежедневно богослужение в Печерской лавре. Негласно его признавали в Лавре архиереем, и он носил панагию, когда же в 1879 году скончался (104 лет) [118], то его отпели как монаха. Из вышеприведенных фактов нельзя не видеть, что от Православной церкви зависит выказать некоторое послабление при приеме старообрядческой иерархии в Православную церковь. Если старообрядческая иерархия в глазах российского «Правительствующего» коллегиума антиканонична и незаконна, то настолько же незаконна и антиканонична и болгарская иерархия с сослужившими митрополиту Исидору митрополитами: Анфимом, которого изверг из сана патриарх Вселенский Анфим VI и собор Константинопольский 1872 года [119], и Климентом, принявшим рукоположение от болгарских схизматических архиереев, тогда как старообрядческий митрополит Кирилл получил рукоположение не от отлученного и не от низверженного Церковию митрополита. Еще более антиканонично было допускать до служения литургии в лаврской Печерской церкви посвященного римским папою архиерея, которого Православная цер-

ковь не должна была бы признавать в этом сане, что и сделала Великая церковь Константинопольская. Русская церковь поступила в этом случае более чем антиканонично.

<ПУБЛИЧНЫЕ ПРЕНИЯ СО СТАРООБРЯДЦАМИ>

Как мы выше сказали, при нынешних порядках церковных дел прилагать старания к воссоединению старообрядцев с господствующею Церковию — дело совершенно бесполезное. Наиболее умных и начитанных старообрядцев служители православной Русской церкви не убедят подчиниться русской иерархии, точно также как не убедят свободолюбивого человека наложить на себя цепи. Торжествовать же победу православия по случаю перехода двух-трех полоумных беспоповцев, как это делается в Москве, и не похвально, и более чем бесполезно.

Кто внимательнее следил за религиозными беседами в доме Шумова [120] (в Москве), тот не мог не вынести самого тяжелого и грустного впечатления. Это самая грубая, публичная эксплоатация кармана собирающейся публики в пользу домовладельца г. Шумова.

Дом Шумова, находящийся в Таганке, отдается под свадьбы, похоронные обеды, танцовальные вечера и проч. и приносит ему порядочный доход. Благодаря же ведомым в его доме беседам со старообрядцами доходы его увеличились от 700 до 800 р<ублей> серебр<ом> в месяц, что составит с 15 октября по 1 апреля от 4—5000 в год. Публики на беседах бывает от 600 до 900 человек. Около 100 человек платят за вход по 40, 150 человек — по 30, все же прочие — по 20 коп<еек>, под предлогом сбережения платья, что составит от 150 до 200 руб<лей> в день. Есть и сезонные с платою по 6 руб<лей>. Как бы то ни было, купец Шумов от отдачи в своем доме помещения для ведения бесед никаких расходов не несет и даже не платит прислуге, которая собирает до 40 рубл<ей> на чай.

Самые беседы ведутся с явным пренебрежением к противникам. На серьезные вопросы, предлагаемые старообрядцами, ответов не дается, о. Петров [121] и другие священники стараются прежде всего их сбить, если же это не удастся, то предлагаются им же со стороны православных священнослужителей вопросы. Когда же упорствующие старообрядцы требуют ответа, то или раздается шум и крик серой публики, требующей удаления вопрошателей, или же (если беседы велись не менее часа) преосвященный Мисаил [122] выходит на эстраду и возглашает «достойно», т. е. чтобы пели «Достойно есть» [123], чем и заканчиваются беседы.

Кто бывал на религиозных беседах в доме Шумова (беседы в Духовной семинарии [124] носят совершенно другой характер, и там за вход никакой платы не полагается), тот, без сомнения, вынес самое грустное, тяжелое впечатление. Подрывается всякое доверие и уважение к священнослужителям, которые подобным образом ведут «беседы». Влиятельных и умных старообрядцев, опыт-

ных в деле религиозных споров, мы здесь не видим. Если бы не покровительствовал этим беседам преосвященный митрополит Московский, то они, ввиду неоднократных, вполне справедливых отзывов органов печати (как «Новое время», «Соврем<енные> изв<естия>») о происходящих на них скандалах и чуть не драках, были бы закрыты по распоряжение высшей духовной власти, которая не может не знать, в чью пользу они ведутся и какой вред они наносят Православной церкви.

И вообще ведение религиозных бесед со старообрядцами, где бы то ни было, не может принести особой пользы православию. Если мы видим, что несколько отдельных личностей из старообрядцев и беспоповцев переходят в православие, то в то же время мы не должны закрывать глаз, что сотни и тысячи русского народа не только переходят в раскол, но и в штунду[125]. И это будет продолжаться до тех пор, пока Русская церковь не получит свободы. А для этого необходимо нужно, чтобы наши архипастыри перестали считать себя сановниками и начальниками духовенства, а считали бы себя архипастырями, поставленными пасти Христово стадо. Народу нужны пастыри не с академическим образованием[126], которые считают для себя недостаточным 2—3000 р<ублей> содержания и стремятся чуть не к министерским окладам, благо есть приходы в Петербурге и в Москве, где священники получают до 10 тыс<яч> руб<лей> содержания или дохода, а пастыри, вполне благочестивые, вступившие на служение Церкви по призванию, а не ради корысти и личных выгод. Но такими ли пастырями награждают архиереи приходы? Почему епархиальные архиереи, за исключением Киевского Платона, не обращают внимания на заручные[127] прихожан? Правда, что эти заручные выдаются *иногда* по подговору ищущего места или его родственника, но в этом случае отношение ищущего места к известному приходу всегда может быть усмотрено и проверено. Если заручная дана приходскому диакону, немало лет прослужившему в приходе и заслужившему уважение, то такой проситель должен быть предпочтен всем прочим, хотя бы и магистрам академии, ибо его знают прихожане и он знает их. Об избирании прихожанами себе пастырей мы не будем много распространяться. Мы считаем лишь необходимым, чтобы архиереям было вменено в обязанность обращать внимание на заручные прихожан и, в случае неудовлетворения просьб, делать соответствующие резолюции, дабы прихожане могли обжаловать определение архиерея к высшей церковной власти. Точно также нельзя не пожелать, чтобы следствия над священнослужителями, в случае жалоб на них прихожан, были производимы священниками честными, неподкупными и беспристрастными, *при депутатах от прихожан.* Иначе обвиняемые прихожанами священники всегда будут оправданы и найдены епархиальною властию невиновными. Оттого-то и падает православие, оттого-то и растет раскол и нарождаются на Св. Руси новые ереси с протестантскою подкладкою, что православные не находят защиты от негодных пастырей, что архиереи как бы поставили себе в обязанность защищать во всем священников. К удивлению и прискорбию, недавно некоторые газеты имели смелость ставить это в заслугу митрополиту Иоаннникию.

Помещенный в «Современных известиях» рассказ (1886 г., апрель) о похождениях священника в с. Грязях, Липецкого уезда Тамбовской епархии [128], свидетельствует, какую защиту оказывает епархиальная власть недостойным пастырям. Виновный во многих преступлениях священник, между прочим не только не приобщался Св. Тайн во время совершения литургии, но сливал Св. Тайны в особый сосуд. В прежнее время за подобное послабление позорящему Церковь иерею местный преосвященный был бы удален на покой, теперь же он может продолжать по-прежнему свою деятельность, оставляя жалобы прихожан без последствий.

Да и есть ли какая-либо возможность Тамбовскому преосвященному [129] заниматься серьезно и внимательно епархиальными делами, имея более $2\,^1/_2$ миллионов православной паствы? Кем же, как не великим духовным сановником может он представляться в глазах своей паствы при ее обозрении, являясь в любой уездный город губернии через 7—8 лет? Казалось, что деятельному епископу, по «архиерейской» совести правящему епархиею, давно бы следовало просить высшую церковную власть не только о назначении себе одного или двух викариев-епископов, но и об разделении епархии на две — на три части, ибо архипастырю нет возможности управлять столь большою паствою, наблюдать за поведением духовенства, за нравственностью паствы, устраивать церковно-приходские школы, учить паству, противодействовать распространению раскола, проповедовать православие в среде магометан, рассматривать и решать дела по жалобам прихожан на недостойных пастырей, приносимых ежедневно чуть не целыми десятками, и проч., и проч. И вот Тамбовский епископ, подобно всем прочим духовным сановникам, довольствуется лишь тем, что отправляет торжественно богослужения да подписывает не читая консисторские решения. Этим и ограничивается его деятельность. Иногда, впрочем, преосвященные на досуге и прочтут «оплаченное» консисторское решение, но не для того, чтобы отменить оное, а чтобы засвидетельствовать, что Консистория действует в духе самого архиерея.

В конце 1884 года в Орловской епархии в одной из сельских церквей, если не ошибаемся Ливенского уезда, священник и диакон во время Херувимской учинили перебранку между собою [130], что вызвало порицания со стороны певчих (см. «Соврем<енные> изв<естия>» 1884 и 1885 <гг.> и руководящую статью по этому поводу редактора) [131]. Тогда о. диакон дозволил себе такое гнусное, циническое, если не сказать более, действие [132] в присутствии прихожан, за которое его не только следовало немедленно низвергнуть из сана, но и сослать в Сибирь. Светское лицо за такое возмутительное действие (об котором не говорится в печати) подверглось бы тяжкому тюремному заключению, а духовная Консистория определила воспретить на месяц диакону священнодействие, и только. Правда, архиерей увеличил наказание посылкою диакона на этот месяц в монастырь, но того ли стоит допущенное православным диаконом непечатное бесчинство? В этом случае приходится удивляться не столько склонности

к поблажкам любимца митрополита Исидора, Орловского епископа Симеона, сколько терпению прихожан, имевших возможность обратиться не только в Св. Синод, но и к гражданской власти.

<О ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ>

Переходим к Единоверческой церкви, созданной блаженной памяти митрополитом Платоном[133]. Название «единоверческой» дано ей не совсем правильно. Относительно церкви Русской единоверными, или единоверческими, церквами могут быть названы церкви: Константинопольская, Александрийская, Антиохийская, Иерусалимская, Румынская, Сербская и т. д., но какой-либо другой Единоверной церкви в пределах Русской церкви существовать не может; она может лишь существовать вне русских пределов. Если так называемая церковь «Единоверческая» исповедует одни и те же догматы, одну и ту же веру, то она уже по самому своему существу должна носить одно и то же имя с Церковию господствующею, т. е. имя Православной. Если бы так называемые «единоверцы» имели от Русской церкви отдельную иерархию, то можно было бы назвать «Единоверческую» церковь относительно церкви Русской каким-либо именем, например «примиренно-старообрядствующей». Но так называемая «Единоверческая» церковь имеет одну и ту же иерархию, имеет священство, православными русскими епископами рукополагаемое. Различие между так называемыми православными и единоверцами заключается лишь в том, что первые употребляют троеперстное сложение и исправленные, при патриархе Никоне, богослужебные книги, а последние крестятся в два перста и имеют книги древние, употреблявшиеся в России при всероссийских митрополитах и первых пяти патриархах[134].

Употреблявшиеся до патриарха Никона церковно-богослужебные книги, насколько мы можем о них судить, были переведены правильно. В X веке, когда просвещена была Св. Крещением Русская Земля, греки имели постоянные сношения с жившими в пределах Греческой империи славянами, и не прекращали их до паденья Константинополя, почему многие греки отлично владели славянским языком. Первые русские святители, присылавшиеся к нам из Константинополя, были южные славяне, каковы св. Михаил (988—992)[135], св. Киприан серб[136] и др. Очень может быть, что и насажденные вокруг Киева епископы: в Переяславле, Белгородке (первый в 60, второй в 20 верстах от Киева)[137], Юрьеве[138] (ныне Белая Церковь, местечко в Киевск<ой> губ<ернии>, к югу от Киева), Чернигове[139], Владимиро-Волынске[140], были славяне, следовательно, знали славянский язык. К тому же, как известно, Константинопольская церковь при посылке в Россию епископов снабдила их церковнославянскими богослужебными книгами, которые употреблялись в церквах: Охридской, Тырновской и Печской. Впоследствии при переписке и перепечатывании церковно-богослужебных книг вкрались в них, частию от невнимательности, частию от небрежности и неучености переписчиков и корректоров, значительные ошибки, что

и побудило патриарха Никона к новому пересмотру церковно-богослужебных книг. К величайшему сожалению, этот новый перевод совершен был людьми, не в совершенстве знавшими греческий и славянский языки, и довольно поспешно. Знатоки греческой филологии, как преосв<ященный> Порфирий Успенский и другие, в своих сочинениях [141] указали на это довольно ярко. В настоящее время не может уже быть никакого сомнения, что в новых церковно-богослужебных книгах, напечатанных после патриарха Никона в Москве, Петербурге и Киеве, *более ошибок, нежели в старопечатанных,* и что если бы не боязнь (хотя и напрасная) нового раскола, Св. Синод не прочь был бы приступить к новому пересмотру церковно-богослужебных книг [142].

С тех пор как Русская церковь поступила под власть Св. Синода, она лишилась возможности протестовать против каких бы то ни было изменений. Не будем упоминать о тех мерах, которые принимались русскою властию против старообрядцев до императора Александра II, мерах, которые исключали всякую возможность протеста. Могли ли, например, последователи Православной господствующей церкви протестовать против повсеместного закрытия в православной Руси св. храмов, предпринятого в 1869 году [143] митрополитом Исидором с подручными ему иерархами? Не прошло еще 15 лет как сокращено молебное пение, совершаемое в день Рождества Христова, по случаю избавления России от нашествия галлов и с ними двадесяти языков [144]. Молебное пение это было составлено великим иерархом Московским Филаретом. Что затевалось многое ко вреду Русской православной церкви, в этом не может быть сомнения. Как на пример, можно указать на известный проект духовно-судебной реформы, составленной в председательстве Литовского, а затем Московского митрополита Макария и одобренный Св. Синодом [145]; на закрытие 3000 церквей в России и значительное сокращение духовенства чуть не на 15—20 000 человек [146]; на изменение и сокращение чина Православия [147], который в новой редакции едва ли содержит и $^1/_3$ часть того, что мы видим в древних церковнославянских и греческих старопечатанных богослужебных книгах.

В первых двух указанных нами примерах Русская церковь оказалась спасенною державною волею русских монархов, в Бозе почившего императора Александра II и ныне благополучно царствующего Александра III. Первый не утвердил проект духовно-судебной реформы, а приказал его разослать на заключение всем епархиальным архиереям и консисториям и потребовать от них ответа [148]. Все русские иерархи за исключением двух (Нафанаила Черниговского [149] и Павла Псковского, ныне Олонецкого [150]), ответившие Св. Синоду, в резких выражениях осудили проект духовно-судебной реформы, как антиканонический, сближавший Русскую церковь с Протестантскою. Император Александр Александрович, до слуха которого не раз доходили жалобы прихожан на закрытие их храмов, приказал восстановить все закрытые церкви [151], хотя многие из них до сего времени не восстановлены, благодаря тому, что многие из архиереев продолжают искать особенно ученых священников, но не людей по призванию.

Божественная литургия, совершаемая в русских православных церквах и соборах, значительно сокращена в сравнении с литургиею, совершаемою в церквах: греческих, сербских и румынских. Этого нельзя отрицать. Стоит только побывать как в этих церквах, так и в единоверческих, которые, конечно, не сами же измыслили литургию.

Если со стороны последователей Православной господствующей церкви не было заявлено никаких протестов против делаемых время от времени Русскою Духовною коллегиею изменений в богослужении, то лишь потому, что со стороны синодских обер-прокуроров приняты были все меры к невозможности протестовать даже в издающихся журналах и газетах, которые за это подвергались административному взысканию, ибо защищать церковные каноны и постановления в России воспрещено, чего не может отрицать сам г. Победоносцев, придерживающийся этого же взгляда. Можно быть уверенным, что если бы в настоящее время было приступлено к пересмотру церковно-богослужебных книг, то от этого не могло бы произойти никакого нового раскола в Русской церкви. Неужели же можно ожидать протеста от последователей господствующей Церкви, которая, со времени устройства Петербургской Духовной коллегии, не проявляет никакой жизненности, да и не может ее проявить, доколе не получит свободы.

Самый пересмотр церковно-богослужебных книг мог бы быть произведен следующим образом. Прежде всего необходимо пересмотреть чин Божественной литургии. Для этого нужно взять литургии: а) на древнегреческом языке, с рукописей XIV и первой половины XV века, т. е. до взятия турками Константинополя. Затем: б) текст литургии, ныне употребляемой Великою Константинопольскою церковию, с новых ее изданий; в) текст литургии со старославянских богослужебных книг русских, употреблявшихся до патриарха Никона, и ныне употребляемый в единоверческих и старообрядческих церквах; г) текст литургии с древних рукописей и книг, печатанных с благословения Печских патриархов или Охридских архиепископов. В сербских Фрушкогорских монастырях [152], а равно и на Афоне, таких рукописей и книг немало; и, наконец, д) текст литургии, ныне употребляемый в православной Русской господствующей церкви. На сличении всех этих книг нетрудно будет видеть подлинную правильность и по указаниям ее исправить нынешний текст литургии. Так следует поступить и с прочими — богослужебными книгами. Такое сличение церковно-богослужебных книг, к великому удовольствию всех православноверующих, как принадлежащих к господствующей Церкви, так равно и Единоверческой и Старообрядческой церкви, Правительствующий Синод мог бы предпринять в настоящее время. К сожалению, трудно ожидать такого почина от такого чиновного учреждения, как наш, можно сказать, мертвенный Всероссийский Духовный коллегиум. Он скорее предпочтет ни к чему не ведущие споры со старообрядцами, отпадения тысячей православных в раскол, нежели согласится признать необходимым пересмотр церковно-богослужебных книг. Ведь до сего времени русские архипастыри и священники твердили всем и каждому, что старообрядцы

не правы, что старопечатные книги их неправильны, что обряды господствующей Церкви едины с греческими. Греки же, с своей стороны, молчали, хотя и не могли не видеть в Русской церкви немало разностей от Греческой и в обрядностях, и в книгах. В церквах: греческих, сербских, румынских и болгарских — Божественная литургия до Херувимской совершается большею частию при открытых Царских вратах [153]; по окончании часов всегда бывает отпуст [154], во время литургии оба псалма [155] поются или читаются полностию, но не одно только начало и конец, как в наших церквах, и т. д. Только двуперстие, употребляемое нашими единоверцами и старообрядцами, не употребляется на Востоке. Но неужели же одно двуперстие может способствовать расколу в Русской церкви? Мало ли русских, ходящих в православные храмы, молятся в два перста? В этом даже Великая церковь Константинопольская не видит особой разности, ибо благословила переход русских старообрядцев в с. Майносе, в Кизической митрополии, в православие [156], дозволив им творить крестное знамение в два перста. Итак, если Православная церковь никакого раскола не видит в употреблении двуперстного сложения, то становится совершенно непонятным то упорство, с каким Всероссийская Духовная коллегия отвергает просьбы единоверцев относительно испрошения у Восточных патриархов разрешения на сложение клятв, наложенных на старообрядцев Московским Поместным собором 1667 года [157].

Всероссийская Духовная коллегия каждый раз, когда единоверцы обращаются к ней, разъясняет им соборные постановления и заявляет, что клятвы положены на упорствующих, а не на употребляющих двуперстное сложение и дониконовские книги. Положим, что разъяснение «Правительствующего» Синода правильно. Но ведь единоверцы просят не об разъяснении, а об снятии наложенных Московским поместным собором 1667 года клятв. Снять же клятвы, наложенные «Поместным» собором, на котором присутствовало три патриарха и целый собор митрополитов, архиепископов и епископов [158], «Правительствующий» Синод не в силе, как учреждение не только низшее, но и не вполне каноническое. Кто знает, может быть, старообрядцы и единоверцы и убедились бы в «разъяснении» клятв, если бы таковое последовало со стороны Восточных патриархов, а не со стороны Всероссийской Духовной коллегии, за которою они могут вполне основательно и не признавать названия Синода, как учреждения постоянного, но не временно собирающегося.

Нет сомнения, что если бы последовал пересмотр церковно-богослужебных книг, то раскол должен будет вначале значительно пошатнуться, а затем и совсем пасть. Раскольники будут лишены возможности делать на что-либо серьезные возражения.

Старообрядцы требуют, как известно, признания их «австрийской» иерархии. Хотя мы и признали ее неканоничность, тем не менее нисколько не были бы против признания старообрядческой иерархии. Можно утвердительно сказать, что если бы у старообрядцев не было иерархии, не было бы и священства и дело воссоединения их с господствующею Православною церковию стояло бы ближе. Теперь же старообрядцы следуют за своими вождями: архиереями

и попами, которым нет никакой выгоды расстаться со властию и доходами. Чтобы лишить старообрядцев священства, пришлось бы уничтожить всю их иерархию и самое священство; епископов их сослать в Восточную Сибирь, а священникам, под угрозою строгой кары, воспретить священнодействие и отправление треб. Но кто же, в настоящее время, может желать такого насилия? Разве г. Субботин и преосв<ященный> Мисаил?[159] Да и за что делать насилие старообрядческой иерархии, когда у нас не только пользуются полною свободою церкви: Римско-католическая, Армяно-григорианская, Протестантская разных сект, — но не делается никаких препятствий к распространению среди православного населения протестантских ересей вроде штунды, шалопутства и других. Не потому ли следует притеснять старообрядцев, что они требуют нового пересмотра церковно-богослужебных книг, что они требуют разрешения клятв Восточными патриархами, так как не довольствуются разъяснениями Всероссийской Духовной коллегии, что они желают собора настоящего, а не постоянного, из подбираемых гг. обер-прокурорами иерархов?

Прежде чем лишать старообрядцев иерархии, необходимо заняться пересмотром церковно-богослужебных книг и испросить у Восточных патриархов снятия наложенных Московским Поместным собором 1667 года клятв. После этого действительный, а не мнимый собор русских иерархов должен будет обратиться к старообрядцам с увещаниями вступить в единение с господствующею православною церковию Русскою. Нет сомнения, что многие из старообрядцев последуют этому приглашению. Но что же делать с их епископами и попами, которые не внемлют этому приглашению, потому что не пожелают расстаться ни с своим саном, ни с своею властию, ни с своею паствою, тем более что Русская церковь не признает за ними их сана. После того как Русская церковь сделает угодное старообрядцам, т. е. пересмотрит церковно-богослужебные книги и испросит у патриархов разрешение клятв, старообрядцы будут лишены возможности обвинять ее в чем-либо и могут вполне справедливо быть сочтены за явно упорствующих. На священнослужение старообрядческих епископов и священников русская иерархия может смотреть сквозь пальцы, как смотрела она на не совсем православное богослужение, отправляемое в воссоединившихся из унии церквах бывшими униатскими священниками, на бритье ими бород, на ношение сутаны вместо ряс и проч. Пожалуй, скажут, что Православная церковь не допускает двух епископов во граде[160], но из Православных церквей Русская это апостольское правило обходит, когда найдет это для себя нужным. Так, она имеет сношение с Филиппопольским болгарским митрополитом, несмотря на пребывание в этом городе православного, канонического митрополита Филиппопольского. Еще в начале 1886 года митрополит Исидор посылал ответные телеграммы болгарскому митрополиту в Филиппополе[161], считая его как бы законным архипастырем Филиппопольской епархии, чем оскорбился греческий. Допустим, впрочем, что старообрядцы принадлежат к Римско-католической церкви, имеют епископов в тех же городах, где и православные. И вот эти-то римско-католические епископы пожелали с своею паствою воссоеди-

ниться с Православною церковию. Что же, были ли бы они разлучены с своею паствою? Не думаем! Напротив, они остались бы епископами в тех же городах, что и православные, и продолжали бы управлять своею паствою до своей кончины или до перемещения на другую кафедру, после чего в городе остался бы один епископ. Таким образом, старообрядческим епископам можно было бы разрешить управлять своею паствою, но при этом обязать их подпискою, что они не будут более посвящать никого ни в сан епископа, ни в сан пресвитера, виновным же в этом должно быть воспрещено отправление священнослужений и треб [162] и они должны быть высланы из своих епархий в те местности, где нет старообрядцев. Точно также могло бы быть поступлено и с новорукоположенными священниками. Лишенный иерархии и священства раскол должен будет пасть, тем более что не в силах будет противиться господствующей Православной церкви, которая пойдет сама к нему навстречу и постарается сделать для него все возможное, чтобы для блага Православной церкви умиротворить церковную распрю и объединить русский народ в одной общей иерархии.

В одной из московских газет как-то проскользнуло известие, что многие православные ходят в старообрядческую церковь на Рогожском кладбище и любуются служением старообрядческих епископов. Это было до снятия временных алтарей [163]. Нам кажется, что православные, посещавшие Рогожское кладбище, имели к тому немало причин. Во-первых, они желали видеть служение старообрядческих епископов и сравнить его с служением по обряду святейшего Никона; во вторых, послушать древнее церковное пение, которого уже несколько лет как лишены москвичи. Какое пение в Успенском соборе, мы об этом уже выше говорили. Правда, что в последнее время бывший прокурор Синодальной конторы А. А. Нейгард принял было все зависящие от него меры к восстановлению древнего церковного пения, но, с его перемещением в Петербург [164], вопрос об восстановлении древнего церковного пения совершенно оставлен. Синодальный хор певчих получил новое устройство с слишком щедрым окладом содержания, причем г. Победоносцев, вместо того чтобы возвратить власть над хором ризничему патриаршего, ныне Синодального, дома, передал этот хор в руки семидесятипятилетнего старца, директора Синодальной типографии г. Шишкова [165], с увеличением ему содержания. Г. Шишков, по должности управляющего Синодальною типографиею, не подчинен Синодальной конторе и поэтому не может быть ни за что ответствен перед конторою. Не понимая ничего в пении, ни в древнем, ни в партесном [166], г. Шишков не обращает внимания на обучение Синодального хора церковному пению. Новый, может быть и талантливый, регент хора, г. Орлов [167], выкинул все древние напевы и ввел в Успенском соборе в полном смысле пение партесное. Таким образом, тем православным, которые пожелали бы слушать древнее церковное пение, волей-неволей приходится посещать церкви единоверческие и старообрядческие. Конечно, это печально, но в этом случае вина лежит на Св. Синоде, Московском митрополите и г. Победоносцеве.

Кстати несколько слов о богослужении в Кремле. С нынешнего 1886 года утрени в Чудове, Вознесенском монастыре и соборе Архангельском уничтожены и заменены всенощными[168], которые совершаются удивительно скоро. В Чудове, например, благодаря новому архимандриту[169], всенощная совершается не более двух часов. И это в обители Святителя Алексея, служащей кафедрою Московского владыки, который пользуется $^{1}/_{3}$ частью доходов сей обители. Несмотря на это, митрополит Иоанникий слишком небрежно относится к сей древней обители. В нынешнем 1886 году не только он, но и никто из архиереев не совершил литургии в храмовой праздник монастыря — Чудо Архистратига Михаила — 6 сентября.

Известно, что единоверцы, в числе главных своих требований, заявляют, между прочим, желание иметь двух или трех епископов. Канонические же правила, как известно, воспрещают иметь двух епископов во граде, хотя Русская церковь этих правил мало придерживается.

Как известно, еще до разделения Всероссийской митрополии на Московскую и Киевскую[170], в России было по два митрополита с званием «Киевского и всея России», как св. Киприан с 1378—1406 г., Пимен с 1380—1389 г., Дионисий с 1384—1385 г., св. Фотий с 1408—1431 г., Григорий Цимвлах[171] с 1415—1419 г., св. Иона 1448—1461 г., Григорий II болгарин с 1458—1473 г.; были и на Полоцкой кафедре по два епископа, один зависевший от Московского, другой — от Киевского кириарха. Но это было во времена смутные и давнопрошедшие. Но вот посмотрим, не было ли чего подобного под управлением «Правительствующего» Синода.

В 1811 году Католикос Мцхетский, Иверский, Карталинский и Кахетинский, патриарх Антоний II вызван в Москву; в то же время архиепископ Ахтальский Варлаам назначен митрополитом Мцхетским и Карталинским и экзархом в Грузии; ему преемствовал в 1817 году с тем же званием митрополит Феофилакт Русанов, а в 1821 году — митрополит Иона Васильевский. Между тем первостоятель Иверской церкви, патриарх Антоний II, которого Русский Синод не мог уволить на покой, как иерарха автокефального и не им поставленного, продолжал все это время жить и скончался лишь в 1823 году в Нижнем Новгороде. В священнослужении[172] до самой кончины поминали его «блаженнейшим архиепископом Мцхетским и патриархом Иверским, Карталинским и Кахетинским». Итак, во граде было два епископа: один законный, а другой — узурпатор. А вот и еще примеры. В 1853 году архимандрит Поликарп Радкевич посвящен был во епископа Одесского; в 1858 году ему преемствовал преосв<ященный> Антоний Смолин, в 1859 г. перемещенный на Новомиргородскую кафедру. В то же время в Одессе был архиепископом Иннокентий Борисов, скончавшийся в 1857 году, и Димитрий Муретов с 1857 года. Оба они жили в Одессе и имели кафедру в одесском Преображенском соборе[173]. Пожалуй, нам скажут, что Поликарп и Антоний были викарии, но ведь викариев Православная церковь не знает, а знает епископов. К тому же они хиротонисаны во епископа «Богоспаса-

емого града Одессы»[174], следовательно, они были действительными, а не мнимыми епископами этого города. Итак, Русская церковь, которая не раз нарушала апостольское правило о небытности двух епископов во граде, не может ссылаться на него в отказе единоверцам даровать отдельного епископа. Впрочем, последние и не добиваются иметь вполне самостоятельного. Епископ единоверцам нужен не для разделения Церквей. Даровав его, господствующая иерархия не создаст какую-либо особую иерархию и не даст единоверческому епископу права управлять единоверческими церквами по всей России. Единоверцам нужен епископ для того, чтобы доказать старообрядцам, насколько об них печется их общая мать — церковь Всероссийская, которая, даровав им священство, не отказывается даровать им и епископа, собственнее же для того, чтобы наиболее ревнительным к своему обряду единоверческим общинам дать возможность и церкви освящать, и священников посвящать чрез единоверческого епископа, конечно, с соизволения епархиальных. Представьте, что Св. Синод и даровал единоверцам епископа. Мог ли бы он быть самостоятельным от епархиального? Конечно, нет! Потому именно, что для единоверческого епископа нельзя было бы создать особой епархии (за исключением разве Уральска[175]), ибо господствующая иерархия признает, что во всех русских епархиях большинство населения составляют православные, но не единоверцы или старообрядцы. Это уже одно не допускает в епархии иметь самостоятельного единоверческого епископа. Таким образом, приходится иметь епископа викарного или подчиненного. А такого епископа на первый раз достаточно было бы допустить в Москве, хотя бы в лице архимандрита Павла Прусского[176], предоставив ему заведывание единоверческими церквами в Московской епархии. Что касается до единоверческих церквей в других епархиях, то они остались бы по-прежнему в непосредственном подчинении своего епархиального архиерея, ибо власть Московского викарного единоверческого епископа не могла бы на них распространяться. Но при всем том, ни Св. Синод, ни епархиальные архиереи не имели бы особых оснований отказывать единоверческому епископу священнодействовать в единоверческих церквах других епархий, освящать церкви и даже рукополагать священников, если бы прихожане известного единоверческого прихода стали бы о том просить. Только в Уральской области, в которой огромное большинство населения единоверческое и отчасти старообрядческое, где в г. Уральске один единоверческий собор, 5 единоверческих церквей[177], 1 мужской и 1 женский монастырь[178] и 5 единоверческих церквей близ города и только 2 православных (собор и церковь)[179]. В самой же области 16 единоверческих и ни одной православной. Вот где необходимо иметь особого единоверческого епископа (хотя бы и подчиненного Оренбургскому), где можно быть уверенным, что старообрядчество здесь падет вскоре после появления там единоверческого епископа. Единоверческие епископы нужны не для разъединения Православной церкви, а для увеличения ее посредством воссоединения чрез них с Православною церковию старообрядцев.

<СИНОДЫ НА ВОСТОКЕ И В РОССИИ>

В видах охранения единости в Христовых вере и любви между епископами, а чрез них и между их паствами, церковные каноны определяют, чтобы митрополит, а тем паче патриарх, ничего не творил без рассуждения со своими епископами, также как епископы ничего не творили бы без их согласия[180]. Обратимся к Православной церкви на Востоке и посмотрим, насколько соблюдаются там в этом случае церковные каноны. При этом мы, конечно, должны принять во внимание, что церкви: Константинопольская, Александрийская, Антиохийская и Иерусалимская — находятся в пределах не христианского государства и во многом лишены возможности свободно действовать.

Константинопольский Синод состоит, под председательством патриарха, из 12 митрополитов, из которых 4 ежегодно заменяются новыми. Таким образом все митрополиты и архиепископы Константинопольского патриархата пользуются правом заседать в Синоде Великой церкви и не избегают очереди. В церквах: Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской и Кипрской — патриархи (а в последней архиепископ) управляют Церковию, имея при себе Синод архиереев; в церкви Греческого королевства Синод состоит, под председательством Афинского митрополита, из 4 иерархов, вызываемых ежегодно по старшинству епископской хиротонии. В Румынии и Сербии Синод архиереев собирается, согласно 37<-му> апостольскому правилу, два раза в год[181], в первом под председательством экзарха Румынии, во втором — митрополита. Даже в Австро-Венгрии, в митрополиях: Карловицкой, Германштадтской и Черновицкой, и там созываются временные архиерейские соборы или синоды.

Совсем не то в России. С уничтожением патриаршества Русская церковь лишилась канонического первостоятеля поместной Церкви, а собор епископов — своего председателя. В каноническом смысле Русский Синод, даже в нынешнем своем составе, есть творение антиканоническое. Во-1-х, он лишен председателя; во-2-х, епископы лишены права участвовать в нем по очереди. Если первоприсутствующий митрополит Петербургский и обер-прокурор Синода пожелали бы ввести в Русскую церковь новые догматы, то они всегда найдут это возможным. Им стоит только подобрать среди русских иерархов, если таковые найдутся, лиц, сочувствующих их убеждениям, для присутствования в Синоде. Это становится тем более возможным, что число членов в Синоде не ограничено. В зимнее время в Русском Синоде бывает от 5 до 6 архиереев, летом же были примеры, что Синод составлял митрополит и два протоиерея. И такое-то присутствие, не собираемое и не созываемое, вопреки церковным канонам, против здравой логики, носит название Синода, который вынуждены поминать в церквах не только архиереи, но даже священники, непосредственно ему не подчиненные. По Церковному уставу, соблюдаемому повсюду на Востоке, в епархиях священники поминают лишь своего епископа, а последний — патриарха.

Русский Синод между прочим носит название «Правительствующего», под именем которого следует разуметь г. обер-прокурора с целым сонмом чиновни-

чества, заправляющего делами Русской церкви и, конечно, с соблюдением, по мере личного значения, собственных интересов.

В настоящее время Синод Русский состоит из 3 митрополитов: Новгородского, Киевского и Московского — и 3 архиереев: Казанского, Иркутского и бывшего Кавказского. Первые три иерарха считаются постоянными членами Синода, причем Киевский и Московский заседают в Синоде большею частию с 15 октября по 15 мая, а Петербургский постоянно, отлучаясь только летом вместо дачи в Новгород. Последние три архиерея вызваны в Синод по предложению обер-прокурора на неопределенное время. Такой подбор иерархов в составе Синода, да еще из лиц постоянно в нем присутствующих, нисколько не походит на собор и даже на собрание иерархов. В Православной церкви все епископы равны между собою и различаются лишь по степеням епархий. Все епископы суть члены местного Синода, или собора, и никто не имеет права одних считать достойными присутствовать в нем, других же отвергать. Такой подбор епископов может быть производим с известною, далеко не благонамеренною, целию.

С.-Петербургское коллегиальное архиерейское присутствие не имеет в среде своей председателя, которого имеют все православные Синоды и имели все созывавшиеся до сего времени соборы. Первоприсутствующим в Петербургской Духовной коллегии считается митрополит Петербургский, он же и Новгородский (правящий вопреки церковным канонам двумя епархиями). Новгородский митрополит имеет степень ниже Киевского, который, в Московской патриархии, или русской иерархии, считается митрополитом первой кафедры, и ему дано право носить две панагии на персях и иметь в своей епархии предношение Креста в священнослужениях. Митрополит же Киевский, в свою очередь, имеет степень ниже архиепископа-митрополита царствующего великого града Москвы, престол которой, с самого разделения Всероссийской митрополии на Московскую и Киевскую, был поставлен выше Киевского, откуда он перенесен был сначала во Владимир на Клязьме, а оттуда в 1325 году в Москву. Затем митрополит Московский в 1589 году возведен на степень патриарха, от которого непосредственно зависели все епископы Русской церкви, начиная с митрополитов Киевского и Новгородского. Митрополит Московский, как архиепископ царствующего великого града Москвы, без сомнения, есть преемник патриархов Московских, и поэтому уже одному он не может быть поставлен ниже Киевского, а тем более Новгородского или Петербургского. Между тем Петербургский митрополит, в унижение старейших митрополий Московской и Киевской, состоит первенствующим членом Синода. Право на это первоприсутствование Петербургского митрополита в Синоде основывают на том, что и Петербург, служащий ныне резиденциею русских Государей, есть-де царствующий град. Но Вселенский собор, поставивший Константинополь — как Новый Рим и новый царствующий град — выше патриарших кафедр: Александрии, Великой Антиохии и Иерусалима, в то же время не унизил кафедры Ветхого Рима [182], постановив, чтобы Константинопольский престол нового царствующего града стоял

ниже древнего. Это соборное, каноническое постановление никоим образом не предоставляет митрополиту Петербургскому иметь степень выше Московского.

Митрополит С.-Петербургский, антиканонически управляющий двумя епархиями, управляет Русскою церковию вполне неограниченно. Если мы скажем, что митрополит Петербургский пользуется в Русской церкви властию более неограниченною, нежели римский папа, то вызовем удивление читателей. Но папа римский есть лицо, избранное конклавом епископов, лицо, которое в важных случаях собирает соборы из 100 и более епископов. Петербургский же митрополит епископских соборов боится, как бы они не ограничили его самовластия; он даже в свой Коллегиум опасается вызывать архиереев, известных своею ревностию о Святой Церкви, и сильно гнетет таковых. Во время заседаний в «Правительствующем» Синоде Петербургский митрополит не выслушивает мнений епископов. Открывая заседания, он прямо заявляет, что предстоит решить такой-то вопрос, и затем высказывает свое мнение, которое в большинстве и принимается вызванными в Синод архиереями. Епископы, отказывающиеся высказывать собственное мнение, не далее как через год возводятся в сан архиепископа, или награждаются орденами, или перемещаются на богатые епархии. Так всегда бывает (см. «Церк<овный> вестн<ик>» с 1876 г.). Если же присутствующий в Синоде епископ предпочтет иметь свое мнение, то его через год, если не ранее, удаляют из Синода и перемещают на бедную епархию, а то и увольняют на покой. Петербургский митрополит, если он действует заодно с обер-прокурором Синода, есть такая сила, которой ничто в Российской церкви противодействовать не может.

Великий преобразователь России[183] Синодом заменил Московского патриарха, разделявшего труды управления с собором епископов, ежегодно собиравшихся в Москву, а Синод довел в настоящее время Русскую церковь до такого печального состояния, что вся она с восмидесятимиллионным православным населением находится в руках двух лиц: духовного — митрополита Петербургского, светского — синодального обер-прокурора, не знающих над собою никакой власти, кроме Государя Императора, который, однако ж, как бы отрекся от прирожденной его самодержавию обязанности к своему народу-Церкви, обязанности представительствовать ее перед *истинно каноническим* ее водительством, иначе — авторитетом, а теперь представительствует ее перед своей же креатурой, перед им самим поставленным *лжепредставительством,* олицетворяемым его обер-прокурором и Петербургским митрополитом. Сегодня митрополит Исидор замышляет в Синоде ограничить и без того ничтожную епископскую самостоятельность, проводит для этого протестантские воззрения на Церковь, хлопочет об отнятии от архиереев судебной власти, которую замышляет передать белому духовенству и светским чиновникам, назавтра отказывается от этого, ввиду всеобщего протеста русских архиереев, на который подви́г их блаженной памяти Император Александр II, спасший от протестантизма церковь Русскую, и, на этот раз, очевидно вопреки своему манекену. О, если бы благочестивейшие Государи почаще вспоминали обязанности свои к своей Церкви-на-

роду и к своему помазанию Свыше и становились бы, если уже и не перед подлинным ее представительством, то хотя бы и перед своим манекеном, но становились не как его послушники, а как подлинные олицетворители и Христа, и Его народа. — В 1869 г., под председательством митрополита Исидора выработался проект о закрытии в России десятка тысяч церквей, построенных и содержимых православноверующим народом. В продолжение 15 лет митрополит Исидор был председателем Комитета по сокращению приходов и духовенства и под его руководством закрыто до 3000 храмов. Приведение Исидоровского проекта в исполнение начал Олонецкий епископ Ионафан — при рукоплесканиях нигилистов, анархистов и вообще всех врагов Церкви, устремляющихся на ниспровержение религии и монархической власти. Чрез 15 лет, когда до Верховной власти дошли жалобы народа на закрытие их храмов, тот же митрополит Исидор соглашается на отмену этого закона, который он так ревностно проводил в вверенной его управлению Новгородской епархии.

Можно ли Русской церкви — как собранию верующих — иметь доверие к Русскому Синоду и к иерархии, в которой и сейчас находятся лица, рукоплескавшие отнятию от архиереев порученной им Самим верховным Пастыреначальником Вселенской православной церкви власти судебной, или к таким архипастырям, как Павел, б<ывший> Кишиневский, ныне Грузинский, закрывший из 660 церквей в Бессарабии 333[184]. (Сравни отчеты обер-прокурора Св. Синода за 1869 и 1875 годы.)

В то время как сейчас поименованный архиепископ с особенною ревностию прилагал старания к возможно большему закрытию приходов, к сокращению числа священнослужителей и к насильственному введению славянского языка в богослужение в Молдавской церкви, в соседней с Бессарабиею Румынии усилилась римско-католическая пропаганда и в румынских газетах стали появляться статьи, предлагающие румынам перейти в римско-католичество или признать унию с Римом, в видах сохранения своей национальности. Как ни прискорбно было читать подобного рода предложения, но надо сознаться, что они были вызваны русофильскою, антицерковною деятельностью б<ывшего> Кишиневского архиепископа, проявившего слишком нехристианскую нетерпимость к единоверным молдаванам.

Бывший в Петербурге румынским посланником в 1884 году г. Крецулеско в разговоре с г. Победоносцевым высказал последнему, что он отчасти разделяет подобные взгляды некоторых румынских газет. «Если бы румыны Бессарабии были римско-католиками, — сказал г. Крецулеско, — то им легче было бы сохранить свою национальность, нежели теперь, когда их насильственно заставляют молиться на русском языке, ставят в их церкви русских священников, отбирают от церквей богослужебные книги и даже закрывают их храмы». Г. Победоносцев, говорят, задумался и высказал неодобрение действиям епархиальной власти, хотя и по сие время бедные молдаване лишены возможности слушать богослужение на своем родном языке в государстве, в котором всем народам и племенам предоставлено право молиться на своем языке. За что перед Рос-

сийским Правительствующим коллегиумом стали виноваты молдаваны и грузины? Надо при этом заметить, что от Верховной власти никогда не исходили подобного рода законы и что меры, принимаемые в Бессарабии и Грузии, исходят исключительно от не в меру усердствующих русских духовных сановников, находящих покровительство в Петербургской Духовной коллегии.

Возвращаемся к «Правительствующему» Синоду Русской церкви. Г. Победоносцев (что ему следует приписать в заслугу) постарался очистить Синод от присутствования в нем протоиереев, но в то же время он не перестает делать различие между архиереями, из которых одних он считает достойными присутствовать в Синоде, других же — недостойными, одни признаются даже достойными пользоваться пожизненно званием члена Синода (как Варшавский архиепископ Леонтий); другие получили сан архиепископа, тогда как все прочие архиереи носят сан епископа, причем одни управляют епархиями, другие же считаются их викариями. По церковным же правилам, между епархиальными архиереями не должно быть никакого различия, все они должны быть равны между собою. Церковные каноны равенство епископов установили введением степеней в епархиях, не допуская даже старшинства по рукоположению между епископами. В Константинопольской церкви, например, Кесарийский митрополит всегда становится выше Никейского, а Никейский выше Халкидонского, последний же выше Адрианопольского и т. д. У нас же в Русской церкви одни епархиальные архиереи именуются архиепископами, другие епископами, но и этого отличия или различия оказалось для митрополита Исидора недостаточным. Благодаря ему в 1868 году введено старшинство между епископами и архиепископами по времени возведения в сан, чем еще более увеличено неравенство между епископами. Это-то неравенство становится еще более заметным при перемещениях архиереев. Так, архиепископы перемещаются на кафедры большею частию по собственной просьбе, а епископы — по воле митрополита Петербургского или обер-прокурора Св. Синода.

Итак, что же требуется для Русской церкви?

1) Уничтожения неравенства между епископами, а для этого необходимо всех епархиальных епископов возвести в сан архиепископа и ввести вновь степени епархий, но не те, которые существовали до 1868 года и по которым древние епархии, как Смоленская, Полоцкая, Переяславо-Полтавская, Владимиро-Суздальская и др., поставлены были в 1764 году ниже многих новых и незнатных кафедр [185] и теперь стоят ниже Олонецкой, Иркутской, Минской, Рижской, Донской [186] и др.

2) Все епархиальные архиереи должны быть признаны членами Всероссийского Синода и не быть лишаемы права присутствовать в нем. Для этого архиереи должны быть вызываемы в Синод по очереди, применительно ко времени рукоположения в сан, и в священнослужении занимать место не по старшинству, а по степени епархии, чем будет уничтожено вредное для Церкви неравенство между епископами, несогласное с церковными канонами.

3) Самый Синод Русской церкви должен состоять не менее как из семи архиереев, считая в том числе и председателя, ибо, по церковным канонам, меньшее число архиереев не может судить даже священника, для суда над которым требуется собрание 7 архиереев [187].

4) Председателем Синода должен быть не кто иной, как патриарх. Если бы нынешнего митрополита Новгородского или хотя бы и Петербургского, первоприсутствующего в Синоде, сделать председателем, то это послужило бы к унижению старейших святительских кафедр: Московской и Киевской, которые в настоящее время пользуются по крайней мере равенством. Если же сделать председателем Синода Московского митрополита, то почему же не сделать его патриархом? Ведь звание патриарха ничего не прибавляет к званию епископа, за исключением первенства в священнослужении и председательствования на соборах. Сам патриарх не составляет единоличной центрально-абсолютной власти в Церкви. И прежде власть Московского патриарха была ограничиваема собором епископов, тем более была бы она ограничена при существовании постоянного Синода. Наконец, самые церковные каноны требуют, чтобы первостоятель Церкви ничего не делал без согласия с своими епископами, также как и епископы без его воли [188]. Таким образом, опасаться, что первосвятитель церкви Русской, облеченный саном патриарха, станет неограниченным деспотом в Русской церкви и в Русском Синоде, нет никаких оснований. Если мы говорим о необходимости восстановления патриаршества, то с целию создать не единовластие, а истинную соборную власть, которой лишена Всероссийская церковь более 165 лет. Возлагать какие-либо надежды на возрождение Русской церкви под главенством «Правительствующего» Синода не только странно, но и непонятно. Это все равно, что надеяться, что учреждение, по существу мертвенное и мертвящее и в продолжение 160 лет ничего, кроме вреда, не сделавшее, в состоянии впоследствии стать живым и сделать что-либо полезное. И когда же? Не теперь ли, когда людям, желающим служить Церкви по призванию, двери в нее стоят наглухо закрыты; детям лиц, не принадлежащих к духовной касте, затруднен прием в духовные семинарии и училища, а следовательно, и к поступлению на служение Церкви. Благодаря этому священно-церковнослужительские места замещаются лицами исключительно из так называемого духовного сословия, из которого $^2/_3$, если не более, поступает на служение Церкви не по призванию, а ради корысти и материальных выгод. Между тем если бы были открыты широко двери для поступления в духовные училища и семинарии лицам других сословий, то нет сомнения, что все они поступили бы на служение Церкви далеко не ради корысти и житейских интересов, а ради истинного служения Церкви и из желания принести пользу пастве. Сколько бы детей из крестьянского сословия, воспитанных в страхе Божием, охотно пошли бы из сельских училищ в духовные семинарии, если бы они были по примеру детей духовенства освобождены от платы в тех семинариях и училищах, в которых существует общежитие. Духовные семинарии и училища не должны быть сословными училищами уже по одному тому, что они содержатся на деньги, пожертвован-

ные русским народом в пользу Церкви. Поэтому Св. Синод не имеет никакого основания и права жаловаться на недостаточность средств для воспитания детей иносословных родителей, как не имеет основания воспитывать на эти деньги исключительно детей духовенства, из которых многие по выходе из семинарии выказали не только не любовь, но и враждебное отношение к Церкви, их воспитавшей, и присоединились к русским крамольникам и анархистам, злоумышлявшим против Верховной власти.

Итак, если восстановление патриаршества в России дарует Русской церкви каноническое устройство и возвратит Русскому архиерейскому собору главу, которого Русская церковь лишена более 165 лет, то, с другой стороны, оставление Русской церкви под управлением Правительствующего Синода ничего хорошего не предвещает ей в будущем. Если Русский Синод мог иметь в своей среде таких иерархов, как Феофан Прокопович, Феофилакт Лопатинский, Феодосий Яновский, служивших протестантским видам и целям, или таких честолюбцев, как Димитрий Сеченов [189], то кто же может поручиться, что в будущем Русском Синоде снова не появятся подобные иерархи? Не были ли мы еще в недавнее время свидетелями, как Русский Синод под водительством нынешнего митрополита С.-Петербургского Исидора «строжайше» предписывал архиереям закрывать церкви в видах якобы улучшения быта духовенства, а на деле в видах размножения расколов, ересей и недовольства в народе? Закрытие храмов возбудило в народе еще бóльшую ненависть к духовенству и в то же время сильно развратило и испортило русский народ, который за отдаленностию храмов предпочел посещение кабаков, харчевень и трактиров.

Но могли ли бы выработаться в Синоде подобные проекты, как закрытие церквей и отнятие у епископов судебной власти, если бы Синод состоял из чередных архиереев, а не из избранных и подобранных самим первоприсутствующим митрополитом и обер-прокурором? Ведь и сейчас в среде русских иерархов найдется немало таких, которые из-за житейских выгод согласятся на какое угодно изменение Церковного устава и правил. Почему же не допустить, что первоприсутствующий митрополит и обер-прокурор не пригласят в Синод таких иерархов, если они задумают провести в Церковь что-либо новое, противное Церковному уставу или канонам?

Только врагам Православной церкви, да петербургским митрополитам, да синодским чиновникам, заправляющим делами православной Русской церкви, может быть нежелательно восстановление настоящего соборного управления в Русской церкви с патриархом во главе. Куда денется весь этот сонм чиновничества, которого кормит и содержит и государство и Церковь и которое кормится поборами и со стороны духовенства (защищая его деяния в Синоде), и со стороны мирян (в делах бракоразводных) и получает подарки от архиереев? Да и может ли быть желательно восстановление патриаршества митрополиту С.-Петербургскому, хотя бы и облеченному патриаршим саном, который при соборности скорее умалит, нежели увеличит его власть над Церковию? Теперь он сам предлагает вопросы, сам первый высказывает свои мнения и чуть не

требует их принять (тем более что предлагаемые Синоду вопросы и предложения уже заранее предрешены первоприсутствующим митрополитом и обер-прокурором), имея во всякое время возможность удалить из Синода неугодных ему архиереев, хотя и митрополитов; а тогда ему придется выслушивать мнения, может быть для его неограниченного самовластия и неприятные. Удалить из Синода ревностного и прямого архиерея патриарху будет трудно, ибо архиереи, приглашаемые в Синод по очереди, а не по выбору первоприсутствующего, сумеют защитить и поддержать своего собрата.

Придерживаясь канонически-соборного устройства Церкви, нельзя не прийти к заключению, что в обширной Русской империи централизация церковной власти много вредит Церкви. И просфирня[190] с церковным звонарем с своими часто неосновательными жалобами на епархиальную власть обращаются в Св. Синод, благодаря чему в нем накапливается такое множество дел, что собственно Св. Синоду нет никакой возможности ни рассмотреть, ни разрешить жалобы на епархиальные начальства, чем заняты чиновники духовного ведомства, подготовляющие решения, которые и утверждаются всегда. Между тем Синод мог бы значительно поступиться своими делами в пользу окружных соборов. Так, туда могли бы быть переданы дела о сложении священнического сана, о построении церквей, открытии и закрытии приходов, о перечислении прихожан от одного прихода к другому, жалобы священно-церковнослужителей на решения епархиальных архиереев и консисторий, а равно и разные прошения и жалобы прихожан, церковных старост, попечительств и проч. Вообще все дела священно-церковнослужителей легко могли бы быть изъяты из-под непосредственного ведения Св. Синода и переданы окружным соборам. Судебные дела и разные жалобы и прошения прихожан и церковных старост на епархиальные начальства, восходящие ныне на рассмотрение Св. Синода, составляют в нем наибольшее число дел. Все эти дела без всякого ущерба для Синода могли бы быть переданы окружным соборам. Если Правительствующий Синод, присутствие которого составляют в настоящее время от 3 и до 6 иерархов, считает возможным окончательно отменять или утверждать решения епархиальных архиереев, то почему же собор из 7 и более архиереев лишен возможности постановлять окончательный приговор на постановления епархиальных начальств? Нельзя даже предполагать, чтобы архиереи, собирающиеся в окружный город, постановляли неправильные приговоры, а Правительствующий Синод с целым сонмом чиновничества — правильные. Можно быть, напротив, уверенным, что к окончательным приговорам, постановленным окружными соборами, более будет доверия и приговоры эти будут более беспристрастны и справедливы, нежели те, которые постановляются при посредстве гг. синодских чиновников.

Прежде чем говорить о составе Св. Синода и окружных соборов, нельзя не обратить внимания на чрезмерную, сильно вредящую Церкви, централизацию духовной власти. Многие видят в этом желание епархиальных властей и самого Синода затруднить доступ прихожан к архиерею. Св. Синоду как нельзя более

известно обилие злоупотреблений в среде белого духовенства в местностях, отдаленных от епархиального города, и невозможность прихожанам найти себе защиту против поборов духовенства. К благочинным[191] миряне никогда не обращаются, зная по опыту, что они всегда и во всем защитят своего собрата, ибо и сами, по большей части, поступают не лучше; соборные же протоиереи в уезде не имеют никакой власти; а к архиерею не всегда удобно обращаться — во-1-х, по дальности расстояния; во-2-х, потому, что архиерей редко когда рассматривает дела, а сдает их в «продажную» консисторию, в которой дела получают далеко не желательный исход.

Почти что каждому из мирян приходится иметь столкновение с духовенством, часто весь приход недоволен священником ввиду не только слишком небрежного отправления священнослужения, но и несовершения оного (так, в «Совр<еменных> изв<естиях>» в сентябре 1886 г. была помещена корреспонденция из Владимирской губ<ернии>[192], в которой сообщалось, что в одном сельском приходе священник, вполне зазорного поведения, совершил в продолжение целого года всего 3 службы и что вследствие этого целый приход не говел), или неодобрительного поведения и пьянства, или поборов, или отказа от совершения молебнов и панихид и проч., и проч., но жаловаться некому. До архиерея далеко и высоко, а других властей нет. И в народе, и в интеллигенции невольно складывается убеждение, что Синод и епархиальная власть сами создали безнаказанность духовенства. Благодаря этому народ вначале теряет уважение к пастырям Церкви, а затем или переходит в раскол или штунду, или же становится индифферентным к религии и Церкви.

Нельзя не обратить внимания, что в настоящее обер-прокурорство, более чем когда-либо, признано нужным довести централизацию до последних ее пределов и покончить с Синодальною конторою в Москве.

Синодальная контора в Москве, заведующая ныне Успенским собором, Патриаршим домом и ставропигиальными монастырями, получила свое устройство в 1742 году, после отбытия Св. Синода в Петербург. Как ни мал круг ее деятельности, но она тем важна, что для первопрестольной столицы заменяет Синод. Когда Синод возвращается в Москву, Синодская контора закрывается. С закрытием в Москве Синодальной конторы и с передачей Успенского собора в ведение Московского митрополита Москва — как первосвятительская кафедра и духовный центр православной Русской церкви — теряет значение. Г. Победоносцеву, как светскому чиновнику, значение Москвы для церкви Русской и народа малопонятно. Если петербургские чиновники, не знающие русского народа и России, желают унижения Москвы, то почему же этого мнения не разделять и г. Победоносцеву?

Чтобы положить конец безнаказанности белого духовенства и чтобы проступки его не оставлялись епархиальными архиереями без внимания, для этого требуется немногое: 1) тщательный выбор благочинных и предоставление им разбора жалоб на церковнослужителей и наложения на них взысканий до известной степени; 2) подчинение всех священнослужителей в уезде окружному или

уездному соборному протоиерею; с предоставлением ему <права> принимать жалобы прихожан на священнослужителей, рассматривать их, производить следствия и доносить епархиальной власти.

<О РУССКИХ ЕПАРХИЯХ>

Переходим к епархиям:

Пределы епархии должны быть значительно сокращены. Несогласно с самой идеей епископства возлагать на архиерея управление паствою, доходящею чуть не до 3 миллионов душ, как Вятская. На православном Востоке архиерей, имея паству в 50—100 000 душ, и тот бывает обременен делами, а у нас считают, что архиерею править паствою в 2 и $2\,^1/_2$ и более миллиона нет ничего легче. Ведь и объезды архиерея по епархии, в сопровождении станового или исправника[193], не более как торжественная прогулка, обильная разными яствами и винами. В кафедральном же городе обязанность архиерея заключается скорее в торжественных служениях в соборах, нежели в рассмотрении и решении дел, что преосвященные, во многих епархиях, всецело возложили на духовные консистории с их секретарями, зависимыми непосредственно от синодского обер-прокурора. В России архиереи, как духовные сановники, ограничили свой круг деятельности подведомственным им духовенством и бросили на произвол свою бедную паству, отдав ее на расхищение разным расколам и ересям. В то же время кто из епархиальных владык забыл самого себя, кто из них обратился к Синоду с просьбой передать данный в управление архиерея монастырь архимандриту или игумену? Много ли в России иерархов, который не занят был бы материальными интересами, несмотря на полное обеспечение своего быта казенным жалованьем и богатыми угодьями!

Начнем с митрополита Новгородского и Петербургского[194]. Получая одного жалованья до 7000 р<ублей> (не считая пенсии за ордена), он пользуется $^1/_3$ частию доходов с Александро-Невской лавры, которой считается архимандритом, и с угодий, принадлежащих архиерейским домам Новгородскому и Петербургскому. Сверх того, он пользуется доходами от Новгородского архиерейского в Москве подворья[195], владеющего 150 магазинами и торговыми помещениями. Весь доход с подворья, согласно положению об архиерейских домах, идет всецело в полное распоряжение архиерею. Мы не знаем полную цифру Новгородского в Москве подворья, хотя знаем, что торговые помещения подворья отдаются от 1200 до 5000 р<ублей> каждое. Известно также, что благодаря практичности преосвященного митрополита церковь Апостола Тимофея на Новгородском подворье в 1866 году была упразднена[196] и обращена в торговое помещение, вход же в другую, оставшуюся, но значительно уменьшенную церковь подворья во имя пророка Илии сделан через меняльную лавку, что вызывает не только соблазн в среде благочестивых людей, но и глубокое и вполне заслуженное негодование на высшую церковную власть, допускающую такое неуважение ко храму Божию.

Митрополит Киевский[197], получающий 5200 р<ублей> казенного жалованья, пользуется доходами от богатых угодий Киевского митрополичьего дома и от Киево-Печерской лавры, которой он состоит архимандритом. Получает он до 65 тысяч рубл<ей>, что сам признает «очень и очень много».

Митрополит Московский[198] получает 5200 р<ублей> казенного жалованья, пользуется доходами от угодий архиерейского дома, от Иверской часовни[199], от лавры Сергиевой и Чудова монастыря $^1/_3$ доходов. Получает он, во всяком случае, не менее Киевского.

Архиепископ Ярославский Ионафан получает жалованья 1500 р<ублей>, с лавок и угодий Ростовского архиер<ейского> дома 3000 р<ублей> и столько же, если не более, от ярославского Спасского монастыря[200]. Кроме того, этот епископ получил в управление ярославский Толгский монастырь[201], дающий ему до 8000 р<ублей>.

Воронежский епископ[202], сверх жалованья (1500 р<ублей>), получает до 25 000 р<ублей> дохода от воронежского Митрофаниева монастыря[203]. Все нижепоименованные преосвященные, получая по 1500 р<ублей> казенного жалованья лично на себя, пользуясь немалыми доходами от угодий, их архиерейской кафедре принадлежащих, пользуются сверх того доходами:

Владимирский[204] — с угодий Суздальского архиерейского дома, с владимирского кафедрального Рождественского монастыря[205], с Суздальского архиепископского в Москве подворья[206], которое приносит десятки тысяч рублей дохода. Кроме того, нынешний преосвященный Феогност испросил себе у Св. Синода в управление Боголюбов монастырь[207], от которого получает до 10 000 р<ублей>, если не более.

Вятский[208], получающий значительные доходы от кафедры, имеет очень богатое архиерейское подворье в Москве[209], которое приносит ему более 20 000 р<ублей>.

Казанский[210] — владея богатыми угодьями и приписным к архиерейскому дому монастырем («Иерусалим» именуемый)[211], имеет богатое в Москве подворье[212], от которого получает более 30 000 р<ублей>. Кроме того, нынешнему архиепископу предоставлено пользоваться 4000 р<ублей> дохода от Седмиезерской пустыни[213].

Калужский[214] — имеет в своем управлении богатый Лаврентьев монастырь[215]. Нынешний епископ Владимир испросил у Св. Синода значительные суммы на устройство нового архиерейского дома в Калуге и испросил себе в управление богатейший монастырь в епархии — боровский Пафнутьев[216], получая от него до 12 000 р<ублей>.

Кишиневский архиепископ[217] получает от угодий и проч. не менее 25 000 р<ублей>.

Курский[218] — имеет в своем управлении богатый курский Знаменский монастырь[219] и получает не менее 15 000 р<ублей>.

Нижегородский[220] — управляет оранским Богородицким монастырем[221] и получает от него до 20 000 р<ублей>.

Олонецкий[222] — благодаря хлопотам бывшего Олонецкого, ныне Ярославского, архиепископа Ионафана, — имеет в своем управлении богатый олонецкий Александровско-Свирский монастырь[223] (у него есть подворье в Петербурге, с церковию[224]), который приносит ему не менее 8000 р<ублей> дохода.

Орловский[225] — получающий немалые доходы от угодий, архиерейскому дому принадлежащих, имеет еще подворье в Севске[226], которому принадлежит немало угодий. Нынешний преосвященный Симеон испросил себе в управление богатую Площанскую Богородицкую общежительную пустынь[227]. Пример единственный в России, ибо братство общежительных монастырей и пустынь само избирает себе настоятеля и никакими доходами игумену пользоваться не предоставляет. Для Орловского Симеона в этом случае сделано исключение, ибо ему дано право пользоваться доходами от пустыни, которые, по слухам, сам он определил для себя в 15 000 р<ублей>.

Пензенский[228] — пользуется доходами от управляемого им богатого нижнеломовского Казанского монастыря[229].

Полтавский[230] — пользуется доходами от угодий двух архиерейских домов — Полтавского и Переяславского (Вознесенский монастырь)[231], причем от последнего он получает до 10 тысяч рубл<ей> и, сверх того, имеет в управлении богатейший в епархии лубенский Мгарский монастырь[232].

Рязанский[233] — имеет в управлении богатый Николо-Радовицкий монастырь[234], несмотря на богатые угодия, архиерейскому дому принадлежащие.

Тульский[235] — имея в своем управлении Предтеченский монастырь[236] при Тульском архиерейском доме, владеет архиерейским подворьем в Москве[237], от которого получает не менее 15 000 <ублей>.

Уфимский[238] — имеет в своем управлении с 1878 года монастырь в Уфе[239].

Доходы преосвященных Самарского и Саратовского[240], владеющих богатыми угодиями и торговыми помещениями, принадлежащими их архиерейским домам, насчитываются десятками тысяч рублей.

Доходы архиепископов: Харьковского и Одесского[241], имеющих в своем управлении монастыри (Покровский в Харькове[242] и Бизюков около Херсона[243]), простираются до 25 000 р<ублей>.

Тамбовский[244] — имеет в своем управлении Казанский монастырь[245] и получает до 15 тыс<яч> рубл<ей>.

Тверскому архиепископу[246] одно архиерейское подворье в Москве[247] приносит 35 000 р<ублей> дохода.

Таврический, Литовский, Минский и Волынский преосвященные[248], получая по 4000 р<ублей> казенного жалованья, имеют в своем управлении далеко не бедные монастыри, а Волынский — богатую Почаевскую лавру[249].

Псковский епископ[250] получает не менее 12 000 р<ублей>.

Доходы прочих преосвященных тоже не малы. Есть даже викарии, которые получают до 10 тыс<яч>.

Из этого краткого перечня доходов некоторых преосвященных архиереев мы видим, что наши архиереи, получающие вдвое, втрое и даже вдесятеро бо-

лее начальников губерний, министров и других высших государственных чиновников, не могут не быть не заняты материальными расчетами и интересами.

Про необеспеченность в содержании большинства русских иерархов говорить нельзя. Надо, напротив, прийти к тому заключению, что не время ли, не пора ли освободить архиереев от управления монастырями и тем сократить получаемое ими содержание. Для митрополитов: Московского, Киевского и Петербургского — совершенно было бы достаточно 20 000 р<ублей>, что они получат: первый — от часовни Иверской, второй — от угодий митрополии, а третий — от тех торговых помещений, которые принадлежат Александро-Невской лавре. Затем ставропигиальные лавры: Киево-Печерская, Троицко-Сергиевская, Александро-Невская, Почаевская и Чудов монастырь — должны быть изъяты от управления названных митрополитов, для которых эти обители служат лишь «доходною статьею», о благосостоянии которых они нисколько не пекутся, не имея к тому времени. Между тем все эти знаменитые обители требуют особого о себе попечения. Неполноправные наместники лавр и монастырей не могут быть ответственны за поведение монахов. За это всецело должны отвечать сами архиереи, которые в противность церковным правилам приняли на себя звание настоятелей монастырей единственно для того, чтобы получать от них значительные доходы.

Архиереям западных епархий: Литовской, Полоцкой, Волынской, Каменец-Подольской, Минской, Могилевской, Рижской, Гродненской — содержание могло бы быть определено в 8000 р<ублей>, всем же прочим — от 4—6000 р<ублей>. Если в некоторых епархиях архиерейские дома и угодья приносят лично архиерею не более 3000 р<ублей> дохода, то никто не мешает Св. Синоду обложить монастыри, даже ставропигиальные, известным сбором в пользу епархиального архиерея. Ни Площанская, или Севская, пустынь Орловской епархии[251], ни Коренная в Курской[252], ни монастыри: Калязинский[253], Боровский[254], Белгородский[255] и другие не сочтут для себя обременительным выдавать епархиальному архиерею тысячу и более рублей. Для благосостояния обители, в особенности для монашествующих, это будет во сто раз полезнее, нежели находиться под управлением архиерея, кормить его диаконов, иподиаконов[256], певчих и прочую архиерейскую свиту. К тому же архиереи, хотя и викарные, как мы выше говорили, нисколько не вникают в быт монашествующих, не обращают внимания на поведение монахов, тем более что и монастырь, данный им в управление, отстоит иногда на 100—200 и более верст от их местопребывания. Еще недавно новый преосвященный Воронежский Вениамин[257], прибыв на свою кафедру и посвятив монашествующих вверенного ему в управление Митрофаниевского монастыря[258], нашел в келиях монахов роскошную, мягкую мебель, множество цветов, ковры, которыми были устланы келии, зеркала в вызолоченных рамах и прислугу, одетую чуть не во фраки. Ярославский преосвященный Ионафан, после того как получил в управление Толгский монастырь[259], в видах будто бы поднятия дисциплины, первым долгом по принятии монастыря в управление сделал распоряжение, чтобы монашествующие, отправляющи-

еся по епархии с Толгскою иконою, не брали менее одного рубля за молебствие. Прибыв в какое-нибудь село или деревню с иконою Богоматери, толгские монахи обходят все крестьянские избы и требуют за внесение иконы и краткий молебен 1 р<убль>, заявляя, что «теперь-де монастырем управляет архиерей» и что «он-де установил плату». Надо заметить, что в настоящее время «под архиерейским» управлением монашествующие в Толгском монастыре слишком славятся своею распущенностию, если не сказать более. Падение знаменитой Площанской Богородицкой пустыни, в Орловской епархии, с поступления ее под управление архиерея, идет тоже быстрыми шагами.

Для того ли существуют в России монастыри, чтобы служить доходною статьею для архиереев? Что творится в этих 60 (шестидесяти) обителях, отданных для эксплоатации архиереям, одному Богу известно. Конечно, между архипастырями есть люди высокого христианского подвижничества. Но много ли их? Много ли таких бескорыстных деятелей, как Платон, митр<ополит> Киевский[260], Леонтий, архиеп<ископ> Холмский[261], Савва Тверской[262], Сергий Могилевский[263], Вениамин Иркутский[264], Феоктист Рязанский[265], Михаил Курский[266], Владимир Ставропольский[267], Евгений Астраханский[268] и друг<ие>? Неужели г. Победоносцев не замечает, к чему он ведет русское монашество и самих архиереев, наделяя последних неумеренно крупными окладами содержания? Повсюду в Российской империи стараются по возможности сократить расходы, уменьшают штаты служащих, а в духовном ведомстве наделяют архиереев такими суммами, которыми не пользуются ни русские министры, ни генерал-губернаторы, ни другие государственные сановники. Могут ли быть доступны народу столь щедро обеспеченные духовные сановники, лишенные монашеского смирения и презирающие бедную свою многомиллионную паству?

Не пора ли, для поднятия самой иерархии и приближения ее к народу, отобрать от всех епархиальных и викарных архиереев монастыри, данные им в управление, и в то же время обложить лавры и богатые монастыри известным процентным сбором на увеличение средств тех архиерейских кафедр, которые не имеют значительных оброчных статей? В противном случае пусть г. Победоносцев не удивляется нареканиям на монашество и архиереев. Вместо того чтобы поддержать обители, охранить нравственность монашествующих, поднять благосостояние обителей, мы дождемся их падения и не заглушим гулоса, давно уже требующего закрытия монастырей, что едва ли желательно.

Выше мы говорили о значительном содержании Синодального хора певчих. Для надзора за 40—50 мальчиками, на содержание которых едва ли потребуется 7—8000 р<ублей>, выработан и одобрен Св. Синодом такой чудовищный штат служащих, который мог бы быть применен к училищу, имеющему до 500 человек учеников. К чему понадобился для Синодального хора управляющий с 4000 р<ублями> содержания, директор — <с> 2000 р<ублями>, инспектор — с 1750 р<ублями>, десяток учителей, несколько воспитателей и проч.? Не лучше ли бы было передать заведывание хора ризничему Патриаршего дома, как это было до 1851 года, и дать большим певчим действительное, а не нищенское

содержание, которое они могут получить в любом частном хоре. Содержание больших певчих, в числе 30 человек, определено в 14 000 р<ублей>, а содержание начальствующих над малолетними и канцелярии — в 22 890 р<ублей>. Только русской натуре в моменты экстаза свойственно выработать такой чудовищный штат. Пусть Синодальный хор певчих услаждает москвичей пением итальянских композиторов, долой древнее пение, его следует изгнать из Успенского собора: такова воля нынешнего Московского митрополита и г. Победоносцева. Лучше создать целый сонм служащих для Синодального хора певчих, нежели восстановить штаты в Успенском соборе, а с ними и древнее столповое пение.

В настоящее время в управлении архиереев находится 61 монастырь. Митрополит Филарет Московский сильно не одобрял передачу монастырей в управление архиереям, ибо видел в этом не пользу обителей, а корысть и желание личной наживы со стороны архиереев. «Преосвященные, — писал он Синоду (см. т. 4 «Мнений и отзывов» Филарета, м<итрополита> Моск<овского>), — не в первый раз берут монастыри себе, как бы в аренду»; «цель преосвященных, вероятно, как и другие примеры показывают, есть особенно та, чтобы воспользоваться хозяйственными способами монастыря, но это может повредить и хозяйственному благоустройству обители»...[269] Взятие монастыря архиереями в управление, — по словам Филарета, — «расстроит монастыри», в особенности «общежительные». Это говорилось об Саровской пустыни[270], а теперь может относиться к пустыни Площанской, отданной на прокормление молодому Орловскому епископу Симеону[271], которому ввиду его молодости нужно более средств. Замечательно, что этот епископ пользуется доходами от двух архиерейских домов: Орловского и Севского — и имеет пребывание в орловском Петропавловском монастыре[272], пользуясь и от него $^{1}/_{3}$ частию доходов. Все это ему мало, хотя его предшественники далеко не жаловались на скудость средств. «Игумен самостоятельный, — пишет митр<ополит> Филарет, — управляет полномочно, по преданиям обители; если же вместо его будет наместник архиерейский, сей не будет иметь полномочия, а преосвященный далеко»[273]. Да, совершенно справедливо. Благодаря тому, что архиереи живут слишком далеко от отданных им «ради корысти» монастырей в управление, архиерейские монастыри разоряются, монастырские уставы нарушены, в монастырях разгул, пьянство, разврат. Полюбуйтесь, что делается в обители Толгской, Площанской пустыни, в Вознесенском Переяславском архиерейском доме (дело в Окружном суде)[274], Николо-Перервинском[275] (в последнем дела у мирового судьи[276] еженедельно по нескольку раз; факты могут быть проверены). Что делается в московском Богоявленском монастыре[277], управляемом епископом Дмитровским, лучше не говорить, хотя об этом говорит вся Москва, но ничего не знает г. Победоносцев.

Каждому православному христианину горько смотреть на падение нравственности в обителях. Никого он в этом не винит, как Русский Синод, который расточает монастырское богатство на веселое и богатое житие архиереев. Неза-

висимым от народа и слишком щедро обеспеченным владыкам нужна ли паства? Как думает об этом г. Победоносцев? Если нужна, то почему же они небрегут о ней, а лишь заботятся, как бы их родичи, из сословия которого они вышли, были бы, подобно им, независимы от паствы и щедро обеспечены в своем существовании? Самые церкви и народ, по их воззрению, существуют исключительно для их духовного сословия. В духовных училищах и семинариях почти что исключительно воспитываются дети духовенства, не для того чтобы служить Церкви и просвещать народ, а чтобы получить на всю свою жизнь более или менее хорошее и обеспеченное место. Разве $^{1}/_{10}$ часть духовенства идет на служение Церкви по призванию, а об архиереях и говорить нечего.

<УЧРЕЖДЕНИЕ СУХУМСКОЙ ЕПАРХИИ>

В ноябре минувшего года, по предложению г. Победоносцева, вызван в Петербургский Синод русский экзарх в Грузии Павел, которому грузины угрожали смертию. Так об этом передают в разговоре сами члены Св. Синода. Действия архиепископа Павла в Бессарабии и Грузии были таковы, что если бы собрать собор из честных, справедливых, ревностных и приверженных Церкви архипастырей, то они единогласно решили бы его извергнуть из священного сана, лишить архиерейства и сослать на острова Белого моря, в какой-либо из скитов Соловецкого монастыря. Но Павел умен, умеет обворожить людей сильных и влиятельных; своею ласковостию и подарками он давно уже подкупил весь сонм синодского чиновничества, которое не дождется кончины престарелого митрополита Петербургского, чтобы передать ему в управление две епархии — Новгородскую и Петербургскую, с Невскою лаврою. А до смерти митрополита Исидора куда девать архиеп<ископа> Павла? В Грузию ему нельзя вернуться, там народ грозит его убить за гонение, воздвигнутое им на Грузинскую церковь, за истребление в церквах грузинских надписей, за расхищение сокровищ и грузинских святынь **(**в 1870<-х> годах из ризницы Гелатского монастыря[278], с разрешения бывшего экзарха Грузии Евсевия, переданы были гр. Левашову некоторые вещи и между ними Евангелие (оцененное чуть не в полмиллиона рублей) для исправления досок; когда же вещи были возвращены, то оказалось, что золотые оклады заменены сереброзлащенными[279] (см. «Голос», «Совр<еменные> изв<естия>», «С.-П<етер>б<ургские> вед<омости>» и др. газеты)**)**, за уничтожение двух епархий в Мингрелии и Гурии[280] и лишение гурийцев и мингрельцев иметь своих епископов, за насильственное введение славянского языка в богослужение в грузинские церкви и проч. И вот Синод решил предложить архиепископу Павлу Казанскую кафедру. Дело это казалось улаженным, хотя присутствующий в Синоде Казанский архиепископ не решался променять Казанской кафедры (дающей ему чуть не сорок тыс<яч> рубл<ей>) на небогатый Грузинский экзархат. Услужливые Павлу синодские чиновники и некоторые из друзей г. Победоносцева (как г. Нильский, которому немало обязан Павел экзархатом) стали уговаривать последнего ходатайствовать о перемещении Павла в Казань

митрополитом. Ввиду этого Казанский архиепископ Палладий окончательно отказался быть экзархом Грузии, считая, что он не менее Павла заслуживает сана митрополита. Пробовали было предложить экзархат Тверскому архиепископу Савве, но и тот тоже отказался. Таким образом, Синод поставлен в затруднительное положение, не зная, куда девать Павла и кого послать в Грузию. Предлагают теперь Алексея Литовского и Никанора Одесского. Первый будто слишком неудобен, да и в Вильне он оказался не у места, ибо выказал желание править как можно большею паствою и не давать самостоятельности целой епископии Брестско-Гродненской, с 700 тысяч<ами> православных, а Никанора Одесского, которого могли бы полюбить грузины, не желает г. Победоносцев.

---

28 декабря в Сергиевой лавре посвятили во епископа в Сухум архимандрита Сергиевой лавры о. Геннадия. Дали ему паству, состоящую из 28 народностей, в числе которой не более 25 тысяч православных. Что будет делать этот русский епископ, не знающий языка большинства своей паствы, трудно сказать, так же как трудно уразуметь, в каких видах и для чего учреждена, в столь малых размерах и с таким незначительным населением епархия [281]. Передают, что когда кн. А—в [282] спросил Павла об этом, то он ответил: «Вольно же было Синоду учреждать Сухумскую епархию»… «Члены Синода незнакомы со статистикою и этнографиею»… «А по-нашему, — сказал кн. А—в, — они просто неучи». Но что же смотрел в этом случав г. Победоносцев? Неужели же и он не мог посвятить одного часа на рассмотрение этнографической и географической карты Кавказа и статистических таблиц населения? Если же он с таким усердием решился на восстановление, для 20 000 абхазцев, епархии в Сухуми, то ему следовало бы позаботиться об возвращении абхазцам их заветной, тысячелетней святыни, собора Пицундского [283] и обители Симоно-Кананитской [284], переданной монахам Афонского Пантелеимонова монастыря, которые с таким умением эксплоатируют религиозное чувство русских, что самим иезуитам не грех было бы у них поучиться.

<О РАЗВЕНЧАНИИ БОЛЬШОГО УСПЕНСКОГО СОБОРА>

В ноябре минувшего 1886 года распространен был газетами слух об развенчании Успенского московского собора и об возвышении над ним кафедрального собора Московского митрополита. Слух этот был вызван невниманием, которое оказывал первопрестольному собору Московский митрополит. Г. Победоносцев, опровергнув в «Правит<ельственном> вестнике» этот слух [285], заявил категорически, что Синод никогда не допустит умаления чести, подобающей Успенскому собору и т. д. «Не допустит», а допустил и допускает. Если говорить правду, то со времени своего существования Успенский собор никогда не был так унижен, так умален, как теперь [286]. Недостаточность клира, плохое и небрежное пение безголосного духовенства, сокращение утрень и всенощных

до невозможности, изменение и явное нарушение древнего устава Соборного; прекращение с 1880 года чтения на всенощных и утренях толкования Св. Евангелия Феофилакта Болгарского и по воскресным дням Синаксария[287], а также чтения диаконами паремий[288] и проч. Один Победоносцев этого не видит, ибо вся его забота лежит, как бы обеспечить своего друга, семидесятилетнего старца Шишкова, в безбедном существовании. Последний, получивший в 1885 году место директора Синодальной типографии, с роскошною квартирою и жалованьем в 2500 р<ублей>, получил в 1886 году вновь измышленное для него г. Победоносцевым место управляющего синодальными недвижимыми имениями в Москве и окрестностях, с 1500 р<ублей> жалованья, затем место управляющего синодальными певчими и, наконец, в сем 1887 году — место прокурора Синодальной конторы, с жалованьем в 2500 р<ублей>. Бедный старец Шишков, управлявший до 1885 года акцизными сборами в Рязанской губернии, ничего не смыслит ни в делах духовных, ни в прокурорских, ни в типографских, ни в пении. Грешно г. Победоносцеву возлагать на старца столько должностей, которые он принимает ради денег.

Коснулась печать в ноябре месяце минувшего года и Ризы Господней и Креста с жезла прп. Авраамия Ростовского[289]. Оказалось, что их нет в Успенском соборе. Г. Победоносцев стал уверять «своим честным словом», что Риза Господня и Крест в Успенском соборе, а между тем их нет. Целый месяц искали в Синодском архиве в Москве, куда делась Риза Господня. Когда же нашли, то тот же г. Победоносцев отказался ходатайствовать об возвращении Ризы Господней и Креста Авраамиева в собор. Пусть-де они пребывают сокрытыми от глаз народа. Таково воззрение на святыню нынешнего обер-прокурора. Еще последнее слово об Успенском соборе. Отпускаемые Синодом деньги около 500 р<ублей> на обед в день Успения Пресв<ятой> Богородицы с 1868 г. передаются чиновникам Синодской конторы на награды; а из денег, жертвуемых народом в пользу собора, 750 р<ублей> отпускаются с 1886 г. на чистку ретирад[290] Синодального дома. Как полагает г. Победоносцев — такова ли воля жертвователей? Или об этом ему ничего неизвестно?

<СОБОРЫ В МИТРОПОЛИЧЬИХ ОКРУГАХ>

Переходим к окружным соборам, о которых мы выше говорили. Число окружных соборов в России, ввиду того что почти все епархиальные города связаны между собою железными дорогами, не должно быть велико, тем более что на увеличение числа епархий едва ли можно скоро рассчитывать. В Европейской России достаточно быть четырем митрополичьим округам, одному в Сибири и одному в Грузии. 1) *Московский* для центральных епархий в России, интересы которых более или менее сходны между собою и в которых, кроме раскольников (старообрядцев и беспоповцев), других сект или вероисповеданий почти что не существует. <2)> *Киевский* — из губерний Юго-Западной России, Новороссийского края, Бессарабии, епархий: Донской, Харьковской, Пол-

тавской, Черниговской и Могилевской. В большей части этих епархий, кроме раскола, распространены враждебные православию ереси: штунда и шалопутство, в юго-западных епархиях значительное число жителей исповедует римско-католичество и там не без успеха действует, хотя и тайно, латинская пропаганда. Духовенство в этих епархиях, большею частию вполне обеспеченное, владеет плодородными землями, более требовательное, чем великороссийское относительно прихожан — и более распущенное, требует над собою твердой и сильной власти. В Подольской епархии, как пишут между прочим в «Одесск<ом> вестн<ике>» [291], «духовенство, вследствие поднятия цен на хлеб, живет припеваючи. «Ездить парой лошадей для священника считается там неприличным — батюшка должен ехать четверкой „встяж“. Обстановка квартиры роскошная: мягкая мебель, паркетный пол, фортепьяно»... И несмотря на все это, духовенство получает жалованье, священник — не менее 300 р<ублей>; в епархиях же средней полосы России, где духовенство бедное, оно лишено казенного жалованья. 3) *Казанский* — из епархий Приволжских и Прикамских, а равно Ставропольской с Кубанскою областью. Все эти епархии населены более или менее в значительном числе последователями Магомета. На Казанском окружном соборе лежит обязанность ежегодно вырабатывать и обсуждать меры к просвещению магометан светом Христова учения, к учреждению инородческих миссий, школ и проч. Во всех этих епархиях раскол тоже имеет значительное число последователей. 4) *Новгородский*, или *Петербургский*, — из епархий: Новгородской, Петербургской с Финляндиею, Псковской, Архангельской, Олонецкой и Рижской и епархий Северо-Западного края. Последние, ввиду незначительности в них населения и недальности от С.-Петербурга, удобно было бы присоединить к Петербургскому округу, тоже весьма незначительному. Первые пять епархий, можно сказать, имеют одинаковые интересы. Сельское духовенство, большею частию бедное, мало обеспеченное, требует немало забот для улучшения своего быта. В епархиях: Рижской и отчасти Петербургской — православное население в значительной части окружено протестантами и требует охранения и защиты со стороны правительства. Во всех епархиях Северо-Западного края значительно распространен р<имско>-католицизм, который продолжает и не перестанет вести хотя и скрытную, но наступательную и энергическую борьбу против Православной церкви и отторгать от нее немало чад. Православное население здесь изнемогает под гнетом поляков и жидов. Приходы, в большинстве разбросанные по значительным пространствам, насчитывают нередко, например в Литовской епархии, до $7\,^1/_2$ и более тысяч душ. Сельских приходов в три и более тысяч душ при одном священнике в этой епархии до 30. — <5)> Что до Сибири, то она ввиду немногочисленности православного населения, несмотря на значительное свое пространство, должна иметь одну митрополию в древнем *Тобольске*. Ближайшие к этому городу архиереи: Томский, Екатеринбургский, Бийский, Енисейский (и Омский) могут ежегодно присутствовать на соборе, который по местным обстоятельствам созывается в Сибири один раз в год. Прочие же: Иркутский, Камчатский, Чит<ин>ский

и Якутский — через год, а некоторые из них и через два. Создавать два округа в Сибири неудобно, потому что в Восточном округе число епархий, а следовательно, и дел, будет весьма мало; да и епископы: Якутский и Камчатский — все-таки будут не в состоянии ежегодно являться на собор.

Наконец, для Грузинской церкви центром должен остаться Тифлис.

В 1886 году Боголюбов монастырь передан в управление викарию Владимирскому, ввиду того что Суздальское архиерейское в Москве подворье отдано в аренду за 45 000 р<ублей> сер<ебром>, каковая сумма идет всецело в распоряжение Владимирского архиерея[292].

<О СВЯЩЕННЫХ САНАХ>

С разделением Всероссийской церкви на митрополитанства с приличным числом архиепископий, а сих с довольным числом епископий, иерархия отечественной Церкви восприимет канонические полноту, смысл и бытие. Тогда саны митрополита и архиепископа перестанут быть словом без содержания, почетным титулом, раздаваемым в виде наград за какие-либо особые заслуги, а иногда и просто за выслугу лет. Тогда не один Высочайший рескрипт будет облекать в сан митрополита того, кого укажет Государь Император, но вместе с тем и благословения Церкви по ее уставу и чину, свидетельствуемые каждый раз священно-радостными прославлениями Бога, Царя и новоизбранного от столь великого множества, каково значение и кафедры святительской, и новоизбранного. Сан и митрополита, и архиепископа будет тогда, согласно канонам, принадлежать известным святительским кафедрам, а не лицам, тогда как ныне у нас в России огромное большинство епархиальных архиереев носят сан епископа и им же подчиняют епископов, назвав последних, по примеру Римско-католической церкви, епископами-викариями. Этих-то викариев следовало бы окончательно уничтожить, переселив их в уездные города и открыв в них новые епархии. При митрополитах можно было бы иметь по одному епископу, но с званием не викария, а наместника. С.-Петербургского митрополита непременно следует уволить от управления Новгородскою епархиею, сохранив за ним сан митрополита, ради того что Петербург служит ныне царскою резиденциею.

<ПОТРЕБНОСТЬ В УВЕЛИЧЕНИИ ЧИСЛА ЕПАРХИЙ>

Число епархий в России необходимо увеличить. Лучше было бы, если бы Министерство вн<утренних> д<ел> само приступило к разграничению губерний в России и к образованно новых, ввиду значительного населения некоторых из них, имеющих ныне более $2^1/_2$ миллионов жителей. Впрочем, Министерство нисколько не мешает Св. Синоду заняться самому в образовании новых епархий, если он найдет это необходимым. Министерство юстиции при

образовании окружных судов[293] не спрашивало Министерство вн<утренних> д<ел>, в каких уездных городах образовать окружные суды, ибо заботилось об удобстве населения, тем больше об этом должен позаботиться Св. Синод, благо он показал тому пример, разделив Пермскую епархию на две: Пермскую и Екатеринбургскую[294].

Прежде всего следовало бы образовать епархии в тех губерниях и областях, которые наиболее в них нуждаются. Таковы:

1) Обширная Кубанская область, имеющая 700 000 православного населения, должна теперь же быть выделена из состава Ставропольской епархии[295], и из нее должна образоваться особая епархия с кафедрою в Екатеринодаре. В Кубанской области слишком значительно магометанское население (до 150 тыс<яч>), о просвещении которого светом Христова учения давно пора подумать. Нет сомнения, что Кубанское казачье войско само изыщет средства к содержанию епархиального архиерея, если бы в этом отказало государственное казначейство. Ставропольская епархия, за выделением из нее Кубанской области, будет епархиею далеко не малою, ибо будет иметь более 525 тысяч православных и до 100 тысяч магометан и язычников. Если бы нам было дозволено отнестись вернее к духу Св. Церкви и обязанностям апостольства, налагаемым на каждого из православных архипастырей, то в каждой местности с числом иноверного населения, подобным сейчас сказанному, должен бы быть епископ-апостол или миссионер.

2) Брестско-Гродненское викариатство[296] должно быть преобразовано в епархию. В настоящее время в Гродненской губернии до 700 тысяч православных на 300 тысяч римско-католиков и 230 тысяч евреев. Тем не менее Св. Синод удерживает эту губернию под властию Литовского архиепископа из-за опасения, что от этого сократится значительно Литовская епархия[297]. А что от небытия в Гродне самостоятельного епископа страдает православное население, что латинская пропаганда делает там значительные успехи, это Св. Синод оставляет без внимания. Насколько Литовские архиепископы, начиная с митрополита Макария (впоследствии Московского), мало заботились о гродненской пастве, видно из того, что в ней существуют приходы с 8 и 7 тысячами прихожан, раскинутые на десятки верст при 2 священниках. В этой пастве, брошенной Литовскими архиереями на произвол всяческих влияний, есть, кроме того, приходы при одном священнике: 1-н с 5025 прихожан<ами>, 1-н с 4535 д<ушами>, 9-ть от 4000 до 4500 д<уш>, 9-ть от 3500 до 4000 д<уш>, 27-мь от 3000 до 3500 душ. За выделением Гродненской губернии от Литовской епархии последняя будет иметь 400 000 православных, т. е. более, нежели в епархиях Рижской, Холмской, Олонецкой, Архангельской, Астраханской и даже Таврической, не говоря уже о сибирских. К тому же Литовская епархия будет даже состоять не из одной, а из двух губерний: Виленской и Ковенской, в которых кроме православных будет находиться до 1 700 000 римско-католиков, 540 000 жидов и до 60 тысяч лютеран. Кажется, остается обширное поле для деятельности православному епископу. Странны для нас суждения Петербургского коллегиума: 400 тысяч

православных в губерниях Виленской и Ковенской могут иметь и епархиального, и викарного архиерея, а целая губерния Гродненская с 700 тысячами православных не может дождаться себе архипастыря. Так-то заботится Русский Св. Синод о православных в епархиях Западного края, упуская из виду, что он этим оказывает поддержку латиноримским епископам и их пропаганде. За внимание к ней последняя платит русской иерархии, конечно, не иным чем, как презрением и продолжает успешно увеличивать число своих чад.

3) Забайкальская область, имеющая большее число православного населения, нежели губерния Иркутская, должна быть выделена из Иркутской епархии[298] и преобразована в самостоятельную епархию, с кафедрою в Чите[299]. В обширной Забайкальско-Чит<ин>ской губернии в настоящее время 520 тыс<яч> жителей, из которых православных 325, старообрядцев 45, язычников 150. В Иркутской же губернии православных около 300 тысяч, старообрядцев до трех и язычников до ста. И здесь, как и в Виленской губернии, большинство православного населения предпочитается меньшинству. Нынешний Иркутский архиепископ Вениамин[300], один из достойнейших иерархов русских, не раз просил и умолял Св. Синод образовать в Забайкальской области отдельную епархию, находя это необходимым, но все его просьбы разбились вследствие упорства Св. Синода. Разрешено было лишь Селенгинскому викарию жить в Чите[301], и больше ничего.

4) Из восточных уездов Вологодской епархии[302] должна быть не то чтобы образована, а просто *восстановлена* епархия Великоустюжская, с кафедрою в Великом Устюге[303]. Быв основана в 1682 году, В<елико>-Устюжская епархия присоединена к Вологодской в 1737 году исключительно вследствие «приведения разделения епархий в сообразность с разделением губерний». Необходимость этой епархии мотивируется тем, что Вологодская губерния, занимая площадь около 354 т<ысяч> кв<адратных> верст, не имеет центрального пункта, так как губернский город Вологда лежит в западном углу и, следовательно, восточные окраины губернии удалены от него иногда более, чем на 1000 верст, на протяжении которых нет ни железных, ни шоссейных дорог. Результатом этого неизбежно является, во-1-х, то, что местный епископ не имеет никакой возможности следить за своею епархиею, а духовенство, лишенное ободряющего и направляющего надзора свыше, естественно, не всегда бывает внимательно к исполнению своих обязанностей. Обычные годовые объезды преосвященного не приносят теперь достаточной пользы, потому что за краткостию времени и дальностию расстояний ему нет никакой возможности побывать везде и видеть все. Между тем весь Восточный край губернии представляется в глазах ищущих священства чем-то вроде Сибири; поэтому, напр<имер>, в Усть-Сысольский уезд посылаются по преимуществу неучи, которым важно только получить священный сан. Приходы, где чрезвычайно много раскольников, заняты лицами малообразованными. Понятно, какое нравственное влияние на своих прихожан могут производить подобные пастыри. Во-2-х, теперь епархиальные дела, по дальности расстояния, решаются очень нескоро. Переписка, разные

справки и т. п. затягивают всякий вопрос на весьма долгое время. В-3-х, отдаленность Вологды от уездных городов сильно тормозит и дело воспитания духовного юношества. Только состоятельный человек может отправлять своих детей в семинарию за 1000 верст, поэтому, при большей территории и при большем количестве населения, Вологодская губерния гораздо беднее учащимися, например, епархии Ярославской. Достаточно сказать, что вологодское духовенство решительно отказалось от участия в постройке епархиального женского училища на том основании, что по отдаленности уездов от Вологды, по неудобству путей сообщения и по бедности — члены причтов не в состоянии будут помещать своих дочерей в училище. Ввиду всего сказанного назначение особого епископа в городе Устюге является делом самым настоятельным. Вопрос теперь в том, должен ли быть здесь викарий или архиерей самостоятельный? Немного нужно сообразительности, чтобы решить дело в пользу второго предположения. Викарий без самостоятельности и независимости везде будет бесполезен.

5) Из областей: Акмолинской, принадлежащей ныне к составу Тобольской епархии, и Семипалатинской, принадлежащей к Томской епархии[304], следует давно уже образовать особую самостоятельную епархию с кафедрою в Омске[305], где в продолжение нескольких десятков лет имеет пребывание генерал-губернатор[306], в котором находится много высших учреждений и тем не менее нет архиерея. Между тем в этих обширных областях, имеющих миллионное население, только 180 тысяч православных. Тем не менее Св. Синод до сего времени не позаботился ни об этих заброшенных в магометанскую среду чадах, ни о просвещении 800 тысяч магометан этих областей светом Христова учения.

Епархии: Вятская, Тамбовская, Полтавская, Самарская, Саратовская, Киевская, Волынская, Воронежская, Курская, Подольская, Харьковская, Черниговская, имеющая каждая более двух миллионов паствы[307], а Вятская чуть не до трех, — должны быть разделены каждая на две епархии. Управлять по совести архиерею столь значительною паствою нельзя, ибо нет для этого никакой возможности. В городах: Белгороде, Нежине, Владимире-Волынском или Луцке, Сарапуле или Елабуге, Ельце, Херсоне, Умани или Елизаветграде и Изюме должны быть теперь же открыты епархиальные кафедры и образованы епархии из соседних двух уездов. Все эти епархии имели бы от 1 до 1 500 000 душ об<оего> пола. Кажется, что с таким значительным населением епархии нельзя назвать малыми.

Названные епархии могут быть образованы: 1) *Белгородская* — из уездов: Белгородского, Карачанского, Новооскольского, Старооскольского, Обоянского, Грайворонского (Курской г<убернии>) и Бирючского (Воронежской г<убернии>), что составит более 1 230 000 жит<елей>, оставив в Курской 1 325 000 ж<ителей>; 2) *Нежинская* — из уездов: Нежинского, Козелецкого, Борзненского, Конотопского, Кролевецкого (Черниговской г<убернии>), Роменского, Прилукского, Лохвицкого и Пирятинского (Полтавской г<убернии>), которые составят более 1 170 000 жит<елей>; 3) *Уманьскую* — из уездов:

Уманьского, Звенигородского, Чигиринского, Черкасского, Липовецкого (Киевской г<убернии>), Брацлавского, Гайсинского, Ольгопольского (Подольской г<убернии>), в которых до 1 550 000 жит<елей>; 4) *Владимиро-Волынскую,* или *Луцкую,* — из уездов: Луцкого, Владимиро-Волынского, Ковенского, Дубенского, Ровенского и Кременецкого Волынской губ<ернии> и Пинского Минской губ<ернии>, которые составят более 1 060 000 жит<елей>; 5) *Елецкую* — из уездов: Елецкого, Ливенского (Орлов<ской> г<убернии>), Усманского, Липецкого, Лебедянского (Тамбовской г<убернии>), Задонского (Воронежск<ой> г<убернии>), Данковского и Раненбургского (Рязанск<ой> г<убернии>), что составит не менее 1 240 000 жит<елей>; 6) *Изюмскую*[308] — из уездов: Изюмского, Старобельского, Купянского (Харьковск<ой> г<убернии>), Бахмутского и Славяно-Сербского (Екатериносл<авской> г<убернии>) и Валуйского (Воронежск<ой> г<убернии>), что составит епархию с 1 300 000 жит<елей>; 7) *Сарапульскую* — из уездов: Сарапульского, Елабужского, Мамадышского и Глазовского (Вятской г<убернии>), Мензелинского (Уфимской г<убернии>) и Бугульмского (Самарской г<убернии>) — около 1 700 000 жит<елей>; 8) Херсонско-Одесскую епархию вполне благовременно разделить на две епархии, отнеся к *Одесской* — уезды: Одесский, Ананьевский и Тираспольской, а также Балтский Подольской епархии, что составит 1 080 000 жит<елей>, а к *Херсонской* — уезды: Херсонский, Александрийский и Елизаветградский и от Таврической епархии — Днепровский, уездный город которого отстоит всего в 5 верстах от Херсона, тогда как от Симферополя он отстоит в 230 верстах. Таким образом, Херсонская епархия имела бы не менее 1 360 000 жит<елей>, а Одесская, с Балтским уездом Подольской губернии, — 1 060 000 жит<елей>.

За образованием новых 13 епархий насколько все еще значительными останутся те епархии, из которых будут выделены новые, могут служить следующие статистические данные: в Курской останется 1 230 000, а с Глуховским уездом Черниговской губ<ернии> — 1 350 000 ж<ителей>; в Воронежской, без уездов Валуйского, Задонского и Богучарского, — 1 870 000, в Черниговской, без 5 уездов, отходящих к Нежинской, Остерского (к Киевской) и Глуховского, но с Гомельским уездом от Могилевской, — 1 220 000 жит<елей>; в Киевской, без 5 уездов, отходящих для образования Уманьской губ<ернии>, но с уездами Переяславским (от Полтавской) и Остерским (от Черниговской), — 1 810 000 жит<елей>; в Полтавской, без 4 уездов, отходящих к Нежинской, и уезда Переяславского, — 1 500 000 ж<ителей>; в Подольской, без Балтского (к Одесской) и 3 уездов, отходящих к Уманьской, — 1 480 000 ж<ителей>; в Рязанской, без двух уездов, отходящих к Елецкой епархии, но с Елатомскии от Тамбовской, — 1 720 000 жит<елей>; <в> Тамбовской, без уездов: Липецкого, Усманского, Лебедянского, Елатомского и Темниковского, — 1 800 000 жит<елей>; в Орловской, без Елецкого и Ливенского, — 1 500 000 жит<елей>; в Харьковской, без 3 уездов, отходящих к Изюмской епархии, — 1 400 000 ж<ителей>; в Екатеринославской, без двух уездов, отходящих к Изюмской епархии, и Ростовского уезда, отшедшего, с Таганрогским градоначальством, к Донской, с уездами Бер-

дянским и Мелитопольским от Таврической губ<ернии>, — 1 425 000 жит<елей>; в Житомирской (бывшая Волынская), за отделением от нее 6 уездов к Владимиро-Луцкой епархии, но с уездами: Мозырским и Речицким от Минской, — 1 060 000 ж<ителей>; в Уфимской, без Мензелинского уезда, — 1 415 000 ж<ителей>; в Самарской, без Бугульминского уезда, — 1 980 000 ж<ителей>; в Саратовской, без Кузнецкого уезда, — 1 985 000 ж<ителей>; в Пензенской, с уездами Кузнецким от Саратовской епархии и Темниковским от Тамбовской, — 1 555 000 жит<елей>. Одна только Таврическая епархия осталась бы невелика, имея около 500 000 жит<елей>, но зато северные ее уезды освободились бы от дальнего своего епархиального центра, которым служит Симферополь.

Наконец, Московская епархия, в которой население давно уже превзошло два миллиона душ, должна быть разделена на две епархии: 1) Московскую из г. Москвы и уезда и 2) Коломенскую из всех прочих уездов Московской губернии. В первой по меньшей мере население доходило бы до 1 миллиона, во второй — до 1 250 000 д<уш>. В прежнее время в Москве находилась кафедра Крутицкой епархии[309], архиерею которой была подчинена значительная часть Московской епархии, тогда как прочие уезды зависели частию от Коломенской, частию от Переславской епархии[310]. Ввиду центрального положения г. Москвы относительно уездов Московской епархии, Коломенский епархиальный архиерей мог бы иметь пребывание в Москве (хотя бы на Саввинском подворье[311]) и оттуда управлять епархиею.

Средства на содержание епархии нетрудно найти. Во-1-х, число членов духовных консисторий, получающих казенное содержание, должно быть сокращено до 3-х, причем первый из них должен быть архимандрит, как представитель монашества и монастырей, второй — кафедральный протоиерей, представитель белого духовенства — и третий — ключарь — как кафедральный ризничий. Прочие члены должны получать содержание из епархиальных средств. Точно так же и число чиновников должно быть как нельзя более сокращено в духовных консисториях, что легко сделать, если архиереи будут больше сами заниматься делами, а не сдавать все дела в консисторию, благодаря которым и чиновники кормятся, и черное делается белым. Не странно ли, что обширные по населенно епархии: Вятская, Подольская, Саратовская, Волынская, Киевская, Харьковская, Полтавская и другие, насчитывающие по два миллиона и более жителей, — имеют те же штаты чиновников и членов, что и епархии: Олонецкая, Архангельская, Астраханская, Рижская, Енисейская, Якутская, Варшавская и даже Камчатская и Туркестанская, насчитывающая от 70-ти до 300 000 душ. Наконец, почему бы епархиям: Московской, Киевской, Новгородской, Петербургской, Казанской, Херсонской и Волынской — не принять на свое содержание епископов-викариев (на содержание которых ныне отпускается 12 тыс<яч> руб<лей> сер<ебром>). Епархии эти настолько богаты, что могут безбедно содержать викариев своих епархиальных владык.

При учреждении в 1885 году Екатеринбургской епархии причту Екатеринбургского собора назначено было слишком незначительное содержание — в тех,

конечно, видах, что причт собора и без того вполне обеспечен в своем содержании. Но в таком случае в каких видах получают содержание причты богатых кафедральных соборов: Вятского, Саратовского, Киевского, Самарского, Харьковского, Одесского, Нижегородского, Курского, Казанского, Пензенского, Костромского и других? Причты названных соборов обеспечены в содержании более, чем Екатеринбургский собор, и поэтому вовсе не нуждаются в казенном жалованье. Содержание кафедральных соборов должно быть всецело отнесено на местные епархиальные средства, а вовсе не на средства государственного казначейства, которое может оказывать пособие причтам разве только тех кафедральных соборов, которых действительно не может содержать епархия. Но такие соборы находятся только в Северо-Западном крае да в Сибири.

Итак, Св. Синод, вместо того чтобы утруждать Министерство финансов отпуском значительных сумм на содержание слишком щедро обеспеченных владык (конечно, не всех) и не нуждающихся в содержании кафедральных причтов, лучше позаботился[312] бы об образовании новых епархий на те суммы, которые могли бы образоваться от многих сокращений. Вместо того чтобы думать о том, как создать из архиереев богатых магнатов, Синод подумал бы об православно-русском народе, отданном на съедение расколу и ересям, для укрепления которого в православной вере и для увеличения православной паствы необходимы епископы. А их-то народ и не видит.

Окружные соборы, согласно 37-ому Апост<ольскому> правилу и постановлениям вселенских соборов, должны быть созываемы дважды в год. В Сибири, по местным условиям, они должны быть созываемы 1 раз. Решения окружных соборов должны считаться окончательными, и Св. Синод должен быть освобожден от решения судебных дел над епархиальными священно-церковнослужителями, хотя бы архимандритами и протоиереями. Только суд над архиереями, ставропигиальными архимандритами, протопресвитерами и вообще над духовенством, непосредственно подчиненным Св. Синоду, должен быть оставлен в его ведении.

Самый Св. Синод в продолжение года мог бы образовывать два присутствия: 1) из окружных митрополитов: Московского, Киевского, Новгородского, Казанского, Тобольского и Виленского, а в случае восстановления в Москве патриаршества, и из Ростовского, как старейшего архиерея в Московском духовном округе. Этот синод собирается по окончании заседаний окружных соборов, т. е. к 10 ноября, и кончает свои заседания на 6-ой неделе Великого поста. 2) Из 4 чередных архиепископов, которые собираются после недели Св. Пасхи и присутствуют по 10 ноября. Первое присутствие, состоящее из окружных митрополитов, решает, кроме текущих дел, и наиболее важные, второе — текущие дела, не требующие отлагательства, причем в важных случаях, как назначения на митрополии и проч., Синод сносится письменно с окружными митрополитами.

В случае восстановления патриаршества один из митрополитов (с званием хотя бы «Крутицкого») считается наместником патриарха и постоянным членом Синода.

Некоторые из духовных писателей, как г. Елагин, находят, что самое лучшее было бы не восстановление патриаршества в России и не увеличение числа епархий, способных-де умалить архиерейскую власть; на архиерея будут-де смотреть как на соборного протоиерея [313]. Подобного странного взгляда мы до сего времени еще не встречали. Зная ревность Н. В. Елагина по Церкви, нам невольно приходится думать, что последний его выпуск «Чего надо желать Русской церкви» был изменен и переделан согласно желания К. П. Победоносцева. Если бы в России было создано еще 100—150 архиереев, то и от такого числа сан архиерейский нисколько не унизился бы и не умалился. Скорее сан архиерейский унижается от установления в России епископов in partibus, или викариев [314], лишенных всякой власти и не имеющих никакого значения. Еще страннее со стороны г. Елагина защита «Правительствующего» Синода, который-де есть учреждение коллегиальное, а патриарх будет-де управлять единолично [315]. Откуда заимствовал г. Елагин такой взгляд? С канонами Церкви он более или менее знаком и хорошо знает, что они определяют править патриарху не единолично, а с собором епископов; что этому правилу придерживаются и в настоящее время все Православные церкви на Востоке начиная от Константинопольской и кончая Румынскою. Знает он также, что и Московские патриархи правили Всероссийскою церковию не единолично, а с собором епископов. Вероятно, у г. Елагина сложилось такое воззрение от близкого знакомства с петербургскими сановными владыками, которые при патриархах не имели бы такого значения, как теперь, и не заседали бы бессменно в Синоде.

Окружные консистории, или коллегии, при митрополитах едва ли нужно создавать, так как мы не проектируем подчинения архиепископов митрополитам и желаем им пользоваться полною самостоятельностию в управлении епархиею. Окружные соборы должны собираться временно для обсуждения дел, имеющих целию поднятие нравственного и религиозного состояния в народе, устройство церковно-приходских школ, противодействие различным расколам и ересям, обращение различных сектантов и нехристиан в православие и, наконец, рассмотрение дел духовенства по жалобам их на определения и приговоры епархиальных начальств, а равно и жалобы прихожан, церковных попечительств, братств и старост. Необеспеченность в содержании белого духовенства зависит большею частию от того, что священники, назначаемые архиереями не по призванию, смотрят на паству не как на людей, вверенных их попечению, за которых они должны, по слову Евангелия, положить свою душу [316], а как на доходную статью, и в видах корыстных стараются притеснить паству — там, где это бывает возможно (как во время венчания браков, похорон и т. д.). В некоторых епархиях, как Ставропольско-Кавказской, архиереи выработали даже таксу вознаграждения за требы, что строго воспрещено церковными канонами [317]. Сан священнический существует не для того, чтобы духовенство пользовалось всеми благами жизни, располагало бы большими денежными средствами и капиталами, собираемыми без особенного труда. Не возмутительно ли, что в епархиях: Воронежской, Подольской, Полтавской, Волынской и в некото-

рых других — находятся пастыри, арендующие десятки тысяч десятин земли! Могут ли там священники быть приходскими пастырями? В Воронежской епархии есть, между прочим, такой священник [318], который еще недавно арендовал 24 000 десятин земли, теперь же владеющий имением, стоящим 400 тысяч рублей сер<ебром> и имеющий свою «собственную» домовую церковь, но не имеющий паствы. Между тем сан священнический есть бремя, возлагаемое на себя лицами, желающими служить Церкви и направлять к духовной жизни свою паству. А для этого пастырю необходимо прилагать все свои старания, чтобы научить паству религии, не допустить ее до нравственного упадка, стараться своею жизнию служить примером для пасомых, укреплять колеблющихся в вере, учить детей и как можно менее заботиться о материальных интересах. Нет сомнения, что паства, руководимая достойным пастырем, сумеет достойно вознаградить священнослужителя и позаботиться об его быте. Такой взгляд, между прочим, разделяет один из достойнейших иерархов Русской церкви, высокопреосвященный Амвросий, архиепископ Харьковский. Будучи в Москве приходским священником церкви Казанской Божией Матери у Калужских ворот [319], он собрал между своими прихожанами более 200 тысяч рублей на построение величественного храма Богоматери, который 21 сентября 1886 года был им освящен [320]. Но много ли в России таких иерархов, как преосв<ященный> Амвросий? Нашелся ли в России хотя один из иерархов, кроме Амвросия, который решился бы взять пример с покойного архиепископа Ростовско-Ярославского Нила и обратился бы к пастве с просьбой обеспечить быт духовенства? Насколько православный русский народ привержен к Церкви и любит свой храм, может служить примером паства ярославская. Приснопамятный архиепископ Нил, с 1869 по 1874 год, собрал в обеспечение быта духовенства 1 200 000 (один миллион двести тысяч) рублей и, кроме того, подвиг свою паству устроить дома для 640 причтов. А между тем такого-то достойного из достойнейших архипастыря, любимца народа и духовенства, обратившего до 25 тысяч язычников ко Христу во время управления Иркутскою епархиею, «Правительствующий» Синод в продолжение 16 лет не представлял ни к каким наградам. Это не то что нынешний преемник Нила [321], который за закрытие церквей в Олонецкой епархии и за то, что первый показал русским архипастырям пример, что с народом в этом случае не следует церемониться, получил и богатую и знатнейшую, после митрополий, епархию, и богатый монастырь в управление, и сан архиепископа.

Не сами ли архиереи, стремящиеся к занятию богатых кафедр, подают и священникам примеры хлопотать о перемещениях на более доходные и обеспеченные в материальном отношении места? Ни в одном гражданском учреждении, ни в одном министерстве никогда не допускалось и не допускается, чтобы чиновники, хотя бы и обремененные семейством, подавали своему начальству прошения о перемещении на места с бóльшими окладами. У белого духовенства это возможно. Некоторые из них подают даже прошения такого рода, что просят переместить их в такое-то село, близ которого они владеют землею или

снимают ее в аренду. Есть священники, которые тем и занимаются, что скитаются всю свою жизнь из одного прихода в другой. И духовная власть этому потворствует.

Архиереи, потворствующее белому духовенству в его неправых и корыстных деяниях, берут на себя великий ответ перед Богом. Назначение в приходы часто совершенно негодных пастырей ведет паству к погибели.

Если архиереи не признают прихожан способными избирать себе пастырей, в таком случае они берут на себя трудную обязанность назначать прихожанам пастыря вполне достойного, в противном случае они обязаны при первой серьезной просьбе прихожан немедленно удалить негодного священнослужителя и не поселять раздоры, распри, а иногда и раскол в приходе.

В минувшем 1885 году Св. Синод разрешил епархиальным архиереям определять диаконов к приходским церквам, имеющим 700 душ, сократив число псаломщиков при одном священнике до одного[322]. В некоторых епархиях архиереи поспешили произвести новое распределение приходом, представив штаты на учреждение Синода. Насколько недобросовестно сделано новое расписание приходов, едва ли нужно много распространяться. Ведь штаты к церквам составлялись чиновниками духовных консисторий, которые, без сомнения, не могли не поревновать о себе. Возьмите, напр<имер>, штаты в Пермской епархии. Там есть приходы в 2000 душ при 2 священниках, но зато есть в 2500 и более душ при одном. Об Литовской епархии мы имели случай выше говорить. А между тем Литовское епархиальное начальство, удерживающее целую губернию (Гродненскую) в своих руках, не совестится жаловаться на происки римской пропаганды. Но кто знает, может быть, польские ксендзы совершают требы у православных по их приглашению и требованию, благодаря невниманию Литовской епархиальной власти к интересам паствы, которая часто не имеет возможности найти пастыря, взявшего <бы> на себя бремя пасти паству в 4000 и более душ, разбросанную на десятки верст.

Св. Синоду следует строжайше подтвердить епархиальным архиереям, чтобы в тех приходах, в которых имеется 2000 душ прихожан, непременно были бы назначены вторые священники, а где 3000 душ — чтобы было три священника и т. д. В сельских приходах диаконы далеко не так нужны, как это предполагают. Диакон лишен возможности совершать требы, между тем, в больших, разбросанных на далекое расстояние приходах, имеющих иногда не более тысячи душ, неимение второго священника сильно ощущается. Назначение в такие приходы вторых священников необходимо и не было бы обременительно для прихода в 1000—1500 душ, если бы, во-первых, число псаломщиков было бы как можно более ограничено, во-вторых, чтобы более одного диакона при приходских церквах не состояло и чтобы в клиросном пении[323] участвовали как в приходских церквах, так в особенности в соборах все нечередные священники и диаконы[324]. Что касается до законоучительства в церковно-приходских школах, то возлагать эту обязанность исключительно на одних диаконов непростительно и неканонично. Священник, а не кто иной должен быть законоучите-

лем, и он не имеет права отказываться от дарового учительства, если он пошел на служение Церкви по призванию. Бывший униатский священник Иоанн Наумович[325] в этом случае должен бы служить примером тем русским священникам, которые отказываются от дарового учительства и ограничиваются одним требоисправлением[326].

В уездных городах необходимо возвысить должность соборных протоиереев, подчинив им в административном и судебном отношениях (по малым проступкам) все уездное духовенство. Как скоро духовенство увидит, что власть над ним находится не за 500—800 верст, а иногда и более, оно будет во всяком случае исправнее и будет менее навлекать на себя нарекания. Жалованья приходскому духовенству тех епархий, в которых оно производится из государственного казначейства, следует прекратить окончательно, особенно в тех епархиях, где духовенство наделено богатыми плодородными землями, как Подольской, Волынской, Холмской, Черниговской, Киевской, и имеет большие приходы. Прекратить жалованье следует, конечно, не сразу, а по выбытии тех лиц, которые его получают. В тех же бедных приходах, в которых число душ не превышает 500, можно было бы выдавать ежегодное пособие причту (не назначая его в жалованье) таким образом: на 400 душ — 200 р<ублей>; на 300 душ — 300 р<ублей>, на 200 и менее — 400 р<ублей>. Между тем в настоящее время мы видим, что там, где духовенство вполне обеспечено в содержании, там, где, ввиду плодородия земли, оно занято полевыми и хозяйственными работами, приобретает в собственность и берет в аренду сотни и тысячи десятин земли, там, где оно живет в полном довольстве и разъезжает в каретах и дормезах[327], там-то оно и пользуется содержанием от казны. В этих епархиях мало пастырей по призванию. Там же, где сельское духовенство бедно, где земля крайне неудобна для обработки и едва покрывает расходы, там-то[328] казна или мало, или совсем не приходит на помощь. Говорим об епархиях: Новгородской, Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Псковской; отчасти: Смоленской, Калужской, Владимирской, Московской, Ярославской и Тверской.

Бедное сельское духовенство из епархий, окружающих Москву, бежит в нее и ищет себе мест в тех приходских храмах, где богатые и ленивые священники с академическим образованием избегают совершать требы у небогатых прихожан и совершают лишь служения по праздничным и воскресным дням, лето же проводят на дачах. В настоящее время митрополит Московский изъявил желание определить к некоторым церквам, в которых служат наймиты, унижающие свой сан, вторых священников. Но так как и эти священники будут, вероятно, из академиков, то улучшений для прихода ожидать трудно. Ранние наймиты-священники[329] останутся по-прежнему. Чтобы покончить с ними, необходимо епархиальному начальству воспретить определение к церквам заштатных священников под строгою ответственностию настоятелей приходских церквей.

Немалую помощь могли бы оказать духовенству бедных приходов церковные попечительства, если бы им дозволено было по приговору прихожан располагать частию церковных сумм на пособие своему причту. Вообще, нынешние

сборы с церквей, возросшие до страшных размеров с учреждением епархиальных съездов духовенства[330], давно следует прекратить. Эти сборы, нисколько не разнствующие от простого обирательства или грабительства церквей на сословные учреждения духовенства, ничем не могут быть оправданы. Народу, жертвующему свои гроши в пользу и на содержание своего храма, нет никакого дела до училищ духовных и тем более женских, двери которых открываются для детей инососсловных родителей лишь за большую плату. Народ охотнее стал бы жертвовать эти деньги на церковно-приходские школы, нежели на духовные училища. Если бы большинство народа знало, куда идут его гроши, жертвуемые им в пользу храма, то, вероятно, церковные доходы более чем на половину сократились бы. То же можно сказать и о свечном сборе. Не довольствуясь обирательством церквей, духовенство занялось выделкою и продажею недоброкачественных свечей, и с этою целию устроило чуть не во всех епархиях свечные заводы.

На всех без исключения епархиальных заводах духовенство выделывает восковые свечи с примесью церезина[331] и других недоброкачественных веществ, от чего свечи скоро сгорают, тают в руках, коптят и портят величественные и богатые иконостасы. Распорядителями подобных заводов состоят большею частию так называемое «передовое» священство, пропитанное лжелиберализмом. Все эти управители нажили не один десяток тысяч рублей, понастроили дома, дачи и т. д. Все это небезызвестно епархиальным начальствам, в том числе и Московскому.

Многие из церковных старост, оберегающие церковные иконостасы и иконопись от копоти и порчи, отказывались первоначально брать свечи с епархиальных заводов ввиду их явной недоброкачественности, но епархиальное начальство угрозами отрешения от должности и наложением денежного штрафа (ни на каком, впрочем, законе не основанного) на церковных старост и даже на церковь, заставила церковных старост покупать по дорогой цене явно недоброкачественные свечи. Так называемый свечной вопрос и до сего времени вносит разлад между церковными старостами и прихожанами, с одной стороны, и духовенством — с другой. Правителям Церкви власть имущим следовало бы не забывать тех церковных канонов, которые строго воспрещают духовенству заниматься мирскими делами, торговлею и промыслами[332]. Духовенство имеет обыкновение ссылаться на то, что многие свечеторговцы снабжают церкви недоброкачественными свечами и что свечи, выделываемые на епархиальных заводах, лучше. Эта ссылка имеет мало основания. Торговцы церезиновых свеч продают их от 12 до 15, тогда как духовенство те же свечи продает от 27 до 34 рубл<ей>. Первые не выдают их за свечи чисто восковые, последние же — напротив. Таким образом, выходит, что духовенство мало того что производит явно недоброкачественные свечи, но оно в то же время обманывает народ

Епархиальные свечные заводы должны быть повсеместно уничтожены или в крайнем случае должны быть сданы в руки частных лиц, а еще лучше переданы монастырям. Известно, напр<имер>, что восковые свечи, вырабатываемые

на монастырских заводах, хотя бы в лавре Сергиевой и Гефсиманском скиту[333], никогда еще не вызвали нареканий относительно их недоброкачественности. Пусть обители (а еще лучше архиерейские дома) снабжают сами церкви свечами и вырученные за это деньги употребляют на общеепархиальные нужды. Покровительствовать же грубой и дерзкой эксплоатации пастырей-свечеторговцев со стороны Св. Синода и епархиальных архиереев крайне непростительно. Отстранение церковных старост от должностей за то, что они не берут восковые свечи на епархиальных заводах, мало того что несправедливо, но оно в то же время затрогивает самолюбие всего прихода и вызывает справедливое негодование прихожан на епархиальное начальство, которое решается отстранить от должности избранное и доверенное от всего прихода лицо за то, что оно воспротивилось грубой эксплоатации и пожелало охранить вверенный его попечению храм от порчи и копоти. Те, которые, в видах антицерковных и антигосударственных, хлопочут об разладе между духовенством и народом, достигают этого вполне. Если увеличивающийся раскол, штунда и другие ереси угрожают православной Русской церкви отпадением от нее значительного числа чад, то безнаказанность духовенства, поощрение его к занятию мирскими делами и торговлею, поставление к церквам негодных пастырей и прочие неблаговидные меры, принимаемые епархиальными начальствами и консисториями, служат к религиозному охлаждению прихожан.

Относительно монастырских доходов нельзя не обратить внимание, что в лаврах и некоторых монастырях настоятели пользуются слишком большими доходами. Как лавры, так и большинство богатых монастырей, благодаря архиерейским хлопотам, поступили в непосредственное управление архиереев. Выше мы говорили, насколько неудобно для обители иметь своим настоятелем архиерея, хотя бы и викарного. Для того чтобы не лишать архиерея известного дохода от кафедрального или приписного к архиепископскому дому монастыря, можно было бы установить правило, чтобы братские доходы делились не на 3 части, а на 6 частей, из которых 4 части поступали в пользу братии, 1 часть — в пользу архимандрита, который должен быть настоятелем монастыря, но не наместником, и одна часть — в пользу архиерея. Можно, конечно, обложить незначительным сбором в пользу архиерея некоторые обители в епархии, если действительно содержание епархиального архиерея будет недостаточно.

Как епархиальные архиереи (конечно, не все), так и Св. Синод смотрят на православные русские монастыри исключительно как на доходную статью. В этих видах их рука никогда не останавливалась ни перед припискою монастыря к архиерейскому дому, ни перед упразднением обители. Часто в видах корыстных упраздняются монастыри очень богатые, располагающие большими доходами и средствами. Так поступлено было в 1870 году с Макарьевским Желтоводским монастырем[334] Нижегородской епархии, восстановленным в 1884 году; так поступлено и с богатым астраханским Спасо-Преображенским монастырем, упраздненным в 1872 г.[335] Этот древний и единственный в г. Астрахани мужский монастырь, любимый астраханцами, имел капитал в 649 485 р<уб-

лей> сер<ебром>, от которого пользовался процентами и, кроме того, получал ежегодно дохода от угодий, ему принадлежащих, до 4400 р<ублей>, не считая других доходов и казенного жалованья (1190 р<ублей>). Монастырь славился благотворительностию. В продолжение последних десяти лет он пожертвовал Астраханским духовной семинарии и училищу 43 538 р<ублей>, епархиальному женскому училищу — 28 700 р<ублей>, архиерейскому дому — 10 857 р<ублей>, духовной консистории — 12 658 р<ублей>, монастырям Астрах<анской> епархии — 10 000 р<ублей>, попечительству о бедных духовного звания — 1430 р<ублей> и в пользу духовенства бедных сектантских сел — 1385 р<ублей>; всего около 108 600 р<ублей>. Тем не менее монастырь этот был упразднен по представлению преосв<ященного> Феогноста, ввиду будто бы «малочисленности монашествующих». На самом же деле на малочисленность братства нельзя было жаловаться. Так как монастырь был второклассный, то по штату братии полагалось: 1 архимандрит, 7 иеромонахов, 4 диакона и проч. Состояло же в 1872 году: 1 архимандрит, 6 иеромонахов и 1 священник, 3 иеродиакона и 1 диакон (см. «Астрах<анские> епарх<иальные> вед<омости>» 1886 года №№ 8, 9, 10, 11)[336] — одним словом, то самое число, которое полагалось по штату. Тем не менее Св. Синод имел смелость делать представление на Высочайшее имя об упразднении монастыря «за малочисленностию братии», а на деле — чтобы завладеть монастырскими капиталами. Вскоре после упразднения монастыря преосв<ященный> Феогност, ввиду обрушившегося на него негодования паствы за упразднение обители, был перемещен в Каменец-Подольск, а затем во Владимир, где он испросил себе в управление богатый Боголюбов монастырь, не довольствуясь доходами с Суздальского архиерейского в Москве подворья, которое, по окончании предпринятых в последние годы перестроек, будет по меньшей мере приносить 50 000 р<ублей>, если не более, дохода.

<О СТАВРОПИГИАЛЬНЫХ МОНАСТЫРЯХ>

Между состоявшимся в последнее время определениями Св. Синода, еще не утвержденными Высочайшею властию, существует между прочим постановление о перечислении ставропигиальных монастырей: Соловецкого[337] и ростовского Спасо-Яковлевского Димитриева[338] — в епархиальное ведомство. Так как в Ростовском монастыре почивают мощи святителей Ростовских Иакова и Димитрия, то не только возвращение этой обители в епархиальное ведомство, но и поручение этого монастыря в управление Ростовского викария, как это предполагают, было бы весьма желательно. Но совсем в другом виде представляется дело перечисления знаменитой Соловецкой обители в епархиальное ведомство. Хотя обитель эта и не близко отстоит от Москвы, тем не менее сношение с нею не настолько затруднительно, чтобы Синодальная контора не могла иметь надзор за обителью. В зимнее время, т. е. с 1 октября по 1 мая, обитель разобщена с территориею, так что и Архангельская епархиальная власть лишена возможности ею управлять. По числу своей братии, по свое-

му благосостоянию Соловецкая обитель нисколько не уступает лаврам и имеет под собою ныне 4 обители[339]. Если Св. Синод желает разрушить благосостояние обители и направить монастырские доходы на затеи белого духовенства и на епархиальное женское училище, то передача обители Архангельскому епархиальному начальству и духовной консистории, вероятно, состоится. В противном случае обитель останется под управлением духовного собора и будет пользоваться прежнею самостоятельностию в управлении. Относительно московских ставропигиальных обителей нельзя не выразить желания, чтобы монастырь Заиконоспасский[340], в котором помещается духовное училище, был перечислен в епархиальное ведомство, в видах единства власти. А то выходит, что самый монастырь не зависит от митрополита, а помещающееся рядом с настоятельскими келиями в стенах монастыря духовное училище находится в подчинении ему. Обитель эта, если бы находилась в одном ведомстве, могла бы иметь громадный доход, ибо располагает значительными торговыми помещениями, до сего времени не ремонтируемыми и которыми ныне завладело духовное училище. С другой стороны, знатнейшие в епархии монастыри: Чудов[341] и Саввино-Сторожевский — должны быть возвращены непосредственно Св. Синоду и по-прежнему наименованы ставропигиальными[342]. Будучи под непосредственным управлением Московского митрополита, Чудов монастырь пришел в настоящее время в довольно бедственное положение. Братии в монастыре слишком мало: едва наберется 10 иеромонахов, хотя монастырь первоклассный и при нем полагается архиерейский дом. Из московских монастырей Чудов пользуется наименьшим доходом и богослужение в нем, за отсутствием в стенах монастыря настоятеля, — идет слишком небрежно, далеко не по уставу монастырей. Что касается Саввинского монастыря, то еще более заглазное управление викария[343] этою, любимою Царя Алексия Михайловича, обителью[344] не может принести ей пользы. И этой обители нужен архимандрит-настоятель.

Кафедральным монастырем Московской епархии следовало бы сделать богатый Богоявленский[345], предоставив викарию иметь в нем пребывание и получать на свое содержание 3—4000 р<ублей>. Второму же викарию оставить пользоваться доходами с Саввинского подворья (на Тверской)[346], которое, как бывшее подворье Крутицких архиереев, следовало бы перечислить в непосредственное ведение Московской кафедры, тем более что сама обитель никакими доходами от него не пользуется.

<ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ ЕПАРХИЙ>

Возвращаемся к епархиям. Из числа 56 епархий в России 39 с самого почти что основания носят название по епархиальному городу, в котором была основана и ныне находится кафедра (кроме Полоцкой, кафедра которой в 1841 г. перенесена в Витебск[347]); 2, носившие прежде название по области (Сибирская, ныне Тобольская, и Кавказская, ныне Ставропольская), носят те-

перь названия по епархиальному городу; 7 носят название по губернии или области: Волынская, Олонецкая, Донская, Херсонская, Таврическая, Енисейская и Туркестанская; 2 — Литовская и Камчатская — по несуществующим ныне областям; 1 — Варшавская — в недавнее время приняла название Холмско-Варшавской [348], по существовавшей с 1220—1651 г. православной епархии Холмской, воссоединенной в 1875 году из унии, и, наконец, 5 — Ростовская, Переяславская, Суздальская, Белгородская и Холмогорская — носят название по губернским городам, в которые перенесены архиерейские кафедры.

С самых древних времен Православная церковь руководствуется правилом, чтобы епархии, а с ними вместе и архиереи именовались по епархиальному городу, в котором положено основание епархии. Если по каким-либо причинам архиерейский престол будет перенесен в другой город (по случаю разорения или неприятельского нашествия, землетрясения и проч.), то епархия не теряет прежнего своего имени, так как впоследствии может быть возвращена на прежнее место. Этот мудрый церковный обычай, напоминающий населению о древности местной Церкви или епархии, до сего времени строго соблюдается церковию Константинопольскою и прочими Православными церквами Востока. Только церковь Русская под управлением «Правительствующего» Синода от него отступила [349]. Конечно, не по уважению к славной истории церкви Русской, а дабы изгладить память о знаменитых в истории церкви епархиях: Ростовской, Переяславской, Суздальской, Белгородской, Синод наградил их чуждыми им названиями. С таким же презрением отнесся он и к епархиям в Грузии, назвав их по областям. Наконец, создавая новые епархии, Синод и здесь не решился дать им то название, которое они заслуживали и которое могло бы свидетельствовать о древности православного христианства в России и напоминало бы нам важнейшее историческое событие — Крещение Руси. Ни одна Православная церковь на Востоке не могла бы ожидать от высшего своего духовного правительства такого неуважения к старине, как правительство Русской церкви. Обратимся к названиям епархий.

Епархии: Ростовская и Владимиро-Волынская, учрежденные в первые века христианства в России, при Св. Равноапостольном князе Владимире в 991—992 год<ах>, — свидетельствуют своими именами о древности христианства не только в России, но и в отдельных русских областях: Ростовской и Волынской. Епархии же: Ярославская и Волыно-Житомирская ни о древности христианства, ни о каком-либо другом важном событии в России ничего не свидетельствуют. Русская церковь знает и почитает святителей и чудотворцев, просиявших на Ростовской кафедре: Леонтия, Исаию, Игнатия, Иакова, Феодора, Димитрия, — знает, что первый Московский патриарх, страдалец-патриот Иов, был возведен на патриаршую кафедру Москвы из Ростова, знает, что и родоначальник царей русских, Филарет, был Ростовским митрополитом; знает также, что твердый ревнитель православия и охранитель церковных имуществ — Арсений Мациевич — тоже был митрополитом в Ростове. И тем не менее, не без воли Св. Синода, столь славная в летописях Церкви и государства Русского —

митрополия Ростовская лишена своего названия, как будто за какую-либо вину или за измену православию.

Владимиро-Волынская епархия отпала в унию в 1635 году. По возвращении из унии епархию эту, ввиду ее древности и в уважение к памяти Равноапостольного Владимира, основавшего Владимир-Волынский и учредившего в нем епископию[350], епархию эту следовало бы включить в состав русской иерархии. Но «Правительствующий» Синод нашел нужным образовать на Волыни епархию под именем «Волыно-Житомирской», но при этом епископу предоставлено было иметь кафедру в г. Остроге, затем кафедру перенесли в местечко Ан<н>ополь, оттуда в Почаев и только в 1840 году в Житомир[351]. Теперь в ополяченном Житомире есть величественный кафедральный собор, никогда не наполняемый народом[352], есть и кафедра латинского бискупа[353].

Кроме Владимирской епархии на Волыни, существовала в древности и другая епархия — Владимирская на Клязьме, учрежденная в 1214 году, епископы которой именовались то «Владимирскими и Суздальскими», то «Суздальскими и Владимирскими». В 1299 году во Владимир на Клязьме была перенесена Всероссийская митрополия из Киева, которая и находилась во Владимире до 1325 года, т. е. до перенесения ее в Москву. С тех пор Владимир до 1748 года находился в зависимости от Московских архипастырей и считался вторым кафедральным городом в их епархии. В 1748 году Владимирская епархия была возобновлена, но отдельно от Суздальской, которая, быв учреждена в 1347 году, продолжала свое существование. В 1788 году Владимирская епархия была упразднена и присоединена к Суздальской, иерархи которой стали именоваться «Суздальскими и Владимирскими». В 1799 году кафедра Суздальской епархии перенесена во Владимир и самая епархия переименована во Владимирскую. По здравому смыслу и логике выходит, что Суздальская епархия, до сего времени не упраздненная, продолжает свое существование под именем Владимирской, которая в свою очередь прекратила свое существование в 1788 году. Кажется, что пора бы «Правительствующему» Синоду исправить столь грубую ошибку и, по крайней мере, называть епархию Суздальскую «Владимиро-Суздальскою»[354], что свидетельствовало бы как о древности Суздальской епархии, так и о древнем значении Владимира, как города, в котором была основана святительская кафедра ранее Суздальской, а впоследствии в нем помещался, хотя и кратковременно, престол Всероссийской митрополии. В 1072 году в Переяславле, на Днепре, была основана епископская кафедра, существовавшая до 1269 года, когда, по случаю разорения от нашествия татар, она была упразднена. Император Петр I возобновил в 1700 году Переяславскую епархию; с тех пор епархия эта не прекращала своего существования. В истории Церкви и государства Русского Переяславская епархия имела немалое значение. В Переяславле Малороссия в 1654 г. присягнула на подданство России. В первые годы христианства в России в нем жили Киевские митрополиты, затем Переяславские епископы были их наместниками до 1733 года; в этом году Переяславская епархия сделана была самостоятельною, но ненадолго, ибо в 1785 году снова

подчинена Киевским митрополитам, впрочем, только до 1799 года, с которого она существует как самостоятельная[355]. В 1803 г. «Правительствующий» Синод испросил Высочайшее разрешение па переименование Переяславской епархии в Полтавскую, не представив при этом никаких серьезных доводов. Наконец, в 1847 году Переяславская кафедра перенесена в Полтаву. В Переяславле остался архиерейский дом, который приносить немалые доходы так называемому «Полтавскому» епископу. Кроме вышеупомянутых, разжалованных «Правительствующим» Синодом епархий есть и еще одна, именно епархия Белгородская, получившая при своем основании в 1667 году степень митрополии. Эта епархия, имеющая немалое историческое значение, славная своими святителями (в числе которых св. Иоасаф Горленко прославлен нетлением), с 1799 года носит чуждое ей название Курской. В 1834 году и самая кафедра Белгородская перенесена в Курск. Таким образом, в Русской церкви продолжают существовать епархии: Ростовская, Суздальская, Переяславская, Белгородская, ибо до сего времени они не упразднены и не прекратили ряда епископского, а равно и не присоединены к какой-либо другой епархии. Между тем «Правительствующему» Синоду, которому не дороги ни древние святительские кафедры, ни древние обычаи, ни старые обряды, ни многое другое, что свидетельствовало бы о древности, благоугодно именовать вышеназванные епархии чуждыми им именами.

Кроме названных епархий существуют еще пять переименованных Синодом епархий: 1) Холмогорская, которая переименована после 49-летнего существования в Архангельскую; 2) Сибирская, переименованная в 1768 г. в Тобольскую; 3) Кавказская, переименованная в 1886 г. в Ставропольскую; 4) Новочеркасская, переименованная в 1842 г. в Донскую и, наконец, 5) Варшавская, переименованная в 1875 г. в Холмско-Варшавскую.

Переименование Сибирской епархии в Тобольскую совершилось вполне канонично. Сибирская епархия, как основанная в г. Тобольске, с самого своего учреждения должна была называться по городу, а не по области. С учреждением же в Сибири самостоятельной Иркутской епархии Сибирская епархия перестала уже быть митрополиею для всей Сибири. Точно так же совершилось вполне правильно и переименование епархии Кавказской, которая приняла название Ставропольской по городу, в котором основана и ныне пребывает архиерейская кафедра. Странно только, что Синод при учреждении в 1842 году архиерейской кафедры в Ставрополе придал этой кафедре название Кавказской. В деле переименования Варшавской епархии в Холмско-Варшавскую Русский «Правительствующий» Синод в первый раз в своей исторической жизни явил знакомство с историею Русской церкви. Вспомнив, что воссоединенная из унии епархия Холмская, основанная в начале XIII века, была православною и существовала до 1651 года, он, соединив ее с Варшавскою, предоставил последней наименование Холмско-Варшавской, что свидетельствует как о древности Холмской епархии, так и о древности православного христианства в Привислянском крае.

При учреждении в 1829 году архиерейской кафедры в Новочеркасске Прав<ительствующий> Синод назвал епархию Новочеркасскою, но спустя 13 лет ему понадобилось переименовать эту епархию в Донскую, так как незадолго перед тем, при учреждении новых епархий, он, т. е. Синод, перестал руководствоваться правилом, что епархии должны носить название по городу, а не по области, в которых может быть несколько епархий. Так образовалась в 1828 году епархия Петрозаводская, названная Олонецкою, именем упраздненной в 1786 году епископии, существовавшей всего 22 года; в 1837 году — Одесская, названная Херсонскою по губернскому городу, в котором не было назначено пребывание архиерею; в 1840 году — Камчатская, которая с этого времени переменила уже 3 резиденции (Новоархангельск, Якутск и Благовещенск) и, вероятно, снова куда-нибудь будет перенесена; Литовская, принятая в 1839 году из унии, сохранила то название, которое ей дано было польскими королями и папой римским в видах политических и которое оставлено за епархию и «Правительствующим» Синодом. Зато пребывающий в Вильне латинский епископ носит вполне канонически свое название по городу, именно «Виленского», которое более приличествовало бы православной епархии Виленской и ее архиепископу, но которые названы Литовскими. В 1859 году учреждена в Симферополе епархия Таврическая, в 1861 г. — Красноярская, названная неправильно Енисейскою[356], и, наконец, в 1871 году в г. Верном[357] — Туркестанская. Так как кафедра для Туркестанской епархии еще не установилась вполне (в настоящее время она в Верном) и, вероятно, будет впоследствии находиться в Ташкенте, то название Туркестанской может быть за нею удержано.

Из поименованных епархий Таврическая — заслуживает наибольшего внимания. В ее пределах впервые возникло христианство в России. Еще в 302 году там, в древнем Херсонессе, учреждена была епископская кафедра, которую последовательно занимали семь священномучеников[358]. В 842 г. Херсонесская епархия уже имела степень митрополии[359]; ее святитель в 988 году крестил Св. Владимира Равноапостольного, который, приняв в Херсонессе Св. Крещение, отправился в Киев крестить землю Русскую. В 325 году в Крыму возникла и другая епархия — Готфийская и Кефайская, пережившая Херсонесскую, которая с падением Херсонесса[360] соединена была в 1394 году с Готфийскою. Только в 1786 году, когда Крымский полуостров вошел в состав Российской империи, Готфийская митрополия закончила ряд своих святителей благочестивым митрополитом Игнатием[361], нетленно почивающим в Мариупольском соборе. Третия епархия в Крыму была Сурожская, или Сугдайская, существовавшая с 715 по 1485 год, и, наконец, четвертая — Воспоро-Киммерийская, в Керчи, — с 325 по 1470 год.

Чем же ознаменовалось православие в Крыму под державою Российскою и под управлением Всероссийского Синода? Тем, что «Правительствующий» Синод более 70 лет не считал нужным восстановить православное епископство в Крыму, что, учредив в Симферополе в 1859 году архиерейскую кафедру, он, вместо того чтобы воскресить в памяти русского народа место крещения Рав-

ноапостольного Владимира, назвав епархию Херсонскою или, по крайней мере, Херсонесо-Таврическою (название, которое с 1786—1797 год носили Екатеринославские иерархи), назвал ее чуждым для нее именем «Таврической», которое нисколько не свидетельствует ни о древности в Крыму православных, ни христианства, ни епископства, существовавшего 1485 лет, ни о том значении, которым пользуется Херсонесс-Таврический в России. Таврическо-Симферопольская епархия свидетельствует лишь то, что епархия эта есть новая и что о существовании в Крыму православных епархий Синоду ничего не было известно. Недаром «с разрешения Московского духовного цензурного комитета» печатается «История Русской церкви», в которой повествуется, что св. Владимир не крестился в Херсонессе [362].

<НЕКАНОНИЧНЫЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ СВ. СИНОДА>

Перейдем теперь к произвольным распоряжениям Св. Синода. Лишив русское, грузинское и молдавское (в Бессарабии) духовенство права ношения камилавок и скуфей, Синод обратил их в награду [363], предоставив одним привилегию укрывать свою голову от холода и зноя, а других подвергая опасности простуды и солнечного удара. Вообще награждать духовенство какими бы то ни было отличиями антиканонично и противно всем церковным постановлениям. Ни в одной Православной церкви на Востоке никаких наград для духовенства никогда не существовало и не существует. Награды вносят в среду духовенства зависть, честолюбие, гордость, тщеславие, подличанье пред власть имеющими. Это ли желательно православной Русской церкви? Не признавая за «Правительствующим» Синодом права жаловать духовенству какие бы то ни было награды, мы нисколько не отрицаем в этом права Верховной власти. Известно, что греческие Императоры предоставляли патриархам и митрополитам разные отличия. Еще в древности некоторые из архимандритов знатнейших русских монастырей носили митры, пожалованные русскими монархами [364]. Император Петр I разрешил ношение митр всем русским архимандритам. Император Павел I пожаловал митры протопресвитерам московских соборов: Успенского и Благовещенского [365]. Императоры: Александр I, Николай I, Александр II и ныне благополучно царствующий император [366] — жаловали митры и другим лицам белого духовенства. Воля Государя Императора в этом случае священна. Но имеет ли право Св. Синод, а тем более епархиальные архиереи ходатайствовать об награждении митрами лиц белого духовенства? Какие церковные каноны предоставляют Синоду Русскому творить такое бесчиние? Не берет ли он в этом случае пример с Армяно-григорианской церкви, в которой все попы носят митры? Не «Правительствующий» ли Синод в 1883 г. циркулярным указом отнесся к епархиальным архиереям, дабы они не делали представлений об награждении белого духовенства митрами, а между тем не далее как 1 мая 1886 г. К. П. Победоносцев вносит ходатайство Московского митрополи-

та о награждении протоиерея собора Христа Спасителя Алексея Соколова митрою. Какие особые услуги для Церкви оказал о. Соколов, никому неизвестно, но всем известно, что г. Победоносцев находится с ним в особой дружбе и что дом г. Победоносцева, находящийся в Хлебном переулке в Москве, состоял в продолжение десятка лет в приходе о. Соколова[367]. Но это не всё. Известно, что протопресвитеры Успенского собора занимали всегда первое место после архимандритов, прочие же протоиереи, хотя бы и кафедральные, становились после игуменов. Некоторым из успенских протопресвитеров Синод, за долговременное нахождение в этом сане, предоставлял право становиться после второклассных архимандритов. Такое преимущество предоставлено было протопресвитеру Дм. Новскому в 1866 году, после того как он десять лет пробыл протопресвитером[368]. В настоящее время Московский митрополит Иоанникий предоставил любимцу г. Победоносцева о. Соколову занимать место выше всех третьеклассных архимандритов и становиться даже выше представителей Восточных патриархов в Москве. Как назвать такой поступок нынешнего Московского митрополита, для которого ни церковные предания, ни церковные обычаи, ни церковные авторитеты (как его же знаменитые предшественники) не имеют никакого значения? Если уже ломать церковные обычаи, то ломать так, чтобы от них ничего не осталось! Недаром в Успенском соборе на выкличках стало уже возглашаться имя епископа Мисаила[369], чего прежде никогда не бывало. Недаром Московский митрополит проявляет такое неуважение и к кремлевскому Архангельскому собору — усыпальнице царей русских[370], — в котором он не является ни на одну царскую панихиду, а 21 сентября, в день свв. мучеников князя Михаила и боярина Феодора Черниговских[371], митрополит оставил собор без архиерейского служения, чего никогда не бывало. За незамещением в соборе в продолжение 7 месяцев протоиерейской вакации и за неимением достаточного числа священников служит в этот день один иерей. Полюбуйтесь, Св. Синод, на деяние своего сочлена!

Многие из православных никак не могут понять, почему при архиерейских служениях, на выкличках или многолетиях, возглашаются протодиаконами «преосвященные митрополиты, архиепископы и епископы», но патриархи не поминаются. Если «Правительствующий» Синод не признаёт Восточных патриархов, в таком случае для чего же он имеет с ними общение, если же признаёт, то не имеет никакого основания пренебрегать их поминовением в одно время с митрополитами, архиепископами и епископами. Поступая иначе, он становится вразрез с Церковным уставом и вносит бесчиние. Не напрасно в этом многие видят неуважение к апостольским престолам патриаршим и даже к Вселенскому — Константинопольскому, который есть Матерь церкви Русской. Непоминовение патриархов, без сомнения, происходит оттого, что Русский Синод считает себя, подобно римскому папе, чуть не главою всей Православной церкви, хотя место или степень даже первоприсутствующего в Русском Синоде митрополита должна следовать после последнего митрополита Иерусалимской патриархии. Незаконному, антиканоническому институту всегда свойственно

мнить об себе больше, нежели стоит. Такой институт не останавливается перед нарушением законов, ибо мнит себя стоящим выше всех законов.

На всем православном Востоке и в епархиях, ближайших к Киеву, а также в Северо-Западных, архиереи носят митры с водруженным вверху крестом. В Сибири право это дано Тобольскому архипастырю[372]. С какого года в Московской митрополии архиереи перестали носить митры с водруженным крестом, трудно сказать. Вероятно, это последовало при русских царях. Может быть, Московские патриархи находили неудобным, чтобы *в их присутствии* архиереи носили митры с крестом, а архиереи Московские обычай ввели и у себя в епархиях. Как бы то ни было, но из 56 епархий в России только в 13<-ти> архиереи придерживаются восточному обычаю и носят митру с крестом; во всех прочих епархиях *даже митрополиты* не пользуются этим правом. Тогда как архимандриты в Киеве носят их с крестами. На такой непорядок в русской иерархии давно пора обратить внимание. Всем епархиальным архиереям следует дать право ношения митры с крестом[373], и в то же время воспретить архимандритам южных епархий иметь кресты на митрах. Конечно, при служении с патриархами архиереи должны снимать с митры крест.

Во всех епархиях в России необходимо при кафедральных соборах иметь иерокириксов[374], т. е. проповедников, которые объезжали бы епархии, навещали бы местности, зараженные расколом и ересями, и старались бы направить совращенных на истинный путь. Содержание иерокириксов должно быть отнесено на местные епархиальные средства. Но где же взять эти средства? Об этом нужно спросить Московского митрополита и тех иерархов, которые так легко умеют их отыскивать, только не умеют направлять на дела православия и благотворительности. Ведь на те суммы, которые архиереи и духовенство отобрало от монастырей и церквей, на построение величественных и роскошных зданий епархиальных женских училищ, для православной паствы совершенно бесполезных, можно было бы открыть и содержать целые десятки православных епархий со всею епархиальною администрациею.

<О ЖЕНСКИХ ДУХОВНЫХ УЧИЛИЩАХ>

Не неблаговременно остановиться на так называемых женских духовных училищах. — Прежде всего: что это за слово «женский»? Разве *женщины* там воспитываются, и разве нет у нас слов «девица», «девичий»? У нас вошло <в обычай> и монастыри девичьи называть «женскими». Но для кого собственно назначаются эти монастыри? — Для девиц, посвятивших себя Христу. К девицам примыкают в меньшинстве и вдовы, как бы возвращающиеся к девичьей жизни, но в этих монастырях не бывает «женщин». Прислушайтесь к старообрядству. Здесь при слове о монастыре вы никогда не услышите слова «женский», а всегда — «девичий». Забытая, забитая и поруганная старина была умнее нас.

Чего мы желаем от воспитанниц духовных училищ? — Быть матушками-попадьями, быть интеллигенцией-водительницей женской половины приходской

общины, вверяемой их мужьям. Но города не нуждаются в таких водительницах и учительницах. Города сами воспитывают для себя попадей, и городская среда поглотит всякое иное образование. Для городских попадей воспитание в духовном питомнике пропадает даром.

Вот для села, для сельского населения матушка-попадия, как нравственная воспитательница, есть желанная и для него, и для Церкви и Государства благодетельница.

Чем тверды и Церковь, и Государство? — Доброй нравственностью народа, верой в Царя, верностью Престолу и Царствующему Дому. А эту нравственность, эту веру и верность воспитывает благочестие, то есть верность правилам и уставам Церкви, что вообще называется церковностью, а на практике осуществляется твердостью или точным исполнением обрядности и постов, что собственно народ и понимает под именем благочестия. В прежние времена, когда русский народ от царя и первосвятителя до нищего и пономаря[375] был до суровости церковным, когда не власть, а сам народ был строгим блюстителем среди себя этой церковности, этой верности обрядам и постам, этому, как тогда называли, благочестию, и когда сам народ из среды своей ставил над собой пастырей, хотя и подчиненных народному контролю, но которых народу совсем не нужно было держать в руках, а которые, напротив, сами своим примером и словом, словом, положим, грубым и невежественным, но зато сердечным, становились твердыми охранителями церковности в своей пастве: в то время, говорим, эта церковность, это благочестие, эта твердость относительно обряда и постов не требовала за собой ухода. Эта верность церковности сама властно и неизгладимо с молоком матерей внедрялась в каждого члена великой русской семьи. Теперь — дело иное. Теперь будущие пастыри, в лице родителей уже оторванные от народа, воспитываются в питомниках, недоступных народному контролю и прямо противонародных. Теперь не народ ставит над собой по-русски православных пастырей, а власть, и ставит хотя и тоже русских по рождению, но вывороченных наизнанку, при выветривании из них в казенных питомниках русского духа. Теперь хозяином обрядности в приходских храмах не народ, а духовенство, а потому и обрядность пошла везде казенная. Где ныне та обрядность, которою семь веков жил и которою жив был русский православный народ? Сравните обрядность ц<ерквей> единоверческих с обрядностью ц<ерквей> православных, и вы поймете разность между обрядностью народной и обрядностью казенной. Равно и посты. Посты народ и сейчас вправе соблюдать, но требовать этого от пастырей, нет, шалишь! Это время прошло! И вот, ежели в приходских православных храмах обряд, став казенным, утратил для народа свою обаятельность, то в духовно-девичьих питомниках он потерял и остатки того, чем он любезен русскому православному сердцу. Не говорим о сокращениях. Как истые «православные», мы против этого не протестуем. Но в духовных училищах самая дикция из церковнославянской стала чисто разговорною. «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей»[376] и т. д. — читает воспитанница, а в дикции ее так и слышится умаливание, но не Всевышнего,

а нянюшки или мамаши: «Прости меня, милая нянюшка, это я сделала не нарочно, вперед обещаюсь быть осторожной»: вот что слышится в той дикции, которая, быв тщательнейше отделана в умилостивляющем и ласкающем тоне, нечего и говорить, очень, очень мила, но — не церковна. Что до постов, то их не знают эти питомники будущих приходских матушек. Недаром эти питомники так строго закрыты для посторонних обзираний, что даже священникам, родителям и родственникам обучающихся, этого не дозволяется. Этих двух характерностей довольно, чтобы понять, что такая воспитанница не может стать помощницей мужа, матушкой-воспитательницей церковности в женских сердцах своей общины. За службой в сельском храме эта матушка сама прежде других соскучится; а в посты, вместо того чтобы, не истощая аппетита мужа единообразностью яствы, каждый раз приготовить для него постный, но вкусный обед, она сама, воспитавшая в себе отвращение от постных блюд и незнакомая с самым материалом для последних, сама станет в пост перед мужем, как ее прародительница Ева перед Адамом, с скоромом[377] в глазах, руках и во рту. Нет! И для Православия, и для Престола лучше бы было, если бы у них одной язвой и одной из зараз было меньше. Те же училища, но подчините народному контролю, о, тогда и плоды от них будут благословенные.

Очень и очень было бы благовременно прекратить поборы с церквей на затеи и предприятия не только бесполезные, но и вредные. Пора и земским собраниям возвысить голос против повсеместного и ничем не стесняемого обирательства церквей. Приходам нужны церковно-приходские школы, богадельни, приюты, больницы, но они лишены возможности что-либо сделать полезное, ибо полезные предприятия прихожан часто разбиваются о противодействие епархиальной власти, что мы еще недавно видели в вопросе о церковных попечительствах в Москве. Епархиальные начальства, считая почему-то церковные деньги своею собственностию, предпочитают тратить их на свои сословные нужды, чем тратить эти деньги на общецерковные нужды. Оттого-то церковь Русская и стонет под игом духовенства, не проявляет никакой жизненности и делает даже людей религиозных индифферентными.

<О МИТРОПОЛИЧЬЕМ ТЩЕСЛАВИИ>

За несколько дней до Священного Коронования Их Императорских Величеств в Москве состоялось заседание Св. Правит<ельствующего> Синода. На нем было принято чудовищное предложение митрополита С.-Петербургского возбранить митрополитам Московскому и Киевскому иметь в день Свящ<енного> Коронования, как во время совершения этого обряда и благодарственного молебствия, так и во время совершения литургии, посохи. Это право присвоил себе в Успенском соборе митрополит Петербургский Исидор. Посох, или жезл архиерейский, вручаемый при хиротонии епископу, — есть знамение пастырской власти *в его епархии*. На каком же каноническом основании мог «Правительствующий» Синод лишить Московского митрополита ар-

хипастырской власти в его епархии и предоставить эту власть Петербургскому, которого московская паства не знает, да и первенства его не признает? Ведь первоприсутствующим в Петербургском Синоде может и не быть митрополит Новгородский, а какой-либо другой. Место первоприсутствующего может занимать даже простой епископ, который тем не менее должен знать свое место в священнослужении и не восхищать чести и прав, канонами и правилами церковными ему не предоставленных. Архиереи, при служении с старейшим архипастырем, могут и не иметь посоха, как это содержится на Востоке, но нигде еще не было примера, чтобы архипастырь низшей кафедры (как Новгородской) лишал архипастыря старшей кафедры (как Московской) права в его же епархии употреблять посох.

<О ПОЧЕТНЫХ ЧЛЕНАХ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ>

1 октября 1886 года на годичном акте в Московской духовной академии избран почетным членом академии высокочтимый митрополит Киевский Платон. Каким образом Московская духовная академия, насчитывавшая еще в 1885 г. 35 почетных членов, до сего времени не вспомнила об старейшем русском иерархе, об его ученых трудах и об выказанной им ревности к насаждению православия в Прибалтийском крае, трудно сказать. Но зато она не забыла о попах-свечеторговцах, как о. Преображенском[378] и ему подобных, которые избраны ею в почетные члены Академии в 1884 году, вероятно, за неусыпную деятельность их на свечном заводе и за умение строить дачи при с. Пушкине[379]. Чести быть избранным в почетные члены Московской духовной академии, ранее высокопр<еосвященного> Платона, удостоился и известный всей Москве епископ Мисаил «ввиду близости к Московскому митрополиту», как придумал сказать акт за неимением за ним особых ученых трудов. Ведь нельзя же Московской духовной академии считать учеными трудами речи преосв<ященного> Калужского Владимира, которые любимец митрополита Иоанникия произносит иногда, выдавая за свои, в чем не раз был печатно изобличен[380]. Замечательно, что в одно время с епископом Мисаилом Московская духовная академия избрала своим почетным членом бывшего своего ректора, ученейшего архиепископа Сергия Кишиневского[381], уже 26 лет святительствующего. Быть почетным членом Московской духовной академии в настоящее время далеко не составляет чести.

<О ХРИСТИАНСКОЙ ПРИСЛУГЕ У ЕВРЕЕВ>

В последнем Всеподданнейшем отчете обер-прокурора Св. Синода за 1884 год между прочим сообщается: «Нравственным недугом в крестьянском быту служит нарушение закона, запрещающего евреям держать у себя христиан для домашних услуг[382]. В Подольской епархии нарушение этого закона доведено до крайних размеров. Почти вся прислуга у евреев в местечках,

селах и деревнях состоит исключительно из христиан, и притом большею частию молодых девиц, от 13 до 18 лет. Состоя у евреев почти в кабале за долги родных или по другим каким-либо причинам, они бывают свободны от занятий только в еврейские праздники, не посещают церкви и даже не ходят иногда к исповеди» [383]. Сообщая эти всем известные факты, К. П. Победоносцев ни слова не говорит о том, какие приняты по этому поводу меры и снесся ли он по этому случаю с г. министром внутренних дел. Что г. Победоносцев в этом случае ничего не предпринял, в этом нельзя сомневаться. По крайней мере всем известно, что евреи продолжают держать христианскую прислугу, развращают ее, подрывают в ней всякое религиозное настроение, надсмехаются над христианскими таинствами и над верованием во Христа и проч. Если существует закон, воспрещающий жидам держать христианскую прислугу, то он должен быть исполняем и евреи, виновные в нарушении его, должны быть подвергаемы строгой ответственности. Епархиальные архиереи и священники, поставленные пасти стадо Христово, имеют возможность не только обращаться, но и напоминать гражданским властям о соблюдении этого закона и, в случае потворства, оказываемого евреям в держании христианской прислуги со стороны гражданских властей, доводить до обер-прокурора Св. Синода. В особенности в этом случае должны следить сельские пастыри. Они должны наблюдать за нравственностью своей паствы, предохранять ее от соблазнов и укреплять в религии. Священники имеют возможность не только предупреждать свою паству, чтобы никто из нее не шел ни на работу, ни на какое-либо другое служение к евреям, что противно закону христианскому и государственному, но в то же время просить содействия и гражданских властей [384]. Кажется, пора К. П. Победоносцеву, так ревнующему о благе Св. Церкви в своих всеподданнейших отчетах, перейти к делу и просить, от имени Св. Синода церкви Русской, защитить православный русский народ от жидовского ига, за что вся православная Россия скажет ему — спасибо!

<ГОНЕНИЯ НА СВЯЩЕННИКА ИОАННА ВЕРХОВСКОГО>

Коснувшись в начале книги Единоверческой церкви [385], нельзя оставить без внимания прискорбного случая с бывшим священником петербургской единоверческой Николаевской, что на Захарьевской улице, церкви о. Иоанном Верховским.

В сентябре 1884 года в Киеве, как известно, происходил собор юго-западных архипастырей под председательством митрополита Киевского Платона. На этот собор о. Верховский отправил записку, в которой высказал довольно резко о нуждах церкви Русской вообще и в частности об нуждах единоверия. В этой записке, не преданной гласности [386], нет ничего, что шло бы вразрез с учением Православной церкви. Митрополит Платон записку о. Верховского передал в Синод, в котором она вызвала сильное и резкое осуждение. Нашлись в Синоде иерархи, которые предложили о. Верховского заточить в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь [387]. Услужливые синодские чиновники сообщили

о том о. Верховскому, и последний, зная хорошо, что Петербургский Синод не в первый раз преследует лиц, настаивающих на соблюдении церковных канонов, решился бежать за границу. Нам кажутся лишенными всякого смысла отзывы об оставлении о. Верховским отечества и паствы. «Бегство пастыря от паствы не может быть оправдано», — говорят они, а Определение Синода от 21 июня 1885 года прямо называют преступлением пред Государством и Церковию. Но от паствы ли бежал о. Верховский? Он бежал от преждевременной смерти в Суздальской тюрьме.

Из-за границы о. Верховский отправил к своему архипастырю, митрополиту Петербургскому, письмо[388], в котором, между прочим, высказал, что он, по обстоятельствам, известным митрополиту, «вынужден был оставить отечество, но не с тем, чтобы отделиться от священноначалия отечественной Церкви, а для того, чтобы сохранить свободу православных убеждений и слова. Желая навсегда пребыть сыном сей духовно его породившей и священством облагодатствовавшей Святой Матери», о. Верховский просит митрополита, «повелеть писать его по-прежнему в клировых ведомостях[389] Никольско-Миловской церкви[390] находящимся в отсутствии»... Это-то письмо и было поставлено о. Верховскому в вину. О. Верховский заявляет чистосердечно, что он «вынужден был оставить отечество не с тем, чтобы отделиться от священноначалия отечественной Церкви, а для того, чтобы сохранить свободу православных убеждений и слова», что он «желает навсегда пребыть духовным сыном породившей и священством облагодатствовавшей Св. Матери-Церкви»[391], а ему отвечают, что он «продолжает оставаться нераскаянно упорным в своей преданности расколу», обвиняют его в принятии благословения от раскольничьего епископа, во вступлении в общение с ним, в бегстве к раскольникам и, наконец, в клевете «на Православную церковь и ее священноначалие», что он-де «нагло утверждает, что священноначалие Православной (т. е. Русской) церкви препятствует ему или кому бы то ни было свободно выражать православные убеждения»... «Нераскаянный и упорный в своей преданности расколу» не станет утверждать, что он желает «навсегда пребыть сыном духовно-породившей и священством облагодатствовавшей Церкви». Переходящие в расколы, римско-католичество, лютеранство и в другие секты, твердо отстаивают свои *новые* религиозные убеждения и верования и никогда не станут утверждать, что они *навсегда пребудут верными Православной церкви.* Что утверждает «Правительствующий» Синод, то не только лишено всякого значения, но и здравой логики. Доказательств, что о. Верховский вступил в общение с раскольниками и даже принимал благословение от их епископов, у Синода нет и не было. Если бы это было так, то о. Верховскому незачем было выражать свою верность православию; он мог бы прямо перейти в раскол и стать их пастырем. Русскому Синоду возлагать такую клевету на пастыря, в раскол не перешедшего[392], непростительно, под чьим бы влиянием он ни находился. Что о. Верховский на первых порах нашел гостеприимство в Мануиловском скиту, был в Белой Кринице и в других местах, населенных старообрядцами[393], то это нисколько не свидетельствует, что он имел общение с рас-

кольниками, как нисколько не свидетельствует, что митрополит Киевский Платон, посетивший в 1884 году римско-католический костел в Киевской губернии и произнесший там речь, имел общение с латинскою иерархиею. Посещение о. Верховским старообрядческих скитов и монастырей скорее свидетельствует, что он желал подробнее ознакомиться с деятельностью старообрядцев. Все сочинения о. Верховского дышат примирительным направлением. Он находит, что только посредством увеличения прав единоверия можно скорее всего привлечь старообрядцев и беспоповцев в лоно Православной церкви. Можно оспаривать его убеждения, но нельзя отрицать, что о. Верховский ревнует о православии и окончательном падении раскола. Заявление митрополита Исидора, что о. Верховский в своих сочинениях оправдывал и восхвалял раскол, несправедливо. Если бы это было так, то к чему ему было бы делать заявления о своей привязанности к Православной церкви? Никаких печатанных сочинений, в которых восхвалялся бы и оправдывался раскол, о. Верховский в России не издавал, да если бы и пожелал издать, то духовная цензура не пропустила бы. О. Верховский, подобно многим ревнителям Церкви, может осуждать священноначалие господствующей Церкви, что оно отказывается от пересмотра богослужебных книг, что оно лишено канонически составленного церковного представительства, что оно отстраняет мирян от участия в церковно-приходских делах, что оно развращает духовенство, награждая их разными духовными и светскими наградами, обращая этим священников в правительственных чиновников, что оно подрывает благосостояние обителей, поручая их управлению архиереев, что оно спешно и с сокращениями отправляет не только всенощные и утрени, но и литургию и нарушает этим Церковный устав и проч. Все это и без о. Верховского известно всем ревнителям Церкви, в том числе и г. Победоносцеву. Но о. Верховский «дерзнул, — как говорит Определение Св. Синода, — произнести хулу на Православную церковь и на ее священноначалие, что священноначалие Православной (т. е. Русской) церкви препятствует ему или кому бы то ни было свободно выражать православные убеждения». Странно, что Св. Синод отрицает факты, им самим совершенные, и правила цензуры, им самим установленные. Известные богословские сочинения Филарета, архиеписк<опа> Черниговского, и многие другие не были пропущены Св. Синодом. Точно так же подвергнуто было задержанию 1-е издание V тома его «Истории Русской церкви» [394], в которой преосв<ященный> Филарет высказал немало правды по поводу учреждения «Правительствующего» Синода. Еще недавно (в 1882 и 1884 <г>г.) три предостережения, данные газете «Восток», и затем приостановление оной на 4 месяца и подчинение ее Временным правилам о цензуре [395] засвидетельствовало как нельзя лучше, что твердо и ревностно отстаивать интересы Православной церкви в России было всегда запрещено, а г. Победоносцевым энергически преследуется. Самые предостережения, данные газете «Восток», последовали исключительно по просьбе К. П. Победоносцева, что он едва ли станет отрицать. В статьях же, помещенных в газете «Восток», ни оберпрокур<ор> Св. Синода, ни русские иерархи никогда не встречали неуважения

к Православной церкви и к ее догматам!.. Газета «Восток» всегда ревностно и твердо, иногда даже резко, стояла за церковные каноны и постановления и нападала на тех, которые их нарушают!.. Она близко принимала к сердцу интересы православных единоверных России народов, в том числе и Грузии, которых стараются обрусить, довели их Церковь до самого плачевного состояния и запрещают иногда молиться на их родном языке. Это-то было вменено ей в вину, под именем «запальчивых и резких суждений». Мало того, самая защита Церкви признана была вредною, ибо газета подчинена Временным правилам о цензуре, что Высочайше разрешено применять лишь к изданиям, которые замечены Главным управлением по делам печати во вредном направлении. Газета же «Восток», как гласят все данные ей предостережения, в этом не признана, а между тем, из угождения к г. Победоносцеву, она подчинена Временным правилам о цензуре. Г. Победоносцев считается одним из опытных государственных мужей в России. А между тем действия его, часто вызываемые вспыльчивостию, или наговором лиц, или влиянием только что прочитанного, но не ясно понятого, мало говорят об его опытности. В прежнее время Главное управление печати прощало резкие выражения консервативных органов печати, которые, как у И. С. Аксакова или М. Н. Каткова (до 1870<-х> годов), вызывались глубоким патриотизмом и любовию к России и к ее Монарху. Теперь же подобные выражения преследуются, что можно было видеть на предостережениях, данных газетам «Восток» и «Русь»[396]. Но зато какое обширное поле для развращения православного народа русского предоставлено шантажным и грязным газетам. Когда покойный И. С. Аксаков обратил внимание в газете «Русь» на известное порнографическое сочинение бывшего целовальника Пастухова «Разбойник Чуркин», рассказ, который помещался в «Московском листке»[397] еженедельно, в продолжение четырех лет, то на него были вылиты в названном Листке целые ушаты самых грязных помоев[398]. И честность, и патриотизм редактора и даже его супруги А<нны> Ф<едоровны> (бывшей любимой фрейлины в Бозе почившей императрицы Марии Александровны) были задеты. Вся печать и все лучшее русское общество было поругано и оскорблено выходкою кабачника. Все питали надежду, что Главное управление прекратит навсегда развращающую русский народ газету, под влиянием рассказов которой не раз были совершены убийства и другие преступления (о чем свидетельствуют дела в Московск<ом> окружном суде). Но г. Пастухов вышел сух из воды. Ему не сделано было даже замечания. Только посоветовали окончить скорее рассказ «Разбойник Чуркин», что он в продолжение месяца и сделал[399]. К. П. Победоносцев, — считавшийся другом И. С. Аксакова, не решился его защитить, признавая, что «Московск<ий> листок» хотя и развращает общество, но зато не занимается внутренними вопросами, а потому он-де есть орган полезный. Об отношениях цензуры, хотя бы московской, к органам, подвергнутым Временным правилам о печати, стоит поговорить. Это верх самоуправства. Так, первый выпуск «Востока», вышедший 1 августа 1884 года, после приостановки, был продержан в цензуре 13 дней; третий выпуск задержан за статью, неблагоприятно отзывавшуюся об австрий-

ской политике[400]. Когда же, по жалобе редактора, разрешено было снять арест с задержанного №, то цензура потребовала изменения числа, так чтобы вместо 15 сентября было поставлено 1 октября[401]. Впоследствии редактору было объявлено: 1) чтобы он не смел касаться ни Грузии, ни Грузинской церкви под угрозою невыпуска № газеты; 2) чтобы ничего не писал об действиях по управлению Московской митрополии и Грузинского экзархата и не касался ни Московского митрополита, ни Грузинского экзарха; 3) чтобы не осуждал поведение армянской интеллигенции, так как армянская народность более требует защиты и покровительства России, нежели грузинская. Так как редактор отказался следовать подобным антигосударственным указаниям, то издание газеты должно было приостановиться.

Главное управление по делам печати, как выше сказано, приостановило газету «Восток» из угождения к г. Победоносцеву, точно так же и Св. Синод из угождения к тому же г. Победоносцеву и митрополиту Исидору объявил лишенным сана о. Верховского, пастыря, более 40 лет прослужившего церкви Православной в священном сане. Калязинский священник И. Беллюстин, отрицавший в печати святость Св. Равноапостольного Константина, глумившийся над Вселенскими соборами и проводивший относительно к Церкви протестантские взгляды и мысли, подвергнут был Синодом лишь трехмесячному запрещению в священнослужении[402], а о. Верховского, который никогда и нигде не заявлял ни протестантских, ни латинских мыслей и воззрений, Правительств<ующий> Синод объявил лишенным священного сана. Между тем он до сего времени не лишил священного сана чудовского иеромонаха Пафнутия, бежавшего к раскольникам[403], ни многих других русских священников, служащих и доныне у раскольников. Как понять эту двойственность со стороны Св. Синода и справедливость г. Победоносцева, якобы ревнующего о благе Православной церкви? Нравственно ли выставлять на позор всей Православной церкви пастыря, к которому с уважением относились все единоверцы и многие старообрядцы, в котором знавшие его православные видели человека, поставившего себе целью привлечь старообрядцев, чрез единоверие, в лоно Православной церкви, дело-де есть достохвальное. Но как полагает К. П. Победоносцев, как взглянули на решение «Правит<ельствующего>» Синода православные, единоверцы и старообрядцы? Первые признали, что г. Победоносцев действовал из личной неприязни к о. Верховскому и опозорил Православную церковь, оклеветав в бегстве к раскольникам православного священника, чего он и не думал делать; вторые не могли не быть возмущены несправедливостью правительства к их пастырю, которого они любили и уважали, третьи рады тому, что Синод объявил изверженным о. Верховского, ибо это укрепляет их верования.

Между тем о. Верховский, которого Синод обвинил «в принятии благословения от раскольничьих лжеепископов, которых он признал-де законными пастырями и вступил в общение с раскольниками, участвуя по разрешению Белокриницкого лжемитрополита в их богослужениях», обозревши раскольничьи скиты и монастыри, удалился в Саксонию, где и проживает, не имея никакого

общения с раскольниками и с самого удаления из России ни разу *не быв участником в их богослужениях.* На Св. Синоде лежит тяжкий грех, что он, исполняя желание г. Победоносцева, объявил лишенным сана пастыря за проступки, изобретенные Канцелярией последнего.

ГРУЗИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ ПОД УПРАВЛЕНИЕМ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО ВСЕРОССИЙСКОГО СИНОДА [404]

Грузинский народ в Иверии, Имеретии, Мингрелии и Гурии, добровольно признав над собою подданство России [405], никогда не имел в виду подчинить свою древнюю Церковь, тринадцать почти что веков бывшую автокефальною [406], мертвенно-бюрократическому управлению Русского Правительствующего Синода. Между тем Синод в 1811 году лишил автокефалии церковь Иверскую, разрушил в продолжение десяти лет (с 1811 по 1821 г.) почти что всю православную иерархию в Иверии, Имеретии, Мингрелии и Гурии, уничтожил более 20 епархий и разогнал до 15 архиереев, разослав их по монастырям глубокого Севера, где они, не перенеся сурового климата (как в Олонецкой губ<ернии>), вскоре окончили свою земную жизнь. Та же участь постигла и верховного архипастыря Грузии, Католикоса и патриарха Мцхетского и Иверского, Антония II, сосланного в Нижний Новгород [407]. Такое вопиющее беззаконие над Грузинскою церковию никогда не может быть забыто грузинским народом. Будущие правдивые историки Русской церкви ее дерзкий, грубый и антиканонический поступок относительно церкви Грузинской опишут в самых черных и неприглядных красках, и деятельность Петербургского Синода представится еще более позорною, нежели сколько известно до сего времени.

Бедствующая ныне церковь Иверская, лишенная принадлежащих ей церковных имуществ, взятых в казну за ничтожное вознаграждение благодаря представлению бывшего русского экзарха в Грузии митрополита Исидора [408], ныне Петербургского, находится теперь в более плачевном положении, нежели тогда, когда Грузия вела непрестанные войны с персами, турками и кавказскими горцами. Тогда у нее были епископы, которые воодушевляли народ против врагов православия и народности; теперь же она едва насчитывает 4 епископа [409].

За что наказываемся? — спрашивают единогласно грузины и так же единогласно отвечают: за православие и беззаветную преданность. Над этим вопросом и ответом следовало бы серьезно задуматься передовому русскому обществу и дальновидным государственным людям, которым давно пора понять, что, равнодушно взирая на обезоружение грузин в борьбе за существование, на атрофирование их национальных сил, они допускают ослабление единоверного народа, послужившего точкою опоры для утверждения русского владычества на Кавказе, составляющего незыблемый его оплот и до сего времени, несмотря на вопиющие несправедливости, столь преданного единоверной России, что всякому иноземному государству пришлось бы добрую половину грузин истребить, прежде чем утвердить свою власть над другою половиною. С другой сто-

роны, они подобным образом действия приготовляют в будущем торжество армян, которые благодаря систематическому держанию грузин в черном теле начинают опережать их, тогда как до призвания русских грузинами на Кавказ, они, несмотря на дарованное грузинскими царями полное равноправие с последними, далеко отставали от них и играли такую незавидную роль, что сами стыдились своего национального имени. В настоящее время армянские школы растут, Армянская церковь процветает, армянская интеллигенция уже мечтает об воссоздании царства Гаэстана [410] и об включении в Великую Армению Грузии, Имеретии, Мингрелии, Абхазии и Гурии; в Тифлисе армянский язык начинает господствовать, вытесняя грузинский [411]. Бедные грузины начинают терять свой язык, а с ним и религию.

Известный русский публицист, генерал Фадеев, немало лет проведший на Кавказе [412], обратил в 1884 году внимание русского общества на систематическое угнетение грузинской народности русскими экзархами в Грузии и покровительство, оказываемое русскими враждебной России армянской народности. Статьи г. Фадеева, помещенные в «Руси» [413] и в «Востоке», а равно и статьи об грузинах, помещенные в последнем, было воспрещено перепечатывать всем кавказским газетам [414], причем, по распоряжению экзарха Грузии Павла, нумера названных газет были отобраны от получавших их священников Грузии, на которых обрушилось негодование епархиальной власти.

В настоящее время грузины обращаются к русским государственным деятелям, потому что бесполезно взывать к Петербургской Духовной коллегии. Она, подобно Бурбонам, имеет слабость ничего не забывать и ничему не научаться [415]. Петербургский Синод не захотел понять, в продолжение почти что целого столетия, той простой истины, что православие, соединяющее Грузию с Россиею неразрывнейшими узами, так крепко срослось в течение пятнадцати веков с их языком, национальными особенностями, что, угнетая последние, непременно парализируешь и первое, а парализируя православие, ослабляешь и нравственные братские узы, соединяющая грузин с их единоверными братьями — русскими, и что подобным образом действия оказывается преступным не только перед Богом и народом, но и перед государством.

Назначение Синодом на пост русского экзарха в Грузии Кишиневского архиепископа Павла, закрывшего 333 церкви в Бессарабии и насильственно вводившего русский язык в молдавские церкви, которого направление и неприязнь ко всему нерусскому хорошо было известно заседающим в Петербургской Духовной коллегии владыкам и К. П. Победоносцеву (который, вероятно, не получает от архиеп<ископа> Павла тех подарков — фруктами и вином [416], которые получает г. Ненарокомов, управляющий его Канцеляриею [417], и прочие синодские чиновники), ясно свидетельствует, что «Правительствующий» Синод, к несчастию, не имеет вовсе намерения отказаться от прежней гибельной системы управления Грузинскою церковию.

В сентябре сего 1886 года К. П. Победоносцев посетил Тифлис, был у словоохотливого и многоглаголивого русского экзарха Павла и у некоторых русских

сановников. Много грузин желали посетить обер-прокурора и привести ему немало примеров систематического угнетения и притеснения грузинского духовенства, народа и его школ со стороны архиепископа Павла. Но последний сумел убедить К. П. П<обедонос>цева, чтобы он не доверял грузинам, которые-де имеют (?!) азиатскую привычку лгать и мечтают об обособлении от России и об создании Армяно-Грузинского царства. Иначе сказать, грузины мечтают об армянском иге, что все равно сказать, что русские в Западной России мечтают перейти из-под власти единоверного им народа русского под власть заполонивших Западный край — жидов. Экзарх в разговоре с Победоносцевым очернил всех грузинских архиереев.

Чего же на самом деле желают грузины?

1) Остаться навсегда крепко и неразрывно связанными с единоверною Россиею и с ее могущественным народом.

2) Отменить то вопиющее беззаконие, по которому автономное устройство древней Иверской церкви, санкцированное Шестым Вселенским собором, было уничтожено в 1811 году простым канцелярским распоряжением Правительствующего Синода, состоявшего тогда из 3 архиереев и двух протоиереев [418] — церковию Русскою не уполномоченных.

В 1783 году Грузия приняла добровольно подданство России. Вслед за тем Правительствующий Синод, презирая все каноны и постановления Церкви, постановил «Католикосу Мцхетскому и Иверскому Антонию I быть членом Св. Всероссийского Синода и занимать ему пятое место в священнослужении», т. е. после Петербургского митрополита. Такого рода распоряжение в каноническом смысле было полным беззаконием, которое не могло быть признано автокефальными Церквами за совершившийся факт. Впрочем, этот письменный акт остался до 1811 года без применения. Католикосы Грузии продолжали по-прежнему управлять Грузинскою церковию.

Наступил злополучный для Грузинской церкви 1811 год.

В этом году Правительствующий Синод решил довершить свое беззаконие. Он вызвал в Россию патриарха Мцхетского Антония II и назначил в Тифлис экзархом Ахтальского архиепископа Варлаама, с званием митрополита «Мцхетского и Иверского», хотя Мцхетскую кафедру до самой своей кончины в 1828 г. продолжал занимать Католикос Антоний II, именуясь патриархом «Мцхетским и Иверским». Вскоре за тем началась высылка в Россию административным порядком грузинских архиереев и упразднение епархий. Из 13 епархий в Грузии оставлены две; в Имеретии из 5 епархий — одна, в Мингрелии из 4 епархий — одна и, наконец, оставлена одна епархия в Гурии. В 1817 году экзарх Грузии Варлаам уволен, и с этого времени стали уже назначаться в Грузию экзархами русские архиереи, проводники мертвенно-бюрократического управления в Церкви. Несмотря на то что в Грузинской церкви оставалось всего 5 епархий, русские экзархи нашли нужным убавить и это число. Так, в 1837 г. упразднена единственная епархия в Кахетии — Бодбийско-Алавердская, в 1871 г. — Мингрельская, которая, впрочем, восстановлена в 1885 году, но зато упразднена Гурий-

ская. Наконец, возобновленная в 1851 году епархия Абхазская с 1869 года стоит вакантною.

Лишить автокефалии самостоятельную Церковь ни одна из Православных церквей не может. Это дело Вселенского собора[419]. Грузинская церковь настолько же полноправна, насколько полноправна церковь Русская, или Антиохийская, или Румынская. Сама автокефальная Церковь может, конечно, лишить себя по политическим видам автономии. Примеры тому мы видели на автокефальных церквах: Тырновской, Печской и Охридской, добровольно подчинившихся вселенскому Константинопольскому престолу[420], от которого они получили автокефалию. Но церковь Грузинская добровольно священноначалию церкви Русской не подчинялась. Никакого соборного акта по этому поводу от патриарха Мцхетского и иерархов: Иверских, Имеретинских, Мингрельских и Гурийских — не исходило. Таким образом, «Правительствующий» Синод лишил самопроизвольно и антиканонично церковь Иверскую — автокефалии, основываясь на праве сильного. Этим страшным и небывалым в Православной церкви беззаконием он отменил постановление Шестого Вселенского собора, санкцировавшего автокефалию церкви Иверской. Петербургская Духовная коллегия из 3 архиереев и 2 протоиереев отменила постановление 170 святителей, собиравшихся на 6-й Вселенский собор в 680 году. Это ли не беззаконие и не самоуправство! Вот почему грузины и требуют восстановления автономии своей Церкви, ибо, во-1-х, они не могут помириться с совершившимся над их Церковию страшным беззаконием; во-2-х, они желают снять пятно с священноначалия церкви Русской.

Каким же образом признать автономию Иверской церкви? Сам «Правительствующий» Синод никогда не решится признать и отменить свое беззаконие, не для этого он его и совершил. Да и как он признает автономию Грузинской церкви, которая в каноническом смысле продолжает существовать, ибо от Иверской церкви, как мы выше сказали, никогда и никакого соборного акта о соединении или присоединении к церкви Русской не исходило. Остается, следовательно, верховному священноначалию Русской церкви игнорировать антиканоническое решение «Правительствующего» Синода 1811 года и, как беззаконное, противное всем канонам и постановлениям Церкви, считать несуществующим.

Остается теперь услышать голос Иверской церкви или ее иерархии. Но где же искать ее иерархии? Некогда цветущая Иверская церковь, обнимавшая нынешние пределы губерний: Тифлисской и Кутаисской, насчитывавшая до 40—50 архипастырей, в настоящее время имеет всего 4 грузинских епископа*, из которых только двое имеют епархии, один в Имеретии, другой — в Мингрелии[421]. Всею же Ивериею правит русский экзарх Грузии Павел, твердою рукою подавляющий жизнь Церкви, принимающий самые крутые меры к обрусению грузин, которые, не слыша в своем храме родного языка[422], перестают в него

* *Епископ в Осетии — русский.* <Имеется в виду преосв. Иосиф (Чениговский), еп. Владикавказский и Моздокский с 13.XI.1875 г. по 22.VII.1888 г. — *А. Д.*>

ходить и охладевают к религии, которая в продолжение 15 веков сохранила их национальность и не превратила их в турок и персов.

К. П. Победоносцев, бывши недавно в Грузии, мог убедиться в крайне печальном и бедственном положении церкви Грузинской. Пусть не думает он, что до такого страшно-бедственного положения довели ее грузины! Этот грех всецело падает на священноначалие церкви Русской, которая назначала и назначает своих экзархов в Грузию не для того, чтобы они жили жизнию народною, чтобы они охраняли предания и обычаи древней Иверской церкви, вели ее к процветанию и благосостоянию и старались залечить глубокие раны, нанесенные ей нашествием и с севера и юга мусульманских полчищ. Нет, русские экзархи приходят в Грузию как хищные волки [423] — разорять и грабить церковь Грузинскую. По милости митрополита Исидора она лишилась своих богатых церковных имуществ, по милости экзарха Павла она лишается священнейшего своего сокровища — родного языка.

Грузины просят и желают, чтобы обруситель и ненавистник Грузии экзарх Павел был убран из Грузии и чтобы экзархом был назначен достойнейший и ученейший архипастырь Кутаиса и всей Имеретии Гавриил, 27 лет святительствующий [424].

3) Чтобы в Иверии было не менее 2 епархий: одна — в Карталинии, в Тифлисе; другая — в Кахетии, в Бодбии, близ Сигнаха, — для уездов Телавского и Сигнавского, Закатальского округа и Дагестана. Для этого Алавердское епископство должно быть преобразовано в самостоятельную епархию.

4) Чтобы в Гурии вновь было возобновлено епископство для уездов Батумского, Артвинского и Озургетского и в Чкондии была бы сохранена кафедра Мингрельского епископа, перенесенная в Поти, где с 1 октября в соборе уже стали служить по-русски [425].

5) Чтобы грузинским епархиям: Мингрельской, Гурийской и Сухумской было бы возвращено их прежнее название: Чкондидской, Джуматской и Абхазской.

6) Чтобы по замещении всех архиерейских кафедр дозволено было грузинским архипастырям собраться в Мцхете или Тифлисе и определить отношения Грузинской церкви к церкви Русской.

Грузины не отказываются признать над собою верховное священноначалие Русской церкви, будучи навеки соединены с Россиею и не желая никогда разлучаться с нею. Они признают все благодеяния, оказанные их отечеству Русскими Монархами, и считают эти благодеяния Русских Венценосцев настолько великими и славными, что готовы во всякое время поголовно идти на борьбу с врагами русского народа и России туда, куда повелит им Русский Император. Но такого рода благодарности они никогда не решатся излить русскому священноначалию, погубившему церковь Грузинскую. Многие года нужны ей, чтобы в мертвенно-бюрократическое тело, каковым стала Грузинская церковь под Русским Синодом, вдохнуть дух и привести тело к жизни.

7) Грузинский экзарх, именуясь «архиепископом Мцхетским и митрополитом Иверским и Карталинским», назначается Высочайшею властию.

8) Если экзарх Св. Синода Всероссийского будет русский, то он должен стараться изучить грузинский язык и, подобно бывшему экзарху Иоанникию, ныне митрополиту Московскому, употреблять, при служении в грузинских храмах, грузинский язык [426].

9) Избрание архиереев на вакантные архиерейские кафедры в Карталинии (Горийскую), Кахетии (Алавердо-Бодбийскую), Имеретии (в Кутаиси), Мингрелии (Чкондидскую), Гурии (в Джуматах), Абхазии (в Сухуме) и Осетии (во Владикавказе) должны происходить при собрании всех грузинских архиереев и в председательстве экзарха. Три кандидата, получившие большинство голосов, представляются на Высочайшее утверждение.

10) Для заведывания русскими церквами в Закавказском крае (за исключением Кахетии и Кутаисской губернии) при экзархе Грузии состоит викарий-епископ из русских; если же экзарх русский, то викарий должен быть из грузин и тогда русскими церквами заведует сам экзарх.

11) Ко всем церквам, в которых грузины составляют более половины всего населения, весь причт должен состоять из грузин, причем относительно отправления богослужения он руководствуется следующим правилом: если русские составляют около половины населения, то богослужение совершается одну неделю по-грузински, другую — по-славянски, если же русские составляют не более $^1/_3$, то богослужение по-славянски совершается в третий воскресный день.

12) К грузинским соборам настоятелями определяются исключительно грузины. Более одного русского священника при грузинских кафедральных соборах не должно быть, за исключением Владикавказского, в епархии которой большинство населения составляют русские и осетинцы.

13) Ввести в Тифлисскую духовную семинарию и во все грузинские духовные училища в обязательное преподавание грузинский язык, а во Владикавказское — осетинский, освободив от изучения его русских, если они того пожелают. Изучение туземцами латинского языка сделать необязательным.

Относительно изучения грузинской литературы, духовной и светской, Св. Синодом должно быть сделано новое распоряжение, так как прежнее его распоряжение оставлено архиепископом Павлом почти что без внимания. Грузинам необходимо по выходе из семинарии владеть грузинским литературным языком, дабы они могли свободно преподавать слово Божие грузинскому народу, который уже 70 лет не слышит проповеднического слова от своих духовных пастырей, изуродованных в Славяно-греко-латинской семинарии [427].

14) Смотрительские и училищные места в грузинских духовных училищах должны быть замещаемы грузинами, но не русскими, чуждыми языка, истории, нравов, обычаев грузинского народа и не могущими говорить без переводчиков со вновь поступающими учениками и с их родными, не знакомыми с русским

языком, а тем более не могущими контролировать преподавание грузинского и грузинского церковного языка. В Тифлисской духовной семинарии не должно быть отказываемо в определении не только преподавателей из грузин, но и инспектора и ректора.

15) Чтобы в Кутаисе была открыта духовная семинария[428], на устройство которой имеретинским и мингрельским духовенством собраны значительные суммы.

16) Чтобы древний устав Иверской церкви быль вновь восстановлен и введенные русскими экзархами изменения в богослужении были отменены.

17) Бодбийская митрополия должна быть передана для жительства Алавердскому епископу, но не быть обращаема в русско-грузинский женский монастырь, в котором грузины не нуждаются.

18) Пицундский кафедральный собор в Абхазии, отданный монахам афонского Пантелеймонова монастыря[429], как величайшая и древнейшая святыня в Абхазии, должен быть возвращен обратно.

В заключение приходится сказать о распускаемых в Тифлисе слухах о предполагаемом будто бы со стороны Грузии покушении на жизнь русского экзарха Павла[430]. Несмотря на то что архиепископ Павел своею несправедливостью и презрительным отношением к грузинскому народу[431] успел восстановить против себя весь грузинский народ, он едва ли серьезно может предполагать, чтобы в среде верного России грузинского народа мог найтись человек, который покусился бы на жизнь экзарха. Глубоко прискорбный случай с ректором Тифлисской семинарии, протоиереем Павлом Чудецким, который проводил в семинарии мысли архиепископа Павла[432], должен был бы послужить вразумлением не только экзарху Павлу, но и г. Победоносцеву, что несправедливо лишать преданный России народ грузинский — его духовного сокровища, родного языка, что не следует его ожесточать и восстановлять против его же брата — русского, который как сильный и могущественный брат должен быль бы вносить в Грузию мир и любовь, но не раздоры и ненависть. Если бы после известного происшествия в Тифлисской семинарии, в марте 1885 года[433], было бы произведено строгое и правдивое следствие[434], то о. Чудецкий был бы удален и жизнь его была бы вне опасности. Произведенная же недавно ревизия, благодаря принятым экзархом мерам, открыла немногое.

Сторонники архиепископа Павла, распуская известные слухи, которые более всего идут от самого экзарха, имеют целью заставить русские власти в Тифлисской губернии оказывать экзарху содействие во всех его противозаконных и самоуправных действиях, направленных против Грузин. Легко может случиться, что возмущаемые и ожесточаемые экзархом грузины пожелают расправиться со своими пастырями, отказывающимися по приказанию экзарха совершать богослужение на грузинском языке. Известно, что архиепископ Павел очень часто обращается к содействию гражданской власти. Немало светских лиц (из грузин) сослано по его просьбе в Россию; между ними уважаемый всею

Грузиею Кутаисский губернский предводитель дворянства Д. И. Кипиани[435], который счел своим долгом высказать письменно экзарху неуместность класть пятно на грузинский народ в убийстве о. Чудецкого. В надгробной речи экзарх Павел между прочим изрыгал анафемы против чад Иверской церкви, так что главноначальствующий края кн. Дондуков-Корсаков не мог долее слушать речь экзарха и вышел из храма. Речь была послана в редакцию «Нового обозрения»[436], но цензура многое вычеркнула.

Недавно экзарх Павел взял из Метехской церкви (Горийск<ого> уезда) и присвоил себе заветную икону со всевозможными драгоценными камнями и мощами святых Грузинской церкви[437] и Евангелие VI века рукописное. Народ сильно на это негодует. Много вещей церковных, большею частию драгоценных и древних, Павел взял из грузинских кафедральных церквей. Из тифлисского Сионского собора он взял себе с престола старинный крест, пожертвованный царем Ираклием II. В церковь, где служит Павел, ни один грузин не ходит. Все умоляют Верховную власть, чтобы этого негодного, не верующего ни во что экзарха убрали скорее из Грузии. Если кто облагодетельствовал грузинский народ, то Русские Монархи, но никакие не русские экзархи и не преосвящ<енный> Павел, в устах которого ложь давно заменила правду. Придет время К. П. Победоносцеву убедиться, что тот, кто закрыл половину приходов в Бессарабии и вводил насильственно славянский язык в молдавские церкви, не может быть ревнителем народной Церкви в Грузии и сочувствовать грузинскому народу. Поддерживая экзарха Павла, К. П. Победоносцев берет на себя тяжкий грех перед Богом и перед народом русским и грузинским. Поставленный Верховным Повелителем русского народа блюсти правду в Русской церкви и Синоде, он не должен полагаться на слова большинства ее иерархов, которые в его недолговременное обер-прокурорство в Синоде успели получить через него немало богатых монастырей в управление и в настоящее время расхищают не только монастырские доходы, но и покушаются на монастырские сокровища и ризницы. Еще в прошедшем 1885 году по Москве ходили поверенные священнослужители Екатеринославского епископа[438] и продавали сокровища архиерейской ризницы — дар Императрицы Екатерины II[439].

При разграничении епархий Грузинского экзархата экзарх Павел позаботился, чтобы его епархия была бы не только наибольшая по пространству, но и населению. Так, в Имеретинской епархии (из 3 уезд<ов> Имеретии) православных 400 тыс<яч> (все имеретины), в Мингрельской — 315 тыс<яч> православных (из них в 3 уездах Мингрелии и Сванетии — 200 тыс<яч> мингрельцев и 12 тыс<яч> сванетов, в Озургетском уезде Гурии — 75 тыс<яч> гурийцев и в Батумском уезде 10 тыс<яч> кабулетцов и др. грузин и греков и 5 тыс<яч> русских). В епархии же экзарха более 400 тыс<яч> грузин, 65 тыс<яч> осетинцев, 80 тыс<яч> русских, 25 тыс<яч> греков и др. Понятно, что епархия экзарха должна быть разделена.

ОТНОШЕНИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ К ПРАВОСЛАВНЫМ ЦЕРКВАМ НА ВОСТОКЕ И РУССКАЯ ПОЛИТИКА

Святая, Соборная, Апостольская и Кафолическая Церковь, хранительница Божественных догматов, преданий и уставов церковных, постановлений свв. Апостолов, Вселенских и Поместных соборов, есть в то же время самая верная и крепкая блюстительница самодержавной и верховной власти в государстве. Там, где верховный вождь государства или его правительство идут против Церкви, стесняют, угнетают и разрушают ее, покровительствуют иноверным пропагандам, как в Сербии, Болгарии и Румынии, там народ идет к погибели, трон колеблется и падает (как было в Румынии в 1865 г. и повторилось ныне в Болгарии) [440]. Государи (за исключением греческого) и правительства всех балканских конституционных государств, продающие в своих корыстных видах интересы своих государств, в консерватизме Православной церкви и ее служителей видят для себя главную помеху. Они знают, что духовенство, особенно монашеское, имея влияние на народ, заставляет его почитать и повиноваться власти. Но ни в Сербии, ни в Болгарии, ни в Румынии нет настоящей власти. Шайка бесчестных людей, более ловких на мошенничества, успевшая путем разных невыполненных обещаний и подкупов, благодаря продажной конституции, сделаться министрами, править государством в личных видах своей партии. Эти противонародные партии обременяют лишь народ непосильными поборами и налогами, нисколько не заботясь о его благосостоянии. Смертные казни, увечья, побои в этих конституционных государствах практикуются не менее какого-нибудь африканского владения ашантиев или зулусов [441].

К сожалению, Сербия, Румыния и Греция наделены не без нашего согласия конституциею [442], Болгария же получила конституцию прямо из наших рук, да еще в духе самом революционном [443]. Православный народ Румынии и Греции мы согласились вручить государям римско-католического исповедания, Карлу Гогенцоллернскому и Оттону Баварскому, которого заменил король-протестант Георгий I, вступивший в брак с православною великою княжною Императорского Российского Дома [444]. Благодаря только этому Греция будет иметь православную династию. Про Болгарию не будем много говорить. Народу болгарскому мы дали в управителя принца-протестанта [445], воспитанного, как ныне оказалось, в полной вражде к России и православию. Этот принц-авантюрист, в 7-мь лет управления Болгариею стоил ей до 30 миллионов франков, продавал, подобно сербскому кралю Милану, интересы своего государства заграничным банкирам (как в деле построения железных дорог: Баттенберг получил взятку в 4 милл<иона> фр<анков>, Милан — в 8 милл<ионов> фр<анков>) и похищал из болгарского казначейства деньги... Короли сербский и румынский (так же как и бывший болгарский [446]), чуждые совершенно народу, не привившиеся к нему, идущие, как враги его, против его интересов, преследующие лишь одну корыстную цель обогащения, стоят во главе партии, продавая вместе с ними интересы народа и государства. Понятно, что монархическая, православная,

глубоко консервативная Россия не может сочувствовать правителям балканских государств. Но в России есть незначительный класс людей, который, растлив понятия значительной части людей посредством школы, проводил в то же время в печати ложный либерализм, восхищаясь порядками западноевропейских государств. Этот-то класс людей имел немалое влияние на ход внутренней и политической жизни в России в минувшее царствование императора Александра II. Эти люди, вынужденные в настоящее время разными обстоятельствами притихнуть, тем не менее мало-помалу проводят свои убеждения и мнения в печати, стараются все русское выставить в худом виде, восхищаются действиями болгарских анархистов, делают нападки на глубоко консервативную Православную церковь на Востоке, в патриархиях: Константинопольской, Антиохийской и Иерусалимской. Возникшее в 1881 году в Петербурге с самою благою целью Православное Палестинское общество [447] и то не избежало интриг в Палестине, благодаря вступлению в его среду лиц известных своею ненавистью к грекам (как В. Н. Хитрово и А. В. Елисеев [448]). После падения Константинополя в 1453 г. все православные христиане Востока обратили свои взоры на православную Русь, которая, расширяясь и увеличиваясь, твердо держалась православной веры и этим подавала восточным христианам надежду, что придет время и она явится спасительницею и освободительницею их от магометанского ига. Надежда христиан Востока их не обманула. Путем нескольких войн с Турциею православные греки, сербы, румыны и болгары получили значительное облегчение своей участи, получили права и, наконец, значительная часть их получила свободу. Путем неоднократных войн с турками, во время которых погибло не менее миллиона греков, последние достигли в 1829 году признания свободы Эллады, которая после Русско-турецкой войны 1877—78 годов получила приращение своей территории; в настоящее время третья часть греков пользуется совершенною независимостию. Подобно греческому, и сербский народ, после того как лишился сотни тысяч своих сынов, погибших в борьбе с турками за свободу, освободил Шумадию [449] (нынешнее Сербское королевство), расширил свои владения и таким образом привел к свободной жизни третью часть сербского народа. Признание автономной, а затем полной независимости Молдавии и Валахии ныне составляющих королевство Румынское, последовало по воле России.

До 1856 года, т. е. до заключения Парижского трактата, русская политика знала, что нужно было делать России на православном Востоке. Все войны с Турцией велись до того времени за православную веру и православных христиан и на такую борьбу не только с Турцией, но и с их союзниками 1854—56 гг. русский народ шел, как бы исполняя свой долг, наложенный на него Божественным Провидением, — быть освободителем родственных ему по вере народов. Эта неудачная для России война и выдвинутый императором Наполеоном III вопрос о национальностях дал возможность недальновидным, а может быть, и враждебным монархическому принципу и православию людям проводить посредством печати национальную идею объединения всех славян, в том числе

и австрийских, под державою Русского Императора, с тем, конечно, чтобы русский народ, подобно двадцати пяти миллионам славян западных и восточных, был наделен конституциею. В Всеславянском государстве было бы неудобно Русскому Монарху лишать самоуправления 25 миллионов славян, почему и пришлось бы распространить конституцию на русский народ.

Приведение в исполнение этого плана началось с болгар. Хитрая и лукавая болгарская интеллигенция, воспитанная на Западе во вражде к России и православию, решилась начать борьбу с Великою церковию Константинопольскою и потребовала не только отделения от нее Болгарской церкви, или, иначе, бывшей Тырновской патриархии, заключавшейся в большей части нынешнего Болгарского княжества и значительной части Восточной Румелии[450], но и присоединения к этой племенной Церкви Македонии, значительной части Фракии и Старой Сербии, т. е. епархий, никогда не принадлежавших Болгаро-Тырновской патриархии.

Патриархи Константинопольские соглашались не только на автономию Болгаро-Тырновской церкви, но уступали ей даже епархии бывшей Печско-Сербской патриархии: Самоковскую, Кюстендильскую, Скопийскую, Нишскую, Велесскую и Пиротскую. Но болгарам такая уступка показалась малою.

Началась агитация против Великой церкви Константинопольской. Болгарские нигилисты пригрозили Константинопольской патриархии отпадением болгар в унию и протестантство. Появились в Константинополе, Македонии и Фракии болгарские униатские епископы и попы; болгары, подстрекаемые своими вождями, массами переходили в унию и протестантство. Все русские газеты, не исключая и «Моск<овские> вед<омости>», открыли свои столбцы болгарским жалобам на патриархию и греков. Последние стали представляться заклятыми врагами России.

Русский Синод в первое время начавшегося в России болгаробесия стоял на высоте своего призвания. Во главе его стоял великий учитель Православной церкви, умудренный опытностию в делах, Филарет Московский, перед которым не могла не преклоняться ничтожная Петербургская Духовная коллегия. Доблестный первосвятитель церкви Московской и Всероссийской зорко следил за различными фазисами Греко-болгарского церковного спора, ясно видел руку Ватикана и осудил давно уже антиканонические домогательства болгарских вождей. Кончина митрополита Филарета дала другое направление Греко-болгарскому церковному вопросу. Русский посол в Константинополе гр. Н. П. Игнатьев[451], окруженный болгарскими нигилистами, мало знакомый с церковною и политическою историею греков, сербов и болгар, а еще более с их этнографическими границами, поддался влиянию болгарских шовинистов и задумал создать Великую Болгарию из Болгарии, Македонии, большей части Фракии и восточной части Старой Сербии, мечтая, может быть, впоследствии стать во главе болгарского народа как их король. Известная карта, представленная им Константинопольской конференции 1878 года, и Сан-Стефанский договор[452] — свидетельствуют, насколько гр. Игнатьев поддерживал осуществление мечты

болгарских шовинистов. Болгарское великое народное собрание в Тырнове готовилось в 1878 году отблагодарить гр. Игнатьева избранием его на Болгарский престол, но не было до этого допущено императором Александром II.

Русская дипломатия, которая как бы создана для того, чтобы охранять германские и австро-мадьярские интересы и стараться об укреплении и расширении этих империй во вред России и русского народа, своим поведением на Балканском полуострове разрушила всю политику России, которую с таким успехом и мудростию вел незабвенный император Николай I. Под влиянием вредного учения западных (но не восточных) славянофилов русская дипломатия и Правительствующий Синод отвергнули все существовавшие до 1870<-х> годов истории народов и государств Балканского полуострова, писанных известными учеными и авторитетными историками и писателями, и создали на неверных и ложных данных истории и этнографии болгар, число которых они считали до 7 500 000 д<уш>; тогда как в настоящее время численность их не доходит и до 2 800 000 д<уш> об<оего> пола. Хлопоты сербского министра И. Ристича в Константинополе о восстановлении Печско-Сербской патриархии или экзархии из оставшихся за Турциею сербских епархий были отринуты гр. Игнатьевым, который готовился эти епархии отдать Болгарскому экзарху, на которые (за исключением Призренской) гр. Игнатьевым и был выхлопотан у султана фирман.

В 1867 году на Вселенский престол вступил вторично, после 27-летнего уединения, святейший Григорий VI. Этот величайший из современных святителей Православной церкви, по своим глубоким богословским познаниям и уму напоминавший соименного себе св. Григория Богослова, престол коего он украшал, а своею строго аскетическою жизнию подражавший первым пустынножителям фиваидским, афонским и палестинским, возымел благую мысль — созвать в Константинополе из первостоятелей Восточных церквей собор для решения Греко-болгарского церковного вопроса. Все Православные автокефальные церкви с величайшею готовностию и нескрываемою радостию отозвались на приглашение Первостоятеля Вселенской церкви. Одна церковь Русская, имеющая с 1868 г. во главе своей Петербургского митрополита Исидора, отказалась от участия на соборе, что не только оскорбило патриарха-миротворца, но и заставило его удалиться от дел. Дальнейший ход Греко-болгарского вопроса неизвестен. Русский Правительствующий Синод, отринув все церковные каноны и постановления, а равно и историю Церкви, пошел туда, куда его повели болгарские нигилисты и анархисты. На послание Вселенского патриарха Анфима VI о признании, согласно постановлениям Константинопольского Поместного собора 1872 г., Болгарской церкви схизматическою за внесение и принятие ею нового догмата и учения о филетизме, противного Православной церкви, и поставление в епархии Константинопольского трона своих болгарских архиереев Правительствующий Синод ответил молчанием. В 1879 году прибывшие в Петербург болгарские схизматические архиереи: Анфим Виддинский и Климент, ныне Тырновский, — были приглашены митрополитом Исидором на молебствие в Иса-

акиевском соборе, 27 июля, что было более чем антиканонично. Если бы митрополит Исидор, хотя бы на старости своих лет, немного познакомился с историею Православных восточных церквей (незнанием их церковной истории митроп<олит> Исидор даже хвалится перед приезжающими в Россию Восточными иерархами), то он понял бы, как опасно поддерживать антиканонические и беззаконные требования болгарских вождей. Придет время, и сами же болгары обвинят церковь Русскую, что она, вместо того чтобы примирить их с церковию Константинопольскою, сама послужила и привела их к расколу. Печальной памяти митрополит Московский Исидор I готовился привести церковь Русскую к подножию римского папы[453]; новый Исидор чуть было не привел Русскую церковь к расколу с Константинопольскою церковию и со всеми прочими Православными церквами Востока.

Несправедливые отношения русской дипломатии к грекам и потворство, оказываемое болгарам в их несправедливых требованиях, не могли не вызвать вначале глубокого огорчения в среде греческой печати, а затем и нападок на Россию. Замечательно, что в то время, когда греческая печать стала обвинять Россию в происках на Балканском полуострове, в болгарской пропаганде (что делали и ныне делают Славянские комитеты в России) и в поддержке несправедливых требований болгар, константинопольские болгарские газеты, издаваемые Др<аганом> Цанковым и другими болгарскими вождями, помещали самые грубые и дерзкие нападки на Россию и на православие и советовали болгарам переходить в римско-католичество и протестантство. Но русская печать оставалась глуха к болгарским обвинениям и нападкам. Болгары в глазах ее уже потому заслуживали симпатии и поддержки, что они шли против Церкви и православия, что они были проводниками разрушительных и лжелиберальных идей, а греки охраняли православие и были проводниками консерватизма. Ведь не настолько же были ограничены умом защитники болгарских требований, чтобы не видеть, что несправедливые отношение к грекам, румынам (которых наша печать отожествляла с врагами России) и сербам может заставить эти народы броситься в объятия Запада и принести и им и нам немало вреда.

До 1856 года Россия знала свою задачу на православном Востоке. Теперь русский народ не знает, чего хочет наша дипломатия. Лет 9 тому назад он вел одну из величайших победоносных войн с Турцией за православие, кончил же ее за схизматиков-болгар да за швабо-мадьяр[454]. Сан-Стефанская Болгария, начертанная рукою гр. Игнатьева, включала в себя греческие и сербские земли, никогда болгарам не принадлежавшие, а Берлинский конгресс, сократив Сан-Стефанскую Болгарию[455], предоставил болгарам сербские города: Самаков, Трн, Брзник и Кюстендиль для вечного раздора с сербами и, с согласия и одобрения русских представителей на конгрессе, предал под тяжкое швабо-мадьярское ярмо полтора миллиона сербов: в Боснии, Герцеговине и Ново-Пазарском округе[456], тех сербов, которые своими геройскими подвигами в борьбе с турками за веру и свободу первые возбудили сочувствие в русском народе, заставили Сер-

бию и Черногорию взяться за оружие и направили тысячи русских добровольцев в Сербию, где бóльшая часть их сложила свои головы за свободу народа сербского.

Почему же все это так случилось? — Потому, что Россия двинулась проливать свою кровь за народ, который отплатил самою черною неблагодарностию Матери-Церкви и начал свое возрождение борьбою с нею. Этот-то народ мы решились поддержать в его несправедливых требованиях [457] и таким образом пошли против пути, начертанного нам Божественным Провидением — пути, по которому Россия хотя тихо, но грозно и прямо шла со времен Петра I. Мы освободили болгар, наделили их революционного конституциею [458] и, в то же время, предали Боснию и Герцеговину австрийскому игу и горько обидели Сербию, Черногорию и Румынию, не говоря уже о Греции, которой Сан-Стефанский трактат ничего не давал, но зато немало греков отдавал под власть болгар.

В настоящее время на Балканском полуострове назревают события, дающие возможность вернуться России к прежней политике. Но вот раздаются голоса, что не стоит проливать свою кровь за родственные нам по вере народы, что все они, подобно болгарам, отплатят нам самою черною неблагодарностию. Если действительно этого желают наши дипломаты, то в их словах не будет неправды. Если Россия не отказалась от создания Великой Болгарии на чуждых народностях [459], — то она может быть уверена, что Греция, Сербия и Румыния явятся врагами России, но не потому, что они сделаются неблагодарными России за ее содействие к их освобождению, а потому, что созданием Великой Болгарии Россия не только умаляет значение Греции, Сербии и Румынии, добывших себе свободу ценою собственной крови, но и отдает на порабощение и духовное угнетение земли, населенные греками и сербами, самому последнему и презираемому всеми балканскими народами — народу болгарскому.

Одних только болгар Россия может обвинять в неблагодарности к ней. Россия освободила этот народ исключительно кровию своих сынов и миллиардами рублей. Она дала ему политические границы, расширила его территорию даже за его этнографические пределы, и этот-то народ, воспитанный во вражде к Православной церкви, не далее как через семь лет отплатил нам самою черною неблагодарностию. Этот народ, послуживший к разделению Церкви, или к отделению Римской церкви от Вселенской православной [460], может послужить к столкновению России со всею Западною Европою, если мы будем продолжать идти туда, куда нас ведут болгарские шовинисты-анархисты и их друзья в России, Австрии и Англии.

В чем же заключается задача России на православном Востоке? Прежде всего, России нужно иметь выход из Черного моря, с тем, конечно, чтобы выход этот мы могли всегда запереть и не впустить в свое Черное море военные суда враждебных нам государств и тем предохранить свои гавани и порты от разорения. Чтобы иметь выход из Черного моря, нужно владеть Дарданеллами, но не Константинополем, который может и не быть нашим. Английская политика, как известно, дальновиднее и глубокомысленнее русской. В Англии хорошо по-

нимают, что России особенно было бы выгодно приобщить Константинополь к своим владениям. Столицей России Константинополь быть не может, не будучи территориально связан с нею. Владеть им как колониею неудобно, как ввиду незначительности территории, которая его окружала бы, так и ввиду его всемирного значения и значительности населения, ныне уже превосходящего 800 тысяч д<уш> об<оего> пола. Константинополь был бы обузою для России [461]. Справедливость, конечно, требует отдать его грекам, которые владели им до 1453 года, т. е. до взятия его турками. Маленькая Эллада, в случае если бы ей удалось соединить все земли, населенные греками (как Эпир, Южную Македонию, острова Архипелага, Крит, Кипр, Фракию и побережье Малой Азии), то и тогда она составила бы государство с шестью лишь миллионами жителей, из которых до 700 тысяч приходилось бы на Константинополь. Владеть и охранять такой город Греции тогда было бы под силу, когда Дарданеллы находились бы в наших руках и Россия была бы в силах защитить Грецию. Греческий народ не менее сербов, румын и болгар желает быть объединенным и составить Великую Грецию [462]. Но ему труднее это сделать, нежели прочим балканским народностям Сербии и Румынии. Россия имеет всегда возможность оказать поддержку и войною с Австро-Венгриею довершить и свое, и их объединение. Но Греции Россия не может подать руку помощи. В 1853 году, когда Россия объявила войну Турции, греческие войска вступили в Эпир и Фессалию. Бóльшая часть этих провинций была занята ими, готовилось вспыхнуть восстание на о. Крите и на всем Архипелаге и залить весь Балканский полуостров. Но англо-французский флот, появившийся в Эгейском море, занял Афины и заставил греческие войска очистить Эпир и Фессалию. В 1877 году греки готовились к войне, хотя и не располагали значительным военным флотом. Россия не могла уступить грекам свои военные суда, которых просило греческое правительство. Между тем Англия, сосредоточив в Безикской гавани [463] свой военный флот, угрожала Греции занятием ее портов и блокадою [464], если она примет участие в борьбе и в то же время обещало ей в случае нейтралитета расширение ее границ на севере. Долго удерживаемая обещаниями и угрозами Англии, Греция тем не менее объявила в 1878 году войну Турции и вступила в Фессалию и Эпир, но вскоре должна была отозвать свои войска обратно [465], ввиду давлений, произведенных на греческое правительство кабинетами: Англии, Австро-Венгрии, Италии и даже Германии. На Берлинском конгрессе Англия более всех держав противилась уступке Греции Эпира и Фессалии, предложенной Франциею. Наконец, блокада берегов Греции в нынешнем 1886 году британским флотом при деятельном участии Австрии и Италии свидетельствует, что при ликвидации Восточного вопроса на вооруженное вмешательство Греции в борьбу очень трудно рассчитывать. Греческий народ привязан к России и любит ее; руководители греческой политики Трикупис, Делианис, Делигеорги и др. греческие государственные люди не могут считаться, подобно сербским, болгарским и румынским министрам гг. Гарашанину, Новаковичу, Миятовичу, Каравелову, Др. Цанкову [466], Муткурову, Начевичу или Братиано и др., враждеб-

ными России и русскому народу. Они должны лавировать, и если возможно, то и скрывать свои отношения к России, если бы они и были вполне дружественны. Англия, завладевшая в 1878 году чисто греческим по населению островом Кипром с 160 тысячами жителей, может во всякое время занять и остров Крит, в случае если греческая политика будет враждебна Англии. Допустить расширение Греции, в особенности вдоль берегов Эгейского моря, и присоединения островов Архипелага Англия не может. Она хорошо понимает, что как скоро Архипелажские острова (Спорады) и остров Крит отойдут к Греции, последняя легко может обзавестись прекрасным военным флотом, который при опытности и отважности греческих моряков может нанести немало затруднений Англии в ее сношениях с Индиею и даже отрезать ее военному флоту путь через Суэзский канал. Сделать это Греции будет нетрудно, если Россия укрепится в Дарданеллах. Сильная на море Греция может быть только в союзе и под покровительством России, ибо усиление Греции на море не может быть приятно ни Англии, ни Италии, ни Австрии. Оттого-то политика этих держав и бывает всегда враждебна Греции.

Россия, — имеющая вполне дружественную и родственную в Греции королевскую династию[467], родственный и благодарный России народ, — должна стоять выше тех интриг, которые сеют и распространяют против нее ее враги в среде греческого народа. Последний и сейчас понимает, кто его враги и кто его друзья. В то же время он знает, что друг для него может сделать менее добра, нежели враг — зла. И должен греческий народ руководствоваться политикою не только не дружественною России, но и для него самого малополезною и вредною.

Интерес Греции, — у которой Англия, Италия и Австрия всегда останутся естественными врагами, — требует не только теснейшего сближения с Россиею (конечно, не сейчас, когда Греция не может вести вполне национальную политику и должна лавировать[468]), но и приближения России к ее территории. Владея Дарданеллами, Россия всегда будет в силах охранить независимость Греции. Последняя же никогда не откажется соединить свой военный флот с русским, если бы России пришлось вступить в борьбу с Англиею.

С 330 года, когда Равноапостольный Константин основал Константинополь, он сделал его столицей Восточной Византийской империи. Султан Магомет II, покорив в 1453 году Константинополь, сделал его столицей обширной в то время Турецкой империи. Таким образом, Константинополь 1556 лет продолжает быть столицею и, по своему расположению между Европою, Азиею и Африкою, должен иметь и на будущее время то же всемирное значение. Развенчать его, уменьшить его значение торговое и политическое, а тем более восточно-христианское, как резиденцию и кафедру Вселенского патриарха, не может быть для восточно-православного христианства желательно. Константинополь имел много славных страниц в истории, и значение его для православного народа, даже с переходом его под власть турок, нисколько не уменьшилось. Заветные ожидания всех православных, глубоко верующих христиан давно сосредото-

чиваются на устно переходящем из рода в род предании[469], что с севера придет русский народ, возьмет Седмихолмный град[470]; что воссядет на престол Царь Александр III, который через семь лет возвратит Царьград Константину, царю Греческому. Многое говорит за то, что надеждам восточных христиан суждено будет исполниться.

От Греции переходим к Македонии. Эта страна составляет яблоко раздора между тремя народами: греками, сербами и болгарами. Все они ею владели и оставили в ней более или менее хорошую или худую память. Разграничить Македонию довольно трудно. В ней, можно сказать, только на Халкидский полуостров и на Веррийскую митрополию (в которой на 23 тыс<ячи> греков всего тысяча болгар) болгары не заявляют притязаний. Итак, пусть на первое время спорные земли останутся нейтральными, а там этнографическая комиссия, приняв этнографические и исторические данные, язык и обычаи жителей, в состоянии будет определить границы. Конечно, при этом немало болгар, может быть, отойдет к грекам и наоборот. Греки станут болгар воспитывать в своих школах, так же как и болгары греков — в своих. Будут, конечно, и до России доходить жалобы болгар на отречение и наоборот. Но в этих случаях нам незачем принимать чью-либо сторону: как болгары могут выселиться из Греции, так и греки из Болгарии. В настоящее время болгары в княжестве и в Восточной Румелии проявили слишком большую нетерпимость к грекам, в особенности в школах. Болгарин, признавший греческую национальность, останется православным, следовательно, не разорвет связь с православным миром и Россиею. Да и какой будет вред для России, если 100 тысяч македонских славян стали бы говорить на греческом языке, а 100 тысяч греков в Восточной Румелии, Болгарии и Македонии — на славянском. Кажется, что никакой. Напротив, те болгары, которые, сохраняя свою национальность, изменяют своей вере и переходят в римско-католичество и протестантство, являются истыми врагами России, славянства и православия. Одна англо-американская протестантская коллегия Робертова в Константинополе[471], воспитавшая до 650 болгар в протестантстве, ни в одном из них не вселила любовь и преданность к России.

Будет ли Константинополь столицею Греции или всего Балканского полуострова, он должен быть столицей всего Востока православного. Для восстановления большего единства церковного между разрозненными ныне автокефальными Православными церквами в Константинополе должен быть ежегодно созываем собор, или синод, из первостоятелей Православных церквей хотя бы на один месяц.

Переходим к Болгарии.

Известно, что населяющие нынешнее Болгарское княжество (за исключением западной его части) и Восточную Румелию болгары не могут считаться чистыми славянами. Из истории известно, что в 679 году по Р. Х. жившее у берегов Волги воинственное племя урало-финского происхождения, называвшееся болгарами, а затем, по переселении к р. Бугу, принявшее имя булгар, перешло р. Дунай и покорило тамошних славян, которым и дало свое имя, приняв от них в то

же время обычаи и язык. В Македонию болгары не переселялись. Туда они являлись как неприятели; в первый раз в 811 г. под предводительством царя Крума, который опустошил и завоевал Македонию. В 918 году болгарский царь Симеон отнял от греков Македонию, за исключением Приморья. Болгарские цари владели Македониею до 963 года, когда македонские славяне основали свое собственное царство, продолжавшееся до 1019 года[472]. В этом году греки снова возвратили себе Македонию и владели ею 150 лет.

Дунайское Болгарское царство греки разорили в 971 году, но в 1186 году болгары не только освободились от греков, но и двинулись в Македонию; около 1195 года они завладели частию Македонии до Серреса, но в 1207 году македонские славяне под предводительством князя Добромира, с помощию сербского жупана Стефана Неманича, заставили болгар очистить бóльшую часть Македонии[473]; вслед за тем эпирский деспот Феодор[474] завладел Южною Македониею, но вскоре болгарский царь Асень победил его и в 1230 году покорил всю Македонию до Салоник[475]. Через 16 лет (1246 г.) греки возвратили себе бóльшую часть Македонии. Покушение болгарского царя Михаила Асеня на отнятие от греков Македонии в 1254 году окончилось после трехлетней борьбы неудачно. Преемник его Константин Асень, возобновив войну с греками, вел ее более счастливо; в 1263 году он взял Скопию, Пореч, Прилог, Полог и др. города до Прилепа, но затем должен был возвратить их грекам. С тех пор болгары никогда не владели Македониею.

Итак, Македония была под властию болгар с 918 по 963 год, с 1197 по 1207 и с 1230 по 1246 год — всего 71 год.

В 635 году пришло от Карпат чисто славянское племя сербов и заселило греческие земли до Фессалии. В 1281 г. сербский краль Милутин Неманич[476] завоевал Македонию и распространил свою власть до Серреса и Фессалии; в 1340 г. вся Македония принадлежала уже Сербии, за исключением Приморского берега, Халкидского полуострова и Салоник. Сербы владели Македониею до падения Сербского царства и покорения его турками, после несчастной Коссовской битвы в 1389 году[477], т. е. около 140 лет.

В историческом отношении греки имеют более всех прав на Македонию, ибо их императоры владели ею долее всех, затем сербы, ее населившие, и, наконец, болгары. Что касается этнографии Македонии, то болгары хотя и доказывают, что македонские славяне есть-де настоящие болгары, в то же время стараются при посредстве болгарских школ и болгарского духовенства, оболгарить население и заменить его чисто славянский язык болгарским. Сербы считают Македонию населенною народом, близко подходящим к сербам как по языку, обычаям и одежде, так и потому, что он празднует славу (сербский обычай чествовать имя своих предков). Греки статистическими данными относительно своих школ в Южной Македонии как нельзя более свидетельствуют, что Южная Македония есть по населению страна греческая. Утвердительно сказать, что македонские славяне — сербы, — можно вызвать целую бурю негодования в болгарских неучах, которые в своих газетах прямо так и заявят, что автор подкуплен авст-

рийцами и действует в их видах и целях. В Северной Македонии, в Скопии, Велесе, Прилепе и даже Охриде и в других городах до образования в 1872 году Болгарского экзархата были сербские школы и были в употреблении сербские книги и богослужебные, напечатанные при сербских патриархах, ибо Северная и Средняя Македония, до покорения ее турками в XIV веке, принадлежала сербам и ею управляли: северною частию патриархи Сербско-Печские, а среднею — Славяно-Охридские архиепископы — до 1767 года. С занятием епархий: Охридской, Скопийской, Пелагонийской (Битольской) и Велесской — болгарскими архиереями в 1872 году (в 1877 г. они изгнаны) болгары изгнали сербских учителей, закрыли их школы, сделали на сербских учителей ложные доносы туркам и проч. Были даже случаи, что болгары убивали и отравляли сербских учителей и священников. В интересах России справедливее было бы разделить Македонию между Сербиею и Грециею, тем более что оба эти государства давно уже согласились между собою на проведение границы в Македонии.

Россия во многом повинна относительно славного и геройского народа сербского, который из-за любви и преданности к России ныне страдает и в своем независимом отечестве, Сербском королевстве, от австрийских друзей и своего короля[478], и в Боснии и Герцеговине — от швабо-мадьяр и в Венгерской Сербии — от мадьяр.

Самая геройская часть сербского народа, никогда не изменявшая своему призванию и славянству, — свободная и всегда независимая Черногория — имеет ныне до 250 тысяч жителей. После Черногории следует освобожденная собственною кровию своих сынов, геройскими подвигами Кара-Георгия и Милоша, Шумадийская Сербия, получившая в 1878 году, по Берлинскому трактату, часть Старой Сербии, завоеванной ею, после поражения русскими главных турецких сил. В нынешней Сербии до 1 850 000 жит<елей>. Старая Сербия, остающаяся ныне под турецким владычеством, прежде населена была одними сербами, но после переселения в Венгрию в 1690 году патриарха Арсения Черноевича, а в 1738 г. Арсения Иоанновича[479], первого с 40 тысячами, а последнего с 20 тысячами сербов, в значительном числе заселена албанцами-магометанами. В настоящее время в Старой Сербии (Призрен, Ипек, Скопия и проч.) насчитывается до 450 тысяч сербов. Несчастные сербско-турецкие провинции — Босния, Герцеговина с частию Ново-Пазарского округа, — преданные Россиею Австро-Венгрии, заключают ныне до 1 360 000 жителей, из которых до 700 000 православных, 180 000 римско-католиков и до 480 000 магометан-сербов; Австрийская Сербия, или Бокка-Котторская[480], с 50 000 православных сербов, преданная Австрии императором Александром I в 1818 году[481] (до этого года ею владела Черногория), и, наконец, Венгерская Сербия, т. е. Сирмия, Бачка, Воеводство, Военная Граница (бывшая) и Западный Банат[482]. В ней до 1 500 000 сербов, из которых более 1 250 000 православных.

Таким образом, несчастный сербский народ разделен между 6 правительствами: сербским, черногорским, австро-венгерским (Босния и Герцеговина), австрийским (Бокка-Кот<т>орская), венгерским и турецким. Народ сербский, как

свидетельствует вся его история, древняя и новая, всегда был предан России. При Екатерине II более 100 тысяч сербов переселилось в Россию и давно уже стали русскими. Благодаря согласию России на занятие Австро-Венгриею Боснии и Герцеговины и бестактным словам, сказанным на Берлинском конгрессе представителем России гр. П. Шуваловым сербскому министру И. Ристичу: «Адресуйтесь к Австрии» [483], сербская политика стала враждебною не столько России, сколько самой Сербии и самому сербскому народу. Сербия, не имевшая до 1880 года государственного долга, ныне насчитывает его более 300 миллионов, благодаря тому что от нее отступилась Россия и она должна была подпасть под влияние Австрии. Из-за любви к России, из-за нежелания принадлежать Австрии сербский народ и в самой Сербии, и в Боснии и Герцеговине, и в Далмации, и в сербских землях Венгрии глубоко страдает и переносит всякие лишения и невзгоды. Его патриоты, преданные России, подвергаются даже казни и различным наказаниям. Только одна надежда на Россию и русский народ, что она избавит его от швабо-мадьярских когтей, заставляет не отчаиваться сербов. Будем надеяться, что верховный повелитель России Александр III скоро обратит свои взоры на сербский многострадальный народ, вырвет его из когтей швабо-мадьярских и турецких и объединит его под державою любимца сербов и русских, героя-князя Николая Черногорского.

Остается сказать об соседнем с Россиею народе румынском. Румыны, или молдовалахи, без сомнения, самый значительный из балканских народов. Численность его доходит до 9 миллионов душ, из которых в Румынии до 4 800 000 д<уш>, в Трансильвании и Восточном Банате — до 1 860 000 д<уш>, в Южной Буковине — около 200 000, в Венгрии (без Баната) — до 450 000, в Бессарабии — более 1 миллиона и проч.

Румынский народ, чтобы ни говорили его враги, глубоко предан России, будучи к тому же во многом ей обязан. Во все войны России с Турцией румыны всегда шли рука об руку с нами и проливали свою кровь в борьбе с турками, хотя и пользовались значительною автономиею и имели своих князей. Император Александр I сделал большую ошибку, присоединив к России Бессарабию, которая составляла неотъемлемую часть Молдавии. В Бозе почивший император Александр II, уступивший Южную Бессарабию Молдавии по Парижскому трактату 1856 года, в 1878 году вновь воссоединил ее с Россией, что требовала честь России. Румыны слишком были этим обижены, хотя и получили взамен этого Добруджу. Во всяком случае долг России заставлял румын вознаградить за последнюю войну никак не менее сербов, а тем более ненавистных им швабо-мадьяр, которые получили более, нежели Россия. Но ошибка, сделанная нашею дипломатиею, во всяком случае поправима. России следовало бы уступить или возвратить Румынии Бессарабию, именно среднюю ее часть, которая сплошь заселена румынами, оставив за собою уезды Измаильский (т. е. всю территорию, воссоединенную в 1878 г. с Россиею), Бендерский, Аккерманский и Хотинский, присоединив к себе устья Дуная и Тульчинский округ в Добрудже. Румыны значительно выиграли бы от воссоединения с собою чисто румынского

населения и навсегда прекратили бы свои поползновения на остальные части Бессарабии, в которых они далеко не составляют сплошного населения. С другой стороны, Россия выиграла бы еще более. Имея в своих руках устья Дуная, она имела бы сильное влияние на Дунайские государства, ближе была бы к Болгарии, а что еще важнее — Россия возвращением Румынии Средней Бессарабии — заставила бы весь румынский народ быть ей вечно благодарным. В какое положение поставлена была бы Австрия бескорыстною уступкою России относительно сербов и румын? В каком положении пред своим народом оказались бы нынешние их правители — продажные холопы швабо-мадьярские? Да и стали ли бы слушать балканские народы людей, враждебных России?

Говоря об румынском народе, мы нисколько не касаемся румынской интеллигенции, значительная часть которой, воспитанная на Западе во вражде к России и православию, не любит Россию и неприязнь свою переносит на любящий Россию народ молдовлахийский. Как в Сербии и Румынии, так и в Болгарии Россия имеет и государей, и правителей, себе враждебных. Но эти ничтожные правители-пигмеи сильно боятся России, ибо одно грозное ее слово, вовремя произнесенное, сотрет их с лица земли, призовет сербский и румынский народы к настоящей свободе.

Итак, решение Восточного вопроса для России должно заключаться в том, чтобы Россия, освобождая ценою своей крови единоверные нам народы от ига турецкого или швабо-мадьярского, не бросала освобожденных в руки какой-нибудь мошеннической партии (как в Болгарии и Сербии) и не предавала от ярма турецкого в более тяжкое иго швабо-мадьярское. Освободительница не должна быть поработительницею и предательницею. Святое дело не должно равнять с преступным во избежание гнева Божия. Кто знает, что ожидает Россию за предательство Боснии и Герцеговины, если она не поспешит удалить из этих областей Австрию? Покушения Австро-Венгрии на земли Балканского полуострова, стремление ее к Салоникам и Эгейскому морю, взоры, устремляемые ею на Константинополь, куда предполагается перенести столицу Габсбургов. Латинская пропаганда на Балканском полуострове, ведомая ею при деятельной поддержке Ватикана с целию отторгнуть эти народы и от России, и от православия, зловредная агитация, идущая из Австрии в юго-западные и южные губернии России, в виде пропаганды украинофильства, находящейся в связи не только с чисто польскими планами, но и с планами австрийского панславизма: эта агитация имеет целию отторжение от России всей южной ее полосы. Все это не только заставляет Россию быть наготове, но рано или поздно приведет ее к борьбе с Австриею. Война же с Австриею не должна кончиться полумерами, вроде присоединения к России Галицкой Руси и оставления сербских и румынских областей по-прежнему под швабо-мадьярским игом. Этим ей не будет прегражден путь на Балканский полуостров, и она не замедлит вновь возобновить свою прежнюю, враждебную России, деятельность. Нет, в случае войны с Австриею, Россия должна заставить Австрию возвратить Румынии — Трансильванию, Банат Западный, примыкающие к нему на севере земли и Южную Букови-

ну, а Сербии — Боснию, Герцеговину, Сирмию, Военную Границу, Славонию, Бачку и Бокка-Котторскую (конечно, не королю Милану, который не нынче — завтра будет низложен, а кн. Николаю Черногорскому). Нынешняя латино-протестантская династия в Румынии[484] должна быть во всяком случае удалена и заменена православною, дружественно расположенною к России.

Все балканские государства, как-то: Греция, Сербия, Румыния и Болгария — должны быть поставлены в более близкие отношения к России. Во-1-х, их войска должны присягнуть на верность русскому монарху, подобно тому как принимают присягу войска германских государств германскому императору. 2) Конституции во всех балканских государствах должны быть изменены или совсем уничтожены. 3) Православная церковь на Балканском полуострове должна находиться под покровительством Русского Императора, и в Константинополе ежегодно должен быть созываем Синод первостоятелей Восточных церквей и 4) римско-католические и протестантские миссионеры должны быть удалены с Балканского полуострова вместе с их епископами, и иноверной пропаганде в среде православно-восточных народов должен быть положен конец.

На независимость Греции, Румынии, Сербии и Болгарии Россия не имеет никаких оснований покушаться, а тем более взять на себя обузу управлять этими государствами. Но в то же время Россия, неоднократно проливавшая свою кровь за их свободу, имеет право требовать не только от болгар, но и от сербов, румын и греков признательности и верности к ней, и равно и деятельной помощи, если бы она потребовалась. За это Россия охранит их свободу, не уступит никому пяди их земли, сохранит между ними мир, а равно и веру от покушений инославных пропаганд и, наконец, не отдаст их в руки какой-нибудь мошеннической, нигилистической партии и правителей-авантюристов. Только тогда, когда Россия приобретет себе естественных союзников, единоверных и единоплеменных, независимость которых может лишь существовать при союзе их с Россиею, только тогда Россия может надеяться на продолжительный и действительный мир.

Переходим снова к Болгарской церкви. Ревнители Православной церкви на Востоке давно уже высказали истину, что если бы на поместном Константинопольском соборе 1872 г. присутствовали русские иерархи, то болгарской схизмы не было бы. Если болгары виновны в неповиновении Вселенской церкви, то виновны также и их подстрекатели и защитники их антиканонических требований наши синодальные архиереи. Русский Синод, «Правительствующий» и до сего времени имеющий сношение с болгарскою иерархиею, должен принять на себя инициативу примирения Болгарской церкви с Константинопольскою.

Соединением Восточной Румелии с Болгариею народ болгарский окончательно объединился[485]. Бывшая Тырновская Болгарская патриархия, упраздненная в 1397 году, включила ныне в свой состав все епархии, когда-либо ей принадлежавшие, и даже две епархии, принадлежавшие до 1767 года Печско-Сербской патриархии, и 4 епархии греческие: Анхиальскую, Мисимврийскую,

Варнскую и отчасти Филиппопольскую. Вне пределов Болгарии и Восточной Румелии ныне нет ни одного клочка земли, который принадлежал бы к Тырновской патриархии или к бывшему на Дунае Болгарскому царству. Как автономное княжество, соединенная Болгария получила ныне все права на автокефалию. Вселенский патриарх никоим образом не будет противиться признанию самостоятельности Церкви в автономном Болгарском княжестве, он только выговорит, чтобы в приморских городах: Анхиале, Варне, Мисимврии[486], где значительное греческое население, были бы греческие епископы, хотя бы и в зависимости от болгарских митрополитов, на что нет причин не соглашаться. Пусть же Правительствующий Синод примет на себя благой почин примирения Болгарской церкви с Константинопольскою и со всеми прочими Церквами православного Востока. Вне Болгарии болгарам искать нечего. Пока европейская Турция существует, все православные епархии в ней должны оставаться в непосредственном подчинении Вселенскому престолу, и Болгарский экзарх, как нарушитель мира в Церкви, должен быть выслан из Константинополя.

Теперь о Палестинском обществе. Благодаря обильно собираемым пожертвованиям Общество это начинает сильно теснить Иерусалимскую патриархию в Палестине и, вместо того чтобы идти рука об руку с нею, поддерживает там арабскую пропаганду, способствует к изданию книг, направленных против Иерусалимской патриархии (как книга А. В. Елисеева «С русскими паломниками на Св. Земле»[487]), предоставляет начальнику Русской миссии в Иерусалиме, архимандриту Антонину[488], приобретать на деньги, поступившие в Палестинское общество, участки земли на имя приближенных к нему арабов, причем в случае смерти о. Антонина все эти земли с постройками будут потеряны для России[489], и, наконец, расходует деньги, предоставленные ей на св<ятое> дело, на предприятия, нисколько не похожие на охранение и распространение православия во Св. Земле, как, напр<имер>, на веселое путешествие доктора-враля по Курдистану и Малой Азии. Книга «Правда» по поводу книги А. В. Елисеева «С русскими поклонниками во Св. Земле», вышедшая в 1885 году в Москве, доказала явную недобросовестность и ложь г. Елисеева, издавшего книгу с самыми пикантными и циническими рассказами, исключительно для наживы. Мало того, Палестинское общество, командируя в Палестину лиц, заведомо враждебных Иерусалимской патриархии, как гг. Хитрово и Елисеев, выслушивает их странные проекты и предложения в своих заседаниях и принимает их в руководство. Г. Елисеев, в одном из заседаний Общества, требовал, чтобы Иерусалимская патриархия, с самого начала Христианства совершавшая ежедневно богослужение во Свято-Гробском храме[490] на древнегреческом языке, совершала бы даже в день Светлого Христова Воскресения богослужение на славянском, потому что во храме Гроба Господня бывает всего 20 греков, тогда как на самом деле их бывает не менее 2000. Очень прискорбно, что Палестинское общество идет по стопам врагов Православной церкви и, пользуясь примером бывших русских представителей на Балканском полуострове, поддерживавших нера-

зумные требования болгарских нигилистов против Православной церкви, вносит и в Иерусалимскую церковь смуты и раздоры, готовые не нынче-завтра подкопать трон дружественного России патриарха Никодима[491], против которого в настоящее время возбуждена вся греческая печать.

<ЕЩЕ О КАНОНИЧНОСТИ БЕЛОКРИНИЦКОЙ ЕПАРХИИ>

В заключение мы должны высказаться относительно Белокриницкой иерархии, дабы никто не вывел бы заключения, что мы отстаиваем ее каноничность. Поступок б<ывшего> Боснийского митрополита Амвросия, посвятившего Кирилла в митрополита Белокриницкого, антиканоничен настолько, насколько антиканоничен поступок Иркутского епископа Вениамина I, посвятившего Иоасафа Болотова во епископа Кадьякского. Признать законность Белокриницкой иерархии зависит от собора епископов и первостоятелей Православных автокефальных церквей[492]. В глазах Русского Синода, или Коллегии, Белокриницкая иерархия если и незаконна, то не потому, что она антиканонична, а потому, что в признании ее за благодатную заинтересованы все русские архиереи, в видах более личных, корыстных, нежели в видах охранения церковных постановлений. Если болгаро-униатский архиепископ Иосиф Сокольский, посвященный в сан епископа римским папою, если болгаро-схизматический митрополит Виддинский Анфим, низвергнутый Константинопольским Поместным собором 1872 года из сана, и схизматический епископ Климент (ныне лжемитрополит Тырновский), хиротонисанный во епископа низложенными схизматическими архиереями, были допущены русскою духовною властию до священнослужения в русских храмах и имели братское общение с русскими иерархами, то справедливо ли утверждать, что все вышеприведенное было со стороны Русского Синода делом каноничным, а признание Белокриницкой иерархии делом антиканоничным? Думаем, что не заинтересованные в делах русского старообрядчества Восточные иерархи отнеслись бы много сердечнее и справедливее, нежели иерархи Русской церкви.

Комментарий

Изматывающая поденная работа в газете практически не давала возможности **Г.-П.** воплотить какие бы то ни было более серьезные и обширные издательские замыслы (редкие исключения — «автобиографические воспоминания» «Из пережитого» да ряд очерков в издававшемся им в 1883 г. журнале «Радуга» и аксаковской газете «Русь»), хотя в окружении **Г.-П.** неоднократно слышались сетования по этому поводу. К примеру, С. А. Юрьев делился с Ф. А. Гиляровым в недатированной записке (очевидно, отправленной адресату в период 1878—1883 гг., когда последний был соредактором газеты «Современные известия»): «Кланяюсь до земли Никите Петровичу за превосходную статью об отношениях между славянами. Такое тут обилие мысли, что могло бы им развиться в книгу, а вот канет в бездну №№ газет, эту бездну, поглотившую такое множество хороших вещей» (РНБ. Ф. 847. № 786. Л. 14—14 об.). В конце 1886 —начале 1887 г. **Г.-П.** словно бы на одном дыхании написал книгу о положении Русской церкви в короткий (всего 6-летний) период обер-прокурорства **П.** — ее композиция довольно рыхлая, мысль автора по вдохновению переходит от одной темы к другой, и создается впечатление, что составлена она без какого-либо плана и по большей части из «непроходных» передовых статей.

Поводом, безусловно, не могла не послужить личная обида на **П.** — и за двухнедельную приостановку газеты в апреле 1885 г., и за отказ посодействовать получению финансовой помощи от мецената Ю. С. Нечаева-Мальцева в 1886 г., и за упорное нежелание отдать должное принципиальной позиции **Г.-П.**-публициста по многим вопросам веры и Церкви. Однако куда важнее было стремление выполнить свой гражданский долг. Откровенные письма **Г.-П.** к **П.** вызывали только раздражение, а правдивые публикации в его газете — еще более интенсивные эмоциональные реакции.

20.VIII.1887 г. **Г.-П.** писал И. П. Корнилову: «Мое ходатайство за сохранение чести Успенского собора возбудило также ярость моего друга и вызвало колкие письма от него ко мне. А на днях конфиденциальным внушением из Главного управления по делам печати передано мне замечание обер-прокурора Св. Синода, что газета моя якобы позволяет себе оскорбительные отзывы о духовных сановниках и противодействует миссионерству! Вы удивляетесь? Меня это не только удивляет, но бесит. Я сбирался писать Победоносцеву, уличить его в недобросовестной оценке; но раздумал. Раздумал именно по случаю кандидатуры моей в „Московские ведомости“. Только раздражишь еще более этого слепца, не разбирающего, где враги и где друзья Церкви. Тем не менее в духовно-учебных заведениях моя газета подвергается проскрипции. К газетам и журналам с полунигилистическим содержанием, к газетам-буфам, опереточного и грязного содержания, относятся снисходительно, а „Современные известия“ преследуются. Вот и пойдите!» (РНБ. Ф. 377. № 592. Л. 5 об.—6). В этих условиях, считая, что ему необходимо быть услышанным, **Г.-П.** обратился к вольной заграничной печати. Помог ему в этом близкий к нему в те годы Н. Н. Дурново, газета которого «Восток», также преследовавшаяся синодальными властями во главе с **П.**, 31.I.1886 г. завершила свое существование. Книга **Г.-П.** стала первой в издаваемой Дурново серии «Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева» (в 1887—1889 гг. вышли вып. 1, 2 и 4).

В значительной своей части повествование **Г.-П.** посвящено недостойным руководителям религиозной жизни — современным ему архипастырям. В свое время прп. Серафим Саровский, как известно, предсказывал, имея в виду как раз события второй половины XIX в.: «Мне <…> убогому Серафиму, от Господа Бога положено жить гораздо

более ста лет. Но так как к тому времени архиереи так онечестивятся, что нечестием своим превзойдут архиереев греческих во времена Феодосия Юнейшего, так что даже и важнейшему догмату Христовой веры — Воскресению Христову и всеобщему Воскресению — веровать не будут, то посему Господу Богу угодно до времени меня, убогого Серафима, от сея превременныя жизни взять и затем во утверждение догмата Воскресения, воскресить меня...» **(**цит. по: Россия перед Вторым пришествием: (Материалы к очерку Русской эсхатологии): <В 2 т.>. 3-е изд., испр. и расшир. СПб.; М.: О-во свт. Василия Великого, 2003. Т. II. С. 512—513**)**. **Г.-П.**, конечно, не мог знать о «Великой Дивеевской тайне», и тем очевидней его книга свидетельствует об исполнении мрачного пророчества.

Следует упомянуть и о таких источниках сочинения **Г.-П.**, послуживших толчком к его созданию, как книга С. И. Ширского «Чего надо желать для нашей Церкви», составленная под редакцией Н. В. Елагина (СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1882—1885. Вып. I—II), и ежегодные Всеподданнейшие доклады **П.** по ведомству православного вероисповедания, которые стали мишенью нелицеприятной критики **Г.-П.**

Возникает вопрос: почему **Г.-П.** решил воспользоваться услугами вольной, неподцензурной печати, казалось бы делавшей книгу малодоступной широкому читателю в России и, следовательно, ставившей крест на ее судьбе? Думается, во-первых, у **Г.-П.** не было сомнения, что до главного адресата, **П.**, книга обязательно дойдет. Именно достучаться до него и ставил своей первоочередной задачей автор. И **П.**, по всей видимости, стал внимательным читателем книги **Г.-П.** сразу после ее выхода в свет, что, безусловно, не улучшило взаимоотношений бывших друзей. Тем не менее, после кончины **Г.-П.** целый ряд его рекомендаций, особенно по новому территориальному устроению отдельных епархий, был воплощен в жизнь (они отмечаются в комментариях). Косвенным свидетельством этого знакомства **П.** с книгой **Г.-П.** служат, на наш взгляд, воспоминания богослова Е. А. Лебедевой о ее отце, близком друге **П.**: «...отец мой свободно шел к К<онстантину> П<етрови>чу со всяким нужным делом, с просьбою, ходатайством, даже разоблачением иных злоупотреблений, про которые приходилось узнавать, и К<онстантин> П<етрович> тоже обращался к нему по разным поводам и с поручениями. Так, помню, он прислал ему на просмотр один заграничный памфлет на наше церковное устройство» (*Лебедева Е.* Воспоминания о протоиерее Александре Алексеевиче Лебедеве // Богословский вестник. 1916. Т. III, окт./дек. С. 198). Если это была книга **Г.-П.**, то вероятнее всего, что прот. А. А. Лебедев, крупный специалист в области сравнительного богословия и преданный ученик такого православного мыслителя, как А. М. Бухарев (архим. Феодор), конечно же, во многом поддержал **Г.-П.**

Во-вторых, как это ни парадоксально, именно запрещенные, изданные за границей книги подчас быстрее находили заинтересованного читателя в России, нежели даже легально прошедшие через цензурные рогатки. Об этом писал **Г.-П.** в одной из своих поздних передовых статей, где высказывался за отмену института иностранной цензуры. Он свидетельствовал: «На каждой толкучке, среди книжного хлама, продаваемого букинистами, найдете непременно и такие, которые значатся в числе „безусловно запрещенных“. <...> ...несмотря на цензуру, каждый желающий все-таки может приобрести, по крайней мере прочитать, любую, хотя бы наизапрещенную книгу, употребив лишь несколько более обыкновенного усилие» (<***Г.-П.***>. Москва, 22 октября // *СИ*. 1880. 23 окт. № 293. С. 2).

При подготовке настоящего издания к печати нами была выявлена в фонде «Вольной печати» РНБ анонимно изданная брошюра «Нечто о Российском Св. Синоде, еди-

новерии, о. Иоанне Верховском и Белокриницкой иерархии» (Лейпциг: Тип. Ф. А. Брокгауза, 1887. 28 с.), поступившая в РНБ, судя по первоначальному штампу на титульном листе, из реквизированной после революции Библиотеки С.-Петербургской ДА. Эта брошюра содержит куда более резкие инвективы в адрес православной иерархии, нежели кн. *Нечто*, а также — буквально точные фрагменты из нее, например: об архиеп. Иосифе (Сокольском) и прениях со старообрядцами в доме И. С. Шумова (с. 15—17). Не републикуем это, ценное само по себе, произведение в наст. изд. (его принадлежность перу **Г.-П.** для нас несомненна), поскольку в нем нет прямых отсылок к деятельности и взглядам **П.**

В российских книгохранилищах удалось обнаружить только два экземпляра кн. *Нечто* — оба в Москве: в Государственной общественно-политической библиотеке и в Государственной публичной исторической библиотеке. При републикации текста книги, как и при публикации впервые вводимых в научный оборот текстов писем и документов, бережно сохранялись их стилистические и некоторые пунктуационные особенности. Орфографическое своеобразие текстов **Г.-П.** имеет принципиальные авторские обоснования. Ведь, как известно, он видел в русском языке особую духовную реальность, наделенную исторической памятью, глубоким нравственным содержанием («совестью») и творческим бытием («творящей этимологией»). Об этом он подробно высказывался в своих «Экскурсиях в русскую грамматику» (1883), неоконченном лингвистическом исследовании о русском глаголе и в переписке с акад. Я. К. Гротом за 1884—1885 гг. (РНБ. Ф. 847. № 624; СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 3. № 246; не опубликована), который прислушивался к замечаниям **Г.-П.** и даже внес изменения в свой труд «Русское правописание» (СПб., 1885).

Было последовательно упорядочено только написание строчных и прописных букв. Безусловно удерживались книжные формы прилагательных на — *ый/-ий* и параллельные им просторечные — на *-ой/-ей*, а также формы творительного падежа именного склонения на *-ой/-ей* или на *-ою/-ею* и устаревшие глагольные словообразования.

Угловые скобки означают редакторскую конъектуру. Отсылки к публикаторским примечаниям в конце даются в тексте сплошной нумерацией арабскими цифрами, а под звездочками даны постраничные сноски, составленные самим автором. Все даты как в тексте книги, так и в примечаниях приводятся по старому стилю.

Выражаю свою признательность сотрудникам РО ИРЛИ Т. С. Царьковой, М. В. Родюковой, Е. Б. Фоминой, Н. Н. Колесовой и др., оказавшим всемерное содействие в деле ознакомления с архивом **Г.-П.**, в период подготовки книги к печати прошедшего лишь предварительную разборку и не имевшего полного научного описания (поэтому номера единиц хранения, указываемые при ссылках на документы из этого фонда, не могут считаться окончательными и впоследствии, вероятно, будут скорректированы; то же следует сказать и о номерах листов цитируемых автографов), а также главному библиотекарю РНБ Н. Б. Роговой и зав. Отделом рукописных фондов ГЛМ Е. М. Варенцовой. Сердечно также благодарю Б. Ф. Егорова и о. Павла Хондзинского, чья деятельная и компетентная поддержка проекта сделала возможным выход книги в свет.

Поскольку кн. *Нечто* состоит из фрагментов-глав, отделенных друг от друга небольшой чертой и обладающих содержательной законченностью, и только два из них озаглавлены самим **Г.-П.**, для удобства чтения и в соответствии с традиционной практикой публикации такого рода текстов в посмертных изданиях (например, передовых статей И. Аксакова, Каткова, **Г.-П.**) в угловых скобках нами даны краткие названия глав, позволяющие легко ориентироваться в книге.

[1] *Творение Феофана Прокоповича — Русский «Правительствующий» Синод...* — Задумав в 1718 г. ввести коллегиальную форму управления для различных областей государственной жизни, Петр I решил создать Духовную коллегию. По его поручению еп. Псковский (впоследствии архиеп. Новгородский) Феофан (Прокопович) написал вполне неканоничный по содержанию «Духовный регламент» (точнее: «Регламент, или Устав Духовной коллегии», 1721), в котором были указаны мотивы замены патриаршего управления Русской церковью коллегиальным, права и обязанности Духовной коллегии и ее состав.

[2] *...президентами, вице-президентами, асессорами и советниками...* — Этим должностям в штате Духовной коллегии соответствовали лица следующих духовных санов и званий: митрополиты, архиепископы, протоиереи и архимандриты.

[3] *...признал его в 1722 году своим во Христе братом Константинопольский патриарх Иеремия, приславший грамоту ~ лично от себя, что сделал также и патриарх Антиохийский Афанасий...* — Петр I в 1721 г. обратился к патр. Константинопольскому Иеремии III с ходатайством о признании Восточными патриархами Св. Синода. Тот прислал сначала предварительный положительный ответ 1.II.1722 г., а 23.IX.1723 г. — грамоту, дублированную почти тождественной грамотой патр. Антиохийского Афанасия (Иерусалимский патр. Хрисанф был тяжело болен, а Александрийская кафедра тогда была вакантна), в которых называли Русский Синод своим «во Христе братом», имеющим право совершать то же, что и патриаршие престолы. Петр добился таким образом формальной легализации церковной реформы.

[4] *...грамоты патриаршие об установлении в России патриаршества...* — Любопытно, однако, что «Уложенная грамота» об этом, составленная в Москве, была подписана в мае 1589 г. под давлением русских властей одним Иеремией II Траносом, патр. Константинопольским, и в ней лишь упоминалось о согласии всех Восточных патриархов на учреждение в Москве патриаршества. **Г.-П.** имеет в виду Соборную грамоту от 8.V.1590 г., содержавшую 106 подписей.

[5] *Патриархи Александрийский и Иерусалимский и архиепископ Кипрский ~ Константинопольской и Антиохийской.* — Перечислены все четыре Восточные патриархии с архиепископией Кипрской, соборное согласие которых было необходимо для утверждения автокефальности Церкви и ее высшего управления.

[6] *Кириарх* — иерарх.

[7] *...Петровскую Духовную коллегию, в которой из 13 заседавших ~ 4 были архиереями...* — По регламенту, Духовная коллегия должна была состоять из 12 членов разных духовных степеней и должностей, причем только трое из них должны быть обязательно архиереями.

[8] *...«ведомство православного исповедания»...* — Административный термин, использовавшийся во внутренних гражданских документах с середины 1830-х гг. и обозначавший обычно Синод с его Канцелярией.

[9] *...с их...* — Исправлено, в тексте ошибочно: «с ее».

[10] *...преосвященный Ярославский...* — Архиеп. Ионафан (Руднев), возглавлявший Ярославскую и Ростовскую кафедру с 28.II.1877 г. по 26.XI.1903 г. (еп. до 15.V.1883 г.).

[11] *...поповцам и беспоповцам...* — Названы представители двух главных течений в старообрядчестве: имевшие священство и отрицавшие его необходимость для спасения души, таинство брака и др.

[12] *Штундисты* — последователи вероисповедного течения штунды (от *нем.* die Stunde — час) — рационалистической, хотя и не чуждой мистических элементов (в отличие от

баптизма) секты, возникшей в 1860-х гг. в южных губерниях России. Штундисты отвергали церковную обрядность, иконопочитание, культ святых и др.

[13] *Молокане* — представители особого течения в так называемом «духовном христианстве», которое оформилось в 1760-х гг. Молокане отказались от некоторых таинств и упростили оставшиеся; они были противниками православных обрядов, почитания икон, мощей и др. Название «молокане» — скорее всего прозвище, которое дали им православные то ли потому, что молокан ссылали на р. Молочную в Мелитопольском уезде, то ли потому, что они употребляли молоко в постные дни (есть и др. версии). Сами же молокане связывают название с текстом Св. Писания: «...возлюбите чистое словесное молоко» (1 Пет 2: 2).

[14] *Шалапуты* (самоназвание — «духовные христиане») — последователи рационалистической секты, возникшей в 1860-х гг. на юге России; они отвергали обрядовую сторону православия, иерархию и др. и ригористически следуют нравственным принципам.

[15] *Паписты* — католики.

[16] *...Иннокентий...* — Имеется в виду святитель Иннокентий (Попов-Вениаминов), митр. Московский и Коломенский с 5.I.1868 г. по 31.III.1879 г.

[17] *...в Москве на подворье Троицком...* — Основано на берегу реки Неглинной, на земле, приобретенной Троице-Сергиевым монастырем в 1609 г.; в XVIII в. получило название Троицко-Сухаревского — по Сухаревской башне, возведенной по соседству в 1695 г. Оно являлось постоянной резиденцией митрополитов Московских с 1815 по 1923 г.

[18] *...в Чудове...* — Кафедральный Чудов (Алексеевский Архангело-Михайловский) мужской монастырь, основанный свт. Алексием в 1365 г. в восточной части Московского Кремля, был разрушен в 1929—1930 гг. Название происходит от посвящения соборного храма обители — во имя Чуда св. Архистратига Михаила в Хонех (античный г. Колоссы во Фригии). При Чудовом монастыре, рядом с кельями его наместника, находились Патриаршие (митрополичьи) палаты — основное местопребывание первосвятителей Московских с 1744 по 1815 г.; впоследствии в них подолгу живал митр. Филарет (Дроздов); однако следующие владыки отдали эти палаты под братское общежитие; в 1880—1881 гг. митр. Макарий (Булгаков) устроил митрополичьи покои в другом месте — они с западной стороны примыкали к церкви Ап. Андрея Первозванного; в середине 1890-х гг., однако, почитатель Филарета митр. Сергий (Ляпидевский) восстановил прежние митрополичьи палаты. См.: Московский кафедральный Чудов монастырь. М.: Изд. Чудова мон-ря, 1896. С. 34.

[19] *...в Черкизове...* — Имеется в виду митрополичья (архиерейская) дача в Черкизове (старинном селе на северо-востоке Москвы; ныне местность в черте города между Преображенской площадью и Щелковским шоссе), приобретенном свт. Алексием в 1360 г. и вплоть до 1764 г. бывшем главной вотчиной Чудова монастыря. Усадьба в Черкизове использовалась как летняя резиденция митрополитов. В 1760-х гг. митр. Тимофей (Щербацкий) восстановил здесь архиерейский дом, а в 1868—1870 гг. архитектор В. Н. Корнеев выстроил деревянный дом-дворец в стиле эклектики для митр. Иннокентия (Попова-Вениаминова). (Митрополичья дача сгорела в 1998 г., восстанавливается с 2007 г.) В 1885 г. **Г.-П.** купил себе дачу в Черкизове.

[20] *...в Петербурге?* — Речь идет о Троицком подворье в Петербурге, возведенном к 1756 г. на набережной р. Фонтанки, д. 44, близ Аничкова моста (с 1715 г. находилось в начале 15-й линии Васильевского острова), и перестроенном в 1844—1850 гг. архитектором А. М. Горностаевым. (С 1939 г. в здании бывшего подворья помещается Центральная городская библиотека им. В. В. Маяковского.)

[21] *...заслуги Антония Казанского, иерарха глубокоученого...* — Архиеп. Антоний (Амфитеатров) — выдающийся духовный писатель, автор трудов по догматическому, пастырскому и нравственному богословию, сборников проповедей и др. См.: Высокопреосвященный Антоний (Амфитеатров), архиепископ Казанский и Свияжский / Сост. по личным воспоминаниям и по печат. и письмен. документам архим. Сергием (Василевским). Казань, 1885. Т. I—II.

[22] *...архиепископа Палладия ~ в короткий срок перемещенный уже на пятую архиерейскую кафедру...* — Архиеп. Палладий (Раев) задерживался в очередной епархии, в которую назначался, в среднем два с половиной года; и только на кафедрах в Тифлисе и Петербурге (уже после кончины **Г.-П.**) оставался по 5 лет.

[23] *...родоначальника царей русских...* — Подразумевается инок Филарет (Романов), в 1605 г. освобожденный Лжедмитрием I из Антониево-Сийского монастыря, куда был по насильственном пострижении сослан, тогда же занявший церковный пост митр. Ростовского, а в 1608 г. ставший в Тушинском лагере и «нареченным патриархом».

[24] *...свв. Леонтия, Исаии, Игнатия, Иакова, Феодора и Димитрия...* — Поименованные святители возглавляли Ярославскую и Ростовскую епархию (в отдельные периоды она называлась иначе) в конце XI — начале XVIII в.

[25] *...Филарету, впоследствии Московскому, Филарету, впоследствии Киевскому, Евгению Казанцеву, Нилу Исаковичу и Димитрию Муретову?* — Названные владыки управляли Ярославской и Ростовской епархией в следующие периоды: Филарет (Дроздов) — в 1820—1821 гг., Филарет (Амфитеатров) — в 1836—1837 гг., Евгений (Казанцев) — в 1837—1853 гг., Нил (Исаакович) — в 1853—1874 гг. и Димитрий (Муретов) — в 1874—1876 гг.

[26] *...Александро-Свирский монастырь...* — Свято-Троицкий Александра Свирского мужской монастырь, основанный в конце XV в. прп. Александром Свирским в Олонецком крае (ныне в 21 км к северо-западу от г. Лодейное Поле Ленинградской обл.).

[27] *...архиепископу Аркадию, во все долговременное управление Олонецкою епархиею.* — Архиеп. Аркадий (Федоров) возглавлял Олонецкую и Петрозаводскую епархию в течение 18 лет — с 29.III.1851 г. по 7.VII.1869 г.

[28] *...ярославский Толгский монастырь...* — Толгский в честь Введения во храм Пресв. Богородицы монастырь основан в 1314 г. в Ярославле на левом берегу Волги — на месте чудесного обретения иконы Богородицы; поименован по названию протекающей рядом речки Толга.

[29] *...об архиепископе Казанском...* — Имеется в виду высокопреосв. Палладий (Раев), архиеп. Казанский и Свияжский с 21.VIII.1882 г. по 29.IX.1887 г.

[30] *...Казанского архиерейского в Москве подворья...* — С XVII в. располагалось близ Кремля, в Ветошном переулке Китай-города.

[31] *...с Седмиезерской пустыни...* — Седмиезерская (Семиозерная) Богородицкая мужская пустынь, основанная в 1615 г. в 17 верстах к северу от Казани (ныне в с. Семиозерка Высокогорского р-на Респ. Татарстан).

[32] *...об Калужском епископе...* — Подразумевается преосв. Владимир (Никольский), еп. Калужский и Боровский с 14.V.1881 г. по 2.V.1888 г.

[33] *...калужским Лаврентиевым монастырем...* — Монастырь во имя Рождества Пресвятой Богородицы и блаженного Лаврентия Калужского, основанный в 1515 г., резиденция Калужских архиереев.

[34] *...боровский Пафнутиевский монастырь...* — Мужской монастырь (первоначально Рождественский), основанный в середине XV в. игуменом Покровско-Высоцкого монастыря Пафнутием (ныне в 2 км от г. Боровска Калужской обл.).

[35] *...об Владимирском архиепископе...* — Имеется в виду высокопреосв. Феогност (Лебедев), архиеп. Владимирский и Суздальский с 9.XII.1878 г. по 21.XI.1892 г. (еп. до 15.V.1883 г.).

[36] *...Рождественского монастыря во Владимире...* — Богородице-Рождественский мужской монастырь, основанный в 1191 г., резиденция Владимирских архиепископов (с 1744 г.).

[37] *...Суздальского архиерейского в Москве подворья.* — Располагалось в центре, на углу улиц Рождественки и Софийки; ему принадлежало несколько домов, которые в XIX в. приспосабливали под торговые лавки.

[38] *...монастырь Боголюбов.* — Свято-Боголюбский мужской монастырь, основанный кн. Андреем Боголюбским в 1155 г.; находился близ оживленной дороги, соединявшей Нижний Новгород и Казань (ныне в пос. Боголюбово Суздальского р-на Владимирской обл.).

[39] *...епископу Орловскому...* — Подразумевается преосв. Симеон (Линьков), еп. Орловский и Севский с 13.II.1883 г. по 3.VI.1889 г.

[40] *...Площанской общежительной пустыни...* — Казанская Богородицкая Площанская общежительная мужская пустынь располагалась в Севском уезде Орловской епархии (ныне в Брасовском р-не Брянской обл.), на вершине горы над Площанским озером.

[41] *...другие иерархи, как Пензенский, Уфимский...* — Речь идет о преосвященных Антонии (Николаевском), еп. Пензенском и Саранском с 14.V.1881 г. по 15.IV.1889 г., и Дионисии (Хитрове), еп. Уфимском и Мензелинском с 12.XII.1883 г. по 8.IX.1896 г.

[42] *В 1883 году епископ Ефрем, 70-тилетний старец...* — Преосв. Ефрему (Рязанову) на тот момент исполнилось 66 лет.

[43] *...в 1885 году ради того же перемещен в Вятку семидесятилетний старец Нижегородский епископ Макарий...* — Преосв. Макарию (Миролюбову) тогда было 68 лет.

[44] *...удалять на покой таких епископов-аскетов, как преосв ященный Петр...* — Еп. Петр (Екатериновский) 9.VII.1883 г. был лишен Томской и Семипалатинской кафедры и одно время проживал на покое в Оптиной пустыни; но вскоре был назначен управляющим сначала Ново-Спасским, затем Заиконоспасским монастырями в Москве и членом московской Синодальной конторы. **Г.-П.** мог его знать по периоду 1867—1869 гг., когда тот, вернувшись из Якутии, состоял управляющим Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря и членом московской Синодальной конторы.

[45] *...начиная от островов Алеутских и кончая Томскою епархиею...* — Восточнее Алеутских островов, на о. Ситха (недалеко от Канадского берега Северной Америки), располагалась Ново-Архангельская ДС, где преосв. Петр (тогда архим.) был ректором в 1857—1859 гг.; затем вплоть до 3.VII.1867 г. состоял викарным епископом Камчатской епархии. Еп. Томским и Семипалатинским был с 19.XI.1876 г. по 9.VII.1883 г.

[46] *...достойные и смиренные епископы ~ не ищут наград орденами.* — По убеждению **Г.-П.**, подобные награды, не предусмотренные канонами, привносили в церковную жизнь черты чиновнического карьеризма. В марте 1885 г. **Г.-П.** приветствовал Синодальный указ, требовавший от священников при богослужении «не возлагать на себя светских отличий». Он писал: «Если это шаг к тому, чтоб вообще упразднить или, по крайней мере, ослабить обычай так называемых „светских" наград духовенству, то и тем более должно радоваться. Невозможно исчислить вред, нанесенный Церкви нововведением, которому безуспешно сопротивлялся митрополит Платон <(Левшин)>, возмущавшийся тем, что архиерею или священнику придется быть „кавалером". <...> К „наградам" духовные лица потянулись, и так как на первый раз награды давались не за самое священ-

нослужение, а за исправление каких-нибудь должностей на государственной службе в священнослужительском сане, то иерейство стало добиваться должностей законоучителя, депутата, увещателя и т. п. Естественно, оттягивалось оно этим от прямых своих обязанностей к пастве. <...> Каждый священнослужитель есть, несомненно, подданный Государя и обязан быть его слугой, но самое священство его истекает из другого строя, церковного, а не государственного, и основано на начале, отличном от государственной службы, хотя и совместимом с нею: оно есть не пожалование от Государя, а благодать Св. Духа, ниспосылаемая чрез рукоположение» (<***Г.-П.***>. Москва, 4 марта: Дневное обозрение // *СИ*. 1885. 5 марта. № 62. С. 2). Упомянутую должность увещателя подсудимых священники занимали при судах и присутственных местах. См. также о наградах в главе «<Неканоничные распоряжения Св. Синода>» и примеч. к нему.

[47] *...во время пребывания в Петербурге.* — Т. е. в периоды присутствия архиереев в Синоде.

[48] *...к нынешнему митрополиту Московскому...* — Митр. Иоанникий (Руднев), возглавлявший Московскую и Коломенскую епархию с 27.VI.1882 г. по 17.XI.1891 г.

[49] *Митрополит устраивает общежитие в семинариях Вифанской и Московской...* — Довольно обширные работы в обеих семинариях производились в мае—сентябре 1885 г. По инициативе митр. Иоанникия были устроены общежития, рассчитанные на всех воспитанников семинарий, за что в Вифании его прозвали «вторым Платоном» — по имени основателя семинарии митр. Платона (Левшина) (см.: *Георгий (Данилов), игум.* Спасо-Вифанская семинария: К 200-летию основания: Ист. обзор // Богословский вестник. 1998. № 1. С. 23). См. также: Речь Высокопреосвященнейшего Иоанникия, митрополита Московского и Коломенского, при открытии общежития при Московской духовной семинарии; Торжество открытия епархиального общежития при Московской духовной семинарии <10.IX.1885 г.> // Православное обозрение. 1885. Т. III, окт. С. 375—395.

[50] *...митрополит устраивает 2-е женское епархиальное училище...* — В 1876 г. д. 22 по ул. Большая Ордынка (построен в 1817 г.) был пожертвован его владельцем Д. И. Хлудовым для Московского епархиального училища иконописания, а в 1885 г. перестроен для Мариинского женского епархиального училища. Митр. Иоанникий основал его по образцу Филаретовского училища — первого в Москве духовного училища для девочек. 17.X.1886 г. в здании Мариинского училища была освящена домовая церковь во имя Введения во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии. В училище принимались девочки 10—12-летнего возраста (преимуществом пользовались дочери священнослужителей); после 6 лет обучения девушки получали право работать в должности учительниц церковно-приходских и народных школ. (Ныне здание занимает Межгосударственный авиационный комитет.)

[51] *...в 1-е Филаретовское.* — Училище было открыто в 1832 г. под названием Воспитательного отделения при Горихвостовском доме призрения. В 1865 г. переведено в специально выстроенное для него в 1861 г. здание в бывшем владении Чудова монастыря (так называемом Заборовском подворье), в Харитоньевском пер., д. 5. В 1865 г. в середине главного корпуса устроена церковь во имя праведного Филарета Милостивого. Поначалу первое епархиальное женское училище называлось «Домом воспитания девиц духовного звания», впоследствии — просто Филаретовским. (Ныне в этом здании находится Военно-морской штаб.)

[52] *...на открытие закрывшихся церквей.* — Подразумевается ликвидация последствий массового закрытия церквей начиная с 1869 г., проводившегося в видах улучшения материального положения причтов. 16.IV.1869 г. Главное присутствие по делам православ-

ного духовенства издало свое печально знаменитое Постановление о «нормальном составе приходских причтов» («один священник в звании настоятеля и один причетник в звании псаломщика»). По всей территории России началось укрупнение приходов, повлекшее за собой перевод многих церквей в разряд приписных либо их закрытие. Отменено это Постановление было только 16.II.1885 г. — новым Определением Св. Синода о штатах приходского духовенства (см. ниже примеч. 322).

[53] *...от дарового учительства в Церкви...* — Вероятно, имеется в виду преподавание Закона Божия в школах. **Г.-П.** полагал, что безвозмездное законоучительство — прямой долг приходского духовенства. Так, когда Н. С. Лесков по поручению своего начальства по Ученому комитету Министерства народного просвещения составил особый доклад «О преподавании Закона Божия в народной школе: Выписка из Журнала Особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения 4 декабря (1879 г., № 387)» (СПб., 1880), вышедший ограниченным тиражом (80 экз.) и в продажу не поступавший, — **Г.-П.** подверг его критике в передовой статье «Современных известий» № 308 от 7.XI.1881 г., поскольку видел в предложении привлекать к законоучительству светских лиц «превратную постановку дела», так как «начальное обучение народа, и притом не одному Закону Божию, а вообще, есть *обязанность* духовенства...» (*Вопросы веры и Церкви*. Т. II. С. 298, 299).

[54] *...к обряду старому, т. е. единоверческому...* — См. об этом далее, в главе «<Об Единоверческой церкви>».

[55] *Симония* — коррупция в церкви; от имени Симона Волхва, который, согласно «Деяниям апостолов», хотел получить от апостолов рукоположение за деньги.

[56] *Заручная,* или заручное прошение, — представление епископу о членах причта, избранных прихожанами. Заручные пошли в ход после Владимирского собора епископов 1274 г.

[57] *В богатом приходе Св. Троицы, именуемом «на Полях», близ Никольской...* —Церковь Живоначальной Троицы, что в Полях (у Китайской стены), между Никольской ул. и Китайской стеной, имела три престола: Святой Троицы, свт. Николая Чудотворца и прп. Сергия Радонежского. Впервые упомянута как деревянная в 1493 г., каменная — в 1689 г.

[58] *Только глубокоуважаемый митрополит Киевский Платон ~ назначает пастырей к церквам, избираемых самими прихожанами.* — Митр. Платон (Городецкий) возглавлял Киевскую и Галицкую кафедру с 4.II.1882 г. по 1.X.1891 г. Его распоряжению, «восстанавливавшему апостольский порядок в избрании пастырей», **Г.-П.** посвятил особую передовицу (№ 292 от 24.X.1884 г.), которая начиналась так: «Высокопреосвященный Платон, митрополит Киевский, предложил консистории, чтобы лица, которые желают занять священно-церковнослужительские места в приходах или перейти на службу из одного прихода в другой, присоединяли к своим прошениям засвидетельствованные отзывы от *прихожан*, что последние желают иметь их в причте. Поводом к такому предложению послужили неоднократные случаи, что прихожане просят об удалении насланных членов причта, особенно священников, просят дать лучших, даже не допускают нелюбимых священников совершать богослужение, и отсюда возникают следственные дела» (*Вопросы веры и Церкви.* Т. II. С. 454).

[59] *...постоянное нарушение в богослужении в Большом Успенском соборе...* — См. переписку на с. 203—205, 238—251 и в *Нечто* главу «<Об Успенском соборе>».

[60] *...в новый московский кафедральный собор...* — Строительство кафедрального соборного храма Христа Спасителя (храма Рождества Христова) в Москве было начато

в 1832 г., потом он был 23.IX.1839 г. заложен на новом месте, а освящен только 26.V.1883 г.

[61] О Херувимской песне см. примеч. 130.

[62] *...Архангельском...* — См. примеч. 5 к п. 84. Любопытно, что уже после кончины **Г.-П.**, но в обер-прокурорство **П.**, согласно Высочайшему повелению, Св. Синод указом от 23.II.1895 г. за № 809 передал Архангельский собор из епархиального в придворное ведомство со всем имуществом, капиталом и (временно) причтом (см.: Московские церковные ведомости. 1895. 12 марта. № 11. Отд. офиц. С. 23—24).

[63] *...Благовещенском...* — Собор в честь Благовещения Богородицы, расположенный на Соборной площади Московского Кремля, был возведен в 1489 г. на месте старого собора начала XV в., достраивался в 1564 г. и 1572 гг. Вплоть до XVIII в. являлся домовой церковью Государей: его настоятели одновременно были их духовниками; впоследствии придворный статус протопресвитеров собора сохранился.

[64] *...Николо-Гостунском...* — Речь идет не о знаменитом соборе Николая Чудотворца Гостунского, возведенном близ колокольни Ивана Великого в 1506 г. и названном по иконе свт. Николая Мирликийского, присланной с р. Гостуни: он по распоряжению имп. Александра I был разобран в одну ночь 7.VIII.1817 г. — «как обветшавший и, по местоположению своему и по бедности архитектуры, делающий безобразие Кремлю» **(***Розанов Н.* История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода (1721—1821): <В 3 ч.>. М.: Синодал. тип., 1869. Ч. III, кн. 2. С. 47**)**; на его месте был устроен плац для военных парадов. Престол Николая Гостунского перенесли на третий ярус соседней колокольни Ивана Великого. Именно его и продолжали называть Николо-Гостунским собором (закрыт в 1918 г., ныне считается приделом церкви Прп. Иоанна Лествичника).

[65] *...(...нахождение в Москве 7 архиереев)...* — Помимо митрополита с двумя викарными епископами (Дмитровским и Можайским), в московских монастырях на покое всегда пребывали архиереи, отрешившиеся от епархиально-административных дел по болезни либо в связи с преклонными летами. Например, в описываемый период, с 16.II.1886 г. (и вплоть до 18.XII.1895 г.), настоятелем Донского монастыря был бывший еп. Герман (Осецкий), прежде управлявший Кавказской и Екатеринодарской епархией.

[66] *...предстоящее закрытие Синодальной конторы...* — Эти планы не были претворены в жизнь (во многом благодаря протестам московской общественности, в том числе и **Г.-П.**), и московская Синодальная контора просуществовала вплоть до 1917 г. Учрежденная в 1731 г. как отделение Св. Синода прежде всего для управления Патриаршей епархией, она до 1735 г. называлась *Святейшим Правительствующим Синодом в Москве.* Членами Синодальной конторы, как правило, назначались сам митрополит и один или два архимандрита из настоятелей московских ставропигиальных монастырей. Контора с помощью чиновников ее Канцелярии управляла ставропигиальными монастырями (исключая Соловецкий), Успенским собором и московским Синодальным домом, снабжала епархии св. миром и др.

[67] *...хор певчих под управлением ~ семидесятилетнего старца-директора Синодальной типографии...* — 21.I.1886 г. А. Н. Шишкову, о котором здесь идет речь, исполнилось 65 лет. До перехода в духовное ведомство он не был связан со сферой искусства: по окончании Института инженеров транспорта служил в Астраханской казенной палате и в 1868 г. стал во главе акцизно-питейного управления, с 1852 г. состоял секретарем Лебедянского общества сельского хозяйства Министерства государственных имуществ.

[68] *...для поддержания древнего столпового пения...* — Ср. статьи о «печальных беспорядках» в Успенском соборе, опубликованные в качестве передовых в газете «Восток» (см. о ней ниже примеч. 395) от 21.XI.1882 г. (№ 210) и 27.XII.1883 г. (№ 279). В первой из них говорилось: «...в Большом Успенском соборе уже три года как соборяне прекратили столповое пение и вместо них стали петь к соблазну и осуждению верующих безголосные <так!> соборные сторожа <...>. Не забудьте, что столповое пение в Успенском соборе <...> установлено издревле, не раз подтверждено указами Св. Синода и Высочайшими повелениями, и все это нарушено...» (с. 461). Во второй статье — о том же: «...Св. Синод, под видом улучшения быта духовенства, решил сократить и без того незначительный штат соборян, что вынудило последних прекратить столповое пение...» (с. 498). О столповом пении вообще см. примеч. 10 к п. 87.

[69] *В Успенском соборе штаты сокращены в 1869 году...* — По применению общего для Русской церкви закона о «нормальных штатах». См. примеч. 52.

[70] *...меры к повсеместному закрытию в России церквей ~ на печаль православно-русского народа.* — Возмущения этими мерами изредка проникали в печать и ранее. См., например, статью кн. В. П. Мещерского «Преобразование приходов в России», где утверждалось: «...даже при полном успехе административного слияния приходов религиозный быт нашего народа поколеблется так сильно, что государство наше может лишиться своей главной основы, которая и есть религиозный быт народа» (Гражданин. 1872. № 17. 24 апр. С. 586).

[71] *...в Архангельском соборе сокращение штата ~ в 1883 году...* — Поводом стало окончание постройки храма Христа Спасителя и перенос туда святительской кафедры. Архангельский собор был кафедральным храмом Московской епархии с 1743 по 1883 г.

[72] *...двух пресвитеров (да еще состоящих учителями в духовных семинариях)...* — Возможно, имеются в виду Филарет Сергиевский и Алексий Соколов.

[73] *...заупокойные литургии и панихиды по царственным особам...* — С октября 1508 г. Архангельский собор стал местом погребения Рюриковичей, а затем и Романовых; всего в нем 54 захоронения. С 1743 по 1883 г. был кафедральным храмом Московской епархии.

[74] *...перед чудотворными иконами...* — Главной святыней Архангельского собора являлась храмовая икона «Михаил Архангел с житием» (кон. XIV в.). Внутри храма слева от Царских врат в местном чине находилась икона Божией Матери «Благодатное небо» («Что Тя наречем»), празднование которой до начала XX в. было дважды: 6 марта и в Неделю Всех святых; по пятницам после литургии перед ней совершался молебен с акафистом и водоосвящением.

[75] *...мощами святых, в соборе почивающих?* — В Архангельском соборе находились раки благв. царевича Димитрия Углицкого (с 3.XI.1606 г.), а также благв. кн. Михаила и болярина Феодора Черниговских (с 1574 г.; см. также ниже примеч. 371) и вел. кн. Дмитрия Донского (с 19.V.1389 г.; канонизирован в 1988 г.).

[76] *...митрополит Петербургский...* — Высокопреосв. Исидор (Никольский), митр. Новгородский, С.-Петербургский и Финляндский. См. ниже примеч. 194.

[77] *По Всеподданнейшим отчетам г. Победоносцева...* — Ежегодные, публиковались в официальных печатных органах Св. Синода, перепечатывались в извлечениях крупными газетами, в том числе и «Современными известиями». С 1886 г. (отчет за 1883 г.) выходили отдельными изданиями.

[78] *...в запрещении служить в старообрядческих храмах на Рогожском кладбище... — Рогожское кладбище* — духовный центр старообрядцев-поповцев Белокриницкого согла-

сия в Москве (совр. адрес: Старообрядческая ул., д. 31а; основано в 1771 г. за Рогожской заставой). **Г.-П.** ведет речь о февральском событии 1884 г., когда по приказанию министра внутренних дел временные алтари в летнем и зимнем храмах на кладбище (престолы на амвонах для служения литургии белокриницкими священниками), разрешенные в 1881 г., были сняты (опечатаны 7.VII.1856 г.). Высочайший указ о распечатании алтарей вышел только 16.IV.1905 г.

79 *...с тех пор как австрийская иерархия наградила наших старообрядцев архиереями.* — Подразумевается деятельность митр. Амвросия Белокриницкого в 1848—1849 гг. по хиротонии епископов. См. примеч. 86.

80 *...недоброкачественными церезиновыми свечами...* — Церковные свечи, монополией на производство и продажу которых с 1721 г. владело духовное ведомство, должны были изготавливаться из чистого пчелиного воска. С 1830-х гг. стали делать фальсифицированные свечи из парафина, которые вскоре уступили место более дешевым *церезиновым* — из очищенного минерального воска, близкого по составу к окислившейся нефти.

81 *До падения Константинополя...* —Константинополь, столица Византийской империи, был захвачен турками-османами 29.V.1453 г.

82 *...в обителях ~ Метеорских...* — Метеоры (*греч.* Μετέωρα — «парящие в воздухе») — один из крупнейших монастырских комплексов Греции; расположен на вершинах грандиозных, как бы зависших в воздухе скал — каменных столбов, расположенных в горах Фессалии на севере страны. Был образован ок. X в.; в период расцвета (XVI в.) насчитывал 24 монастыря (ныне их 6).

83 *...с церквами: Печско-Сербскою и Славяно-Охридскою.* — Печская автокефальная патриархия (резиденция предстоятелей находилась в г. Печ (Ипек), ныне в области Косово), наследницей которой является Сербская церковь, имела два периода исторического развития — в 1346—1459 и 1557—1766 гг. Охридская архиепископия (патриархия), возникшая в 1018 г. и являвшаяся автокефальной Церковью для болгар в Османской империи, была подчинена Константинопольской патриархии на правах Преспанской митрополии в январе 1767 г.

84 *Еще менее имела сношений с церковию Константинопольскою — древняя церковь Грузинская (Иверская).* — Христианство стало государственной религией в Грузии в 337 г. Церковная организация находилась под омофором Антиохийского патриарха, от которого фактически не зависела уже с 467 г., а приобрела окончательно статус автокефальной Церкви в XI в. *Иберия, Иверия* — древнее название Восточной Грузии (Картли), упоминаемое античными и византийскими авторами.

85 *...в местечко Белая Криница...* — С 1780-х гг. центр поселения староверов-липован на Северной Буковине (ныне на территории Глыбокского р-на Черновицкой обл. Украины); назван по находившемуся здесь роднику с известковой водой. На базе основанного одновременно с селом мужского монастыря в 1844 г. была создана епархия, преобразованная в 1846 г. в митрополию, где посвящались старообрядческие священники и епископы отовсюду. В 1853 г. духовный центр старообрядцев был перенесен в Москву, а в 1940—1941 гг. — в Румынию, где в г. Брэила (в русской орфографии XIX в. — Браила) и поныне располагается резиденция митр. Белокриницкого.

86 *...поставить им единолично епископа.* — Старообрядцы, еще в 1844 г. получив от австрийских властей разрешение на учреждение в своем Белокриницком монастыре архиерейской кафедры, в начале 1846 г. прибыли в Константинополь, где стали убеждать безместного митр. Амвросия (Паппа-Георгополи), уже 6 лет как жившего в нужде с взрослым женатым сыном, присоединившись к русским старообрядцам, возглавить их.

16.IV.1846 г. владыка подписал соответствующий документ, а в конце мая выехал в Австрию. Некоторое время передвигался по турецкой территории в казачьей одежде с документами на имя казака-старообрядца и только в Добрудже получил от турецких властей архиерейский паспорт. 11 июля был представлен австрийскому императору Фердинанду. 12 октября прибыл в Белую Криницу, где был торжественно принят старообрядцами, а уже 28 октября торжественно присоединен к старообрядчеству чрез миропомазание. За более чем полтора года возглавления Старообрядческой церкви митр. Амвросий Белокриницкий совершил хиротонию не одного, а двух епископов: Кирилла Майносского и Аркадия Славского, а также пятерых священников и троих иеродиаконов.

[87] *...умер, состоя в лоне Православной церкви.* — В декабре 1847 г. имп. Николай I потребовал от правительства Австрии воспрепятствовать деятельности митр. Амвросия и закрыть Белокриницкий монастырь. Тот был вызван в Вену, где ему предложили либо покаяться и вернуться в юрисдикцию Константинопольского патриарха, либо отправиться в пожизненную ссылку. Митрополит выбрал последнее и 26.VII.1848 г. получил предписание отправиться в г. Цилли (ныне Целье в Словении), где прожил 15 лет вместе с семьей сына Георгия и скончался от водянки. Похоронен на греческом кладбище в итальянском Триесте, так как в Цилли не было православных кладбищ. В 1996 г. владыка Амвросий был причислен к лику святых решением Всеобщего Освященного собора, состоявшегося в с. Белая Криница, а в 2000 г. его останки перенесли в Покровский собор г. Брэила.

[88] *Буковина ~ область Черновицкого митрополита...* — В 1873 г. Буковинская епископия была возведена австрийскими властями в ранг самостоятельной митрополии с подчинением ей Далматской епархии и официально называлась Буковинско-Далматской митрополией, в состав которой входили три епархии: 1) Буковинско-Далматская и Черновицкая (на территории которой оказалась Белая Криница); 2) Далматско-Истрийская и 3) Боко-Которская, Дубровницкая и Спичанская.

[89] *...«самозваной» патриархии Карловицкой.* — Входившая в Сербскую церковь кафедра архиеп. Ипекского (Печского) была переведена из г. Печ в Сремски Карловцы и в 1848 г. возведена в ранг патриархата. Вплоть до 1919 г. она объединяла сербов Венгерского Подунавья и, согласно закону 1868 г., имела номинальные права на Угорскую Русь и Чехию. Русский Синод не поддерживал канонических отношений с «самозваной» патриархией. В тот период, с 10.I.1882 г. по 26.XI.1888 г., патр. Карловицким был Герман (Анджелич). Буковинско-Далматская митрополия существовала практически независимо от него, он только посвящал для нее архиереев по указке австрийского правительства.

[90] *...именовался «и Сочавским»...* — Поскольку христианизацией молдавских земель руководил с IX в. патр. Константинопольский, то по образовании в XIV в. Молдавского княжества, столицей которого до середины XVI в. был буковинский город Сочава (ныне г. Сучава на северо-востоке Румынии), он и управлял здесь церковной деятельностью. Митрополичья кафедра в Молдавии была основана в 1387 г. господарями самолично, но вскоре признана патр. Константинопольским; в Сочаве она обосновалась в 1402 г. и оставалась до переноса кафедры в Яссы (считается, что это произошло только в XVIII в.).

[91] *Молдавские митрополиты и ныне именуются «Сочавскими».* — Речь идет о митрополитах западной части исторического Молдавского княжества, в 1861 г. вошедшей в состав Румынии. С 6.VI.1875 г. по 26.I.1902 г. Молдавскую и Сочавскую кафедру занимал Иосиф (Наниеску).

[92] *...Иркутскому епископу...* — Имеется в виду еп. Вениамин (Багрянский), занимавший Иркутскую и Нерчинскую кафедру 9.XII.1789 г. по 8.VI.1814 г.

[93] *…«хранитель благочестия и хранитель по преимуществу есть самый народ, самое тело Церкви»…* — Неточная цитата из § 17 «Окружного послания Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всем православным христианам», составленного четырьмя восточными патриархами и 29 иерархами их патриархатов (подписано 6.V.1848 г.) в ответ на энциклику папы Пия IX «In suprema Petri apostoli sede» («На верховном Петра апостола престоле») от 6 января того же года. Приведем контекст: «…у нас ни патриархи, ни Соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия (ὑπερασπιςής τῆς θρησκείας) у нас есть самое тело Церкви, т. е. самый народ, который всегда желает сохранить веру свою неизменною и согласною с верою отцов его, как то испытали многие из пап и латинствующих патриархов, со времени разделения нисколько не успевшие в своих против нее покушениях…» **(**Окружное послание Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всем православным христианам: (Пер. с греч.). СПб.: В тип. Е. Фишера, 1849. С. 32**)**.

[94] *…должно разуметь Игнатия Лойолу ~ кодекс иезуитского ордена ~ учение, что цель оправдывает все средства…* — **Г.-П.** видел в иезуитах квинтэссенцию всей неправды практик католицизма. Любопытна его оценка известного труда Ю. Ф. Самарина «Иезуиты и их отношение к России. Письма к иезуиту Мартынову» (М.: Рус. архив, 1866; 3-е изд., доп.: М., 1870) в письме к И. Ф. Романову-Рцы от 2.XI.1886 г.: «Ю. Ф. Самарин, сложивший предо мною оружие, умолявший писать „Иезуитов" и только после моего решительного отказа взявшийся писать (и написавший монографию, по глубине и ясности не имеющую подобия)…» (*Письма к Романову-Рцы.* С. 248). Принцип «цель оправдывает средства» первый напрямую и с осуждением связал с деятельностью иезуитов Б. Паскаль в своих «Письмах к провинциалу» (1656—1657). Хотя сходное изречение встречается у Н. Макиавелли (1532), Т. Гоббса (1642) и др., его популярности способствовал выдержавший более 50 изданий трактат немецкого иезуита Г. Бузенбаума «Основы нравственного богословия» (Мюнстер, 1645), в котором провозглашалось, что «кому дозволена цель, тому дозволены и средства» и оправдывалось даже цареубийство.

[95] *…Рима и Мира…* – Изначально традиционное обозначение всех территорий Римской империи в титуловании римских императоров (Urbi et Orbi).

[96] *Провозгласив папу непогрешимым…* — Подразумевается догмат Римско-католической церкви, официально провозглашенный на Первом Ватиканском соборе 18.VII.1870 г. и утверждающий, что, когда папа определяет учение Церкви, касающееся веры или нравственности, не в частном учительстве, а ex cathedra, он огражден от самой возможности заблуждаться.

[97] *…папа ~ именем Христа прикрывает свой сатанизм…* — О люциферианском существе притязаний папизма **Г.-П.** писал в те годы и в связи с теократическими фантазиями Вл. Соловьева. См., например: «Придумывая унию новейшей конструкции, и В. С. Соловьев находит ее нужным тоже лишь для внешнего единства, которого, по мнению почтенного ученого, недостает для Церкви. Внешнее единство, то есть — единство власти, которое может быть логически завершено только признанием непогрешимого папы, где бы он ни сидел, в Риме или в другом месте. А духовная непогрешимость в единоличном воплощении — это есть демонизм вместо Христианства, перенесенный в Церковь» (*СИ.* 1885. 14 февр. № 43. С. 2).

[98] *В IV томе отзывов и мнений митрополита Московского Филарета…* — Далее довольно вольно (однако точно по смыслу) цитируется «Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода, графу А. П. Толстому, с мнением по вопросу о присоединении греко-униатов-мельхитов к Православной церкви (1860 г., в январе)» (*Собрание*

мнений и отзывов. Т. IV. С. 482—491). Это ответ на конфиденциальное письмо обер-прокурора Св. Синода гр. А. П. Толстого от 6.XII.1859 г., который передал просьбу патр. Александрийского Каллиника Олимпийского, чтобы на совещаниях Вселенской патриархии о присоединении греко-униатов к православию присутствовал еп. Кирилл (Наумов), начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме, что вызвало затруднения у Министерства иностранных дел.

[99] *Мельхиты*, мелькиты (от *сирийского* малка — царь) — термин, в древности обозначавший исповедников той же веры, что и византийские правители, — в отличие, например, от коптов и яковитов. Мельхитский обряд возник в 1724 г., когда после спорного избрания патриарха Антиохийского часть мельхитов присоединилась к католичеству. Мельхитскую церковь возглавляет патриарх Антиохийский, который проживает в Дамаске. См. о воссоединении мельхитов с Православной церковью: *Арсений <Иващенко>, архим.* Летопись церковных событий и гражданских, поясняющих церковные от Рождества Христова до 1879 года. СПб.: Славян. печ. (И. В. Вернадского), 1880. С. 821—822.

[100] *«Положим, что примут ~ рукополагать епископов» (489 стр.)*. — Ссылка неточна: см. данное утверждение, которое **Г.-П.** передал, пропустив несколько слов: *Собрание мнений и отзывов*. Т. IV. С. 488.

[101] *«Патриарх ~ к которой бы присоединиться» (488—489 стр.)*. — Данное утверждение, переданное не буквально, см.: Там же. С. 488.

[102] *...«...к 8-му правилу III Вселенского собора»*. — Это правило III Вселенского собора, созванного в Эфесе с 22.VI по 31.VII.431 г. в связи с ересью Нестория, патр. Константинопольского, ограждало границы Церквей, не допуская вмешательства одной автокефальной Церкви в дела другой, поскольку права каждой из них должны быть самостоятельны в своих пределах и неприкосновенны. Отсюда, между прочим, видный канонист Иоанн (Соколов) делал вывод, касающийся папства: «Так строго древние правила Отцов ограничивали власть духовную, и так далеки были от всякой мысли о вселенском главенстве одной какой-либо кафедры над всею Церковью» (*Иоанн, архим.* Опыт курса церковного законоведения. СПб.: Тип. <Е. Ф.> Фишера, 1851. Т. I, вып. II. С. 255).

[103] *«Предоставить их Церкви ~ с Константинопольским и Русским Синодами»...* — См.: *Собрание мнений и отзывов*. Т. IV. С. 489.

[104] *...Субботиным, Нильским*. — Подразумеваются оппоненты **Г.-П.**, известные «официальные» расколоведы — профессоры ДА: москвич Н. И. Субботин, преемник **Г.-П.** по кафедре герменевтики и учения о вероисповеданиях и расколах (с 1855 г.), и петербуржец И. Ф. Нильский.

[105] *«Дело ~ может быть, навсегда» (т. 4, стр. 488)*. — Ссылка неверна: процитированное предложение — на с. 490.

[106] *«Если они ~ православного патриарха»...* — Здесь и ниже буквально точные цитаты из «Мнения митрополита Филарета о присоединении мельхитов к Православной церкви (1860 г., 20 июля)» (*Собрание мнений и отзывов*. Т. IV. С. 550—552).

[107] *Первосвятитель* — торжественное наименование архиерея (обычно патриарха), возглавляющего автокефальную Церковь либо канонически самую старшую кафедру в ней (как в Русской церкви Синодального периода — митрополит Московский и Коломенский).

[108] *...ради единства ~ в окрестных епархиях...* — Излагается содержание некоторых положений секретного «Письма митрополита Филарета к митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому Григорию по поводу нового домогательства раскольников получать священников от гражданского начальства (1857 г., 24 декабря)» (*Собрание мнений и отзывов*. Т. IV. С. 290—294).

[109] *Майносцы* — бывшие донские казаки-некрасовцы, предки которых покинули Россию после разгрома восстания 1708 г. и которые после долгих скитаний, в 1791 г., переселились в азиатскую Турцию на оз. Майнос (Маньяс, совр. назв. — оз. Куш). В начале 1880 г. они, будучи старообрядцами, обратились с прошением к патр. Константинопольскому, на чьей канонической территории проживали, соединиться с Православной церковью на тех же правах, на каких с ней соединились единоверцы в России, и поставить им священника из русских насельников Афона. Патр. Иоаким III не возражал, он учредил особую комиссию и по итогам ее работы даже постановил, чтобы причт майносцам был поставлен русским архиереем, для чего направил дело майносцев в Петербург митр. Исидору (Никольскому). См. подробнее: *Виноградов И., свящ.* Учреждение единоверия у майносцев. М.: Тип. Л. Ф. Снегирева, <1880>.

[110] *...Херсонессе-Таврическом.* — Иначе: Херсонес Таврический, или Корсунь, греческая колония, основанная в 529/528 гг. до н. э. (ныне в Гагаринском р-не Севастополя).

После этого топонима текст обрывается, далее следует отбивка и, поскольку в книге за с. 20 сразу идет с. 29, ниже помещено объяснительное предложение, заключенное в скобки: «(Страницы с 21-ой по 28-ую исключены автором по отпечатании книги.)». Не исключено, что фрагмент был изъят, поскольку дословно совпадал с частью текста брошюры «Нечто о Российском Св. Синоде, единоверии, о. Иоанне Верховском и Белокриницкой иерархии» (Лейпциг, 1887). См. о ней во вступ. ст. и в преамбуле к *Нечто* (наст. изд., с. 21, 358—359).

[111] *...народ болгарский, иерархия которого отлучена Великим собором Константинопольским в 1872 году от Церкви и состоит ныне в расколе.* — Речь идет о так называемой Греко-болгарской схизме — одностороннем провозглашении 11.V.1872 г. автокефалии иерархами Константинопольского патриархата болгарского происхождения (фактически раскол произошел еще в апреле 1860 г.) и последовавшей 30.IX.1872 г. реакции на это со стороны кириархальной Церкви и ряда иных. Автокефальный статус Болгарской церкви был признан Константинопольским патриархатом лишь 22.II.1945 г.

[112] *...учение о филетизме, т. е. о племенном делении.* — 30.IX.1872 г. Константинопольский патриархат объявил Болгарский экзархат состоящим в расколе (схизме). Действия болгарских иерархов были осуждены как основанные на «филетисме» (греч. φυλετισμός, т. е. привнесении племенного начала в Церковь); Собор постановил: «Приемлющих филетисм и дерзающих основывать на нем племенные сборища, мы провозглашаем, согласно священным канонам, чуждыми Единой, Святой, Кафолической и Апостольской Церкви, или, что то же, схизматиками» (цит по: *Макарий (Булгаков), архиеп.* Греко-болгарский церковный вопрос и его решение // Православное обозрение. 1891. Т. III, нояб./дек. С. 735).

[113] *В 1861 году один болгарский архимандрит Иосиф Сокольский перешел в унию и посвящен в Риме папою во архиепископа Болгарского.* — 23.XII.1860 г. в Болгарии была провозглашена уния (обнародован акт о присоединении к католичеству), а 14.IV.1861 г. в Риме в сан архиепископа и апостольского наместника для болгар униатов был посвящен архим. Иосиф (Сокольский), бывший игум. Габровского монастыря.

[114] *В 1867 году Иосиф поместил в «Церковной летописи» ~ открытое письмо, к болгарскому народу...* — См.: Несколько слов бывшего болгарско-униатского архиепископа Иосифа к болгарскому народу // Церковная летопись Духовной беседы. 1867. 18 марта. С. 178—189; датировано 26.8.1866 г. Написано, как следует из самого источника, по поводу «иезуитской хитрости» униатских авторов, «слезно оплакивающих» «старца Иосифа», который якобы «насильно оставил унию <...> вопреки своей воле...» (с. 180), что

ему запрещают служить литургию, что от яда у него нет волос на лице и голове, но что он, считая себя униатом, не общается с православным духовенством и др. Впервые на болгарском языке помещено в газете «Время» (№ 17 за 1866 г.).

[115] *...его обманули вожди болгарского народа — Драган Цанков, Миркович...* — Болгарские политические деятели публицист Драган Цанков и доктор Георги Миркович убедили архим. Иосифа (Сокольского) подать через католического архиепископа в Константинополе Паоло (Брунони) прошение папе Пию IX (подано 19.XII.1860 г.), чтоб тот восстановил автономию Болгарской церкви под своим главенством; 15.III.1861 г. болгарская делегация во главе с Цанковым была удостоена аудиенции в Ватикане. Архиеп. Иосиф писал: «Вам известно, братья, я человек простой и неученый; но, при всей моей неучености и простоте, сильное я имел желание и теперь имею в чем-нибудь быть полезным нашему народу. В это время г. Цанков, г. Миркович и подобные им ученые господа доказывали мне, что мы, болгары, должны принять унию, которая не только не противоречит учению православному, но и интересам нашего народа; напротив, она принесет пользу как первому, так и второму. Для православия, как доказывали они, польза унии та, что она более утвердит нас в нем, а для народа откроет она самый близкий путь к просвещению, соединив его с самым образованным народом мира — французами, даст ему духовную свободу, освобождая его навсегда от греческого духовенства. Я поверил всему этому и отправился в Рим в полной уверенности, что мой поступок — великое дело для народа» (Несколько слов бывшего болгарско-униатского архиепископа Иосифа... С. 180—181). Вернувшись после хиротонии, он убедился в откровенно антиправославных замыслах окружавших его иезуитов: «...я обратился к своим ученым болгарам, также окружавшим меня, за советом. Я надеялся, что они, как люди ученые, выведут меня из моего затруднительного положения, и я буду спокоен. Но, Боже мой, Боже мой! Что я встретил в этих молодых и ученых людях? В них не было никакой любви к православию; они потеряли благочестие и благоговение ко всему святому. Они были люди без всякого религиозного чувства. Для них было все равно — изменит ли народ православию и обрядам его или нет... <...> Вдруг у меня открылись глаза. Я увидел всю пропасть пред собой, в которую стремились я сам и обольщаемый мною народ» (Там же. С. 182).

[116] *«Я ~ теперь точно такой же ~ в лаврской церкви».* — Буквально точные цитаты (см.: Там же. С. 184—185).

[117] *Холм,* или Хелм (Cheim) — уездный город Люблинской губ. (на юго-востоке Царства Польского), на р. Угерке, притоке Буга, в 64 верстах от Люблина; основан в 1-й пол. XIII в. как резиденция правителя Галицко-Волынского княжества. Архиеп. Иосиф рукополагал униатских священников в Холме и в 1874 г., тогда же ему был пожалован орден Св. Анны 1-й степени **(**см.: <*Без подписи*>. Иосиф (Сокольский): Некролог // Восток. 1879. 7 нояб. № 20. С. 304**)**.

[118] *...в 1879 году скончался (104 лет)...* — В вышеупомянутом некрологе, однако, указано: «В конце минувшего сентября скончался <...> Иосиф Сокольский, на 101<-м> году от рождения» (Там же). Его характеристика здесь, в газете Н. Н. Дурново, довольно неприязненна, хотя фактически точна: «Слабоумный и неученый старец <...> служил орудием в руках западной болгарской интеллигенции и католической пропаганды <...>. Проживая в Лавре, Иосиф в продолжение 17 лет ни одного раза не исповедовался и не приобщался. В последнее время он просил Св. Синод позволить ему возвратиться на родину, в Болгарию, но разрешения на это не последовало» (Там же).

[119] *...Анфимом, которого изверг из сана патриарх Вселенский Анфим VI и собор Константинопольский 1872 года...* — Анфим (Чалыков), митр. Виддинский, был избран экзархом

28.II.1872 г. Вопреки прямому запрету Патриархии 18 мая того же года он вместе с другими архиереями, находившимися под запрещением, совершил в запечатанном по распоряжению Анфима VI, патриарха Константинопольского, болгарском храме литургию, во время которой был торжественно прочитан акт о провозглашении Болгарской церкви — автокефальной. В ответ Константинопольский патриарший Синод лишил экзарха Анфима священства, а остальных архиереев отлучил от Церкви.

[120] *…за религиозными беседами в доме Шумова…* — См.: Собеседования с глаголемыми старообрядцами, происходившие в Москве, в доме Шумова на Таганке, в 1883 и 1884 годах / Изд. под ред. преосвященнейшего Мисаила, еп. Дмитровского, викария Московского. М.: Тип. И. Ефимова, 1888. Вып. I—II. В вып. II загл.: «Собеседования <…> в 1884—1885 гг.». Еп. Мисаил (Крылов) в предуведомлении «От издателя» отмечал: «…дом г. Шумова, находящийся в <…> Рогожской части г. Москвы, дом настолько просторный, что в нем помещалось до 1000 чел. Здесь происходили собеседования три года с лишком, по воскресным дням вечером, преимущественно осенью и зимою» (Там же. Вып. I. 2-е изд. М., 1889. С. IV). Ср. заметку, в которой подробно аргументировалось крайнее неудобство использования дома И. С. Шумова для подобных целей: *Таганский обыватель*. Место ли здесь? // *СИ*. 1884. 12 дек. № 341. С. 2.

[121] *…о. Петров…* — Имеется в виду свящ. Иоанн Петров (впоследствии архим. Иона), названный еп. Мисаилом в числе «ревнителей православия, ревностнейших пастырей г. Москвы» (Собеседования с глаголемыми старообрядцами… Вып. I. 2-е изд. С. III). См. пять его брошюр под практически идентичным заглавием (изменения незначительны) «Беседа со старообрядцами, произнесенная, в присутствии преосвященного Мисаила, священником отцом Иоанном Петровым 15 января — 5 февраля 1884 года» (<М.>: Унив. тип. (М. Катков), <1884>). См. также две поздние брошюры под названием «Речи, говоренные архимандритом Даниловского монастыря Ионою на Таганских собеседованиях с старообрядцами в Москве…» (М.: Тип. И. П. Малышева, 1896), с окончанием названия: «…1894/5 года» и «1895/6 года».

[122] *…преосвященный Мисаил…* — В тот период, с 4.V.1885 г. по 3.VI.1889 г., еп. Дмитровский, викарий Московской епархии; недоброжелатель **Г.-П.** (см. примеч. 343, 369 и 380).

[123] *…«Достойно есть»…* — Начальные слова архангельского, по преданию, хвалебного песнопения — величания Богородицы. Поется (читается), в частности, по окончании трапезы, молитвенного правила, собрания и др.

[124] …(*беседы в Духовной семинарии…*)… — Их организация в Московской ДС связана с тем, что как раз в 1886 г. при всех семинариях решено было открыть особые кафедры по обличению раскола и сектантства, а в епархиях учредить должности епархиальных миссионеров специально для борьбы с расколом и сектантством.

[125] *…в штунду.* — См. примеч. 12.

[126] *Народу нужны пастыри не с академическим образованием…* — В связи с этой проблемой **Г.-П.** писал в своих воспоминаниях: «…в положении, усвоенном со времени Сперанского, и даже ранее, со времени Прокоповича, что школьное образование есть главная принадлежность священства, заметен оттенок протестантства <…>. Священнослужительское место есть награда за успешное окончание курса наук, а в самой должности священнослужителя существеннейшее есть доход, с нее получаемый: понятна и эта мораль установившегося порядка» (*Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 100).

[127] *…архиереи, за исключением Киевского Платона, не обращают внимания на заручные…* — См. примеч. 56 и 58.

[128] *Помещенный в «Современных известиях» рассказ (1886 г., апрель) о похождениях священника в с. Грязях, Липецкого уезда Тамбовской епархии...* — См.: <*Без подписи*>. Невозможный батюшка: Со станции Грязи, Липецкого уезда. *30 марта* // *СИ*. 1886. 11 апр. № 99. С. 3. В корреспонденции рассказывается о назначении в январе 1886 г. в «очень богатый и разноверный» приход с. Грязи после кончины настоятеля нового свящ. Кустарева, бывшего иереем в с. Павелки Лебедянского у., — вопреки желанию прихожан, но по протекции влиятельного консисторского лица. Он сразу прославился экстравагантным поведением, подчас с признаками буйного помешательства, оскорблявшим религиозные чувства пасомых. Но был запрещен в священнослужении не за многочисленные преступления церковного характера, а за то, что напрямую посылал своему архиерею, еп. Виталию (Иосифову), телеграммы, в чем тот и усмотрел ненормальность.

[129] *...Тамбовскому преосвященному...* — В тот период, с 11.V.1885 г. по 3.VI.1890 г., еп. Тамбовским и Шацким был Виталий (Иосифов).

[130] *...священник и диакон во время Херувимской учинили перебранку между собою...* — Имеется в виду особенно торжественный момент литургии, когда во время пения хором Херувимской песни («Иже херувимы...») верующие подготовляются к так называемому «великому входу» и далее к таинству евхаристии. Священник же, воздев руки кверху, с диаконом, поднявшим кверху орарь, должны читать вместе вполголоса Херувимскую песнь, обратившись лицом к иконе Христа на Горнем месте, после чего они оба целуют престол, отходят к жертвеннику, берут Св. Дары и выходят из алтаря.

[131] *...(см. «Соврем<енные> изв<естия>» 1884 и 1885 <гг.> и руководящую статью по этому поводу редактора)*. — См.: <***Г.-П.***>. Москва, 30 октября: Дневное обозрение // *СИ*. 1884. 31 окт. № 299. С. 2. Имеются в виду диакон и священник с. Волова Ливенского у. Орловской епархии. В передовице названа фамилия диакона — Соломин. В 1885 г. материалов на эту тему выявить в гиляровской газете не удалось.

[132] *...гнусное, циническое ~ действие...* — В статье **Г.-П.**, так же как и здесь, в кн. *Нечто*, умалчивается о характере преступления диакона.

[133] *...к Единоверческой церкви, созданной блаженной памяти митрополитом Платоном.* — Законодательное оформление единоверия, объединявшего тех старообрядцев, которые согласились подчиниться синодальным властям при условии сохранения для них старого богослужебного чина, было осуществлено 27.X.1800 г. особым императорским указом. Инициировал единоверие как промежуточное состояние при переходе от старообрядчества к православию митр. Платон (Левшин; † 11.XI.1812), откликнувшийся на прошение старообрядцев — прихожан московского Рогожского кладбища — дозволить им иметь своих собственных священников, поданное в 1799 г. Приложенный к прошению проект, состоявший из 16 пунктов, а также комментирующее их «мнение» митр. Платона и составили «Правила единоверия», которыми оно руководствовалось вплоть до 1881 г.

[134] *...при ~ первых пяти патриархах...* — Имеются в виду патриархи Московские и всея Руси: Иов (1589—1607), Гермоген (1607—1612), Филарет (Романов; 1619—1633), Иоасаф (1634—1640), Иосиф (Дьяков; 1642—1652).

[135] *...южные славяне, каковы св. Михаил (988—992)...* — Исправлено, в тексте опечатка в датах: «228—998». Согласно Иоакимовской летописи, свт. Михаил был родом сириец.

[136] *...св. Киприан серб...* — Традиционно считалось, что он «сербиянин», однако есть основания считать его болгарином из Тырнова (см.: *Амфилохий* <(*Сергиевский-Казанский*)>, *архим.* Что внес св. Киприан, митрополит Киевский и всея Руси, а потом Московский и всея России, из своего родного наречия и из переводов его времени в наши богослу-

жебные книги?: Реферат // Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Киев, 1878. Т. II. С. 231—251).

137 *…в Переяславле, Белгородке* (*первый в 60, второй в 20 верстах от Киева*)… — Считается, что в Переяславле (ныне Переяслав-Хмельницкий) с 991 по 1035 г. находилась кафедра Киевской митрополии, в 1054 или 1072 г. учреждена местная Переяславльская епархия, с 1269 г. именовалась Переяславской и Сарайской; упразднена 1279 г.; восстановлена в 1698 или 1700 г. Ее наследница — Полтавская и Переяславская епархия (см. о ней ниже примеч. 185, 349 и 355). Епископская кафедра в основанном св. Владимиром к юго-западу от Киева Белгороде (ныне с. Белгородка Киево-Святошинского р-на) учреждена в 991 или 992 г.; упразднена в 1238 или 1239 г. (присоединена к Полоцкой епархии); по др. сведениям — существовала еще более столетия; иногда именовалась Великобелгородской.

138 *Юрьев,* или Юрьев-Русский (назван при основании в 1032 г. вел. кн. Ярославом Мудрым по его крещальному имени Юрий), стал центром епархии в 1032 г. Называлась она Юрьевская и всего Поросья, т. е. «на р. Роси», по др. данным: Поросская, или Порожская, т. е. «при Днепровских порогах»; с 1147 г. Юрьевская и Каневская; прекратилась в 1231 г.

139 *Чернигов* получил архиерейскую кафедру в 991 или 992 г. В пределы этой обширной древней епархии входили территории нынешних Черниговской, Орловской обл. и частично Могилевской, Смоленской, Калужской, Курской, Тульской, Рязанской и Воронежской. В 1239 или 1240 г. кафедра была перенесена в Брянск, упразднена в 1500 г., в 1515 г., возобновлена в Смоленске.

140 *Владимир-Волынский* — ныне районный центр Волынской обл. Основан ранее 988 г.; епископская кафедра в нем учреждена спустя четыре года. См. также примеч. 350.

141 *…преосв<ященный> Порфирий Успенский и другие, в своих сочинениях…* — Востоковед и византолог еп. Порфирий (Успенский) критиковал «поспешность справы» патр. Никона со знанием дела — он сам дал образцы перевода библейских книг, тексты которых особенно часто используются при богослужениях (опубл. в 1869 г. «Труды Киевской духовной академии»): Книги Бытия (№ 2), Псалтыри (№ 4), Притчей Соломоновых (№ 5) и Песни Песней (№ 6), а также 1 и 2-й Книг Маккавейских (Там же. 1873. № 3, 9).

142 *…если бы не боязнь ~ нового раскола, Св. Синод не прочь был бы приступить к новому пересмотру церковно-богослужебных книг.* — **Г.-П.** остро поставил эту проблему в своей газете накануне всероссийского празднования в апреле 1885 г. 1000-летия со дня кончины св. Мефодия. Тогда в двух передовых статьях он счел необходимым и благовременным выйти с предложением исправления богослужебных книг. См. об их содержании в примеч. 5 к п. 76.

143 *…закрытия в православной Руси св. храмов, предпринятого в 1869 году…* — **Г.-П.** имеет в виду Постановление Главного присутствия по делам православного духовенства «о сокращении приходов и состоящих при них причтов», принятое 16.IV.1869 г., казалось бы, с целью улучшения материального положения этих последних. В результате была упразднена масса приходов и их церкви присоединялись к другим; «нормальный» личный состав каждой приходской церкви был значительно умален (см. подробнее в примеч. 52). Исидор (Никольский), с 1.VII.1860 г. митр. Новгородский, С.-Петербургский и Финляндский, был назначен и первоприсутствующим в Св. Синоде, так что Закон 16.IV.1869 г. — во многом его рук дело (отменен 16.II.1885 г.; см. ниже примеч. 322).

144 *Не прошло еще 15 лет как сокращено молебное пение, совершаемое в день Рождества Христова, по случаю избавления России от нашествия галлов и с ними двадесяти язы-*

ков. — После праздничной литургии 24 декабря в Русской церкви совершался благодарственный молебен в «воспоминание избавления Церкви и Державы Российския от нашествия галлов и с ними двадесяти язык» в 1812 г., в продолжение которого молящиеся стояли коленопреклоненно; молитва, читаемая при этом, была составлена митр. Филаретом (Дроздовым) и опубликована отдельной брошюрой в 1826 г. Вскоре после кончины святителя этот любимый народом молебен был значительно сокращен; в 1917 г. отменен, а в 2006 г. возрожден — именно «по чину святителя Филарета».

[145] *...проект духовно-судебной реформы, составленной в председательстве ~ митрополита Макария и одобренный Св. Синодом.* — В декабре 1869 г. в Петербурге был образован особый Комитет из духовных и светских лиц под председательством архиеп. Литовского и Виленского Макария (Булгакова) для составления основных положений преобразования духовно-судебной части, с целью разграничить полномочия церковного и гражданского суда. Утвержденный 12.I.1873 г. Св. Синодом документ (см.: Проект основных положений преобразования духовно-судебной части, 12 января 1873 г. <СПб.>: Тип. В. Веллинга, <1873>) был вполне антиканоничен, поскольку отнимал судебную власть у епархиальных архиереев в пользу независимых от них пресвитерских судов со светской прокуратурой; обер-прокурор же Св. Синода наделялся полномочиями генерал-прокурора Сената. Планы духовно-судебной реформы встретили резкую оппозицию большинства епархиальных архиереев (см. ниже примеч. 148). **Г.-П.** еще за год до обнародования проекта, на рубеже 1871—1872 гг., опубликовал три свои передовые статьи о готовящихся преобразованиях, где выступал и против либерализации церковного суда, сближающей его со светским, и против «полновластия» епископов, которое оказывалось сродни папской непогрешимости (см. подробнее п. 13 и примеч. 3—5 к нему).

[146] *...на закрытие 3000 церквей в России и значительное сокращение духовенства чуть не на 15—20 000 человек...*— В результате применения Закона о «нормальных штатах» от 16.IV.1869 г. (см. примеч. 52).

[147] *...изменение и сокращение чина Православия...* — Имеется в виду чин Торжества Православия (Последование в неделю Православия, иначе Синодик), совершаемый в первую неделю (воскресенье) Великого поста. В тексте службы провозглашается торжество Церкви над всеми существовавшими ересями, утверждаются постановления семи Вселенских соборов. Особое место занимает чин анафематствования лиц, совершивших тяжкие прегрешения перед Православной церковью. На Руси этот чин был введен в XIV в., с добавлением в него имен русских еретиков. К XVIII в. в нем насчитывалось 20 анафемствований и до 4000 имен людей, объявленных еретиками. В 1767 г. и 1801 гг. чин был заметно сокращен, в нем стали только перечисляться ереси, без упоминания имен еретиков. **Г.-П.** имеет в виду дополнительные, в духе либеральных реформ, сокращения 1869 г., когда из текста чина Православия были убраны имена государственных преступников и он включал в себя лишь 12 общих анафематизмов без указания имен конкретных лиц.

[148] *...разослать на заключение всем епархиальным архиереям и консисториям и потребовать от них ответа.* — Ответы опубликованы в виде трех увесистых томов: Мнения преосвященных епархиальных архиереев относительно проекта преобразования духовно-судебной части. СПб.: Синодал. тип., 1874—1878. Т. I—II; Мнения духовных консисторий относительно проекта преобразования духовно-судебной части. СПб.: Синодал. тип., 1874. Т. I.

[149] ...(*Нафанаила Черниговского...*)... — Преосв. Нафанаил (Савченко), еп. Черниговский и Нежинский с 18.VIII.1871 г. (архиеп. с 31.III.1874 г.) по 4.III.1875 г. По воспоминаниям современников, отличался чрезвычайной мягкостью и доверчивостью.

[150] …(*…Павла Псковского, ныне Олонецкого*)… — Преосв. Павел (Доброхотов), еп. Псковский и Порховский с 7.VII.1869 г.; Олонецкий и Петрозаводский с 23.I.1882 г. по 21.X.1897 г.

[151] *Император Александр Александрович ~ приказал восстановить все закрытые церкви…* — Имеется в виду Высочайший указ, подписанный Александром III 16.II.1885 г. (см. ниже примеч. 322).

[152] *В сербских Фрушкогорских монастырях…* — Появление монастырей на лесистой гряде Фрушка-Гора (букв.: Фруктовая гора; ныне на территории автономного края Воеводина Сербии и Вуковарско-Сремской жупании Хорватии) относится к периоду между 1465-м и 1500-ми гг. Поначалу здесь было около 30, а к 1941 г. осталось 17 монастырей, ныне — 16 частично сохранившихся обителей.

[153] *Божественная литургия до Херувимской совершается большею частию при открытых Царских вратах…* — В Русской церкви Царские врата, расположенные в центре иконостаса и соединяющие алтарь с остальным храмом, открываются только для торжественных входов или других, описанных Церковным уставом, моментов богослужения. Древний обычай открытых Царских врат, позволяющий молящимся видеть и слышать все, что делается в алтаре (в том числе та́инственные молитвы, которые отнюдь не являются секретными), и участвовать в службе со знанием и пониманием происходящего, возродил в своей богослужебной практике, например, прот. А. Д. Шмеман (в Св.-Владимирской ДС под Нью-Йорком).

[154] *…по окончании часов всегда бывает отпуст…* — *Часы* (ὁραι) — церковные службы, приурочивающие к каждой четверти дня определенные обстоятельства страстей Христовых. *Отпуст* (ἀπόλυσις) — благословение молящихся на выход из храма по окончании богослужения. Ради практического удобства совершение часов соединяется с другими богослужениями: утреней, литургией и вечернею. Но в Русской церкви эти службы плавно перетекают одна в другую (а следовательно, лишаются отпустов), и потому, считает **Г.-П.**, они не воспринимаются как отдельные службы. Нередко часы вообще не дочитываются до конца, а обыкновенно, если священник в алтаре уже совершил проскомидию и готов начинать служить литургию, чтецу просто делают знак из алтаря, и он обрывает часы. В Греческой же церкви все дочитывается до конца, потом бывает отпуст и только затем начинается литургия (возгласом: «Благословенно Царство…»), и Царские врата при этом открывают — в качестве этого самого Царства — собравшимся в храме.

[155] *…оба псалма…* — Имеются в виду первый и второй обычные антифоны (например, воскресные): «Благослови, душе моя, Господа…» (Пс 103) и «Хвали, душе моя, Господа…» (Пс 146).

[156] *Великая церковь Константинопольская ~ благословила переход русских старообрядцев в с. Майносе, в Кизической митрополии, в православие…* — См. примеч. 109.

[157] *…клятв, наложенных на старообрядцев Московским Поместным собором 1667 года.* — Клятвенные запреты Московского собора 1656 г. и Большого Московского собора 1667 г., наложенные на старые русские обряды как на якобы «не спасительные» и на придерживающихся их православных христиан, были упразднены «яко не бывшие» только Постановлением Патриаршего Св. Синода от 23.IV.1929 г., утвержденным проходившим с 30.V по 2.VI.1971 г. Поместным собором, на котором присутствовали Восточные патриархи.

[158] *…«Поместным» собором, на котором присутствовало три патриарха и целый собор митрополитов, архиепископов и епископов…* — В заседаниях Собора, состоявшихся с 28.XI.1666 г. по февраль 1667 г., помимо русских архиереев во главе с патр. Никоном

(Миновым), приняли участие патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский, прибывшие в Москву 2.XI.1666 г., и еще 10 зарубежных архиереев. **Г.-П.** неоднократно писал о необходимости снятия клятв этого Собора в своей газете. Например, в период написания кн. *Нечто,* в передовой статье «Москва, 2 ноября: Дневное обозрение»: «Благоприятно высказались мы и желанию единоверцев о соборном снятии клятвы 1667 года: как бы ни изъяснять клятвы, соборный пересмотр ее ничему не помешает, а успокоит хотя часть старообрядцев. Причины, почему Святейший Синод медлит обратиться по этому вопросу к Восточным патриархам, несмотря на совет, который подаваем был покойным митрополитом Филаретом, остаются непонятными» (*Вопросы веры и Церкви*. Т. II. С. 602—603).

[159] *...г. Субботин и преосв<ященный> Мисаил?* — См. о них примеч. 104 и 122.

[160] *...Православная церковь не допускает двух епископов во граде...* — Имеется в виду 8-е правило I Вселенского собора, состоявшегося в июне 325 г. в г. Никея (ныне Изник в Турции), которое заканчивается формулировкой: «...да не будет двух епископов во граде» (*Книга правил*. С. <35>).

[161] *...в начале 1886 года митрополит Исидор посылал ответные телеграммы болгарскому митрополиту в Филиппополе...* — Филиппополь, главный город Восточной Румелии (см. ниже примеч. 450), основан в 342—341 гг. до н. э. Филиппом II Македонским под названием Филиппополь на месте прежде бывшего здесь г. Эвмолпиады; болгарское название — Пловдив, прежде Плавдинград, т. е. город ап. Павла — по его Посланию к филиппийцам. Митр. Исидора (Никольского) поздравляли телеграммами с 60-летием его священнослужения (посвящен во иеромонахи 5.IX.1825 г.).

[162] *Требы* — молитвы и священнодействия, совершаемые священнослужителями по просьбе верующих.

[163] *...на Рогожском кладбище ~ Это было до снятия временных алтарей.* — Т. е. в промежуток с 1881 г. до февраля 1884 г. См. примеч. 78.

[164] *...А. А. Нейгард ~ с его перемещением в Петербург...* — А. А. Нейгард (Нейдгарт) в 1885 г. на короткий срок стал прокурором московской Синодальной конторы управляющим ее Канцелярией и вскоре получил назначение в Петербург, где занял пост начальника Канцелярии прошений, на Высочайшее имя приносимых при Императорской Главной квартире (в Мариинском дворце); жил на Пушкинской ул., в д. 10.

[165] *...директора Синодальной типографии г. Шишкова...* — См.: «Высочайшим приказом, 23 февраля 1885 года, *назначен* управляющий акцизными сборами Рязанской губернии, действительный статский советник *Шишков* — управляющим московскою Синодальною типографиею» (Церковный вестник. 1885. № 11/12. 16—23 марта. Ч. офиц. С. 52). Н. Н. Дурново, автор изданной анонимно историко-публицистической книги «Церковные вопросы в России, или Русское духовное ведомство под управлением синодских обер-прокуроров и отношения его к церквам: Грековосточной и Старообрядческой» (Браила: Первая типолит. П. М. Пестемалжиоглу, 1896) писал о последующей деятельности Шишкова в качестве прокурора московской Синодальной конторы: «...в 1893 году московский синодальный прокурор Шишков растратил 80 тыс. рублей типографских сумм и за это был уволен, со значительною пенсиею» (с. 65).

[166] *Партесное пение* (от *позднелат.* partes — голоса, мн. ч. от *лат.* pars — часть, участие) — стиль русского многоголосного хорового искусства, перенесенный из Малороссии в середине XVII в. и официально утвердившийся со времени приглашения тамошних церковных певчих в Москву (1652); было распространено в России до середины 1770-х гг.

[167] *...регент хора, г. Орлов...* — В. С. Орлов был назначен регентом Синодального хора после своего яркого выступления в духовном концерте 17.II.1886 г. с бывшей капеллой Русского хорового общества, в которой он был дирижером, — по рекомендации П. И. Чайковского, его профессора в Московской консерватории.

[168] *...утрени ~ уничтожены и заменены всенощными...* — *Всенощная*, или всенощное бдение, — церковное богослужение, совершаемое после захода солнца накануне воскресенья и больших религиозных праздников; в эпоху раннего христианства такие богослужения длились всю ночь, отсюда и название. В русской богослужебной практике начиная с середины XIX в. всенощное бдение, продолжавшееся обычно не более трех часов, стало повсеместно соединять вечерню и утреню, на следующий день служилась сразу литургия. В восточных Церквах обычная практика до сих пор — совершать раздельно вечерню и утреню, непосредственно предваряя последней литургию.

[169] В *Чудове ~ благодаря новому архимандриту...* — В конце 1884 г. скончался архим. Вениамин (Петухов), бывший настоятелем Чудова монастыря с 1859 г.; кто стал его преемником, выяснить не удалось (в Адрес-календарях этого времени он не указан).

[170] *...до разделения Всероссийской митрополии на Московскую и Киевскую...* — Т. е. до 3.IX.1458 г., когда папа римский Пий II издал буллу о разделении Киевской митрополии на верхнюю (Московскую) и нижнюю (Польско-Литовскую).

[171] *...Цимвлах...* — Более употребительно написание этой фамилии: *Цамблак*. Но она встречается и во множестве других вариантов, как-то: *Замбак, Земблак, Самвлак, Сомивлак, Цамвлах, Цамвлахос, Цимивлак, Цимивлах, Чамъблак, Чамъблах, Шемивлах, Щемблат.*

[172] *В священнослужении...* — Исправлено, в тексте ошибочно: «в священнослужении его».

[173] *...в одесском Преображенском соборе...* — Спасо-Преображенский кафедральный собор, заложенный в августе 1794 г. на Соборной пл. Одессы и освященный 25.V.1808 г., был разрушен в 1936 г. и по мере восстановления заново освящен в 2001—2003 и 2010 гг. В начале XX в., после реконструкции, вмещал до 12 тыс. человек.

[174] *...«Богоспасаемого града Одессы»...* — Традиционная торжественная формула, используемая, в частности, при епископской хиротонии. Однако в сочетании именно с Одессой выражение приобрело всероссийскую известность благодаря проповедям архиеп. Иннокентия (Борисова) в годы Крымской войны. См., например, его «Слово по случаю удаления от Одессы англо-французского флота, перед благодарственным молебствием» (14.IV.1854), где в применении к Одессе рассуждается о понятии «град богоспасаемый» как «приявший благодать» «крещения кровью и огнем» (*Иннокентий, свт.* Сочинения: Падение Адамово; О грехе и его последствиях <и др.>. <Единец (Молдова)>: Единецко-Бричанская епархия, 2005. С. 229).

[175] *Уральск* — в 1584—1775 гг. Яицкий городок; в 1868—1920 гг. административный центр Уральской обл., столица Уральского казачьего войска. Казаки по большей части придерживались старых обрядов.

[176] *...в лице архимандрита Павла Прусского...* — с 15.XII.1868 г. по 27.IV.1895 г. настоятель Никольского единоверческого монастыря в Москве (архим. с 1880 г.).

[177] *...в г. Уральске один единоверческий собор, 5 единоверческих церквей...* — Каменные Михайло-Архангельский собор (постройки 1740-х гг.; сохранился), Иоанно-Предтеченская, Крестовоздвиженская (обе постройки 1837 г.), Успенская (1842), Казанско-Богородицкая и Петропавловская церкви.

[178] *...1 мужской и 1 женский монастырь...* — Мужской Николаевский (в 10 верстах от Уральска) и женский Покровский.

[179] *...2 православных (собор и церковь).* — Каменный Александро-Невский собор постройки 1837 г. и деревянная Казанско-Богородицкая церковь при казармах Уральской местной команды, возведенная в 1831 г.

[180] *...церковные каноны определяют, чтобы митрополит, а тем паче патриарх, ничего не творил без рассуждения со своими епископами...* — **Г.-П.** имеет в виду 34-е апостольское правило: «Епископам всякого народа подобает знать первого в них, и признавать его как главу, и ничего превышающего их власть не творить без его рассуждения <...>. Но и первый епископ ничего да не совершает без рассуждения всех епископов. Ибо так будет единомыслие...» (*Книга правил.* С. <17>).

[181] *Синод архиереев собирается, согласно 37<-му> апостольскому правилу, два раза в год...* — Буквально: «Дважды в году да бывает собор епископов, и да рассуждают они друг с другом о догматах благочестия, и да решают случающиеся церковные прекословия. В первый раз: в четвертую неделю Пятидесятницы, а во второй: октября во двенадцатый день» (Там же. С. <18>). Впоследствии на Вселенских соборах назначались другие времена и сроки для соборов — в зависимости от внешних обстоятельств.

[182] *...Вселенский собор ~ не унизил кафедры Ветхого Рима...* — Подразумевается 3-е правило Второго Вселенского собора, состоявшегося в Константинополе в мае—июле 381 г.: «Константинопольский епископ да имеет преимущество чести по Римском епископе, потому что город оный есть новый Рим» (*Книга правил.* С. <41>).

[183] *Великий преобразователь России...* — Петр I.

[184] *...Павел ~ закрывший из 660 церквей в Бессарабии 333?* — Ср.: «Для насильственной русификации молдаван и для превращения их в русских был послан в Кишинев „мужественный“ архиепископ Павел, впоследствии экзарх Грузии, которого Синод должен был оттуда удалить. / Архиепископ Павел прежде всего приступил к закрытию в Кишиневской епархии приходских церквей, которых в 1872 году было 773, а в 1878 году оставлено было 444, иначе закрыто было до 330 церквей, причем все закрытые церкви были молдавские, русские же тронуты не были. Все церковно-богослужебные книги молдавских церквей, напечатанные на румынском языке кириллицей, были вытребованы в Кишиневскую митрополию, и архиепископ целые 7 лет топил ими печи своей митрополии. Эти факты грубого вандализма давно известны и стали достоянием истории. / Самая типография его преемником, архиепископом Сергием, была продана жидам. / В настоящее время в приходских молдавских церквах Бессарабии остаются жалкие остатки молдавских церковно-богослужебных книг, иногда в виде небольших склеенных истлевающих клочков, да и эти клочки во многих церквах отсутствуют. Благодаря этому только часть молитв читается на молдавском языке, и что вычитывается по-славянски, того народ не понимает; добыть же молдавские церковно-богослужебные книги в России негде» (*Дурново Н. Н.* Русская панславистская политика на православном Востоке и в России. М.: Тип. «Рус. печатня», 1908. С. 6—7). Об упомянутом архиеп. Сергии (Ляпидевском) см. примеч. 381.

[185] *...древние епархии, как Смоленская, Полоцкая, Переяславо-Полтавская, Владимиро-Суздальская и др., поставлены были в 1764 году ниже многих новых и незнатных кафедр...* — По Высочайшему Манифесту о секуляризации церковных земель, опубликованному 26.II.1764 г., все великорусские епархии, как и монастыри, были разделены на три класса «по благопристойности и достоинству санов», к 1-му были отнесены 3 митрополии, ко 2-му — 8 архиепископий, а к 3-му — 15 епископий, в числе которых оказались и те, что перечислил **Г.-П.**; они были основаны, соответственно, в 1137, 1104, 1054 и 1213 гг.

[186] *...теперь стоят ниже Олонецкой, Иркутской, Минской, Рижской, Донской...* — Имеется в виду, что поименованные епархии — архиепископии. Однако 27.XII.1867 г. было упразднено деление епархий на классы и титулы архиереев (помимо трех митрополитов и экзарха Грузии) номинально обращались только в их личное преимущество.

[187] *...по церковным канонам ~ священника, для суда над которым требуется собрание 7 архиереев.* — Подразумевается 29-е правило поместного Карфагенского собора, состоявшегося в 419 г.: «Аще пресвитеры или диаконы обвиняемы будут, то, по собрании узаконенного числа из ближних мест избираемых епископов, которых обвиняемые вопросят, то есть: при обвинении на пресвитера — шести, а для диакона — трех, вместе с сими собственный обвиняемых епископ исследует принесенные на них обвинения...» (*Книга правил.* С. <194>). О том же — и в 12-м правиле данного собора (см.: Там же. С. <190>). Столь большая норма архиерейского кворума объяснялась местными условиями — в Карфагенской церкви тогда насчитывалось 466 кафедр. Другими соборами разъяснялось, что первая инстанция суда принадлежит епархиальному епископу, а суд собора епископов является апелляционной инстанцией.

[188] *...церковные каноны требуют ~ и епископы без его воли.* — См. примеч. 180.

[189] *...таких честолюбцев, как Димитрий Сеченов...* — Помимо того, что митр. Димитрий (Сеченов) с необыкновенной жестокостью и энергией принуждал к насильственному крещению татар и башкир (во исполнение Указа Св. Синода от 14.II.1743 г.), он как член Духовной комиссии о церковных имениях и о сочинении штатов духовных (с ноября 1762 г.) разрабатывал принципы деления епархий и монастырей на классы, упразднения малолюдных и небогатых обителей и др. Состоял в переписке с Екатериной II, а 22.IX.1762 г. именно он совершил обряд ее коронации. Кроме того, сыграл неблаговидную роль в истории суда над митр. Арсением (Мацеевичем). И вскоре, по предсказанию Арсения, был «задушен собственным своим языком» — скончался от апоплексического удара. См. подробнее: *Знаменский П. В.* Чтения из истории Русской церкви за время царствования Екатерины II // Православный собеседник. 1875. Ч. I, март. С. 240—241.

[190] *Просфирня* — женщина, занимавшаяся выпечкой просфор (просвир; от *греч.* προσφορά — приношение) — небольших хлебцев из квасного теста, используемых во время богослужения.

[191] *Благочинный* — священник, определяемый архиереем для надзора за несколькими церковными приходами.

[192] *...(...в «Совр<еменных> изв<естиях>» в сентябре 1886 г. была помещена корреспонденция из Владимирской губ<ернии>...)...* — <*Без подписи*>. К вопросу о народных потребностях: Из Александровского уезда, Владимирской губ<ернии>. *10 сентября // СИ.* 1886. 14 сент. № 253. С. 3. В этой корреспонденции приводятся выдержки из прошения прихожан церкви Корсунской Божией Матери в с. Глинкове, с деревнями Назаревым и Абрамовым, Александровского у., поданного ими архиеп. Феогносту (Лебедеву) и содержащего жалобу на «переведенного откуда-то и за что-то» в их приход свящ. Органова, пьяницу и «буяна», который, по их словам, «во время совершения Божественной литургии всегда находится в нетрезвом виде и целуется с прихожанами в церкви ни с того ни с сего, балагурит со старостою, когда обходит с кадилом церковь, собирает благовестом прихожан, а служб не совершает — от Рождества до конца лета более трех служб не было».

[193] *...станового или исправника...* — *Становой пристав* — с 1837 г. полицейский чиновник, начальник стана — административно-полицейского подразделения в уезде. *Исправник* — с 1775 г. начальник полиции в уезде.

194 *...с митрополита Новгородского и Петербургского.* — Подразумевается митр. Исидор (Никольский), занимавший Новгородскую, С.-Петербургскую и Финляндскую кафедру с 1.VII.1860 г. по 7.IX.1892 г. (до 24.VI.1865 г. носил титул митр. Новгородского, С.-Петербургского, Эстляндского и Финляндского).

195 *...Новгородского архиерейского в Москве подворья...* — Располагалось со 2-й трети XVI в. в Китай-городе в начале ул. Ильинки к востоку от церкви Ильи Пророка (1520), которая в 1699 г. была передана подворью (не действовала в 1923—1995 гг.).

196 *...церковь Апостола Тимофея на Новгородском подворье в 1866 году была упразднена...* — Эта теплая нижняя (расположенная под Ильинской и придельная по отношению к ней) церковь, однако, упоминается как придел и в 1873 г.; устроена не позднее 1722 г.

197 *Митрополит Киевский...* — Речь идет о митр. Платоне (Городецком). См. примеч. 58.

198 *Митрополит Московский...* — Имеется в виду митр. Иоанникий (Руднев). См. примеч. 48.

199 *...от Иверской часовни...* — Самая знаменитая часовня старой Москвы — Иверской Божией Матери в Вознесенских воротах Китай-города (сооружены в 1680 г.) — находилась с внешней стороны ворот (с 1781 г.). В ней хранился доставленный в 1669 г. с Афона список с чудотворной Иверской иконы Богоматери «Вратарницы». Часовня, сломанная в 1929 г., восстановлена вместе с разобранными в 1931 г. Воскресенскими воротами — в 1995 г.

200 *...от ярославского Спасского монастыря.* — Спасо-Преображенский (Спасский, Спасо-Ярославский) мужской монастырь был основан в XII в. за стенами тогдашнего города; ныне располагается на Богоявленской пл., около Московского моста через р. Которосль; был важным центром культуры Древней Руси. В 1787 г., в связи с переносом митрополичьей кафедры из Ростова в Ярославль, обитель была преобразована в Ярославский архиерейский дом. Здесь, в некрополе, были захоронены трое канонизированных Церковью ярославских князей. (Ныне строение принадлежит музею-заповеднику.)

201 *...ярославский Толгский монастырь...* — См. выше примеч. 28.

202 *Воронежский епископ...* — Имеется в виду еп. Вениамин (Смирнов), еп. Воронежский и Задонский с 1.V.1886 г. по 7.V.1890 г.

203 *...воронежского Митрофаниева монастыря.* — Благовещенский Митрофаниев монастырь в Воронеже был основан в 1836 г., его всероссийская известность связана с тем, что тут, в Архангельском приделе Благовещенского собора постройки 1684—1690 гг., был в 1703 г. погребен свт. Митрофаний Воронежский, а в 1832 г. открыты его мощи.

204 *Владимирский...* — Имеется в виду архиеп. Феогност (Лебедев). См. примеч. 35.

205 *...владимирского кафедрального Рождественского монастыря...* — См. примеч. 36.

206 *...с Суздальского архиепископского в Москве подворья...* — См. примеч. 37.

207 *...Боголюбов монастырь...* — См. примеч. 38.

208 *Вятский...* — Имеется в виду преосв. Макарий (Миролюбов), еп. Вятский и Слободской с 7.VI.1885 г. по 5.XII.1887 г.

209 *...богатое архиерейское подворье в Москве...* — Находилось это Вятское подворье неподалеку от Златоустовского монастыря — на углу Мясницкой ул. (д. 10) и Большого Златоустинского пер.; было основано в 1680 г. (не сохранилось).

210 *Казанский...* — Имеется в виду архиеп. Палладий (Раев). См. примеч. 29.

211 *...монастырем («Иерусалим» именуемый)...* — Воскресенский мужской монастырь Новый Иерусалим основан в 1665 г. в Казани на холме Новый Эдем у оз. Средний Кабан — по образцу одноименной подмосковной обители; первый каменный храм (Вос-

кресения Христова) освящен в 1698 г.; своими постройками в стиле барокко монастырь отчасти напоминал петербургские загородные дворцы.

212 *...богатое в Москве подворье...* — О Казанском подворье см. примеч. 30.

213 *...от Седмиезерской пустыни.* — См. примеч. 31.

214 *Калужский...* — Еп. Владимир (Никольский). См. примеч. 32.

215 *...Лаврентьев монастырь...* — См. примеч. 33.

216 *...боровский Пафнутьев...* — См. примеч. 34.

217 *Кишиневский архиепископ...* — Высокопреосв. Сергий (Ляпидевский). См. примеч. 184.

218 *Курский...* — Преосв. Михаил (Лузин), еп. Курский и Белгородский с 19.III.1883 г. по 20.III.1887 г.

219 *...богатый курский Знаменский монастырь...* — Рождество-Богородицкий Знаменский мужской монастырь основан в 1613 г., каменная соборная церковь во имя явленной Курской Коренной иконы Знамения Божьей Матери возведена в 1649 г.; с 28.IX.1832 г. обитель стала архиерейской резиденцией, в 1854 г. ей возвращено звание 1-классного монастыря.

220 *Нижегородский...* — Преосв. Модест (Стрельбицкий), еп. Нижегородский и Арзамасский с 7.VI.1885 г. по 25.XI.1889 г.

221 *...оранским Богородицким монастырем...* — Мужская обитель в с. Оранки Нижегородской епархии, основанная в 1634 г. как пустынь в честь Оранской иконы Божией Матери; с 1866 г. — общежительный мужской монастырь 1-го класса с 3 храмами; в 1920 г. закрыт, возрожден в 1993 г.

222 *Олонецкий...* — Еп. Павел (Доброхотов). См. о нем выше примеч. 150.

223 *...олонецкий Александровско-Свирский монастырь...* — См. выше примеч. 26.

224 ...(*...подворье в Петербурге, с церковию*)... — Первое подворье Александро-Свирского монастыря было устроено в Петербурге еще в 1715 г. в Большой Морской слободе, но вскоре закрыто. Возродилось оно близ Ямского рынка на участке земли, пожертвованном обители в 1865 г. (совр. адрес: ул. Боровая, д. 1). Двухэтажное здание с высокой деревянной главкой возводилось по проекту Н. П. Гребенки с 1866 г., и 11.IV.1871 г. на втором этаже подворья был освящен храм в память спасения Александра II от выстрела Д. В. Каракозова; внизу находилась часовня Прп. Александра Свирского. В дальнейшем церковь расширялась, в 1919 г. стала приходской, а в 1932 г. была закрыта, и ее здание приспособили под противотуберкулезный диспансер.

225 *Орловский...* — Еп. Симеон (Линьков). См. примеч. 39.

226 *...имеет еще подворье в Севске...* — Архиерейское подворье Орловского владыки было устроено в севском Спасском монастыре по Указу Св. Синода от 17.V.1788 г. и оставалось основной его резиденцией до постройки Архиерейского дома в Орле в феврале 1820 г. Однако Указом Св. Синода от 3.I.1820 г. было повелено: «Архиерейский дом в Севске со всеми угодьями оставить загородным домом, так как в Орле нет угодий, кои бы могли заменить положенные к Архиерейским домам угодья».

227 *...Площанскую Богородицкую общежительную пустынь.* — См. примеч. 40.

228 *Пензенский...* — Еп. Антоний (Николаевский). См. примеч. 41.

229 *...нижнеломовского Казанского монастыря.* — Основан в 1643 г. в двух верстах от г. Нижнего Ломова по случаю явления здесь иконы Казанской Божией Матери (хранилась в монастыре до 1920-х гг.; возвращена в 2008 г.). Ежегодный капитал обители оценивался в 20 тыс. серебром; особый доход приносила праздничная июльская ярмарка, на которую съезжались купцы по дороге в Нижний Новгород.

[230] *Полтавский...* — Высокопреосв. Иоанн (Петин), архиеп. Полтавский и Переяславский 23.XII.1862 г. по 14.XI.1887 г. (до 16.IV.1878 г. еп.).

[231] *...Переяславского (Вознесенский монастырь)...* — Свято-Вознесенский мужской монастырь в Переяславле (с 1943 г. Переяслав-Хмельницкий Киевской обл.), основанный в XVI в. Стал центром паломничества, между прочим, потому, что в 1786—1942 гг. здесь пребывали мощи прпмч. Макария Каневского.

[232] *...лубенский Мгарский монастырь.* — Мгарский Спасо-Преображенский монастырь Полтавской епархии, основанный 18.I.1619 г. в Мгарском лесу (по названию пригородного села) в 6 верстах от г. Лубны; главной святыней обители были в 1654—1922 гг. нетленные мощи свт. Афанасия III Пателлария (Сидящего), патр. Константинопольского. Один из центров православия на Левобережной Украине.

[233] *Рязанский...* — Высокопреосв. Феоктист (Попов), архиеп. Рязанский и Зарайский с 28.IX.1882 г. по 2.XII.1894 г. (до 24.III.1885 г. еп.).

[234] *...Николо-Радовицкий монастырь...* — Николо-Радовицкий мужской монастырь (ныне в с. Радовицы Егорьевского р-на Московской обл.) учрежден в 1584 г. на основе известной с 1430-х гг. Акакиевой пустыни, расположенной на острове посреди Святого оз., — в связи с явлением чудотворной иконы свт. Николая Угодника; позже перенесен с острова и к концу XIX в. вместе с угодьями занимал 34 десятины земли. Пользовался особым благорасположением русских царей и императоров, стал крупным центром паломничества. (В 1919—1999 гг. был закрыт.)

[235] *Тульский...* — Высокопреосв. Никандр (Покровский), архиеп. Тульский и Белевский с 22.X.1860 г. по 27.VI.1893 г. (до 8.IV.1873 г. еп.).

[236] *...Предтеченский монастырь...*— Древнейший в Туле Иоанно-Предтеченский мужской монастырь, основанный в 1552 г., а с 1799 г. ставший архиерейской резиденцией.

[237] *...архиерейским подворьем в Москве...* — Тульское (вначале, до 1679 г., Коломенское) архиерейское подворье находилось в начале нынешнего Кривоколенного пер. близ Мясницкой ул.; при нем одно время числилась церковь во имя Тихвинской иконы Божией Матери.

[238] *Уфимский...* — Еп. Дионисий (Хитров). См. примеч. 41.

[239] *...с 1878 года монастырь в Уфе.* — Мужской монастырь в честь Успения Пресвятой Богородицы, известный с 1598 г. Закрыт в 1918 г., возобновлен в 1997 г.

[240] *...преосвященных Самарского и Саратовского...* — Владыки Серафим (Протопопов), еп. Самарский и Ставропольский с 8.XII.1877 г. по 11.I.1891 г., и Павел (Вильчинский), еп. Саратовский и Царицынский с 5.IV.1882 г. по 16.XII.1889 г.

[241] *...архиепископов: Харьковского и Одесского...* — Владыки Амвросий (Ключарев), архиеп. Харьковский и Ахтырский с 22.IX.1882 г. по 3.IX.1901 г. (до 20.III.1886 г. еп.), и Никанор (Бровкович), архиеп. Херсонский и Одесский с 12.XII.1883 г. по 27.XII.1890 г. (до 20.III.1886 г. еп.).

[242] ...(*Покровский в Харькове...*)... — Мужской монастырь в самом центре Харькова (совр. адрес: ул. Университетская, д. 8/10), основанный в 1726 г. на территории бывшей Харьковской крепости; в 1820—1826 гг. к Покровскому собору, где до 1846 г. находилась епископская кафедра, был пристроен архиерейский дом; главной святыней с 1844 г. была чудотворная Озерянская икона Божией Матери (после 1926 г. ее судьба неизвестна; сохранились два списка).

[243] ...(*...Бизюков около Херсона*)... — Бизюков Свято-Григорьевский мужской монастырь (ныне в с. Красный Маяк Херсонской обл.) был учрежден на территории бывшей турецкой крепости в 1803 г. на основе Софрониевского подворья, возникшего в 1782 г., и бо-

лее ранней обители в с. Бизюкове, основанной еще в 1621 г.; считался оплотом православия на Юге России. В нем насчитывалось 6 храмов и архиерейские палаты. Доход монастыря к концу XIX в. составлял 500—800 тыс. золотых рублей. Был закрыт в 1922—1992 гг.

[244] *Тамбовский…* — Еп. Виталий (Иосифов). См. примеч. 129.

[245] *…Казанский монастырь…* — Мужской монастырь в честь Казанской иконы Божией Матери в Тамбове (совр. адрес: ул. Горького, д. 3), основанный в 1667 г.; в 1764 г. обитель была обращена в архиерейский дом; в ней насчитывалось 3 церкви. После запустения монастырь был открыт 22.XII.1992 г.

[246] *Тверскому архиепископу…* — Ученик и друг **Г.-П.** Савва (Тихомиров), архиеп. Тверской и Кашинский с 23.IV.1879 г. по 18.IX.1896 г. (с 20.IV.1880 г. еп.).

[247] *…архиерейское подворье в Москве…* — Находилось с XVII в. на бойком торговом месте (совр. адрес: ул. Кузнецкий Мост, д. 17); к нему относился храм Свт. Арсения, еп. Тверского, часть зданий сдавалось в аренду. (В 1992—1996 гг. строения подворья серьезно пострадали в результате неграмотной реконструкции.)

[248] *Таврический, Литовский, Минский и Волынский преосвященные…* — Владыки Мартиниан (Муратовский), еп. Таврический и Симферопольский с 11.V.1885 г. по 19.I.1897 г. (с 14.V.1896 г. архиеп.); Алексий (Лавров-Платонов), архиеп. Литовский и Виленский с 11.V.1885 г. по 10.XI.1890 г. (до 20.III.1886 г. еп); Варлаам (Чернявский), еп. Минский и Туровский с 26.VII.1880 г. по 21.V.1889 г., и Палладий (Ганкевич), архиеп. Волынский и Житомирский с 4.V.1885 по 25.XI.1889 г.

[249] *…Почаевскую лавру.* — Почаевская лавра в честь Успения Пресвятой Богородицы (совр. адрес: г. Почаев Кременецкого р-на Тернопольской обл., ул. Воссоединения, д. 8), по преданию, основана как мужской монастырь ок. 1240 г.; с 1713 по 1831 г. обитель находилась под властью униатов; в 1833 г. получила название лавры. Одной из святынь Лавры была Стопа Богоматери (отпечаток ноги на плотном известковом туфе).

[250] *Псковский епископ…* — Преосв. Гермоген (Добронравин), еп. Псковский и Порховской с 9.III.1885 г. по 17.VIII.1893 г.

[251] *…Площанская, или Севская, пустынь Орловской епархии…* — См. примеч. 40.

[252] *…Коренная в Курской…* — Коренная Рождество-Богородичная мужская пустынь находится в 30 км к северу от Курска (совр. адрес: местечко Свобода Золотухинского р-на Курской обл.); основана в 1597 г. на месте явления Курской Коренной иконы Божией Матери «Знамение» (в 1295 г.). С 1618 по 1919 г. чудотворный образ на лето переносился в пустынь, а зимой пребывал в курском Знаменском монастыре.

[253] *…Калязинский…* — Троицкий Макарьев мужской монастырь, основанный прп. Макарием Калязинским в середине XV в.; центр паломничества, имел 5 храмов; закрыт в 1920 г., разобран в 1940 г. и затоплен при строительстве Угличской ГЭС.

[254] *…Боровский…* — См. примеч. 34.

[255] *…Белгородский…* — Свято-Троицкий 2-классный мужской монастырь, основанный в Белгороде в 1833 г. в связи с переносом архиерейской кафедры в Курск. Под Троицким, бывшим кафедральным, собором находился епископский некрополь. Обитель закрыта в начале 1920-х гг. и в 1930 г. ее 2 храма, архиерейский дом и остатки стен с башнями разрушены.

[256] *Иподиакон* (от *греч.* ὕπο — под, διάκονος — диакон, служитель) — буквально: поддиакон — служитель церкви, низший диакон; степень иподиакона, средняя между чтецом и диаконом.

[258] *...преосвященный Воронежский Вениамин...* — См. примеч. 202. Был известен как строгий аскет, постоянно пребывающий в молитве.
[258] *...Митрофаниевского монастыря...* — См. примеч. 203.
[259] *...Толгский монастырь...* — См. выше примеч. 28.
[260] *...Платон, митр<ополит> Киевский...* — См. примеч. 58. Все владыки, которых перечисляет здесь **Г.-П.**, отвечали его идеалу архиерея — доступного для всех, неустанно радеющего о своей пастве, аскета в личной жизни, благотворителя и просветителя.
[261] *...Леонтий, архиеп<ископ> Холмский...* — Высокопреосв. Леонтий (Лебединский), архиеп. Холмский и Варшавский с 16.XI.1875 г. по 17.XI.1891 г., впоследствии митр. Московский и Коломенский.
[262] *...Савва Тверской...* — См. примеч. 246.
[263] *...Сергий Могилевский...* — Историк преосв. Сергий (Спасский), еп. Могилевский и Мстиславский с 7.VI.1885 г. по 21.XI.1892 г.
[264] *...Вениамин Иркутский...* — Высокопреосв. Вениамин (Благонравов), управлявший Иркутской и Нерчинской епархией с 31.III.1873 г. по день кончины, последовавшей 2.II.1892 г. В своих воспоминаниях **Г.-П.** сочувственно ссылался на его заслуги в миссионерском деле: «Высокопреосвященный Вениамин в своей записке о миссионерстве убедительно поясняет, каким образом закрепляется продолжение языческих суеверий и затрудняется распространение христианства и русской народности неправильным присвоением достоинства, а с ним и власти духовных лиц ламам» (*Из пережитого. 2009.* Т. 2. С. 19). Имеется в виду «официальная записка» владыки, составленная им 25.V.1863 г. и впервые опубликованная в «Иркутских епархиальных ведомостях» (1882. № 24, 25) под названием «Ламское идолопоклонническое суеверие в Восточной Сибири». **Г.-П.** перепечатал в своей газете и эту записку (*СИ.* 1885. 14 мая. № 115. С. 1—3; 15 мая. № 116. С. 2—3), и другое официальное отношение Вениамина — «Положение христиан в бурятских обществах под начальством язычников» — от 22.XI.1883 г. (Там же. 1885. 11 мая. № 112. С. 1—2; 12 мая. № 113. С. 1—2), со своими сочувственными комментариями. Суждения иркутского владыки получили резонанс, в том же 1885 г. названные произведения Вениамина вошли в его книгу «Жизненные вопросы православной миссии в Сибири», изданную в Петербурге.
[265] *...Феоктист Рязанский...* — См. примеч. 233. Известен своей подвижнической деятельностью по благоустройству приходской жизни, организации благочиннических советов, общеепархиальных и окружных съездов духовенства, развитием провинциальной церковной печати и др.
[266] *...Михаил Курский...* — См. примеч. 218. Еп. Михаил (Лузин) был выдающимся экзегетом. См. обстоятельную положительную рецензию на подготовленную им 1-ю книгу «Толкового Апостола» (М.: Тип. «Совр. известий», 1876): <***Г.-П.***>. Москва, 24 марта // *СИ.* 1876. 25 марта. № 82. С. 1—2.
[267] *...Владимир Ставропольский...* — Преосв. Владимир (Петров), еп. Ставропольский и Екатеринодарский с 8.IV.1886 г. по 25.XI.1889 г. Особенно прославился своей миссионерской деятельностью на Алтае.
[268] *...Евгений Астраханский...* — Преосв. Евгений (Шерешилов), еп. Астраханский и Енотаевский с 26.VII.1880 г. по 16.XII.1889 г.
[269] *«Преосвященные ~ не в первый раз берут монастыри себе, как бы в аренду»; «цель преосвященных ~ благоустройству обители»...* — неточные цитаты из «Письма митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода, графу А. П. Толстому, о Саровской пустыни (1858 г., 20 апреля)» (*Собрание мнений и отзывов.* Т. IV. С. 319). Написано

в связи с желанием «преосвященного Тамбовского», т. е. еп. Николая (Доброхотова), «взять себе Саровскую пустынь» (Там же).

[270] *…об Саровской пустыни…* — Свято-Успенская Саровская пустынь — мужской монастырь, основанный в 1706 г. в г. Сарове на севере Тамбовской губ. в Темниковском у. (ныне относится к Нижегородской обл.). Его насельником был прп. Серафим Саровский. (В 1925—2006 гг. пустынь была закрыта.)

[271] *…молодому Орловскому епископу Симеону…* — См. примеч. 39. Еп. Симеону (Линькову) 6.X.1886 г. исполнилось ровно 50 лет.

[272] *…в орловском Петропавловском монастыре…* — Вероятно, ошибка: с 1820 г. резиденцией епископов Орловских был городской Успенский мужской монастырь, основанный на Взвозной горе в XVI в. (совр. адрес: ул. Ермолова, д. 11); его же монахи были тогда, в 1820 г., переведены в древнейший в Орловской епархии мценский Петропавловский монастырь (возник ок. 1500 г.; до 1694 г. назывался Петровским; закрыт в 1923 г.). В конце XIX в. на территории Успенского монастыря находилось 5 храмов, архиерейский дом, консистория и др. строения. (В 1926 г. закрыт последний храм; в 1996 г. здесь возродилась монастырская жизнь.)

[273] *«Игумен самостоятельный ~ преосвященный далеко».* — Буквально точная цитата. См.: *Собрание мнений и отзывов*. Т. IV. С. 319.

[274] *…в Вознесенском Переяславском архиерейском доме (дело в Окружном суде)…* — О Вознесенском Переяславском монастыре см. примеч. 231, об окружных судах — 293.

[275] *…Николо-Перервинском…* — Московский Николо-Перервинский мужской монастырь, основанный не позднее 1623 г. на левом берегу р. Москвы, в 7,5 верстах от города (совр. адрес: Шоссейная ул., д. 82). Перервой эта местность именовалась потому, что здесь течение реки Москвы *прерывалось* и водный поток образовывал себе новое русло. В конце XVII в. обитель стала летней патриаршей резиденцией; в ней насчитывалось 4 храма в барочном и византийском стиле; приписаны к ней были 4 часовни в центре Москвы, в том числе Иверская у Воскресенских ворот Китай-города. (В Московской ДС, размещавшейся одно время при Николо-Перервинском монастыре, в 1820—1824 гг. обучался старший брат **Г.-П.** свящ. А. П. Гиляров.) Монастырь закрыли в 1920-х гг.; возобновлены богослужения в Никольском соборе в 1991 г.; с 1995 г. обитель имеет статус Патриаршего подворья.

[276] *…у мирового судьи…* — См. примеч. 7 к п. 61.

[277] *Что делается в московском Богоявленском монастыре…* — Мужской монастырь в Китай-городе (Богоявленский пер., д. 2/6); основан в 1296 г.; с 1788 по 1899 г. был местопребыванием викарного еп. Московской епархии; еп. Дмитровские управляли им с 1863 г. В начале 1920-х гг. был упразднен, возрожден в 1991 г.

[278] *Гелатский монастырь* Богородицы — крупнейший средневековый монастырь Грузии (основан в начале XII в., вскоре при нем учреждена Гелатская академия — центр церковной и культурной жизни); расположен в 11 км от Кутаиси, резиденция патриарха-католикоса со 2-й пол. XVI в. до 1814 г.; памятник Всемирного наследия (1994).

[279] *…с разрешения бывшего экзарха Грузии Евсевия ~ золотые оклады заменены серебро-злащенными…* — Н. Н. Дурново в 1896 г. писал: «…Евсевий Ильинский, крайне развратный, невоздержанный в жизни, сластолюбец; нуждаясь в деньгах, он через своих клевретов продал все церковные сокровища бывшей Патриаршей ризницы католикосов, поснимал с облачений, митр и икон драгоценности и способствовал расхищению богатой Гелатской ризницы, в которой исчез золотой оклад с известными всему ученому миру драгоценными майоликами; через это Евсевий нажил сотни тысяч рублей; в его экзар-

хатство расхищено более чем на два миллиона церковных сокровищ» (<*Дурново Н. Н.*>. Церковные вопросы в России... С. 85—86). См. также публикуемые Н. Н. Дурново извлечения из Открытого письма грузинского духовенства в Св. Синод (1894): «Русские экзархи в Грузии, посылаемые в Грузию, смотрят на эту страну, как на область, данную им на разграбление. <...> В ризнице Гелатскаго монастыря до 1870-х годов хранились миллионные сокровища. Между ними были: 1) древнегрузинское Евангелие XI века, в золотом окладе, с замечательными по редкости майоликами <...>. Евангелие это, с разрешения экзарха Евсевия, было взято Кутаисским губернатором гр. Левашевым, который, сняв с него золотой оклад, заменил его малоценным серебряным, работы Сазикова (!). Ныне богатый оклад с сего знаменитого Евангелия сохраняется в музее гр. Строгонова, в Петербурге, куда поступил от гр. Панина. Англичане давали за оклад Евангелия сто тысяч фунтов стерлингов. 2) Патриаршее облачение имеретинских католикосов, из толстой шелковой материи, расшитое золотом и украшенное крупным жемчугом <...>. Богатое это облачение сделано было до падения Константинополя. Одного золота с него вытоплено 8 фунтов, а жемчуг, рубины употреблены на ожерелье. <...> В расхищении и подмене сокровищ винили графа Панина и ген<ерала> Левашева, которые получили разрешение от экзарха Евсевия. <...> В то же время, не без ведома экзарха Евсевия, исчезли из Сионского собора многие драгоценности и целые пуды жемчуга, снятые с древних святительских омофоров и саккосов, вместе с драгоценными украшениями с Чудотворной Сионской иконы Божией Матери. Точно также исчезла многочисленная золотая утварь: сосуды, кресты и другия сокровища из кафедральных соборов: Мцхетского, Алавердского, Бодбийского, Ниноцминдского и других, а вслед за ними Иоанно-Крестителевой пустыни, Джуматского, Шемокмедского и других монастырей» (цит. по: <*Дурново Н. Н.*>. Разгром Грузинской церкви // Русский стяг. 1907. 21 янв. № 3. С. 19). В том же обращении говорится о пропавшем патриаршем облачении Имеретинских католикосов, «расшитом крупным жемчугом»: «На саккосе был вышит символ веры на греческом языке так<им> образом: на правом рукаве — первый член символа веры, на передней половине саккоса (разделенной эпитрахилью с вышитыми 12-ю апостолами) следующие шесть, на левом рукаве — восьмой, девятый, десятый; на оборотной половине изображение Христа Спасителя, на престоле с книгою в руках; поверх вышитого изображения — слова одиннадцатого члена, а внизу двенадцатого. Когда патриарх садился на кафедру, то оборотная половина откидывалась. Свидетельство веры, т<аким> о<бразом>, всегда у всех было на виду. Митра, усыпанная жемчугом, украшалась бриллиантовым крестом, некогда венчавшим корону царя Вахтанга (446—489), который добыл этот крупный бриллиант во время походов в Персию. / Крест, предносимый перед католикосом Имеретии, был из цельного рубина, замененного ныне сердоликовым» (цит. по: <*Дурново Н. Н.*>. Разгром Грузинской церкви // Русский стяг. 1907. 28 янв. № 4. С. 27). Упоминаемый бывший министр юстиции, любитель старины гр. В. Н. Панин приходился тестем гр. В. В. Левашову, который был женат на его дочери Ольге.

[280] *...уничтожение двух епархий в Мингрелии и Гурии...* — Мингрельская, или Чкоидидская, епархия была учреждена в 1015 г. в Чкоидиди (в Мартвили), а Гурийская, или Гурильская (бывшая Джуматская), — в 1425 г. Вновь образованы в 1818 г. как две разные епархии, но в 1822 г. Гурийская, а в 1833 г. Мингрельская были присоединены к Имеретинской епархии. В 1844 г. их восстановили, но как единую епархию под названием Гурийской, с 1874 г. существовало Мингрельское викариатство, а 12.VI.1885 г. образована соединенная Гурийско-Мингрельская епархия (одна из четырех, образовавших Грузинский экзархат) с епархиальным центром в г. Поти.

[281] *...для чего учреждена ~ епархия.* — 12.VI.1885 г. произошла реорганизация уже существовавшей с 1851 г. Абхазской епархии: в ее состав вошла часть территории расформированной Кавказской епархии и она стала называться Сухумской. Образование ее было связано с массовым крещением абхазов, начавшимся в 1870-х гг., открытием новых приходов и появлением местного абхазского духовенства.

[282] *...кн. А—в...* — Предположительно, кн. Абхазов.

[283] *...собора Пицундского...* — Крестовокупольный трехапсидный патриарший собор в честь ап. Андрея Первозванного был возведен в Пицунде из камня и кирпича в начале X в. и вскоре стал кафедрой Абхазских католикосов. Когда в XVII в. ее перенесли в Гелати (Грузия), собор оказался заброшен. В 1885 г. он был обновлен и освящен в честь Успения Богородицы. В настоящее время в соборе размещается концертный зал.

[284] *...обители Симоно-Кананитской.* — Симоно-Кананитский (Новоафонский) монастырь основан в 1875 г. греческими монахами со Старого Афона, из обители Св. Пантелеимона, у подножия Афонской горы в Абхазии. Строительство продолжалось с 1884 по 1896 г. Монастырь был возведен у храма Ап. Симона Кананита (IX—X вв.), где под спудом почивают его мощи. Ныне это обитель Сухумо-Абхазской епархии.

[285] Г. *Победоносцев, опровергнув в «Правит<ельственном> вестнике» этот слух...* — См.: *ПВ*. 1887. 3 янв. № 2. С. 1.

[286] *...Успенский собор никогда не был так унижен, так умален, как теперь.* — Ср. также об этом передовую статью в газете «Восток», в № 279 от 27.XII.1883 г., где, в частности, отмечалось: «...не одним нам становится прискорбным то пренебрежение, которое оказывает ныне московская епархиальная власть — всероссийскому святилищу — собору Успенскому. <...> Для Московского митрополита, может быть, дорог новый собор как служащий его кафедрою, но москвичи и все ревнители Церкви дорожат более Успенским собором, который составляет их гордость и славу и перед которым они благоговеют» (с. 497, 498).

[287] *Синаксарий* (*греч.* συναξάριον, от συνάγω — собираю) — собрание исторических сведений о церковном празднике или о каком-либо святом, помещаемое в богослужебных книгах (минеях и триодях), а также особая книга, содержащая отдельные синаксарии (иначе: Пр*о́*лог).

[288] *Паремия* (от *греч.* παροιμία — притча) — чтения из Св. Писания, Ветхого или Нового Завета, произносимые на вечернем богослужении накануне праздников и содержащие в себе пророчества о празднуемом событии, объяснение его смысла или похвалу празднуемому святому.

[289] *...Ризы Господней и Креста с жезла прп. Авраамия Ростовского.* — Имеются в виду риза Христа, в марте 1625 г. подаренная патриарху Филарету (Романову) и царю Михаилу Федоровичу персидским шахом Аббасом I (в 1701 г. в Успенском соборе хранились пять ковчегов с восемью частями Ризы Господней, но к XIX в. остался один, пропавший после 1918 г.), и медный крест, служивший навершием жезла прп. Авраамия (см. о нем примеч. 6 к п. 87).

[290] *Ретирада* — зд.: отхожее место, уборная.

[291] *...как пишут между прочим в «Одесск<ом> вестн<ике>»...* — Упоминаемую статью обнаружить не удалось.

[292] *...в распоряжение Владимирского архиерея.* — Речь идет об архиеп. Феогносте (Лебедеве). См. примеч. 35. Далее шла ремарка в скобках «От издателя», поясняющая перебив в пагинации: «Страницы с 70-ой по 75-ой исключены автором по отпечатании кни-

ги». Возможно, **Г.-П.** повторялся, и на выпущенных страницах были те же сведения о дополнительных сверхдоходах архиереев, что уже излагались выше. Ср. с. 257—259.

[293] *Министерство юстиции при образовании окружных судов...* — Окружные суды с назначаемыми Министерством юстиции членами были образованы им в ходе реализации Судебной реформы 1864 г. — обычно на территории нескольких уездов с учетом численности населения и объема работы. Рассматривали уголовные (с участием присяжных заседателей) и гражданские дела, неподсудные мировым судьям.

[294] *...разделив Пермскую епархию на две: Пермскую и Екатеринбургскую.* — По Указу Св. Синода от 29.I.1885 г., упраздняемая Пермская и Верхотурская епархия дала жизнь самостоятельным епархиям: 1) Пермской и Соликамской, 2) Екатеринбургской и Ирбитской. Екатеринбурская епархия, впрочем, существовала номинально уже с 25.XII.1833 г. — в качестве Пермского викариатства. По данным на 1883 г., в Пермской епархии числилось 2 236 705 православных (см.: Ведомость о числе жителей православного исповедания за 1883 год // Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1884 г. СПб.: Синодал. тип., 1886. Прил. С. 48).

[295] *...из состава Ставропольской епархии...* — Ставропольская и Екатеринодарская епархия (до 8.III.1886 г. Кавказская и Екатеринодарская) была, в свою очередь, 17.VII.1842 г. выделена из состава Астраханской епархии. По данным на 1883 г., в Кавказской епархии числилось 1 297 292 православных (см.: Там же).

[296] *Брестско-Гродненское викариатство...* — Точнее: *Брестское* викариатство Литовской и Виленской епархии; оно было учреждено Указом Св. Синода от 22.I.1840 г. в связи с массовым воссоединением униатов с православием. В его состав вошло 16 благочиний, расположенных на территории Гродненской губ. (совр. Брестская и Гродненская обл. Белоруссии) и Белостокской обл. (совр. Польша). 23.I.1900 г. это викариатство преобразовали в самостоятельную Гродненскую и Брестскую епархию.

[297] *...сократится значительно Литовская епархия.* — По данным на 1883 г., в Литовской епархии числилось 1 065 216 православных (см.: Ведомость о числе жителей православного исповедания за 1883 год. Прил. С. 48). Не исключено, что этот пункт проекта предлагался не без участливого согласия ученика **Г.-П.** архиеп. Алексия (Лаврова-Платонова), получившего Литовскую кафедру в 1885 г.

[298] *...из Иркутской епархии...* — По данным на 1883 г., в Иркутской епархии числилось 642 603 православных (см.: Там же).

[299] *Забайкальская область ~ должна быть ~ преобразована в самостоятельную епархию, с кафедрою в Чите...* — После учреждения 18.I.1727 г. самостоятельной Иркутской епархии Забайкалье вошло в ее состав, сделавшись полем действия Забайкальской духовной миссии, которая 25.V.1861 г. была оформлена в Селенгинское викариатство. По инициативе сибирских архиереев 28.I.1894 г. из Селенгинского было выделено Читинское викариатство Иркутской епархии, которое уже 12 марта того же года было реорганизовано в самостоятельную Читинскую и Забайкальскую епархию с кафедрой в Чите, одновременно с упразднением Селенгинского викариатства.

[300] *Нынешний Иркутский архиепископ Вениамин...* — См. примеч. 264.

[301] *Разрешено было лишь Селенгинскому викарию жить в Чите...* — Преосв. Мелетий (Якимов), хиротонисанный во еп. Селенгинского 5.XI.1878 г., проживал в Чите, ставшей 12.II.1879 г. центром викариатства, уже полусамостоятельного, и Забайкальской духовной миссии. До этого кафедра находилась в Посольском Спасо-Преображенском монастыре на Байкале, в 155 верстах от Иркутска.

[302] *...Вологодской епархии...* — По данным на 1883 г., в Вологодской епархии числилось 1 118 768 православных (см.: Ведомость о числе жителей православного исповедания за 1883 год. Прил. С. 48).

[303] *...должна быть ~ восстановлена епархия Великоустюжская, с кафедрою в Великом Устюге.* — Самостоятельная епархия под названием Великоустюжская и Тотемская существовала в 1682—1788 гг. Указом Св. Синода от 30.I.1888 г. было учреждено Великоустюжское викариатство Вологодской епархии, причем как *полусамостоятельное*, — для окормления паствы в удаленных от центра епархии восточных уездах Вологодской губ.: Устюжском, Усть-Сысольском, Яренском, Никольском, Сольвычегодском (более 300 приходов). 12.X.1916 г. был изменен титул викарного епископа — он стал именоваться «Великоустюжским и Усть-Вымским». В конце 1918 г. это викариатство получило статус самостоятельной епархии.

[304] *...к составу Тобольской ~ Томской епархии...* — По данным на 1883 г., в Тобольской епархии числилось 1 154 376 православных, а в Томской — 894 339 (см.: Ведомость о числе жителей православного исповедания за 1883 год. Прил. С. 49).

[305] *Из областей: Акмолинской ~ и Семипалатинской ~ образовать особую самостоятельную епархию с кафедрою в Омске...* — Епархия, о необходимости учреждения которой говорил **Г.-П.**, была образована (под названием Омская и Семипалатинская) по настоянию **П.** (вопреки желанию Тобольского архиерея) 6.I.1895 г. — выделением ее из епархий Тобольской и Томской. В 1937 г. ликвидирована, в 1947 г. восстановлена. Но еще до публикации книги **Г.-П.** вопрос об открытии самостоятельной Омской епархии, путем выделения ее из Тобольской, рассматривался на Соборе сибирских архипастырей в 1885 г. и, по решению Св. Синода, в конце 1887 г. в Омске была образована комиссия из духовных, светских и военных лиц, которой было поручено представить Тобольской духовной консистории предложения по этому вопросу; спустя год решено было, однако, ограничиться назначением в Омск викарного епископа, с чем не согласился Св. Синод. Новообразованная Омская и Семипалатинская епархия занимала более 1 млн кв. верст, но население ее составляло всего 350 тыс. человек.

[306] *...в Омске, где в продолжение нескольких десятков лет имеет пребывание генерал-губернатор...* — Решение об образовании Западно-Сибирского (с 18.V.1882 г. *Степное*) генерал-губернаторства путем деления Сибирского генерал-губернаторства на западную и восточную части было принято 26.I.1822 г. и юридически оформлено 22.VII.1822 г. Его центром стал Тобольск, однако уже первый генерал-губернатор П. М. Капцевич предпочел в 1824 г. разместить свою резиденцию в Омске. Впрочем, остальные учреждения остались в Тобольске, а после ухода Капцевича с должности в 1827 г. в Тобольск вернулась и резиденция генерал-губернатора. Все же 25.XI.1838 г. Высочайшим указом повелено было перенести Главное управление Западной Сибири в Омск; переезд должностных лиц состоялся 20—29.V.1839 г.

[307] *Епархии ~ имеющая каждая более двух миллионов паствы...* — По официальным данным на 1883 г. (которые и были в распоряжении **Г.-П.**), из поименованных 12 епархий количество православных доходило до 2 млн человек только в Вятской (2 462 446), Полтавской (2 018 622), Киевской (2 033 055) и Воронежской (2 127 708) (см.: Ведомость о числе жителей православного исповедания за 1883 год. Прил. С. 48—49); впрочем, в этом источнике не были приведены сведения по Саратовской, Тамбовской и Черниговской епархиям.

[308] *...Изюмскую...* — Исправлено, в тексте: «Изюмская».

[309] *В прежнее время в Москве находилась кафедра Крутицкой епархии...* — Крутицкая (первоначально Сарайская) епархия была учреждена в 1261 г. с разрешения Берке, правителя Золотой Орды, в ее столице Сарай-Бату (находилась в 80 км севернее совр. г. Астрахань в р-не с. Селитренное) и обнимала всю Южную Россию между Волгой и Днепром. Когда ок. 1460 г. епископскую кафедру перенесли в Крутицкий монастырь близ Москвы, появилось название *Крутицкая епархия* (с 1764 г. *Крутицкая и Можайская*); в 1788 г. упразднена и присоединена к Московской епархии.

[310] *...от Переславской епархии.* — Переславская и Дмитровская епархия (1744—1788) имела центр в Переславле-Залесском и объединяла 605 приходов и 25 монастырей. Архиерейский дом — бывший Успенский Горицкий монастырь.

[311] *...(...на Саввинском подворье)...* — Московское подворье Саввино-Сторожевского монастыря (Тверская ул., д. 6) было устроено в 1651 г. на месте упраздненного Воскресенского Высокого, называвшегося «За золотой решеткой», мужского монастыря (известен с 1479 г.). Здесь с 1799 г. пребывал тот викарный епископ, который являлся настоятелем Саввино-Сторожевского монастыря (см. ниже примеч. 342—344). Также см. подробнее: *Розанов Н.* Саввинское подворье в Москве и московские преосвященные викарии. М.: Унив. тип., 1869. (В 1905—1907 гг. здание подворья было полностью перестроено, а в начале 1938 г. передвинуто на 50 м вглубь. Ныне это жилой дом; кроме того, в нем находятся различные мелкие учреждения.)

[312] *...позаботился...* — Исправлено, в тексте опечатка: «позаботилось».

[313] *Некоторые из духовных писателей, как г. Елагин, находят, что ~ на архиерея будут-де смотреть как на соборного протоиерея.* — **Г.-П.** пересказывает суждения религиозного публициста С. И. Ширского, выпустившего свою книгу «Чего надо желать для нашей Церкви» анонимно, но под редакцией Н. В. Елагина. Имеется в виду следующая фраза: «Епископы уездных городов <...> ниспадут до положения уездных исправников. <...> Пройдет пятьдесят, много сто лет: и уездные епископы сделаются тем, что нынешние уездные протоиереи, с прибавлением только к ним более или менее урезанных прерогатив епископского сана» (<*Ширский С. И.*>. Чего надо желать для нашей Церкви: По поводу отзывов на кн. «Белое духовенство и его интересы»: В 2 вып. / Сост. под ред. Н. В. Елагина. СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1885. Вып. II. С. 186).

[314] *...епископов in partibus, или викариев...* — Обычай назначения таких «титулярных епископов» (*лат.* episcopus titularis in partibus infidelium — титулярный епископ в стране неверных, или просто *in partibus*) восходит к обычаю Римской церкви облекать клириков епископским саном без соответствующей ему юрисдикции и назначать их в качестве викариев на несуществующие церковные кафедры — как правило, в свое время упраздненные, но юридически, с точки зрения канонического права, продолжающие свое бытие.

[315] *...Синода, который-де есть учреждение коллегиальное, а патриарх будет-де управлять единолично.* — См.: «Теперь управление наше „неудобно по своей коллегиальности“, тогда оно будет неудобно по своей единоличности, „понеже в единой персоне, по справедливому замечанию Духовного регламента, не без страсти бывает“» (<*Ширский С. И.*>. Чего надо желать для нашей церкви. Вып. II. С. 177).

[316] *...они должны, по слову Евангелия, положить свою душу...* — Имеются в виду слова Христа: «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец» (Ин 10: 11).

[317] *В некоторых епархиях, как Ставропольско-Кавказской, архиереи выработали даже таксу вознаграждения за требы, что строго воспрещено церковными канонами.* — Хотя по церковным законам плата за *требы* (см. примеч. 162) должна быть добровольной

и требование духовным лицом заранее определенной платы за требу подпадает под преступление симонии, Екатерина II, стремясь оградить подданных от корыстолюбия духовенства, в 1765 г. установила таксы за требы специальным Сенатским указом, определявшим: 2 коп. за молитву родильнице, 3 коп. за крещение и погребение младенца, 10 коп. за венчание и похороны взрослых, за поминовение усопших — что дадут, за исповедь и причащение не брать ничего. В 1801 г., при имп. Александре I, таксу эту повысили вдвое. **Г.-П.** возмущается самоличным введением таксы особым постановлением в отдельной епархии. Постепенно к 1906 г., однако, такая практика стала повсеместной. При этом оговаривалось: «Если кого взимание платы за пастырский труд может, под воздействием наветов со стороны современных врагов православия, отторгнуть от Св. Церкви, то священник должен спешить с требоисправлением к таковому без всякого упоминания о благодарности за труд, — иначе можно погубить душу его и свою» **(**подробнее, с библиографией вопроса, см.: *Булгаков С. В.* Настольная книга для священно-церковно-служителя: (Сб. сведений, касающихся преимущественно практич. деятельности отеч. духовенства). 3-е изд. Киев, 1913. Ч. II. С. 950**)**.

[318] *В Воронежской епархии есть, между прочим, такой священник…* — Лицо неустановленное.

[319] *…Амвросий, архиепископ Харьковский. Будучи в Москве приходским священником церкви Казанской Божией Матери у Калужских ворот…* — Прот. А. И. Ключарев (будущий архиеп. Амвросий) получил священническое место своего тестя, прот. С. А. Владимирского, когда тот скончался в начале марта 1849 г., и возглавлял приход в этом храме на ул. Большая Якиманка, д. 18, вплоть до 15.I.1878 г.

[320] *…21 сентября 1886 года был им освящен.* — Каменная церковь известна на этом месте с 1694 г. Благодаря настоятелю в 1876 г. ее начали отстраивать заново из белого мрамора в «византийском» стиле, приурочив всю постройку к победе в Русско-турецкой войне. (В 1922 г. церковь закрыли, а в 1972 г. взорвали, соорудив позднее на ее месте здание МВД. В 1999 г. при нем начали возводить домовой храм-часовню в честь иконы Казанской Божией Матери, который действует с 1.VI.2000 г.)

[321] *…нынешний преемник Нила…* — Архиеп. Ионафан (Руднев). См. примеч. 10.

[322] *В минувшем 1885 году Св. Синод разрешил ~ определять диаконов к приходским церквам, имеющим 700 душ, сократив число псаломщиков при одном священнике до одного.* — Согласно Высочайше утвержденному 16.II.1885 г. Определению Св. Синода, штаты определялись таким образом: во всех епархиях, исключая западные и закавказские, церковные причты в приходах, имевших менее 700 душ *мужского* пола, состояли из священника и псаломщика, а в приходах, имевших более 700 душ, — из священника, диакона и псаломщика (впрочем, при наличии «особых местных средств» позволялось назначать диаконов и при меньшем числе прихожан). Если при приходской церкви состояли два священника и более, то в состав причта входили диаконы и псаломщики, соответственно с числом священников *по одному на каждого.*

[323] *…в клиросном пении…* — Речь идет о пении в церковном хоре, во время богослужений находящемся на клиросе, или крылосе, — огороженном перед иконостасом месте для певчих.

[324] *…нечередные священники и диаконы.* — Не совершающие в данный день богослужение по очереди, установленной по договоренности.

[325] *Бывший униатский священник Иоанн Наумович…* — Выпускник грекокатолической семинарии в Львове (1851) о. Иоанн был посвящен в униатские иереи. Перешел в православие в 1885 г., после того как за симпатии к нему был отлучен папой римским от

церкви. **Г.-П.** имеет в виду обширную просветительскую деятельность прот. И. Г. Наумовича, в частности — учреждение по его инициативе в 1874 г. «Общества имени Михаила Качковского», имевшего своей задачей просвещение и поднятие уровня экономического благосостояния галицкого крестьянства путем распространения знаний, издания народных книг и др.

326 *...ограничиваются одним требоисправлением.* — Об этом **Г.-П.** писал неоднократно. Ср.: «...теперь, когда во мнении большинства пастырей их обязанность ограничивается требоисправлением...» (*Вопросы веры и Церкви.* Т. II. С. 369).

327 *Дормез* (*фр.* dormeuse, от dormir — спать) — дорожная закрытая карета, приспособленная для сна в пути: сидения в ней раскладывались так, что пассажиры могли лежать, вытянувшись во весь рост.

328 *...там-то...* — Исправлено, в тексте опечатка: «так-то».

329 *Ранние наймиты-священники...* — Проблема «ранних батюшек», нанимавшихся настоятелями московских церквей, всегда волновала **Г.-П.** См., например, одну из передовых статей: *СИ.* 1884. 23 июля. № 199. С. 1—2; перепеч.: *Сб. соч.* Т. II. С. 431—434. «Ранний батюшка», — с горечью писал здесь **Г.-П.**, — приглашавшийся поначалу временно, чтобы можно было в церкви служить две литургии в день, постепенно «обратился в настоятельского викария, вообще чернорабочего, который обязан исполнять за настоятеля все, что ему прикажут: не раннюю обедню только служить, но и всенощную, и вечерню, и утреню, и исповедовать по приходу» (Там же. С. 431). Упоминал об этой проблеме **Г.-П.** и в своих воспоминаниях: «Сельский поп, будь он разблагочинный, за счастие должен почесть, если под конец уклоняется и получит место „раннего“, наемного священника при московском батьке, предоставляя последнему сибаритствовать летом на даче, а зимой отправлять службу и требы только для разнообразия жизни, посвященной в весьма посредственной степени приходу» (*Из пережитого. 2009.* Т. I. С. 99).

330 *...с учреждением епархиальных съездов духовенства...* — Епархиальные съезды духовенства, появившиеся в результате Великих реформ для совещания по сословным и епархиальным делам, поначалу оказывали благотворное влияние на церковную жизнь, однако вскоре их демократическая функция была сведена к нулю, поскольку депутаты съездов постоянно оказывались в положении безмолвных статистов. **Г.-П.** восстает против сборов на эти съезды еще и потому, что, когда Указом Св. Синода от 5.IV.1881 г. их выборность была отменена, они стали окончательно подконтрольны правящим архиереям.

331 *...восковые свечи с примесью церезина...* — См. примеч. 80.

332 *...церковных канонов, которые строго воспрещают духовенству заниматься мирскими делами, торговлею и промыслами.* — **Г.-П.** имеет в виду прежде всего 6-е апостольское правило: «Епископ, или пресвитер, или диакон, да не приемлет на себя мирских попечений. А иначе да будет извержен от священного чина» (*Книга правил.* С. <12>).

333 *...Гефсиманском скиту...* — Имеется в виду Гефсиманский Черниговский скит при Троице-Сергиевой лавре, основанный в 1844 г. посреди леса в трех верстах к северо-востоку от Лавры (ныне в черте Сергиева Посада) и названный по месту трагического моления Христа о спасении людей (второе наименование — по Черниговской иконе Божией Матери, просиявшей в скиту 1.IX.1869 г.).

334 *...в 1870 году* с *Макарьевским Желтоводским монастырем...* — Свято-Троице-Макарьево-Желтоводский мужской монастырь, основанный в 1434—1435 гг., был упразднен не в 1870-м, а в 1866 г. и после возобновления в 1884 г. стал женским. Расположен на левом берегу Волги, в Лысковском р-не Нижегородской епархии, возле пос. Макарьево.

[335] *…астраханским Спасо-Преображенским монастырем, упраздненным в 1872 г.* — Этот мужской монастырь был основан во 2-й пол. XVI в. Упразднен по настоянию синодального обер-прокурора гр. Д. А. Толстого, смущавшегося «малочисленность монашествующих в Спасо-Преображенском монастыре при известной значительности денежных средств оного». Не в 1872 г., а в марте 1873 г. вышел Указ Св. Синода об упразднении обители, и ее братия, по заранее намеченному плану, была переведена в оренбургский Свято-Духов и вятский Спасо-Орловский монастыри.

[336] *…(см. «Астрах<анские> епарх<иальные> вед<омости>» 1886 года №№ 8, 9, 10, 11)…* — Точнее: *Лебединский Як.* Упразднение астраханского Спасо-Преображенского монастыря // Астраханские ЕВ. 1886. № 7, 8, 10, 11.

[337] *…Соловецкого…* — Спасо-Преображенский Соловецкий мужской монастырь, основанный в 1436 г., стал ставропигиальным, т. е. перешел под непосредственное подчинение Синода, в 1765 г.

[338] *…ростовского Спасо-Яковлевского Димитриева…* — Этот основанный в 1389 г. мужской монастырь (до 1836 г. назывался по имени главного храма Зачатьевским или по имени основателя свт. Иакова — Иаковлевским) был удостоен титула ставропигии также в 1765 г.

[339] *…Соловецкая обитель ~ имеет под собою ныне 4 обители.* — Видимо, имеются в виду Свято-Андреевская (Заяцкая), Макарьевская и Филипповская (Иисусова) пустыни, а также один из 6 скитов: Голгофо-Распятский, Исаакиевский, Савватиевский, Свято-Сергиевский, Свято-Троицкий Анзерский или Секиро-Вознесенский.

[340] *…монастырь Заиконоспасский…* — Другое название — Спасский за иконным рядом, поскольку располагался за лавками, где торговали иконами; основан в 1600 г. После 1834 г. в одном из его корпусов (где с 1823 по 1834 г. находилась Московская ДС) размещалось Московское Заиконоспасское ДУ.

[341] *…Чудов…* — См. примеч. 18. Эта кремлевская обитель считалась ставропигиальной вплоть до 1742 г., когда была восстановлена Московская епархия (в 1721—1742 гг. в качестве Патриаршей области находившаяся под управлением Св. Синода) и митрополит Московский назначен священноархимандритом Чудова монастыря.

[342] *…Саввино-Сторожевский ~ по-прежнему наименованы ставропигиальными.* — Мужской монастырь, основанный в 1398 г. близ г. Звенигорода в урочище Сторожи преподобным Саввой, учеником Сергия Радонежского. Царь Алексей Михайлович придал Саввино-Сторожевскому монастырю статус первой в России лавры (по значимости и по счету). В 1764 г., в ходе секуляризации монастырских земель, он перешел в епархиальное управление, однако при возрождении обители в 1995 г. вновь стал ставропигиальным.

[343] *…заглазное управление викария…* — Саввино-Сторожевским монастырем с 1800 по 1877 г. управляли викарные еп. Дмитровские, а затем вплоть по 1917 г. — Можайские. Однако их резиденция была не в самой обители, а на Саввинском подворье в Москве (см. примеч. 311). **Г.-П.**, в частности, имеет в виду еп. Можайских: Мисаила (Крылова), возглавлявшего монастырь с 20.II.1883 г. по 4.V.1885 г., и Александра (Светлакова), занимавшего тот же пост с 30.VI.1885 г. по 11.I.1892 г.

[344] *…любимою Царя Алексия Михайловича, обителью…* — Этот монарх был разгневан оппозицией Троице-Сергиева монастыря по отношению к проводимой им политике церковных преобразований и потому в качестве своей подмосковной обители избрал Саввин-Сторожевский монастырь, повелев отстроить его заново: на протяжении 1652—1656 гг. были сооружены основные стены с семью башнями, построен надвратный храм

Прп. Сергия Радонежского (ныне Троицы Живоначальной), обширная трапезная и мощная звонница, а также дворец государыни, царские палаты, братский и келейный корпуса и др.; соборы обители расписывали иконописцы Оружейной палаты Московского Кремля.

[345] *...Богоявленский...* — См. примеч. 277.

[346] *...с Саввинского подворья (на Тверской)...* — См. примеч. 311 и 343.

[347] *...кафедра которой в 1841 г. перенесена в Витебск...* — Формально этот перенос состоялся ранее, 14.V.1839 г., когда в губернском центре Витебске, в кафедральном Успенском соборе, состоялись официальные торжества по случаю воссоединения Униатской церкви с Православной. Окончательно епархиальное управление обосновалось в Витебске в 1842 г.

[348] *...Варшавская — в недавнее время приняла название Холмско-Варшавской...* — 1.V.1875 г. Варшавская и Новогеоргиевская епархия была соединена с Холмской, учрежденной ок. 1215 г. и состоявшей в унии в 1596—1620 и 1655—1875 гг.

[349] *...церковь Русская под управлением «Правительствующего» Синода от него отступила.* — Об этом же **Г.-П.** писал и в главе IV («Старая семинария») своих воспоминаний «Из пережитого», повествуя о событиях 1799 г.: «...епископ Коломенский стал именоваться Тульским, а к титулу Московского митрополита прибавлено „и Коломенский“. Епархии были разверстаны по губерниям, семинаристы — по епархиям, к которым оказались принадлежащими. Опустела родина. Она подошла под тот тип казенщины, который там раньше, там позже, но неуклонно повсюду овладевает Россией, стирая все бытовое, местное, историческое, не щадя ни одного уголка, ни одного отправления общественной жизни. Раньше развенчаны Ростов и Переславль, позже или одновременно с Коломной — Белгород и Переяслав. С каким-то кажущимся озлоблением, а в сущности даже безотчетно преследовались самые названия и притом когда они ничему не мешали и никакого затруднения административной машине учинить даже не могли. К каким затруднениям, например, могло повлечь именование епископа „Тульским и *Каширским*“? Второй титул архиереев ровно никаких практических последствий за собой вообще не влечет, хотя бы назвали кого Гвинейским иль Новозеландским. Однако Тульский епископ именуется теперь „Тульским и Белевским“. Кашира все-таки древний город, значился в старых архиерейских титулах; так нет же, долой ее. Для чего это?

Для чего! Вопросом этим предполагается цель, умысел; расширение и углубление казенщины хотя и продолжается неутомимо, но давно перестало быть последствием чьих-либо расчетов. Оно совершается самостоятельно; люди служат направлению, а не двигают им. На каждый раз найдутся частные объяснения и побуждения. <...> Но, в сущности, во всех этих проектах и мероприятиях действует фронтовой идеал, который заседает в душе русских умников. Разнообразие коробит, волнистые линии колют глаз, личная самостоятельность, местная особенность приводит ум в замешательство. Безотчетное чувство понуждает приводить все к одному уровню, превращать, хотя бы насильно, всякий органический процесс, если возможно, в механический. Между прочим и мысли спокойнее. Она приучается к общим местам, следовательно, к безмыслию; жизнь совершается по общим формам, следовательно, двигается, а не живет. Что такое губернский город? Город, в котором находится губернатор, архиерей и острог, а кстати — и гимназия с семинарией; беспокойно представить „губернию“, в которой бы не доставало этих атрибутов гражданственности или представить иное вообще их размещение» (*Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 32—33).

В мемуарах **Г.-П.** допускает неточность: не в разное время, а в один 1799 г. Ростовская епархия переименована в Ярославскую, Коломенская — в Тульскую, Белгородская — в Курскую, Переяславская — в Малороссийскую (с 1803 г. называется Полтавской). И только Переславская епархия, существовавшая с 1744 г., утратила свое название раньше, в 1788 г., когда была присоединена к Суздальской епархии (с 1799 г. называется Владимирской). В настоящее время несколько изменены исторические названия только у двух городов из пяти, названных **Г.-П.**: Переяслав — ныне Переяслав-Хмельницкий Киевской обл., а Переславль — Переславль-Залесский Ярославской обл.

350 *...Равноапостольного Владимира, основавшего Владимир-Волынский и учредившего в нем епископию...* — См. примеч. 140. Владимир-Волынская епархия, основанная в 992 г., существовала до 1795 г., с двумя периодами отпадения в унию — в 1596—1616 (или 1621) и 1625—1795; потом вошла в состав Житомирской епархии.

351 *...епархию под именем «Волыно-Житомирской» ~ кафедру в г. Остроге, затем кафедру перенесли в местечко Ан<н>ополь, оттуда в Почаев и только в 1840 году в Житомир.* — Учреждена как *Житомирская епархия* 12.IV.1795 г. в качестве викариатства Минской и Волынской архиепископии на территориях древних епархий, в свое время уклонившихся в унию: Луцкой и Острожской, Владимиро-Волынской и Туровской; 4.VIII.1799 г. под названием *Волынская и Житомирская* стала самостоятельной. Первоначально кафедра находилась в г. Остроге; после пожара, в 1825 г., правящий архиерей с консисторией и семинарией перебрался в имение Аннополь Острожского у. (в 30 верстах к северо-западу от Острога), разместившись во дворце кн. Яблоновских; затем, 25.X.1831 г., он переместился в почаевскую Св.-Успенскую лавру, отобранную у базилиан, замешанных в Польском восстании, и, наконец, с 1.X.1840 г. обосновался в Житомире.

352 *...в ополяченном Житомире есть величественный кафедральный собор, никогда не наполняемый народом...* — Спасо-Преображенский кафедральный собор высотой 53 м (совр. адрес: ул. Мира, д. 14), крестовой формы, трехнефный, пятикупольный с шатрообразными завершениями, был возведен в 1866—1874 гг. архитекторами К. К. Рахау, Э. И. Жибером и В. Г. Шаламовым и выдержан в русско-византийском стиле с характерными чертами древнерусской архитектуры XI—XII вв. Собор, рассчитанный на 3000 молящихся, не мог наполняться до отказу, поскольку находился в униатском крае.

353 *...есть и кафедра латинского бискупа.* — Кафедральный католический костел Св. Софии (совр. адрес: ул. Кафедральная, д. 2), возводившийся в 1737—1751 гг., во внутренней отделке сочетает позднеренессансные и барочные черты, в его же внешнем облике, после поновлений 1801 г., преобладает стиль классицизм; колокольня при нем высотой 26 м построена в 1863 г. *Бискупами* называли католических епископов в польских и западных губерниях.

354 *...пора бы ~ называть епархию Суздальскую «Владимиро-Суздальскою»...* — Вероятно, **Г.-П.** ошибается: *Суздальской и Владимирской* эта епархия называлась короткий срок в конце XVIII в. — с 6.V.1788 г. по 16.X.1799 г., а затем, вплоть до 1917 г., — *Владимирской и Суздальской*, как и хочет **Г.-П.**

355 *...до 1799 года, с которого она существует как самостоятельная...* — Речь идет об учреждении 6.X.1799 г. Переяславской епархии, с 17.XII.1803 г. именовавшейся Полтавской и Переяславской, кафедра которой поначалу находилась в Переяславле, а с 1847 г. — в Полтаве (см. о ней также выше примеч. 185 и 349).

356 *...Красноярская, названная неправильно Енисейскою...* — Учреждена 25.V.1861 г. как *Енисейская и Красноярская* с кафедрой в г. Красноярске.

357 *Верный* — с 5.II.1921 г. Алма-Ата (Алматы).

[358] *...семь священномучеников.* — Епископы-миссионеры, прибывшие в Херсонесс (см. примеч. 110): Василий (Василевс) (310—7.III.310), Ефрем (IX.310—7.III.315), Евгений, Елпидий и Агафодор (все трое: 310—6.XII.311), Еферий (Эферий) (313—324) и Капитон (324—после 325).

[359] *...Херсонесская епархия уже имела степень митрополии...* — в 690—1394 гг. именовалась Херсонесской и Доронтской (Доранской) епархией.

[360] *...с падением Херсонесса...* — Херсонесс (Херсонес Таврический) был взят и разрушен в 1363 г. войсками вел. кн. Литовского Ольгерта, а в 1397 г. — повторно — войсками его племянника Витовта.

[361] *...Готфийская митрополия закончила ряд своих святителей благочестивым митрополитом Игнатием.* — Свт. Игнатий (Хозадинос), митр. Готфийский и Кефайский, скончался 16.II.1786 г. Он был организатором переселения из Крыма в Азовскую губ. не менее 20 тыс. православных греков в 1778—1779 гг., основавших г. Мариуполь и еще 20 селений. В 1779 г. Екатерина II особым Указом повелела Св. Синоду сохранить в составе Русской церкви эту греческую епархию по смерть ее владыки. В 1786 г. бывшие ее приходы влились в Славянскую и Херсонскую (позднее Екатеринославская и Херсонес-Таврическая) епархию. Игнатий был аскетом и благотворителем. 15.XI.1998 г. Украинской церковью он причислен к лику местночтимых святых

[362] *...«История Русской церкви», в которой повествуется, что св. Владимир не крестился в Херсонессе.* — Подразумевается изд.: *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. М.: Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1880. Т. I: Период первый: Киевский или Домонгольский: Первая пол. тома. XXIV, 793 с. Проф. Е. Е. Голубинский предложил свою версию о месте и времени крещения кн. Владимира и киевлян, несогласную с традиционной, опирающейся на свидетельство «Повести временных лет». По его мнению, Владимир мог принять крещение в 987 г. (с. 113) в своей княжеской резиденции в Василеве (совр. г. Васильков Киевской обл.), поскольку своим названием этот городок был обязан именно событию его крещения, в котором он был наречен Василием (с. 115). Что же касается самого похода на Херсонесс, то он будто бы датируется 989 г. (с. 141), тогда же или в более позднее время, в 991 г., произошло крещение киевлян (с. 147). Аргументированные возражения против этих предположений см.: *Малышевский Ив.* <Рец. на:> «История Русской церкви» Е. Голубинского, проф. Моск. духов. академии. <СПб.>: Тип. ИАН, <1882>. С. 50—51.

Следует упомянуть, что позиции **Г.-П.** и **П.** по отношению к трудам Е. Е. Голубинского были сходны. 22.VIII.1882 г. в письме к ректору Московской ДА прот. С. К. Смирнову **П.** дал автору «Истории Русской церкви» уничижительную характеристику в обобщенно-презрительной форме словами из одной из проповедей архиеп. Никанора (Бровковича): «...иные историки критического направления, которые разрушают идеалы народной жизни и вносят в нее разъедающее начало» (У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбил. сб. ист. материалов. М.: Изд. бывш. воспитанников Моск. ДА, 1914. С. 629).

[363] *...камилавок и скуфей, Синод обратил их в награду...* — *Камилавка* (καμιλαύκα от κάμηλος — верблюд) — головной убор фиолетового или черного цвета в виде расширяющегося кверху цилиндра без полей (первоначально шапка из верблюжьей шерсти, которую носили для защиты от солнца). Если в Греческой церкви камилавка, символизирующая терновый венец Спасителя и умерщвление плоти, составляла неотъемлемую принадлежность священного сана, то в Русской она стала употребляться лишь со 2-й пол. XVII в., заменив собой *скуфью* (от σκύφος — чаша) — повседневный головной убор ду-

ховных лиц, представляющий собой круглую черную шапочку, складки которой образуют вокруг головы знамение креста. Павел I своим Именным указом Св. Синоду от 18.XII.1797 г. присвоил этим головным уборам значение иерархической церковной награды: «А дабы священники могли за отличные заслуги удостоиться и особливых почестей, определяем в пользу белого священства <…> употребление фиолетовой бархатной камилавки или скуфьи <…> с тем однако ж, что сии отличные почести не инако как по воле и утверждению Нашему даваемы или дозволяемы будут» (*ПСЗ*. СПб., 1830. Т. XXIV. № 18 273. С. 822). 10.XII.1798 г. по Именному указу Павла I, поступившему в Св. Синод, сразу 74 иерея были удостоены бархатной камилавки, пятеро — скуфьи, а двое — митры.

[364] *…митры, пожалованные русскими монархами. — Митра* (μίτρα — пояс, повязка) — подобное венцу головное украшение с изображением Спасителя, Богоматери и евангелистов, надеваемое архиереем во время богослужения. С 1667 г. митры жаловались и архимандритам, а начиная с 1786 г. также и *митрофорным* священникам (награжденным правом ношения митры): в этом году Екатерина II пожаловала митрой своего духовника прот. И. И. Памфилова. В упомянутом Указе Павла I от 18.XII.1797 г. об этой награде для белого священства говорилось: «…определяем <…> для знатнейших из них митры, каковую употребляют архимандриты…» (Там же). Однако случаи награждения митрами представителей немонашествующих иереев (равно как и игуменов крупных монастырей, например Валаамского в 1912 г.) были довольно редки.

[365] *…Павел I пожаловал митры протопресвитерам московских соборов: Успенского и Благовещенского.* — Эта награда считалась личной, а не принадлежащей месту служения. Имеются в виду протопресвитеры: Лукиан Протопопов, настоятель Большого Успенского собора с 31.10.1798 г. по 12.3.1813 г., и Исидор Петров, настоятель Благовещенского собора с 7.XI.1796 г. по 1.X.1805 г. Отметим, что наименование *протопресвитер*, раньше употреблявшееся безразлично наравне с *протопоп* и *протоиерей,* в Павловское правление переосмысливается как высшее звание для представителя белого духовенства и окончательно откристаллизовывается к 1890 г. как принадлежащее к должности: в России к тому времени было 4 протопресвитера: два в Петербурге — настоятель Большого придворного собора и протопресвитер военного и морского духовенства — и два в Москве: настоятели Большого Успенского и Архангельского соборов.

[366] *…ныне благополучно царствующий император…* — Александр III.

[367] *…дом г. Победоносцева, находящийся в Хлебном переулке в Москве, состоял в продолжение десятка лет в приходе о. Соколова.* — В Хлебном переулке, расположенном с внешней стороны от Никитского бульвара, не сохранился дом № 4, построенный на пожарище 1812 г. и принадлежавший до 1843 г. отцу будущего обер-прокурора Св. Синода, проф. словесности Московского университета П. В. Победоносцеву, а с 1867 г. (после смерти вдовы последнего) по 1907 г. — **П.**, их сыну. Прот. А. И. Соколов был с 1854 по 1879 г. (т. е. не «десяток лет», а четверть века) настоятелем приходской церкви Победоносцевых — Прп. Симеона Столпника (Введения во храм Пресв. Богородицы) на Поварской, д. 5, и некоторое время благочинным Пречистенского сорока (округа, к которому принадлежала эта церковь). Его прихожанином, к слову сказать, был в последние годы перед кончиной и Н. В. Гоголь — о. Алексий причащал его в 1852 г. К концу жизни (1899), помимо митры, Соколов был награжден: набедренником, скуфьею, камилавкой, палицей, наперсными крестами, орденами Св. Анны и Св. Владимира всех степеней, золотой медалью в честь освящения храма Христа Спасителя и др. церковными наградами.

[368] *…протопресвитеру Дм. Новскому в 1866 году, после того как он десять лет пробыл протопресвитером.* — О. Димитрий служил настоятелем Большого Успенского собора

«с мая 1856 года до средины 1879 года» (Богословский вестник. 1912. Т. III, окт. С. 540), 17.IV.1857 г. был награжден митрою.

[369] *...на выкличках стало уже возглашаться имя епископа Мисаила...* — Выкличка — гласное поминовение на архиерейских службах (в Русской церкви после 1918 г. только на патриарших) предстоятелей всех поместных церквей по именам, «многолетствование живых». Еп. Мисаил (Крылов) был викарием, помощником правящего архиерея Московской епархии. См. также примеч. 122, 343 и 380.

[370] *...к кремлевскому Архангельскому собору — усыпальнице царей русских...* — См. примеч. 73.

[371] *...св. мучеников князя Михаила и боярина Феодора Черниговских...* — После прославления мчч. Михаила Черниговского и его сподвижника боярина Феодора на Соборе 1547 г. их мощи были в 1572 г. перенесены из Чернигова в Москву и в 1774 г. помещены именно в Архангельском соборе, почему и возникла традиция архиерейской службы в день их поминовения.

[372] *В Сибири право это дано Тобольскому архипастырю.* — Такая привилегия — ношения митры с крестом наверху и голубой, с «источниками» (или «струями», т. е. длинными нашивными лентами, символизирующими учительскую благодать архиерейства), митрополичьей мантии — была оговорена специальным правительственным распоряжением, когда 5.X.1768 г. упразднили существовавшую сто лет митрополию Тобольскую и Сибирскую (или: «всея Сибири») и очередной архиерей, будущий святитель Варлаам (Петров-Лавровский), был хиротонисан уже только во епископа Тобольского и Сибирского.

[373] *Всем епархиальным архиереям следует дать право ношения митры с крестом...* — Любопытно, что это пожелание **Г.-П.** было претворено в жизнь в Русской церкви только спустя столетие: по представлению патр. Пимена (Извекова), 27.XII.1987 г. Св. Синод на своем заседании определил, что митру с крестом имеют право носить все архиереи, а не одни только архиепископы, митрополиты и патриархи.

[374] *Иерокирикс* — буквально: «священнопроповедник»; должность в епархиях Греческой церкви — иерей, назначаемый на целый округ для проповедования в его храмах по мере необходимости (обычные священники проповеди, как правило, не говорят). Сходная должность «епархиального проповедника» была после 1878 г. и в Болгарской церкви.

[375] *Пономарь* (официально — «парамонарь»; от παραμονάριος — приставник, привратник) — низший церковнослужитель, в обязанности которого входило звонить в колокола, петь на клиросе, прислуживать при богослужении, осуществлять уборку в храме. С конца XIX в. обязанности пономарей разделены между звонарями, певчими, алтарниками и псаломщиками (чтецами).

[376] *«Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей»...* — Пс 50: 1. Этот покаянный псалом царя Давида входит в канон утреннего молитвословия и читается в ходе литургии и др.

[377] *Скором* — от скоромный (в противоположность постному) — зд.: нечто непристойное, двусмысленное, распутное.

[378] *...о попах-свечеторговцах, как о. Преображенском...* — Имеется в виду видный церковно-общественный деятель, прот. московской церкви св. Феодора Студита П. А. Преображенский, редактор журнала «Православное обозрение» (1860—1891). Он состоял членом комиссии (с 1879 г.) и правления епархиального свечного завода (с 1887 г.). В 1884 г. о. Петр был избран почетным членом Московской ДА, как и годом ранее — С.-Петербургской, конечно, не за «свечеторговлю», а «за научные заслуги» — прежде

всего за перевод и научную обработку многочисленных памятников древнехристианской письменности.

[379] *...строить дачи при с. Пушкине.* — **Г.-П.** намекает на утилитарную сторону этого дачевладения прот. П. А. Преображенского, о чем упоминается и в воспоминаниях Вл. Соловьева: «Хотя возникшие на почве практической (воск для епархиальных свечных заводов), занятия пчелами приняли у старика характер сердечной любви и трогательной заботливости. Приобретя себе подмосковную дачу в Пушкине, он с ранней весны по целым месяцам отдавался любимому делу...» (*Соловьев Вл. С.* Собр. соч. 2-е изд. СПб.: Просвещение, 1912. Т. VIII. С. 448). В 1882 г. о. Петр стал одним из основателей и вице-президентом Отделения пчеловодства при Русском обществе акклиматизации растений и животных. Село Пушкино (известно с 1499 г.; город с 1925 г.), входившее в Мытищинскую волость Московского уезда, в тот период находилось в 27 верстах от Москвы; дачное строительство началось в нем с 1867 г. вокруг железнодорожной станции.

[380] *...епископ Мисаил ~ речи преосв<ященного> Калужского Владимира, которые ~ произносит иногда, выдавая за свои, в чем не раз был печатно изобличен.* — Викарный еп. Дмитровский Мисаил (Крылов), избранный в почетные члены Московской ДА в 1884 г., был в этот период известен как организатор регулярных публичных собеседований со старообрядцами в Москве, над которыми, впрочем, иронизировала пресса, в особенности же «Современные известия», где **Г.-П.** неоднократно критически высказывался о приемах, которые практиковал Мисаил в своей миссионерской полемике, считая, что они никак не способствуют переубеждению представителей раскола, а, напротив, их ожесточают. За это он и поплатился осенью 1885 г., когда М. Н. Катков в наказание за подобные статьи о Мисаиле оборвал публикацию мемуаров **Г-П.** «Из пережитого» в «Русском вестнике», о чем узнаем из письма последнего к И. Ф. Романову-Рцы от 23.XI.1886 г.: «Но потом вынужден был взять рукопись из редакции по следующему случаю. Помните, я обличил Мисаила, что произнес под именем своим чужую и притом уже *напечатанную* речь? За это в „Московских ведомостях“ буквально меня обругали и даже назвали *антихристом* (sic), и потом я услышал, что решено не печатать моей Автобиографии в „Русском вестнике“» (*Письма к Романову-Рцы.* С. 306). Впрочем, история с прекращением печатания мемуаров у Каткова по духу вполне гиляровская. Понимая, что многим рискует, он не смог удержаться, чтобы не сообщить в своей газете (передовая «Москва, 9 сентября») о «психологическом факте»: викарий Московской епархии, еп. Мисаил (Крылов), открывая публичные собеседования со старообрядцами, «произнес *чужую* речь, сказанную при подобных же обстоятельствах в Калуге преосвященным Владимиром Калужским за год назад и даже напечатанную» (*СИ.* 1885. 10 сент. № 231. С. 2); при этом Мисаил не сослался на речь еп. Владимира (Никольского), что, по мнению **Г.-П.**, могли использовать недоброжелатели московского викария из старообрядческой среды. Важно, однако, что он не первый предал гласности это событие, а перепечатал сообщение о нем из другого издания («Вестника литературного, политического, научного, художественного, с афишами») и назвал поступок архиерея простой «оплошностью». Впрочем, в благожелательном как будто тоне **Г.-П.** было немало ядовитой иронии. Уже через три дня в передовой статье «Московских ведомостей» («Москва, 12 сентября») «Современные известия» именовались Катковым «органом общественного безобразия», а сама «недостойная газетная выходка» была сделана, по его словам, «с нахальством, ожесточением и злобою, которые могут быть понятны только разве со стороны вожаков раскола» (*МВед.* 1885. 13 сент. № 253. С. 2). В том же номере, на с. 3, было опубликовано «Письмо к издателю». Его автор, подписавшийся криптонимом «А. М.»,

истерично нападая на газету **Г.-П.** («Это — печальная и позорная эмблема самой редакции: „отступничество и продажничество". Редакция забыла, что она идет против святого дела, в угоду ослепленным тьмой неведения...»), переходил к личным оскорблениям в адрес издателя («...Церковь воспитала его на свои средства, дала ему возможность к жизни, а он вместо хлеба подает камень, вместо рыбы — змею, уязвляющую слабых и немощных в вере и жизни» и т. д.), но при этом прямо не называл его антихристом, а только «врагом Церкви», однако прибавлял: «...горько говорить, кто этот враг. Слова св. апостола Иоанна отвечают на это (1 посл. 2, 18—19)». Имелось в виду пророчество Иоанна Богослова о последних временах, в частности: «...придет антихрист, и теперь появилось много антихристов...» **Г.-П.**, перепечатав обе статьи в своей газете (такова изначально была его принципиальная позиция — давать место любым мнениям, а потом, если необходимо, аргументированно их опровергать), сопроводил их остроумным комментарием, завершающимся словами: «...а ведь из публики многие упрекают редакцию „Современных известий", наоборот, в клерикализме: вот и пойдите!» (*СИ*. 1885. 16 сент. № 237. С. 2). Кроме того, **Г.-П.** не сдержался и косвенно уколол Каткова, очень дорожившего репутацией своей газеты: «Не будем допытываться и о причинах, доведших А. М. до столь полного забвения и всяких приличий, и ответственности за печатное слово». Вскоре **Г.-П.** получил уведомление, что может забрать рукопись из редакции «Русского вестника». Имеется свидетельство, что добивался этого личный секретарь Каткова, близкий его семье человек С. И. Соколов. **Ш.** предупреждал **Г.-П.** в 1886 г. (письмо датируется по содержанию): «В редакции „М<осковских> в<едомостей>" есть человечек, небольшой, но как бы пришитый к особе Мих<аила> Ник<ифоровича>. Это его секретарь. Вот он имеет зуб против Вас, и зуб этот, помнится, вырос в тот самый день, как Вы продернули Мисаила за собеседование с раскольниками. Соколов величает Вас в редакции громогласно „Никитой Пустосвятом" — слов<ом>, старался Вас вышучивать» (РНБ. Ф. 847. № 720. Л. 30). Следует сказать, что **Г.-П.** относился к еп. Мисаилу вполне объективно — см., например, его передовую статью в защиту владыки (в связи с его признанием частичной благодатности Католической церкви) от нареканий как православных мирян, так и старообрядцев: <***Г.-П.***>. Москва, 27 января // *СИ*. 1884. 28 янв. № 27. С. 1—2.

381 *...бывшего своего ректора, ученейшего архиепископа Сергия Кишиневского...* — Имеется в виду будущий Московский митр. Сергий (Ляпидевский), возглавлявший Московскую духовную академию с 4.X.1857 г. по 1.I.1861 г., а Кишиневскую и Хотинскую кафедру — с 21.VIII.1882 г. по 12.I.1891 г. Его перу принадлежит множество трудов по сравнительному, пастырскому и нравственному богословию, а также переводов из святоотеческого наследия.

382 *...закона, запрещающего евреям держать у себя христиан для домашних услуг.* — Имеется в виду Высочайше утвержденное 13.IV.1835 г. Положение о евреях (опубликованное в виде «Именного указа, данного Сенату»), § 15 которого гласил: «Запрещается евреям держать у себя христиан для постоянных домашних услуг...» Наем же дозволялся лишь для кратковременных работ и строго определенных должностей («поверенных, приказчиков и служителей по винным откупам» и др.). Отдельно определялось: «Лица женского пола христианской веры, нанимаемые евреями для приготовления пищи и белья служителям из христиан, также для работ на еврейских фабриках, должны жить не в одних домах с евреями, но отдельно. Без сего условия наем их запрещается» (*ПСЗ*. Собр. 2-е. СПб., 1836. Т. X. Отд. I. № 8054. С. 310, 311).

[383] *«Нравственным недугом ~ не ходят иногда к исповеди».*— Не буквально точная цитата. В источнике: «...от 13 до 18 и более лет» (Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1884 г. СПб.: Синодал. тип., 1886. С. 96).
[384] Эту тему **Г.-П.** затрагивал и ранее. См., например, его передовую статью о совращении евреями несовершеннолетней христианской прислуги в иудейство (*СИ*. 1884. 25 янв. № 24. С. 1—2), а также неподписанную статью «Христианская прислуга у евреев» (Там же. С. 2).
[385] *Коснувшись в начале книги Единоверческой церкви...* — См. главку «<О Единоверческой церкви>» на с. 276—283.
[386] Эта записка, причем в дополненной редакции, была опубликована за границей в тот период, когда **Г.-П.** работал над кн. *Нечто*. См.: Послание, поднесенное высокопреосвященному Платону, митрополиту Киевскому и Галицкому, председателю собора российских архипастырей в Киеве в сентябре 1884 года, Иоанном Верховским (дополненное) // Сочинения Иоанна Верховского: <В 3 т.>. Лейпциг: Тип. Ф. А. Брокгауза, 1886. Т. 1. С. 1—40.
[387] *...суздальский Спасо-Евфимиев монастырь.* — Евфимиев Суздальский в честь Преображения Господня мужской монастырь, расположенный на левом берегу р. Каменка в северной части Суздаля. Основан в 1352 г. для защиты города от врагов. В 1766 г. здесь, в «Судальской крепости», была учреждена тюрьма. Именно сюда предполагалось заточить о. Иоанна, видимо, потому, что тут до 1881 г. содержались старообрядческие архиереи, в частности архиеп. Аркадий (Дорофеев).
[388] *...о. Верховский отправил к своему архипастырю, митрополиту Петербургскому, письмо...* — Это письмо свящ. И. Т. Верховского к митр. Исидору (Никольскому) процитировано и едко прокомментировано в Определении Синода от 5.III—19.VI.1885 г., за № 435: «О бегстве за границу к раскольникам священника Николаевской единоверческой, в С.-Петербурге, церкви И. Верховского» (опубл.: Церковный вестник. 1885. № 33. 17 авг. Ч. офиц. С. 119—120), на с. 119. См. подробнее п. 87 и примеч. 7 к нему. **Г.-П.** здесь и далее цитирует Определение буквально точно.
[389] *...в клировых ведомостях...* — «Клировые ведомости о церквах, причтах и приходах», с инвентарною описью храма и послужными списками причта, составлялись в Русской церкви начиная с 20.II.1758 г.
[390] Николо-Миловская единоверческая церковь в Петербурге (Захарьевская ул., д. 18) поначалу была устроена любимским купцом И. И. Миловым в его доме и освящена 29.VI.1799 г. В 1852 г. взамен нее была освящена каменная, однопрестольная. Свящ. И. Т. Верховский возглавлял приход с 27.VIII.1844 г. по 1.II.1885 г. См. о нем подробнее: *Майоров Р. А.* К вопросу об эклезиологии единоверческого священника Иоанна Верховского (отношения с Белокриницкой иерархией) // Церковь и общество в России: пути содружества и вызовы эпох: (По материалам Третьих Юбилейных Свято-Филаретовских чтений). М.; Ярославль: Ремдер, 2008. С. 160—167.
[391] *...«...священством облагодатствовавшей Св. Матери-Церкви»...* — Свящ. И. Т. Верховский принял рукоположение 27.VIII.1844 г.
[392] *...не перешедшего...* — Исправлено, в тексте опечатка: «не передшего».
[393] **Г.-П.** имеет в виду следующий «обвинительный пункт» Определения: «По <...> достоверным известиям оказалось, что священник Верховский, по приезде в Москву, являлся к местному раскольническому лжеархиепископу Савватию и принял от него благословение, признав его таким образом за действительного епископа и вступив в об-

щение с ним, а по удалении за границу ездил из Мануиловского монастыря в Белую Криницу и там принял также благословение от раскольнического лжемитрополита Афанасия, который разрешил ему присутствовать за раскольническими службами, стоя на клиросе» (Церковный вестник. 1885. № 33. 17 авг. Ч. офиц. С. 119). Упомянут старообрядческий митр. Афанасий (Макуров).

[394] *...подвергнуто было задержанию 1-е издание V тома его «Истории Русской церкви»...* — Последний том («период») труда архиеп. Филарета (Гумилевского) — «Синодальное управление (1721—1826)» (М., 1848), — касавшийся тем, до тех пор не допускавшихся к обсуждению в печати, вызвал раздражение властей (рассматривался вопрос о сожжении тиража; духовный цензор прот. Т. Ф. Никольский был уволен). 2-е издание «Истории Русской церкви» (Харьков, 1849—1853) вышло усеченным, без этого тома. Но уже с 3-го издания (М., 1857—1859), пришедшегося на «эпоху гласности», труд стал печататься в полном составе. **Г.-П.** высоко ценил исследования архиеп. Филарета, которым, полагал он, в бытность его ректором Московской ДА был «дан толчок» «учено-изыскательному направлению» в ней (см.: *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 362).

[395] *Еще недавно (в 1882 и 1884 <г>г.) три предостережения, данные газете «Восток», и затем приостановление оной на 4 месяца и подчинение ее Временным правилам о цензуре...* — «Восток: Газета политическая и литературная» издавалась в Москве Н. Н. Дурново еженедельно и поначалу без предварительной цензуры со 2.V.1879 г. по 31.I.1886 г., с перерывом с 28.III по 31.VII.1884 г. (всего 338 номеров). Газета избрала себе стратегической задачей «примирить между собой различные народности Балканского полуострова путем единоверия, на котором Россия основывала свою восточную политику во все прежние времена».

1-е и 2-е предостережения газета получила в 1882 г. — соответственно за две передовицы в № 191 от 10 июля **(**о митр. Макарии (Булгакове) как покровителе «попов-свечеторговцев», небрегущем о своей пастве, уезжавшем от нее в Петербург в праздники Рождества Христова и Богоявления и др., и о новом Московском митр. Иоанникии (Рудневе), с осуждением его наклонности благоустраивать быт одного духовенства, а не «служить интересам Церкви»**)** и одну — в № 211 (о том, что «Синод <...> подорвал власть иерархии над пастырями», и о необходимости созыва если не Поместного собора Русской церкви, то хотя бы окружных соборов). За этими взысканиями стоял именно **П.**, о чем только мог догадываться **Г.-П.** и что выясняется по письму **П.** к митр. Макарию (Булгакову) от 29.V.1882 г.: «Глупые и дерзкие статьи газеты „Восток“, исполненные непристойных выражений, давно уже возбуждают мое негодование, и если бы от меня зависело, беспорядок этот давно уже был бы прекращен. Но, к сожалению, ныне мысль у многих государственных деятелей помутилась и правящая рука ослабела.

В прошлом году я начал об этом весьма настоятельную переписку и с Кн. <В. А.> Долгоруким и с М<инистерст>вом внутр<енних> дел. Она не привела ни к чему, кроме внушения г. <Н. Н.> Дурново, не имевшего никакого действия.

В апреле нынешнего года по поводу новых — совершенно неприличных статей г. Дурново в „Востоке“, я вновь очень настоятельно писал Кн. Долгорукову, и получил от него ответ, что он во всем согласен со мною, но ничего не может сделать, кроме нового внушения.

Тогда я писал еще настоятельнее Графу <Н. П.> Игнатьеву и получил от него в ответ, что моск<осковскому> ген<ерал>-губернатору написано — опять сделать внушение г. Дурново.

Таково положение дела; но я предоставляю себе воспользоваться первым укреплением воли правящей, дабы ограничить безумное разглагольствие „Востока". Надеюсь, что случай к тому не замедлит представиться» (РГИА. Ф. 675. Оп. 1. Д. 20. Л. 1—2).

3-е предостережение и приостановку на 4 месяца «Восток» получил 31.III.1884 г., в частности, за передовые статьи в № 291, 292, статью «Дело Антиохийского подворья» в № 287 и заметку во внутреннем отделе № 292, а в общем — за то, что, как говорилось в официальном «Распоряжении министра внутренних дел», газета «постоянно прибегает, невзирая на объявленные ей предостережения, к дерзким нападкам на деятельность лиц высшей духовной иерархии и с непозволительною запальчивостью и резкостью обсуждает различные вопросы церковного управления» (Восток. 1884. 1 авг. № 294/297. С. 115). По возобновлении с 1.VIII.1884 г. «Восток» уже подвергался цензуре предварительной — в соответствии с изданными 27.VIII.1882 г. «Временными правилами» о цензуре.

[396] *...подобные выражения преследуются ~ предостережениях, данных газетам «Восток» и «Русь».* — О газете «Восток» см. выше примеч. 395. «Распоряжение министра внутренних дел» от 26.XI.1885 г. о предостережении еженедельнику «Русь», которое подразумевает **Г.-П.**, издатель-редактор этой газеты И. С. Аксаков без каких-либо комментариев поместил на ее страницах: «Принимая в соображение, что газета „Русь" обсуждает текущие события тоном, несовместным с истинным патриотизмом, и стремится возбудить неуважение к правительству, доказательством чему служит, между прочим, передовая статья, помещенная в № 21 этой газеты, — министр внутренних дел <...> определил: объявить газете „Русь" первое предостережение в лице издателя-редактора надворного советника Ивана Аксакова» (*Русь.* 1885. 30 нояб. № 22. С. 1). Формулировка этого распоряжения больно задела Аксакова, и он посвятил всю передовую следующего номера (Москва, 6 декабря // Там же. 6 дек. № 23. С. 1—3) размышлениям о сущности «истинного патриотизма». Предостережение же было получено его газетой за редакционную статью «Москва, 23 ноября» (Там же. 23 нояб. № 21. С. 1—4), содержавшую довольно резкие выпады в адрес петербургской дипломатии по поводу попыток урегулирования Славянского вопроса. **Г.-П.** полагал, что это распоряжение приблизило смерть Аксакова — об этом он прямо написал в поминальной статье о нем: «...он умирает, однако, с официальным аттестатом „недостаточного патриотизма". И одного месяца же ведь не прошло еще, как редактором „Руси" получено публично официальное *предостережение* именно в этих выражениях...» (<***Г.-П.***>. Москва, 31 января: Дневное обозрение // *СИ.* 1886. 1 февр. № 31. С. 2).

[397] *...И. С. Аксаков обратил внимание в газете «Русь» на известное порнографическое сочинение бывшего целовальника Пастухова «Разбойник Чуркин», рассказ, который помещался в «Московском листке»...* — См. отд. изд.: *Пастухов Н. И.* Разбойник Чуркин: Нар. сказание «Старого знакомого». Ч. I—V. М.: Тип. Н. И. Пастухова, 1883—1884. «Московский листок» — ежедневная «большая политическая внепартийная газета», издававшаяся с 1.VIII.1881 по 28.VII.1911 г. бывшим сотрудником «Современных известий» Н. И. Пастуховым. **Г.-П.** в письме к И. Ф. Романову-Рцы от 13.XI.1886 г. назвал ее в числе «двух уличных листков, которые, льстя грязным вкусам публики, сразу отняли <...> свыше сорока тысяч прихода...» (*Письма к Романову-Рцы.* С. 280). И четырьмя годами ранее, 25.IX.1882 г., **Г.-П.** писал **Ш.**: «Дела мои стеснены: Пастухов отнял у меня 30 000 рублей, то есть подписчиков на эту сумму» (РНБ. Ф. 847. № 502. Л. 5). **Г.-П.** называет Пастухова «целовальником» и «кабатчиком», поскольку тот, приехав в Москву из Смоленской губ., некоторое время показывал фокусы в балаганах, а в начале 1860-х гг. открыл пивную

лавочку на Арбатской пл., вскоре опубликовал комедию «Питейная контора» (М., 1862). Разорившись, он с 1865 г. активно сотрудничал в «Московских ведомостях» и «Петербургском листке», а затем и в газете **Г.-П.** И. С. Аксаков поместил в своей «Руси» (1885. 9 февр. № 6. С. 3—4) подборку: «Удалой разбойник Чуркин»: (Два письма к редактору), — подписанных (первое — крестьянином Мартыновым, второе — А. Дмитриевым), но, возможно, составленных не без участия самого Аксакова, что сразу заподозрили современники **(**см.: *Васюков С.* «Скорпионы»: (Совр. деятели моск. прессы). М.: Типолит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1901. С. 6**)**. В этих письмах обличалось развращающее влияние романа Пастухова на читателей, особенно из простонародья; при этом амплитуда уподоблений по масштабам приносимого нравственного вреда была большой: от порнографической до социалистической литературы. Так, от имени «крестьянина Мартынова» утверждалось: «„Разнуздать зверя“ действительно опасно, и это вы должны знать. А ничто так не развращает, как это позорное печатное слово, в котором идеализируются разбойничьи подвиги и картежники возводятся в герои» (Там же. С. 4). В письме А. Дмитриева «Чуркин» объявлялся столь же социально вредным произведением, как и роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», с тем отличием, что «„Чуркин“ обухом бьет в одно место, действует без раздвоения, целостно, прямо губит нравственно человека...» (Там же).

[398] *...на него были вылиты в названном Листке целые ушаты самых грязных помоев.* — В передовой статье «Москва, 14-го февраля» Пастухов в глумливом тоне комментировал известие о временной приостановке «Руси» в связи с болезнью редактора, помещенное на первой полосе № 6 газеты: «Померкла „Русь“ аксаковская, „Русь“ доморощенная, измышленная праздным барством, додумавшимся путем печатного слова и деньгу зашибить, и легкой славы ярого патриота добиться, подобно той мудрой деве, которая и капитал приобрела, и невинность соблюла. <...> В момент получения подписных денег редактор был здоров, а ко времени расплаты — болен!» (Московский листок. 1885. 14 февр. № 45. С. 2). И продолжал: «Мы <...> не помянули бы его худом, благо добром нечем, — если бы скончавшийся журнальчик, в предсмертном вздохе своем, не дохнул на нас с тлетворной злобой неразумно-желчного человека» (Там же). Далее Аксаков обвинялся в забвении «законов литературного приличия», а по поводу помещенных им писем о «Разбойнике Чуркине» Пастухов прямо сообщал, что в его редакционном портфеле есть компрометирующие Аксакова письма о «пребывании <...> в селе Спасском», которое он, «чужой репутации не трогая», не публикует. **(**Спасское на Сетуни, или Спасское Манухино, — старинная усадьба и село, названные по церкви Спаса (XVII в.), на реке Сетунь, правом притоке реки Москвы. Здесь Аксаков провел лето 1885 г., вернувшись в мае из Крыма, где он находился с февраля. 9.VI.1885 г. он писал Н. Н. Страхову: «...я живу на даче, в селе *Спасском на Сетуни*, 10 верст по Смоленскому шоссе, но раза два-три в неделю езжу в Москву. Ко мне можно и по железной дороге (Московско-Брестской) до *Кунцова...*» (И. С. Аксаков — Н. Н. Страхов. Переписка / Сост. М. И. Щербакова. <Оттава>: Группа славян. исследований при Оттав. ун-те, 2007. С. 143)**)**.

П., как и **Г.-П.** с И. Аксаковым, возмущался низкопробными сочинениями Пастухова. Он писал начальнику Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистову 25.II.1885 г.:

«Многоуважаемый Евгений Михайлович!

Вам, конечно, известна полемика, возникшая в газетах по поводу „Разбойника Чуркина“ и проч<их> Пастуховских изданий. <...> Не знаю, останавливались ли Вы мыслию на этом предмете, но, кажется, стоило бы подумать о средствах к огра-

ничению распространения и публичной продажи таких изданий?» (*Письма к Феоктистову*. С. 514).

[399] *...посоветовали окончить скорее рассказ «Разбойник Чуркин», что он в продолжение месяца и сделал*. — По свидетельству В. А. Гиляровского (дебютировавшего как прозаик своим очерком «Обыкновенный случай» в «Современных известиях» 12.V.1879 г.), который сотрудничал в «Московском листке» и собирал в свое время материал для романа Пастухова, «убить» Чуркина приказал автору московский генерал-губернатор кн. В. А. Долгоруков: «Вы что там у меня воров и разбойников разводите своим Чуркиным? Прекратить его немедленно, а то газету закрою! <...> Разрешаю завтра последний фельетон! <...> Удави Чуркина или утопи его!» (*Гиляровский В. А.* Москва газетная. М., 1999. С. 62).

[400] *...статью, неблагоприятно отзывавшуюся об австрийской политике*. — Имеется в виду пространное описание путешествия наследного эрц-герцога Австрийского Рудольфа с супругой «в государства Балканского полуострова» (Восток. 1884. 1 авг. № 294/297. С. 115—118), а также статья о милитаристских планах Австро-Венгрии по отношению к Черногории (Там же. С. 121—122).

[401] *...цензура потребовала изменения числа, так чтобы вместо 15 сентября было поставлено 1 октября*. — Действительно, № 298/299 «Востока» датирован 15.VIII.1884 г., а следующий, тоже оказавшийся не по вине издателя сдвоенным (№ 300/301), — 1.X.1884 г.

[402] *Калязинский священник И. Беллюстин ~ подвергнут был Синодом лишь трехмесячному запрещению в священнослужении...* — «Калязинский Лютер», свящ. И. С. Беллюстин, был приговорен, как сообщалось в печати, «к заключению на два месяца в монастыре с воспрещением ему отправлять обязанности приходского пастыря в течение 6 месяцев» (*А. N.* Нигилист-богослов // Восток. 1879. 8 мая. № 2. С. 31) — за публикацию необычайно резкой и развязной по тону историко-публицистической статьи «К вопросу о раскольниках» (*ЦОВ*. 1879. 11 апр. № 43. С. 1—3; 13 апр. № 44. С. 1—2), обличавшей «византинизм» исторического православия как отступление от заветов Христа и содержавшей требование отделения Церкви от государства и ее демократизацию в протестантском духе. Именно тут дана весьма нелицеприятная характеристика Константина Равноапостольного как интригана, действовавшего «по политическим расчетам» и «из-за личных стремлений», а «не столько из-за учения о Сыне Божием», к тому же совершившего ряд убийств родственников и т. д. Со ссылкой на свт. Григория Богослова Беллюстин заявлял, что «соборы епископов — сброд христопродавцев» и что «догматические споры у епископов прикрывают самые непозволительные корыстные стремления» (Там же. № 43. С. 1, 2). На деле Беллюстин был отрешен от священнослужения более чем на год: с 11.V.1879 г. по 2.VI.1880 г. (см.: *Буртина Е. Ю.* Мелочи иерейской жизни: Документ. очерк об И. С. Беллюстине // Лица: Биогр. альм. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1995. С. 233—237). Прот. Г. В. Флоровский справедливо писал о нем: «Это именно обличительство, не церковная самокритика. Идеал Беллюстина и складывался под влиянием протестантской ортодоксии и плохо понятого примера первохристианства» (*Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. 3-е изд.: Paris: YMCA-Press, 1983. С. 340). A. N. в упомянутой заметке писал: «Многие выражают удивление, что заставляет о. Беллюстина, к великому соблазну верующих, служить ненавистной ему Православной церкви и носить рясу, которую он давно бы мог променять на фрак» (*А. N.* Нигилист-богослов. С. 31).

[403] *...чудовского иеромонаха Пафнутия, бежавшего к раскольникам...* — Речь идет об иером. Пафнутии (Овчинникове), который 20.IX.1858 г. был посвящен в старообрядческого

еп. Коломенского, а 23.VI.1865 г. присоединился к единоверию и, став иеромонахом Чудова монастыря и епархиальным миссионером, в 1882 г. воссоединился со Старообрядческой церковью. Он поселился как простой инок в Белокриницком монастыре, где участвовал в делопроизводстве митрополичьей канцелярии.

404 **П.** недвусмысленно высказался о своем резком неприятии позиции **Г.-П.** по этому вопросу в письме к начальнику Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистову от 16.I.1887 г.:

«Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Нет сладу с Ник<итой> Гиляровым. <...>

Вот, сегодня нахожу у него фельетон самого дурного качества, о Грузинской церкви. „Совр<еменные> изв<естия>“ становятся органом юной Грузии, распускающей самые нелепые сплетни о русской церковной власти и о несчастном экзархе, коего чистые намерения делают жертвою всей грузинской сволочи. Статьи этого рода, появляясь на месте, поддерживают волнение самого дурного качества.

Право, стоило бы еще проучить его, запретив ему розничную продажу.

Душевно пред<анный>

К. Победоносцев»

(*Письма к Феоктистову*. С. 523—524).

Речь идет об очерке Н. Н. (вероятно, Н. Н. Дурново) «Преобразования в Грузинской церкви» (*СИ*. 1887. 14 янв. № 13. С. 1—2; 15 янв. № 14. С. 1—2), в котором осуждалась разъединяющая братские народы последовательная насильственно-русификаторская политика синодальных властей на Кавказе. В письме **П.** упомянут экзарх Павел (Лебедев).

405 *Грузинский народ в Иверии, Имеретии, Мингрелии и Гурии, добровольно признав над собою подданство России...* — 24.VII.1783 г. грузинский царь Ираклий II подписал Георгиевский трактат, по которому, сохраняя престол, передавал под протекторат Российской империи Картли-Кахетинское царство, сильно опустошенное из-за персидской агрессии. Россия ручалась за сохранение его целостности и внутренней автономии. 18.I.1801 г. имп. Павел I обнародовал манифест о включении Картли-Кахетии в состав Российской империи. 12.IX.1801 г. манифест Александра I объявил Восточную Грузию российской губернией.

406 *...Церковь, тринадцать почти что веков бывшую автокефальною...* — Точка отсчета — 467 год, когда Грузия стала независимой от Антиохийской церкви, приобретя статус автокефальной с центром в Мцхета (резиденция верховного католикоса). Государственной религией Грузии христианство стало в 337 г., отъединение от Антиохии было вызвано тем, что Грузинская церковь вместе с Армянской в 451 г. не приняла решений Халкидонского собора; однако в 607 г. Грузинская церковь, порвав с Армянской, воссоединилась с православием.

407 *...Антония II, сосланного в Нижний Новгород.* — 21.VI.1811 г. Св. Синод снял с Антония сан католикоса-патриарха. Он удалился на покой в Нижний Новгород, где ему были пожалованы зеленая бархатная мантия, орден св. Андрея Первозванного, карета, годовая пенсия в размере 54 тысяч рублей ассигнациями и штат первоклассного митрополита. Скончался спустя 16 лет, в возрасте 65 лет. Был погребен в Благовещенском соборе Нижнего Новгорода, а в 1841 году перезахоронен в Преображенском монастыре Нижегородской епархии.

408 *...церковь Иверская, лишенная принадлежащих ей церковных имуществ, взятых в казну за ничтожное вознаграждение благодаря представлению бывшего русского экзарха в Гру-*

зии митрополита Исидора... — См.: «Взято в казну или отобрано от монастырей и церквей церковных имуществ, принадлежавших Грузинской церкви: по г. Тифлису: Ираклиевская баня, 13 садов, 11 домов, 28 лавок, 1 красильное заведение, одно рыболовное место и караван-сарай, земли 437 719 квадр<атных> сажень, всего на 28 910 000 рубл<ей>. В Тифлисской губернии: 2 гажевые места, 11 известковых печей, кирпичный завод, 9 красилен, 3 рыбных лавки и 282 600 десятин земли — всего на 79 570 000 рубл<ей>. В Имеретии — земли 40 475 десят<ин> на 29 787 500 р<ублей>, в Гурии — 356 дес<ятин> на 328 тыс<яч> рубл<ей>, а всего 137 600 000 руб<лей>, а с 14 147 домами 140 330 000 руб<лей> сер<ебром>. Замечательно то, что отобранные правительством от Армянской церкви земли и другие имущества возвращены ей в 1905 году, а доходами с грузинских церковных имуществ, простирающимися, по вычислению знатоков, чуть не до 10 миллионов рубл<ей>, пользуется русская казна, выделяя из этих доходов Грузинской церкви менее $^3/_4$%» (<*Дурново Н. Н.*>. Разгром Грузинской церкви // Русский стяг. 1907. 28 янв. № 4. С. 28).

409 *...теперь же она едва насчитывает 4 епископа.* — 1) Епархия *Карталинская и Кахетинская*, в состав которой вошли древние церковные митрополии: Ахтальская (в 1824 г.) и Аксисская (в 1829 г.), ранее подчинявшиеся, соответственно, Константинопольскому и Антиохийскому патриархатам; в епархии учреждено два викариатства: *Горийское* и *Алавердское*; 2) *Имеретинская*; 3) *Гурийско-Мингрельская* (в 1885 г.); 4) *Сухумская* (древняя Абхазская) (в 1885 г.).

410 *...царства Гаэстана...* — Иначе: Хаэстан (Великая Армения) — древнее Армянское государство (190 до н. э. — 428 н. э.), простиравшееся от Евфрата до Куры, Каспийского моря, Гордиейских гор (или Кордуенских; ныне хр. Хяккяри и его южные и юго-восточные отроги на территории Турции и Ирана) и оз. Урмия (ныне в Иране).

411 *...в Тифлисе армянский язык начинает господствовать, вытесняя грузинский.* — Тифлис в XIX в. стал одним из центров армянского просвещения. В 1824 г. глава армянской епархии Грузии и Имеретии Нерсес V Аштаракеци открыл здесь школу Нерсисян (с 1837 г. духовная семинария), просуществовавшую до 1924 г. Из нее вышли учителя, публицисты, деятели печати, культуры и т. д. В 1846 г. в Тифлисе начали выходить газеты и журналы на армянском языке и к 1920 г. действовало уже более 30 армянских и 20 прочих типографий, в которых печатались книги и на армянском языке.

412 *... генерал Фадеев, немало лет проведший на Кавказе...* — Р. А. Фадеев с 1844 г. служил волонтером на Кавказе и, за исключением двухлетней ссылки в Екатеринослав «за непозволительную болтовню» (кон. 1850-х), почти без перерыва вплоть до 1866 г. находился в рядах Кавказской армии, принимая участие в военных действиях, которые завершились покорением Кавказа. Во время войны с турками в 1853—1855 гг. он отличился в боях при Башкадыкларе и Курукдаре. Написал обстоятельный труд «Шестьдесят лет Кавказской войны» (Тифлис, 1860). В качестве военного публициста печатал в «Московских ведомостях» «Письма с Кавказа». Вышел в отставку в 1866 г. в знак протеста против реформ, проводившихся тогда в военном ведомстве. См. поминальную статью **Г.-П.** о Фадееве: Москва, 5 января // *СИ*. 1884. 6 янв. № 5. С. 1.

413 *Статьи г. Фадеева, помещенные в «Руси»...* — См. опубликованные И. С. Аксаковым в его газете «Русь» в самом начале 1884 г. извлечения из двух записок незадолго перед тем скончавшегося Р. А. Фадеева: 1) Записка генерала Фадеева об азиатских окраинах // 15 янв. № 2. С. 14—27; 2) Отрывки из записки генерала Фадеева о Кавказе // 1 февр. № 3. С. 16—25; 3) По поводу подчинения Закавказского края воинской повинности: (Записка генерала Фадеева «Приложение к записке об азиятских окраинах». См.

2 № «Руси») // 15 февр. № 4. С. 16—20. Фадеев отправил свои записки по Кавказу Аксакову с предложением воспользоваться имеющимися в них данными как материалом в мае 1883 г., когда было обнародовано новое «Учреждение управления Кавказского края». **Г.-П.** имеет в виду вторую из названных записок (точное название — «О необходимости замены гражданского управления в Закавказье военным управлением», составлена в конце 1882-го — начале 1883 г.), которая начиналась так: «Бывши доверенным человеком фельдмаршала кн. Барятинского во время его управления Кавказом, посвященным поэтому во взгляды и заботы, занимавшие правительство в ту пору, ныне, посетив Тифлис через 15 лет (в качестве члена Комиссии по переустройству кавказского управления), я был поражен возникновением в общем сознании туземцев нескольких недоразумений первой важности, о которых тогда не было еще помина и которые должны быть разрешены непременно, чтобы не дать им разрастись до крайних последствий» (с. 16). Фадеев считал, что прочность русских позиций на Кавказе во многом зависит от правильного решения Грузинского вопроса, ибо, «пока мы прочно стоим в Грузии, никакая мимолетная неудача в сопредельных мусульманских землях не опасна и всегда легко исправима» (с. 18). Грузины справедливо жалуются на проводимую русскими властями политику обрусения края. Фадеев полагал, что на грузин нужно распространять только общерусские органы управления и суда. Недопустимым он считал вмешательство в их религиозную жизнь и требовал устранить всякую опеку над ней со стороны русских иерархов: «...разумнейшие и беспристрастнейшие грузины единодушно желают простейшего исхода — назначения экзарха из грузинского духовенства» (с. 19). Грузины заслуживают «полного доверия в военном отношении» (с. 20), а их дворянство, «глубоко преданное престолу» (с. 18), необходимо уберечь от разорения вплоть до списания всех долгов. Фадеев был уверен: «...для того чтоб грузин был хорошим русским подданным, он должен быть сначала хорошим грузином» (с. 20). Немалое внимание публицист уделил и Армянскому вопросу. Он писал, что, если «грузины составляют цельный народ», то «армяне <...> не иное что, как торговое сословие Закавказья, или же отдельные клочки, разбросанные по краю» (с. 22). Опасны, однако, их сепаратистские «мечтания о политической самобытности» не сами по себе, а тем, что могут «при случае послужить орудием враждебных России *иностранных* интриг». Фадеев писал: «Я видел (не теперь, а прежде) карту будущего Армянского царства, напечатанную в Константинополе на фуляровых платках, включавшую в себя Астрахань и Крым» (с. 21).

[414] *Статьи г. Фадеева, помещенные <...> и в «Востоке», а равно и статьи об грузинах, помещенные в последнем, было воспрещено перепечатывать всем кавказским газетам...* — См.: Из записок ген. Фадеева о Грузии // Восток. 1884. 10 февр. № 286. С. 56—57, а также корреспонденцию «Из Тифлиса» от 7.III.1884 г., подписанную: Д. А. К<о>бяков»: «Статья покойного публициста генерала Фадеева, перепечатанная газетою „Кавказ“, наделала много шуму среди нашего духовенства, глава которого экзарх Грузии архиепископ Павел счел себя оскорбленным. Как могла местная цензура пропустить статью, в которой сказано, что в Грузии желательно видеть экзархом грузина...» (Там же. 12 марта. № 291. С. 92). Идеи Фадеева обсуждались и в других материалах, главным образом в полемике с другими изданиями: «Новым временем» (6 марта. № 290. С. 87), «Новостями» (12 марта. № 291. С. 95), «Московскими ведомостями» (27 марта. № 293. С. 109). См. особенно руководящую статью «За грузинскую народность» (1 окт. № 300/301. С. 174—178), в составе которой перепечатаны материалы из единомысленных газет: «Современные известия», «Церковно-общественный вестник» и «Русь».

[415] *…подобно Бурбонам, имеет слабость ничего не забывать и ничему не научаться.* — Это выражение, ошибочно приписывавшееся Наполеону I, Талейрану, Александру I и др., на деле восходит к письму французского контр-адмирала Ш. Л. Э. де Пана́ из Лондона к журналисту времен Великой французской революции Ж. Малле дю Па́ну (янв. 1796 г.). Адмирал имел в виду эмигрантов-роялистов, которые в период Директории (1794—1799) надеялись на реставрацию монархии. Когда же Бурбоны вернулись к власти на короткий срок (1814—1830), это ироническое выражение и приобрело популярность. Обнародовано было письмо де Пана́ в 1851 г., когда в Париже опубликовали переписку Малле дю Па́на. См.: *Montlosier F.* Souvenirs d'un émigré. Paris, 1851. P. 161. Широкую известность это изречение получило, однако, раньше — благодаря воззванию наполеоновской гвардии «К солдатам великой нации» от 1.III.1815 г., в день высадки Наполеона во Франции, в котором говорилось: «За несколько месяцев своего правления Бурбоны показали вам, что они ничего не забыли и ничему не научились». Это выражение **Г.-П.** использовал и в подпередовой статье «Москва, 19 октября», характеризуя отношение петербургской официозной прессы к Австро-германскому союзу (см.: *СИ*. 1879. 20 окт. № 289. С. 2).

[416] *…подарков — фруктами и вином…* — Факт общеизвестный. Ср.: «В церковные дела Грузии вмешивался <…> Российский Духовный коллегиум, членам и чиновникам которого экзархи посылали кахетинское вино и фрукты…» (*<Дурново Н. Н.>*. Разгром Грузинской церкви // Русский стяг. 1907. 2 февр. № 5. С. 35).

[417] *…г. Ненарокомов, управляющий его канцеляриею…* — Неточность: И. А. Ненарокомов был не управляющим, а директором Канцелярии обер-прокурора Синода — с 31.X.1869 г. по 14.XII.1889 г. Управляющим же Канцелярией Синода в этот период, с 27.VII.1883 г. по 20.V.1892 г., был В. К. Саблер.

[418] *…Синода, состоявшего тогда из 3 архиереев и двух протоиереев…* — По штату 1764 г., было положено иметь в Св. Синоде трех архиереев, двух архимандритов и одного протоиерея, однако с конца XVIII в. архимандритов перестали назначать в члены Св. Синода. В 1811 г. членами Св. Синода были (их и подразумевает **Г.-П.**): митр. Амвросий (Подобедов), архиеп. Феофилакт (Русанов), еп. Мефодий (Смирнов), протопресв. П. В. Криницкий и обер-священник И. С. Державин.

[419] *Лишить автокефалии самостоятельную Церковь ни одна из Православных церквей не может. Это дело Вселенского собора.* — **Г.-П.** еще в 1868 г. опубликовал в «Современных известиях» две статьи на тему Вселенского собора, где затрагивал и эту тему в связи с греко-болгарским церковным раздором. 30 сентября (№ 269) под рубрикой «Иностранные известия» он, откликаясь на известия о задуманном папой Пием IX Римском соборе, предлагал в противовес ему созвать Вселенский православный собор, между прочим — и для возвращения Русской церкви канонического (т. е., по убеждению **Г.-П.**, досинодального) управления: «Се, ныне время благоприятно. На очереди церковный вопрос, на очереди давно; но теперь более, чем когда, приступить к очищению внешнего вида церкви от всего случайно к ней приросшего, не церковного, было бы и славно, и достойно» (*Вопросы веры и Церкви*. Т. I. С. 67). Эта же мысль звучит в передовой статье от 25.XI.1868 г. (№ 325), посвященной Греко-болгарскому вопросу: «Собор *должен* быть, а потому он будет. Слишком много накипи наросло на внешнем здании церкви, так что и лик ее распознать теперь не легко: слишком много внутренних недоразумений накопилось <…>. Добровольная уступка со стороны патриархии невозможна, как невозможно и Болгарии добровольно отказаться от своего *естественного* права, вызванного народным пробуждением: замять невозможно. Невозможна и сделка <…>. Собор неиз-

бежен; а он, по самому свойству спорного вопроса, может быть не иначе, как собором всего православия» (Там же. С. 73, 74). В 1869 г. в газете **Г.-П.** дважды поднимался этот же вопрос в передовых статьях — от 24 июня (№ 171) в связи со слухами о предполагаемом пересмотре вердикта суда над Я. Гусом и 27 ноября (№ 326) — по поводу Римского собора. **Г.-П.** призывал в первой из них: «...никогда так не был, как теперь, благовремен собор Восточной церкви; он бы образовал ядро, около которого могло бы сомкнуться все недовольное папством. Россия мигом заняла бы положение, которому по славе и по влиянию на исторический ход судеб всего света еще не было равного. Судьба дается сама в руки» (Там же. С. 147). Впрочем, и позднее, в 1870 г., **Г.-П.** в передовице от 2 марта (№ 60) возвращался к той же теме, имея в виду обвинения в «цезарепапизме», высказываемые иностранцами в адрес Св. Синода: «И после этого скажут, что собор излишен, бесполезен или даже вреден, как способны говорить некоторые. Некоторые, предпочитающие натянутость, мрак и двоедушие чистоте и ясности» (Там же. С. 224).

[420] *...церквах: Тырновской, Печской и Охридской, добровольно подчинившихся вселенскому Константинопольскому престолу...* — Тырновская патриархия просуществовала 158 лет — со дня признания ее в Лампсаке в 1235 г. до покорения Болгарии турками в 1393 г. О Печской и Охридской церквах см. примеч. 83.

[421] *...4 грузинских епископа, из которых только двое имеют епархии, один в Имеретии, другой — в Мингрелии.* — Имеются в виду два викарные архиерея: Виссарион (Дадиани), еп. Алавердский, и Александр (Окропиридзе), еп. Горийский, пребывавшие в Тифлисе при экзархе, и преосвященные Гавриил (Кикодзе), еп. Имеретинский, и Григорий (кн. Дадиани), еп. Гурийско-Мингрельский, жившие один в Кутаиси, другой — в Поти.

[422] *...не слыша в своем храме родного языка...* — Этот факт расценивался как отвержение церковного предания. В списках распространялось письмо еп. Гавриила (Кикодзе) к экзарху (написанное в связи с жалобой попечителя Кавказского округа К. П. Яновского тому же экзарху, «что в Грузии 4 грузинских архиерея, что-де „очень опасно для целей правительства“»): «Неужели г. попечитель не знает, что духовными пастырями христиан должны быть лица непременно из того же народа, к которому принадлежит их паства? Это есть основной закон в управлении Церковию христианскою. Дух Святой для того и сошел на апостолов и научил их разным языкам, чтобы все народы и племена услышали благовестие Христово на своем языке. Какой же это был бы пастырь народа, который-бы не знал языка, нравов и обычаев своей паствы?» (цит. по: <*Дурново Н. Н.*>. Разгром Грузинской церкви // Русский стяг. 1907. 2 февр. № 5. С. 35).

[423] *...приходят в Грузию как хищные волки...* — Реминисценция слов Христа: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Мф 7: 15).

[424] *...архипастырь Кутаиса и всей Имеретии Гавриил, 27 лет святительствующий.* — Преосв. Гавриил (Кикодзе), хиротонисанный во еп. Горийского, вик. Грузинского экзархата 6.XII.1858 г.

[425] *...в Поти, где с 1 октября в соборе уже стали служить по-русски.* — Т. е. с 1.X.1886 г. Имеется в виду старинный Потийский кафедральный собор Покрова Пресвятой Богородицы (в 1936—2002 гг. в его помещениях располагался драматический театр).

[426] *...бывшему экзарху Иоанникию, ныне митрополиту Московскому, употреблять, при служении в грузинских храмах, грузинский язык.* — Ср.: «Многоуважаемый митрополит Иоанникий <...> сам *выучился грузинскому языку* и говорил главные молитвы по-грузински!..» (*К<о>бяков Д. А.* Из Грузии // Восток. 1884. 12 марта. № 291. С. 92).

[427] *...от своих духовных пастырей, изуродованных в Славяно-греко-латинской семинарии.* — Подразумевается Тифлисская ДС, открытая 1.X.1817 г. Сходным образом **Г.-П.** относился вообще к семинарскому образованию 1-й пол. XIX в. См. особенно главу «Проповедничество» в его воспоминаниях: *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 356—364.

[428] *...в Кутаисе была открыта духовная семинария...* — Ее открыли в июне 1894 г. Занятия начались 18 сентября. В 1902 г. обучалось 206 воспитанников.

[429] *Пицундский кафедральный собор в Абхазии...* — См. примеч. 283. В 1885 г. Пицундский собор перешел — в качестве скита — в ведение Ново-Афонского монастыря, основанного в 1875 г. русскими монахами из афонского Пантелеимонова монастыря, и тогда же был заново освящен в честь Успения Богородицы, хотя в древности он всегда именовался в честь ап. Андрея Первозванного.

[430] *...слухах о предполагаемом ~ покушении на жизнь русского экзарха Павла.* — Не исключено, что эти слухи вскоре оправдались. Ср.: «Особенно выделялся жестокий архиепископ Павел Лебедев (1882—1887), который после неудачного покушения на него бежал в Казань и с разрешения обер-прокурора обменялся кафедрами с Казанским архиепископом Палладием Раевым...» (*Смолич И. К.* История Русской церкви, 1700—1917 гг. М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1996. Ч. I. С. 272—273).

[431] *...архиепископ Павел своею несправедливостью и презрительным отношением к грузинскому народу...* — Ср.: «Экзарх Павел, человек вспыльчивый, бешенный и звероподобный, разрушитель православия в Бессарабии, закрывший там боле 340 церквей, предавший огню тысячи церковно-богослужебных книг, напечатанных на молдавском языке, — внес страшную смуту в Грузинскую церковь. Вследствие интимных отношений к жене бывшего ректора Тифлисской семинарии, прот. Чудецкого (перемещенного вместе с ним из Кишинева), убитого грузином, он, при отпевании последнего, в надгробной речи проклял Грузинскую церковь, вследствие чего возбудил к себе неприязнь народа» (<*Дурново Н. Н.*>. Церковные вопросы в России... С. 86).

[432] *Глубоко прискорбный случай с ректором Тифлисской семинарии, протоиереем Павлом Чудецким, который проводил в семинарии мысли архиепископа Павла...* — Прот. П. И. Чудецкий (см. о нем также примеч. 433) был инспектором Кишиневской ДС (1878—1883), когда Кишиневскую епархию возглавлял архиеп. Павел, затем тот перевел Чудецкого в Тифлис. В некрологе последнему отмечалось: «...крепко любил покойного первосвятитель Грузии, высокопреосвященнейший Павел, и отличал всегда достойного мужа и незаменимого своего сотрудника» (Некролог отца ректора Тифлисской духовной семинарии протоиерея Павла Ивановича Чудецкого († 24-го мая 1886 года). Тифлис, 1886. С. 4). 24.V.1886 г. о. Павел был убит в своей квартире 19-летним грузинским юношей-сиротой Иосифом Лагиевым (Лагиашвили), исключенным из семинарии незадолго до ее окончания по случайному поводу — за чтение «Отечественных записок» (по др. версии — за найденные в его личных вещах дневник и какую-то книгу А. Ф. Писемского). Жестокое убийство ректора, печально известного, впрочем, провокационными отзывами о грузинском языке как о «собачьем», а потому запретившего в своей семинарии преподавание по-грузински, широко освещалось в газетах. См.: Дело об убийстве ректора Тифлисской духовной семинарии, протоиерея П. Чудецкого // Новое обозрение. <Тифлис>, 1886. 17 июля. № 856. С. 1—2; 18 июля. № 857. С. 2. **Г.-П.**, перепечатав в своей газете эту пространную «судебную хронику», снабдил ее «дипломатическим» заголовком «Двадцатилетний изверг», хотя очевидно, что он сочувствовал не только жертве, но и отчасти доведенному до умоисступления молодому убийце (*СИ*. 1886. 27 июня. № 174. С. 2; 1 июля. № 178. С. 2). См. также передовую статью **Г.-П.** по этому поводу

(Там же. 1886. 4 июня. № 151. С. 1—2). Известно, что имп. Александр III был удивлен, узнав, что Лагиева отправили на каторгу, а не казнили, но тот «не достиг еще полного совершеннолетия» (*Письма к Александру III*. Т. 2. С. 114).

[433] *...известного происшествия в Тифлисской семинарии, в марте 1885 года...* — Подразумевается произошедшее 12.III.1885 г. избиение прот. П. И. Чудецкого исключенным (по столь же ничтожному поводу, как и И. Я. Лагиев) из семинарии 24-летним Сильвестром Джибладзе, впоследствии видным меньшевиком, партийным наставником И. В. Сталина. Эта история отразилась на судьбе газеты **Г.-П.**: за публикацию корреспонденции о ней «Из Тифлиса» (*СИ*. 1885. 2 апр. № 88. С. 1; подп.: *К. К.*) «Современные известия» были приостановлены с 8 по 22.IV.1885 г. (назначенная месячная кара была сокращена вдвое благодаря заступничеству Т. И. Филиппова). Эта корреспонденция, датированная 19 марта, выделена в газете особым образом, так как занимает весь «фельетонный подвал» первой страницы. В ней рассказывается о неоправданно жестоких, унижающих личное достоинство воспитанников, порядках в Тифлисской ДС, приведших к тому, что доведенный до отчаяния один из семинаристов — С. Джибладзе (в статье он назван Финбладзе) — 12 марта напал на ректора о. П. И. Чудецкого и избил его. Общее сочувствие, по утверждению корреспондента, оказалось тем не менее на стороне Джибладзе, несмотря на его «зверский» поступок. Суть конфликта в том, что у Джибладзе, лежавшего в семинарской больнице с «опасной опухолью на ноге», инспектор нашел какую-то книгу Н. В. Шелгунова и захотел ее изъять. Тот отказался отдать, так как книга была одолжена «на стороне у знакомого». Через неделю, 9 марта, Джибладзе был исключен из семинарии и, как лицо уже постороннее, выброшен на улицу из больницы. Он вырос без отца и был единственной надеждой матери и сестер, бедствовавших в горной деревушке. Вся корреспонденция, таким образом, была проникнута состраданием «к больному сироте, доведенному до дикой выходки крайнею бестактностию и бессердечием своего начальства...» В статье обнародовались и другие случаи бесчеловечного отношения ректора к своим воспитанникам. Публикация ее была сочтена большой дерзостью со стороны **Г.-П.**, тем более что другие русские газеты представили лишь «официальную» версию избиения семинаристом Джибладзе «деятельного и трудолюбивого» ректора Чудецкого — с явным сочувствием к последнему и резким осуждением виновника происшествия. См., например, две корреспонденции «Из Тифлиса» от 13 и 23 марта в газете «Голос Москвы», близкой к славянофильскому направлению (1885. 21 марта. № 80. С. 4; 30 марта. № 86. С. 4; подп.: *Х.*), в которых живописалось: «Семинарист, схватив отца ректора за волосы, повалил его, бил ногами, тащил бедного по ступенькам лестницы со второго этажа на нижний. Так как ученики и учителя все были в классе, то дикий имеретин долго и беспрепятственно свирепствовал над неповинною жертвой» (№ 80. С. 4). См. также: Высочайшее повеление о наказании ученика Тифлисской семинарии // Там же. 11 апр. № 98. С. 3.

Существенно, что кара постигла гиляровскую газету по настоянию **П.**, о чем свидетельствует переписка последнего с недоброжелателем **Г.-П.**, начальником Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистовым. 3.IV.1885 г. он писал Феоктистову: «Посмотрите в нынешнем 88 № фельетон. Он очевидно писан с тем же расчетом, представляя в виде предосудит<ельном> для начальства крайне возмутительную историю мерзавца Джибладзе, исключенного из заведения: он бросился на ректора, повалил его, таскал за волосы и пр. <...> Рассудите, какой вред приносят подобные статьи, рассчитанные на возбуждение неповиновения начальству, и без того уже эпидемически распространившегося, особенно на Кавказе. Признаюсь, когда бы от меня зависело, я не заду-

мался бы дать „Современным известиям“ предостережение за помещение такой статьи, хотя бы в острастку другим» (*Письма к Феоктистову*. С. 517). **Г.-П.** узнал об этом и позже жаловался своему общему с **П.** знакомому И. П. Корнилову (видному чиновнику Министерства народного просвещения) в письме к нему от 20.VIII.1887 г.: «Победоносцев хотя и старый мой приятель и бывший всегдашний мой ходатай пред властями, теперь имеет против меня зуб. <…> Раз газета моя была приостановлена именно по ходатайству Победоносцева. Это было, когда при покушении на ректора Тифлисской семинарии у меня была помещена корреспонденция, советовавшая обратить и на другую сторону внимание. Благоразумие совета оправдалось последствиями, как Вам известно: ректора потом и убили; но газету тогда все-таки приостановили» (РНБ. Ф. 377. № 592. Л. 5—5 об.).

434 *…было бы произведено строгое и правдивое следствие…* — **Г.-П.** призывал к этому сразу после происшествия — см. окончание корреспонденции К. К., которое, однако, чувствительно затрагивает экзарха Павла (Лебедева): «Вообще нынешнее состояние Тифлисской духовной семинарии требует тщательной ревизии со стороны полномочного, беспристрастного и проницательного лица, могущего сказать всю правду, если бы она оказывалась горькою хотя бы для самого епархиального начальства» (*СИ*. 1885. 2 апр. № 88. С. 1).

435 *Немало ~ сослано по его просьбе в Россию ~ Кутаисский губернский предводитель дворянства Д. И. Кипиани…* — Речь идет о выдающемся деятеле национально-освободительного движения в Грузии, переводчике У. Шекспира и составителе грамматики грузинского языка, для ссылки которого был найден удобный повод. На похоронах Чудецкого экзарх Павел проклял грузинский народ, породивший «разбойника» Лагиева, и его Церковь. 8.VI.1886 г. Д. И. Кипиани обратился к экзарху с письмом-протестом, в котором выразил мнение глубоко оскорбленных этим поступком грузин. «Ваше Высокопреосвященство! — писал он. — Явите архипастырскую милость и отпустите прегрешение, если я впадаю в него, увлекаемый невероятною молвою, что она приписывает Вам произнесение проклятия над страною, которую Вы призваны пасти и которая поэтому могла ожидать от Вас только любви и милосердия, как от первосвятителя и представителя Христа. <…> Если все это правда, Владыко, то спасение Ваше и достоинство Вашего сана может заключаться только в неотложном удалении опозорившего из опозоренного края» (цит. по: <*Дурново Н. Н.*> Церковные вопросы в России… С. 86; см. другую редакцию этого же письма в копии, которую изготовил **П.** для Императора: *Письма к Александру III*. Т. II. С. 113—114). **П.** поддержал ходатайство начальника края кн. А. М. Дондукова-Корсакова и министра внутренних дел гр. Д. А. Толстого «о высылке Кипиани из края, чтобы дерзость эта не прошла безнаказанно и не ободрила других» (Там же. С. 113). 6.VIII.1886 г., по распоряжению имп. Александра III, Кипиани был отстранен от должности предводителя и сослан в Ставрополь, где его убили 24.X.1887 г. ночью при загадочных обстоятельствах. На третий день его прах был предан земле в пантеоне грузинских деятелей на горе Мтацминда.

436 «Новое обозрение» — ежедневная тифлисская «политическая, общественная и литературная газета», выходившая с 1.I.1884 г. по 17.III.1906 г. При ее основании стоял Н. Я. Николадзе, а с 1891 г. издавали и редактировали братья кн. В. М., Г. М. и К. М. Тумановы (Туманишвили).

437 *…экзарх Павел взял из Метехской церкви ~ заветную икону со всевозможными драгоценными камнями и мощами святых Грузинской церкви…* — Ср. фрагмент из Открытого письма грузин в Св. Синод (1894): «При экзархе Павле исчезла из Метехской церкви чу-

дотворная икона Метехской Богоматери (Вифлеемской), в золотом окладе, стоившем 50 тыс<яч> рубл<ей>. В нем было вложено множество св. мощей. Св. икона была под тремя замками. В 1891 г., при экзархе Палладии, она найдена на чердаке в той же церкви, без оклада. При экзархе Павле из ризницы Сионского собора исчезла чудотворная икона Ниноцминдской Божией Матери, на которой был многоценный оклад, из чистого золота» (цит. по: <*Дурново Н. Н.*>. Разгром Грузинской церкви // Русский стяг. 1907. 28 янв. № 4. С. 27). Отсюда видно, что речь идет о тифлисской, а не о горийской, как у **Г.-П.**, церкви. Метехская церковь Рождества Богородицы находится на левом берегу Куры и символически уподоблена собору, построенному на могиле Богоматери в Гефсиманском саду. Считается, что первый храм был возведен здесь в V в. В то же время был построен и собор на том месте, где ныне находится Сионский, названный в честь Сионской горы. Сейчас это кафедральный собор и резиденция католикоса-патриарха Грузинской церкви.

[438] *...в прошедшем 1885 году ~ поверенные священнослужители Екатеринославского епископа...* — Не вполне ясно, о каком именно владыке идет речь: 5.II.1885 г. скончался от апоплексического удара еп. Феодосий (Макаревский), пребывавший на Екатеринославской и Таганрогской кафедре с 23.VI.1871 г. На его место 16.II.1885 г. был назначен преосв. Серапион (Маевский), которому предстояло служить здесь до своей кончины, последовавшей 5.XII.1891 г. Предполагаем, что имеется в виду первый из них, живой и общительный владыка Феодосий, не чуждавшийся светского общества, а не преосв. Серапион, отличавшийся строгой подвижнической жизнью и в 1885 г. еще только входивший в курс епархиальных дел.

[439] *...сокровища архиерейской ризницы — дар Императрицы Екатерины II.* — Очевидно, имеются в виду богатые приношения правительницы своему любимцу — архиеп. Амвросию (Серебренникову), возглавлявшему Екатеринославскую и Херсонско-Таврическую епархию с 28.XI.1786 г. по 13.X.1792 г., — например, алмазный крест на клобук.

[440] *...трон колеблется и падает (как было в Румынии в 1865 г. и повторилось ныне в Болгарии).* — В 1865 г. Румынская церковь провозгласила себя автокефальной, что было признано Константинопольским патриархатом только в 1885 г. В Болгарском княжестве в июле 1887 г. произошла смена власти, которую взял в руки кн. Фердинанд I.

[441] *...владения ашантиев или зулусов. — Ашанти* (ашантийцы; самоназвание — *асантефо*, *асанте* — означает «объединяющиеся для войны») — народ группы акан. Живут в центральных районах Ганы (области Ашанти и Бронг-Ахафо). *Зулусы* — кафрское племя, живущее в Южной Африке.

[442] *...Сербия, Румыния и Греция наделены не без нашего согласия конституциею...* — Сербская конституция 1869 г., Румынская — 1866 г. и Греческая — 1844 г. приняты в этих странах при значительном влиянии прорусских партий.

[443] *...Болгария же получила конституцию прямо из наших рук, да еще в духе самом революционном.* — Тырновская конституция, принятая 6.IV.1879 г., в период Русского гражданского управления в Болгарии, разрабатывалась Народным собранием болгарских представителей и предварительно была согласована с петербургскими чиновниками и юристами; она содержала значительные по тем временам ограничения власти князя, допускала его избрание и действовала, с поправками, с апреля 1879 г. вплоть до 1947 г., за исключением двухлетнего периода (в 1881—1883 гг.), когда во главе исполнительной власти стоял князь.

[444] *...король-протестант Георгий I, вступивший в брак с православною великою княжною Императорского Российского Дома.* — Бывший датский принц (лютеранин), король Гре-

ции Георгиос I, 15.X.1867 г. женился на вел. кж. Ольге Константиновне, племяннице Александра II.

[445] *Народу болгарскому мы дали в управителя принца-протестанта…* — Александр Баттенберг, болгарский князь (1879—1886), племянник имп. Марии Александровны, был лютеранином и, по Тырновской конституции, мог не переходить в православие.

[446] *…бывший болгарский…* — Болгарские офицеры-русофилы, арестовав 9.VIII.1886 г. кн. Александра Баттенберга за его австро-германофильскую политику, заставили его отречься от престола и покинуть Болгарию.

[447] *Возникшее в 1881 году в Петербурге с самою благою целью Православное Палестинское общество…* — Ошибка памяти: Общество было основано 21.V.1882 г., в день памяти свв. равноап. Константина и Елены, как *Православное Палестинское общество*. В 1889 г. получило почетное наименование *Императорское*. Среди уставных задач — содействие православному паломничеству на Святую землю, научное палестиноведение и гуманитарное сотрудничество с народами Ближнего Востока.

[448] *…(…А. В. Елисеев*). — В одной из передовых **Г.-П.** так представлял читателям этого деятеля: «Известный наш путешественник А. В. Елисеев, объездивший весь ближайший Восток, начиная с Балканского полуострова и кругом, чрез Малую Азию, Аравию и Палестину…» (*СИ*. 1886. 10 окт. № 288. С. 2).

[449] *Шумадия* (от šuma — лес) — историческая область в Центральной Сербии, когда-то богатая лесами.

[450] *Восточная Румелия* — автономная провинция, сформированная из областей, расположенных к югу от Балканского хребта, и находившаяся под прямой политической и военной властью турецкого султана.

[451] *Русский посол в Константинополе гр. Н. П. Игнатьев…* — Гр. Н. П. Игнатьев был послом в Константинополе в 1864—1877 гг., он составл текст Сан-Стефанского мирного договора (см. примеч. 452); см. его мемуарные «записки»: «Сан-Стефано», «После Сан-Стефано» (обе: Пг: Тип. Т-ва А. С. Суворина «Новое время» 1916). В московском доме, принадлежавшем его супруге гр. Е. Л. Игнатьевой, **Г.-П.** в 1870-х гг. арендовал квартиру.

[452] *Сан-Стефанский договор* — предварительный мирный договор, заключенный в местечке Сан-Стефано (западный пригород Константинополя, ныне Ешилькёй в Стамбуле) 19.II.1878 г. между Россией и Османской империей и завершивший Русско-турецкую войну 1877—1878 гг.

[453] *…митрополит Московский Исидор I готовился привести церковь Русскую к подножию римского папы…* — Митр. Киевский и всея Руси в 1437—1442 гг. Исидор стал кардиналом Римско-католической церкви и пытался утвердить в Московском княжестве Флорентийскую унию.

[454] *Швабо-мадьяры* — зд.: австро-венгры, в частности — от старинного наименования немцев вообще *швабами*.

[455] *…Берлинский конгресс, сократив Сан-Стефанскую Болгарию…* — Берлинский конгресс (1.VI—1.VII.1878) — международная конференция, созванная для пересмотра условий Сан-Стефанского мирного договора (см. примеч. 452) в ущерб России и славянским народам Балканского полуострова, — завершился подписанием Берлинского трактата, согласно которому, в частности, Болгария была разделена на три части: вассальное княжество от Дуная до Балкан с центром в Софии, платившее ежегодную дань Турции; автономную провинцию Турецкой империи — Восточную Румелию (см. выше примеч. 450); Македонию, которая возвращалась Турции без каких либо изменений в статусе. **Г.-П.** в свое время в целом ряде программных передовых статей рассматривал значение Бер-

линского договора и его негативные последствия для судьбы России и европейских держав. Наиболее важные: *СИ*. 1878. 1—3, 5—8, 10, 11, 15, 16, 20, 25 июля. № 178—180, 182—185, 187, 188, 192, 193, 197, 202.

[456] *...под тяжкое швабо-мадьярское ярмо полтора миллиона сербов: в Боснии, Герцеговине и Ново-Пазарском округе...* — Австро-Венгрия добилась в Берлине разрешения на оккупацию Боснии и Герцеговины, а также права держать гарнизоны между Сербией и Черногорией — в Новопазарском санджаке, который оставался за Турцией. В письме к И. Ф. Романову-Рцы от 31.X.1886 г. **Г.-П.** упрекал его: «А удивительно, как Вы со всею пошлою толпою стоите за Сан-Стефанский договор, который и был если не первым, то самым крупным предательством. Почему Вы болеете за единство Болгарии, а не возмущаетесь раздроблением Сербии? А не Сан-Стефанский ли договор вонзил нож сербскому единству, отдав две сербские земли Австрии, а у Черной Горы отняв даже то, что ею было куплено кровью?» (*Письма к Романову-Рцы*. С. 244). В своей газете **Г.-П.** неоднократно подчеркивал, что в Сан-Стефано была утрачена надежда на соединение с боснийскими и герцеговинскими сербами (см., например: *СИ*. 1886. 25 февр. № 55. С. 1—2). Черная Гора (Черногория) по Сан-Стефанскому и Берлинскому договорам получила независимость и значительные территориальные приращения, которые, впрочем, ей пришлось отвоевывать у Турции.

[457] *Этот-то народ мы решились поддержать в его несправедливых требованиях...* — **Г.-П.** писал в одной из своих передовых статей («Москва, 17 августа. Дневное обозрение»): «...мы развращали болгар целые десятки лет, потакая преувеличенным мнениям их о своей национальности; мы воспитали это самомнение; можно сказать, что мы до известной степени должны создать эту национальность, которая о себе и не помышляла и себя не ведала. И хуже всего то, что воспитательный процесс этот проделывался нами без отчета о том, что мы делаем, и без определенной политической программы» (Там же. 18 авг. № 226. С. 2). И о том же в передовице «Москва, 19 августа: Дневное обозрение»: «Да, потерял право на сочувствие и заступничество наше этот народ. Припоминаем сказанное нами и неоднократно повторенное восемь лет назад: ни капли русской крови за них более, ни рубля; от них самих будет зависеть, достойны ли они свободы» (Там же. 20 авг. № 228. С. 1—2).

[458] *...наделили их революционною конституциею...* — Тырновской (см. примеч. 443). 15.XI.1886 г. **Г.-П.** писал о ней И. Ф. Романову-Рцы: «Вы говорите, что лучше бы уж не освобождать, чем давать глупую конституцию. Я согласен, да, — утверждаю и большее: не следовало сочинять и болгарской нации и начинять головы ее интеллигенции политическою блажью» (*Письма к Романову-Рцы*. С. 289).

[459] *Если Россия не отказалась от создания Великой Болгарии на чуждых народностях...* — **Г.-П.** писал Романову-Рцы 19.X.1886 г.: «Беда в том, что с легкой руки Венелина мы сочинили Болгарию и болгар, выдумали эту *национальность* (!), разожгли раздор славян с греками, ожесточили вражду болгар с сербами, сербов же обидели, оттолкнули, предали, — предали самых надежных и чистых друзей, черногорцев, — ради Болгарии! с Австрией вступили в дружбу опять ради Болгарии. <...> Болгары мечтают даже о возвращении камской Болгарии (!), не говоря о Южной России. Положим, это совершенная несбыточность. Но их претензии на Константинополь совершенно серьезны, и нет сомнения, нам пришлось бы драться с братушками из-за Босфора, тем более что эти претензии, проповедуемые в школах, подогреваются извне. / Русской партии нет в Болгарии. Это опять точно так же несомненно, как несомненно, что даже во время войны братушки держали себя преподло (из них были главные шпионы). Это народ эгоисти-

ческий, без идеалов; торгаш и скопидом, лишенный поэзии. Да и самый язык их, потерявший все флексии, антипатичен. <…> Скажу более: дай теперь болгарам в князья кого угодно, хоть даже русского великого князя, — он вынужден будет действовать против России или сойти с престола. В этом-то и была наша глупость: необходимо было если не оставить Болгарию под турками, то прямо обратить в генерал-губернаторство, пользуясь пассивностью народа и традиционным его благоговением к русскому Царю. Но самостоятельна<я>-то Болгария, неизбежно подпадающая под руководство своей интеллигенции, всегда нам враг и потому-то есть вторая Польша. В Польше народ так же за Царя, как в Болгарии, но при первом же случае шляхта взбунтует и народ против нас во имя своей независимости. Совершенно так же в Болгарии; и потому-то она есть вторая Польша. Покровительствовать ей, усиливать ее политическое значение — значит откармливать врага. Посмотрите даже сейчас, как бы не пришлось нам вторично покорять Болгарию, когда войска ее встретят нас (буде решимся на оккупацию) выстрелами» (Там же. С. 236, 237). **Г.-П.** подразумевает книгу историка Ю. И. Венелина «Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (М.: Унив. тип., 1829—1841. Т. I—II), представляющую собой не столько научное исследование, сколько публицистический славянофильский трактат, исполненный в романтическом ключе, — он оказал существенное влияние на формирование идеологии болгарского национального возрождения. *Камской*, или *Волжско-Камской, Болгарией* принято называть мощное феодальное государство в Среднем Поволжье и Прикамье, которое существовало в X—XIV вв. и территория которого впоследствии вошла в состав Казанского царства. Претензии болгарских националистов на *южные районы России* мотивировались тем, что в 1752, 1806—1812, 1830—1834 и 1860—1862 гг., в ходе борьбы против турецкого ига, часть болгар планомерно переселилась в Новороссию, Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую и Бессарабскую губернии. О фактах предательства среди болгар в период Русско-турецкой войны (зажиточные болгары отказываются продавать сено русским войскам, служат шпионами у турок и др.) **Г.-П.** неоднократно писал в 1877 г. (см., например: *СИ*. 1877. 14 сент. № 253. С. 1—2; 24 сент. № 263. С. 2). В письме к Романову-Рцы он отмечает, между прочим, отсутствие флексий в болгарском литературном языке, который, будучи сформирован только к середине XIX в., принадлежит к аналитическим языкам, поскольку в области грамматики характеризуется утратой склонения, наличием постпозитивного члена (-т, -та, -то), отсутствием инфинитива и др.

[460] *…народ, послуживший ~ к отделению Римской церкви от Вселенской православной…* — Об этом же **Г.-П.** размышлял в письме к И. Ф. Романову-Рцы от 31.X.1886 г.: «…не могу не указать на присутствие мистического в некоторой степени элемента в Болгарском вопросе. Вспомните, что те же болгары послужили если не прямо к разрешению, то к обнаружению разделения между церквами (Восточною и Западною). Историею суждено быть этой стране не только пунктом, на котором решается вопрос о судьбе Востока и Запада вообще, но и, в частности, местом, на котором должна совершиться проверка даже теорий философско-исторических и философско-политических» (*Письма к Романову-Рцы*. С. 345). Подразумеваются следующие события: в 864 г. был крещен «со всем народом» болгарский царь Борис I (в крещении Михаил; правил в 852—890 гг.), однако через два года, опасаясь, как бы церковная зависимость от Византии не перешла в политическую, он обратился к папе римскому Николаю I с просьбой прислать ему епископов и священников, которые вскоре вытеснили греческое духовенство. Тогда Фотий, патр. Константинопольский, в своем окружном послании обличил «латинские новшества» —

искажения Символа веры. Кризис закончился в 870 г., когда в Константинополе были назначены для Болгарии первый архиеп. Иосиф и 10 епископов.

461 *Константинополь был бы обузою для России.* — **Г.-П.** полемизирует с представлением, распространенным в консервативных политических кругах; его придерживались, как известно, и такие мыслители, как Достоевский и К. Леонтьев. О том же **Г.-П.** писал 3.XI.1886 г. Романову-Рцы: «Скажу еще, что собственно Константинополя Россия, по моему мнению, не только не должна добиваться, но обладание им принесет нам если не кончину и разложение, то величайшее бедствие и крайнее изнурение. Говорил я вскользь об этом в прошлом году; подробнее писал, помнится, в 1870 <...>. С нравственной стороны стремление к Константинополю есть чувство лакея, мечтающего поспать на постеле барина. „Москва есть Третий Рим“: слышите в этом изречении наших предков и гордость, и лакейство вместе? Тщеславиться преемством чему? Риму и Византии! Фу! Народ, так рассуждающий (представители этого направления — старообрядцы), отказывается от собственной личности в истории, отрицает существование собственных задач. Нью-Йорк не ниже Лондона, а во многом и выше его и имеет основание хвалиться собой по себе, а не тем, что его предки вышли из Англии. / Возьмем политическую сторону. Этот город без национальности, город-космополит, город развалин и грязи, город, наконец, которым обладать нельзя, не обладая на значительное пространство обоими полуостровами... Скольких миллиардов должно это стоить и сколько миазмов мы получим, начиная от фанариотов и самой Великой Церкви! А вот потому-то и нужен только Дарданелльский проход, только второй Гибралтар, который бы оберегал Черное и Мраморное море, Южную Россию и турецкую столицу» (*Письма к Романову-Рцы.* С. 262). **Г.-П.** имеет в виду серию своих передовых статей о неприкосновенности Турции для России: *СИ*. 1870. 4 нояб. № 304. С. 2; 13 дек. № 343. С. 2; 17 дек. № 347. С. 2. Сходных упоминаний о Константинополе в его публицистике немало. См., например, передовицы: 1) «Москва, 5 сентября. Дневное обозрение», где говорится: «...непосредственное обладание Константинополем более ослабит, нежели укрепит Россию...» (со ссылкой на английское издание «Pall Mall Gazette») (Там же. 1886. 6 сент. № 245. С. 1) и 2) «Москва, 17 декабря», где утверждается, что России не нужен Константинополь, а надо, чтоб проливы находились в «дружественных руках», так как «у нас нет открытого моря» (Там же. 1868. 18 дек. № 348. С. 1—2). **Г.-П.** отсылает, между прочим, к учению о Москве как главном мировом оплоте Православия и добра. Впервые пророчество о Москве как о Третьем Риме (восходящее к мысли о четырех царствах в Дан 2: 37—40) было произнесено ок. 1523 г. иноком Филофеем, старцем псковского Спасо-Елеазарова Великопустынского монастыря: «Да веси <...> яко вся християнская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство <...>: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти» (Памятники литературы Древней Руси, конец XV — первая половина XVI в. М.: Худож. лит., 1984. С. 452, 453). Упоминаемые в связи с Константинополем полуострова — Балканский и Малая Азия. Ср.: «Константинополь только у того в руках будет прочен, у кого в прямой или посредственной зависимости будут состоять и оба облегающие полуострова» (<***Г.-П.***>. Москва, 21 августа: Дневное обозрение // *СИ*. 1886. 22 авг. № 230. С. 2). *Фанариоты* — первоначально зажиточные греки, проживавшие в константинопольском предместье Фанаре, где находится резиденция патриарха; представители идейного течения в Греческой церкви, стремившегося возродить византизм и, исходя из этой цели, — огречить славянское население Балкан.

462 *Греческий народ ~ желает быть объединенным и составить Великую Грецию.* — Подразумевается так называемая Великая идея (Μεγάλη Ιδέα) — националистическая кон-

цепция греков, обосновывающая реставрацию Византийской империи с центром в Константинополе.

[463] *…в Безикской гавани…* — Неглубокая (12—18 м) бухта, расположенная в Эгейском море у западного побережья Малоазийского полуострова — напротив турецкого о. Тенедос и к югу от мыса того же названия.

[464] *…угрожала ~ блокадою…* — Имеется в виду морская блокада, посредством которой воюющие государства стремятся запереть своим флотом заливы, реки, порты неприятеля, дабы принудить его сдать удерживаемые им позиции. При этом останавливаются и берутся под арест все проходящие торговые суда и, следовательно, затрагиваются интересы не только враждующих, но и нейтральных стран, вследствие чего условия такой блокады регулируются международным правом — оно стремилось воспрепятствовать так называемой «бумажной», или фиктивной, блокаде, которую начиная с 1584 г. широко практиковали Нидерланды, а позднее — Англия: объявив неприятельское побережье в блокаде, воюющий задерживал и конфисковывал в открытом море все корабли.

[465] *…Греция ~ вступила в Фессалию и Эпир, но вскоре должна была отозвать свои войска обратно…* — 2.II.1878 г. в эти провинции был выдвинут греческий корпус в 12 000 человек, но уже через 5 дней ему было приказано вернуться, не только из-за требований дипломатов, но и в связи с тем, что Адрианопольское перемирие дало Турции возможность отправить войска в Фессалию и панцирный флот в Пирей.

[466] *…Каравелову, Др. Цанкову…* — В письме к Романову-Рцы от 19.X.1886 г. **Г.-П.** давал такую характеристику этим болгарским политикам, которых принято было считать русофилами: «„Русская партия“! Да кто во главе ее? Цанков — ренегат, точнее сказать, такой же атеист, как Каравелов, принявший папство некогда из видов, а теперь готовый еще двадцать раз переменить веру. Он только умнее других и потому держится русских, но цель у них всех одна и настроение одно» (*Письма к Романову-Рцы.* С. 236—237). Масон Д. Цанков был завербован католиками в 1855 г. и на их деньги издавал вестник «България», в котором велась активная униатская пропаганда; в 1859 г. он предлагал русскому посланнику кн. А. Б. Лобанову-Ростовскому сделку: прекращение антиправославной деятельности в обмен на денежное пособие от российского правительства (см.: ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. № 72. Л. 9—11); 19.XII.1860 г. подписался под актом унии с Римом, ездил в Ватикан, где из политических расчетов (в видах борьбы с панславизмом) принял католичество. Через некоторое время вновь присоединился к православию. П. Каравелов, с 1879 г. вождь либеральной партии, ратовал за уступки России, хотя стал одним из главных виновников межгосударственного отчуждения — из-за переименования Восточной Румелии (см. выше примеч. 450) в Южную Болгарию и ее воссоединения с Болгарским княжеством в результате военного переворота 6.IX.1885 г.

[467] *Россия — имеющая ~ родственную в Греции королевскую династию…* — Имеется в виду ветвь датских Глюксбургов на греческом престоле, основатель которой король Георгиос I, правивший в 1863—1913 гг., находился в тесных родственных отношениях с британской и российской династиями: его родной сестрой была российская имп. Мария Федоровна, жена Александра III, а супругой — племянница Александра II Ольга Константиновна (см. выше примеч. 444). Трое из детей короля — Александра, Николай и Мария — позднее, в 1889—1902 гг., сочетались браком с представителями дома Романовых, сблизивших два царствующих дома и усиливших русофильскую партию при дворе Георгиоса I.

[468] *…(…не сейгас, когда Греция не может вести вполне национальную политику и должна лавировать)…* — Экономическое положение Греции было крайне сложным, она зависе-

ла в финансовом отношении от Англии, у которой брала заем в 1832 г. Вместе с тем под нажимом западных держав и России Порта 6.III.1881 г. согласилась отдать Греции часть Фессалии к югу от р. Саламбрии и часть Эпира к востоку от р. Арты с городами Ларисса и Трикала; Греция же обязалась срыть укрепления Превеза и Пунта, охраняющие вход в залив Арто. Все это вынуждало ее правительство к лавированию.

469 *...переходящем из рода в род предании...* — Возможно, **Г.-П.** имеет в виду сказания, изложенные в популярном издании: Славная история Царяграда с его пророчествами и предсказаниями прозорливых мужей и мудрецов о будущем бытии его. М.: Тип. П. М. Мартынова и К°, 1878; 4-е изд.: 1898.

470 *...Седмихолмный град...* — достоверно известно, что Константинополь был городом на семи холмах (как и Рим) уже в начале V в., когда в 408—413 гг. для защиты от варваров при имп. Феодосии II были возведены вокруг него новые стены длиной 5630 м.

471 *...англо-американская протестантская коллегия Робертова в Константинополе...* — Роберт-колледж, независимая частная школа, был открыт в 1860 г. в Константинополе американскими филантропами-миссионерами С. Гамлином и К. Робертом.

472 *...до 1019 года.* — Точнее: до 1018 г. — времени падения Второго Болгарского царства.

473 *...в 1207 году македонские славяне под предводительством князя Добромира ~ заставили болгар очистить бульшую часть Македонии...* — **Г.-П.** имеет в виду полунезависимое княжество севастократора (высший придворный титул) Добромира Стреза в южной части современной Вардарской Македонии с центром в Просеке, существовавшее в 1207—1214 гг. (см.: *Дурново Н. Н.* Русская панславистская политика на православном Востоке и в России. С. 78).

474 *...эпирский деспот Феодор...* — Феодор I Ангел Дука Комнин, правитель Эпирского государства в 1215—1230 гг.

475 *...болгарский царь Асень победил его и в 1230 году покорил всю Македонию до Салоник.* — Имеется в виду Иоанн Асень II, болгарский правитель в 1218—1241 гг., принявший титул «царя всем болгарам и грекам»; в битве при Клокотнице между Пловдивом и Адрианополем (9.III.1230) он разбил войско эпирского деспота Феодора I Комнина и занял Македонию и Албанию. *Салоники* — то же, что Фессалоники.

476 *...сербский краль Милутин Неманич...* — Св. Стефан Урош II Милутин Неманич, правитель Сербии в 1282—1321 гг.

477 *...несчастной Коссовской битвы в 1389 году...* — Битва на Косовом (Коссовом) поле (в 5 км от совр. Приштины) — крупное сражение, разыгравшееся 15.VI.1389 г. между объединенными войсками Сербии и Боснийского королевства с турецкой армией, одержавшей решительную победу, которая ей, однако, досталась большой кровью.

478 *...народа сербского, который ~ страдает и в своем независимом отечестве ~ от австрийских друзей и своего короля...* — Сербский кн. Милан IV Обренович, король Сербии в 1882—1889 гг., после Русско-турецкой войны, в результате которой Сербия обрела независимость от Турции (1878), занял проавстрийскую позицию и в 1881 г. заключил с Австро-Венгрией торговый договор и тайную конвенцию, лишившие Сербию экономической и политической самостоятельности; поражением закончилась и развязанная Миланом IV Сербско-болгарская война (1885).

479 *...Арсения Иоанновича...* — Имеется в виду Арсений (Йованович-Шакабенда), патриарх Печский.

480 *...Австрийская Сербия, или Бокка-Котторская...* — Регион вокруг Которского залива («боки») (*черногор.* Бока Которска, *итал.* Bocche di Cattaro), крупнейшей бухты на Адриатическом море, окруженной территорией Черногории, а также Хорватии. В 1815—

1918 гг. Бока Которска находилась в составе Австрийской империи (с 1867 г. Австро-Венгрия), где была частью вассального Далматинского королевства.

[481] *…преданная Австрии императором Александром I в 1818 году…* — Неточность: Австрия вернула себе Боку Которску по итогам Венского конгресса 9.VI.1815 г. — как территорию, принадлежавшую ей по Кампо-Формийскому договору (17.X.1797) еще до Наполеоновских войн (1797—1805). Александр I представлял на конгрессе свою страну.

[482] *…Западный Банат.* — *Бана́т* (*рум.* Banat, *серб.* Банат, *венг.* Bánság) — историческая местность, разделенная между Сербией, Румынией и Венгрией (ей принадлежал упомянутый Западный Банат). Границы Баната определяются с трех сторон реками: на севере Мурешом, на западе Тисой и на юге Дунаем, а с четвертой, восточной, — Карпатскими горами.

[483] *…бестактным словам, сказанным ~ гр. П. Шуваловым ~ «Адресуйтесь к Австрии»…* — Гр. П. А. Шувалов в своей позднейшей Записке, написанной летом 1881 г. по-французски по просьбе А. А. Половцова, по сходному поводу признавался: «…я являлся противником панславистских тенденций, а также и последней войны» **(**П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. Т. 4 (59). С. 100**)**.

[484] *Нынешняя латино-протестантская династия в Румынии…* — С 26.III.1881 г. по 27.IX.1914 г. первым королем Румынии был Кароль I из немецкого католического дома Гогенцоллернов-Зигмарингенов, родственников царствовавшей в Пруссии протестантской династии Гогенцоллернов.

[485] *Соединением Восточной Румелии с Болгариею народ болгарский окончательно объединился.* — Объединение, совершившееся после множества бунтов в разных городах Восточной Румелии (см. выше примеч. 450) и военного переворота 6.IX.1885 г., поддержанного болгарским князем Александром I Баттенбергом.

[486] *…Анхиале ~ Мисимврии…* — Нынешние города Поморие (с 1934 г.) и Несебыр (с 811 г.) на черноморском побережье южнее Варны, античные колонии-крепости.

[487] *…(…книга А. В. Елисеева «С русскими паломниками на Св. Земле»)…* — Полное название и выходные данные: «С русскими паломниками на Святой земле весною 1884 года: Очерки, заметки и наблюдения» (СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1885. <2>, 365 с.). Эта книга вызвала весьма неоднозначную реакцию в России, — см., например: 1) *Денисов Л. И.* По поводу книги А. В. Елисеева «С русскими паломниками по Святой земле весной 1884 года». СПб.: Тип. «Обществ. польза», 1885. 77 с.; 2) <*Аноним*>. Правда по поводу книги А. В. Елисеева «С русскими паломниками на Святой земле весной 1884 г.» и газетных суждений о палестинских делах. М.: Тип. П. Коркина, 1886. 161 с.; 3) *Фоменко К. И., свящ.* Путешествия в Св. землю: По поводу кн.: «С русскими паломниками на Святой земле весной 1884 года. Очерки, заметки и наблюдения А. В. Елисеева. СПб., 1885 г.». Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1886. <2>, 34 с.

[488] *…начальнику Русской миссии в Иерусалиме, архимандриту Антонину…* — Антонину (Капустину), пребывавшему в этой должности с 11.IX.1865 по 24.III.1894 г.

[489] *…приобретать ~ участки земли на имя приближенных к нему арабов, причем в случае смерти о. Антонина все эти земли с постройками будут потеряны для России…* — Подозрения **Г.-П.** оказались неосновательными, поскольку закон Османской империи разрешал приобретение земли в собственность только частным лицам, подданным Порты, архим. Антонин ради приобретения православных святынь в собственность Российской империи разработал такую схему: в качестве покупателя выступал драгоман миссии Якуб Халеби (православный араб) и сразу после завершения сделки оформлял дарственную, якобы в уплату долгов, на имя архим. Антонина, который, в свою очередь, за-

вакуфил эту недвижимость (т. е. собственность не подлежала продаже или обмену до смерти Антонина, а затем переходила во владение Синода). Всего среди четырех десятков приобретений было куплено и законно оформлено 13 участков площадью около 425 000 $м^2$, стоимостью до миллиона рублей золотом.

490 *...во Свято-Гробском храме...* — Имеется в виду иерусалимский храм Воскресения Христова, или храм Гроба Господня, который стоит на том месте, где, согласно церковной традиции, был распят, погребен, а затем воскрес Христос. Первая церковь была заложена здесь царицей Еленой в начале IV в. Хотя храм поделен между шестью христианскими конфессиями, все же его главные святыни — Голгофа, Кувуклия, Кафоликон, как и общее руководство службами в нем, принадлежат православной Иерусалимской патриархии.

491 *...дружественного России патриарха Никодима...* — До своего избрания 16.VIII.1883 г. на Иерусалимскую кафедру Никодим в сане архиеп. Фаворского долгое время состоял патриаршим наместником (экзархом Всечестного Гроба) в Москве. Нападки на него в зарубежной печати были вызваны его просветительской деятельностью (за 7 лет он почти вдвое увеличил число народных школ) и энергичной борьбой с католической и протестантской миссионерской деятельностью в Палестине; кроме того, он активно занимался строительством церквей. Известно, что за богослужением он произносил многие возгласы и молитвы по-славянски. Обвиненный святогробцами в пророссийских настроениях, патр. Никодим был вынужден 11.VIII.1890 г. добровольно уйти в отставку.

492 *Признать законность Белокриницкой иерархии зависит от собора епископов и первостоятелей Православных автокефальных церквей.* — О том же писал Н. Н. Дурново, назвавший и других единомысленных в этом вопросе с ним и **Г.-П.** авторитетных богословов: «...митрополит московский Иннокентий, архиепископ Волынский Агафангел, епископ Чигиринский Порфирий Успенский, докт<ор> богосл<овия> протоиерей А. М. Иванцов-Платонов и некоторые другие правдивые мужи считали, что судить о законности старообрядческой иерархии может лишь законный собор иерархов, а не заинтересованный в деле Правительств<ующий> Российский Синод, состоящий из архиереев, подобранных синодским обер-прокурором и к тому же лишенных возможности высказывать свои собственные взгляды и мнения, не согласные с мнениями и воззрениями настоящего верховного главы Церкви, его высокопревосходительства г. синодального обер-прокурора. Архиепископ Агафангел полагал, что для признания старообрядческих епископов необходимо снестись с Вселенским патриархом Константинопольским, тем более что бывший Боснийский митрополит Амвросий принадлежал к Константинопольской патриархии» (*<Дурново Н. Н.>*. Церковные вопросы в России... Браила, 1896. С. 16).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Г.-П. — Н. П. Гиляров-Платонов.
П. — К. П. Победоносцев.
Ш. — кн. Н. В. Шаховской.

Названия учреждений

БАН — Библиотека Академии наук (СПб.).
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (М.).
ГЛМ — Государственный литературный музей (М.)
ДА — духовная академия.
ДС — духовная семинария.
ДУ — духовное училище.
ИАН — Императорская Академия наук.
ИАХ — Императорская Академия художеств.
ИППО — Императорское Православное Палестинское общество.
ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (СПб.).
МГУ — Московский государственный университет.
МСГЛА — Московская славяно-греко-латинская академия.
ОИДР — Общество истории и древностей российских.
ОЛДП — Общество любителей духовного просвещения.
ОЛРС — Общество любителей российской словесности.
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (М.).
РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (М.).
РГИА — Российский государственный исторический архив (СПб.)
РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (СПб.).
РСХД — Русское студенческое христианское движение.
ЦАК МДА — Церковно-археологический кабинет Московской духовной академии.
ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив г. Москвы.
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга.

Произведения печати

«Будь тверд и мужествен...» — Победоносцев К. П. «Будь тверд и мужествен...»: Статьи из еженедельника «Гражданин» 1873—1876; Письма / Под ред. В. В. Ведерникова. СПб: <Журн. «С.-Петерб. епарх. ведомости»>, 2010.

Вопросы веры и Церкви — Гиляров-Платонов Н. П. Вопросы веры и Церкви: Сб. ст. 1868—1887 гг. / Под ред. <и с предисл.> кн. Н. В. Шаховского. М.: Изд. К. П. Победоносцева, 1905—1906. Т. I—II.

Из пережитого. 2009 — Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого: Автобиографические воспоминания: В 2 т. / Изд. подгот. А. П. Дмитриев, И. Г. Птушкина, Л. В. Дмитриева. СПб.: Наука, 2009. (Лит. памятники).

Книга правил — Книга правил Святых Апостол, святых соборов вселенских и поместных и Святых Отец. М.: В Синодал. тип., 1893.

МВед — «Московские ведомости».

Неопознанный гений — Неопознанный гений: Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова: Ст., заметки, письма и выдержки, собр. и проред. Сергеем Шараповым. М.: Типолит. А. В. Васильева и К°, 1903.

Нечто — Р. С. Т. <Гиляров-Платонов Н. П.>. Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева: Нечто о Российской церкви в настоящее время (см. наст. изд.).

ПВ — «Правительственный вестник».

Переписка с Филипповым — «Случаям единомыслия бываю всегда рад...»: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова с Т. И. Филипповым / Введение, сост., публ. и коммент. А. П. Дмитриева // Историко-философский ежегодник'2008 / РАН. Ин-т философии; Отв. ред. О. В. Голова. М.: Наука, 2009. С. 326—369.

Письма к Александру III — Письма Победоносцева к Александру III: <В 2 т.>. <М.>: Новая Москва, 1925—1926. Подзагол. 2-го т.: С прил. писем к в. кн. Сергею Александровичу и Николаю II.

Письма к Романову-Рцы — «Многое тут разбросано искрами глубокой мысли...»: (Письма Н. П. Гилярова-Платонова к И. Ф. Романову-Рцы) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. П. Дмитриева // Возвращение Гилярова-Платонова: Сб. ст. и материалов / Коломен. гос. пед. ин-т; Отв. ред. В. А. Викторович. Коломна, 2007. С. 209—364.

Письма к Феоктистову — Письма К. П. Победоносцева к Е. М. Феоктистову / Вступ. ст. Б. Горева; публ. и коммент. И. Айзенштока // Литературное наследство. М.: Журн.-газ. об-ние, 1935. Т. 22/24. С. 497—560.

РА — «Русский архив».

РО — «Русское обозрение».

Сб. соч. — Гиляров-Платонов Н. П. Сборник сочинений. М.: Изд. К. П. Победоносцева, 1899—1900. Т. I—II.

СИ — «Современные известия».

Собрание мнений и отзывов Филарета — Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. М.: Синодал. тип., 1885—1887. Т. I—VI.

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Не приводятся ссылки на издания, упомянутые только в выходных данных библиографических записей и в Списке сокращений. Отсылки к одноименным изданиям, выходившим в разное время, даются в одном ряду. Аннотации к большинству указанных в данном списке изданий см. в комментариях.

СОДЕРЖАНИЕ

Приложение

Н. П. Гиляров-Платонов. Нечто о Русской Церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева. Нечто о Российской Церкви в настоящее время

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Научное издание

РАЗУМЕВАЮЩИЕ ВЕРОЙ

Переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860—1887)

Н. П. Гиляров-Платонов

Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева. Нечто о Российской церкви в настоящее время

Вступительная статья, составление, подготовка текстов и комментарии *А. П. Дмитриева*

Корректор *А. П. Дмитриев*
Компьютерная верстка *С. В. Степанова*
Художественное оформление *С. А. Гавриловой*
Подписано в печать 7.10.2011. Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура Октава. Уч.-изд. л. 34,0.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 800 экз. Заказ № 000.

ООО «Издательство «Росток»
E-mail: rostokbooks@yandex.ru
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: (812) 323–54–70

Отпечатано по технологии CtP
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.